АПОКАЛИПТИКА
СУРЕН ЦОРМУДЯН
ВТОРОГО ШАНСА НЕ БУДЕТ
Книга вторая
АД УЖЕ ЗДЕСЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Миссия, возложенная на Николая Васнецова и его товарищей, кажется не просто невыполнимой, а безумной, самоубийственной. Нужно с боями пересечь всю Россию, покрытую снегами ядерной зимы, с запада на восток и уничтожить сверхоружие последней мировой войны, которое вот уже двадцать лет действует автоматически, творя планетарную катастрофу.

Преодолев Уральский хребет, маленький отряд отчаянных смельчаков рвется вперед, к далекой загадочной Аляске, где их ждет момент истины. Либо они завоюют для человечества зыбкий шанс на спасение, либо прозвучит финальный аккорд и все будет кончено.

- Сурен Цормудян
  - 37. УРАЛ
  - 38. ВНУТРИ
  - 39. ЭХО БЫЛОГО
  - 40. КОЛЫБЕЛЬ
  - 41. БРАТСТВО
  - 42. КОНВОЙ
  - 43. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДИКТУЮТ
  - 44. ЯМА
  - 45. КАТИН ГОРОД
  - 46. ИНСТИНКТ
  - 47. ПАНДЕМОНИУМ
  - 48. МОЖЕТ И МЕССИЯ
  - 49. АД УЖЕ ЗДЕСЬ
  - 50. ПТИЦА
  - 51. РЫВОК
  - 52. ДВА ТИРАНА
  - 53. РЕЖИМ
  - 54. СТАРШИНА
  - 55. СМЯТЕНИЕ
  - 56. ЛЕГИОН
  - 57. ЛЕНА
  - 58. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ
  - 59. 593
  - 60. ALASKA
  - 61. HOSPITALITY
  - 62. THE LAST HOPE
  - 63. DIALOGUE
  - 64. DEMOCRACY

- 65. THE LAST IVAN
- 66. THE GREAT INQUISITOR
- 67. WOUND
- 68. WAR
- 69. H.A.A.R.P
- Эпилога не будет

Сурен Цормудян
Второго шанса не будет

37. УРАЛ

Он никак не мог уснуть. Давило все. Холод от нарушенной взрывом и боем системы теплоснабжения Вавилона. Давила пульсирующая боль в висках. Мысли об отце. Всплывающие кровавые картинки недавнего боя и шок от самого себя в том бою. Давила кромешная тьма в этом помещении и храп Сквернослова. Не давала покоя ссора с Людоедом и сама мысль об убийстве ради милосердия, которая, скорее всего, в лучшем случае была кощунственной. Мысли и образы проносились в голове, словно горящие вагоны метропоезда, который он наблюдал в своем странном видении тогда, в метрополитене Москвы.

Он думал о том, что было бы для него предпочтительнее, будь он тем прикованным к постели девятилетним сыном Артема-Ветра. Николай часто ловил себя на мысли о бессмысленности жизни. Точнее не жизни, а существования, которое они все влачили последние два десятка лет. Но разве мало было людей обреченных и выброшенных на обочину жизни до ядерной войны? Помнится, профессор Третьяков говорил о таких людях, тогда, ночью на девятом посту. Перед тем как в их жизнь вторглись два теперь уже мертвых космонавта на своей чудо-машине. Он говорил об отвергнутых обществом людях, число коим было легион и которые несмотря ни на что цеплялись за жизнь и после ядерной войны оказались наиболее приспособленными к новым условиям и обуреваемые жаждой мести к выжившим представителям отвергнувшего их когда-то общества. Но что значить быть парализованным и обездвиженным? Это неописуемо страшно, но разве он позволил бы кому-то другому решать за него, жить ему или нет? Даже не в силах свести счеты с собственной жизнью, он врядли желал бы возложить право решать за него на кого-то другого. Даже на собственного отца. Но и его отец не стал бы даже задумываться о таком. Нет. Только не его отец. «Ты, сынок, живешь в раю и это главное» — говорил он когда-то. Да. Там в Надеждинске рай по сравнению с тем, что он видел всю дорогу. Даже по сравнению с шумным и наполненным жизнью, до нападения вандалов, Вавилоном. Нет. Он, Николай был не прав. Даже больше чем не прав. Он теперь стал ощущать то чувство стыда, которое за последние дни стал совсем забывать. И Николай поймал себя на мысли, что он испытывал сочувствие либо к уже мертвым, таким как Рана, Ульяна, безымянная проститутка-людоедка, Андрей Макаров и Юрий Алексеев, Туранчокс и его девица, вавилонский боец, выгнанный им под пули, либо вообще неодушевленные вещи. Тот же плюшевый

медведь. Но к живым он не питал столько сострадания. И казалось мысль о том, чтобы лишить инвалида жизни родилась лишь для того, чтобы потом жалеть уже мертвого мальчугана в полную силу. Он вдруг понял, что видит в живых не то чтобы конкурентов, но угрозу. В нем проснулся какой-то дикий инстинкт борьбы и естественного отбора… Как же прав был Людоед, когда говорил что брать в путешествие женщину — гибельно для самой миссии. Теперь это очевидно. Отношения и так в группе напряжены, хоть группа и поредела на треть. Но появись среди них женщина — это стало бы концом для всей миссии, а может и для них для всех. Хотя, провал миссии и есть конец всему. Да, в прозорливости Ильи можно не сомневаться. Да ведь он сам весьма бурно отреагировал на появление в баре лисиц-амазонок и оставил своих товарищей, чувствуя растущую в нем, как снежный ком, волну агрессии.

Как же медленно тянется время… И как же громко храпит Славик… Черт побери…

Оставалось сожалеть, что он не прихватил из лунохода записную книжку дяди Володи. Можно было скоротать время за чтением. Хотя в такой темноте…

Он уже не знал, какой по счету час всматривается в потолок этого гостиничного номера. Однако к своему удивлению он отметил про себя, что стал различать детали интерьера. И это в абсолютной темноте. Может это просто мозг рисует в воображении то, что охватил взгляд, когда они вошли в комнату с керосиновой лампой? Может он вовсе не видит, а лишь рисует проекции в сознании? Но нет. Вот на соседней койке лежит на боку Варяг. За ним Сквернослов. Койка Людоеда пустовала. Где его носит опять? Ах да… Он же вроде собирался потолковать с Ветром… Он вроде выходил… Выходил…

Дремота, наконец, вошла и в сознание Николая. Даже страх перед тем, что он увидит во сне всех кого убил сегодня, или уже вчера, не помог бодрствовать. Он провалился в сон, как тогда, в подмосковном лесу провалился в подвал метеостанции. И там встретил сталкеров…

— Куда мне идти? Что делать? — тот вавилонец, которого он обругал и, отправив воевать, кинул в объятия смерти, возник из ниоткуда.

— Что ж ты так неосторожно, — лениво пробормотал Васнецов. — От тебя живого толку больше было бы.

— А куда идти? Что делать? — повторил боец.

— Ну, теперь уже не знаю. Извини.

Вавилонец исчез. Но в темноте теперь проявлялась ровная шеренга незнакомых ему людей. Видны были только лица.

Мужские и несколько женских. Разных возрастов, но с одинаково пустым взглядом. Ничего не выражающие лица мертвецов. Это убитые им вандалы? Кто-то шел за их спинами, проводя забинтованной в грязную тряпку рукой по плечам мертвых.

— Рана! — взволнованно прошептал Николай.

Она вышла, вперед держа в другой руке большую плетеную корзину.

— Рана, что это у тебя?

— Это колыбель…

— Что?

— Колыбель новой жизни, — шептала девушка. — Дай жизни шанс.

— Но ведь за этим мы и идем на Аляску. — Развел руками Васнецов.

— Только не забывай о том, что вы должны сделать. Сделать… Колыбель новой жизни…

Она теперь держала корзину на вытянутых руках.

Николай осторожно приблизился к ней и заглянул в корзину. Там накрытый белым теплым одеяльцем лежал тот самый плюшевый мишка. Васнецов осторожно потянул одеяло на себя и вдруг, в мгновение ока корзина превратилась в сгоревший вагон и из него выскочила черная тень и бросилась прочь. Николай в ужасе отпрянул, вспомнив как он ходил в метро и как из вагона выскочил черный обуглившийся скелет… Или ему тогда показалось что это скелет?

— Что за чертовщина! Что это?! Рана! Рана, где ты?!

— Я тут мой мальчик… — зашипела она прямо в ухо. — Я тут…

— Это что, такой… такой жизни я должен дать шанс?

Девушка обняла его, сковав мертвецким холодом.

— Жизнь, Коленька, какой бы она не была, лучше смерти. Жизнь, это жизнь!

— Ты о чем вообще? О сыне Артема?

— Я о жизни вообще. Дай жизни шанс. Смерть неизбежна, но жизни должна жить…

— Перестань! — он вырвался из объятий, — Прекрати сейчас же! Перестань меня мучить! Я не понимаю что ты говоришь!

Он сильно надавил ладонями на глаза, надеясь проснуться, но вдруг услышал скрип. Качели, черт их подери!

Васнецов осмотрелся. Он стоял на улице какого-то города. Точнее среди тлеющих руин. Вокруг груды бетона и кирпича. Огрызки стен домов. Столбы черного дыма то тут, то там, тянулись ввысь, к еще не затянутому вечными тучами небу, но уже измазанному пеплом ядерного удара. Всюду люди. Или

обезображенные обгоревшие тела, беспорядочно лежащие в руинах и среди улиц. Многие обгоревшие до костей. Есть и живые. Их тоже немало. Одни сидят на обломках кирпича и бетона и смотрят в пустоту. Кто-то бродит в дыму и что-то ищет. Все в лохмотьях, изранены, кто-то с вытекшими глазами и выгоревшими волосами. Слышен плачь. Зов. Крики боли. В центре просторного дворика скрипят погнутые от жара качели. Обгоревший, но еще живой пес. Контуженный и ошарашенный произошедшим, стоит и шатается, как пси-волк пытающийся обратить жертву. Вся эта картина свершившегося апокалипсиса пугало так, словно он и не жил вовсе в условиях порожденных этим самым апокалипсисом.

— Коля? Коля, это ты?

Васнецов обернулся. К нему подошел Андрей Макаров.

— Колька, ты, что тоже умер? — удивленно спросил космонавт.

— Я, — Васнецов опешил, — Нет, вроде… Не собирался, во всяком случае…

— А я вот… Да ты и сам все видел тогда… Горько, погибнуть от рук родной кровинки, — Он вздохнул. Я искал ее, искал тут. А ее нет нигде. Не могу найти. Представляешь… Я вот даже жену свою нашел… Только вот… Она меня не узнает совсем. Смотрит мимо. В пустоту. И совсем не признает. Больно-то как. Вот живешь с болью и терпишь. Думаешь, ничего, боль преодолею. А ежели что, то у каждого из нас есть козырь в рукаве, который бьет любую боль и страдания.

— Что за козырь?

— Смерть, Коля. Для живого смерть это еще и средство против боли. Но это пока ты жив. А после смерти боль, это страшно… Ведь после смерти, смерти нет. Есть только вечность и никуда ты от этого не денешься. Вот что такое настоящая боль. Больно, что дочку найти не могу. Больно, что жена меня не признает. Эх, ладно. Что я о себе все. Как вы там без меня? Докуда добрались?

— На Урале вроде как…

— И только? Хотя… У меня тут чувство времени… Нет точнее тут никакого времени. Я же говорю, вечность. А как Юрка там?

— Юра? — Николай тяжело вздохнул, — Юра погиб.

— Погиб?! — воскликнул Андрей, — Как же… А почему я его тут не встречал? Как он погиб?

— Ранен был, тяжело. Гангрена началась. Он застрелился.

— Ах вот оно что… Так он наверное, сразу в ад попал… Самоубийца…

— Что?! Как так? Он же уже, по сути, мертв был! Только от

мучений себя избавил! — разозлился Васнецов.

— Не шуми, Колька. Человек предполагает а Господь располагает.

— Чушь! Чушь это все, понял! И если он попал в ад, то где ты сейчас находишься?! Это что, рай?!

— А рая нет, братец, — усмехнулся космонавт.

— То есть?

— Рай мы сожгли. Это, что ты сейчас видишь, это день икс. Тот самый чертов день. Это стало нашим чистилищем. А рай мы сожгли. Во всяком случае, закидали дорожку трупами и, хода туда человекам больше нет.

— Это все неправда. Я ведь сплю. — Поморщился Николай.

— И сколько людей так думали, когда все началось? Да ладно, ты главное не бери в голову. Ты главное, закончи то, что мы начали. Дойди до этой установки.

— Ага, дать жизни шанс…

— Да. Жизни… Шанс… А я вот тут не знаю, куда мне теперь идти. И что делать…

Земля под ногами завибрировала. Послышался приближающийся гул.

— Это еще что такое? Эй… Андрей!

Макаров уже уходил по руинам куда-то в дым.

— Счастливо тебе Коля! — кричал он сквозь гул, — Мы еще увидимся! Только пусть для тебя это будет не скоро! Живи пока жив!

Улицы разрушенного города разверзлись как клубы дыма и пара, и сквозь туман на Васнецова мчался огромный поезд. Подобный тому, что катил на мосту в Котельниче, или из детских кошмаров, о которых перед смертью поведал Алексеев.

Николай бросился прочь, но ужас был в том, что куда бы он не бежал, невидимые и затерянные в дымке железнодорожные пути все равно оказывались под его ногами и поезд неумолимо мчался на него.

— Нет! Нет!!! Не-е-ет!!!

Огромная масса настигла его и слилась с ним, давя немыслимой тяжестью и свербя разум грохотом и лязгом колес.

— Черт! — Васнецов уселся на койке, растирая лицо холодными ладонями, — Черт тебя подери! — Он огляделся. Кромешная тьма комнаты… Хотя… Нет, это огромное помещение. Какие-то столы массивные… Шкафы… Колбы… Большие колбы… Вдалеке здоровенная гермодверь…

— Где я? — пробормотал он. — Что это?

— Ко-о-оля… — эхом пронесся под потолком знакомый голос.

— Кто здесь?

— Коля! Смотри, чтоб эта дверь была закрыта! Всегда! Не открывай ее!

— Что? Отец!!! Папа!!! Это ты?!

— Не открывай эту дверь!!!

— Что за дверь?!

— Коля! Коля! Да проснись же уже, наконец, черт тебя дери! — Людоед еще раз тряхнул спящего Васнецова.

— А?

— Бэ! Просыпайся! Пора уходить!

— Фу… — Выдохнул Васнецов и уселся на край кровати, глядя на керосиновую лампу.

— Что, опять приснилось что-то? — усмехнулся Вячеслав.

— Н-да… — Николай кивнул.

— Бабы? — Сквернослов подмигнул.

— Да иди ты к черту.

— Да лучше бы бабы, — Покачал головой Варяг, — Судя по твоему выражению лица, лучше вообще ничего бы не снилось…

— Это точно, — Вздохнул Васнецов.

— Так, камрады, последняя возможность, — Произнес Крест, оглянув всех.

— Слушай, Илья, ну ведь уже все решили. Забыл, что Ветер сказал?

— А ты забыл, кто я есть? Вот этого Ветер совсем не учел. Он же не знает, с кем имеет дело. Я тут могу за сутки все уладить.

— Вот завелся-то! — нахмурился Яхонтов, — Ну мы ведь все решили!

— Ну, спалим этот ХАРП. А порядок навести? Так если по пути и сподручно…

— Какой к хаосу порядок?! А?! Может, хватит распалять свои силы и время? Далась тебе местная революция? Или жажда крови опять? — поморщился Варяг.

— Я крови насмотрелся, брат. И нахлебался, будь здоров. А справедливость?

— Наша цель. Вот справедливость. Остальное мышиная возня. Тем более мы и так сделали им большое одолжение, воевав за них. Чего, по сути, делать были не обязаны.

— Да ты погоди, Яхонтовый мой. Не торопись. Я выяснил, что тутошний администратор в моем черном списке. Ну, помнишь про артель ассасинов? Это что же получается, кто был в князьях до заварухи, тот у руля и остался? Как это, справедливо? Да была бы не Россия, так черт с ними. Их проблемы. Но это все наша страна…

— Илья, Кабан сам справится. Не лезь. Я согласен с

Варягом, — вставил реплику Сквернослов.

— Слушай, Ахиллес, — пробормотал Николай, — Мой отец тоже ведь в артели вашей состоял… Состоит точнее. И когда он был тут, он отчего-то не убил администратора. Значит и нам не стоит. Пусть сами разбираются в своей кухне.

— Три голоса, против одного, — усмехнулся Варяг. — Так что брат собирай вещички.

— Ну, вы и амебы, — хмыкнул Крест, — Ну да черт с вами. Вещички уже собраны. Прем через горы?

— А молохиты эти? — возразил Вячеслав.

— Чего, испугался баек местных? — покачал головой Илья. — Надо через горы напрямик. Во-первых, так короче…

— Конечно через горы, — кивнул Васнецов. — Отец туда ушел.

— Коля, твой отец был моим другом, но мы сейчас не его ищем. Ты это понимаешь? — вздохнул Яхонтов.

— Не был. Есть.

В комнату вошел Ветер.

— Ну, что, готовы?

— Да, Артем, выходим уже, — кивнул Людоед.

Они двинулись по расчищенным уже от трупов, но не освобожденным пока от завалов и обломков улочкам Вавилона к выходу. Уставшие от последних событий охранники на входе были предупреждены Ветром об уходе группы его товарищей и сидели в своей коморке.

— Ну, что Артем, спасибо тебе за все. — Вздохнул Варяг, протягивая ему руку.

— Это мне то? Ребята. Вам спасибо. Очень вы Вавилону помогли.

— Ветер, — пробормотал немного сконфужено Николай, — Ты это… Прости за мои слова. Насчет сынишки твоего.

— Да ладно, Коля. Бог простит. А я и подавно, — он улыбнулся.

— Ты что, веришь в Бога после всего?

— После чего именно? — удивился Ветер.

— После всего что произошло и происходит. После того как он отнял у тебя супругу и после болезни твоего сына.

— А в этом виноват Бог или люди? А? — Артем невесело усмехнулся.

— Но страдает невинное дитя. Он в чем виноват?

— Страдания, именно невинных, помогают людям задуматься о себе. И быть человечнее. В хорошем, конечно, смысле этого слова. Понимаешь?

— Нет, — категорично мотнул головой Васнецов.

— Ну-у… — Ветер развел руками.

— Да ладно вам, — хмыкнул Людоед, — Не знаю как насчет Бога, но дьявол точно существует.

— Да? С чего ты взял? — Сквернослов уставился на Илью, уже очевидно зная ответ.

— Да я и есть Сатана! — засмеялся Людоед.

— Креста на тебе нет, — покачал головой Яхонтов.

— Хорошая шутка. Ценю. — Крест подмигнул ему и, хлопнув по плечу Артема, добавил, — Спасибо брат за участие. Удачи тебе и сынишке.

Они направились к двери. Замыкал процессию Васнецов.

— Коля! — окликнул его женский голос.

Он обернулся. Это была Лера. Она теребила ладошкой свой кулак и с волнением смотрела на Николая.

— Коля… Вот и ты уходишь, как твой отец. — Вздохнула она.

— Как ты узнала?

— Ветер сказал.

— Неосторожно с его стороны, — Васнецов бросил на Артема осуждающий взгляд.

— Коля… Коленька… Ты береги себя, ладно?

— А тебе то что? — пробормотал Николай.

— Зачем ты так? — она обиженно отшатнулась, — Ты мне добрее показался…

— Был бы я добрее, вы бы проиграли вашу битву за Вавилон.

— Ты что же, думаешь, мы победили только благодаря тебе? — Лера усмехнулась.

— На кону стоят остатки всех выживших. И жизни все зависят от меня. Ваш город на фоне этого лишь крохотный мазок. Так-то деточка, — Васнецов недобро оскалился.

— Ну, что ж, удачи тебе в твоей великой миссии, — Иронично сказала она и, повернувшись, пошла прочь.

— Удача нужна убогим! Я без нее справлюсь! — огрызнулся Николай и быстро направился к выходу, желая выйти из города раньше, чем искушение догнать ее и извиниться за грубость переборет его.

— Н-да, Коля, эдакая ты циничная скотина, — хмыкнул Людоед, почесав затылок.

— Просто ему есть, у кого поучиться, — Варяг хлопнул Илью ладонью по спине и они оба засмеялись.

— Мужики, я вас ненавижу, — беззлобно проворчал Сквернослов.

***

Они добрались до спрятанного в лесу лунохода быстрее, чем шли от него к Вавилону. Благо теперь не надо было идти в гору, а наоборот. Тщательный осмотр местности вокруг машины и самого лунохода показал, что все чисто и никого тут не было, кто бы мог оставить неприятный сюрприз в виде засады или банальной мины-растяжки.

Варяг сел за руль. Рядом расположился Людоед. Николай и Вячеслав заняли пассажирский отсек. Странное и приятное чувство охватило разумом Николая. «Я дома» — мысленно повторял он, с удовлетворением отметив, что и записная книжка его дяди и потерянный кем-то плюшевый мишка лежат на месте. Луноход, лесом обходя Вавилон, двинулся в горы. Наконец-то они достигли Уральских гор, которые, как, оказалось, таили в себе много тайн, опасностей и быть может, историю последних дней жизни Николая Васнецова старшего.

— Как думаешь, Колян, отец еще жив? — тихо спросил Сквернослов.

— Верю в это, — пробормотал он в ответ.

— Странно как-то. Вроде смирились. Столько лет прошло. А тут растеребили рану. Посеяли в душе надежду. Только как нам его найти?

— А никак. С другой стороны шансов услышать о нем ведь тоже не было. А мы услышали. Если повезет… Ну а если нет, так будем жить с мыслью что и он жив. Во всяком случае, среди мертвых я его не видел.

— Что?

— Да так, — Васнецов отмахнулся. — Сон дурной приснился.

Луноход медленно поднимался по заснеженному склону, который становился круче. Уже занялся отгороженный от людей тучами рассвет. Николай почувствовал, что из-за уклона машины начинает соскальзывать по сидению к корме и уселся у аппарели.

— Варяг! Справа! — послышался возглас Людоеда.

— Вижу, — ответил Яхонтов.

— Давай газку подбавь!

— Да не может он в горку быстрее.

Николай и Вячеслав прильнули к смотровой щели. Метрах в ста или меньше, они увидели колонну людей. Их было несколько десятков. Часть на паре больших саней. Остальные эти сани тянули. Многие видимо были ранены. Белые маскхалаты и маски говорили красноречиво — это вандалы. Только вид у них был сейчас не воинственный. Вся процессия представляла собой жалкое зрелище мигрирующих людей, покинувших свой дом из-за безвыходности своего положения. Сейчас колонна остановилась, видимо услышав позади гул лунохода. Они смотрели на странную

машину с недоумением и возможно страхом. Кто быстро достал из саней гранатомет, но другой, положив ему ладони на оружие, упредил от опрометчивых действий. Гранатометчик опустил руки и смотрел в след луноходу.

— Слышишь, Колян, а может мы не за тех воевали? — тихо пробормотал Сквернослов. — Тебе сейчас так не кажется?

— Мы воевали за себя, — ответил Васнецов.

Машина перекатила за большой выступ на склоне, и растерянные вандалы пропали из виду.

— Кажется, пронесло, — пробормотал Варяг.

— Наверное, — ответил Людоед, — Как тут антенны выдвигаются?

— Зачем?

— Помнишь про радиосигнал, о котором говорил Юра? Ну, тот, что корабль их засек?

— Помню, и что?

— Он ведь отсюда, из гор шел. Так? У меня есть мыслишка. Это закрытая ГЛОНАССовская частота. Обычной радиостанцией его не запеленгуешь. Я пообщался с Ветром на счет того, не ловили они сигналов каких случайно. Короче обычные рации у них есть, но они далеко не бьют. Много помех в атмосфере. И не ловят они ни черта. Следовательно, сигнал не их был.

— Ну, понятно. И что дальше?

— Так вот, на случай особого периода руководством нашего тайного общества были заблаговременно сделаны схроны по всей стране. И маячки в них на особой ГЛОНАССовской частоте. Я знаю, что на Урале есть такой схрон. Никому обо всех тайниках не говорили. Только тайники в зонах ответственности. Моей зоной был северо-западный регион. Но пока я из лодки выбрался да в метро ошивался, разорили их коллеги мои по артели. Однако мне перед смертью один товарищ рассказал о тайнике на Урале. Тут была зона его ответственности, но он на задачи артели наплевал и в Москву подался, как все началось. Мать с отцом искал. Облучило его в метро сильно. Но он мне рассказал о тайнике. Успел. Тут плотность населения небольшая была и выживших тоже мало, по сравнению с северо-западом. Следовательно, и тайники уцелели. Вот это и был сигнал от тайника. Тайник где-то в этом районе. Я же говорил, помнишь? НА урале боеприпасами разжиться сможем. Мы должны были находить тайники через персональные портативные ГЛОНАССовские передатчики. А связь то спутниковая, но спутники все сразу посшибали. Только этот лунный модуль и остался. Понимаешь?

— Ты хочешь запеленговать напрямую?

— Конечно. Тут уже близко. Может и напрямую получится. Тем более что спецсвязь этому аппарату доступна, учитывая то, что он должен был на самом деле делать на луне. А если напрямую не получится, то может с кораблем свяжемся.

— Толково задумано, странно правда, что маяк до сих пор работает, — Хмыкнул Варяг, — Вот эти две кнопки.

— Так. Сейчас.

В корме зажужжали приводы выдвижных антенн.

— Ну что? — спросил Яхонтов.

— Погоди. Не так быстро.

— А что там вообще в схронах?

— Да в том то все и дело, что я не до одного целого схрона не добрался. Вроде в метро был еще схрон но его не то морлоки не то оборотень разорили. Знаю что там экипировка, боеприпасы, оружие, приборы, медикаменты. Все для сказочной жизни короче. Ну и функционирования в особых условиях. Слушай, давай на тот хребет заешь. Может гора мешает. Оттуда просканируем.

***

Величие гор не могло не завораживать. Вершины тонули в серых тучах, которые стали еще ближе. Огромные массивы, вырастали, повинуясь титаническим силам природы и, самые высокие пронзали непроницаемый свинцовый свод, выпуская свои вершины в царство солнечного света. Крохотная машина терялась в неровностях и замерзшей хвойной тайге на поверхности гор, подтверждая ничтожность человека перед могуществом природы. Но когда-то человек смог доказать, что он способен нанести сокрушительный удар всему живому… Однако сейчас величавые Уральские горы с равнодушием взирали на крохотную коробочку, ползущую по склону одной из них. Эти горы простояли тут сотни миллионов лет. И для этого срока возраст человечества лишь краткий миг. Но сейчас все могло завершиться. И для людей и для гор и для всей планеты.

Но они продолжали невозмутимо выситься над миром и встречать гостей в гордом безмолвии. Безмолвии?…

— Есть!!!

Николай вздрогнул и через окошко уставился на Людоеда.

— Есть сигнал!!! — кричал тот. — Соседняя гора, Варяг! Вот это удача!

Луноход помчался по склону вниз к соседней горе. Приходилось замедлять ход, поскольку заросли хвойного леса, давно растерявшего хвою, становились все гуще. Еще пару часов

ушло на подъем. Они оказались на массивном скальном уступе, торчащем в сторону большой Азии. Склон с той стороны был практически свободен от растительности. Только небольшие рощи клочками торчали из снега. Но здесь густота деревьев уже не позволяла двигать дальше на машине. Найдя подходящую расщелину перед уступом, Варяг припарковал машину там и дальше они пошли пешком. Идти пришлось еще полтораста метров, пока их не встретил запорошенный снегом и почти не заметный вход в пещеру среди скальных образований. Людоед посветил внутрь фонарем.

— Оружие приготовьте. Не забывайте про этих молохитов. — Сказал он, обернувшись и, двинулся в пещеру.

38. ВНУТРИ

Каждый следующий шаг в темноту добавлял напряжения. Тишина давила на психику, но и говорить отчего-то не хотелось. Луч света от фонаря скользил по неровным заледенелым стенкам пещеры, то и дело, отбрасывая причудливые тени, каждый раз дарящие воображению странные образы страшных существ. Но все это было лишь воображением.

— А передатчик-то где? — нарушил гнетущую тишину Варяг.

— Наверное, в одном из деревьев у входа, — пожал плечами Людоед. — Обычное дело. Помню, нашли пень и ветку возле базы подлодок на севере. Они там лет пять сканировали все на полсотни миль вокруг. Да и наши молодчики года за два до всеобщего трандеца нечто подобное понатыкали и у Скапа-Флоу и на Ян-Майене и в Гренландии. Вроде пень. Даже грибы и мох на нем растут. А это передатчик. А тут столько деревьев, что хоть сколько их понаставь. Хрен найдешь без пеленгатора специального.

— И как он столько лет работает?

— Да с этим тоже проблем не было. Были у нас специальные жучки размером с пуговицу. Даже меньше. Автономный ресурс несколько лет. А для долговременных маяков элементы и посерьезней, делались. Хотя двадцать лет конечно многовато. Но черт их знает…

Фонарь потух.

— Черт, — пробормотал Крест. — Вот для фонариков ничего такого придумать не могли, бараны.

Стало совсем темно. Свет от входа сюда уже не пробивался. Насколько они углубились в недра горы, было теперь трудно понять. Кромешная тьма набросилась на них, как хищный и голодный зверь.

— Погоди, сейчас свой достану, — послышался голос Яхонтова.

Темнота, холод и страх, придавали вроде знакомому голосу, жутковатые оттенки. Или этот так шутили стены и свод пещеры, звуки в которой метались от одного угла к другому, наматывая огромный клубок искажений.

— А у тебя жучек этот? От жима работающий?

— Да.

— Хреново.

— Почему?

— Да шумит он. Тут надо хорошенько прислушиваться. Мало ли что.

— Ты что, в молохитов этих веришь? — послышался смешок Сквернослова.

— А ты, дурак, в морлоков веришь? — ответил вопросом на вопрос Крест.

— Я их не видел.

— Так ты у блаженного спроси.

Наконец-то зажужжал фонарь Варяга и, в пещере стало хоть немного светло. Они медленно двинулись дальше. Если в самом начале, после относительно узкого входа, было довольно просторно для четырех людей, то сейчас пещера становилась все меньше и меньше. Может с одной стороны это и хорошо, поскольку не оставляло воображаемым чудовищам пространства для возникновения, но где в таком случае тайник о котором говорил Людоед? Этот вопрос, наконец, вырвался из уст Николая, когда они дошли до тупика.

— Где тайник, Илья?

Крест озадаченно смотрел на стену перед собой и хмурился.

— Не спеши. А то успеешь, — пробормотал он и стал медленно двигаться назад.

— Так может тут дверь, замаскированная под породу? — предположил Сквернослов.

— Никто не будет делать скрытую дверь в самом тупике. Это слишком очевидно и ее скорее найдут те, кто найти не должен. — Ответил Людоед, рассматривая стены и пятясь назад. Варяг следовал за ним, освещая участки, на которые падал взгляд Ильи.

Николай медленно брел за ним, равнодушно глядя в неровный пол пещеры, усыпанный кусками породы и местами покрытый многолетней наледью. Унылая картина первозданности. Тут, наверное, миллионы лет ничего не менялось и, тайника никакого нет. Им уже полностью охватило чувство полного разочарования от бесплодности их визита во чрево этой горы, но тут взгляд выхватил в тени Варяга, отбрасываемой от света его собственного фонаря, какой-то маленький предмет, своими правильными формами не вписывающийся в весь этот первозданный антураж пещеры. Николай наклонился и пощупал пальцем. В темноте трудно было разобрать, но это какой-то цилиндр, вмерзший в лед наполовину. Васнецов ковырнул пальцем, но безрезультатно. Тогда он аккуратно ткнул в предмет стволом своего автомата и легонько ударил по прикладу. Что-то звякнуло и покатилось в темноту. Николая принялся судорожно шарить ладонью по льду и нащупал предмет но… Он по прежнему был на половину утоплен в лед… Как же так? Он ведь только что покатился… Кажется вот сюда…

Васнецов стал шарить ладонью дальше и вдруг обнаружил,

что тут не один такой вмерзший цилиндр. Он, наконец, нашел самый первый и только после того, как он оказался в ладони, Николай понял на ощупь, что это гильза.

— Ты чего застрял там? — окликнул его Яхонтов.

— Посвети сюда на минутку, Варяг, — попросил Васнецов.

Свет жужжащего фонаря выхватил из мглы сначала полдюжины торчащих изо льда гильз. Очевидно, кто-то тут стрелял, и горячие гильзы растопили лед в местах своего падения, а затем холод сковал их. Все они были идентичны и скорее всего их выпустили из одного оружия. Но вот калибр… Васнецов разглядывал гильзу в свое ладони и, повесив автомат на плечо, полез другой рукой в карман бушлата. Он вспомнил, что что-то подобное у него лежит там еще с Москвы. Достав ее, он понял, что они идентичны.

— Блаженный, ты что там, помет летучих мышей нашел? — Крест подошел к нему и посмотрел на предметы в руках Николая.

— Илья, тут гильзы от твоего пулемета, — пробормотал Васнецов и, уставившись на Людоеда, добавил, — Это как понимать?

Глядя на найденные Васнецовым предметы, Крест хмыкнул:

— Во-первых, не от моего, а от такого, как у меня. — Он взял гильзы в руки, — Ну да. Такие.

Затем Людоед посмотрел под ноги. — Всего восемь штук?

— Семь, — мотнул головой Васнецов, — Одна моя. Точнее твоя. Я в Москве прихватил, когда ты стрелял.

— Семь? Странно.

— Почему?

— Ну, если огонь вели из такого оружия, то учитывая его скорострельность их, должно было быть хотя бы двадцать или больше.

— Да может это другое оружие с теми же боеприпасами, — пожал плечами Варяг.

— Может и так, — Илья кивнул, — Отметин от пуль никто не видел?

— Да нет вроде, — Яхонтов обвел лучом фонаря все вокруг. — Хотя нет. Вот сколы какие-то старые. — Он подошел к стене напротив. — Нет, это не от пуль.

— А от чего? — спросил Крест.

— Топором или… Киркой кто-то тут ударил несколько раз. Но очень давно.

— Слушай, Варяг, я думаю, что вот тут и есть потайная дверь. Ну-ка дай фонарь. — Людоед принялся тщательно осматривать стену возле того места, где лежали гильзы. — Ну, точно! — Он дернул какой-то небольшой уступ и, тот отодвинулся к

всеобщему удивлению, обнажив небольшую нишу, в которой находилась небольшая металлическая панель с ухватом для руки и восемью круглыми ручками и цифрами вокруг каждой из них.

— Кодовый замок? — спросил Варяг.

— Да, — Илья кивнул.

— А ты комбинацию знаешь?

— Разумеется. — Крест принялся набирать шифр, — Это же наш, артельский замок. Кому как не мне знать?

После того как он провернул последнюю, восьмую ручку, внутри камня раздался глухой щелчок. Людоед взялся за ухват и потянул на себя. Однако ничего не произошло.

— Примерзла, наверное, — произнес Варяг.

— Да так оно и есть. — Согласился Крест, доставая нож, — Ну ничего. Сейчас. Не в первый раз такие двери открываю.

Теперь, когда он стал орудовать внушительным армейским ножом по периметру, стало видно, что это средних размеров каменная плита испещренная неровностями. Хотя, это было что-то более легкое, замаскированное под камень. После получаса скалывания льда, потайная дверь, наконец, со скрипом поддалась. Она выдвинулась чуть вперед и откинулась в сторону, обнажив прямоугольное отверстие входа, в который можно было проникнуть наклонившись. Оттуда повеяло неприятным запахом и пылью. Людоед посветил внутрь.

— Я захожу, — сказал он и двинулся в открывшееся тайное помещение.

Это была сравнительно небольшая комната с такими же неровными стенами, как и в самой пещере. Вдоль стен стояли железные шкафы с кодовыми замками. Всего десять штук. Примерно половина распахнута настежь. На полу снова гильзы. Те самые. На сей раз гораздо больше.

— Значит, стрелять начали тут и отстреливались выходя. Затем закрыли дверь. — Предположил Крест.

— Да от кого отстреливались? Тут и останков никаких, — пробормотал Варяг, вглядываясь в то, что выхватывал свет фонаря.

— А ты глянь на шкафы. Как их в ту маленькую дверь протащили? Нереально, — покачал головой Людоед и снова стал шарить по стенам фонарем. — Тут должна быть еще… Точно. Вот она.

В помещении была еще одна дверь, у противоположной от входа стены. Она была железной и значительно больше первой и, на сей раз она не имела вида камня. Просто была выкрашена в цвет окружающей породы и, на нее был искусно нанесены узоры маскирующие под неровности стен. Рядом с дверью

поворачивающийся выключатель.

— А ну. Чем черт не шутит, — усмехнулся Людоед и, подойдя к двери, повернул ручку выключателя.

К всеобщему удивлению, под потолком загорелась спрятанная в мутный плафон из толстого, защищенного стальной решеткой стекла лампа.

— Вот это да, — нахмурился Варяг. — Откуда тут электричество?

— Это уже интересно, — хмыкнул Крест. Он выключил фонарь и отдал его Варягу. — Хотел бы и сам знать откуда.

— А калитка куда ведет? — Сквернослов качнул стволом автомата в сторону второй двери.

— Сейчас узнаем. Погоди. — Илья принялся осматривать шкафы, с каждым разом хмурясь все больше и больше. Те, чьи двери казались закрытыми, были на самом деле отпертыми. И все оказались пусты. — Твою мать. Обчистили тут все до нас. Только вот замки не взломаны. Кто-то знал коды.

Он склонился у одного из шкафчиков.

— Чего ты там нашел? — поинтересовался Варяг.

— Бинт окровавленный. Тут кто-то перевязывался. И вот, — он показал одноразовый шприц из индивидуальной военной аптечки. — Пармедолом кто-то вмазался. Тут еще окурок и карандаш химический.

Людоед достал из кармана шинели сигарету и закурил.

— Вот гады, — продолжал сокрушаться он затягиваясь.

— Илья, тут и так дышать нечем, а ты еще смолишь. — Пожаловался Вячеслав.

— Ну, выйди, если дышать нечем, — зло ответил Крест.

— А что за надписи на шкафчиках? — спросил Варяг.

— Имена. Каждый шкаф персонально для определенного ассасина. Тут их артельские кликухи написаны. Вот это Одиссей, видишь? От него я узнал про этот тайник. Ну и коды соответственно. Вот Византиец. Не знал о нем, но слыхал. Он в охране «Тополей» был. Спецназ армейский. Вроде погиб в самом начале. Сталин. Не знал такого, но кликуха забавная. Росич. Якут. Ильма. Рюрик. Оборотень. Серба. Терек. Не слыхал про таких. — Он вздохнул и затянулся сигаретой, облокотившись на шкаф. — Зря только время потратили. Блин, за столько лет ни разу целый ассасинский тайник не нашел. Что за невезуха. Даже три моих именных тайника кто-то ломанул под Мурманском и под Питером.

— Да ладно сокрушаться, — махнул рукой Яхонтов. — Как-нибудь и без этого казенного добра дотянем до цели.

— Н-да, — устало кивнул Крест и еще раз посмотрел на

мусор на дне шкафчика. Он снова наклонился. Отбросил бинт и еще кусок какой-то пыльной материи и поднял старую запылившуюся тетрадь. Прошуршал страницами и кинул ее Николаю. — На, блаженный. Тебе такие артефакты нравятся.

Васнецов поднял ее. Она не была слипшаяся, как дядина записная книжка. Наоборот. Страницы очень сухие. Исписанные химическим карандашом. Многих листов явно не хватало. В том числе и в самом начале. Не было также и обложки. Он взглянул на первый лист. То с чего начинался текст…

***

…и было время думать, и было над, чем думать. Уж чего-чего, но сейчас на нехватку свободного времени грех жаловаться. Да. Мы трудимся. Выживаем. Ищем пропитание и проводим разведку нового, враждебного мира. Но есть и досуг. И наш досуг больше не занят лицезрением футбольного матча или игрой на компьютере. Мы не ходим в бары и не забавляемся рыбалкой. Не смотрим киноновинок на своем ДиВиДи за бутылкой пива. У нас теперь есть время подумать. И очень жаль, что не было времени подумать раньше. Особенно у тех, кто довел всех нас до этого края. И в эти часы раздумий, я думаю именно о нем. О нас. О себе. О человеке. Странное существо человек. Вроде разумное. Как будто бы. А что на поверку оказалось? Ведь сколько книжек было написано. Сколько фильмов снято, за коими, бывало, коротали это самое свободное время. Тут вам и апокалиптические картинки будущего. Вот вам, дескать, люди. Внемлите предупреждениям. И вроде понимали все. Знали, что угрожает цивилизации. И снова спрашиваю сам себя — «а как так вышло?». Разве не знали мы, к чему приведут всякие эксперименты с силами природы? Разве не знали мы, что такое атомная бомба? Разве не видели мы, что делали с экологией? Мы с удовольствием покупали билет в кино, отпечатанный на яркой глянцевой бумаге. И сидя в кинотеатре жрали попкорн в огромных картонных ведрах или чипсы из пакетиков, которые двести лет будут лежать в земле и не сгниют. А потом выходили из кинотеатра, бурно обсуждая всю актуальность этого фильма о последних днях мира, и швыряли в урну, а то и мимо нее, эти самые пакетики от чипсов, от этих сушеных соплей называемых кальмарами. Кто считал, сколько пластика и полиэтилена мы выбрасывали? Кто считал, сколько леса ушло на всякие никому не нужные рекламные проспектики, которые нам всовывали в руки на тротуарах молодые подрабатывающие студенты в ярких майках? Мы

потребляли бензин и пресную воду в непомерных количествах. Жрали, пили, курили, гадили, жгли костры в лесу и смывали в унитаз презервативы. Сливали отработанное масло из своих легковушек прямо в канаву. Равнодушно смотрели на жирные пятна мазута в наших портах, реках, морях. Разве никто ни помнил тогда слова из фильма «Через тернии к звездам», которые произнес Ракан?

«Сегодня еще шумят наши леса, и смеются наши дети. Сегодня еще богаты наши недра и поют птицы. На наш век хватит, говорили мы. А вот не хватило!!!».

Я эти слова помню очень хорошо. И больно мне. Нам было мало предупреждений от самих себя. От тех из нас, кто писал об этом. Кто снимал об этом. Нам было мало зловещих предвестников апокалипсиса. Нам было мало Хиросимы. Было мало Нагасаки. Нам оказалось мало Чернобыля. Мы отмахивались от все чаще случающихся природных катастроф и от все реже выпадающего снега. Нам всего этого оказалось мало, и мы получили все сразу. Скопом!!!

Так разве можно после всего этого сказать, что это странное существо человек, было разумным? Или самоуничтожение и разрушение собственной среды обитания, и есть квинтесенция разума?

Ведь все шло по логической цепочке. Мы угробили экологию и истощили ресурсы земли. А за этим неминуема война.

Да, человек живет, как ему хочется и получает в итоге то, что заслуживает. На наш век хватит, думали мы… А вот не хватило… Получили то, что заслужили.

И после этого похода в этот мифический подземный город я упрочился во мнении, что человек не странное существо, а страшное…

***

— Коля, ты идешь? Уснул что ли? — Сквернослов толкнул Николая.

— Чего? Куда? — Васнецов оторвался от чтения. Он заметил, что та, вторая дверь уже открыта и Варяг светит внутрь фонарем.

— Дальше. В глубину горы. Пошли, — Сквернослов поманил его рукой, — Потом почитаешь.

— Кто замыкающим будет, пусть свет вырубит в этой комнате. — Сказал Яхонтов и шагнул в темноту. За ним Людоед.

Замыкающим был Николай. Он спрятал тетрадь за пазухой, выключил свет и медленно шел за своими товарищами. За второй

дверью, как оказалось, скрывался длинный коридор. Они осторожно шли по нему, тщательно осматривая стены и пол. Тут не было шероховатостей и неровностей. Ровные бетонные стены и ровный пол. Под потолком тянулись кабельтрассы, прерываемые периодически плафонами, аналогичными тому, что был в разоренном тайнике. Еще у стыка стены и потолка тянулась труба, которая примерно через каждые двадцать шагов имела небольшое зарешеченное окошко.

— Видимо вентиляция, — предположил Варяг.

— Ну да, — кивнул Людоед, — Но судя по смраду, давно не работает.

Под ногами раздался знакомый лязг.

— Опять гильзы! — Воскликнул Вячеслав.

— Такие же? — Варяг наклонился и посветил под ноги. — Да. Точно такие. Что же тут произошло?

— А ну дальше, — Людоед махнул рукой вперед, — Туда посвети.

В глубине коридора на полу и стенах виднелись темные пятна. Приблизившись, путники поняли что это давно засохшая кровь. И пролили ее тут немало.

— Интересно, а останки куда делись? — пробормотал Варяг, разглядывая пятна. — Ну, должны же были остаться хоть кости.

— Может крысы утащили? — предположил Сквернослов.

— Зачем крысам кости?

— Ну, от голода… или… мало ли что…

— Мы ни одной норы не видели. Если крысы и могли появиться из вентиляционных отдушин, то им как подняться и опуститься по стене? Это ведь не тараканы. Да и решетки пока на всех отдушинах были.

— Занятно все это, — хмыкнул Людоед. — Хотя может норы дальше будут. Коридор ведь еще не кончился.

— Послушайте, может, дальше не пойдем? — сказал, наконец, Сквернослов. — Ну чего нам там делать? Тайник разорен до нас. Тут замочили кого-то. Так нам чего тут ловить, а?

— Тихо, матершинник, не очкуй. — Ответил Крест, — Мы тут не задержимся. Но раз пришли надо осмотреться. Мало ли что найдем. Пошли…

Еще полсотни шагов закончились очередной дверью. Идентичной второй.

— Опять двадцать пять, — проворчал Варяг.

— Тут тоже выключатель, — Людоед подошел к двери и повернул «флажок». В длинной веренице плафонов загорелись три. Пусть света совсем немного, но все-таки больше чем от карманного фонаря, который надо было постоянно сжимать.

— Да откуда тут электричество? — озадаченно воскликнул Яхонтов.

— Оттуда же, откуда и там, в схроне, я думаю, — ответил Крест.

— Ну ладно. А там откуда?

— Помнишь, что там про секретный комплекс и ядерный реактор говорил Ветер? Может все это, правда?

— Ядерный реактор? — усмехнулся Варяг, — А градирни? А воду, откуда для охлаждения брать? А цикл, какой у него на одной заправке? Туда уран запихивать надо каждые полтора-два года. Разве нет?

— Слушай, чего ты ко мне пристал? Я откуда знаю? На лодках нет никаких градирен, зато по два реактора стоят. И еще лет шестьдесят назад проектировали танк с ядерной силовой установкой.

— Ну, допустим. И самолет экспериментальный испытывали. Но заправка-то?

— Да вы еще подеритесь, — буркнул Николай. Откройте дверь и идите дальше. Может, там и ответ найдете.

За очередной дверью оказался огромный зал. У входа стояли колесные тележки как раз таких размеров, чтобы на них можно было что-то транспортировать по коридору, который они только что миновали. Вдоль стен зала стояли какие-то кабинки и контейнеры. В центре пару десятков массивных железных столов в два ряда. На всех столах, смонтированные на кронштейнах какие-то агрегаты. Микроскопы. Много вращающихся кресел. Всюду разбросаны листы бумаги, белые халаты. Разбитые колбы. Стреляные гильзы. Несколько пустых рожков от автомата. Все это постепенно выхватывал тусклый свет фонаря, пока они не отыскали очередной выключатель. На потолке загорелось две лампы дневного света. Их было явно недостаточно для такого большого помещения, но остальные лампы видимо давно вышли из строя. Еще одна постоянно и назойливо моргала, пытаясь включиться. Путники осмотрелись.

— Ничего себе мы местечко нашли, — пробормотал Крест. — А тут достаточно тепло. Тут и жить можно очень долго. Электричество в наличии. Что тут было?

— И чем все это закончилось, вот еще вопрос, — кивнул Варяг и подошел к одному из столов. — Посмотри. Кровь.

На столе действительно было большое бурое пятно засохшей крови. На полу тоже. Видимо она капала туда, растекаясь по керамической плитке.

— Точно, кровь, — нахмурился Людоед. — И на тех двух столах тоже. Зато никаких останков и тут нет. Хлама много, но

никакой органики. — Он прошел вдоль столов и поднял с пола разбитые очки. Посмотрел на них и положил на стол. — Чертовщина какая-то.

— Мужики, гляньте! — крикнул Сквернослов. Он указал на дальнюю стену. Там была массивная гермодверь примерно три на четыре метра, состоящая из двух створок, на одной из которых была большая круглая ручка типа штурвал. Самым примечательным было то, что дверь забаррикадирована сваленными возле нее столами и шкафами.

— Может это место и есть тот самый Аркаим-13? — предположил Крест.

— И мы так легко его нашли? — скептически покачал головой Яхонтов.

— Легко? — Людоед усмехнулся и сел на один из стульев, — Думаешь легко найти это место, не зная о маячке и не поймав его сигнал? Черта с два, вот что я тебе скажу. — Он снова осмотрелся. — Нет тут явно какая-то лаборатория. И очевидно, что это не единственное помещение. Коля, нука дай эту тетрадь. Может там что написано об этом месте?

Николай нехотя достал из-за пазухи находку и протянул ее Илье. Тот принялся быстро ее просматривать и хмуриться.

— Черт, да тут больше половины страниц отсутствует. А ну… Вот что-то… В шестом блоке мы нашли легендарную Чандарскую карту. Я если честно думал, что все это выдумки. Но она существует… Что за карта? Кыштымский карлик находится на объекте «колыбель»… Какой еще карлик? Абракадабра какая-то… Боевой костюм, что был в тайнике пришелся мне в пору. Теперь я понимаю, зачем вербовщик затребовал тогда размеры одежды, ворота, маски противогаза и обуви. Даже талию и ширину плеч. Не просто им было сделать такой костюм для такого великана как я…

— Что ты сказал? — Николай вдруг уставился на Людоеда.

— Чего? Костюм для… Для великана… — Крест вдруг и сам опешил и уставился на строки дневника.

— Нука дай сюда! — Варяг выхватил тетрадь и, подойдя под светящуюся лампу, стал пристально смотреть на текст, — Твою мать! — воскликнул, наконец, он.

— Мужики, вы чего? — непонимающим тоном спросил Вячеслав.

— Коля, ты почерк отца помнишь? — Спросил Варяг у Васнецова.

— Нет… вообще-то… а что?

— Да это же его почерк! Это его дневник, черт побери!

— Ты уверен?! — Васнецов вырвал тетрадь из рук

Яхонтова. — Ты точно уверен?!

— Да конечно! Мы столько лет с ним знакомы были! Да и химический карандаш! Все искатели в Надеждинске химическими карандашами для записей пользуются! Он же безотказный в таких условиях. Не мерзнет как шариковая или гелевая ручка! И грифель не крошится как у обычного карандаша!

***

…однако нам пришлось уходить в спешном порядке. Конечно, никто не ожидал того, что выкинул этот свихнувшийся профессор Лодзинский. В этой ситуации костюм конечно хорошо. Однако костюм всего один. И Дима совсем плох. Ранение тяжелое. Его нужно доставить в ближайшее поселение, способное оказать ему помощь. Мы отходили с боем. Молохи не просто дикие животные. Это нечто большее в плане разумности. Они пользовались укрытиями, и кто-то из них даже стрелял по нам. Хотя, не исключено что это был профессор. Только дойдя до тайника, я понял, что мы забыли тот письменный материал, что я собрал в лабораториях и в архиве. Большая кипа отобранных мною бумаг осталась в первом зале, в картонной коробке под одним из столов. Тот, кто прочтет эти строки, должен добыть их. Это очень важно для понимания того что сейчас происходит всюду. И для понимания природы многих биологических аномалий, с которыми мы все чаще сталкиваемся. Дело не только в ядерной войне. Это было бы слишком просто. Тут целый комплекс рукотворных факторов. Но помните, что там эти твари. И они, кстати, тоже загадка, на которую можно найти ответы в тех бумагах. Я, конечно, закрыл дверь и забаррикадировал ее, и лишь несколько из них затаились в первом зале и потом преследовали нас. Но они, должно быть, уже мертвы. Тот шквал огня, который я насылал на них из обнаруженного в тайнике ручного шестиствольника, не мог оставить им шансов. Однако мне нет времени возвращаться за бумагами. Дима очень плох. А потом, я должен отправиться в Москву. С таким костюмом и оружием, я могу рассчитывать на успех задуманного. Я знаю, что где-то там, в московском метрополитене бункер, где служил мой брат Володя. Я не знаю насколько велики шансы найти его, но этого я не узнаю никогда, если не попытаюсь. А если не попытаюсь, то буду жалеть всю оставшуюся жизнь. Я должен его найти. Он мой брат. А старые обиды остались в прошлой жизни…

***

…прямо на него, медленными шагами, шло какое-то существо, показавшееся настоящим монстром. Но только на первый взгляд. Все-таки, было похоже, что это человек. Но сейчас он казался настоящим великаном. Огромного роста, облаченный в странные черные доспехи, покрытые рельефом и мерцанием стальных пластин. Голова была заточена в капюшон и черную маску с двумя большими и шипящими от дыхания фильтрами под скулами и парой больших круглых и выпуклых глаз черного матового стекла. Какой-то сложный механизм, приделанный к могучему торсу, поддерживал огромный шестиствольный пулемет, направленный в сторону шевелящихся и преследующих Николая тварей. Из большого ранца с твердым каркасом, на спине у великана, к пулемету тянулась лента блестящих, словно начищенных войлоком, патронов большого калибра.

Великан ничего не говорил. Только шипели и урчали его фильтры. Яркая вспышка осветила адскую станцию дьявольского метрополитена и грохот выстрелов, перемешанный с жужжанием и свистом от вращения стволов, привел Васнецова в чувство. ОНО стреляло не в него. Лавина пуль, подобно урагану обрушилась на тварей, разрывая их на части и перемалывая в кровавый фарш.

Васнецов спрыгнул с перрона на пути и бросился прочь, в ту сторону, откуда пришел. Мимо сожженного состава. Прочь! На поверхность!!! Мимо промелькнула белеющая надпись АД УЖЕ ЗДЕСЬ! Значит можно выбраться из этого проклятого, заколдованного места?! Скорее! Прочь! На поверхность! Вон из метро!

Еще долго его догоняли разносящиеся эхом выстрелы пулемета, пока впереди не замаячил чернеющая дыра, за которой была ночная скованная холодом Москва…

Так это… Был… ОТЕЦ?! Николай выронил тетрадь и схватился за голову.

— Господи! Я был в полуметре от него! И я не знал что это мой отец! ОБОРОТЕНЬ!!!

Васнецов бросился к выходу, снося на своем пути стулья.

— Держите его!!! — заорал Людоед, вскакивая со своего места.

Ближе всех оказался Сквернослов. Он кинулся Николаю наперерез и сбил его с ног, но тут же получил удар локтем в голову.

— Уйди, тварь!!! — рычал Васнецов и полз к двери.

— Да ты совсем рехнулся! — Славик снова навалился на него и тут же заорал, так как Васнецов вцепился ему зубами в ладонь.

Наконец обезумевшего Николая настиг Варяг. Он попытался схватить его, но Васнецов увернулся и, схватив стул, ударил им

Яхонтова по голове. Варяг отпрянул, тряся головой и убирая ладонью копну соломенных волос от глаз…

— Ну, щегол… мать твою… я аж звезды увидел… сука, контуженного по голове бить… баран… — бормотал он шатаясь.

Васнецов поднял свой автомат и щелкнул затвором.

— Мне нужен луноход! Мне нужно в Москву! В метро! Мне нужно туда!

— Конечно, — услышал он в ответ голос, который не просто доносился до его ушей, но и пронзал все тело, разносясь волнами волнующего озноба. — Конечно тебе надо туда. Ты раскрыл секрет истребителя морлоков… Нашего злейшего врага… С твоей помощью мы одолеем его… С твоей помощью он станет уязвим…

— Что? — Николай стал в недоумении озираться, глядя на то, как все вокруг расплывается. — Что это значит? Кто это говорит?

— Я! — перед ним стоял Людоед. Он улыбался и пристально смотрел черными глазами, казалось, прямо в душу.

— Что? — снова пробормотал Васнецов.

— Мы вернемся в Москву. В метро. Только опусти оружие. Оно тебе не нужно.

Николай послушно опустил автомат и почувствовал какой-то дурман в сознании. Ноги стали ватными и захотелось улыбаться. Однако Людоед ударил его кулаком в лоб, и Васнецов потерял сознание.

— Ловко, — простонал Варяг, все еще держась за голову. — Как ты его так?

— Да, есть такие способности с некоторых пор. — Крест медленно стал оседать на пол и, нащупав рукой стул, уселся в него.

— Чего это с тобой?

— Это много сил отнимает сразу… Сейчас передохну и приду в норму. — Устало и сонно проговорил Илья.

— А что с Николаем будет?

— Все нормально будет. Придет в себя человеком. Бывает такое… Отец все-таки… — Людоед уснул.

— Н-да, Славик, ох и повезло нам с тобой с попутчиками, — усмехнулся и поморщился одновременно Варяг.

— Долбанные морлоки, — сплюнул Сквернослов.

39. ЭХО БЫЛОГО

— Н-да, интересное чтиво. Особенно на ночь, — усмехнулся Дмитрий Ермаков. Широкоплечий невысокий крепыш с наголо бритой головой, что было очень неактуально в последнее десятилетие постоянной зимы. — Вот послушай, майор. Читаю… Mesenchytraeus solifugus, блин, да язык сломаешь ко всем чертям. И кто-то эту латынь наизусть учил. Короче, ледяные черви. Считались ненаучными до начала 1990х годов с точки зрения биологии. Пока не были открыты в ледниках Аляски. Так же обнаружена колония на дне мексиканского залива. В местах наиболее низких температур. Оптимальные температурные условия жизни, ноль градусов. При замерзании, черви впадают в анабиоз и, способны находится в нем годами. Послушайте, профессор, неужели такие черви существуют?

— Конечно, — сидящий, как и его вооруженные спутники, на полу столовой, профессор Глеб Лодзинский протер очки и, надев их, посмотрел на Ермакова. — Конечно, существуют. Вы же читаете. Ведь существуют организмы, которые живут в кипящей, пропитанной сернистыми испарениями воде у жерл подводных вулканов. Так почему не могут существовать такие черви? Они из семейства энтихреиды. Правда, вам это мало что скажет, конечно. Мы их изучали тут. Проводили эксперименты.

— А смысл?

— Ну как же, — вздохнул Лодзинский, — Это ведь научное открытие. Тут перспективы. Например исследование возможностей глубокой заморозки клеток, без нанесения им необратимого ущерба. Например, НАСА сразу обратило внимание на это. Это ведь перспектива для дальних космических перелетов. Заморозили астронавта и отправили куда-то, куда лететь много лет. А он не стареет. Мы тоже поначалу ухватились за эти исследования. Потом раскрылись новые возможности. Например, использовать этих червей в военных целях в областях с низкими температурами. Например, на Аляске, в арктической тундре, в Гренландии. В Антарктиде.

— И что может сделать полусантиметровый червячок? — Засмеялся Дмитрий.

— А есть особый гормон принудительного роста. Вообще давно известны онкологические функции гормонов и их влияние на рост, и трансформацию клеток. В том числе и на их мутацию. Мы исследовали рак. Да-да. Самый настоящий рак. Болезнь, а не то, что вы с пивом любите.

— Насколько я понимаю, вас тут заботило не лечение

рака? — прочищающий шомполом ствол своего автомата, майор Николай Васнецов взглянул на профессора.

— Ну что вы. Рак можно вылечить. Рейгана ведь вылечили, — усмехнулся Лодзинский.

— Но сколько умерло?

— Не повезло, — цинично заметил профессор, — Однако вы совершенно правильно подметили. Нас другой аспект интересовал. Рак, это, по сути, ураганное деление клеток. Мы хотели замахнуться не на лечение. Мы предполагали, что это дарованная человеку, но не понятая им возможность к регенерации. Да-да, такой вот нетривиальный подход к этой страшной болезни мы избрали. Что если возможно обуздать этот губительный механизм и сделать его управляемым? Наряду с клонной трансплантологией можно было вырастить у человека утраченный по какой-либо причине орган. Даже целую ногу! Можете представить?

— Вы бы лучше мозги себе вырастили, — поморщившись пробормотал Ермаков, — Черви тут эти при чем?

— О, это просто подарок свыше. Мы проводили опыты обычно на лабораторных мышках. Они быстро плодятся и легко за относительно короткий промежуток времени проследить наследственность. Воздействие эксперимента на следующее поколение. Но тут эти червячки. Мы за то же время что и с мышами, могли проследить гораздо больше поколений. И при этом еще и уникальные физиологические возможности червей в плане их выносливости и живучести. Уже в пятом поколении мы получили метрового червя! И он был устойчив к более низким температурам, чем первичный образец. При помощи таких червей, но еще больших размеров, предполагалось проводить разминирование. Скрытые атаки на патрули и посты, естественно в заснеженных районах. А четырехметровый червь, двигаясь в глубоком снегу, мог оставлять ходы для скрытного продвижения под снегом диверсионных групп. Уже были подготовлены испытания на Новой Земле метровых экземпляров. Погрузили их на самолет. Отправили в наш филиал в Подмосковье, но… Детки Ферми и Оппенгеймера внесли существенные коррективы во все наши планы, — Профессор усмехнулся.

— Кто внесли? — непонимающе поморщился Ермаков.

— Ядерные ракеты, — тихо сказал ему Васнецов.

— Как это все у вас, у ученых яйцеголовых, лирично и трогательно. Детки. Атомная бомба… деточка… Сынуля, дочурка… Отцы атомной бомбы, папочки водородной. И червячки ваши эти, тоже детки? Да? Что за сюрпризы вы еще приготовили нам, простым смертным? А? Какие еще ваши дети и внуки нас

поджидают в этом мире? — Ермаков злился.

Лодзинский снял очки и, наклонившись ближе к Дмитрию злорадно прошипел:

— Ты себе даже не представляешь, мент!

Ермаков схватил его за ворот тулупа.

— Я краповый берет, придурок ты чокнутый!

— Дим, пусти его. Не надо, — Васнецов одернул товарища. — У него же опять это, — он покрутил растопыренной пятерней у виска. — Эй, профессор. Что там с центрифугой?

Лодзинский облокотился спиной на стол, у которого сидел и, взглянул на часы.

— Еще часа два ей крутиться. А что?

— Мне кажется, у вас приступ опять начинается.

— Брось, майор. Потерплю пару часов. Два года ведь как-то без лекарства этого обходился. Тяжко бывало, конечно, но кому сейчас легко?

— Нет, Коля, ты только подумай. Они вместо того чтобы лечить людей от рака, делали из него оружие. — Хмурился Дмитрий, — А что еще? Может и из СПИДа что-то смастерили? А? Ну давай профессор, поведай.

— А нет никакого СПИДа, — ухмыльнулся Лодзинский. — СПИД, это проблемы с иммунитетом. От наркомании, бесконтрольного прелюбодейства, и простите, задолюбства. Откуда все это пошло, вы вспомните? Есть комплексная проблема, а не один мифический и неизлечимый вирус. Но кому-то надо было напугать весь белый свет конкретной болезнью. Эдакой чумой нового времени. И знаете зачем? Бизнес! Чистый бизнес! Вы знаете, сколько сделали производители презервативов на антиспидовой рекламе своей продукции? Сотни миллиардов! И это при том, что поры латекса в тридцать, а то и в пятьдесят раз больше самого вируса возбудителя! То есть просочиться через поры латекса ему легче, чем Чкалову пролететь под мостом! — профессор засмеялся. — Но главное не в этом, а в том, что люди со страху покупали резинки пачками. Вот где собачка-то зарыта! А самым эффективным лекарством от этой болезни могло быть только нравственное общество! Где мораль это не то о чем с экрана этого теледилдоса могла учить общество какая-то псевдообразованная тварь. Это нечто большее. Тысячелетний опыт знаний и воспитания духовности. Это не только мораль человека, но и следование, например, врачом данной им клятве Гиппократа, а не халатность способная заразить или убить. Но в безнравственном обществе даже мифическая болезнь грозила обернуться пандемией! Но! Все оказалось проще. Содом сожгли. И поделом. — Лодзинский улыбнулся.

— Вы говорите как проповедник, — хмыкнул Васнецов. — И это человек науки. Нелогично. Или в вас говорит болезнь?

— Да бросьте вы, майор! — разозлился профессор, — Болезнь, — презрительно фыркнул он. — Я в здравом уме, да будет вам известно. Но что есть наука? Официальная наука для непосвященных! Но мы, засекреченные, лучшие умы человечества, по всему миру, каждый во благо своего режима, соприкасались с такими тайнами бытия, которые тысячу раз противоречили той науке, которую вам скармливали с пеленок! Мы — прогресс! Мы — знания! А вы, все остальные, лишь потребители! Мы даем вам понемногу то, что считаем нужным!

— Да-да, — майор покачал головой, — Мы потребители. Мы потребляли электричество от атомных станций, после того как вы смогли сделать рукотворный ад возможным. Мы потребляли морфий, придуманный вами как обезболивающее, а когда стало ясно, что он вызывает привыкание, то вы придумали лекарство от привыкания к морфию. И лекарство это называется…

— Героин! — закончил за него Лодзинский, — Совершенно верно. Мы ставили опыты над вами десятилетиями. Скидывали обществу диковинную новинку, а общество потребляло его с жадностью, даже не подозревая, что они все есть наши любимые лабораторные мышки.

— За что вы так людей ненавидите? — спросил Ермаков.

— Людей? — профессор закинул голову и уставился в потолок. — Людей… — задумчиво пробормотал он. — Я родился очень болезненным ребенком. Еле выжил. Но часто жалел об этом. С самого детства. Со школы. В школе меня обижали. Дразнили дохляком. И еще там по-всякому. Друзей не было. Весь в учебу сублимировался от боли и одиночества. Вырос. К армии оказался негодным. Девушки на меня не смотрели. Это ведь в советские времена было. Если ты негоден по здоровью, то служить не будешь. А девушки считали тех, кто не служил, ущербными. Но, тем не менее, в институте нашел свою половину. Любил ее. Души не чаял. Поженились… Потом перестройка, потом свобода, — с иронией вымолвил он. — Что значит хаос. Мы, люди науки, оказались не удел. Развал во всем. А я ведь знал близко таких талантливых ученых-самородков. У нас в России могли быть свои мобильные телефоны. Свои компьютеры на субмикронных чипах. Дисковые летательные аппараты. Столько умов! Столько идей! Но все оказались ненужными обществу и власти. Многие разъехались в страны западного рая. А я вот остался. Идеалистом был. Верил во что-то. Катался по стране на последние крохи со своими изобретениями и идеями по всяким НИИ. Но они отмахивались от меня. Куда там с твоими идеями,

приятель, сами не знаем, как прокормиться, на рынке сторожами подрабатываем. И вернувшись однажды из одной такой поездки, я узнаю, что мою… мою любимую жену сбил автомобиль. Так называемый новоявленный хозяин жизни, пьяный до того что стоять на ногах не мог, вел свой шестисотый на полной скорости. И сбил ее не на проезжей части, а на остановке троллейбуса. Средь бела дня. Как потом мне рассказали, он еще вышел и орал на нее, лежащую в крови. Ходит тут всякое быдло. Реальным пацанам проехать негде. Фару дескать из-за нее разбил. Милиция связываться даже не стала. Уж очень крут был этот выродок. Люди вокруг не спешили на помощь умирающей женщине. Подумаешь. Кто она им? А тут этот еще, на своей тачке. Скорая приехала через полтора часа. Стояла в пробке половину времени из-за того, что должен был проехать кортеж высокого чиновника. Умерла по дороге в больницу. Да ее и спасать никто не собирался. Нет человека, нет проблем. Горе страшное. Но осталась отрада. Дети. Сын и дочь. Да вот только… Когда вся страна во главе с самым главным рассеянином, панимашь, жрала водку под новогоднюю елочку и тупо пялилась на этих обезьян, визжащих какие-то там песни о главном, мой сын оказался в адском котле вместе со всей печально известной Майкопской бригадой. Славный новый год выдался… Те кто выжил прятались в каком-то подвале и отстреливались, как могли. Пытались связаться со своими. С командованием. Хоть какую-нибудь помощь запросить. Но свои молчали. Толи от пьяного угара еще не отошли. Толи ужаснулись тому, что натворили и оттого молчали, но на связь вышел кое-то другой. Плешивый вонючий депутатишка, нацепивший на себя непорочную сутану правозащитника. Вышел на связь из цитадели боевиков на частоте наших парнишек покинутых всеми. И сказал им, за что вы мальчики воюете тут? Вы же не за родину воюете, вы уже столько мирных жителей погубили! Не марайтесь в крови, в которой вас изваляло ваше правительство. Сдавайтесь. И я гарантирую, что завтра вы поедете домой. Не в казарму, а именно домой! Я гарантирую вам жизнь! И ребятки стали сдаваться. Они ведь не понимали, зачем там воюют… И потом, в плену, их насиловали. Резали им уши. Многих обезглавили. Я ведь… — Он сильно сжал веки, — Я ведь только голову своего сына смог похоронить. И то, она провалялась в рефрижераторе под Ростовым четыре года среди сотен останков других безымянных сынов. Но пришло время, и рефрижераторы надо было освободить для останков новой войны. Дочка моя вышла замуж. Внучку мне подарила. Но уж так распорядилось ее сердце, что полюбила она… в мужья выбрала, так называемое лицо кавказской национальности. Даже

ссора у меня была с ней. Для меня ведь различий не было после того нового года. Для меня они все были зверьми, что резали голову моему сыну. Конечно, я не прав был. А потом… Шли они вечером из театра под руку. А на встречу полтора десятка отморозков, которые мнили себя поборниками расовой чистоты и защитниками Родины, а сами даже в армии не служили потому, как боялись ее как черт ладана, но зато чувствовали себя героями, напав толпой на беззащитную супружескую пару. И внучка моя осиротела. И я. Забили до смерти мою дочь и ее мужа железными прутами. Но и этого оказалось мало. За пару лет до всеобщего конца, похитили мою усладу, когда она шла из школы. Похитили последователи какого-то сатанинского культа, которым непременно надо было принести в жертву кровь невинного ребенка. Их так и не поймали. А тело девочки нашли через полгода только, в колодце заброшенном… Так ты спросил почему я так ненавижу людей? — Профессор посмотрел на офицеров глазами полными слез, вскочил и закричал, — Да потому что вы даже после ядерной войны умудрились не издохнуть все! Вы же, как тараканы живучие! Как крысы! Никаких средств нет против вас?! Да нет, черт подери, есть!!!

— Ну вот, началось, — вздохнул Ермаков, повесив голову.

Васнецов поднялся, нависая над Лодзинским своим исполинским ростом. Он с сочувствием посмотрел в глаза профессору и деликатно но не оставляя никакого выбора, положил ему свои ладони на плечи.

— Я очень прошу, чтоб вы взяли себя в руки. Скоро лекарство готово будет. Потерпите…

— Я… я в порядке, Николай… Я в порядке… — часто закивал он, и глаза его забегали. — Знаешь, я ведь смог воплотить свои детские мечты. Почти… В детстве я мечтал быть сильным и выносливым. Я мечтал быть сверхчеловеком. Конечно, я им не стал. Но я смог эту мечту все-таки претворить в телесное воплощение! Здесь, в этой цитадели науки и колыбели новой жизни я смог создать сверхсущество… Целую расу сверхсуществ! И они получат вложенные в свой новорожденный разум все знания человечества и через пару десятков лет унаследуют себе и всю планету людей, которую люди оказались недостойны!

Профессор расхохотался и опустился на пол. У него началась истерика…

***

— Помидор с геном скорпиона? За каким хреном в помидор

вживлять ген скорпиона? — Недоумевающим тоном спросил Сквернослов.

— Да я почем знаю. Но тут вот. Пожалуйста. Трансгенный продукт. — Людоед отложил очередной лист из большой стопки в маленькую. Куда складывал уже просмотренные бумаги из той кипы, что была сложена в коробке под одним из столов. Именно за этим столом они втроем и сидели. На соседнем, укрытый Людоедовской черной шинелью лежал Васнецов.

— Глянь, дебошир очнулся, — проворчал Варяг, посмотрев в его сторону.

— Эй, блаженный, ты как? — спросил Крест.

Николай медленно поднялся и уселся на столе. Огляделся.

— Что со мной было? — пробормотал он, еле разжав слипшиеся губы.

— Приход очередной поймал, — усмехнулся Людоед, покрутив пальцами кончик уса. — Хотел нас всех тут уконтропупить, забрать луноход и махнуть в Москву, в метро.

— Это я помню, — мотнул гудящей головой Васнецов.

— Да? А ты помнишь, что дядю Варяга отоварил баночкой по башке?

— Чем отоварил?

— Ну, стулом. По-флотски это называется баночка.

— Мы что, в море? — проворчал Николай.

Сквернослов хлопнул Людоеда ладонью по плечу.

— Один-ноль, Ильюха. Он тебя сделал. Ну-ка врежь ему еще раз в отместку.

— Да ладно тебе Славик глумиться. Грешно над юродивыми-то. — Хмыкнул Яхонтов.

— Ты со мной что сделал, я не пойму? — продолжал кряхтеть и ворчать Николай.

— Ну, прописал тебе нормального такого армейского «лося» в лоб. Вижу, помогло. — Крест подмигнул.

— Что еще… Это был гипноз?

— Типа того. Понравилось? Еще фокус какой выкинешь, я так наколдую, что в штаны ссаться будешь во сне.

— Что ты говорил про врага морлоков? А?

— Ты ведь в метро хотел. К папке. Если оборотень, это он конечно. Только вот морлоки эти никого и ничего не боятся. Даже пси-волки их боятся, а морлоки волков нет. Но вот оборотень вселяет в них ужас. И истребляет систематически. А тут такой им подарок. Ты же недоморлоченый морлок, а ну как омразеешь?

— Ну, сказанул так сказанул, — хмыкнул Варяг, потирая лоб.

— Ну? — продолжал Людоед, — Он же вообще неуязвимый, как ломом подпоясанный. А тут появится его сын в метро. И все.

Морлоки тебя в оборот возьмут и одолеют его, потому как ты его Ахиллесова пята. Сечешь?

— Н-да… — вздохнул Николай, — Понимаю.

— Ну, вот и молодец. И еще не забывай, что твоя встреча с отцом не будет иметь никакого значения, если ХАРП сделает свое черное дело. Главного не забывай. Да и не факт ведь, что он твой отец.

— Это почему? — нахмурился Васнецов.

— Я через несколько лет после ядрены в метро оказался. А уже тогда там легенды ходили про какого-то амбала в скафандре, который замесы там учинял в подземелье. А отец твой семь лет тому назад ушел. Верно? Конечно амбала того я не встречал, да и вообще мало кто видел. Он вроде, если и был, то исчез в начале. Но легенды ходили. А потом, некоторое время назад, появился оборотень. Один в один подходил под описание. И я с ним столкнулся. Я рассказывал, если ты помнишь. Неувязочка, Коля.

— Это мой отец, — упрямо проговорил Васнецов.

— А как он был в самом начале?

— В самом начале не он был, — мотнул головой Николай.

— А кто тогда?

— Мой дядя. Владимир. Чей дневник сталкеры из «Субботнего вечера» принесли. Он ушел из бункера в метро. Может погиб потом. А отец мстит морлокам за него…

— Логично, — Яхонтов кивнул и погладил бороду.

— А костюм? — Развел руками Крест.

— Костюм этот из ассасинского тайника. Ты же сам говорил, что ни одного тайника целым не находил. Ты ведь не знаешь что там именно. Понятно, амуниция. Но какая? — Васнецов пристально посмотрел Людоеду в глаза.

Тот хмыкнул и снова покрутил пальцами кончик уса.

— Н-да. Толково глаголешь. Что-то чуешь или простые думки?

— Нет… Не простые. Я чувствую. Объяснить не могу. Вот сейчас видение было, — он слез со стола и прошелся по помещению. Осмотрелся внимательно. — Тут светлее было. И вот там, у того стола, на полу, сидели трое. Отец, краповый берет Ермаков, и сумасшедший этот. Лодзинский. Про них ведь Ветер рассказал, что они с отцом ушли. Они разговаривали. Перебирали вот эти самые бумаги, что сейчас читаешь. Да… Точно… тут они сидели.

— Ну, мало ли что приснится, — махнул рукой Сквернослов, — У тебя же это постоянно.

— Нет. Не сон это. Это как-то… Ну не могу объяснить толком… Как эхо прошлого…

— Уверен? — Людоед встал со стула и подошел к Николаю.

— Уверен. Абсолютно.

— Ну, знаешь, много всяких чудных я повидал, и обработанных генератором чудес и пси-волками и морлоками, но ты просто уникум какой-то.

— Это ты на него дурно влияешь, — послышался смешок Варяга.

Крест взял стул и поставил на указанное Васнецовым место.

— Ну-ка садись. Давай.

Николай сел, не понимая, что тот от него хочет.

— Давай, — кивнул Крест.

— Чего давать?

— Ну, видения свои увидь. Эхо былого услышь.

— И как я это сделаю?

— Без «лося» не получится, Илья, пробей ему еще раз в лоб! — снова ехидно захихикал Яхонтов.

— Варяг, может, хватит уже?! — Николай вскочил со стула и сжал кулаки.

Вдруг в глазах, наверное, оттого что резко встал, пошли круги и, стало совсем темно.

— Ты с кем говоришь? — послышался шепот Людоеда.

— Что? — пробормотал Николай, тряся головой. Он снова осмотрелся, но Варяг и Вячеслав исчезли.

— Ты с кем говоришь? — Людоед уже не шептал, а как-то шипел. — Тут нет никого. Разве что только твой отец, еще его товарищ из краповых беретов и профессор Лодзинский. Они где-то тут. Надо поискать, да?

***

— Вот, Коля, еще интересное. Они тут нейрочипы разрабатывали. Допустим, у человека поврежден позвоночник. Ходить не может, так как команда через спинной мозг из головного не проходит. Они короче делают такую штуку… Помнишь раньше в телефонах было такое? Телефон в кармане а на ухе наушник и никаких проводов… Как это?…

— Блюйтус, — ответил майор.

— Точно! Блюйтус! Короче вживляют нейрочип в шейный отдел спинного мозга. Другой, в отдел, ниже поврежденного участка. И команда из мозга подается посредством чипов как по блюйтусу, минуя травмированный участок. Представляешь? Паралитик может ходить и писает сам, а не под себя. Тут написано, что на западе это средство даже прошло успешное

испытание. Наши что-то там сперли. Толи технологию чипа, толи программное что-то. Но короче опыт на животных удался. А на западе на добровольцах из числа людей-инвалидов провели. Тоже успешно.

— Интересно. — Хмыкнул Васнецов старший, — Даже не то интересно, до чего они додумались, а то, какие цели преследовали. Хотели людям помочь? Или исследовали перспективный потенциал для создания киборгов?

— Ну, это уже совсем фантастика.

— А черви, про которых ты читал? А волновая генетика? Фантастика? Мы и знать ничего не знаем, а эксперименты по волновой генетике, оказывается уже полвека назад, даже больше, в Китае провели. Ты же сам читал про куроуток и картофелины с цыплячьими генами. Помидоры со скорпионьими. Про передачу генетической информации волновым путем без всяких инъекций, а посредством облучений. И про то, что ДНК у всех живых существ структурно одинаковы и на 99 % состоят из чертежей конкретного вида, из которого данный образец взят. Найдешь ключик и лепи из ДНК что хочешь. Про телегонию читал…

— У меня сестра промышляла разведением породистых собак на продажу. Она и так про телегонию знала. Это вообще давно известно, только термин вроде недавно придумали. — Ермаков пожал плечами, — Черт его знает…

— Вот в том то и дело, — кивнул майор, — Теперь уже едва ли чему-то можно удивляться.

— Слушай, а где это профессор? Чего он там, застрял, что ли в сортире? Может у него эпилептический припадок начался, и он башкой об парашу торкнулся, а мы и не знаем?

— Твоя, правда. Пошли, проверим. Только бумаги эти сразу в коробку положи обратно. А то потом опять перепутаем с ненужными…

Они вошли в соседнюю лабораторию. Все помещение было заставлено массой различных приборов. И хотя помещение это было меньше предыдущего, но по оснащенности оно превосходило тот зал, откуда вошли два офицера, в разы.

В центре, на большом столе, жужжал большой белый агрегат. Та самая центрифуга, в которой Лодзинский готовил себе лекарство.

— Профессор! — крикнул Ермаков. — Вы где?

— Тут не должно быть туалета. Это помещение должно было быть стерильным. Туалет, наверное, дальше.

— А вот еще две двери. — Дмитрий указал рукой.

— Давай, ты в левую, я в правую, — кивнул майор.

Они разделились. Васнецов вошел в очередное помещение.

Оно было еще меньше. Скорее длинный коридор, оканчивающийся еще одной дверью, на которой красовалась эмблема биологической опасности. Вдоль одной стены шкафы с костюмами биозащиты. Половина костюмов на месте. Вдоль левой стены большая приборная панель с двумя погашенными экранами и массой переключателей и датчиков. Внимание майора привлекла небольшая моргающая красная лампа. Он подошел к ней. Возле лампы надпись — «ЦИКЛ РАЗМОРОЗКИ ЗАВЕРШЕН».

— Какого черта тут… — он боковым зрением заметил движение у той запретной двери и вскинул автомат.

— Кто из нас псих? — усмехнулся появившийся профессор, — Хочешь застрелить меня, майор?

— Черт подери, Глеб Михайлович. — Васнецов опустил автомат. — Вы что там делали? И что означает эта лампа?

— Ты очень наблюдателен, майор, но не сильно умен. Там же написано. «ЦИКЛ РАЗМОРОЗКИ ЗАВЕРШЕН».

— И что вы размораживали?

— Скоро узнаешь, — профессор оскалился. — Это если повезет. А если нет, то ты… — он выдернул правую руку, которая все еще скрывалась за приоткрытой дверью со знаком биоопасности, — …умрешь прямо сейчас!

В руке у него был автомат, невесть откуда взявшийся у больного Лодзинского. Он нажал на курок, но ничего не произошло. Видимо оружие привести в боевое состояние он забыл по неопытности. Чертыхнувшись, профессор спрятался за железный шкаф и послышался щелчок затвора.

Васнецов тоже спрятался. Он едва втиснул свою двухметровую фигуру за уступ большой приборной панели с красной контрольной лампой.

— Глеб Михайлович! Что же вы это творите? — крикнул Васнецов, приготовившись применить свой автомат.

— Я возмездие! — послышался ответ, — Ну, давай, высунь голову!

— Вы не в себе, профессор! Перестаньте! Мы же одна команда!

— Нет у меня ничего общего с ничтожными человечишками! Одна команда? Ты, дурак, еще не понял, что я вызвался быть проводником на этот объект только из-за того, что вместе с двумя вооруженными идиотами у меня было больше шансов вернуться сюда, нежели в одиночку! Ты еще не понял, что я морочил вам голову с этой центрифугой, только для того, чтобы запустить цикл разморозки криокамеры, где томятся в холодном сне мои детки?!

— Перестаньте, профессор, я не хочу вас убивать. Я

сочувствую вам. Я понимаю ваше горе…

— Иди ты на хрен, козел! Что ты можешь понимать?! Твоего сына резали живьем? Твою жену переехал на машине ублюдок? Твою дочь забили насмерть хулиганы? Твою внучку растерзали слуги антихриста? Что ты, сука, можешь понимать?!

— Мы все объединены общей бедой! Мы все пережили ядерный Армагеддон! Нам надо думать о выживании!

— Имел я вас, и ваше выживание! Я приговорил человечество и уже давно! Общей бедой объединены? Поэтому людишки продолжают убивать друг друга? Поэтому они друг друга жрут? Не смеши меня, майор! Кончился ваш век!

В двери показался Ермаков.

— Коля я что-то…

Раздалась короткая очередь и Дмитрий закричал, падая.

— Что за падла!!!

Васнецов выскочил в дверь, подхватив раненного товарища. Сзади снова раздалась очередь, но пули ударили в дверь.

— Что такое? — простонал Ермаков.

— Он окончательно из ума выжил. — Коротко ответил майор, — Валить отсюда надо.

Раздался возглас Лодзинского:

— Не обманывайтесь! Бог поругаем, не бывает! Что посеет человек, то и пожнет! Сеющий в плоть свою, от плоти пожнет — ТЛЕНИЕ!!!

Шум заполнил тот коридор, а разум заполнил какой-то неестественный визг, сеющий страх и панику.

— Господи… Коля… что такое… — бормотал Ермаков и затрясся.

— Терпи братишка, — ответил Васнецов. Он взвалил товарища на плечи и бросился к выходу. — Терпи.

В лабораторию ворвалась, толкаясь и размахивая руками, группа волосатых, человекоподобных существ. Они были покрыты черным густым, но коротким, влажным от разморозки мехом. Шея отсутствовала, и голова уходила в плечи, нависая над торсом, словно вершина горы. Широкий зубастый рот и крупные ноздри над ним. Вместо носа лишь бугор. Глубоко посаженные человеческие глаза с желтыми белками и огромными зрачками…

— Господи боже, — пробормотал Васнецов и вскинул дрожащей рукой автомат.

Существа, похоже, знали, что это оружие и рванулись от линии огня. Васнецов дал очередь. Задел одного. Но тот не вскрикнул, не зарычал и вообще не издал никакого звука. Только схватился за рану в плече рукой и присел, прячась за столом. Другое существо схватило со стола монитор и швырнуло его с

невероятной легкостью в сторону людей. Майор едва увернулся, и выскочил в очередную дверь. Они оказались в первом зале. Николай опустил раненого товарища на пол и быстро задвинул массивную створку двери и провернул ручку до отказа как раз в тот момент, когда оттуда донеслась еще одна автоматная очередь. Кто это стрелял? Профессор? Существа его не трогают? Или сами умеют обращаться с оружием?…

— Коля… ты… они зовут… чувствуешь?… они в мозги лезут как ложкой в сметану… мать их… — бормотал Ермаков.

— Да, Митя… Да… Потерпи…

— Дверь их не остановит…

— Хоть на минуту… хоть на пару… — он снова взвалил раненного себе на плечи побежал к выходу.

— Коля… документы… бумаги…

— Черт с ними. Самим бы ноги унести…

Они достигли тайника в пещере, и Васнецов опустил товарища на пол.

— Ты как?

— Хреновато…

— А паника?

— Отпускает… Досюда не достают эти черти…

— Ладно, — майор быстро достал из рюкзака аптечку, — Дима, попробуй перевязаться и вколоть себе… Ну ты сам знаешь все. Уже был ранен.

— А ты что?

— Я сейчас пойду обратно. Не знаю сколько их. Если всех не перебью, то хотя бы дверь заблокирую. Заодно амуницию испытаю эту.

— Они же гипнотизируют. Ты что, не чувствовал?…

— Чувствовал. Но в инструкции к костюму написано, он предохраняет от психического воздействия… — Васнецов раскрыл большую прорезиненную сумку и стал доставать элементы костюма.

— А как? Может батарейки давно издохли?

— Он потребляет электричество, вырабатываемое человеческим телом. Как альтернативный источник…

— Когда они тебя увидят, то передохнут от страха, — усмехнулся Ермаков, взглянув на переодетого майора. Пещера наполнилась шипением дыхательных фильтров маски костюма, вместо ответа. Васнецов только кивнул.

— Давай, Коля, с Богом. Но только не долго…

Васнецов бросился обратно, в недра горы. И вскоре оттуда донесся громовой бас его шестиствольного пулемета…

40. КОЛЫБЕЛЬ

Головная боль стала просто невыносимой. Николая рвало, и тело сводили судороги. Сейчас ему было наплевать на все. На видения, на миссию, на окружающих и даже на правду об отце. Им всецело овладели спазмы, и желание, чтобы все это немедленно прекратилось.

— Да что это с ним? — воскликнул Варяг.

— Шок. Побочный эффект, — пробормотал Людоед и сунул под нос Николаю железную кружку с водой. — Выпей, Коля.

— Что это, — простонал Васнецов.

— Теплая вода с сахаром, — Ответил Крест, — Сахар шоковое состояние снимает. Давай. Пей.

— Не могу…

— Через не могу. Пей!

Николая снова свела судорога, но рвать уже было нечем. Он дрожащими руками схватил кружку и с большим трудом влил в себя жидкость.

— Иззвени… пока… не могу рассказать, что видел…

— И не надо. Сейчас ложись на стол и передохни. Мы все слышали. Ты комментировал свое видение в трансе.

— Людоед… не делай так больше… — выдохнул Васнецов.

— Ну, я не нарочно. Все. Ложись, давай.

Товарищи уложили Николая на стол, и Людоед снова накрыл его своей шинелью.

— Ну, камрады, что скажете? — хмуро спросил Илья, отойдя от стола.

— Да ты его чуть не угробил! — Сквернослов негодовал.

— Я не об этом. А о том, что тут произошло шесть или семь лет назад.

— Чертовщина какая-то. — Пожал плечами Варяг и взглянул на разложенные бумаги, которые они изучали. — Какие-то чудища.

— А они тебе не напоминают по описанию того утырка в Котельниче, что на Юру покойного напал? — усмехнулся Крест.

— Да медведь это был, — сам не уверенный в своих словах, снова пожал плечами Яхонтов.

— Да чего вы тут гадаете? — Развел руками Вячеслав, — Пошли, посмотрим бумаги. Там что-то может, есть про этих…

Они расселись за соседним столом и снова принялись изучать бумаги, то и дело, бросая взгляды на притихшего Николая.

— Слушай, Илья, вот еще интересно, — усмехнулся Варяг

после продолжительного молчания и чтения документов. — Нет, все-таки русский человек и кашу из топора сварит и блоху подкует.

— Чего там? — спросил Людоед.

— Проект «Ареал». Системное подключение к сети любого мобильного оператора и мобилизация сети его вышек по всей стране в заданное время как единовременное, так и каскадное.

— И что это? — Сквернослов посмотрел на бумаги, которые изучал Яхонтов.

— Разве не понятно? — снова усмехнулся Варяг, — Это же русский ХАРП!

— Толково, — хмыкнул Людоед, — Что и говорить. Толково.

— Минимум затрат. Ничего не надо строить. Только аппаратный центр и все. ХАРП готов. Вместо излучателей, вышки по всей стране, которые за них сделала фирма, поставлявшая услуги сотовой связи. Тут даже схемы есть. И самое интересное, расчетная мощность от 0.8 мощности «Авроры» до 3.2 мощностей. А эта самая «Аврора» и есть тот ХАРП, к которому мы едем. При этом тут рассматривалось и психоволновое воздействие. Как локальное, так и в масштабах сети и экстерриториальное. Все гениальное просто…

— Н-да, — Крест с интересом смотрел на схемы, — Все гениальное просто, — задумчиво повторил он. — Но сейчас нам не это важно.

— Проект «Молох». Это не оно? — Сквернослов указал на ту часть бумаг, которую сам перебирал.

— Ну-ка, — Варяг взял у него листы. — Так-так… Волновая генетика. Черт, да проект еще лохматых годов. — Он стал пробегать взглядом по строкам. Так… Вот, от теории к практике перешли в конце девяностых. До того лет пятнадцать только бредовые теории. Тут что-то про чернобыльских животных…

…наиболее устойчивыми к воздействию радиации и приспособленные к жизни и репродуктивной деятельности оказались черные куры. Во всех исследуемых случаях у оставшихся жить в зоне отчуждения людей, в хозяйстве практически все куры с черным окрасом выжили, тогда, как белые в разные сроки погибли. Более того, в данных условиях рождение именно черной домашней птицы стало более распространенным. Генетика вида адаптировала их под условия зараженной местности… Среди наблюдаемых в Припяти и окрестностях одичавших кошек чаще всего встречаются темных окрасов. Опыты на лабораторных мышах и крысах подтвердили давно выдвинутое предположение, что черные более живучи. Среди облученных при эксперименте белых крыс, погибло двадцать из двадцати. Среди

черных, семь из двадцати. У пяти родилось относительно здоровое потомство…

— Эвон как, — хмыкнул Людоед, — Ну я давно знал, что брюнеты более устойчивы. Собственно мое житие-бытие в метро это в некотором роде подтвердило. Так что мне и блаженному особо нечего боятся. А вот ты, Варяг и ты Славик, поостерегитесь. Вас это дрянь цепляет, блондинчики. — Он засмеялся.

— Зато мы не психи как вы оба, — ответил Сквернослов.

— Ну, — Крест развел руками, — Это есть. Ни дать, ни взять.

— Что там дальше? — послышался голос.

Все посмотрели в сторону Николая. Он бодрствовал. Смотрел в потолок и слушал. — Что там дальше про «Молох»?

— Ты сам-то как? — спросил Варяг.

— Никак, — коротко ответил Васнецов, продолжая смотреть в высокий, тонущий в темноте полок.

— Ну, сейчас будем дальше бумаги эти ворошить. Услышишь, как что интересное нароем, — сказал ему Сквернослов.

— Угу, — устало буркнул Николай. Он чувствовал, что тонет в своих мыслях и хотел отвлечься от этого, слушая голоса товарищей. Ему не давали покоя последние видения и осмысление самого себя. Человек ли он теперь. Что с ним происходит? Быть может, его путь к достижению цели их важной миссии должен быть таким? Значит ли это, что он должен принести в жертву выполнению задуманного свою человечность? Каждый день, все чаще и чаще, он задавался вопросом — каким он станет, дойдя до ХАРПа? И как это поможет уничтожить, продолжающую затянувшийся апокалипсис дьявольскую установку? Он уже уяснил, что при определенных, пока еще не поддающихся пониманию и контролю условиях, он может заглядывать в прошлое, слушать эхо былого. А что с будущим? Может он предвидеть его и знать наверняка, насколько удачной окажется их поход? Он напрягся и попытался увидеть, что ждет их дальше. Через час. Через дань. На той стороне от Уральской гряды. На Аляске. ХАРП. Он попытался разглядеть будущее, и воображение рисовало ему всякие картины, но он понимал, что это всего лишь игра этого самого воображения. А какова будет действительность?

— Не пытайся этого делать… — услышал он голос внутри собственного разума.

— А ты еще кто? — спросил мысленно Николай.

— А с кем бы ты хотел говорить?

— Может с Богом? — Васнецов мысленно пожал плечами.

— Ух ты, — в голосе слышалась усмешка, — Не много ли чести?

— Ну, раз он возложил на меня такую великую миссию…

— Он возложил? Оно ему надо вообще? Это ты просто возомнил.

— Ну, тогда с отцом. Хочу поговорить с отцом.

— Значит, представь, что я твой отец.

— Нет. Я не хочу представлять, что ты мой отец. Я с отцом хочу поговорить.

— Ты чего мне голову морочишь? — разозлился голос.

— Это ты мне голову морочишь, — Николай даже нахмурился. — Кто ты вообще? Рана? Это ты, да?

— Нет. Ты же не спишь. Она к тебе только во сне иногда приходит.

— Тогда кто ты такой, черт тебя дери?!

— Я, это ты.

— Чего?

— Я это ты, говорю. Ты вот лежишь и сам с собой болтаешь.

— Да иди ты к черту!

— Не могу, — усмехнулся голос. — Я же лежу на столе, пялюсь в потолок и тихо сам с собою…

— Может я с ума сошел? — Николай подумал, обращаясь уже к самому себе, а не к этому голосу в голове.

— Ну, похоже, — послышался ответ голоса. — Твое сознание поделилось. Во всяком случае я, наиболее вменяемая часть твоего сознания. И плохо, что ты меня, а значит нормального себя, воспринимаешь как кого-то постороннего. Совсем башня уедет. А если башня уедет, то тебя дружки твои, товарищи, вынуждены будут прикончить. Опасным и бесполезным для них станешь.

Николай медленно повернул голову и украдкой посмотрел на своих товарищей. Вспомнил как легко и без всякой заминки расправляется со своими жертвами Людоед. Как его бил Варяг. Славик? Этот сделает что ему скажут… Да. Он совсем ведомым стал. Убьют. Как пить дать убьют.

— И что мне делать теперь?

— Осторожней быть. И себя контролировать. Разум свой.

— Постой. Ты же меня против товарищей моих настраиваешь? Нет?

— Это ведь ты подумал. Значит, ты и настраиваешь себя. Я же говорю, следи за рассудком своим. Времена нынче такие. Они тебя грохнут если что. Не со злобы, а во имя спасения миссии и из жалости к тебе. Как ты предлагал Ветру избавить от мучений его сына. Смекаешь?

— Черт… Нет, ты ерунду городишь… изыди…

— Вот-вот. Ты отделяешь себя от себя. Сознание твое двоиться. Ты сейчас сойдешь с ума и привет.

— Это что и есть будущее, которое я хотел увидеть?

— Да нельзя увидеть будущее. Может просчитать что-то, но это лишь спланированный сценарий, который необязательно состоится. Будущее зависит от выбора в текущий момент. Так что смотри в него сколько угодно, но оно не есть фиксированная цепь событий с узнаваемым результатом. Твое будущее ты сам творишь. Но не оступись по дороге. Сейчас самое главное не сойти с ума. Протопчешь себе дорожку в могилу.

— Блин… Нет ну у меня ведь были предчувствия. Как в Вавилоне, когда напали на него. Разве я не видел будущего?

— Нет. То ощущение текущего момента. Восприятие психополя вокруг. Это не пророчество. Интуитивность не взгляд в будущее. Нечто другое.

— А что ты можешь сказать по текущему моменту сейчас? — спросил Васнецов сам у себя.

— А сам ты что чувствуешь?

— Это «Аркаим-13»?

— Ну да. Это же самоочевидно. Один из его комплексов подземных. Тут рядом объект «Колыбель».

— «Колыбель»? Что это?

— Генно-инженерная лаборатория. Там, выстругали новое существо.

— Молохит?

— Конечно. Из кучи генов сложили совершенно новый вид. Выносила его вроде горилла какая-то подопытная. Потом долбали новорожденного гормонами принудительного роста и, черт его знает еще чем. Потом стали его лабораторно плодить. Клонированием или как-то так. Изучали. Короче, три первых экземпляра издохли быстро. Потом вроде получилось.

— А зачем их создали?

— Ну как. Это же оружие. Существо с низкой формой интеллекта. Достаточной чтоб понять свою задачу и выполнить. И быть послушным перед хозяевами. Подолгу без еды обходятся. Выносливые. Сверхвысокий болевой порог. Звуков не издают, значит малозаметны. Общаются друг с другом толи телепатически толи ультразвуком. Могут влиять на человеческий мозг своим неслышным в обычном для нас фоне голосом. Устойчивы к радиации. Правда, бывали патологии. Появлялись альбиносы. Они светлые и радиацию больше боятся. Альбиносы с остальными не уживались. Зато одна закономерность выяснилась. Основной вид не любит холод. Альбиносы к холоду более устойчивы. Но на том преимущества альбиносов и кончались. Ставку ученые сделали на темных молохитах. Поначалу они были бесполые, не способные к самостоятельному размножению и у

них отсутствовал репродуктивный инстинкт. Зато росли они на гормонах и при помощи чего-то там, рака и стволовых клеток каких-то очень быстро. Представь, таких зашлют на вражескую территорию. Они там посеют страх. Панику. А что на деле? Кто-то где-то видел снежного человека. Никто не поверит, а панику спишут как обычно на слухи и суеверные страхи перед неестественным. Пока будут разбираться, засланные сделают свое дело и сгинут в лесах, так как изначально жизненный цикл у них был короткий. Одноразовые существа так сказать. Все очень просто и гениально. А представь армию таких? Но вот в один прекрасный момент кто-то из ученых, занятых в проекте, решил увеличить им жизнь, заменив ген быстрого старения. И заодно дал репродуктивные функции. Разделение по половому признаку не удалось, но удалось сделать из них гермафродитов. И теперь они способны жить годы. Плодиться когда им взбредет в голову. Ни ревности, ни споров из-за самки, как это у зверушек и людей обычно бывает. Это наиболее дружное и устойчивое во всех отношениях сообщество. И еще они учатся…

— Черт… Погоди, а откуда ты все это знаешь?

— Ну, мы же говорили про текущий момент. Ни я это знаю, а ты логическую цепь выстраиваешь. Ты же слышишь, что твои товарищи читают. Мозг воспринимает их речь, но ты будто слышишь это от меня. А на самом деле я, это ты и это твои умозаключения…

Николай поднялся и сел. Посмотрел на товарищей. Так и есть. Это все он услышал от них и лишь диктовал сам себе упорядоченный текст, собранный из разрозненных обрывков того что читали вслух Варяг, Людоед и Вячеслав.

— Блин, а я думал, что это наше правительство все последние годы перед ядреной армию сокращало и сокращало, хотя НАТО расширялось и, на границах наших неспокойно было, с каждым годом все больше? — Усмехнулся Крест. — А тут вон оно что. Зверушками решили, оказывается воевать. А что, толково, квартирами их обеспечивать не надо. Отпуска оплачивать не надо. Пенсию не просят. Погиб, и хрен с ним. Никто шума не поднимет и компенсацию родным платить не надо. Идеальные солдаты. Я вот думаю, Варяг, кто хуже, эти твари или те, кто их сотворил?

— Люди… — пробормотал Николай, — Люди хуже. — Он пристально смотрел на товарищей. Кто? Людоед? Да. Он убьет без колебания. Еще будет улыбаться и отпустит шутку по этому поводу, пока будет голову отрубать или еще что. Варяг? Тоже как два пальца… С мужественным лицом и суровым взглядом всадит пулю. Ну, может скупую мужскую слезу на прощание пустит.

Славик? Может и он. Только сначала убьет, а потом осознает что убил. Как с Пчелкой. То хотел ее оприходовать, а потом за голову хватался. Мол, чего это я… Н-да… Остерегаться их надо.

— Узнаю мировоззрение морлока, — усмехнулся Людоед. — Хуже всего люди. Они так и считают. Слышь, блаженный, ты бесов внутренних поостерегись. Нето омразеешь и что нам с тобой делать?

Васнецов вздрогнул. «Вот оно! Людоед! Ну конечно он! Словно мысли читает! Вот кто больше всего опасен!» — размышления Николая наткнулись на внезапно возникшее чувство тревоги. Он что-то уловил боковым зрением. Дверь? Васнецов повернул голову и с ужасом обнаружил, что круглая ручка массивной двери очень медленно вращается. Точно! Надо очень внимательно на нее посмотреть, чтобы заметить это. Но он заметил. Ощущение текущего момента! Конечно!

Васнецов медленно соскользнул со стола и направился к двери. В баррикадах была брешь. Как раз на стыке створок и там где эта ручка. Но разве двери распахиваются? Может они раздвижные? Тогда эти завалы из столов, шкафов и всяких железок бесполезны.

— Колян, ты чего? — крикнул Сквернослов.

— Дверь. Кто-то ручку вращает, — тихо ответил Васнецов, глядя прямо перед собой на этот медленно крутящийся по часовой стрелке штурвал.

Его спутники повскакивали со стульев и бросились к нему. Николай же медленно опустил ладони на ручку и вращение ее остановилось. Он смотрел на нее, но она больше не крутилась.

— Ну? — Спросил подбежавший Варяг, — И где?

— Вот только что она открывалась.

— Может, показалось тебе это? — предположил Вячеслав.

— Ничего мне не показалось. Я ясно видел.

Людоед осмотрел завалы у дверей, взял какую-то железную трубу и, вставив ее в ручку, упер в пол под углом.

— Ну, теперь не откроют. Пошли дальше почитаем.

— Может сваливать пора? А? — раздраженно спросил Сквернослов.

Они направились к своему столу.

— Слышь, матюгальник. Нам ежели еще один замес типа Вавилонского улыбнется, то воевать после него придется вонью изо рта и намотанными на хрен портянками. И мы ведь там, в основном свои боеприпасы не тратили. Только ихние. Вавилонские. Ну ладно у меня катана самурайская. У викинга меч-кладенец. А ты чего с братиком будешь делать? Братик твой, сдается мне, в критической ситуации загрызть может. Он там, в

Вавилоне лихо несколько вандальчиков порвал, что тузик грелку. А ты что? Матом отбиваться станешь?

— И к чему ты это? Тайник твой хваленый разорили давно. Забыл? — возразил Вячеслав.

— Это же военный мать его объект. В дневнике этого неизвестного искателя, коим может действительно батя Колькин статься, он писал, что по его предположению тут есть оружейная. Где профессор автомат взял, из которого стрелял в Ермакова?

— Я не понял, — нахмурился Варяг, — Ты что, за дверь эту хочешь?

— Да не совсем. Ты видел какая труба под потолком вентиляционная? Не то, что в том коридоре. Тут помещение большое и объемы другие. Тут труба прямо как в кино. По ней человек может проползти. В любом случае надо разведать, что в других помещениях. Сдается мне, что эта хреновина опасна, как и ХАРП.

— Да у нас времени на это нету, — возразил Яхонтов.

— Всей возни на час от силы, — махнул рукой Крест.

— Я туда не полезу, — отрезал Сквернослов.

— А тебе и не надо. Уроды эти на мозги воздействуют. Ты же слышал видение блаженного. Туда я полезу. У меня иммунитет.

— У тебя от пси-волков иммунитет, — продолжал хмуриться Варяг.

— Да все эти психоштучки что у волков, что у морлоков, что у этих молохов одну природу имеют. Тут нет колдовства или чертовщины какой-то. Одна голимая наука. Меня это не цепляет. И блаженного, я уверен тоже. Сам подумай, Варяг. Сколько у нас боеприпасов. Сотни три патронов к калашу. Штук сорок для СВД. Полсотни для винтаря. Полсотни для пистолетов. Две тысячи для моей шестиствольки, а она их тратит, что министры госбюджет. Гранат у нас двадцать. Десять для подствольника. Это ничто, учитывая, какая нам дорога предстоит еще. И не факт что будет, где разжиться макаронами. Разве я не прав?

— Прав, конечно, — Яхонтов почесал бороду, — Но ведь и не факт что там что-то есть.

— Не факт. А проверить? Вот я и проверю, — Людоед усмехнулся…

Сзади раздался скрип. Все обернулись.

Ручка снова вращалась по часовой стрелке. Труба, которую вставил в нее Крест, скрежетала об пол и гнулась от неумолимого вращения.

— Мать твою. Что силища! — выдохнул Сквернослов.

— Быстрее! — Людоед снова кинулся к баррикадам и схватил еще одну трубу. — Вставляйте все, что можете в эту хренову

ручку! — Крикнул он.

Товарищи последовали его примеру и стали запихивать в штурвал все обломки труб и железных ножек от столов, что смогли найти в завалах. Им все-таки удалось остановить вращение, когда вся ручка была до отказа утыкана железом, упирающимся и в пол и в прислоненные к двери столы.

— Ты еще не передумал? — усмехнулся, вытирая пот со лба Варяг.

— Брат, я несколько лет в метро прожил. Какого дьявола мне бояться? Короче. Поступим так. Сейчас составим столы пирамидой, чтоб то трубы вентиляционной можно было достать. Потом, ты, Варяг, вместе со Славиком пойдете к луноходу. Все равно у вас иммунитета нет. Но только на чеку будьте. Мало ли что. Тащите сюда мой пулемет и патроны к нему. И сами боеприпасов себе нахватайте. Варяг, у тебя веревка есть?

— Есть.

— Какая?

— У меня их три. С пожарных машин, что на аэродроме нашем были.

— Спасательные? Они метров по двадцать должны быть. Да?

— По двадцать пять. Еще бечевка, на которой искатели гудки из бутылок к деревьям привязывают. Метров пятьдесят, но она не такая толстая.

— Сложим вместе будет толще и того у нас сто метров сигнального троса. Тоже тащите. И в моем ящике пистолет с глушителем. Его прихватите и три обоймы с ним. И фонарик вместо моего потухшего.

— Слышь, Крест, может это? — Сквернослов взмахнул руками.

— Чего? — поморщился Людоед.

— Ну, может, взорвем тут все к хренам? Притащим сюда твою атомную бомбу и аставаляста крошка?

— Ты дурак?

— Почему это?

— Бомба, десерт для ХАРПа. И забудь о ней! Все. Давайте. За работу.

— Вот тут мы точно все боеприпасы оставим, — Вздохнул Варяг. — Овчинка выделки не стоит.

— Не потратим. — Мотнул головой Людоед, — Я не думаю, что они через дверь прорвутся. Вы будете тут с основным оружием. На всякий пожарный. Все-таки риск благородное дело. Начали…

***

Вентиляционный тоннель с прямоугольным сечением действительно позволял ползти по ней человеку. Стенки были достаточно толстыми, чтобы не грохотать от движения, и подвеска у них к потолку была весьма надежная, учитывая вес трубы. Людоед довольно легко снял заслонку из толстого оргстекла, наглухо закрывающую отдушину в трубе и демонтировал скрывающуюся за ней решетку. Людоед полез первым. Следом, обвязавшийся веревкой Николай. Поскольку он обладал приобретенным иммунитетом к пси-воздействию, было решено, что работать парой предпочтительней. Варяг оказался прав, когда притащил еще и респираторы из лунохода. Хотя, догадаться, что в трубе будет очень много пыли, было несложно. Видимо вентиляция весьма давно не работала, что неудивительно учитывая в какой эпохе, они теперь все живут.

— А ведь совсем недавно помылись, — досадливо пробубнил Людоед и пополз вперед.

Практически сразу они достигли еще одной заслонки. Внутренней. Людоед, казалось, не удивился. Учитывая, что некоторые помещения должны были изолироваться друг от друга при определенных обстоятельствах, такие заслонки внутри трубы должны были быть. И поскольку требовалась от них полная безотказность, то и работали они на простейшем принципе. На перепадах давления. Крест без особого труда сорвал цинковую, с прорезиненными краями, дверцу заслонки и двинулся дальше. Вскоре был перекресток. Пересекались две трубы. Илья посмотрел по сторонам и двинулся дальше, светя принесенным из лунохода фонариком. Николай следом. Метров через пять был поворот. Протиснувшись туда, Илья выключил фонарь. Николай не сразу понял, в чем дело. Когда и он оказался за поворотом, то понял. В трубе зияло отверстие отдушины. Свет фонаря мог их выдать. Снизу, из помещения, било слабое сумрачное освещение. Людоед внимательно смотрел вниз. Затем сделал жест рукой, означающий, что надо двигаться дальше. Минуя отдушину, Николай бросил взгляд вниз. Это была комната, размеры, которых оценить отсюда было трудно. Несколько столов, на одном из которых были смонтированы приборы. Горело несколько контрольных ламп, которые и давали этот мрачноватый скудный свет. Снова заслонка и снова за ней оказался перекресток. На сей раз выбор был невелик, поскольку вперед и влево труба была настолько узкой, что по ней могли передвигаться только крысы. Оставалась двигаться вправо, что они и сделали.

Еще одна отдушина с вырванной решеткой. В помещении было совсем темно. Несколько минут Людоед вслушивался в

тишину и всматривался в темноту, затем пополз дальше. Васнецов как обычно последовал за ним, но вдруг снизу донесся скрип, открывшийся двери. Два человека в трубе замерли. В темноте слышалось чье-то прерывистое дыхание. Кто-то стоял в дверях и также вслушивался в тишину. Затем дверь захлопнулась, и послышались глухие, неровные, удаляющиеся шаги. Выждав немного, они снова поползли. Следующая отдушина была довольно близко. Видимо предыдущее помещение оказалось не таким большим или по нему проходила еще одна труба. Людоед опять вслушивался и всматривался в темноту. Решетка тут была на месте, но наружная заслонка открыта. Васнецов подполз к нему и вдруг веревка дернулась. Один раз и через короткую паузу три раза подряд. Это был условный сигнал от Варяга. Веревка кончилась.

— Илья, все, — шепнул Николай.

— Ладно, — послышался тихий шепот Людоеда. Он еще какое-то время вслушивался в тишину, затем включил фонарь и посветил в помещение. — Повезло. Под нами большой сейф. Обратно залезть легко будет, — сказал он, после чего уперся спиной в потолок трубы и надавил коленями на решетку. Решетка поддалась, и Крест успел схватить ее рукой, чтоб она не зашумела, упав вниз. — Оставайся тут и будь начеку.

Крест спустился вниз. Послышалась какая-то возня. Затем снова тихий голос Людоеда.

— Ты часы у Варяга не забыл взять?

— Нет, — шепнул Николай. — У меня они.

— Ждешь меня двадцать минут. Потом уходи, и сваливайте отсюда. Ясно?

— Но как же…

— Все я сказал. Засеки время…

Людоед двинулся практически бесшумно. Затем скрипнула дверь и воцарилась гробовая тишина. Николай посмотрел на светящиеся в темноте черточки на командирских часах Варяга и вздохнул. Перевернулся на спину и улегся поудобнее, чтобы дать телу передохнуть после напряженного движения. Взглянул еще раз на часы. Минута прошла. Всего минута или уже минута? Успеет Людоед? Вдруг стало стыдно за свои мысли о том, кто из его товарищей убьет его. Какая чушь. Как подло так о них думать…

Веревка дернулась. Показалось? Снова дернулась. Нет, это не Варяг. Он бы дергал условным сигналом. Крыса задела? Веревка натянулась, затем ослабла. Что это? Васнецов приподнял голову и стал вглядываться в темноту пройденного им пути. Нет, эти твари не могут передвигаться по такой трубе. Они для этого слишком

большие. А что если они запустят сюда своего детеныша? Они ведь плодятся… Он почувствовал, как страх ползет по спине. Чертов страх. Нельзя… Нельзя бояться…

Скрипнула дверь. Совсем не в той стороне, куда ушел Илья. Васнецов стал медленно поворачиваться на живот, подтягивая к отверстию в трубе короткоствольный автомат, который был тут предпочтительней его обычного «Калашникова».

В помещении слышались шаркающие шаги. Все ближе и ближе. Николай почувствовал, как к страху примешалось что-то еще. Он разумом чувствовал тысячу невидимых щупалец, скользящих всюду и незнающих никаких преград в виде стенок этой трубы. Они искали его, Николая. Они пытались подавить его разум и волю. Пытались заставить его выдать себя. А там, внизу, под отверстием, возле сейфа, кто-то дышал. И… человек так не дышит. Это не человек. Щупальца продолжали хлестать его психику, но Васнецов всем своим естеством пытался пропустить их сквозь себя. Словно его тут не было.

«Нет. Ты не властен надо мной. На меня это не действует. Уйди. Тут нет никого. Нет тут никого», — думал он.

Звук дыхания изменил направление. Существо смотрит вверх? Подняло голову? Но если верить видению, то у них нет шеи. Да нет. Он помнил того альбиноса в Котельниче. Как он может поднять голову, если у него нет шеи? Черт… Темно как… Я же морлок… Морлоки видят в темноте… почему я не вижу? Васнецов что есть силы, зажмурился. Так сильно, что глаза заболели.

— Я морлок! — говорил он себе, — Я морлок! Мне все пофигу! Я нихрена не боюсь! Кроме… оборотня… — Он открыл глаза и… Стал видеть в темноте. Неясно, в черно-белых тонах. Но он видел. Огромный молох стоял под отдушиной и, изогнув тело назад, смотрел прямо на него. Пасть приоткрыта, обнажив ровные ряды белых зубов и показывая огромные клыки. Во взгляде бесконечная злоба и… Удивление? Да. Молохит увидел вторгшегося в его владения человека и был поражен тем, что человек остался глух и невосприимчив к тому психовоздействию, которым наградили его и его сородичей создатели.

— Здравствуй чмо, — прорычал Николай не своим голосом и в тот же миг молох, вытянув вверх руки, прыгнул к отдушине.

Васнецов отпрянул, с трудом выставляя перед собой автомат. Существо ухватилось огромными волосатыми руками за края отверстия. Молох быстро подтянулся, просунул голову и одну руку. Попытался схватить Николая, но не дотянулся. Он продолжал свои бесплодные попытки, наполняя трубу своим зловонным дыханием, а Васнецов продолжал пятиться назад.

— Ну, что, козлина, момент истины да? — злорадно хрипел Васнецов, — Морлок против молоха, кто кого? Только не забывай, урод, что я еще и человек! А хуже и страшнее человека, — он щелкнул затвором, — нет никого!

Одиночный выстрел пробил лобную кость чудовища, и молох рухнул вниз. Николай тряхнул головой несколько раз. Выстрел в трубе сильно ударил по ушам.

— И все-таки я победил, — снова зарычал Николай. — Кто еще на меня?

Снова скрип двери. Снова какие-то неосязаемые, а распознаваемые только внутренним чутьем щупальца. Но на сей раз, они не пугали. Только щекотали психику. И… Николай почувствовал скорбь… Второй молох, ворвавшийся в помещение, увидев убитого сородича, скорбил… Есть чему поучиться… людям…

— Эй! — крикнул Васнецов. — Сюда иди, урод! Я тебя к твоему братцу отправлю! Или к сестре, или как это у вас, уродов, нахрен…

Сильный удар по трубе сбил с Николая весь боевой пыл. Молох понял практически сразу, что к отдушине подходить нельзя. Там смерть. Но того кто в трубе надо выкурить. Существо стучало чем-то тяжелым по трубе, действуя шумом на нервы врагу и давя на его барабанные перепонки.

— Вот же дрянь какая, — прорычал, жмурясь и закрывая ладонями уши Николай.

Послышались три глухих, с лязгом щелчка. Удары по трубе прекратились, зато послышался звук падающей массивной туши. Что это было?

— Коля! Ты там как? — раздался окрик Людоеда.

— Жив пока! — радостно ответил Васнецов.

— Высунься из трубы и развернись головой в обратную сторону!

— Зачем?

— Дубина, чтоб ползти быстрее головой вперед! Сваливать надо отсюда!

Николай осторожно высунул голову и стал искать взглядом Людоеда.

— Твою мать! Да я это! Чтоб тебя! Быстрее давай!

Кряхтя и чертыхаясь, Васнецов выполнил команду Ильи и пополз в обратном направлении, перебирая рукой веревку.

— Блаженный, если ты пукнешь мне в рыло, я тебя убью, — послышался голос ползущего позади Людоеда.

Николай усмехнулся. Крест в своем репертуаре.

— А что с оружием и боеприпасами, Илья?

— Тут целый город, Коля. Ангары, залы, коридоры, склады. Ядерный реактор и станционные помещения. Убежища и еще черт знает что. Чтоб все тут прошманать и дня не хватит. И это в случае если бы тут не было никого. Но там этих тварей сотни, если не тысячи. Сваливать надо по-быстрому.

— А Варяг что говорил? — хмыкнул Васнецов.

— Проверить все равно надо было. И не умничай. Быстрее шевели задницей.

Николай миновал предыдущую отдушину. За ним Крест…

— Черт!

— Что! Что такое, Илья? — Васнецов попытался обернуться, но в узкой трубе это было нереально.

— Ползи дальше!

— Что случилось-то?

— Сука, дальше ползи! — заорал Людоед, и послышались уже знакомые щелчки пистолета с глушителем. Затем звук падающей туши и снова щелчки. Васнецов отполз и по следующему звуку понял, что Илью выволокли из трубы в помещение.

— Крест! Ахиллес!!!

— Уходи, баран, мать твою!!! — раздался уже далекий крик.

Васнецов стиснул зубы и пополз.

— Нет. Нет-нет-нет. Илья. Не может быть этого! — бормотал он. Но долг перед оставшимися товарищами заставлял его ползти обратно, не смотря на жгучее и всепоглощающее желание нырнуть в ту дыру, куда утащили Людоеда, и убивать там все живое, даже если его товарищ уже мертв. Но нет. Есть миссия. Остались еще товарищи.

Снова удар по трубе. И еще один. Молохи… Твари мерзкие… Бьют по трубе чем-то. Началась настоящая какофония. Сотни ударов сыпались дробью, сводя с ума. Николай теперь понял, что, во всяком случае, для него, ультразвук ничто. Но обычные звуки. Такие как эти. Просто сводят с ума. Деморализуют и подавляют…

— Ну суки, — Николай уже плакал и от боли в ушах и от отчаяния за то, что пришлось так вот бросить Людоеда, — Ну гниды, погодите. Дайте только вылезти из этой кишки. Я так просто не уйду… Твари…

Впереди замаячил свет. Затем какая-то тень показалась в трубе. Чья-то голова. Васнецов хотел уже выстрелить, но тут в него ударил луч фонаря.

— Коля! — Это кричал Варяг.

— Я! Уже… Сейчас!

Вот и заветный выход. Яхонтов подхватил Николая и помог выбраться.

— Нож! Отрежь! — нервно и торопливо рычал Васнецов,

дергая за веревку.

— Зачем портить! Отвяжи! Где Крест, я не понял?!

Николай, наконец, сорвал с себя веревку и едва не падая, помчался по составленной из столов и шкафов пирамиде вниз. Затем, достигнув пола, бросился к двери.

— Ты что делаешь?! — заорал Сквернослов, видя, как его брат начал судорожно выдергивать трубы из ручки. Вячеслав бросился к Николаю и попытался его оттащить. — Ты что, с ума сошел?!

Васнецов сорвал с себя респиратор и, поднимая своими движениями, облако собранной в вентиляционной трубе пыли, продолжал высвобождать ручку-штурвал.

— В чем дело? Где Илья?! — воскликнул подбежавший Яхонтов.

— Он там! Они его сцапали! Надо помочь!

— Твою мать! Славик, к пулемету, быстро! — Варяг принялся помогать вынимать железки. Наконец ручка освободилась и стала крутиться с бешеной скоростью. Кто-то вращал ее с той стороны. Все приготовили оружие.

— Блин, да сколько ей оборотов надо? — пробормотал Яхонтов и створка, наконец, со скрипом стала отъезжать в сторону.

— Аллилуйя! — раздался из щели вопль Людоеда. Он вывалился в открывшийся проем весь в крови и, одежда его была изодрана в клочья. — Закрывайте! Быстро!

Николай и Варяг задвинули дверь стали проворачивать ручку обратно. Вдруг Яхонтов зашатался и схватился за голову.

— Черт, что такое… — пробормотал он.

— Это они, — выдохнул Крест. — Все, Коля, уводи ребят. Сейчас им худо будет. Они не выдержат. Давай живее.

— А ты? — Васнецов схватил Варяга под руку.

— Пулемет. Я один задолбаюсь его тащить. Это ведь не в амбальском костюме, где кронштейны, которые массу этого ствола по телу распределяют. Поэтому выпущу в них все что есть. Когда они ворвутся. Напомню им про резню, что батя твой учинил. Ну а потом догоню вас. Валите к луноходу и ждите там меня. Но, если услышите взрыв, значит ждать не надо. У меня две гранаты. Значит я и себя и их… Понял?

— Да…

— Все! Валите, быстро!

Сквернослов уже корчился на полу, хватаясь за виски, и стонал. Увлекая за собой Яхонтова, Васнецов подхватил и Славика. Варяг, который оказался выносливее, хоть и с трудом, но помог ему идти.

Они бросились к выходу. Позади раздался скрип отрывающейся двери.

— Коля, спасибо, что дверь открыл! Глупо, но благородно! — раздался крик Людоеда. Затем свист раскручивающихся стволов. — Иии… Начали!!!

Пулемет загрохотал, поливая ворвавшихся в зал молохитов свинцом, как когда-то это делал его отец. Майор Николай Васнецов.

***

— Говорил же я, сваливать надо без всяких приключений, — Пробормотал Варяг, когда они оказались на улице.

Сквернослов, похоже, тоже пришел в себя и шел уже сам.

Облака спустились совсем низко и окутывали все вокруг. Холод снова, как обычно, ударил по телу. Но он был теперь приятен. Это лучше чем там, в подземелье среди этих тварей.

— Вы как? — спросил Николай.

— Лучше уже, — пробормотал Сквернослов.

— Идите к машине а я обратно. Помогу Людоеду. — торопливо сказал Васнецов.

И раздался взрыв…

Все замерли.

— Нет. — Выдохнул Васнецов. — Это ведь не он.

— Да громыхнуло не внутри, — прокряхтел Варяг. — Это кажется на восточном склоне.

— Точно?! — Николай обрадовался, что это не тот взрыв, о котором говорил Илья и бросился в сторону восточного склона. Он услышал еще один взрыв. Да. Это не в подземелье. Но что это тогда?

— Стой Коля! Там обрыв! — услышал он вопль Славика и почувствовал как снег, в который он проваливался только что по пояс, уходит у него из под ног.

Огромный сугроб сорвался, вниз увлекая за собой Николая.

«Что, все?» — пронеслась одна единственная мысль, и он почувствовал, как врезается в пласт ползущего снега и кубарем катиться по практически отвесном склону вниз, вперемешку с со снежными комьями.

Трудно было оценить, какое расстояние он вот так вот пролетел, но через какое-то время он осознал, что остановился и завален снегом. Васнецов стал судорожно работать руками, пытаясь разгрести то, что его завалило. Он не боялся так молохитов, как боялся сейчас снега. Он работал все быстрее и

быстрее, пока силы не стали покидать его. Но когда он понял, что больше не может выкапывать самого себя, то почувствовал морозный ветер и ледяной воздух. Руки, плечи и голова торчали из сугроба. Он свободен. Почти. Осталось выбраться полностью. Но сил на это не осталось. И снег очень рыхлый и вязкий. Где-то очень далеко грянул еще один взрыв. Васнецов несколько раз попытался вылезти из объятий этого сугроба, но безрезультатно. Он уткнулся лицом в снег и захныкал совсем как ребенок.

— Как глупо-то… — простонал он в отчаянии. Устало подняв голову, он увидел нечто странное. Пятна света вырисовывались из серого тумана низкой облачности и становились все ближе и отчетливей. Свет был парным. Стало ясно, что это фары. И… К нему шел оборотень. Тот же самый костюм с пластинами вороненой стали. Маска с черными, матовыми линзами глаз и фильтрами на скулах. Натянутый на голову капюшон. Вместо пресловутого пулемета какой-то странный автомат с оптикой. Он шел прямо к нему, Николаю.

— Не может быть, — прошептал сам себе Васнецов. Еще невероятнее было то, что следом шли еще трое таких же облаченных в броню существ! Но фантасмогоричность и нереальность картины довершили те самые фары. Из тумана показался луноход… и еще один… третий… четвертый… пятый… Они ползли вверх по склону. Вот из одного, вместо перископа, торчит еще один оборотень. С пулеметом.

Куча оборотней, куча луноходов…

— Аааа, — выдохнул Николай и расхохотался, — так это я опять брежу! Глюки текущего момента! Чертовы видения! — он откинул голову назад и заливался истерическим хохотом.

Оборотни подхватили его за руки и вытащили из сугроба. Васнецов продолжал хохотать и отмахиваться от них.

— Чертовы глюки! Подите вы прочь! — смеялся он не в силах устоять на ногах и, чувствуя, что скоро потеряет сознание от всего напряжения и нереальности происходящего.

Фильтры оборотней загудели. И только отдаленные уголки разума позволили ему понять, что они разговаривают. Причем на понятном ему языке.

— Что это с ним?

— Похоже на нервный шок. Сделай ему укол.

Укол последовал незамедлительно. Прямо в шею. Николай упал на колени.

У кого-то из них зашипела на груди рация.

— Командир. Наблюдаю точно такую машину как у нас. У них точно такой транспорт.

— Не может быть.

— Говорит пятый, подтверждаю. Совершенно идентичная машина. Они там, похоже, все осиное гнездо разворошили.

— Будьте внимательны. Это что-то странное.

— Говорит отряд Плутоний. Восточный вход расчищен. Начинаем зачистку.

— Принято.

Васнецов, чувствуя, что теряет сознание, из последних сил поднял голову.

— Вы кто, мать вашу, такие? — выдохнул он.

Тот, что стоял перед ним, и кого рация назвала командиром, опустил голову и посмотрел на Николая своими выпуклыми круглыми черными линзами. Из его фильтров донесся громовой бас:

— Рейдеры.

41. БРАТСТВО

Он проснулся. Казалось, его разбудил запах. Рядом с кроватью, на столике стояла фарфоровая чашка, источающая приятный аромат и свежие печенья в маленькой тарелке. Он лежал в теплой постели, пахнущей свежестью выстиранного белья. В комнате было очень светло, и слышалась музыка. Николай приподнял голову, оторвав ее от непривычно мягкой пуховой подушки и, посмотрел поверх чашки. Рядом добротная деревянная кровать с новым бельем. На ней лежал Сквернослов. Он видимо листал какой-то журнал, да так и уснул, так как в руках он еще держал это чтиво с красочными картинками. Дальше койка, на которой дремал Варяг. Васнецов медленно повернул голову. Спиной к нему стоял человек в спортивном костюме. Он тер ладонью затылок и смотрел на висящий на стене прибор, из которого доносилась музыка. Почувствовав на себе взгляд, человек обернулся. Это был Людоед.

— Здорова блаженный, — подмигнул он и снова уставился на прибор, — Черт да как тут… — он легонько стукнул по динамику. — Достали уже.

Музыка прекратилась.

— Ты чего аппаратуру ломаешь? — послышался оттуда голос.

— Ничего я не ломаю, — ответил Крест.

— А чего стучишь по динамику?

— Ты бы пластинку сменил. Достали ваши блюзы уже.

— А что поставить?

— А что есть?

В динамике послышалась возня. Затем снова голос.

— На прекрасном голубом Дунае. Пойдет?

— Штраус?

— Он самый.

— Давай, только не громко. Мои архаровцы спят.

— Ладно.

Из динамиков послышался вальс.

— Видал? — Людоед снова повернулся к Васнецову, — У них тут даже радио свое есть. — Он взял из рук Вячеслава журнал и улегся на свою кровать, — В эфире радио «Маяк», — пробормотал он, листая глянцевые страницы. — Такие вот дела, брат. И спасибо еще раз, что вытащил меня.

— Да ничего, — вздохнул Николай. — Мне кстати кажется, что это ты мне как-то внушил, дверь открыть. Нет?

— Я конечно в тот момент хотел, чтобы кто-нибудь из вас догадался. Видимо ты на каком-то уровне это уловил.

— А как ты мне на мозги действуешь, если у меня иммунитет от всего этого?

— Так ведь от чего иммунитет? — улыбнулся Крест, — Есть такая сила. А есть разум. У меня и то и другое, чего недостает и пси-волкам и молохитам и нашим старым добрым морлокам. Во всяком случае, я так думаю. На самом деле мне самому многое интересно. Но на все вопросы ответы, наверное, не получить.

— Ясно, — Васнецов вздохнул, — Мы, где вообще?

— На базе рейдеров, я полагаю. Ты пей чай. Остыл уже. И кстати, это настоящий чай. И печенья только испекли недавно. Вкусные.

— Мы в карантине?

— Ну да. Типа того. Забрали все. Помыли. Дали спортивные костюмы и запрели тут. Принесли чай и журнальчиков всяких, чтоб скучно не было.

— Про что журнал?

— Про военных. «Братишка» называется. Там еще, на тумбе, «Солдат удачи». Русское издание. «Военный парад». «Популярная механика». Ну, короче, все такое. С военным и техническим уклоном. Старое конечно. Довоенное. А с бабцами нету. Славик очень расстроился по этому поводу, — Крест тихо засмеялся. — Ох и покуражили мы в этом «Аркаиме». Упыри эти, оказывается, еще и стрелять из автоматов умеют.

— Молохи?

— Они самые. Двое там, шмаляли по мне. Только они не могут целиться. Лепят от бедра. Видимо недоэволюционировали еще. Но уже и то хреново, что могут оружие в руках держать.

В комнату вошел человек. Ему было лет пятьдесят или около того. Аккуратная короткая стрижка. Военная выправка и черный мундир без погон и шевронов. Вообще без отличительных знаков.

Николая даже посетило чувство де-жавю. Он вспомнил, как они находились в карантине конфедератов в Москве. Еще Макаров и Алексеев были живы. И так же вошел к ним некто в черном мундире, представившейся Людоедом. Только сейчас космонавтов с ними уже не было. А на стене вместо картины «Апофеоз войны» висело радио. И помещение более комфортное.

Человек держал в руках маленький красный блокнот. Он посмотрел сначала на Николая. Затем на Илью.

— Это ваше? — негромко спросил он Людоеда, показывая красную записную книжку.

— А что? — пожал плечами Крест.

— Простите, я бы хотел, чтобы вы ответили. И не вопросом на вопрос, а прямо. Это ваше?

— Ну, мое. А что? — Людоед насмешливо улыбнулся.

— Откуда это у вас?

— А тебе вообще, какое дело? — ехидно спросил Крест.

Человек вздохнул в сторону, повел седыми бровями и снова вперил в Людоеда терпеливый взгляд.

— Пожалуйста, не надо с нами играть в игры. Я повторяю вопрос. Откуда это у вас?

— Чиновник один дал. Перед войной еще. Что дальше?

— Вот как? И вы можете сказать, что обозначает вот эта колонка цифр на корешке?

— Это мой личный код, означающий мой позывной.

— Значит, вы утверждаете, что вы состоите в артели?

— Я так полагаю, что и ты тоже, если книжка вызвала у тебя интерес, и ты не пытался ее раскрыть, зная, что без кода содержимое зальется кислотой.

— Ну чтож. Рад встрече, Ахиллес. — Человек пристально посмотрел на Илью.

— Совершенно верно. Именно это имя и значится в цифровой колонке. А ты?

— Пересвет. — ответил человек в черном.

— Вот как? А Челубей тут есть? — Илья улыбнулся.

Незнакомец даже бровью не повел и не отреагировал на шутку.

— Нам бы очень хотелось со всеми вами побеседовать. Когда вы будете готовы? — спросил он.

— Да хоть сейчас, — пробормотал Варяг. Он открыл глаза и смотрел на гостя. — У вас тут мило очень, конечно. Но у нас слишком мало времени.

Пересвет повернул голову и посмотрел на Яхонтова.

— Вот и хорошо. Я приду за вами через пятнадцать минут.

***

Это было похоже на столовую. Как и в предыдущей комнате, тут не было окон, но имелось хорошее электрическое освещение. На большом столе стояло несколько бутылок с водой. Стаканы. Блюдо с нарезанными свежими овощами. Кофейник и все те же печенья в вазе.

Кроме Варяга, Вячеслава, Ильи и Николая, за столом сидел уже знакомый Пересвет и еще трое. Одеты они были одинаково в черные мундиры. Одинаковые стрижки и все примерно одного возраста. Коротко, по-военному подстрижены и гладко выбриты. Они были практически ровесниками Варяга и Людоеда. Представились они как Дитрих, Вайнах и Святогор. Очевидно,

Святогор был главным, и Николая не покидало ощущение, что это он сказал ему своим громовым басом сквозь фильтры маски — Рейдеры…

— Значит ХАРП, — вздохнул он, выслушав рассказ Людоеда и Варяга. Покрутив в руке опустевший стакан, из которого он только что выпил воду, Святогор достал из нагрудного кармана пачку папирос и закурил. — Мог бы и сам конечно догадаться. — Снова вздохнул он, выпустив клуб дыма. — А ведь эту установку должен был уничтожить Колесников.

— Колесников погиб в первый же день. Его лодку накрыли прямо на выходе из Авачинской бухты. — Заметил светловолосый Дитрих. У него даже бровь была светлая. Только одна. Над правым глазом. Вместо второй брови глубокий шрам, из-за которого один глаз всегда казался прищуренным.

— Но я надеялся, что залп он произвести успел все-таки. Н-да, — Святогор поднялся и стал медленно расхаживать за спинами своих соратников. — Однако то, что вы пустились в этот поход на Аляску, делает вам чести. Это более чем достойно уважения.

— Разумеется, — развел руками Людоед, — В санаториях нам прохлаждаться некогда.

Святогор остановился и уставился своими большими, болотного цвета глазами на Илью.

— Это что, камень в мой огород? — спросил он спокойно.

— А в чей же еще? Живете тут, как у Христа за пазухой.

— Ты не владеешь обстановкой, капитан.

— Я капитан-лейтенант. И обстановку я оценил. Тепло. Сухо. Электричества вдоволь. Со шмотками, смотрю проблем никаких. Жрачки вдоволь. Пекарня своя. Белье, мебель. Радио. Штраусы, блюзы. Журнальчики. Как и не было ничего. Никакой ядерной войны. Просто рай земной. Хорошая очень обстановочка такая.

— Эй, слушай, брат. Не надо так да? — Вайнах нахмурился и выставил перед собой ладонь. — Мы тут тоже делом заняты.

— Ну, так поведайте свою историю, — усмехнулся Варяг. — Мы ведь разоткровенничались с вами. А это знаете ли, не просто. Всю дорогу мало кто испытывал чувство гордости и энтузиазма по поводу нашей миссии. Нас все больше грохнуть пытались. Мы и так треть своей группы потеряли.

— Хорошо. Признаюсь честно, вам повезло, что среди вас человек из артели. Иначе ваш статус был бы тут иным. — Кивнул Святогор. — Вы должны понимать, что мы сверхсекретная структура. Основана в самом начале группой артельщиков. Мной в том числе. Непрошеных гостей мы не очень жалуем. Но вы пришли на передатчик системы ГЛОНАСС, работоспособность

которого поддерживаем долгие годы. Он приманивает к себе артельщиков, и мы вербуем их в наше братство. Кстати, Ахиллес, где ваш «Кулон»?

— Что такое «Кулон», — тихо спросил у Ильи Васнецов.

— Портативный передатчик ГЛОНАССовский. Типа карманного компьютера. Хорошая штука. — Затем Крест обратился к Святогору, — Я его потерял. Давно уже. Много лет назад.

— Очень халатное обращение с таким ценным имуществом…

— Слушай, генерал, я же сказал уже, что в санаториях не отвисал. Я выживал все эти годы. Воевал. Боролся. Только не надо мне втирать, что у всех ваших «Кулоны» до сего дня сохранились. Батарея здохла и все. На кой черт его с собой таскать?

— Ну, хорошо, — спокойно кивнул тот, — Допустим. Но как вы засекли маячок?

— При помощи радиостанции нашей машины. Да у вас же точно такие. Будто не знаете.

— Послушайте, а ведь майор ВДВ, Николай Васнецов, — пришел на ваш передатчик тоже без «Кулона», — подал голос Николай. — Видимо тоже его давно потерял. Во всяком случае, никакого прибора такого я у него никогда не видел. Так к чему эти вопросы?

Все уставились на него. Причем у артельщиков был недоуменный вид.

— Откуда ты знаешь, парень? — строго спросил генерал.

— Шесть лет назад. Или около семи. Ведь приходил? — Васнецов недобро смотрел на Святогора.

— Я спрашиваю, откуда ты знаешь? Действительно. Был такой. И с ним…

— Ермаков Дмитрий. Краповый берет. Верно? Так вот. Я сын майора Васнецова.

— Ну, дела, — пробормотал Пересвет.

— Это так. — Кивнул Святогор после минутной паузы, — Был такой. Тогда наше братство все еще формировалось. И тех условий, о которых с таким негодованием говорил Ахиллес, у нас по большей части не было. Мы встретили этих двоих, когда они вышли на поверхность. В те времена, мы, получив сигнал от датчика в пещере, что кто-то пришел к тайнику, не могли быстро прийти на место. Мы тогда располагались дальше, чем сейчас от этой горы. Ермаков был сильно ранен. А отец твой, с группой наших разведчиков на МТЛБ подался на запад. Он говорил, что ему в столицу надо, брата разыскать. Больше ни о нем, ни о наших разведчиках мы ничего не слышали.

— А с Ермаковым что стало? — спросил Варяг.

— Мы его выходили. Он с нами остался. Потом он по нашему заданию внедрился в одну весьма странную, но интересную нам общину. Они на той стороне от гряды. Называются вандалы.

— Вандалы? — удивился Сквернослов.

— Да. Вы слышали о них? Мы планировали использовать их в борьбе с молохитами. Но вот вчера разведка доложила, что вандалы сдуру напали на Вавилон и потерпели серьезное поражение. Теперь мы не знаем что с Ермаковым. Жив он или нет. Связь с нашей агентурой потеряна. Есть сведения, что оставшиеся вандалы снялись с места и ушли куда-то на юг. Короче мы потеряли серьезный потенциал в их лице.

— Твою мать, — тихо вздохнул Вячеслав. — Эх Колян, говорил я, не за тех мы воевали.

— Как же так, — сокрушенно пробормотал Николай. Он вдруг осознал, что его невероятное чутье, которым он стал гордиться, подвело его. Но разве в той ситуации был какой-то выбор?

— Да, сынки, — угрюмо кивнул Варяг, — вот что такое гражданская война.

— Эх, знал бы прикуп, был бы королем, — досадливо вздохнул Людоед. — Знаешь, генерал, этих ваших вандалов, я в основном покрошил.

— Не бери все лавры себе, Илья, первым по ним огонь открыл я, — Ухмыльнулся Васнецов. Он, конечно, понимал, что Крест хотел все взять на себя в этой ситуации. Но сам трусливо молчать не хотел.

— Да ладно. И мы в стороне не сидели тоже, — присоединился к нему Варяг.

— Это как понимать? — нахмурился Святогор.

— Мы были в Вавилоне на постое. — Ответил Крест, — Именно тогда эти вандалы и напали на город. Что нам оставалось делать? Мы организовали оборону, поскольку Вавилонские вояки в основном никуда не годились. Так что… Форс-мажор получился.

Генерал потер массивный подбородок.

— Н-да. Ситуация.

— Погодите. Как это вы в Вавилоне на постое были? — Дитрих подозрительно оглядел гостей. — Вы туда на своем вездеходе приехали, и в Вавилоне не поднялась паника? Ведь все знают, что такие машины только у рейдеров. А рейдеров сам черт боится.

— Повезло нам на самом деле, — Улыбнулся Варяг, — Попались нам по пути два идиота, которые завидя вездеход драпанули как зайцы. Ну, мы смекнули, что что-то тут не так.

Когда увидели Вавилон, то машину сныкали в лесу и в город подались на лыжах. А уж там и про рейдеров услышали и про молохитов и про вандалов этих ваших, которые так не вовремя напали. Кстати, а почему вы в своей войне с молохами сделали ставку на вандалов, а не на Вавилон, например?

— Вавилон? — генерал демонстративно поморщился, — Им впору называться Содомом. У вандалов война и уничтожение остатков разрушившей мир цивилизации возведены в ранг религии. А что такое Вавилон? Сборище зажравшегося и изнежившегося в поисках удовлетворения своей алчности, похоти и прочих низменных инстинктов отребья. Мелочные людишки, живущие одним днем и сиюминутной слабостью. Да кто в здравом уме в нынешних условиях сделает на них ставку? Да, вандалы отморозки, но их боевой потенциал как никакой другой был бы полезен в атаке на Нижний Аркаим. И цель их была бы не столько победить, сколько разворошить это осиное гнездо. Уничтожить как можно больше молохов и самим в этой битве ослабнуть.

— Пушечное мясо, — покачал головой Людоед.

— Именно. И жалеть их нам никакого резона не было. Но не использовать такую возможность мы тоже не могли. Зачем гибнуть нашим парням, когда можно стравить врагов человечества и противников здравого смысла, убив при этом одним выстрелом двух зайцев, а затем, довершив уже своими силами истребление этих исчадий ада, что прячутся в горе?

— Нижний Аркаим? — Варяг достал из кармана спортивной крутки трубку и стал забивать ее табаком. Курительные принадлежности и ему и Людоеду при обыске разрешили оставить. — А что, есть еще и Верхний Аркаим.

— Вы в нем находитесь, — кивнул Дитрих. — Это комплекс правительственных убежищ и запасной командный пункт. Которым, правда, никто так и не воспользовался. Вообще, по правде говоря, от нас до цитадели молохитов всего каких-нибудь двести метров. Раньше туннель соединял оба объекта. Но потом, когда все вышло из под контроля его взорвали.

— Вышло из под контроля? — Людоед посмотрел на генерала, затем на его соратников. — Так, товарищи, давайте все по порядку. А то сумбур какой-то получается.

— В этих горах, долгие годы функционировал сверхсекретный комплекс. Некоторые его объекты всегда работали в режиме полной изоляции от внешнего мира, словно условия ядерной войны существовали всегда, — Начал говорить Святогор, — И продолжали работать и после войны. Тут были десятки ученых. Спецназ из числа охраны. Сотрудники ФСО и

ФСБ. СВР и ГРУ. Некоторое количество чиновников и высших военных руководителей тут укрылось. Сам комплекс состоит из множества объектов. Самые крупные, это Нижний Аркаим и Верхний Аркаим. Про тот ход, через который вы проникли на объект, мало кто знал. На тот объект один главный ход. Это восточный туннель. Еще второстепенный, это с нашего блока. И запасной, небольшой тоннель, ведущий с подножья горы. Он тщательно замаскирован и мы только пару лет назад его нашли. Им вообще лет тридцать, наверное, не пользовались. Что касается выживания после ядерной войны, то тут, в Аркаиме, это было более чем возможно. Другое дело сроки. Здесь в подземельях есть гидропоника, оранжереи. Предусмотрены еще во времена холодной войны, блоки, где в случае необходимости можно было развернуть небольшую животноводческую ферму. Атомная станция, природные источники воды. Производственная база для выпуска определенной продукции. В первую очередь конечно военного назначения. Например, тут было налажено мелкосерийное производство «Каштанов» и еще нескольких видов огнестрельного оружия и боеприпасов к ним. Производство взрывчатки. Уникальный комплекс по ремонту и обслуживанию передвижных систем ПВО и многоосных тягачей комплекса «Тополь». На этой рембазе, дающей фору иному машиностроительному предприятию, незадолго до войны было развернуто производство транспортных средств особого назначения. Этот самый ваш луноход, был изготовлен здесь. Была выпущена небольшая партия в десять машин. Первые две, это испытательные прототипы. Они пропали. На полигоне были, когда все началось. Одну отправили вроде как на Луну. Семь остались в разной степени готовности и укомплектованности тут в ангаре, и попали нам в руки. Впоследствии мы довели их до рабочего состояния и успешно используем. Две наших машины имеют только электрическую силовую установку и сконструированы сугубо под нее. Остальные идентичны вашей, с бетагальваническим источником. Костюмы, кстати, тоже произвели здесь.

— А их для чего? — Спросил Людоед, — Только не надо говорить, что они сугубо для молодчиков артели были сконструированы. Не поверю.

— Ну, в общем, верно, — Командир рейдеров кивнул. — Не для артели. И если ты думал, что на один именной тайник приходился один костюм, то ты ошибаешься. Такие костюмы только в тайниках что тут, по Уралу были. Это логично, ибо собирали их тут. Ну, вроде я слышал, что пара-тройка таких костюмов была отправлена в Москву. Для верховного

главнокомандующего и еще для кого-то. Но подтверждения таким сведениям я не нашел и мои товарищи тоже. Что касается самого снаряжения. Это, так сказать, костюм для атомной войны. И не только. В основе своей в его проектирование были вложены задачи по созданию универсального средства защиты от пси-оружия, загрязненности окружающего воздуха и от ручного стрелкового оружия. Возможность атомной войны отчего-то со счетов сбросили и, считалось, что в новой мировой войне основным средством массового поражения будет пси-оружие. Но началась такая карусель, сами знаете. Может кто-то, не имеющий пси-оружия, но имеющий ядерное, из страха решил упредить и начал цепную реакцию всего этого безумия. Может наоборот, начало применения пси-оружия свело с ума тех, кто мог применить ядерное и они применили. Сейчас уже не разобраться.

— А что за пси-оружие? — спросил Варяг. — Телевизор за него сойдет? — он явно шутил.

Рейдер улыбнулся.

— Едва ли. Хотя в этом есть доля здравого смысла. Но а если серьезно… Ну, торсионные излучатели, например. — Святогор потер лоб вспоминая. — У нас, в советские времена один Киевский НИИ изготовил, кажется. Способны дистанционно влиять на психику человека. Ну а из современных, на момент начала войны, это тот же ХАРП. Или наш проект «Ареал».

— Так ведь ХАРП на природу влияет. Ни ионосферу и все такое. Разве нет? — Яхонтов пыхнул трубкой.

— Да он на все влияет. И на общее психополе и на магнитосферу. Ведь во время магнитных бурь из-за солнечной активности у психически больных начинались обострения и это факт. Так что тут все взаимосвязано. И мы, и они готовили такое оружие для будущей возможной большой войны. И соответственно готовили средства защиты. Но нам тягаться с ними было трудно. Причина банальна. Деньги. Наш костюм, просто опытный вариант. Недоведенный. Они вложили в подобный костюм куда больше средств и добились внушительных результатов. Тут были данные на этот счет от разведки. Ученые изучали эти данные. Нам бы такое финансирование. Понятно конечно, что у них было неоправданно раздутое влияние доллара в мире и ясно, что полмира попало в экономическую кабалу к ним после двух мировых войн. А после развала СССР и весь остальной мир в эту кабалу запрягли. Но, тем не менее, их интересная такая система сдержек и противовесов не позволяла незаметно для общественности производить большие вливания в сверхсекретные проекты. Мы очень поздно поняли, где они черпали альтернативные средства. То, что спецслужбы их

работали с мировым наркотраффиком, делая на этом огромные деньги, это было ясно давно и наши в свое время тоже такой метод взяли на вооружение. Но вот, например, зачем нам надо было срочно производить луноход? И не один, а партию? Да потому что выяснилось, что американцы уже долгие годы отправляют туда тайком грузы.

— На Луну? Что за грузы?

— Да кто его знает? А хоть и ящики с болтами и гайками? Представьте, что они отправляют туда стройматериалы маленькими партиями. А потом прилетят люди и начнут быстро возводить базу на Луне. Фантастика? Да вовсе нет. Но то, где они брали на это деньги, просто гениально. Была в свое время такая истерия во всем мире. Всякие там летающие тарелки, инопланетяне, Розуэльское дело, кинопленка со съемками вскрытия пришельцев, проект «Голубая книга» и тому подобная чепуха. Так вот это была игра финансистов их черных закрытых проектов на банальной человеческой мнительности. Они просто играли с глупой общественностью. Подбрасывали утку, раздувая веру обывателей в НЛО и пришельцев, а потом с каменным лицом говорили, что это зонд, болотный газ, или шаровая молния. И истерия еще больше возрастала. Люди думали, что своим отрицанием власти подтверждают, что что-то знают! И вот на этом они делали огромные деньги. Публикации, кассеты, диски, фотографии, фильмы. Это оказывается такой прибыльный бизнес, делать деньги на бессмертной человеческой мнительности и суеверии. Взять хотя бы их Зону-51. Ну, ведь, в конце концов, про нее только младенец грудной не знал. Но всюду говорили, что правительство США отрицает ее существование. Уже одно это бред. Однако только на одном бренде с названием «Зона-51» они сделали миллионы. Даже с их грузами на Луну. Вроде секретно все. Но то и дело астрономы или космонавты при наблюдениях луны замечали какие-то пролетавшие тени. Фиксировали какие-то объекты. И опять истерия про НЛО в прессе. Люди все охотно покупают, а ученые не придают этому значения уже потому, что об этом пишет бульварная пресса. Американцы понимали, что режим абсолютной секретности не возможен в принципе и поэтому всегда вели искусную игру по оболваниванию и скрытию истины. Они просто прятали иголку истины в стоге из всякой абракадабры. Молодцы. Что и говорить. То же самое было и с ХАРПом. Об этом так много писали и говорили, причем в большинстве люди и издания далекие от науки, что в итоге все просто перестали воспринимать угрозу всерьез, а ХАРП чуть не стал культовым символом и сувениром эпохи. Да вот только вышло в итоге все, так как вышло…

— Действительно молодцы, — Хмыкнул Людоед. — Деньги делали из ничего буквально. И вкладывали правильно. Ну а наши, что целую роту туда отправить решили? Десять луноходов не шутки. Тут один отправить, ракету с Останкинскую башню надо, если не больше. А десять?

— Во-первых, планировалось отправить четыре. И только один для людей. Остальные роботизированные должны были быть. Управляемые дистанционно из ЦУПа. Еще два, наши собирались продать Индии. И вроде как два или три Китаю. Остальные для наземных испытаний и дальнейших разработок.

— То есть они, американцы, делали деньги на свои проекты на сказках про Санта-Клауса, а наши окупали свои сверхсекретные проекты, продавая секреты этих проектов третьим странам? — Варяг покачал головой, — Умно. Ничего не скажешь.

— А что оставалось делать? Выкручиваться как-то надо было. Те, кто покупали пятипалубные яхты, гнали нефть нескончаемым потоком за рубеж, тратились на футбольные клубы и всякие яйца Фаберже, не стали бы платить нашим ученым. Зачем? Зачем стараться вкладывать в нищую страну, когда можно просто уехать со своими деньгами в богатую? И если говорить о том, была ли совесть у тех, кто игнорировал беды своего народа, закрывая на них глаза, у тех, кто плевал на будущее своей страны или у тех, кто довел мир до непоправимой катастрофы, я скажу сразу, конечно была. И у тех, кто кнопки в итоге нажимал. Была у них совесть. Но ведь совесть человека, как отпечатки пальцев. Штука индивидуальная. И у каждого своя.

— У тех, кто жал на кнопки была совесть? — Сквернослов изобразил удивление. — Столько народу положить!

Людоед медленно повернул в его сторону голову и усмехнулся, закуривая сигарету.

— Конечно, была, — кивнул Святогор. — Я же говорю, у каждого своя. Что такое столько народу положить? Это цифры. Статистические данные. Графики и схемы. Предполагаемые потери. Приемлемые потери. Это ведь все официальные термины. Мерила цивилизованного общества. Другое дело, что за этими сухими и беспристрастными выкладками чьи-то реальные судьбы и жизни. Но это, еще раз повторю, совсем другое дело. Политики вершили судьбы вверенных им стран и народов, четко разделяя эти схемы и графики от людей реальных и для них живых и небезразличных. От своих семей. Родных и близких. Жен и детей. Даже от своих породистых собак. Генералы говорили о приемлемых потерях. Медицинских или невосполнимых, когда это не касалось их сыновей. Погибшие солдаты, это всего лишь табличка с надписью «Груз 200». Гибель мирного населения, лишь

побочный и неизбежный результат. Народ, толпа, люди, понятия абстрактные если это не родная мама, дочь, отец, сын, сестра, брат… Это ведь чужие сестры, отцы, любимые. Фундамент мироустройства последнего этапа нашей цивилизации зиждился на рациональном прагматизме, построенном на расчете, цинизме, лицемерии и лжи. Но это по отношению к абстрактным людям. Своих же детей, родных и близких, они так же любили, холили и лелеяли, как и всякий другой человек. Вот и все. Жестоко это звучит? А кто говорил, что истина бела и чиста? Истина, друг мой, это, как правило, боль и разочарование. Мы ведь тоже много лет назад, собрались и организовали из членов нашей артели эдакое братство. Идеалисты по молодости были. Верили в человека и в человечность. Мечтали о возрождении. Надеялись, что преодолеем трудный период и начнем заново отстраивать свою страну. Но когда, год за годом, в этом райском уголке среди выжженного мира, начались усиливаться противоречия между сотрудниками разных служб и влияющих на них тех или иных чиновников и прочей, укрывшейся тут элиты, то постепенно стекла наших розовых очков стали трескаться. Лет десять назад все это переросло вообще в вооруженное противостояние тех, кто контролировал Нижний Аркаим и тех, кто был в Верхнем. Все поделились на группировки. Это была эдакая гражданская война в подземелье. Те, кто был в нижнем, решили бросить на противника свое биологическое оружие. Молохитов. Небольшую группу подготовили и… Молохиты решили, что для них все люди враги. В том числе и те, кто их создал. Потом и наша группа решила, что так дальше продолжаться не может. В итоге с одной стороны они, а с другой стороны мы уничтожили тут всех, кто так или иначе не мог внушать нам доверие. Кто был опасен для нас и уже был не в состоянии перековаться под наши идеалы. Потом, понимая, что молохи, это серьезная сила, мы взорвали тоннель и пустили по вентиляции в Нижний Аркаим боевой газ, решив умертвить там все живое. Но кто-то там вырубил вентиляцию и наша затея до конца не удалась. Мы стали отправлять туда штурмовые группы, но они не вернулись. Более того, после вылазки нашей третьей штурмовой группы, они, а мы полагаем, что там уже всем заправляли молохи, замуровались изнутри. Мы стали готовиться основательно к тому, что Нижний Аркаим надо вычистить и захватить. Но шесть лет назад, один псих, вызвавшийся быть проводником для майора Васнецова, включил цикл разморозки большой партии молохов третьего поколения. Тех, кто долго не старился, но быстро рос, достигая репродуктивного возраста за год. В криокамерах их было, по нашим данным около трехсот. Сколько их сейчас, трудно

вообразить.

— Прошлой ночью их стало чуточку меньше, — пробормотал Людоед, — Как впрочем, и моих патронов.

— На счет боеприпасов не переживай. У нас тут этого добра на пару эшелонов. Поможем. — Святогор улыбнулся, — Ради такого святого дела, на которое вы пошли. И, кстати, у меня вопрос насчет боеприпасов. Мы, естественно, тщательно обыскали все ваше имущество и машину. Ты, Ахиллес, отдаешь себе отчет, что за штуковина у вас в ящике лежит?

— Разумеется, — покачал головой Людоед, — Я работал с такими устройствами. Это ядерный заряд.

— А для чего он вам?

— Я его берег много лет. Думал пригодиться. Пригодился. Это теперь наш безотказный выключатель ХАРПа.

— Ну, насколько он безотказный, учитывая его возраст, скажут утром мои специалисты после тестов. И я, будучи убежденный в вашей решимости выполнить эту миссию, хочу предложить вам еще парочку подобных устройств.

Варяг удивленно уставился на Святогора и вымолвил:

— У вас есть ядерное оружие?

Генерал сел, наконец, на свой стул и утвердительно кивнул.

— Есть. Но без носителей. Это не ракеты. Портативные заряды. Так что. Вам нужно еще? — он взглянул на Илью, ожидая ответ от него.

Крест сделал сильную затяжку и сосредоточенно смотрел на пепельницу, о чем-то усердно думая. Генерал терпеливо ждал. Людоед, наконец, раздавил окурок и отрицательно мотнул головой.

— Нет. Нам нужен только один заряд.

— Что?! — воскликнул Сквернослов. — Крест, ты чего? Как это так? Зачем отказываться от такой удачи? Нам же еще пригодиться!

— Славик, заткнись, когда старшие разговаривают, — раздраженно бросил Людоед.

— А я, что, маленький что ли? Ты чего городишь? — он повернулся к Яхонтову, — Варяг! Варяг, ну скажи ты ему, что нужно еще взять!

Искатель пристально смотрел на Людоеда, задумчиво покусывая мундштук трубки. Затем вымолвил:

— Илья прав. Только один заряд.

— Мужики, да вы чего?! — не унимался Вячеслав.

— Все! — рявкнул Людоед, — Решили и на том тему закрыли! — затем он обратился к генералу, желая повернуть разговор в другое русло, — Ты тут про идеологию вашу что-то

упоминал. В чем замут?

— Идеалы братства превыше всего, — пожал плечами Святогор. — Все очень просто. Высшая ценность — Братство. И на том стоим. Собираем тут все, что может иметь ценность для будущего возрождения. Литературу, диски, станки, чертежи, произведения искусства. Все накопленные знания прошлого и весь, удачный и не очень опыт человечества. И вот эти бумаги, что вы оттуда вытянули, очень нам пригодятся. У истоков возрождения новой империи стоять должно братство и государственное устройство будет основано на добродетельной и сильной власти братства.

— Власть может быть добродетельной? — усмехнулся Варяг.

— Разумеется, если власть не единоличное правление одного человека, а власть братства. И тогда весь народ постепенно, выращенный и воспитанный на этих идеалах, станет одним большим братством. Единая, монолитная и великая империя.

— Утопия, — вздохнул Яхонтов.

— Это ты так думаешь, — строго заметил Дитрих.

— Ну, ладно, спорить не буду, — поморщился Варяг, — А что за история с рейдерами?

— Да все очень просто, — улыбнулся Святогор, — Мы структура секретная. Всегда так было. Потом, когда мы упрочили свои позиции тут, в Аркаиме, и стали собирать наших артельских коллег, то пришлось устраивать походы в близлежащие окрестности. То тут, то там возникали различные банды и группировки, которые могли угрожать если не нападением, то рассекречиванием нашей базы. Одних мы громили, других стравливали друг с другом. Третьих не трогали из-за их положительных качеств и действий, налаживая через внедренных туда наших агентов контроль над группировкой. Однако постепенно поползли слухи, что орудует какой-то загадочный отряд в Уральских горах и окрестностях. А те немногие свидетели, которым повезло выжить после нашей работы, твердили о странных роботах или еще чем-то фантастическом и странных машинах. Тут хорошую службу нам сослужили и костюмы и вездеходы. Вот тогда мы и помогли зародиться легенде о рейдерах. Иногда специально, разбивая караван наркоторговцев, людоедов, бандитов или рабовладельцев, позволяли кому-то уйти, чтоб тот продолжал эту легенду, наводя на всех ужас. Слово рейдеры, звучное, внушающее мистический страх. Не банальные вандалы или мародеры, а именно рейдеры. Что-то непонятное и грозное. На грани фантастической реальности и мистического, суеверного страха. И как итог, никто уже долгие годы не суется в наш район горной гряды. Никто даже

не пытается пересечь Уральские горы ни здесь, ни на сотни километров вокруг. Потому как есть молохиты, а есть еще и рейдеры, которые в отличие от тех, мобильны и хорошо вооружены. Но кто это, никому не ведомо…

— А если кто сунется, убиваете? — спросил до сих пор молчавший и внимательно всех слушавший Васнецов.

— Зачем же? Нет, конечно. Если это отморозки, то кончаем их конечно. Если по дурости полезли, то зависит от того, что они из себя представляют. Либо вербуем, либо берем в вечный плен. Пленники живут тут хорошо, иные вольные с разрушенных городов позавидуют. Но заняты на работах. Однако сильно мы их не перегружаем.

— И, тем не менее, они пленники, пусть и в тепле и сытости. — Покачал головой Яхонтов.

— Ну, а что делать? Секретность блюсти надо. Я же говорил, вам сильно повезло, что среди вас наш человек, артельский, хоть и не в курсе наших дел. Но благодаря ему, мы отнеслись к вам как к равным.

— Какая честь, — произнес Варяг с неприкрытым сарказмом. — А как насчет ХАРПа? Кто если не мы?

— Ну, и это конечно тоже. — Святогор кивнул, не обращая внимания на сарказм.

— Так вы нам поможете? — Крест пристально посмотрел на генерала.

— Я же сказал. Боеприпасы, какие надо. Техники осмотрят вашу…

— Это само собой. А как насчет усилить группу вашими людьми? Как насчет костюмов?

Святогор тяжело вздохнул и посмотрел мимо Ильи.

— Нет, — коротко сказал он.

— Здорово! — зло воскликнул Людоед, — И почему?

— Почему? У нас каждый человек на счету. И нас не так много как кажется. Более того, на нас вся инфраструктура. У многих тут семьи, которые надо защищать и о которых заботиться. А еще и десятки пленных. У нас отточенный годами баланс. Я не могу жертвовать людьми. Даже если кто-то добровольно захочет к вам присоединиться, я им не позволю. Но сомневаюсь, что такие найдутся, ибо у нас братство, превыше всего. То же касается и костюмов. Они есть не у каждого. Они именные. Их мало. Производство мы наладить не смогли. И они нам очень нужны в борьбе с молохитами и во многих других вопросах. Так что эти два пункта обсуждению не подлежат.

— Да чего будет стоить вся ваша борьба и все ваши идеалы, если планета погибнет?! — Воскликнул Крест.

— Один раз уже погибла. Ничего. Сильнейшие, то есть мы с вами, выжили. Но вы тоже не забывайте, что вы, уничтожив ХАРП, дадите шанс не только нам или себе. Но всей нечисти в том числе. И молохитам и бандитам и всякому отребью. А молохи ждут своего часа. Они прячутся в своей норе и учатся. Они уже научились стрелять из автоматов. Они производят там себе пищу. Там у них резервный ядерный реактор, который еще работает на автономке и дает им электричество и тепло. И они все чаще устраивают вылазки по ночам на поверхность и все дольше находятся на улице, только для того, чтобы организм их привык к холоду. И тогда они ринуться в наш мир. Понимаете? Тогда чего будет стоить ваша миссия, если в итоге победят худшие из людей или вообще не люди? Но мы, реальная сила, способная противостоять здесь темным силам. Так давайте каждый заниматься своим делом!

— Реальная сила? Да вы просто позеры, — фыркнул Крест.

— Капитан! Не забывайтесь! — генерал хлопнул кулаком по столу и поднялся, — Не надо испытывать мое терпение и великодушие! Я говорю в последний раз, что ни людей, ни костюмов мы вам не дадим! Но вы получите новую одежду, патронов и гранат, сколько сможете увезти! Еду и медикаменты! Наши техники приведут в порядок вашу машину, которая, уже на ладан дышит, о чем вы, подозреваю, даже не в курсе! Мы проверим вашу бомбу на предмет ее пригодности к использованию!

— Генерал, — тихо позвал Пересвет, — Генерал!

— Что!

— Один из них летчик. — Пересвет кивнул на Варяга.

— Кстати, — Святогор сразу успокоился и посмотрел на Яхонтова. — На каких типах машин летали?

— МиГ-29 в основном, — Варяг непонимающе посмотрел сначала на Пересвета, а потом на генерала. — А что?

— И все?

— Ну, еще МиГ-21. С инструктором на МиГ-31 и на Су-34 летал. Кукурузник или Цессну какую с закрытыми глазами… А почему спрашиваете?

— И какой опыт?

— Ну не ас, но умею.

— До сих пор?

Яхонтов нервно усмехнулся.

— Да это как на велосипеде… Раз научился, потом стоит только за баранку сесть.

— А что-нибудь большое, осилите?

— Слышь, генерал, — нахмурился Людоед, — Ты не тяни

кота за все достоинства. У вас что, самолет тут припрятан?

— Не тут. Под Екатеринбургом. В надежном месте. Сюда мы его, конечно, перетащить не можем. Но регулярно проведываем его. — Святогор улыбнулся, сменив гнев на милость, — Иногда контрольный запуск двигателей производим. Поддерживаем в рабочем состоянии.

Варяг подавился дымом своей трубки и, заливаясь кашлем, пробормотал:

— Что за самолет?

— Ил-76.

— Тю… — разочарованно вздохнул Крест, — Был бы Ту-160, через три часа ХАРПа уже бы не стало.

42. КОНВОЙ

Смутное, еще не до конца сформировавшееся ощущение разочарования уже протоптало дорожку, чтобы поселится в душе. Каждый раз убеждаться, что всюду и все, в общем-то, одинаково, значит разочаровываться снова и снова. И Николай это чувствовал. И эта база и эти люди исключением не стали. И тут вражда, амбиции, ненависть и какая-то политико-идеологическая подоплека, за которой не видно было ценности простых человеческих жизней. Вся действительность била по рукам, заставляя все время думать о целесообразности их миссии. И Васнецов чувствовал постоянное смятение от того, что он был полон решимости уничтожить ХАРП и не сомневался в том, что это сделать необходимо. Но при этом он постоянно задавался вопросом — зачем? И теперь, к прежним разочарованиям добавилось и разочарование рейдерами. Он, когда еще только услышал о них, чувствовал, что они приблизились к какой-то великой тайне и, столкнувшись с ними, облаченными в эти диковинные костюмы и обладающими луноходами, ощутил что это какая-то великая и могучая сила. Возможно, так на него подействовало их облачение, из-за которого он стал их идеализировать, спроецировав образ отца. Но они оказались обычными людьми, причем, судя по реакции и поведению Варяга и Людоеда, не самыми лучшими из тех, кого они могли встретить на своем пути. Его чутье, на которое он последние дни всецело полагался, опять подвело? Просто, он, наверное, еще не может контролировать свои способности, в наличии которых не желал сомневаться. Во всяком случае, рейдеры и не самые плохие из людей, что им попадались. Они ведь обещали помочь. Более того, готовы даровать им самый настоящий самолет. И теперь Варяг, сидя на своей койке, перебирал разложенную на столике внушительную кипу технической документации и учебных пособий, которые ему дали рейдеры. Вся эта литература касалась исключительно летного дела и самолета ИЛ-76, о котором сам Николай не имел ни малейшего представления.

Сквернослов нервно перелистывал страницы одного лежащего на тумбе журнала за другим, совсем не вникая в содержимое. Что-то злило его, и резкое перелистывание страниц помогали ему либо держать себя в руках, либо переадресовать свою агрессию на бумагу.

— Ну, где этот Крест опять? Его уже часа два нет! — воскликнул, наконец, он.

— Угомонись, — пробормотал Варяг, задумчиво глядя в

очередную страницу изучаемой им технической литературы, — Дела у них артельские. Обсуждают, наверное. Есть о чем поговорить. Ложись спать. Когда еще будет такая постель и чистое белье…

— Варяг! — продолжал свои восклицания Вячеслав, — Почему вы от дополнительных бомб отказались, а?!

— Слушай, не мешай мне. Я занят, — зло пробубнил Яхонтов, пытаясь сосредоточиться.

— Колян, а ты чего молчишь?! — Сквернослов обратился к Васнецову.

— А что мне, как ты орать? — равнодушно произнес лежавший на кровати Николай, задумчиво глядя в белый потолок.

В помещение кто-то вошел. Все кроме Яхонтова посмотрели в его сторону. Это был Людоед. Его спортивный костюм, который выдали рейдеры всем после задержания, сменился на новый черный мундир, точно, такой как у хозяев этого убежища.

— Поздравьте меня с обновкой, — Ухмыльнулся он, — Морпеховский ПШ мне больше нравился, конечно. Но он уже свое отжил. Особенно после радушной встречи молохитов. А этот с иголочки совсем.

— Я надеюсь, ты не решил остаться со своими коллегами? В братство ихнее не обратился за такой щедрый подарок? — Варяг, наконец, посмотрел на него.

— Нет, конечно. Я с вами, не волнуйся, — вздохнул Крест, садясь на стул. Затем он приложил к губам указательный палец и, молча, указал на висевший радиоприемник.

Яхонтов поднял бровь, покрутил ладонью возле уха и тоже кивнул на радио. Людоед, в ответ, молча, качнул головой. Эти жесты, видимо, значили, что рейдеры постоянно прослушивают помещение.

— Ты почему от бомб отказался, что они предложили? — резко спросил Вячеслав.

Крест внимательно посмотрел на Сквернослова, затем хмыкнул, покачав головой, и ответил:

— По той же самой причине, по которой в группе не должно быть женщины.

— Я не понял?!

— Вот в этом твоя беда, Славик.

— Да ты толком объясни, черт тебя дери!

— Соблазн, — Сказал Людоед, — Что такое соблазн в таком деле? Ну, у нас не одна атомная бомба, а две. Три. И что тогда? В пути встретим еще утырков разных, типа людоедов, бандитов, молохитов, вандалов… И к каждому придет соблазн. Ведь так

легко и просто избавиться от врага, превратив его в пепел. Не напрягаясь. Не тратя сил и патронов. Надо только отойти подальше и взорвать. Разве нет?

— А если для дела надо? Ну, мало ли какие обстоятельства?! А?! — Вячеслав не унимался и продолжал наседать на Людоеда.

— Для дела надо? — Илья медленно поднялся и сделал два шага к Сквернослову. — Для дела, говоришь надо? — Он схватил Славика за ворот и заорал, — ТЫ ЗАБЫЛ, В КАКОМ МИРЕ ЖИВЕШЬ?! Ты забыл, что этот мир сделало таким?! Соблазн, мать твою! Такие вот бомбы! Дурные головы!

— И ты! — Вячеслав оскалился, обличающе глядя в глаза Илье, — Ты! Ты ведь жал на кнопку! Ты и такие как ты… — Получив головой в переносицу, Сквернослов рухнул на кровать и схватился руками за лицо, — Сука…

— Да, — спокойно произнес Крест, — Я нажал на кнопку. Не первый. Но это уже роли не играет. Я нажал на кнопку. И именно поэтому я говорю, что больше никаких бомб. Я ведь знаю, каково это. Это ведь я чувствую как вокруг меня, словно смерч, кружатся души невинных жертв всего того безумия, которое подвело меня к такому выбору. И я о своей ответственности не забывал ни на секунду. И это бремя мне нести, не тебе, сосунок. Именно поэтому я имею право говорить. Больше никаких бомб. Только одна, как неизбежное зло. И то на случай, если иного способа ликвидировать ХАРП не будет. Не во имя истребления, а ради жизни. Только одна бомба и никакого выбора. Никакого соблазна. Никаких взрывов, ни в моей стране, ни в другой, быть больше не должно. Потому что все это наша планета. И другой не будет и быть, не может. И шанс у нас только один. Поэтому не надо искушать судьбу. Оппенгеймер сказал уже после того, как ядерное оружие испытали на мирных людях, — «мы сделали работу за дьявола». И надо было видеть его глаза, которые сохранила кинохроника, чтобы понять какую жуткую истину он осознал. Заиграли интеллигентные ученые. Разве только Нильс Бор и Клаус Фукс чувствовали ответственность и отдаленно понимали к чему все идет и хатели что-то сделать наперекор. Да тебе эти имена ничего не скажут. Но смысл что заиграли люди. И в этом тот самый соблазн. И не надо испытывать себя такими соблазнами. И таких обстоятельств, в которых без ядерного оружия не обойтись, просто не может быть. Все что противоречит этому утверждению, лишь следствие человеческой слабости и глупости. А слабым быть нельзя. И надо умнеть.

— Ты ему так нос сломать мог, — Вздохнул Варяг.

— Я знаю, как бить. Не волнуйся. Но если по-другому разум в человеческую голову не вбить, то приходиться так. — Он снова

сел на стул. — Кстати, Варя, поздравь меня. Я теперь полковник. Капитан первого ранга.

— Поздравляю. — Яхонтов улыбнулся. — За какие заслуги?

— За то, что выжил. За то, как подкорректировал за эти годы черный список, что в моем красном блокноте. За то, во что ввязался с вами.

— А чего не генерал? — спросил Николай.

— Тут уже есть один генерал. Зачем равный, хоть и на временном постое? Я и так своенравный очень. — Людоед устало облокотился на стену и вздохнул. — Я спросил у них, на счет администратора Вавилона. Знают ли они, что он в черном списке. Да и не могут они этого не знать. Блокноты с черным списком есть ведь у каждого.

— И что?

— Знают. Объяснили мне, почему его никто не убивает. Его в список кураторы наши тогда внесли не по политическим и идеологическим соображениям. И не из соображений правосудия. Просто тот, кто составлял список, имел к этому человеку личные счеты. Администратор, будучи весьма преуспевающим и зажиточным человеком в те времена, с легкостью увел у него жену. Вот и вся подоплека. Нет у нас веских оснований его убивать. Вот уже действительно, если красота спасет мир, то погубит мир, брючный интерес… Ладно. Лирика все это. Сейчас надо отдохнуть хорошенько. Такого комфорта может уже не предвидеться больше. Так что надо воспользоваться. Завтра выдвигаемся к Катину Городу. Они формируют конвой. До самолета с нами пойдет группа на двух луноходах. Покажут место. У нас есть… — Он посмотрел на наручные часы и лениво улыбнулся, — Слушай, Варяг, это напоминает старые добрые времена, да? Когда наша жизнь во многом зависела от времени. Помнишь? Без часов никуда. Время, время, время. Рабочий день. Редкие выходные. Все куда-то спешат. Чего-то хотят успеть. Сам торопишь календарь, чтоб скорее отпуск настал. Думаешь, ух сколько дел за отпуск сделаю. А потом с ужасом замечаешь, что в отпуске время уходит как вода сквозь пальцы. С дикой скоростью. И вот осталось пять дней. Два дня. И завтра на службу. И понимаешь, что сколького не успел. И снова ждешь год. И снова время, время, время… Часы тикают. Жизнь проходит. А потом все кончилось. И у тех, кто выжил, времени стало бесконечно много. И часы не нужны. Не надо спешить. Только найди теплый ночлег и чем прокормиться. Найди оружие и все. Время остановилось. Но мы-то теперь понимаем, что фактор времени никуда не делся. Мало его. Очень мало. Верно?

Яхонтов задумчиво закивал головой.

— Н-да. Все так. Только ведь это для тех, кто сам себе предоставлен времени нет. У нас в Надеждинске, например, существует трудовая повинность. Надо работать, чтобы выживать. День расписан по часам. Да и в конфедерации вашей тоже так. Но, знаешь, для меня было наоборот. Выходные, отпуск, тянулись так долго. Я всегда торопил время, чтоб поскорее вернуться на службу. На родной аэродром. К своему МиГу. С нетерпением ждал той минуты, когда взмою к облакам. В небо. Это не передать, Илья. Это такое счастье. Я очень любил свою службу. Ты не представляешь, что такое для летчика — разлука с небом. Что такое видеть, как гниет на стоянке твой самолет.

— Да, Варяг, ты был одним из немногих, кому посчастливилось иметь работу по своему естеству. Это здорово, когда любишь свое ремесло. Тогда и жизнь полнее и дольше. Всегда завидовал летчикам и космонавтам… Н-да… Бедные Юра и Андрей… — Людоед вздохнул, — А ведь физики тоже свое ремесло любили. Все время тратили на познания тайн атома. Смастерили урановую бомбу. Потом плутониевую. Потом им вздумалось поджечь дейтерий. Никак остановиться не могли… И Ферми сказал, после первого взрыва, — «Какая интересная физика». Чтобы он сейчас ляпнул интересно? Ну да ладно. Чего уж теперь… Ну, что Варяг. Теперь ты готов тряхнуть стариной и воспользоваться своим ремеслом?

— Слушай, Илья. Неужели, правда? Неужели действительно самолет? — спросил взволнованно Яхонтов.

— Ну, вроде как, правда. — Крест улыбнулся. — Мы беседовали на эту тему. Вроде никакого подвоха. У них и вертушка есть. Ка-50. Где-то тут в горе. В ангаре. Только с летчиками проблема. Было трое. Один вертушник. Но он покалеченный был. Разбился на Ми-24. Умер давно. Два военных пилота. Один слепой. Вспышкой взрыва его. Тоже давно умер. И еще один погиб десять лет назад в рейде. Техников у них хватает. А вот пилотов… Дефицит, что и говорить. Кто в первые дни не погиб, был растерзан толпой по противоположным причинам. Одних за то, что они якобы виновны во всем. Палачи будто бы. Других за то, что не успели разбомбить врага и предотвратить воздушные и ракетные удары. Короче в связи с наличием вертолета, нужны им летчики. Они так и сказали, если бы не ХАРП, то приняли бы тебя в братство.

— Зачем мен это? У них высшая ценность — идеалы братства. Для меня мой городок Наждеждинск. И эти два оболтуса. Отец их неизвестно где. Гусляков, который им его замещал в его отсутствие, погиб. Никого кроме меня у них не осталось.

— Чай не маленькие. Сами справимся. — Недовольно

проворчал Сквернослов.

— Да я ведь тебя не вербую, Варяг, — усмехнулся Людоед, — Чего ты, в самом деле. Лучше скажи, что думаешь о самолете. Осилишь?

Яхонтов вздохну и почесал бороду.

— Слушай, я ведь на таком не летал никогда. Ну, летал, конечно. И в кабине во время полета был не раз. Но не управлял. Как это делается, видел. Но сам… И я за штурвалом столько лет уже не был…

— Не понял, — Людоед нахмурился, — Как же так, Варяг? А как же велосипед? Ты что им тогда говорил?

— Тогда говорил, а сейчас подумал. — Яхонтов вздохнул, — Вообще я волнуюсь как мальчишка перед первым свиданием. Да как лететь без компоса?

— Слушай, ну гироскопы всякие там, горизонтомтеры или как там их… Да ты же летчик, Варяг, черт подери! — Крест развел руками.

— Ну, ладно. Это решаемо. Можно и по расположению солнца, сверяя его с текущим временем суток. Правда, я не знаю какая теперь разреженность атмосферы на высоте. Может быть помпаж если двигателям воздуха хватать не будет. А это хреновая штука. Последние годы ведь деревья, замерзшие и, кислород практически не производится в природе. Короче лететь надо низко, чтоб не рисковать. А это дополнительный расход топлива.

— Да все нормально с кислородом. Деревья не сразу замерзли. Хвойные многие еще стоят живые. Да и люди с того дня уже атмосферу не травят и кислород не съедают так как раньше, — махнул рукой Илья.

— Зато за один день изгадили, и сожгли его, так что на тысячу лет хватит, — буркнул Вячеслав.

— Вот как? И кто только что хотел атомными бомбами дорогу прокладывать? А? — Усмехнулся Людоед.

— Что у них с топливом, кстати? — Яхонтов взглянул на Илью.

— Говорят есть. С чего им нам пустой самолет давать?

— И докуда дотянем? — Варяг достал из стопки документации атлас и стал его листать.

Людоед присел рядом.

— Они говорили, что на четыре тысячи километров хватить должно. До Аляски не дотянем, но так сэкономим месяцы пути и всего остального. Вот смотри, — он ткнул пальцем в карту. — До Якутии долетим точно.

— И что потом? Прыгать что ли?

— А сесть не судьба? — съязвил Людоед

— Да куда тут садиться Илья? Это же не дельтаплан! Это Ил-76. Ты хоть представляешь что за бандура?

— Видал на картинке, — мрачно пробормотал Крест и задумчиво уставился в карту. — Лена, — буркнул он после минутной паузы.

— И кто такая Лена? — Яхонтов взглянул на Людоеда и прищурился.

— Да река Лена. Вот. Ее не заметить трудно. На нее сядем. Лед крепкий в наше время даже на Лимпомпо. А уж в Якутии… Ил-76 и в Арктику и в Антарктику летал. А там условия похожие. Лед, да снег. Это тебе тоже, не Шереметьево, не Пулково, не Чкаловск и не Елизово.

— А дальше как? — спросил Николай, внимательно слушавший этот разговор.

— Дальше как обычно. Луноходом. Или уже все забыли, что когда началась экспедиция, то о самолете никто и не помышлял?

— А что, Луноход в этот Ил-76 поместиться? — недовольно проворчал Сквернослов.

— В Ил-76 и вся Луна поместиться, если киркой немного поработать. — Засмеялся Людоед. — Ну что, Варяг Елисеевич, осилим? — Он обнял Яхонтова за плечо.

— Да не будь я, черт возьми, русский летчик, если не осилю. Наши люди на жестяном хренолете Челюскинцев спасали. Да я что, хуже? — Варяг засмеялся, и Крест поддержал его смех. И вдруг, не сговариваясь, они дуэтом запели, раскачиваясь как на хмельном банкете:

Мы рождены, чтоб сказку сделать былью,
Преодолеть пространство и простор.
Нам Сталин дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца пламенный мотор.
Всё выше, и выше, и выше
Стремим мы полёт наших птиц,
И в каждом пропеллере дышит
Спокойствие наших границ.

Васнецов, глядя на это мальчишеское веселье двух взрослых мужиков, почувствовал изумление и непривычное чувство оптимизма. И еще, его лик посетила такая редкая для него улыбка.

Сквернослов тоже смотрел на поющих Варяга и Людоеда, затем повернулся к Николаю и покрутил пальцем у виска.

***

Расставаться с комфортом было действительно грустно. После стольких лет житья в мрачных подвалах и сна на пропитанных старостью матрацах, под свербящими нос пыльными солдатскими одеялами и звериными шкурами. После долгих дней пути и сна в трясущемся по снежным барханам луноходе, когда и мрачные подвалы вспоминались как уютное гнездышко, покидать светлую теплую комнату с большими мягкими кроватями и чистым бельем, пахнущим свежестью было тоскливо. Может именно поэтому рейдеры стали такими инертными? Их растлил комфорт и уют? Поразительной ухоженностью отличалась не только комната, в которой они провели почти сутки, но и остальные места в Верхнем Аркаиме, в коих им удалось побывать. И та столовая, где была беседа с генералом. И этот коридор, по которому они теперь шли. Освещение хорошее. Стены не обшарпанные. То и дело различные двери в хорошем состоянии. Когда некоторые из них открывались, то они не издавали скрипа, что было непривычно. И люди им встречались достаточно опрятно одетые. Миновав коридор и большие железные двери, они оказались в большом ангаре, где кипела работа. Сверкали всполохи сварки в дальнем углу. Шумели инструменты. Тут было примерно пятнадцать человек занятых ремонтом какого-то огромного вездехода. Он был раза в три больше лунохода и очень на него был похож своими формами. Только гусеницы еще шире относительно корпуса и цвета он был оранжевого.

— Что это? — спросил Варяг у провожавшего их Пересвета.

— Вездеход арктический. Его кстати, те же люди и то же конструкторское бюро проектировали, что и луноход. Когда спор международный зашел о разделе арктического шельфа и претензии к нам на территории посыпались, стали срочно проектировать такую технику для освоения. Все никак с силовой установкой не справимся. Там вроде планировался минireактор.

Они двигались дальше. За большим корпусом вездехода виднелись ряды полуразобранных снегоходов, над которыми тоже трудились ремонтники. В следующем ангаре тоже кипела работа. Двое мужчин и две женщины стояли у сваленных в гору книг и журналов и сортировали их. Одни складывали рядом с собой в аккуратные стопки, другие небрежно швыряли в кузов грузовой вагонетки, стоящей на уходящих в темный тоннель узких рельсах. В стороне стояли станки. Некоторые уже были смонтированы. Другие ремонтировались и собирались. В третьем ангаре стоял выкрашенный на манер зебры, в черно-белые полосы, вертолет Ка-50 с демонтированными лопастями винтов. Позади груда деталей от других вертолетов. Так же в ангаре стояли два танка. Рабочие в перемазанных известью робах, макали пакли на

длинных палках в железную бочку и хлестали по танку, оставляя на нем большие белые разводы. Видимо таким образом они наводили на машинах зимний камуфляж. Все бы ничего в этой картине, но рабочие эти, как оказалось, были в сковывающих ноги железных кандалах, чьи цепи были прицеплены замками к гусеницам танка. И за ними присматривали четверо автоматчиков.

— Что это значит? — Яхонтов нахмурился.

— Это пленные. А что, работа не сложная, творческая, — Пересвет усмехнулся.

— Это и есть те счастливчики, которым большинство вольных позавидует?

— Они в тепле. Хороши питаются. Такое пропитание как здесь просто больше негде добыть. Им ничего тут не угрожает. Чем плохо?

— Они в кандалах! Им ничего не угрожает? А эти парни с автоматами для душевной беседы тут? Чему здесь завидовать? Вы же рабовладельцы!

— Послушай, Варяг, — Теперь нахмурился Пересвет, — Я, конечно, понимаю твою позицию. Но не надо переходить границ.

— Да это вы тут все границы переходите…

— Ты не знаешь, что это за люди и почему тут очутились в таком качестве. Для большинства из них такая участь, большое проявление великодушия с нашей стороны. Так что оставим этот разговор.

— Что лучше, сытое рабство или голодная свобода, — хмыкнул Людоед, — Брось Варяг, порядок вещей ты тут своим негодованием не изменишь.

В очередном ангаре стояли луноходы. У массивных железных ворот находилась их машина и еще два, с гудящими двигателями. Возле них стояла группа из десяти рейдеров в своем облачении. Только масок на лицах пока не было. Возглавлял отряд уже знакомый Дитрих с одной бровью.

— Значит так, — начал говорить он, — Ваша машина готова. Список боеприпасов и снаряжения, которое запросил Ахиллес, мы погрузили. Так же еда и медикаменты. Ваш ядерный заряд мы протестировали. Вероятность осечки, была по данным наших ученых, около сорока процентов. Большой риск. Но они сумели довести его до боевого состояния. Кое-какие блоки заменили на более надежные из наших запасов. Теперь мы вам всем, в том числе и полковнику Ахиллесу завяжем глаза. Вашу машину поведут на первом этапе мои люди. До определенного момента повязки снимать запрещается. С вами будет два рейдера, которые проследят…

— Может, кандалы еще нацепите? — зло процедил сквозь зубы Яхонтов.

— Перестаньте, Варяг. Это необходимая мера. О входе в наше убежище никто не должен знать. И о дороге к нему тоже. Если вы потом попадете к кому-нибудь в плен, то под пытками сможете выдать наше местоположение. Но если ваши глаза будут завязаны, то и выдавать вам нечего.

— Спасибо за заботу, — Яхонтов поморщился. — И давайте прелюдию затягивать не будем. Мне не терпится убраться отсюда.

***

Путешествовать с повязкой на глазах было унизительно. И пусть это и временная и вынужденная мера, но ни у кого из группы не возникало никакого желания общаться с двумя рейдерами, что сидели вместе с ними в пассажирском отсеке. Николай решил пропустить этот неприятный период полный дискомфорта и досады, заняв все это время сном. Хотя конечно это вызвало некое эмоциональное напряжение. Каждый раз, перед тем как отойти ко сну, Васнецов нервничал от тяжких раздумий над тем, что ему присниться в этот раз. Как ни странно, сон был пустым и спокойным. А проснулся он от того, что кто-то стянул с его глаз повязку. И от холода, который воровался в открытую аппарель. Васнецов открыл глаза. Над ним склонился рейдер, который освободил его лицо от черной материи. Рейдер уже был облачен в свою пугающую маску. Он по-дружески похлопал проснувшегося Васнецова по плечу и вышел из луноход. Николай осмотрелся. Варяг и Славик уже перебрались в переднюю кабину. На противоположном сидении дремал Людоед. В кабине стало теснее из-за нескольких больших ящиков со всем тем имуществом, что загрузили люди из этого братства.

Аппарель закрылась, и луноход тронулся с места. Николай взглянул в перископ. Три машины двигались след в след. Впереди луноход рейдеров. И позади тоже. Странная процессия двигалась по холмистой заснеженной местности среди замерзших деревьев в утреннем полумраке.

Он сел на свое место и вздохнул. Затем поднял секцию сидения справа от себя. Там были его вещи. Плюшевый мишка лежал на месте. На записной книжке дяди. Николай достал ее и стал перелистывать. Что же с ним стало? Выжил он или нет? Встретил его отец или нашел только останки родного брата?…

…оставаться тут уже нет никакого смысла. Я один. Весь бункер поделен уже давно на сектора, где все отгородились друг

от друга. И живы они либо нет, я уж е не знаю. У меня есть еще кое-какие припасы. Но надо делать что-то дальше. Либо добровольно умереть, как многие. Либо сойти с ума, как другие. Либо искать какой-то другой путь. А другой путь лежит за пределами «Субботнего вечера». Ребята с «Януса» сказали, что всю землю постепенно затягивают облака, которые и не собираются рассасываться. А что будет дальше? По их словам, я единственный на всей планете, с кем им удалось связаться. Неужели все настолько плохо? Неужели все кончено? Может в метро кто-то остался в живых? Надо пробиться сквозь завал в подземку. Проход я почти расчистил. И мне кажется, что с другой стороны тоже кто-то пытался его расчистить. Но в последние недели с той стороны тишина. Ушли? Умерли? Не знаю. И не узнаю ничего и никогда, если так и останусь тут. Другого решения я не вижу. Найду этот тайник, про который говорил Старший Контролер, а дальше, как судьба сложится. Этот дневник я оставлю тут. В бункере. Может кто-то когда-то его найдет. Если будет, кому найти. И будет, кому читать. Надеюсь что ты, читатель, не последний человек на земле. Прощай, неизвестный мне читатель. Я ухожу в метро…

…Николай снова откинулся на спинку и вздохнул, прикрыв глаза.

— Прощай, дядя Володя. Будь проклята война.

Он вспомнил перепалку Людоеда и Сквернослова. Вспомнил, что Илья говорил о физиках. Да нет. Вина не только в них, в тех, кто создал такое оружие. Вина на всех. В разной степени, но на всех. Одни создали оружие. Другие решили его применить. А третьи просто потворствовали этому своим бездействием и молчанием. Будь проклята эта война. Будь проклято это оружие.

Васнецов взглянул еще раз на Людоеда. Спит. Тогда он осторожно приблизился к его железному ящику. Замка нет. Наверное, рейдеры во время обыска срезали его. Николай осторожно приоткрыл крышку. В ящике оружие. Патроны. Вещмешок. Маленькие коробки. И одна большая. Из какого-то тяжелого металла. Ее тяжесть можно оценить только по одной крышке, которую он приоткрыл. Весила она внушительно. Внутри какое-то оцинкованное устройство в глухом рифленом корпусе темного защитного цвета. В устройстве закрытая крышка с замком. Ключ лежал тут же. На дне ящика. Васнецов протянул к нему руку и коснулся устройства. Он отпрянул от жгучего холода этого предмета.

— Это она, — прошептал Николай с дрожью в голосе. — Бомба.

Он осторожно опустил на нее ладони и закрыл глаза. Дрожь

прошла через все тело, когда в его воображение ворвалось осознание того, что скрыто в этом небольшом устройстве. Вот яркая вспышка на горизонте освещает все вокруг светом тысячи солнц. Вот поднимается клокочущее огненное облако, которое выталкивает в небо столб адского огня. У основания бурлит земля. Неукротимая сила ударной волны стеной из пыли, пепла и огня сносит занявшиеся от теплового излучения дымом деревья и дома. Перемалывает в своих сатанинских жерновах все живое и несется на тебя. Страшный грохот сотрясает землю. Огненное облако уже разогнало ровным кругом тучи и закипает поднебесье…

Николай резко открыл глаза и, торопливо захлопнув крышку свинцовой коробки, отпрянул.

— Ну и как ощущения? — тихо спросил Людоед.

Васнецов обернулся. Крест не спал. Он внимательно наблюдал за ним и ухмылялся.

— Илья, извини… — пробормотал Васнецов.

Людоед поднялся и присел рядом. Николай уже думал, что сейчас последует оплеуха и ругань. Но нет. Илья открыл свинцовую крышку.

— Вот об этом соблазне я и говорил. Эта малышка завораживает и возбуждает, да? Какая тут спрятана сила и энергия. И какой ужас. — Людоед задумчиво потер пальцем кончик носа. — Сначала физики нашли решение в кусках урана. Они смастерили устройство, где два куска одновременно выстреливались друг в друга. При столкновении возникало давление, и начиналась реакция. Как итог, атомный взрыв. Потом они решили, что эффективнее будет получить из урана плутоний. Получили. Сделали плутониевую сферу. Инициировать в этом случае реакцию надо было тротилом. Метод имплозии. Направленный внутрь взрыв. Тротиловые шашки, плотно окружавшие плутониевый шар, должны были взорваться одновременно. Получилось. И нет Хиросимы. Нет Нагасаки. На этом останавливаться не стали. Решили использовать взрыв плутониевого заряда для воспламенения дейтерия. С этим сложнее. Нужен жидкий дейтерий, но он может быть жидким только при минус двести с хвостиком градусов. Тогда умные головы придумали смешать дейтерий с литием. Получили твердое топливо для термоядерной бомбы. Взорвали. Обрадовались. Вышло. Еще мощнее. Все это было на заре ядерной эры. А по какому принципу сделана эта крошка, я уже не знаю. Очень секретные технологии. Ясно, что все эти годы, от Хиросимы и до всеобщего конца, ученые на достигнутом не останавливались. Делали мощнее и компактнее. Легче и

смертоноснее. И нет целого мира. Очень интересная физика. Мы сделали работу за дьявола. — Людоед вздохнул и, покопавшись в своем ящике, извлек оттуда сверток из мешковины. Внутри, завернутым в полиэтилен лежал металлический цилиндр с резьбой и странными контактами на одном конце. — Это предохранитель инициирующего заряда. — Илья извлек ключ и открыл крышку. Под ней скрывалась шахта для вкручивания предохранителя и несколько тумблеров и три щели с ползунками. — Так, блаженный, запоминай. Все очень просто. После того как вкрутить детонатор, последует щелчок. Значит он зафиксирован. В течении пятнадцати минут происходит химическая реакция вот этих контактов с контактами внутри устройства. Через пятнадцать минут предохранитель детонатора выкрутить уже нельзя. Он спаивается в следствии реакции. Так что есть пятнадцать минут подумать. Запомни, без предохранителя бомба не взорвется. Хоть стреляй из пушки по ней. Как только ты вкрутил предохранитель, то можно выбрать режим работы вот этим тумблером. Режим подрыва через установленное время. Режим подрыва высотомером. Режим подрыва глубиномером. Ударный режим. Ударный режим можно активировать только после того как предохранитель прикипит. Вообще ударный режим активировать нежелательно. Теперь. Если выбираем подрыв по времени, то толкаем этот ползунок. Тут шкала. Минимальное время — тридцать минут, максимальное — двое суток. Вот на шкале, видишь? Если выбираем подрыв по высотомеру, например, сбрасываем с самолета или минируем самолет, то сработает он только при понижении высоты. Если мы хотим выбрать работу на повышение высоты, допустим, запускаем заряд с земли, то тумблер ставим в положение «ноль». Оптимальная высота для работы по наземным целям, сто-пятьдесят метров, учитывая мощность заряда. Подрыв на такой высоте дает предварительную ударную волну, это усиливает разрушения. Теперь глубина. Глубина работает только в воде и действует от давления. Заряд выдерживает до семидесяти метров. Глубже его раздавит и взрыва не произойдет. Но нам это не надо. ХАРП ведь не в море. После того как ты приведешь и тумблер и ползунок в нужные режимы, у тебя будет пятнадцать минут. После этого произойдет спайка и программирование заряда будет необратимо. Но это только в том случае, если установлен предохранитель. Без него можешь щелкать сколько угодно. Ничего не случится. Есть экстренное разминирование. Сзади такая же крышка, но больше размером. Открываешь этим же ключом. Там пластина. Восемь болтов. Откручиваешь и извлекаешь колбу. Не ошибешься. Она там одна. Тогда взрыва не

будет. Но дозу схлопочешь. Если заряд поставлен на удар, то при попытке разминировать, таким образом, произойдет взрыв. Третьим ползунком можно поставить заряд на неразминирование. Им надо набрать комбинацию из пяти цифр. Наводишь на нужную цифру и после щелчка на следующую. Комбинацию не скажу. Ни к чему это. Заряд можно подорвать по радиосигналу. Но для этого нужен другой предохранитель и специальный передатчик. Этого у меня нет. Все понял?

Николай с изумлением смотрел на Людоеда.

— Зачем ты мне все это рассказываешь?

— На всякий случай. Варягу я уже объяснил, как это работает. Славику не хочу рассказывать. А ты запомни. И запомни еще раз. Надо тысячу раз подумать и постараться найти другой способ. Эта штука — сверхкрайняя мера. Понял?

Васнецов растерянно кивнул.

— Да…

На улице уже настал новый день. Погода была спокойная. Даже слабые порывы ветра отсутствовали. Окоченевший мир, словно замер в ожидании. Будет приведен этот прибор в режим своего прямого назначения или нет? Неужели это опять случится?…

43. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДИКТУЮТ

Варяг еще раз окинул взглядом то, что предстало перед их взором. Лесистая местность. Много хвойных. Много снега. Холмы. Поваленные и изувеченные морозом и еще бог знает чем, деревья. Яхонтов хмурился все больше и больше, пока, наконец, не повернулся к Дитриху, который стоял позади, возле своей машины.

— Что все это значит, рейдер?

— Ты о чем? — Дитрих усмехнулся.

— Ты понял меня прекрасно, о чем я, — угрожающе произнес Варяг. — Ты сказал, что это, то самое место. И как это понимать?

— Ну, вот видишь, тебе и в голову не может прийти, что тут самолет. Хорошо замаскирован да? Видишь вот тот холм? Это ангар.

— И что дальше? Дальше-то что? Как взлетать? Тут кругом деревья и бурелом. Ты издеваешься что ли?

— Да ты успокойся, Варяг, — Дитрих продолжал усмехаться. — Взлетку мы завалили деревьями сами. Еще когда обильные снегопады были. Согласись, бетонная полоса в лесу привлекает внимание. А теперь все так замаскировано, что даже ты, знающий, что тут самолет, засомневался.

— Слышь, гений, а как мы бревна эти растаскивать будем? И куда ваш второй вездеход поехал? — Людоед хлопнул Дитриха по закованной в бронепластины костюма спине.

Рейдер недовольно посмотрел на Илью.

— Они за БАТами поехали.

— За чем?

— За БАТами. Тут недалеко есть еще ангар. Вертолетный. Там мы спрятали две рабочие инженерные машины. БАТ-2 называются. Слыхал?

— Даже видал, — Крест кивнул.

— Ну, так вот. МЫ их тут специально припрятали и в Аркаим гнать не стали. Чтоб полосу расчистить, когда надо будет. Сейчас пригонят и поработаем. Думаю, часов за пять управимся. Так что без паники. Пошли в ангар. Плутон, — он обратился к своему товарищу, который сидел на пассажирском сидении рейдерского лунохода и смотрел на них через открытую дверь. — Спрячьте машины и организуйте дозор.

Тот кивнул.

Дитрих и еще один боец, который в отличие от командира маску не снимал, двинулись к холму. Варяг и его товарищи следом.

— Я же сказал что позеры, — тихо пробормотал Людоед, обращаясь к Яхонтову. — Можно было и без понтов этих объяснить.

Снег под ногами был плотный. Короткие лыжи едва продавливали в нем колею. Однако когда они обогнули холм, то стало заметно, что возле сваленных крест-накрест деревьев кто-то топтался. Следы проваливавшихся тут ног были немного припорошены снежной пылью во время одного из бесчисленных буранов.

Рейдеры насторожились. Они прекратили движение и стали неторопливо озираться. Яхонтов тоже принялся изучать следы. Опыта ему не занимать. Всякий в Надеждинске знал, что самые искусные следопыты это искатели, в силу своего ремесла.

— Пришли на лыжах. Двое. Вот тут лыжи сняли. Тут их в снег втыкали. — Сказал он, в очередной раз, подтвердив то, что в Надеждинске знали давно, а именно свои способности читать следы.

— А следы ног дальше идут. — Скептически заметил Дитрих, озадаченно глядя на снег.

— Да, — Варяг кивнул, — Следы ног одного человека. Вот он выдернул лыжи, но обуваться не стал в них. Отошел много дальше и уже потом. — Яхонтов неторопливо двинулся по следу и остановился метрах в тридцати. — Да. Вот тут он одел лыжи свои. А вторую пару положил рядом, пока одевал. Хотя нет. Скорее бросил.

Яхонтов наклонился и смахнул рукавицами снежные гранулы с окрепшего наста, на котором остались следы.

— И куда второй делся? — пробормотал Сквернослов.

— Похоже, тут и остался. — Ответил второй рейдер, заглянув под арку, которую образовывали два сваленных дерева. Он взял комок снега и швырнул в большую нору, скрывающуюся за аркой. Оттуда выскочила дюжина крыс и в панике бросилась в разные стороны.

Васнецов от неожиданности быстро сдернул с плеча свой автомат, но Крест одернул его и пошел к норе. Все последовали за ним.

Это был просторный лаз ведущий вниз. Это чем-то напомнило выходы из траншей на поверхность в родном городе Васнецова. Только тут, внутри, снег был разбросан и окрашен в красные тона. Всюду валялись обглоданные крысами человеческие кости с еще сохранившимися кое-где фрагментами плоти. Варяг прикинул, что произошло это несчастье примерно неделю назад.

— Это один другого грохнул, чтобы лыжи его подрезать что

ли? — Хмыкнул Сквернослов, глядя на эту неприятную картину.

Людоед тихо засмеялся.

— Этот идиот на растяжку нашу напоролся, — Заявил Дитрих.

— Растяжку? — Варяг взглянул на него.

— Да. Мы вход заминировали на всякий случай. И тебе, пожалуйста. Полез и его в клочья. А второй запаниковал и деру дал.

— Но лыжи прихватить в панике не забыл. — Хмыкнул Варяг.

— Паника, такое дело, — загудели фильтры второго рейдера. — У нас, когда в казарме объявили, что на нас летит ядерная ракета и всем надо спуститься в убежище, контрактник один побежал в умывальник и стал бриться и зубы чистить. Мы его вчетвером оттащить не могли от раковины. Он орал, отбивался и плакал. И все кричал, что больше такой возможности у него не будет. Так и остался там.

Эти слава заставили всех задуматься и притихнуть. Наверное, каждый обратился к воспоминаниям, вытаскивая на свет божий то, самое страшное воспоминание о самом страшном дне и о том, что он тогда почувствовал. Первым затянувшуюся тишину нарушил Людоед:

— Ты бы маску снял. Чего перед нами чиниться-то а?

Рейдер медленно повернул голову и уставился своими матовыми черными стеклами на Илью. Затем потянул закованные в армированные перчатки руки к своей голове. Скинул тяжелый капюшон из плотной и теплой материи, покрытой сверху мелкоячеячной кольчугой. И проведя нехитрую манипуляцию с шейным захватом маски, стянул ее. Очевидно, Людоед понял, что зря попросил у рейдера показать лицо. Крест нахмурил брови, пряча под ними взгляд и маскируя эмоции, но было ясно, что чувствует он себя сконфуженно. У рейдера была совершенно лысая голова. Даже бровей у него не было. На голом черепе несколько рубцов от давно заживших язв. Большая часть левого уха отсутствует. От левого уголка рта тянулся багровый рубец почти до уха. Словно когда-то рот ему разорвали, а потом сшили. Были видны шрамы и от швов. Кожа на всей левой стороне лица была сильно стянута к этому шраму, даже неестественно растянув ноздрю и не давая полностью раскрыться веку левого глаза. Сам глаз был совершенно белый с крохотным черным пятном, постоянно направленным в одну точку. Здоровым у него был только правый глаз.

Рейдер прижал шейную часть маски к горлу и зашевелил бледными сухими губами. Откуда-то из маски раздался голос:

— Ну, что, доволен?

— Да нет, — пробормотал Илья, — Извини. Я не знал.

— Борей, одень маску. Тебе лицо студить нельзя, — Сказал своему товарищу Дитрих. — И давайте уже войдем в ангар.

Рейдеры обезвредили еще две растяжки в глубине лаза и раскопали железную дверь с закругленными краями, прикрытую большим листом выбеленной мелом плотной резины. Открыв дверь, они шагнули в кромешную тьму. Варяг и Дитрих включили фонарики. Ангар был большим, что можно было понять и по размерам холма и по тому, какой самолет тут должен находиться. Вдоль стен лучи фонарей выхватывали ряды бочек и каких-то ящиков. Вдоль задней стены находились два огромных топливозаправщика на базе КРАЗов и много гофрированных шлангов разного сечения.

— Вот он! — Воскликнул Яхонтов, когда свет его фонаря скользнул по белоснежному корпусу самолета. Варяг подошел ближе и стал рассматривать его, освещая фонарем.

— Ух ты! — Сквернослов подбежал к нему, — Ничего себе громадина какая!

Ил-76 опирался корпусом на подстилку из толстых квадратных резиновых плиток, а крылья упирались в стальные леса, так же обложенные сверху резиной.

— А это зачем? — спросил Людоед.

— Ну, шины ведь спускают со временем. Чтоб покрышки на шасси не слеживались под тяжестью самолета. — Пояснил Дитрих.

Николай с благоговением рассматривал белый корпус этого гиганта и не мог поверить в то, что есть сила способная не то чтобы поднять это в воздух, но и вообще сдвинуть с места. Каких все-таки высот мог добиться человеческий разум в создании таких вот рукотворных чудес. Однако сомнения отпали быстро. Достаточно было вспомнить ядерное оружие, ракеты, молохитов, пси-излучение и наконец, пресловутый ХАРП. Да. Человеческий разум способен был сотворить многое. Но что теперь с этим делать, этот самый разум не мог до конца разобраться…

— Сколько эти турбины сжигали кислорода, и сколько надо было растениям его восстанавливать? — хмыкнул Людоед, глядя на двигатели самолета.

— Побочные действия прогресса, — вздохнул Варяг.

— Тогда прогресс ли это? — многозначительно заметил Крест и повернулся к Дитриху, — Тут что, аэродром был?

— Что-то вроде того. Резервный. Пара полос. Несколько ангаров. Генератор электрический. Но его свинтили, по-моему, еще до войны.

Висящая на груди Дитриха рация зашипела.

— Командир. Это Овод. Кажется черновики.

— Черт, — выдавил рейдер. — Много?

— Три сто пятьдесят вторых. Километра два. Движутся в нашу сторону.

— Приготовьтесь. Если будут ехать мимо, себя не обнаруживать.

— Сомневаюсь, что мимо проедут. Они идут по следу наших машин.

— Тогда никого не оставлять. Самсон! Самсон, как слышно меня?

— Самсон на связи, командир. — Ответил другой голос в рации.

— Ты Овода сейчас слышал?

— Да, командир. У нас тоже новости хреновые.

— Что такое?

— БАТы исчезли. И топливо для них тоже.

— То есть как?! — воскликнул Дитрих.

— Тайник с машинами обнаружен был. БАТы угнали. Судя по следам, где-то, неделю назад, или около того.

— Что за следы?

— МТЛБ. БМД. По одному. Лыжники. Еще колесные. Вроде две машины. Протектор характерный. Елочка. И цепью обмотаны колеса.

— По колесам судить можешь?

— Да, командир, — ответил Самсон. — Это БТР-152, скорее всего.

— Значит это Черновики. Только у них в этих краях такой антиквариат. Мать их, твари! Уже досюда добрались! Суки!

— Что еще за черновики? — нахмурившись, спросил Варяг.

— Банда местная. Революционно-анархическая группировка. Называются черновиками по фамилии их лидера Якова Чернова и братца его младшего. Терроризируют в этой округе всех выживших. — Пояснил Дитрих.

— Вот и полетали, — Вздохнул Николай.

— Без вариантов, — кивнул Сквернослов.

— Погодите, не спешите с выводами. — Сурово проговорил Яхонтов и снова обратился к рейдеру, — Где они обитают и куда могли утащить машины?

— В Екатеринбурге они обитают.

— Я думал, его вообще в труху превратили, учитывая какие там производства и какая плотность населения, — Заметил Людоед.

— Тремя ракетами ударили, конечно. — Кивнул Дитрих. — Еще в окрестностях. Но по окраинам много выживших и беженцев

обосновалось. Руины, притягательная вещь. Особенно там, где подвалы уцелели. Различные группировки. Самая сильная это Черновики. Вы что же, собрались идти туда? — он скептически покачал головой.

— А разве вы нет? — ухмыльнулся Крест.

— Это глупо. Нас всего тут четырнадцать человек вместе с вами. А их сотни.

— Ах, ну да. Я и забыл, что вы боитесь мозоли натереть. Это ведь не караваны из засады громить и не рабов в кандалы одевать. — Насмешливо произнес Людоед.

— Не забывайся, — Резко ответил рейдер.

— Вы нам хоть дорогу укажите и расскажите из кого эта банда состоит. Глядишь, и без вас справимся. — Махнул рукой Варяг.

— Да черт с ним, с самолетом, — заявил Вячеслав. — Ну, мы ведь и в самом деле рассчитывали луноходом добраться. Так и поедем. А?

— Я тебя спрашивал? — зарычал на него Яхонтов.

Дитрих вздохнул и окинул всех взглядом, ведя лучом своего фонаря.

— Там в основном уголовники, что из зон бежали, когда все началось. Много дезертиров из числа солдат. Беспризорники бывшие. Маргиналы короче. Ладно. Давайте выйдем наружу, разберемся с теми, кто сюда прет. А потом будем думать, как быть дальше.

***

Три стареньких БТР-152 тянулись друг за другом след в след. Приспущенные для лучшей проходимости на снегу колеса обмотаны цепями, которые улучшали сцепление. Корпуса их были небрежно выкрашены белыми красками, через которые проступали рыжие пятна ржавчины. Передние люки десантных отделений были открыты, и из каждой машины торчал стрелок пулемета. Из головной машины торчали двое. Один с биноклем, другой водил стволом автоматического гранатомета АГС-30. На этом бронетранспортера демонстративно развивался черный флаг с большим белым черепом в центре.

— Они что, рейдеров не боятся? — тихо спросил Варяг у Дитриха, осторожно выглядывая из сугроба. — Следы, по которым они идут ведь от рейдерских вездеходов.

— Рейдеров все боятся. Эти походу пьяные, либо грибов своих накушались и страх потеряли. — Дитрих подтянул

рацию. — Самсон, как слышно?

— Слышу хорошо.

— Где вы?

— На опушке. Противника видим.

— Хорошо. Овод. Доложи обстановку.

— Мы в позиции. Дистанция полста. Готовы работать.

— Отлично. Первую и третью коробку сжечь. Вторую обездвижить. Нам нужен язык. Работать по готовности.

— Есть.

Бронетранспортеры продолжали ползти по следам луноходов Дитриха и Варяга, которые стояли между крупными завалами деревьев. Вдруг, где-то в стороне раздался хлопок и шелест летящего реактивного снаряда. Сразу раздался второй хлопок. Оба гранатометных выстрела поразили цели. Головная машина вспыхнула. Взрывом выбросило того что был с биноклем. Черный флаг, объятый пламенем, полетел в сторону. Замыкающий БТР взорвался. С него послетали верхние люки. Корпус подпрыгнул и завалился набок. Защелкали выстрелы автоматов, бившие по колесам третьего броневика, водитель которого резко вывернул руль вправо и, прибавив ход, пытался уйти от засады. Пули рвали резину задних колес. Бронетранспортер, ревя двигателем, зашипел компрессором подкачки шин, но это ему не помогло. Выстрел из подствольника оторвал ему заднее правое колесо и броневик остановился. Из него высыпали люди в телогрейках и тулупах. Они бросились в разные стороны. Но тут захлестали выстрелы СВД и тихие щелчки «Винтореза». Черновики падали один за другим, настигаемые меткими выстрелами рейдеров. Наконец воцарилась тишина, нарушаемая лишь треском огня в двух подбитых машинах.

— Командир, больше никого не видим. — Зашипела рация Дитриха.

— Понял. Выдвигаемся к ним осторожно. Кто-то мог затаиться. Ищем языка. Самсон, давайте тоже выдвигайтесь.

Дитрих и Борей осторожно двинулись вперед. Варяг и остальные следом. С опушки загудел третий луноход, медленно приближавшийся к месту бойни. Николай огляделся. Метрах в ста справа от них шли четыре рейдера, держа ручное оружие наготове. С такого расстояния, они, в своей броне, мало чем отличались от обрубков деревьев.

Внезапно из открытых задних дверей второго бронетранспортера загрохотал пулемет. Все залегли в сугроб.

— Овод, вы целы там?

— Да, командир. В Плутона, ублюдок, попал. Но броню не пробил.

— Говорит Самсон. Не высовывайтесь. Сейчас его выкурю.

Луноход Самсона сделал крюк и зашел к броневику спереди. На ходу открылась аппарель и когда машина остановилась в пяти метрах от бронетранспортера, оттуда выскочил рейдер.

— Мужики, а водитель оттуда выбегал или нет? — прошептал Сквернослов. — Дверь то водительская закрыта.

— Точно, — кивнул Варяг, — не думаю что он, выскочив, закрыл ее за собой. Берите дверь на мушку.

— Овод, чего-то замолк пулеметчик. Отвлеките на себя его, — тихо сказал в рацию Дитрих.

Один из рейдеров группы Овода приподнялся и тут же залег. Снова заговорил пулемет черновика.

Рейдер из группы Самсона забрался на капот второго бронетранспортера. Затем на крышу кабины. В этот момент водительская дверь распахнулась, и оттуда высунулся человек с автоматом.

— Вот и водила! — воскликнул Яхонтов и нажал на курок. Его огонь поддержал Людоед. Пули залязгали по борту бронетранспортера, по двери и, ударили по водителю. Он обмяк и вывалился наружу. Тем временем рейдер зашвырнул в открытый люк десантного отделения дымовую шашку и захлопнул крышку люка. Из броневика повалил густой желтый дым и немного погодя выскочил и пулеметчик. Рейдер спрыгнул с бронемашины и ударил его прикладом своего «Винтореза» по затылку.

— За мной, — коротко скомандовал Дитрих и, поднявшись, двинулся в ту сторону.

Возле горящего головного бронетранспортера корчился тот самый человек, которого выбросило взрывом. Он сжимал руками левое бедро. Нога его была оторвана выше колена. Дитрих не останавливаясь, выстрелил ему в голову.

— Так, внимание всем, — заговорил он в рацию. — Тела и машины осмотреть. Каждому сделать контрольный выстрел. Раненых добить. С трупов снять одежду. Собрать оружие и боеприпасы. Все что нам пригодиться. Посмотрите АГС в головной машине. Если целый и есть боекомплект, то погрузите в вездеход группы Ахиллеса. Остальное заберем мы.

Они дошли до второго БТР-152. Пулеметчик лежал на снегу и кашлял, протирая все еще слезившиеся от дыма глаза. Рейдер, который выкурил его, стоял рядом держал черновика на прицеле.

Ни говоря, ни слова, Дитрих нанес боевику ногой удар в живот.

— На меня смотреть! — рявкнул он.

— Не убивайте меня! — задрожал черновик, — Не убивайте, пожалуйста!

— Вы черновики? Да? — Громко спросил Дитрих.

— Пожалуйста, не убивайте! — продолжал причитать пулеметчик.

— Отвечать на вопрос! — снова удар в живот.

— Не убивайте!!! — глаза боевика, красные от едкого дыма, наполнились ужасом перед лицом смерти.

— Так! Он нихрена не понимает! Парни, отрежьте ему правое ухо для начала.

— Нееет!!! — заорал черновик и, перевернувшись на живот, попытался заползти под бронемашину.

Рейдеры схватил его за ноги, и выволокли обратно. Тот, что с «Винторезом», ударил его прикладом по голове.

— Не надо… — зарыдал боевик, — не режьте, пожалуйста!

— Кто вы такие я спрашиваю!!!

— Черновики…

— Вы тут были уже?

— Неделю назад… Один наш на мине тут подорвался…

— В километре отсюда, в той стороне, замаскированный ангар есть. Там было два БАТа. Вы их забрали?

— Д-два чего? — черновик растерянно уставился на Дитриха.

Рейдер снова ударил его и закричал:

— Гусеничные инженерные машины, мразь! С плугами, лебедками, кранами и бульдозерными ножами! Зеленого цвета! Вы их забрали и все топливо к ним?!

— Нет! То есть! Да! Наши их забрали!

— Куда! Куда их дели?!

Черновик хотел что-то сказать, но вздрогнул от выстрела. Один из рейдеров добил лежащего неподалеку его раненного подельника.

— Господи, — промямлил боевик, — Пожалуйста. Не убивайте меня. Я рядовой чернушник! Я ничего не сделал!

Дитрих протянул руку к Борею.

— Дай мне нож!

Рейдер вложил ему в руку внушительных размеров охотничий тесак.

— Не-е-ет!!! — черновик снова попытался заползти под броневик.

Однако на него посыпались удары ногами.

— Отвечай!

— На вторую базу их угнали! А на днях старшие забрали в цитадель!

— Где эта цитадель?!

— Я не знаю!

Дитрих наклонился и, схватив черновика за ухо, прислонил

лезвие ножа.

— Не надо!!! Я, правда, не знаю!!! — завизжал боевик, — Старший наш знает!!! Он на базе!!! Командир наш!!! А я только знаю что цитадель в самом Свердловске!!!

— Где ваша база?!

— В Ганиной яме!!! Это там!!! За Исетским озером!!!

— Сколько там ваших?!

— Сотня! Не больше! Теперь даже меньше!

— Какая техника?!

— Два танка! Но они не ходовые! Но с боекомплектом! Еще пять таких бэтэров! Но только два на ходу! И еще МТЛБ и БМД!

Дитрих отпустил его и поднялся.

— Ладно, недоносок, живи пока. — Затем он обратился к тому рейдеру, что выкурил этого черновика из бронемашины. — Свяжи его. Он нам пригодится еще.

Отойдя от броневика, Дитрих увлек за собой остальных.

— Борей, — тихо сказал он, — Заминируй вход в ангар. Как следует, заминируй.

Борей кивнул и направился к вездеходу за минами.

— Ну, так что дальше? — требовательным тоном спросил Варяг.

— Что дальше? Ты все еще горишь желанием отбить эти машины? Ты же слышал, что их угнали в сам город.

Яхонтов повернулся к своим товарищам. Сквернослов досадливо поморщился. Васнецов задумчиво смотрел на запуганного до смерти черновика. Людоед, поймав на себе взгляд Варяга, улыбнулся и кивнул.

— Конечно, — ответил после этого Яхонтов.

Дитрих вздохнул и покачал головой.

— Ну да черт с вами. Поможем. Нам и самим надо теперь что-то делать с этими уродами. Рано или поздно они доберутся до самолета.

***

Конвой из трех луноходов двигался по новому, продиктованному сложившимися обстоятельствами, маршруту. Николаю сложно было оценить, насколько жестокость рейдеров являлась оправданной. Он понятия не имел, что из себя представляют, эти самые черновики и не знал, как к ним относиться. Он жалел пленного, объятого паническим страхом во время допроса. Наверное, если бы его просто застрелили, то он не питал бы столько жалости. Но его унижали угрозами зверской

расправы. И угрозы эти были весьма реальны. И они низвели человека до животного состояния. Васнецов вздохнул и уставился в смотровую щель, на унылый холодный пейзаж. Мимо проплывали бесчисленные деревья, густо торчащие из снега и подступающие к узкой, редко используемой последние годы дороге. Где-то среди зарослей виднелись покрытые снегом обломки. Похоже, это был большой самолет.

— Дитрих, — позвал Людоед, держа перед собой рацию, которую получил от рейдеров.

— Да, слушаю.

— Что там наш гость еще рассказал? Пока мы в пути, просвети, что это за черновики такие.

— Ну, я же говорил. Анархисты. По сути, организованная бандитская группировка. Из беспредельщиков. Даже воров в законе не признают. Мечтают о мировой анархии.

— А сейчас не анархия? — засмеялся Крест.

— У них несколько свои представления об анархии. Для них восстановление какой-либо государственности неприемлемо. Никаких законов кроме их порядков. Самые злейшие враги для них, организованные общины бывших военных. Военных они называют золотопогонниками. Убивают без разговоров. Но к себе могут принять только бывших рядовых. И то даже не контрактников. Исключительно бывших срочников. Уголовников, но не из воров. Террористов разных, убийц, беспредельщиков, насильников.

— А где они броневики такие допотопные раздобыли?

— Да где-то в области тут был огромный склад консервации военной техники. Там полно старья. Еще когда проблемы с Китаем были, тут старую технику складировали. Дескать, для войны с Китайцами достаточно бронетехники старого образца, для резервистов.

— И чего вы с ними, с черновиками этими, не покончили раньше?

— Да руки не доходили. И много их. Очень привлекательная у них идеология. Вседозволенность по отношению к другим. Вот и присоединяются к ним всякие. Конечно внутри группировки у них жесткие порядки. Провинившегося могут даже съесть.

— Так они каннибалы?

— Не все. Те, кто не брезгует.

— А что за Ганина яма? Так вроде база их зовется?

— Да, — ответил Дитрих, — Историческое место. Разве не знаешь?

— Что-то не припоминаю. — Крест мотнул головой, хоть собеседник, сидящий в другом вездеходе, его и не видел.

— Там шахта, заброшенная и монастырский комплекс. В эту шахту люди Свердлова и Троцкого сбросили тела царской семьи после расстрела. Это еще в начале прошлого века было. После революции. Потом там монастырский комплекс воздвигли в память о них, хотя с останками так и не определились, по-моему. Там вроде вопрос так и остался открытым, Романовы это или нет.

— Так это там царя расстреляли? — подал голос, сидевший за рулем Варяг.

Дитрих услышал его и ответил:

— Нет. Его и семью грохнули в Ипатьевском доме. Но дом этот еще по приказу Ельцина снесли. Это в самом городе. Черновики такие места вообще любят. Устраивают там какие-то шабаши и оргии.

— А враги у них вообще тут есть, которые хоть как-то противостоят? — задал следующий вопрос Людоед.

— Есть всякие группировки. Небольшие, сравнительно с черновиками. Посему и угрозы серьезной не представляют. Никто из них в союзе с этими выродками не состоит. Но и между собой враждуют. Ну, сам посуди. Есть казаки-монархисты…

— Как?

— Монархисты. Ну, царя почитают. Все мечтают отбить святыню у черновиков.

— Яму эту?

— Да. А есть еще национал-социалисты. Вроде много общего с казаками-монархистами, но они православную веру не признают. Считают ее сектой от иудаизма. Как и все христианство. Лояльны лишь к древнеславянским языческим богам. Есть муслимиат. Туда входят кавказцы из мусульманских народов и другие, кто ислам исповедует или принял. Почитают Коран. Практикуют многоженство. Но черновиков ненавидят, как слуг шайтана. Однако едва ли можно себе представить, что они будут сотрудничать с казаками и национал-социалистами. Еще есть «Новый коммунистический интернационал». Дружбу народов проповедуют и мировой коммунизм. Оттого не могут быть в союзе с монархистами или нацистами. Есть криминальные группировки под началом воров в законе. Была еще «Восточная демократическая директория». Мечтали наладить контакт с выжившими американцами и пригласить их в Россию, установить власть. Но этих давно побили все остальные, поскольку никакой другой группировке такой расклад был неприемлем. Ну и слабый был этот союз. Уж очень много там неприспособленных к войне псевдоинтеллигентов было. Оттого, наверное, и хотели защиту от американских штыков, поскольку сами не способны были. Ну, еще несколько группировок. Менее одиозных. Вот и сам посуди, какое

может быть организованное сопротивление черновикам, если друг другу только что глотки не грызут. Мир они между собой кое-как установили, но очень шаткий.

— Просто феодальная раздробленность какая-то, — Разочарованно вздохнул Людоед. — А вот у нас, в конфедерации дома советов все объединились. И казаки-монархисты и русские национал-патриоты и красные и просто оставшиеся верные присяге и Родине, военные и другие силовики. И ведь с кавказцами из батальона «Ирбис» в союзе были и с безбашенными сталкерами. Как же так, Дитрих? Почему тут они не объединятся?

— А черт их знает. Может, нет сильного лидера, который мог бы повести их всех за собой и найти общие точки соприкосновения. А может не так много ресурсов тут осталось, как в Москве.

— Ну а отчего черновики такие сильные и многочисленные?

— Так я же сказал. Идеология у них притягательна. Особенно для тех, кто вообще все ориентиры в этой жизни потерял. И по национальному признаку они людей не делят. Главное чтобы ты не был заморочен на собственной национальной идентичности и с презрением относился к понятию Родина. Патриотизм считается привилегией цепных псов и только. Ненавидь всех. Грабь, убивай и насилуй. Все что от тебя требуется, будь верен чренушному братству и лидерам. Братьям Черновым. Вот и все. Вот и идут к ним. Так как они сильнее. У них сытнее. И моральных требований к тебе никаких. А ведь мораль есть даже у криминальных группировок. Воровской кодекс. Не говоря уже о строгих полумонашеских правилах монархистов, железной дисциплине националистов, шариату мусульман или коммунистическому аскетизму красных…

Все это повествование навевало дикую тоску и обостряло чувство безысходности. Люди никак не могли прийти к чему-то общему и думать о выживании и возрождении. Люди и тут враждовали. Как знать. Будь в Надеждинске много больше людей, то, наверное, и они тоже разбились бы на группировки и периодически стали бы объявлять друг другу войну.

Николай продолжал смотреть на мрачный пейзаж снаружи и сжимать кулаки от ощущения разочарования. Очень остро захотелось остановить эту миссию. Объявить спасение остатков человечества преступной акцией и сделать все, чтобы ХАРП продолжал уничтожать все что осталось. Но самое обидное в таком случае, что все эти люди не узнают, что им что-то угрожало и он, Николай Васнецов сознательно лишил их шанса на спасение. Они и погибнут все, не поняв, что произошло и, не ощутив чувство вины перед ним, Николаем, который хотел всех

спасти, но обрек их в итоге на погибель из-за их неразумности…

— Правильно-правильно, — пробормотал внутренний голос. — Если саботируешь миссию, то погибнешь со всеми в общем котле. И в полной безвестности. Может, стоит подумать, как лучше поступить?

— Опять ты? — мысленно вздохнул Николай.

— Не я, а ты. Забыл? Ведь ты говоришь сейчас с самим собой…

Дальше дорогу перегородила колонна искореженных и сгоревших машин. Между деревьев лежал опрокинутый автобус. Конвой взял правее, объезжая нагромождение транспорта. Вереница грузовиков, легковушек и автобусов, казалось, никогда не кончится.

Деревья кончились, и справа разверзлась бездна огромной котловины.

— Господи! Илья, посмотри! Что это такое?! — воскликнул Васнецов.

— Ничего себе! — раздался возглас Сквернослова из передней кабины.

Людоед прильнул к смотровой щели и взглянул на огромный кратер, по неровному краю которого они сейчас ехали.

— Дитрих, — произнес он в рацию, — Ты это видишь?

— Да. Вижу, конечно.

— И что это? Надеюсь не то, что я думаю?

— Погоди. Спрошу у этого хмыря. — Пробормотал Дитрих и после некоторой паузы ответил, — Нет, слава богу. Это Исетский карьер. Тут когда-то добывали что-то. Гранит или что-то в этом роде. Говорит мы уже близко. Меньше десяти километров осталось по прямой.

Впереди замаячили какие-то строения. Все они были в плачевном состоянии. Обваленные крыши. Разбитые стены. Иные строения вообще представляли собой компактные груды запорошенных снегом обломков. Где-то в стороне стоял огромный самосвал. Его размеры пугали, словно они прибыли в царство каких-то жутких великанов. Гигантский кузов был загружен с горкой. Колеса его давно были спущены, и на одном вообще отсутствовала резина. Чуть дальше были видны еще самосвалы и грузовики, но уже обычные. Не таких пугающих размеров. Опрокинутый экскаватор. Разобранные или сгоревшие останки рабочих бытовок. Дальше дорогу пересекала железная дорога. И, похоже, не одна. На нескольких путях стояли длинные эшелоны грузовых вагонов которые так и остались тут стоять с того рокового дня, когда весь этот промысел в карьере, как и многое другое в человеческой жизни, перестал иметь какое-либо

значение.

Они долго объезжали заброшенные эшелоны с бесконечной вереницей вагонов. Затем снова руины каких-то строений. И снова лес. Конвой двигался по широкой просеке, которая, однако, довольно скоро кончилась новым пейзажем разрушенных строений. Чуть в стороне несколько холмов и длинные элеваторы, тянущиеся к их вершинам. Снова много разбитой, сгоревшей, или разобранной техники. Миновав этот участок, они выехали на непривычно ровное место, свободное и от техники и от руин и от какой-либо растительности.

— Так, тут не останавливаться, — послышался голос Дитриха в динамике рации. — Это бухта Исетского озера. Лед конечно крепкий, но кто его знает. Надо поскорее миновать это место.

44. ЯМА

Сумерки сгущались, возвещая об окончании очередного безликого и похожего на другие дня. Мало кто следил теперь за календарем. Это была роскошь и привилегия тех, кто не утратил еще признаки цивилизованности. Было немало и таких, кому числа и месяцы приносили боль, когда безликие даты обретали очертания событий давно минувшей эпохи. Больно было осознавать, что такого-то числа день рождения близкого человека, которого давно уже нет в живых, так как его или ее поглотил пожар ядерной войны или ее последствия. Больно было вспоминать, что было в этот день много лет назад. Поход в парк аттракционов? Прогулки по зоопарку? Визит в театр? Увлекательная и запоминающаяся поездка, от которой остались красочные яркие фотографии с позабытой гаммой цветов и непривычно ярким для нового времени солнечным светом? Теперь все это вызывало лишь боль и бесконечное чувство страшной утраты. Николай только теперь, запоздало начал понимать, почему даже в цивилизованном Надеждинске летоисчисление началось с нуля и был сейчас не две тысячи какой-то там год, а просто, двадцатый. Двадцатый год после конца. Наверное, так легче. Понимал он теперь и то, отчего были такими напряженными и сосредоточенными лица людей, когда они проговаривали даты. Ведь даже если ты не хочешь думать о том, какой сегодня день, то обществу, старающемуся остаться цивилизованным насколько это возможно, просто необходим календарь. Хотя бы для эффективной работы дающей пищу оранжереи. И люди, превозмогая боль, пользовались календарем и помнили даты, которые то и дело бередили старые раны воспоминаний. Все это навеяло Николаю аналогию с замкнутым кругом или ямой, в которую угодило человечество давным-давно. А мысли о яме, наверное, навеяны названием этого странного, все больше окружаемого сгущавшимися сумерками места. Ганина яма.

— Что скажешь, Варяг? — Крест, как и Яхонтов и Дитрих, наблюдал в бинокль, укрывшись за снежной насыпью.

— Что-то не пойму. Вот комплекс монастырский. Вон храм обложенный срубом. Значит, внешние посты там должны быть. И курган тот снежный, рядом, возле которого два танка стоят, говорит о том, что это вход в шахту. Верно?

— Ну, верно, — проворчал Дитрих. — А что собственно тебя смущает?

— Да то, что никаких признаков наличия внешнего поста.

Никакого патруля. Вообще мертвая тишина. Даже вояки на посту или курят или болтают почем зря. А тут тишина, словно затаились. Дымка и света не видно. Ждали нас? Или они такие дисциплинированные? В этом я сильно сомневаюсь. Но эта тишина настораживает. Вам так не кажется, коллеги?

— Согласен, — кивнул Людоед.

— Ладно, — вздохнул Дитрих и включил рацию. — Парни, тащите эту овцу сюда.

— Есть командир, — ответила рация.

Ждать пришлось минут двадцать. Машины они оставили на безопасном удалении от этого места и, оставив там охрану, двигались сюда уже на снегоступах, аккуратно и медленно продвигаясь, чтобы остаться незамеченными. Однако подозрительная тишина на базе черновиков могла говорить, что их все-таки заметили.

Когда рейдеры приволокли пленного, то у него был завязан рот. Дитрих достал охотничий нож и прислонил его острием к горлу черновика.

— Слушай, недоносок, сейчас я повязку сниму, и пасть твою освобожу. Но имей ввиду, если ты вздумаешь шуметь, свистеть, кричать и даже пердеть, в надежде предупредить своих соратничков, я воткну это тебе в глотку по самую рукоятку и потом буду проворачивать, пока рука не устанет. А когда устанет, меня сменят мои товарищи и будут проворачивать дальше. Понял, урод?

Черновик быстро заморгал глазами и засопел. Рейдеры сняли повязку.

— Мужики, я чуть не помер, — зашептал пленный. — У меня насморк…

— Заткнись, — рявкнул Дитрих, — Почему тишина такая на базе?

— А я почем знаю? — дрожащим голосом пробормотал черновик, — Нас с самого утра не было тут. Когда уезжали, то нормально было. Дрова вон там заготавливали. Пилили поваленные деревья. Зверя стреляли неподалеку. Шахту рыли.

— Какую еще шахту?

— Ну, эту. Нашу. Глубже она ведь завалена. А мы ее откапываем.

— Зачем?

Черновик вдруг замолчал, словно осознав, что взболтнул что-то лишнее.

— Я тебя, сука, спрашиваю, — угрожающе зарычал Дитрих.

— Там это… Ну мы жилища свои расширяли. Новые этажи подземные делали. И это… С метро соединиться хотели… Вот…

— Вы совсем, что ли идиоты? Метро в городе. И до ближайшей станции километров десять. Вы как с ним собирались соединиться?

— Так ведь новую ветку рыли перед войной. Верхнеисетская станция. — Пожал плечами пленный.

— Баран, верхнеисетская ветка тянулась к Ново-московскому тракту. А это на юге за южным озером. Ну, вы и дебилы, — Рейдер тихо рассмеялся.

— Значит дебилы, — вздохнул черновик. И, похоже, было, что вздохнул он с облегчением, поскольку продолжения этой темы явно не желал.

— Погоди, приятель, — подал вдруг голос Людоед, — По-моему, он не такой тормоз каким хочет казаться. Да? — Крест угрожающе улыбнулся и медленно стал доставать свою катану из ножен. — Знаешь, какая она острая?

— Эй, ты чего? — испуганно пробубнил пленный.

— Ну-ка подержите ему руку. Отсеку для начала кисть.

— Не надо, — простонал тот, прижимая к себе руки. — Пожалуйста, не надо…

— Говори, куда вы шахту рыли.

— Я не знаю.

Получив удар по лицу, пленный распластался на снегу и схватился ладонями за нос.

— Слушай, свинья. У нас мало времени. Поэтому считаю до ста. — Крест занес над ним свой меч. — Итак. Девяносто девять.

— В бункер, — выдохнул пленный. — Где-то рядом должен быть бункер. Он секретным тоннелем с метро городским соединен.

— Что за бункер?

— Старый. Законсервированный. Вроде при Сталине начали делать. Туда вся оборона территорий за Уралом замыкаться должна была в случае нападения американцев. Потом при Хрущеве стройку бросили. После него вроде возобновили. И вроде как к восьмидесятым закончили. Но после развала Союза забросили. Ну и золотишко вроде там искали. Которое большевики там спрятали, когда белые хотели царя вызволить и войско сюда шло. Ходили слухи, что там тонны церковных ценностей.

— Зачем вам сейчас золото?

— Да оно нам нахрен ненужно теперь. Нам бункер нужен и туннель отсюда до города. Что бы все под контролем держать.

— А ты откуда знаешь про этот бункер?

— Слыхал давно. Когда служил еще. Моя служба с такими стройками была связана. Я даже схему военную видел. Там еще

туннель шел в лес за озеро. Севернее карьера. Там секретный аэродром для тех, кто должен был быть в этом бункере. Я хреново схему эту помню. Давно было это. Но припоминаю, что бункер должен быть где-то тут. А аэродром вроде там… Ну… Где мы БАТы ваши нашли. Вот…

— И как вы рыли? Чем?

— Лопатами да кирками, чем же еще.

— Небось, рабы это делают? — Дитрих сурово посмотрел на пленного.

— Ну… — осекся он, — Послушайте, я ведь рядовой чернушник. Я главному как-то рассказал про эту схему и все. Я тут не причем. Больше я ничего не знаю. Клянусь.

— А чего вы из самого метро не попробовали бункер найти? — спросил Крест.

— Так оно все обвалилось после атомных взрывов. Ну, почти все.

— Ладно, хрен с ним с метро. — Махнул рукой Дитрих, — А что в том храме, который обложен бревнами и мешками?

— Я же говорил. Обложенное здание, это пост внешний. А внутри машины наши стоят. А подальше, в монастыре бывшем, остальная техника и склад древесный. Монастырь тоже утеплен бревнами снаружи. Там второй пост. Два пулемета и снайпер. За монастырем мины.

— А что за курган рядом с этим храмом?

— Что такое курган? — черновик непонимающе окинул всех взглядом.

— Холм, твою мать.

— А… Так это… Блиндаж деревянный вокруг шахты. И сам вход в шахту. Блиндаж мы сделали. А утепляли храм и монастырь еще до нас.

— Кто?

— Ну… монахи эти. Они тут так и остались, когда все началось. Точнее пришли, когда радиации меньше стало. Ну и пытались тут божью обитель, дурачки, сделать. Всем страждущим помогать. На своих благих намерениях и погорели. Но убили их не мы. До нас еще. Клянусь…

— Как ваши могли знать о нашем приближении? Ведь у вас раций не было.

— Да я хрен его знает, — пленный нервно пожал плечами. — Может, заметил кто?

— Не могли они нас заметить. Они не профессионалы а мы не пацаны из учебки, — буркнул Варяг.

— Не стоит недооценивать врага. Это всегда приводило к хреновым последствиям. — Мотнул головой Крест.

— Ладно. Парни. Тащите его обратно. Будет рыпаться, кончайте без лишних сантиментов. — Сказал Дитрих своим людям и, проводив процессию из двух рейдеров и невольника взглядом, обратился к Людоеду.

— Ну, и что делать решил?

Людоед пожал плечами и усмехнулся:

— Я, конечно, понимаю, что вам ближе человек из своих, артельских, но в нашей группе командиром является полковник Яхонтов.

— Ага. Пусть у Варяга за все голова болит и пусть он за все отвечает? — тихо засмеялся искатель. — Погонами ты со мной сравнялся теперь. Небось, они тебе полкана дали специально, чтоб мой авторитет в группе пошатнуть и воцарить на трон артельщика-ассасина. — Шутливый тон Варяга понял только Илья, поддержавший товарища тихим смехом.

— Да вы ненормальные оба, — проворчал Дитрих. — Чего делать-то будем, я спрашиваю?

— Зачищать по-тихому, — ответил Яхонтов, — Пробираемся к храму. Идут две группы. Мы заходим с левой руки. Ты со своими рейдерами с правой. Одновременно не идем. Держим постоянную связь. Пока идем мы, вы держите на мушке храм, колокольню и курган с танками. Потом мы затаились и взяли все на мушку, двигаете вы. Классическая зачистка. Работаем «Винтарями». Никакого шума. Исключение, если надо подбить танки. И все. И помните. Нам нужен кто-то из главных. Тот, кто знает, куда БАТы утащили.

***

Близлежащие деревья лениво поскрипывали на морозе, нарушая ночную и напряженную тишину. Этот скрип был на руку сейчас, маскируя своими стонами повизгивание снега от скользящих по нему снегоступов. Николай и Крест преодолели еще дистанцию в двадцать шагов и затаились в сугробе. Метрах в десяти от них затаились Варяг и Вячеслав.

— Готов. Чисто, — послышался в рации, висящей на груди у Людоеда, голос Яхонтова.

— Идем, — ответил Дитрих. Прошло несколько минут, и он произнес: — Готов. Чисто.

— Идем, — произнес Варяг, и они снова неторопливо стали двигаться к храму.

Вскоре они достигли стены храма, обложенной для утепления бревенчатым срубом. Варяг и Сквернослов стояли с

противоположной от Ильи и Николая стороны у входа в здание. Сам вход был сверху защищен от снегопада большим навесом. Снег был расчищен возле него. Перед входом была сделана баррикада из камней и мешков с песком для обороны. Дверь в храм была обита кусками ковров и паласов для утепления.

— У входа, — коротко сказал в рацию Варяг. — Пока чисто.

— Вижу вас, — ответил Дитрих, — Мы на подходе.

— Добро, — Яхонтов машинально кивнул. — Заходим. — Он поправил на лице прибор ночного видения и потянул за ручку двери. Та невыносимо громко заскрипела.

— Черт! — Варяг отпустил дверь и отпрянул от нее.

Ничего не произошло. Никто не поднял тревогу.

— Надо резко, — тихо сказал Людоед. — Цельтесь в дверь, я открываю.

Яхонтов встал на колено и направил ствол автомата на дверь.

— Славик, приготовь осколочную, — скомандовал он Сквернослову.

— Понял, — Вячеслав кивнул и, достав из подсумка гранату, просунул в кольцо указательный палец левой руки, предварительно сняв с нее перчатку.

Людоед резко рванул на себя дверь. Несколько секунд тянулись бесконечно. Казалось, вот-вот кто-то закричи внутри. Начнется стрельбы и эта гнетущая тишина нарушится, наконец, шумом боя. И станет все предельно ясно. Там враг, а тут свои, и надо принять бой. Но снова ничего не произошло.

— Кажется чисто, — шепнул Варяг и озадаченно добавил, — Ничего не понимаю.

— Ладно. Заходим по очереди. Славик, убери гранату. — Произнес Илья и сам, первый метнулся внутрь. Внутри царила кромешная тьма. Прибор ночного видения, хоть и был куда удобнее того, с которым Николай бродил по московскому метрополитену, но все равно мало что позволял увидеть. Внутри было просторное помещение. Внутренние стены видимо давно демонтировали, и теперь тут стояли МТЛБ и БМД. Еще много различных частей от самых разных машин и ящики различных размеров. В другой стене большой прямоугольный пролом, где были сделаны ворота. У дальней стены много разных агрегатов и снова ящики. И, кажется, там была ведущая наверх лестница.

Васнецов резко развернулся, услышав за спиной шорох. Его ПНВ снова выхватил в зеленоватом свете мистический силуэт, как тогда, в Московском метро. Это были рейдеры. Они вошли в храм. Фильтры масок были отключены, чтобы не создавать лишнего шума, и было слышно только их приглушенное дыхание.

— Ну что тут? — тихо спросил Дитрих.

— Кажется никого, — пробормотал Варяг, водя стволом «Винтореза» и целясь в темноту.

— Ладно, — Дитрих кивнул, — Вы тут пока осмотритесь. Мы наверх.

— Давай.

Рейдеры быстро исчезли из вида и возникли только четыре неясных силуэта у дальней стены. Они принялись осторожно подниматься по лестнице. Варяг и Сквернослов стали двигаться вдоль МТЛБ и обходить его спереди. Николая и Крест пошли сзади. Обойдя машину, Людоед снял перчатку с ладони и приложил руку к выхлопной трубе МТЛБ.

— Что там? — шепнул Яхонтов.

— Не теплая. Но и не такая холодная, как должна быть при таком морозе. — Тихо ответил Людоед. — Видимо не так давно заводили. Но угаром уже не пахнет в этом гараже. Может час, полтора прошли. А может меньше. Видимо прогревали для легкого и быстрого запуска двигателя.

— Ладно, шут с ним, — махнул рукой Варяг.

— Тихо! — Вячеслав ткнул указательным пальцем вверх. — Слышите?

Наверху скрипели полы от осторожных, крадущихся движений.

— Это рейдеры. Чего панику разводишь, — Крест слегка толкнул Сквернослова.

— Ах да, — выдохнул Вячеслав. — Я и забыл. Ну и стремно же здесь, мужики.

— Обделалась, Фрося? — хихикнул Крест.

— Иди ты в…

— Заткнитесь оба, — рыкнул Варяг. — Вон, кажется, калитка в воротах есть. Я открываю.

Калитка заскрипела, как и дверь. Яхонтов с силой толкнул от себя и резко присел, приготовив оружие.

— Что там? — спросил Людоед.

— Снег утоптан хорошо. Никого не видно. Шагах в тридцати кажется вход в блиндаж этот.

— Пошли туда, — Кивнул Илья. — Тут ловить уже нечего, — затем он проговорил в рацию, — Дитрих, что там у вас?

— Чисто, — послышался ответ. — Мы пулемет нашли у окна. Лишняя ноша пока ни к чему. Но мы его из строя выведем сейчас и спустимся.

— Добро. Мы двигаемся к яме. К блиндажу.

— Понял. Ждите нас там.

Варяг вышел на улицу. За ним осторожно Вячеслав. Следом Людоед. Замыкал Николай. Он уже занес ногу, чтобы переступить

через порог, но вдруг резко обернулся. Что это было? Он готов был поклясться, что слышал какой-то глухой звук. И звук шел не из потолка, что можно было объяснить шагами рейдеров. А может, показалось? Может психика подводит из-за этого затянувшегося напряжения и гробовой тишины, нарушаемой лишь треском деревьев в лесу вокруг этого места? Он подошел к МТЛБ и прислонился ухом к корпусу. Тишина. Только стук собственного сердца. И прерывистое дыхание. Васнецов не сразу понял, что это его дыхание. Он попытался не дышать, но сердце от этого стало биться еще сильнее. Николай сделал глубокий вдох и вдруг отчетливо услышал какой-то странный звук. Что-то глухо лязгнуло внутри. Или действительно показалось? Он стал гнать от себя мысли о том, что все это ему померещилось и одновременно убеждать себя в том, что там, внутри машины, кто-то есть. Кто-то затаился и выдал себя каким-то неосторожным движением. А что если и в БМД сидит некто? Там ведь пушка. Но и МТЛБ, хоть и без оружия, может причинить серьезные неприятности, если там действительно кто-то прячется.

— Колян. Ты застрял там что ли? — послышался голос Сквернослова.

Васнецов шагнул к двери.

— Славик, кажется там кто-то…

Страшный грохот разорвал тишину и, все вокруг наполнилось жутким ревом. Казалось, никто не ожидал, что эта тишина нарушится именно так. Николай упал от неожиданности и уже лежа резко развернулся, глядя на ревущий двигателем МТЛБ, который сейчас был словно огромный фантастический зверь, разверзнувший пасть, чтобы поглотить его в мгновение ока.

— Атас, Колян! — заорал Сквернослов, хватая Васнецова и выволакивая его из храма.

Они успели отпрыгнуть от ворот в сторону, как раз в тот момент, когда вездеход рванулся с места, снося ворота и превращая их в массу разлетающихся в разные стороны досок и брусьев. МТЛБ катил прямо, набирая скорость. Его словно не заботили эти незваные гости и, казалось, что тот, кто управлял этой машиной, был одержим одной мыслью, убраться отсюда как можно дальше и как можно быстрее.

— Мать вашу! — заорал Варяг выбираясь из снега и отбрасывая от себя навалившиеся щепки, доски, и обрывки того чем ворота были обиты. — Славик, «Муху», быстро!!!

— Я уронил! — крикнул Сквернослов и стал быстро копошиться в снегу и обломках ворот.

— Быстрее! Уйдет же!

Раздался хлопок и с верхнего этажа храма метнулся

реактивный снаряд. Выстрел из гранатомета быстро достиг МТЛБ и врезался сверху в его приземистый корпус. Грянул взрыв. Машину объяло пламенем. Двигатель проурчал еще несколько секунд и заглох.

— Кто стрелял? — крикнул Вячеслав.

В кабине горящего МТЛБ открылся люк, и из него вывалился дымящийся человек. Он встал на колени и поковылял в сторону леса, схватившись обожженными и окровавленными руками за голову. Преодолев несколько метров, он вдруг замер и истошно заорал.

Людоед бросился в его сторону.

— Не стреляйте в него! Надо его взять! — крикнул он и, оказавшись уже на полпути к человеку, вдруг резко развернулся и нырнул в ближайший сугроб. Раздался еще один взрыв и вопль человека из МТЛБ прекратился.

— Черт! Что это было?! — крикнул Варяг.

Крест выскочил из сугроба и побежал обратно к товарищам.

— Он себя гранатой подорвал! — Крест быстро выбрал удобную позицию, и присев взял на мушку вход в блиндаж. — Славик, ты «Муху» нашел?

— Да, — прокряхтел Сквернослов, доставая из снега зеленую трубу одноразового гранатомета.

— Тогда живо бери на мушку те танки. Только не стреляй пока.

— Слушай, Крест, ты что-нибудь понимаешь? — проворчал Варяг, целясь «Винторезом» и водя его стволом по сторонам.

— Ни черта. — Коротко ответил Людоед.

Внутри храма раздалось лязганье металла. Васнецов направил ствол своего оружия в темную пасть снесенных ворот.

— Тихо пацан, спокойно, — Из темноты показался Дитрих, — Там мои люди БМД проверяют. Может и там кто затаился.

— Это вы лайбу подбили? — спросил Сквернослов у рейдера.

— Мы. Что оставалось делать? Почему вы сами мешкали?

— Да он нас всех чуть не переехал, — ответил Вячеслав.

— Как же вы так проворонили человека в МТЛБ?

— А у нас что, рентгеновское зрение, по-твоему? — Людоед повернул голову и бросил на рейдера недовольный взгляд. — Кто мог знать, что на таком холоде в машине сидит кто-то.

— Ладно, так или иначе мы осиное гнездо разворошили. — Проворчал Варяг. — Сейчас повыскакивают.

— Не видать что-то никого. — Мотнул головой Вячеслав. — Ведь давно бы выскочили, так?

— Н-да, странное что-то, — вздохнул Людоед. — И придурок этот на МТЛБ. Он будто бежать собрался. Чего вдруг?

— А чего раньше не бежал? — возразил Дитрих.

— Может корешей своих ждал, которых вы завалили на аэродроме. А тут увидел в прибор смотровой тени какие-то крадущиеся. Да черт его знает вообще. Что-то странное тут. Пленный говорил их тут около сотни. И что? Видели только одного и то с ним что-то странное творилось.

— Слушайте, а ведь действительно на взрывы так никто и не отреагировал. — Сказал Яхонтов. — Они повымирали тут все что ли?

Из храма показались остальные рейдеры.

— Ну что? — Дитрих уставился на них.

— БМД пустая. Нет там никого. Да она и не на ходу. Правый трак перебит и, наверное, топливо слито.

— Ладно, давайте дальше. В блиндаж. И за танками следите. Мало ли что. — Людоед медленно двинулся к входу в подземелье.

Они все достигли двери. Вокруг снова воцарилась неестественная тишина. Теперь лишь к треску деревьев добавился и треск языков пламени из догорающего вездехода. Это немного осветило ближайшую местность и добавило и без того гнетущей обстановке причудливых и уродливых теней.

Оставив дозор из двух человек снаружи, рейдеры вошли первыми. Осторожно. Держа наготове оружие. Внутри были выложенные шлакоблоками до самого низкого потолка бойницы. Висела зажженная керосиновая лампа. За стенками амбразур опрокинутое кресло и стул. На полу лежал термос и горсть гильз. Чуть в стороне рожок от автомата и в тени виднелся сам автомат. Они прошли дальше. На полу стали видны крупные темные пятна.

— Кажется кровь, — тихо сказал один из рейдеров, светя фонарем.

Группа свернула за угол. Узкий бревенчатый проход с открытой дверь. За ней большое помещение, пол которого был застлан массивным длинным брусом. В полу зияло большое квадратное отверстие, в которое уходила лестница. Посветив туда фонарем, рейдеры двинулись вперед. В убежище царила полная тишина и, тут даже треска деревьев слышно не было. Поэтому шипение рации Дитриха стало для всех полной неожиданностью и показалось нетипично громким.

— Командир. Это Борей.

— Да Борей. Что у вас? — Совсем тихо ответил Дитрих.

— Мы наблюдали вспышку в вашей стороне. У вас все в порядке?

— Да. Подбили одну коробочку. Сами все целы.

— Ясно. У нас тут что-то странное с пленным твориться.

— Что такое?

— Припадок у него начался полчаса назад. Потом бредить начал и в жар его бросило. Причем сильный. И пятнами какими-то весь пошел. Сначала красными, а теперь они чернеют. И он совсем невменяемый стал.

— Понял. Постарайтесь симптомы продиагностировать и вколите после этого что-нибудь ему. Если что, сообщай.

— Понял, командир. Конец связи.

Широкая лестница спускалась в глубокую яму, диаметром около двух десятков метров, дна которого не видно. В вертикальных стенах ямы выдолблены большие ниши с дверями и деревянными подпорками. В двух нишах висели керосиновые лампы, дающие скудный свет. Вдоль стен спиралью вниз опускались деревянные пандусы, ведущие к двум нижним этажам земляного убежища. С потолка шахты свисали три лебедки, видимо для извлечения грунта при земляных работах внизу.

— Толково они тут все устроили, — Хмыкнул Людоед. — Только если они глубже копают, куща девают грунт?

— С тыльной стороны храма целая гора, прямо ко второму этажу подступает, — Ответил Дитрих.

— Ясно. Только вот неясно куда все подевались.

— Кровь, — Мрачно произнес Варяг, светя фонарем на пандус по которому они теперь неторопливо двигались.

Дорога впереди действительно была обильно полита кровью. Причем свежей. Снова все чаще стали попадаться скопления валяющихся гильз. Еще один автоматный рожок. Пустой. Крест поднял одну гильзу и понюхал.

— Часа четыре назад стреляли, — констатировал он и швырнул гильзу в темноту шахты. Звука ее падения они так и не услышали. Это конечно не значило, что шахта бездонная, пусть дна ее и не видно в этом мраке. Просто гильза могла упасть на что-то мягкое.

Достигнув первой двери, они обнаружили, что она лишь прикрыта. За ней было большое темное помещение. Свет фонаря выхватывал ряды двухъярусных коек и железные шкафчики возле них. Матрацы, одеяла, старые простыни, табуретки и некоторые элементы одежды лежали на полу и некоторых койках в большом беспорядке. Людоед задержал свет фонаря на одной белой простыне. Варяг проследил по его лучу и, подойдя к койке, стал ее разглядывать.

— Мать твою, да это же блохи! — вскликнул он, резко отпрянув.

— Давайте-ка выходить отсюда, — Проворчал Людоед, пятясь, — Нам еще блох не хватало.

Они вышли на пандус и двинулись к следующей двери.

— Командир! — послышалось из рации Дитриха. На сей раз голос Борея был взволнованным.

— Да. Я на связи. — Ответил Дитрих.

— Это бубонная чума!

— Что? — рейдер остановился и нахмурился.

— У пленного какая-то ураганная форма бубонной чумы!

— Ты уверен?

— Абсолютно, командир. Лихорадка, интоксикация, воспаление бубонов. Только разница лишь в скоротечности. Уж очень быстро все у него развивалось. Подозреваю, что у него очень плохой иммунитет или вообще иммунодефицит и поэтому болезнь так быстро прогрессировала.

— У нас в аптечках есть противочумные препараты. Опробуй на нем.

— Не получится, командир. Мы его сожгли.

— Кого сожгли?!

— Пленного. Из огнемета.

— Зачем?

— Так чума ведь. И на кой черт он такой нам нужен?…

У Николая сжалось сердце. Он едва сдерживал в себе эмоции, давя в глубине души пробуждающуюся жалость, когда пленника подвергали унизительным допросам рейдеры и потом Людоед. Но теперь Васнецов представил, как этого человека живьем жарят из огнемета, и стало не по себе. Пока не было ничего существенно доказывающего то, что эти черновики для них являлись врагами. Пока только черновики подверглись нападению, а не наоборот. Но в любом случае, проявить сочувствие не было бы зазорным для Николая даже по отношению к врагу. За теми лишь исключениями, когда он сам убивал врагов, зачастую зверски, особенно там, в Вавилоне. Но о тех жертвах он старался не думать, понимая, что жалость к тем, кого убил сам, может перерасти в уничтожающую жалость к самому себе.

— Так, ладно. Двигайте сюда быстро. Тут тоже странное что-то. Как понял меня?

— Понял, командир. Конец связи, — ответил Борей.

— Погодите, — задумчиво произнес Варяг, — Так у них тут… У них же тут чума…

— А мы могли ее подхватить? — Васнецов уставился на Людоеда и на Варяга.

— Запросто, — нахмурился Крест.

— Тише мужики! — стоящий ближе всех к краю пандуса Вячеслав повернулся и уставился в черную бездну шахты. — Вы слышите?

— Что там еще? — Илья подошел к нему и посветил вниз. Но

свет фонаря растворился во мраке, так и не достигнув дна. Он выхватил лишь продолжающуюся спираль пандуса и поддерживающие деревянные конструкции.

Снизу доносился какой-то нарастающий звук. Причем это был целый конгломерат звуков. По мере того, как он становился все громче, можно уже было распознать мириады слившихся воедино писков, визгов, скрежета и хруста. Шорох, помноженный в сотни тысяч, или миллионы раз. Что-то еще, похожее на нарастающее шипение.

Теперь все посветили вниз, и усиленный свет достал глубже, чем луч одного фонаря. Теперь было видно что-то противоестественное. Мгла внизу шахты шевелилась! Она словно бурлила и тянулась все выше и выше, к смотрящим на нее людям. Мгла поглощала спускающийся в бездну пандус и лестницу, растворяя их в себе и, надвигалась все ближе, сопровождая это нагнетаемым и становящимся все громче звуком, словно вонзающимся миллионом клыков в каждую клетку нервной системы.

— Господи. Что это? — Пробормотал Дитрих. Он достал фальшфейер и поджег его. Затем швырнул вниз. Ярко освещенная область шахты стремительно понеслась на дно и, вдруг всем стало ясно, что растущая и шевелящаяся масса не имеет конца.

— Живо все наверх! — Заорал Людоед.

Все бросились по пандусу к выходу. Лишь замешкался Сквернослов.

— Славик! Ты чего?! — Крикнул Николай.

— Сейчас! — он снова достал из кармана гранату и, выдернув кольцо, швырнул ее в низ. Затем бросился следом за Васнецовым.

Раздался взрыв и шум разразился чудовищным воплем слившихся воедино тысяч источников пронзительного визга.

Они выскочили на улицу, где их встретили два рейдера, оставленные снаружи.

— Что случилось? — недоумевающее спросили они, глядя на то, как судорожно закрывают за собой дверь те, кто в такой спешке вернулись из шахты.

— Снегом дверь закидывайте! — крикнул Дитрих.

Николай и Вячеслав вскарабкались на склоны сугробов по обе стороны от двери руками и ногами принялись сталкивать большие массы снега к двери. Людоед, Варяг и рейдеры подгребали все, что нападало, ногами, постепенно замуровывая вход.

По ту сторону двери раздался скрежет, треск и шорох.

— Черт, — выругался Дитрих. — Борей! Прием! Где вы?

— Через минуту будем, командир! Что случилось?!

— Приготовьте огнеметы и противочумные препараты для профилактики! Как понял меня?!

— Все понял командир!

Отбежав к догорающему МТЛБ, все приготовили оружие. Треск двери становился все сильнее и, наконец, она просто превратилась в труху, под натискам чудовищной черной массы. Тысячи огромных, многие до метра длиной, черных крыс, в едином порыве рванулось наружу. И подобно тому, как живой организм состоит из миллионов клеток, эта лавина крыс составляла, будто единый суперорганизм, одержимый одной лишь идеей. Одним инстинктом. ЖРАТЬ!

— Огонь! — заорал Дитрих.

Защелкали бесшумные автоматы, и только людоед убрал ВСС за спину, сменив его на «Калашников» снаряженный надпиленными пулями. Тщетность стрельбы по бесчисленной орде гигантских крыс была понята еще до того как все истратили по одному рожку. Полетели осколочные гранаты. Взрывы разрывали тушки крыс. Рассеивали на какое-то мгновение толпу. Многие крысы кидались на своих погибших сородичей и в мгновение ока сжирали их не оставляя даже костей, наводя на жуткие догадки о том, что стало с людьми в Ганиной яме. И в мгновение ока беспорядочная толпа отвратительных существ снова превращалась в единый суперорганизм, неумолимо надвигающийся на людей.

Внезапно с двух сторон от обреченных выросли стены огня ударившие по толпе крыс. Живая масса вспыхнула, освещая пространство вокруг и источая невыносимую вонь горящей живой плоти. Снова ударили огнеметы подоспевшей группы Борея. Полетели самодельные напалмовые гранаты. Яркие вспышки сжирали крыс так, как крысы хотели поглотить людей. Еще какие-то гранаты вспыхивали белыми яркими шарами и разбрасывали вокруг мириады светящихся неестественным светом гранул, которые попадая на животных, мгновенно прожигали их тела, проникая внутрь заставляя зверей биться в агонии, вертеться волчком, истошно верещать и вспыхивать яркими факелами. Так действовали рейдерские гранаты с белым фосфором.

— По машинам, быстро! — закричал Борей. — Долго мы их не удержим!!!

45. КАТИН ГОРОД

— Ну, если у меня нет этих чумных блох, то отчего я так чешусь?! — Воскликнул взволнованный Сквернослов, перегородив дорогу Дитриху.

— Это мнительность. От страха. Бывает. — Дитрих даже не взглянул на него, а лишь обошел и двинулся к своему вездеходу, перебирая на ладони стеклянные ампулы, тщательно разглядывая их в свете фар. — Монах! Вот эти просроченные. Ты когда ларчик проверял?

— Да с месяц может, — развел руками рейдер, к которому подошел командир.

— А надо чаще. Хорошо хоть те препараты, что сейчас понадобились, свежие. На. Эти отдельно положи. Только не выкидывай. Сдадим в переработку фармацевтам нашим.

— Есть.

Дитрих подошел к двум рейдерам в стороне.

— Ну, что, Борей, живая?

— Живая тварь, — раздался голос из маски Борея. Он толкнул ногой мешок, лежащий на снегу. — Затихла только. Боится без своих многочисленных родственников.

— Из мешка сбежать может, а в салон ее класть неохота что-то, — Дитрих потер подбородок. — Надо ящик сообразить какой-нибудь.

— Я тоже так думаю. Печенег уже пошел в машину за ящиком. Прострелим пару дыр, чтоб не задохнулась, и закрепим ящик на крыше. Думаю, не замерзнет.

— Да. Было бы обидно. — Старший рейдер кивнул.

— А на кой черт вам крыса эта? — подошедший Варяг недоуменно развел руками.

— Как это? — Дитрих усмехнулся. — Для исследований. Очень интересное существо. Мы всяких крыс встречали. Но это настоящее открытие. Во-первых, численность. Крысы, существа во всех смыслах успешные, но то, как они смогли достичь такой популяции в голодную пору, вопрос. Размеры. Полуметровых мы давно встречали, и вроде вы говорили, что и у вас, в Надеждинске, такие есть. Но у этих размеры динозавров просто. Тоже интересно. Третье. Синхронность. Они ведут себя очень организованно. Коллективный разум просто. Как термиты или муравьи или что там еще такое. Пчелы… Ну и самое интересное — чума.

— Я так и думал, — Вздохнул Яхонтов.

— А почему нет? Надо знать, классический это pestis или что-

то новое?

— Чего материшься? — поморщился Яхонтов.

— Pestis, это чума по латыни, а не то, что ты подумал. Бывает, что инкубационный период длиться несколько часов. Тогда можно понять, что произошло с нашим пленным. Видимо накануне их отъезда тоннель еще не прорыт был, но пара-тройка крыс сунулись на разведку в новое место и занесли заразу. А то, что потом в базу черновиков сунулась такая армада, говорит о том, что тоннель они к бункеру все-таки прорыли. Значит, есть этот тоннель. Сами по себе крысы в таком количестве существовать не могут. Если это обычные крысы за исключением их размеров. Следовательно, они пришли из города, где есть люди, а значит и пища.

— Тогда что их заставило на такую миграцию?

— Может они от опустошенных ими мест двинулись в поисках новой пищи, или…

— Или что-то другое заставило их убраться из Свердловского метро, — встрял в разговор Людоед. — Ведь так?

— Очень может быть, — Дитрих кивнул.

— Я так понял, что вы все собрались вернуться в Аркаим и доставить туда эту пленную крысу? — Крест прищурился и в его голосе слышался нескрываемый упрек.

— В общем-то, да, — рейдер кивнул. — Это очень важно сейчас. Чума, серьезная угроза. И крысы эти тоже.

— Важнее чем самолет и ХАРП? — Людоед усмехнулся.

— В текущий момент да.

— Да ты хоть понимаешь, что этот текущий момент отделяет всех от последней главы в истории этой планеты?

— Это лишь версия, но не истина в первой инстанции. — Теперь усмехнулся Дитрих. — Я и вам советую вернуться вместе с нами. Там решим, что делать дальше. Может руководство пойдет на военную операцию в Екатеринбурге и захватит нашу технику либо столько пленных, что они за полчаса расчистят взлетку. Но сейчас соваться в город глупо и безнадежно.

— Это только для тех, кто живет в тепле и сытости, — презрительно поморщился Крест, — Когда все думки о свеженьких печенюшках то о чем может идти речь? Вам просто неведомо, на что способны те, кому терять уже нечего. Валите в свою нору со своей новой подружкой.

— Откуда столько желчи, Ахиллес? — раздраженно спросил рейдер.

— Из желудка, чувак. Из желудка. От жратвы вашей сытной. Я все эти годы в теплицах не прятался. Ел, что подвернется и жил где придется. И уж если берусь за что-то, то иду до конца. Как

впрочем, и большинство людей, что смогли выжить все эти годы!

Варяг похлопал Людоеда по плечу.

— Ладно, Илья, чет с ними. Сами управимся. Я вообще не люблю идти на дело, когда на шее висит обуза в виде ботаников каких-нибудь. Так что разошлись пути дорожки.

Они двинулись к своему луноходу.

Дитрих нахмурившись, смотрел им в след.

— Командир, на самом деле нехорошо, получается, — пробормотал Борей.

Старший рейдер повернулся к нему лицом.

— Ты знаешь правила. Этот экземпляр надо доставить в лабораторию. Причем срочно.

За его спиной захрустел снег от приближающихся шагов. Дитрих снова повернулся. К нему решительным шагом шел Васнецов.

— Я очень рад, что мой отец не остался с вами! — резко сказал он, остановившись в шаге от рейдера. — Я бы ему такого малодушия не простил. Да и не может он быть таким как вы! Вы же забыли про честь и мужество, про долг и присягу! И вообще про то, что за пределами вашего мнимого рая есть настоящий мир!

Николай не ждал ответа или возражения. Сказав, что хотел, он развернулся и пошел за своими товарищами.

— Тут он нас сделал, командир, — хмыкнул Борей…

Сквернослов перегородил путь старшим товарищам.

— Мужики! Чешется все! — сказал он растерянно, — Гляньте, точно блох нет? — Вячеслав наклонил голову.

Людоед посветил фонариком на его волосы. Затем на шею. И влепил подзатыльник.

— Какого хрена?! — воскликнул Сквернослов.

— Сказали же, нет у тебя ни блох, ни чумы! Возьми себя в руки! Это очень сильный препарат!

Вячеслав потер ладонью затылок и зло посмотрел на Людоеда.

— Я же по-человечески попросил.

— Как думаешь, Илья, зачем им эта крыса? — Варяг посмотрел в сторону собирающихся в обратный путь рейдеров.

— Наивный ты. Это же биологическое оружие. Она носитель чумы. Люди ведь еще живы. А значит, и войны еще будут. Пока ХАРП нас всех не рассудит.

***

Где-то на окраинах еще высились из грязного снега рваные линии домов, нижние этажи которых уцелели. Районы, где были преимущественно небольшие деревянные строения, выгорели полностью и теперь, покрытые снегом, больше напоминали холмистые поля. Спальные районы жилых многоэтажек имели особо мрачный вид. Каждый дом в той или иной степени подвергся сокрушительному удару волны взрыва. А некоторые и не одного. Некоторые дома были разрушены полностью и представляли собой нагромождения обломков, в которых были погребены жители. У иных зданий сорвало внешние стены, и теперь высились лишь серые скелеты. Одна высотка накренилась и уперлась в следующую, подобную ей. Некоторые кварталы повалились как ряды домино. Практически на всех уцелевших зданиях или сохранившихся нижних этажах снесенных домов, красноречивые следы сильных пожаров. Каких-то деревьев в редких после обильных строительств офисных зданий и супермаркетов скверах уже давно не было. Те, что не сгорели от взрыва, были, видимо, пущены позже на дрова выжившими. И скорее всего, ускорили смерть многих из тех, кто уцелел из-за источаемого огнем радиоактивного смрада от облученных бревен. Среди рваных стен и пустых окон жутко завывал ветер, даже слабые порывы которого превращались в этом мертвом городе в жуткие стоны, будто весь ужас, что испытали те, кто оказались в тот далекий роковой день в зоне поражения, продолжал заставлять их стонать и причитать от обрушившегося на них Армагеддона. Признаками того, что в этом городе все-таки кто-то еще есть живой, были многочисленные следы на снегу. Ноги. Лыжи. Борозды гусеничных машин и уже знакомые следы колесных броневиков.

Луноход стоял в укрытии, которое представлял собой первый этаж обрушившегося здания с отсутствующей стеной в том месте, где машина смогла въехать в этот своеобразный гараж. Путники стояли на следующем этаже, прятавшись за обломанной стеной, кусок которой свисал наружу на натянутых нервах ржавых арматур.

— Вот это удача, — пробормотал Людоед, глядя в бинокль. — Вижу один БАТ…

По укатанной дороге между серыми нагромождениями изувеченных зданий неторопливо ползла большая гусеничная машина с широкой кабиной, впереди которой нависал большой бульдозерный нож. К стреле крана с задней стороны машины был приделан лениво развивающийся от слабого ветра черный флаг с белым черепом. Сверху, на машине, сидело пять вооруженных человек в тулупах и каких-то самодельных одеждах из звериных

шкур. У одного из них в руках был громкоговоритель.

— Слушайте, слушайте, слушайте! — орал он, — Черновое дело и наша черная революция непобедима! Напоминаем вам, отбросам и вонючим недоноскам, что за укрывательство патриотов, золотопогонников, и прочих контрреволюционеров смертная казнь через повешенье! Если кому-то надоело быть чмом и жить в руинах как крысам, кому надоели тупые идеалы тупых монархистов, националистов, коммуняк и поборников глупых религий, тот может вступить в наше черновое дело! Долой совесть! Долой мораль! Долой стыд! У нас вы будете свободны от этих протухших гнилью химер! Мы — истинная власть на земле до скончания времен! Здоровые женщины принимаются без всяких условий и испытаний! Слушайте, слушайте, слушайте! Мы две недели назад предупреждали вас, недочеловеки поганые, что к сегодняшнему дню возле Бивеса и Бадхеда должны быть собраны дрова и сотня звериных шкур! Площадка только наполовину заполнена дровами и всего двадцать шкур! За ослушание и невыплату дани нашей власти вы получите карательную операцию! За то, что вчера какие-то ублюдки напали на наш патруль и убили одного нашего бойца, мы казним полсотни любых выродков из вашего числа! Слушайте, слушайте, слушайте! Попрятавшиеся по норам от страха твари! Вы все дерьмо! Вы не избежите нашего возмездия!!!

— А весело тут, — пробормотал Варяг, который так же наблюдал за машиной в бинокль.

— Мужики, — прошептал Сквернослов, будто его на таком расстоянии могли услышать черновики, — так давайте перебьем их и машину заберем.

— Глупо, — мотнул головой Людоед.

— Это почему? — скривился Вячеслав.

— Во-первых, это всего один БАТ. А они где-то и второй держат. Во-вторых, они ведь и топливо забрали. Надо и его добыть. А у этого в баках неизвестно сколько горючего. Может и не хватить до аэродрома.

— А что если присоединиться к ним? — подал голос Николай.

Варяг и Крест повернулись и уставились на него.

— Ты что имеешь в виду? — нахмурился Яхонтов.

— Они же сами сказали, что призывают вступать в их сообщество. Мы вступим, и узнаем, где они держат обе машины и топливо. Перебьем их и все.

— Шустрый какой, — усмехнулся Людоед и снова прильнул к своему биноклю. — О, кажись старый знакомый.

Из переулка руин выполз БТР-152 и медленно двигался по

следу БАТа. На нем так же развивался флаг черновиков.

— У них, похоже, недостатка в топливе нет, — пробормотал Варяг.

— Еще бы, — кивнул Крест, — Ты видел, сколько вагонов и цистерн на сортировочной станции стоит? Тысячи. Тут все железнодорожные пути сходятся. Чудо что ядерным ударом не пожгло все это.

— Наверное, основной целью «Уралмаш» был. Ну и густонаселенные районы, — ответил Варяг.

— Вполне может быть.

БТР остановился, когда БАТ скрылся за очередным поворотом среди развалин домов. К пулеметчику, торчащему из люка, присоединился еще один черновик. Он указал куда-то в сторону. Они какое-то время смотрели в том направлении. Затем второй черновик скрылся в машине. Открылась задняя дверь с запасным колесом и оттуда выскочил человек и две овчарки. Черновик вытянул руку и, собаки кинулись в ту сторону. Из руин выскочил кто-то на лыжах. Он как мог быстро стал удаляться от собак, отталкиваясь палками.

— Черт, в нашу сторону удирает, — пробормотал Сквернослов.

— Ага, — согласился Людоед, глядя на него в бинокль. — Бедолага, даже шапку посеял. Кажись казах или китаец.

Человек нарочно старался двигаться по неутоптанному снегу. Догоняющие его собаки проваливались и не могли достаточно быстро двигаться.

Пулеметчик на БТРе взял его на мушку и спросил что-то у черновика, который спустил собак. Тот ответил что-то и мотнул головой. Видимо рекомендовал не тратить патроны, уповая на то, что собаки все равно настигнут беглеца.

Уже возле здания, где притаились Варяг и компания, беглец налетел на какой-то обломок скрытый снегом и упал. Одна лыжа слетела. Собаки были уже близко. Поняв, что вновь встать на лыжи он не успеет, человек сорвал с ноги вторую и, вооружившись лыжными палками, кинулся как раз туда, где был припрятан луноход.

— Черт, ну вот этого нам не хватало, — проворчал Варяг, срывая с плеча «Винторез».

Беглец нырнул в импровизированный гараж и, прижавшись к стене, с изумлением уставился на луноход. Затем медленно поднял голову и, лицо его перекосилось от ужаса, когда он увидел нависшую со второго этажа фигуру бородача с бесшумным автоматом.

Теперь в это убежище, наконец, ворвались и собаки. Двумя

точными выстрелами Варяг заставил обеих взвизгнуть и упасть замертво в ногах у беглеца.

Тем временем БТР медленно полз к зданию. Когда он остановился метрах в двадцати, черновик, спустивший собак, снова вышел из задней десантной двери и пошел по следу своих питомцев. Обойдя полуразрушенное здание и увидев свежие следы лунохода он, осторожно посмотрел за угол и когда его взгляд упал на спрятанную машину, возле которой лежали мертвые собаки он с ужасом бросился назад.

— Рейдеры!!! — истошно завопил он. — Рейдеры здесь!!!

— Мать твою, — вздохнул Варяг и, найдя в стене удобное отверстие, сделал еще один выстрел.

Пуля попала черновику точно в голову и с нее слетела видавшая виды ушанка. Черновик распластался на снегу.

Пулеметчик дал очередь по зданию и заорал внутрь броневика:

— Шухер!!! Засада!!! Живодера убили!!!

Водитель включил задний ход и стал выворачивать руль, пытаясь развернуться.

Людоед достал из кармана шинели гранату, выдернул кольцо, и, поцеловав ее, на прощение метнул в сторону бронемашины. Граната влетела точно в прямоугольный люк, из которого торчал пулеметчик.

— Аааааа!!! — черновик попытался выбраться на крышу и спрыгнуть с броневика, но взрыв опередил его, подбросив в воздух и заставив упасть вниз головой на капот машины. Сомнений не было. Пулеметчик мертв. Из бронемашины повалил дым. Водительская дверь открылась и оттуда выпал человек. Он прополз немного, затем поднялся на колени, держась за голову. Выплюнул кровь и стал мотать головой.

— Языка взять надо! — Воскликнул Крест и спрыгнул прямо в окно. Сквернослов и Николай последовали за ним. Людоед прыгнул не очень удачно, уйдя по пояс в сугроб. Он выругался и протянул Васнецову руку, — Помоги!

Николай помог ему выбраться. Тем временем Вячеслав уже подбежал к черновику, держа наготове автомат. Водитель бронемашины, шатаясь, поднял голову и уставился на бегущего к нему человека.

— Не двигаться падла! — крикнул Сквернослов и ударил его для убедительности ногой по лицу. Черновик распластался на снегу. Подбежавший Людоед осмотрел его, затем зло посмотрел на Вячеслава.

— Молодец, дубина! Нечего сказать!

— Чего такое? — захлопал глазами Вячеслав.

— Ты его убил, вот чего! — ответил Крест.

— Как это?

— Ногой своей дурацкой! На кой черт его надо было бить?! Он и так чуть живой!

— Да я же один раз всего, — растерянно пробормотал Сквернослов, опустив автомат.

— Да иди ты! — Крест махнул рукой и полез в дымящий броневик. Через минуту он выбрался через заднюю дверь, кашляя и неся два автомата и пару рюкзаков с боеприпасами. — Тащите это в луноход, балбесы. Надо валить отсюда. Сейчас хмыри с БАТа дым увидят и вернуться.

— Блин, если дело так и дальше пойдет, то нам скоро понадобиться еще один луноход. Чисто для стволов и патронов, — Проворчал Сквернослов, взваливая на плечо мешки. Николай взял автоматы и пошел следом за Ильей.

Беглец сидел на снегу возле лунохода. Только теперь все обратили внимание, что за спиной у него вещмешок пропитанный кровью и на плече самодельный лук и колчан со стрелами с наконечниками из автоматных пуль. Возле него стоял Варяг, наведя на незнакомца ствол «Винтаря».

— Эй, — позвал беглеца вошедший в убежище Крест. — Ты часом не китаец?

— Китаец, — растерянно пробормотал он.

— Ну, тогда нихао! — Людоед улыбнулся и приветливо поднял руку.

— Чего? — пробормотал китаец.

— Ты что, язык родной забыл? Я говорю привет.

— А… здравствуйте, — тот кивнул.

— Чего у тебя в мешке такое?

— Охотился я. Кабанчик там.

— Ясно. Тебя как звать?

— Дракон, — тихо произнес человек.

— Что, вот прямо так и зовут?

— Ну да… Я Фэн Сяолун… Маленький дракон… значит…

— Вот как? — Крест улыбнулся недобро, — А я Людоед.

Китаец как-то обреченно обмяк и испуганно посмотрел на него. Затем на Варяга.

— Товарищи, не ешьте меня, пожалуйста. У меня ребенок маленький и больной и жена тоже больная!

— Да ты не тушуйся, Фен, — Илья подмигнул ему, — Я драконов не ем. — Затем склонился над человеком и добавил, — У меня изжога от них страшная.

***

Сидя на своем привычном месте в луноходе, Николай продолжал морщиться от запаха крови, который источал мешок Фэн Сяолуна с тушей кабана и два собачьих трупа, лежавших на полу. Китаец настоял на том, что их надо забрать, поскольку собаки были ухоженные и сытые, а значит и мясо их могло сгодиться в пищу.

— А я думал, что только корейцы собак едят, — усмехнулся Людоед, обращаясь к новому знакомому, морщинистому, но еще не старому низкорослому китайцу с длинными волосами, затянутыми в хвост и жидкими, свисающими ниже подбородка усами.

— Собак нынче все едят. У вас что, проблем с едой никогда не было? — Ответил Дракон, поглядывая через окошко в пассажирском отсеке в лобовое стекло. — Сейчас направо, — добавил он, обращаясь к сидящему за рулем Варягу.

— Хорошо по-русски говоришь. Давно тут? — Спросил Яхонтов.

— С семи лет. С родителями приехали за полгода до войны.

— А жена твоя тоже китаянка?

— Нет. Башкирка.

— И много вас тут?

— Кого нас? — не понял вопроса Сяолун.

— Ну, китайцев, — пояснил Варяг. — Мне думается, что за Уралом много вас должно быть.

— Э нет, товарищ. Мор был страшный в Китае.

— Чего?

— Эпидемия. За несколько недель до войны началась. Внезапно. Какой-то опять, атипичный птичий грипп и черт его знает что еще. Выкашивал как чума в средневековье Европу.

— Вот как? — хмыкнул Крест. — И с чего вдруг?

— А мне знать откуда? Кто-то из местных товарищей мне говорил, что это, скорее всего этновирус. Болезнь била ведь китайцев. Даже вьетнамцы, монголы и корейцы болели меньше. Среди европейцев, ну, русских, славян там, и других, вообще единичные случаи и то не все смертельные. А у нас как проклятие просто.

— Этновирус? — нахмурился Людоед, — Это что же получается, биологическое оружие уничтожающее избирательный генетический вид?

— Типа того, — Китаец кивнул.

— И кто применил?

— А черт его знает? Я слышал, что такое разрабатывали и у вас и в Америке и у нас в Китае.

— Ну, сами по себе вы ведь ударить не могли. Зачем вам

разрабатывать болезнь, которая только вас и поражает? — Спросил Крест.

— А может наоборот они создали какое-то генетическое средство для защиты своей нации, но до ума не довели, и получился обратный эффект, — предположил Варяг.

— Да кто же его знает теперь, — вздохнул Сяолун.

— А за кого Китай был, когда война началась? — Сквернослов повернулся и посмотрел сквозь окошко на нового знакомого.

— За себя, как водится, — усмехнулся Дракон. — Ну, враг то у нас общий получился. Вот и воевали против одних и тех же. Правда, никаких совместных действий не было. Наоборот. Вроде даже у наших с вашими стычка где-то на границе произошла. Но думаю, это недоразумение или провокация третьих сил была. Ну и когда все началось, то случались и погромы в ваших городах, где много моих соплеменников было. Хаос, одним словом.

— Н-да, — вздохнул Людоед. — А ты сам как выжил?

— Да как. — Фэн пожал плечами. — У вас ведь народ в основе своей такой… Посмотрит только косо, а коль худо людям то даже чужаков к себе примут. У нас в общине и чеченец есть. Приютили русские. Эй… Теперь налево поверни…

— Хорошо, — Яхонтов кивнул. — Черт. Что тут было?

Разрушения в этом районе имели несколько другой вид, чем на окраине города. Все строения были снесены до основания и перемолоты в мелкие обломки, смешавшиеся друг с другом и расстилающиеся бескрайней пустыней из молотого и оплавленного железобетона. Даже сугробы были не в состоянии скрыть полностью следы такого разрушения. Варягу приходилось вести машину осторожно, чтобы случайный обломок не попал в гусеницу и не вывел из строя ходовую часть.

— Это мы недалеко от одного из эпицентров. «Уралмаш». Ракета, говорят, точно в центр всего комплекса попала. Давай сейчас правее.

Луноход стал забирать вправо, курсируя между торчащими из грязного, и раздутого ветрами снега, остовами сгоревших и искореженных машин. Видимо тут была большая стоянка. Чуть дальше виднелись погнутые массивные трубы. Похоже, что тут был проложен прямо на улице трубопровод.

— И еще раз направо. Это улица Надеждинская пошла. — Произнес китаец.

— Какая улица? — Николай удивленно уставился на него.

— Надеждинская. А что? Тут мы и живем. В конце только. Туда пошла улица Пехотинцев. А вот это Надеждинская.

— Надо же, — тихо хмыкнул Яхонтов. — Надеждинская

улица.

— Варяг, — позвал Илья.

— Чего.

— Видишь стена высотки большая наклонившаяся?

— Вижу. И что?

— Проедь прямо рядом с ней.

— Зачем это? — Удивился Варяг, — А ну как рухнет?

— Ну, до сих пор не рухнула. Дай бог и нас минует.

— Да зачем тебе это?

— Я ее взорву и завалю следы на этом участке. Взрывчатки немного понадобится, если по уму заложить. А уж чему-чему, а этому нас хорошо учили. Только едь прямо и у стены на девяносто градусов поверни. Чтоб и разворот наш завалить. Эти придурки нас теперь искать ведь будут.

— Понял. Сейчас сделаю, — Кивнул Варяг.

Стена большого многоэтажного жилого дома, который сам весь осыпался, каким-то чудом продолжала стоять, торча на шесть этажей вверх и на сотню метров в длину. При этом она была немного накренена, угрожающе нависая над дорогой, по которой они теперь ехали.

После того как луноход миновал опасный участок, Варяг остановил машину. Людоед принялся доставать из коробок, что погрузили сюда рейдеры, заряды взрывчатки.

— Я, пожалуй, впереди вашей машины на лыжах дальше пойду, — сказал Дракон. — А то дозор наш тревогу поднимет. Беда случиться может. А вы за мной потихоньку.

— Согласен, — кивнул Людоед и, прихватив автомат, взрывчатку и снегоступы, вышел через открывшуюся аппарель.

— Только зверей этих дохлых с собой прихвати, — буркнул Николай. — Воняет, мочи нет.

— Хорошо, — китаец кивнул. Забрав свой вещмешок и взвалив на плечо связанных проволокой за лапы мертвых овчарок, он встал на свои лыжи и двинулся в сторону длинного ряда торчащих из снега крыш небольших автомобильных гаражей. Луноход медленно двинулся следом. Васнецов прильнул к перископу и смотрел назад. Илье понадобилось для минирования совсем немного времени. Прошло минут пятнадцать и вот быстро семенит от нависшей стены Людоед, глядя на наручные часы. Вот он быстро прячется за большим куском бетона, торчащим из сугроба, натягивая на лицо респиратор и защитные очки. Взрыв. Стена сначала медленно, затем все быстрее, начала продолжать свое начатое давно, но замершее на годы падение и при этом крошилась в пыль и мелкие обломки, накрывая плотным и разносящимся во все стороны серым облаком дорогу и следы

лунохода. Когда тяжелое облако пыли практически опустилось на снег, Людоед вылез из своего укрытия и взгляну на творение своих рук, удовлетворенно кивнул. Затем двинулся вслед за луноходом.

— Горящие БТРы. Рушащиеся дома. Трепещите люди! Илья Крест пришел в город, — засмеялся Вячеслав.

Людоед решил не возвращаться в машину, а замыкать колонну, двигаясь позади машины и держа автомат наготове. Они пересекли Таватуйскую улицу, когда кончился длинный ряд присыпанных снегом разоренных гаражей. Бесконечные вереницы разрушенных зданий снова прерывались участками, где один или два нижних этажа устояли. На пересечении Надеждинской улицы и проспекта Седова, китаец остановился и замахал руками куда-то в сторону массивного, обвалившегося, кубической формы, здания. Из лунохода не было слышно, но казалось, что он перекрикивается с кем-то, кого не видно, и несколько раз показал рукой на луноход. Наконец, из развалин, показались два вооруженных, одетых в обшитые звериными шкурами одежды человека. Они подошли к Дракону и стали что-то ему говорить. Китаец вдруг скинул с плеча собак, сбросил свой вещмешок с тушей кабана и бросился вперед. Один из людей следом. Второй некоторое время смотрел им в след.

— Что-то я не пойму, — пробормотал Варяг. — Что там случилось такое?

Оставшийся дозорный, наконец, повернулся и махнул рукой луноходу, призывая двигаться за ним, и подняв брошенную ношу, побрел по следам Дракона и кинувшегося за ним своего напарника.

— Может ловушка? Чего китаец побежал вдруг? — пробормотал Сквернослов.

— Я к Людоеду, — сказал Николай и, прихватив оружие, выбрался через шлюз.

Крест уже направлялся к дозорному. Васнецов стал догонять его.

— Чего стоите, э? Я же рука махаю! — Крикнул дозорный с акцентом. Это был вооруженный снайперской винтовкой человек, с черной бородой растущей прямо от скул и скрывающей половину лица.

— Тебя как звать-то? — спросил подошедший Крест.

— Меня? Турпал. Турпо короче, — ответил, прищурившись человек.

— Нохча? — теперь прищурился Людоед.

Дозорный поднял одну бровь.

— Ну. И что? У тебя проблемы с нохчами?

— Я просто спросил, — ухмыльнулся Крест. — Я Илья. Это Коля, — он кивнул в сторону Васнецова и протянул Турпо руку, — Ну здорова, богатырь.

— Чего? — нахмурился человек, машинально ответив рукопожатием.

— Ну, Турпал, это же богатырь, по-вашему.

— Аааа… Точно… — он кивнул. — Пошли короче. Тут короче недалеко.

— Что с Драконом вашим случилось? Чего он убежал?

— Китаец? Короче, беда у него. Дочка умерла, короче, — Вздохнул Турпал.

— Эххх, — сконфуженно выдохнул Людоед. — Беда…

— Беда, — чеченец кивнул, — Ну, айда, да?

***

Обитель этой общины находилась в подвале длинного жилого дома, который весь давно обрушился. Лишь в нескольких местах было несколько уцелевших помещений первого этажа. На углу пересечения Надеждинской улицы и широкой Технической улицы, на перекрестке которого навечно застыл трамвай, это здание стыковалось с еще одним длинным жилым домом, образуя букву «Г». У обложенного самодельными дотами из мешков и обломков зданий, входа в подвал стояло несколько вооруженных человек. Один из них, был очень похож на Варяга. Наверное, потому он немного задержал взгляд на вышедшем из лунохода Яхонтове. Разве что постарше чуть и волос у него был темнее, а борода почти седая.

— Вот короче, Егор, это которые Дракон спасали, — Турпо показал на них, и протянул свою винтовку и подсумок с боеприпасами одному из стоящих рядом с Егором людей. — Вахту сдал короче, — пробормотал он ему и спустился в подвал, из которого доносился женский и мужской плачь. Родители оплакивали скончавшуюся дочь.

— Значит, вы убили несколько чернушников и взорвали их транспортер? — нахмурился Егор.

— Есть такое дело, — кивнул Варяг, — А что? Что-то не так?

— Накликали вы беду на всех. Они же взбесятся.

— Значит, надо было дать им растерзать вашего товарища? — усмехнулся Людоед.

— Я этого не сказал. — Вздохнул он. — За Дракона спасибо конечно. Только что нам теперь делать? Обычно чернушники в обитаемые районы не суются. Ловят людей на заготовках и

охотах. Но сейчас такое дело. Вчера кто-то патруль их обстрелял. Теперь вы. Шаткое затишье нарушено. Война начнется.

— А она кончалась? — усмехнулся Сквернослов. — Может пора разобраться с этими утырками? Или вы вечно думаете отсиживаться в своих норах и чувствовать как вам ссыкотно от этих черновиков?

Егор медленно поднял руку с обрезом двустволки и наставил оружие на Вячеслава.

— Не надо так, сынок, — спокойно произнес он.

— Опусти оружие, земляк, — Людоед встал между ним и Сквернословом. — У нас общий враг. И мы можем нарушить баланс сил в этом городе не в пользу черновиков.

Тот задумчиво уставился на Илью. Затем, наконец, произнес:

— Ладно. Я Егор Демидов. Старшина этой общины. Давайте спрячем ваш вездеход и потолкуем обстоятельно.

Николай все это время стоял в стороне. Все последнее время он чувствовал себя совершенно отрешенно. И понимал отчего. В голове его пульсировала одна мысль. В этом городе есть метро. Да, оно в большей степени обрушилось, насколько они знали. Но оно есть. И эта мысль не давала ему покоя. Словно какой-то странный, иррациональный инстинкт звал его снова в подземелье.

46. ИНСТИНКТ

Местный быт напоминал подземелья Надеждинска. Но если там община ютилась в подвалах многих домов, соединенных сетью крытых траншей. То тут все население занимало только подвалы двух примыкающих друг к другу зданий. Был в этом подвале оборудован и гараж, в котором стоял пожарный «Урал», насос которого иногда использовали для прогона нагретой в котле воды парового отопления или для душевых кабин. Место рядом с машиной, давно лишенной колес, оказалось достаточным, чтобы там поставить луноход.

Демидов пригласил гостей за стол, который, правда, пустовал. Он достал лишь бутылку самогона и несколько давно остывших картофелин «в мундире».

— Эх, — вздохнул он, — Бедные дети. Рождаются мало. А если рождаются, то больные или уже мертвые. — Егор залпом осушил налитую железную кружку и проглотил картофелину. Затем подвинул бутыль и миску с закуской гостям.

— Если хотите… — прокряхтел он, — Чем богаты…

— Спасибо, — кивнул Варяг, — Но давай о деле.

В этот момент в небольшое помещение, где они расположились в свете трех горящих лучин, вошел Турпал и, усевшись за стол, налил себе самогон.

Крест повернул голову в его сторону.

— А разве Аллах не запрещает алкоголь? — спросил он.

— Слушай, ты кто, имам что ли? Нет, он меня учить будет! Я замерз в дозоре, понял?! — и, выпив залпом, поморщившись, пробормотал, — мы все давно Аллаха прогневали, потому и живем так. Жалко китайца, короче…

— Вы чего от черновиков-то хотите? — Спросил Егор.

— Они машины наши украли и топливо к ним. — Ответил Варяг.

— Ну и что? У вас вон, тарантас хороший какой. Вам мало этого? Прям как у рейдеров, — Демидов ухмыльнулся.

— Ты видел рейдеров? — осторожно спросил Людоед.

— Нет. Рассказывали следопыты. Они там вроде обитают, в горах где-то. Так… Байки всякие ходят… А чтоб сунуться на черновиков, это вы забудьте. Их много. У них оружие и техника.

— Ну а есть у вас в городе сильные группировки, которые с ними враждуют? — задал вопрос Варяг.

— Да есть. Всякие. Только они не такие сильные как сами черновики. И между собой тоже не ладят. И не думайте, что вам кто-то из-за пары тракторов будет помогать и людей своих в бою

на смерть класть.

— Разве только в тракторах этих дело? — поморщился Крест. — Неужели никто не хочет избавиться от ига черновиков? Те же коммунисты, монархисты, или муслимиат?

Турпал услышав последнее слово, пробормотал какое-то ругательство на родном языке.

— Ты чего? — Людоед уставился на него.

— Бараны они! Они меня выгнать сделали!

— За что это?

— Эй, там короче много татарин, дагестанец, ингуш, башкир и азербайджанец! А нохча им не понравился! Азер говорит ты не настоящий правоверный! Говорит, короче, вы волку поклоняетесь, а Кораном прикрывались, чтоб сауды денег давали на газават. Я говорю ты баран оу! Дагестанец говорит, мой бабка жил Кизляр. Я говорю, и что? Я при чем? Я ходил твой Кизляр? Мне одиннадцать лет было, когда Шамиль Кизляр ходил. Никто в мой тейп не был там с оружием в руках. Я говорю, что ты хочешь, короче? Он говорит, уйди! У ингуша одного на плече татуха, понял. Баба голая, короче. Я говорю ты, какой правоверный, если у тебя татуировка? Это харам! Коран запрещает не только баба, даже бабочка рисовать. Я говорю, аллах запрещает живых существ рисовать. Он смеется, короче, и говорит, что она уже мертвый, не живой. Аллах простит. Я говорю, ты баран, оу. Татарин говорит, из-за тебя, короче, мы не сможем с русским договариваться. Типа, короче, русские не будут с ними договариваться, если в муслимиат есть чеченец. Я ушел. А оказывается, русский может принять нохча к себе. И я тут, короче. А они говорили, русский не будет с ними говорить из-за чеченца. Бараны они! А русские, Егор, вон, приняли. Аллах велик!

— Велик, успокойся, — пробормотал Демидов.

— Брат, сколько время? — Турпал сразу остыл и словно забыл об этом разговоре.

Егор достал из за пазухи карманные часы на цепочке и, открыв крышку кивнул.

— Пора.

— О. Спасибо, — чеченец встал из за стола и пошел к двери, — Я у себя, короче, — сказал он и вышел.

— Пошел молиться? — спросил Варяг.

— Да, — ответил Демидов. — Он пять раз за день это делает.

— Странный он какой-то.

— Да нет. Просто напряжен вечно. Ну и характер такой. Он постоянно чувствует себя чужаком и думает, что его недолюбливают. Понять его можно. Хотя у нас это не так. У нас все равно кто, какой нации. Главное человеком будь.

— А как он к вам попал?

— Он один долго жил. Потом однажды на него собаки дикие напали. Рвать начали. А наш дозор его отбил у собак. У меня тут против столбняка были лекарства. Просроченные, правда, но помогли. Оклемался. С тех пор с нами. — Егор снова налил себе самогон.

Варяг пристально смотрел на то, как он снова делает залп своей кружкой и следом отправляет картофелину.

— Не волнуйтесь, — крякнул он, поняв этот взгляд, — Мне ведро надо, чтоб захмелеть.

В помещение вошла женщина. Одета она была в старое пальто и валенки. На плечах шерстяная шаль. Ее лицо было совершенно заплаканным и опухшим. Посмотрев на гостей она вдруг упала на колени и, хлопая ладонями по полу стала плакать и причитать:

— Спасибо вам! Спасибо вам! Если бы не вы, я бы и мужа сегодня потеряла! Спасибо вам! — рыдала она.

Людоед вскочил с табуретки и принялся аккуратно поднимать ее.

— Послушайте, не надо так, успокойтесь, — настойчиво говорил он.

Демидов так же помогал подняться ей на ноги.

В помещение ворвался Фэн. Он схватил жену и крепко прижал к себе, успокаивая.

— Сулпан, родня, зачем ты так. — Шептал он, гладя ее по голове.

— Доченька моя! — рыдала женщина, стуча кулаками по плечам супруга и мотая головой.

Вслед за Драконом вошли еще несколько женщин. Они осторожно взяли Сулпан под руки и увели. Китаец обессилено опустился на пустующую табуретку и тяжело вздохнул. Молчание затянулось. Все понимали, какое горе постигло этого человека, но говорить что-либо было сейчас неловко, а слова утешения и сочувствия ничего не способны были сделать.

— Сколько ей было лет? — первым тишину нарушил, как ни странно молчаливый обычно Николай.

— Пять годиков всего, — едва сдерживая слезы, ответил китаец.

— А чем болела?

Фэн молчал, медленно качая головой, затем, наконец, произнес:

— Да там… Столько всего… Я и названий то всех не знаю. И никто не знает. Разве может сейчас родиться здоровый ребенок?

Васнецов пристально взглянул на него и задал очередной

вопрос:

— Тогда зачем вы ее родили?

— Ты что мелешь? — прошипел Сквернослов.

Китаец растерянно посмотрел на Николая.

— То есть как это? Как это зачем? А зачем жить тогда? А продолжение рода?…

— Вы, зная, что нормальные дети не могут родиться, все равно пошли на это? — Васнецов стал говорить громче. — Вы породили новую жизнь, обрекая ее на страдания и теперь, когда случилось неизбежное в этой ситуации, оплакиваете ее?

Егор наклонился через стол и тихо спросил у Варяга:

— У него с головой все нормально?

— Вообще-то нет, — пробормотал Яхонтов, вперив в Васнецова недобрый взгляд, — Николай. Ты что несешь?

— Я говорю об ответственности! — огрызнулся Николай. — О чем думают люди?

— Погоди но… — Фэн был совершенно обескуражен такой постановкой вопроса, — Погоди… Но… Но зачем жить тогда? Зачем мы все живем? Так после нас ничего не останется? Придет наш час, и мы умрем и ничего после себя не оставим? Никого после себя не оставим? Люди все вымрут и все? Что же ты говоришь такое? Да мы… Но мы хотели ребенка. И ведь есть призрачная надежда и пусть крохотный, но шанс, что ребенок выживет. Что он будет жить. А зачем нам тогда жить в таком случае? Продержаться подольше и умереть? Это наш удел?

— Послушай, Дракон, извини за такой вопрос конечно, — встрял в разговор Людоед, — У твоей дочери нет пятен на теле? Красных или черных, особенно в шейных областях?

Фэн Сяолун совсем не понимал, что от него хотят, и растерянно смотрел на гостей.

— Погоди, ты что имеешь в виду? — Спросил Егор.

— Чума, — ответил за Людоеда Варяг.

— Чума? — удивился Демидов. — Бывали случаи холеры и тифа. Даже эпидемии. Дизентерия и всякое такое. Но чума… Хотя были вспышки в самом начале. Еще до холодов. Но когда холода настали, и случаи чумы прекратились. С чего вы вдруг спросили?

— Ганину яму знаешь? — взглянул на Егора Крест.

— Знаю, конечно. Там черновики окопались.

— Так вот. Нет там больше черновиков. Там огромные крысы. Носители чумы.

Егор какое-то время смотрел на Илью, вытаращив глаза, затем вскочил и схватил Дракона за руку.

— Пошли.

— Чего? Куда? — пробормотал китаец вставая.

— Надо осмотреть ее.

— Что?!

— Надо, дружище, пойми! Пойдем! — они вышли из помещения, оставив четверку путешественников одних.

Людоед, воспользовавшись моментом, схватил Николая за воротник.

— Ты что себе позволяешь, идиот! Забыл уже, как перед Ветром в Вавилоне извинялся?! Забыл про его сына?!

— Разве я не прав? — Васнецов пристально посмотрел в глаза Людоеду. — Разве я не прав?! Зачем плодить страдания и боль?! Зачем!

— А зачем мы хотим уничтожить ХАРП?! Это надежда и тот самый призрачный шанс! Это борьба жизни против смерти! Это торжество жизни над смертью!

— Но торжествует смерть! — воскликнул Николай.

— Это лишь твое мироощущение! Это только то, что ты хочешь видеть! Ты просто слабак, так признай это! И значит, пусти себе пулю в лоб и успокойся! — рявкнул Крест и оттолкнул от себя Васнецова.

Варяг и Вячеслав ничего к этому не добавили. Они сидели молча, но Николай понимал, что и они осуждаю его. Он и сам терзался от того что сказал и не знал где он прав а где нет. Мысли его ходили хороводом вокруг странного ощущения, что его кто-то или что-то зовет. Он не понимал кто, что, куда и зачем. Но чувствовал непреодолимую тягу пойти за этим странным зовом. Он так сильно ушел в себя, что даже не заметил, как вернулся Демидов.

— Нет ничего, — мотнул он головой, садясь. — Никаких пятен и других симптомов чумы.

— Что ж. И то хорошо, — вздохнул Людоед. — А про огромных крыс, что можешь сказать?

— Были случаи в метро. Крысы очень большие на людей нападали. И в руинах возле эпицентров ядерных взрывов они попадались. Но надо отдать должное черновикам, они прогнали их из города. Последний раз люди с этими тварями месяц назад, или около того, сталкивались.

— А как они их прогнали? — удивился Варяг.

— Да, вроде говорят химикатами какими-то. Они ведь на своей базе химическое оружие делают. Вот есть у нас один, тоже когда-то по подвалам маялся в одиночку, и его черновики выкуривали. Он их склад с провизией гробанул тогда, убив охрану. Они его выследили в одном подвале. Сунулись. Он стрелять начал. Еще двоих положил. Тогда они газ пустили.

— А как они выжил после этого? — спросил Крест.

— Да как, сорвал с себя майку, обоссал ее и на лицо намотал. Так и выжил. Ослеп только, но смог уйти.

Николай снова стал задавать себе циничный вопрос, зачем им в общине слепой. Какой от него прок? Но нашел в себе силы противопоставить этому простую идею гуманизма, которая, как правильно заметил Людоед, ведет их к уничтожению ХАРПа. Ему очень хотелось понять, что в разуме побуждает с таким рвением заставляет обращать свой взор на иррациональности рождения детей, которые скорее всего будут больными и долго не протянут, зачем спасать жизнь слепцу… Почему он думал об этом? Почему он не воспринимал это как должное? Как то, что всякий человек должен понимать из соображений человечности? Неужели он действительно все больше перестает быть человеком? Он чувствовал, как двоится его разум в противоречиях и не в силах был собрать все свои внутренние «Я» воедино, став при этом монолитом, каким были Варяг или Людоед, всегда знающие чего хотят и всегда имеющие четкую позицию. Хотя, может они умело казались такими? Васнецов сейчас понимал одно. Он страдает такими противоречиями и делениями своих внутренних сущностей в восприятии окружающего, когда оказывается среди людей. Когда он один, или среди привычных уже попутчиков, то такого смятения он не испытывал. И снова навязчивая мысль уйти подальше, прямо сейчас, овладела им. Уйти. И тогда он не будет распаляться, взвешивая все за и против, и ставя на разные чаши весов циничный рационализм и гуманность и человеколюбие. Странный зов с новой силой стал будоражить его…

— Где база черновиков? — пробормотал он, обращаясь к Егору.

— Да вроде где-то недалеко от Бивеса и Батхеда.

— А что это такое? — спросил Варяг.

Демидов засмеялся.

— Да памятник это. Основателям города. Графу Татищеву и немцу этому… Де Генину, кажется. Давно еще… Задолго до войны их Бивес и Батхед прозвали. Среди местных так и повелось называть. Памятник каким-то чудом уцелел, хотя недалеко подрыв был. Ну, вот где-то там они обитают. Вроде на станции метро девятьсот пятого года. Место удобное. Рядом большой переход подземный. Банк, с обширным подвалом. Большой магазин на площади. Тоже с подземельем неплохим. Это у площади пятого года. А на той стороне от плотины, где памятник, тоже рядом несколько банков. Вообще банков там очень много было. Даже переулок неподалеку так и называется — Банковский. Но хорошие подвалы только у нескольких. Однако недостатка в убежищах нет. Взять туже станцию метро. Она вроде не

обвалилась. А дальше в ту сторону по проспекту, — Егор махнул куда-то рукой, — Штаб округа был. Его начисто снесло вместе с памятником Жукову. Но вроде под землей под этим штабом бункер был. За него настоящая война между черновиками была и офицерским союзом. Но потом этот союз распался. Кто подался к коммунистам, кто к белым, кто еще к кому.

— А далеко это? — Людоед покрутил кончик уса.

— Штаб или площадь пятого года?

— Ну, площадь эта и плотина с памятником.

— Километров пять в ту сторону.

— Ясно. Подскажешь с кем нам лучше связаться из других группировок?

— А чего не подсказать, подскажу, — Демидов кивнул, — С меня не убудет. Если вы думаете что уговорите кого-то воевать, то скажу что пустое это. Но дело ваше. Есть у белых «Катюша».

— Чего? — переспросил Варяг.

— Ну, система залпового огня. Типа «Катюши» что в войну фрицев гоняла.

— «Град» что ли? — ухмыльнулся Людоед.

— Ну да, «Град». Но проблема в том, что она без боекомплекта. А вот боеприпасы к «Граду» этому есть у красных. И они вечно воюют между собой. Одни хотят машину отбить, другие снаряды. Вот и думайте, к кому вам лучше податься.

— Н-да. Это было бы смешно, если б не было печально, — вздохнул Варяг.

— Вот то-то и оно, — кивнул Демидов.

Людоед задумчиво и молча покачал головой. Затем повернул голову и бросил взгляд на Васнецова. Посмотрел на него пару секунд и снова обратился к Егору:

— А как черновики к себе вербуют?

— Ты что же, думаешь внедриться к ним и отбить свои машины? — Демидов усмехнулся, мотнув головой. — Забудь. Там крещение кровью.

— Как это?

— Ну, хочешь к ним вступить. Они ставят перед тобой несколько пленных. Желательно из разных группировок. И еще несколько пленных в стороне. Потом дают тебе пистолет, и ты должен расстрелять одних пленных, а других черновики отпускают на все четыре стороны, чтобы те всему городу рассказали, что ты кровь пролил. И тогда обратной дороги нет, понимаешь? Все будут рады расправиться с тобой. Повязан становишься кровью с черновиками.

— Хитрые ублюдки, — покачал головой Варяг.

— Ну да. Надо отдать должное. — Егор кивнул и снова налил

себе самогон.

Людоед еще раз внимательно посмотрел на Васнецова, который отрешенно глядел в пустоту и, хлопнул Яхонтова по плечу.

— Варя, третьи сутки на ногах. Отложим наши дела до утра?

— Дельная мысль, — согласился Варяг. — Неспамши мы не то что сделать что-то, но и придумать, что делать не сможем.

***

Заночевать решили в луноходе. Николай лежал на сидении, закрыв глаза, и надеялся уснуть, чтобы это навязчивое ощущение, что надо куда-то идти покинуло его, уступив обыкновенному сну. Да пусть даже кошмары приснятся. Лишь бы отделаться от этой нахлынувшей паранойи.

Сон так и не пришел. Николай, убедившись, что его товарищи спят, украдкой выбрался из лунохода и затем через узкую дверь пробрался на улицу, стараясь не разбудить задремавшего в кабине пожарной машины дозорного. Он преследовал только одну цель, чтобы холод внешнего мира отрезвил его, отбив охоту куда-то идти. Однако он почему-то при этом тепло оделся и взял с собой автомат. Зачем?

В разрушенном городе царил мрак, разделенный на черноту неба и едва различимую белизну снега, нарушаемую рваными темными пятнами остатков строений и торчащих из снега руин. Ветра не было, хотя Васнецов сейчас очень хотел подставить лицо ледяным порывам, и желательно, чтоб острые снежинки хлестали по лицу. Но нет. Все замерло и покрылось тишиной. Николай сделал шаг. Затем еще один, совершенно не отдавая себе отчета в том, зачем он это делает. В лесах Подмосковья он шел за мерцающим светом фонаря, чтоб узнать, кто это был. В Москве он шел в метро надеясь спасти ту, что звала на помощь. Когда он бежал от товарищей и наткнулся на погребенный под снегом джип, то просто был пьян. В Вавилоне был зол и хотел поговорить с Лерой. Но зачем и куда он идет сейчас? Васнецов обогнул единственное, что осталось от стоявшего тут некогда здания. Островерхая пика угла дома. Прислонившись к ней спиной, он зачерпнул рукой снег и растер по лицу. Ничего не помогает. Надо идти. Но куда и зачем? Может это опять та самая интуиция, которая помогла ему заметить нападение вандалов на Вавилон? Но она ведь еще никогда доселе не была столь очевидна и властна над разумом. Была, не была.

Он решительным шагом двинулся в ту сторону, куда манил

его этот странный зов. Он совершенно не думал о том, как будет возвращаться. Он был уверен, что найдет дорогу и продолжал идти, краем глаза замечая проплывающие по разные стороны от выбранной дороги остовы разрушенных зданий. Затем пересек широкую пустошь, которая, наверное, была проспектом. Снова обломки и торчащие стены зданий. На одной из таких стен даже сохранилась табличка с названием улицы. Ольховская.

Где-то вдалеке разнеслось эхо одиночного выстрела, разорвавшего тишину. Практически сразу послышался нереально далекий вой собаки. Затем к ней присоединился лай целой стаи. Снова выстрел. Кому-то еще не спиться в эту ночь. Звуки доносились издалека, и можно было пока не тревожиться. Васнецов шел дальше, скользя снегоступами и стараясь избегать обломков и торчащих из снега арматур. Миновав еще ряд снесенных ударной волной зданий, он заметил темный силуэт дома, который, не смотря ни на что, устоял, дав рухнуть лишь двум из пяти подъездов. Васнецов остановился, глядя на это строение, нагнетая мысли о людях, которые тут жили. О том, что с ними стало. Он вдруг вспомнил рассказ Варяга в самом начале их путешествия. Двор. Мальчишки, играющие в мяч. Мать, зовущая с балкона дочь, которая прыгала во дворе со скакалкой. Дворовые псы, что загнали под машину рыжего кота. И вдруг все кончилось… Сам не зная зачем, он шагнул в зияющую чернотой пасть окна первого этажа. Оказавшись внутри и споткнувшись обо что-то, он включил фонарь. Препятствием ему послужил лежащий на боку холодильник с раскрытой дверью. В углу сорванный и разбитый умывальник. Сгоревшая плита у стены. Видимо кухня. Ничего деревянного тут не осталось. Или сгорело, а следы копоти на стенах и потолке говорили о том, что тут бушевал пожар когда-то, либо, было унесено позже выжившими.

Николай двинулся дальше. В соседней комнате был обрушен потолок. Найдя дверной проем, он вышел из квартиры в подъезд. Стал медленно подниматься по лестнице. На площадке следующего этажа стояла обрезанная железная бочка со следами костра внутри и масса пустых консервных банок вокруг. Небольшое окно подъезда было обложено битым кирпичом, образуя бойницу, вокруг которой валялась масса гильз. Еще выше валялись матрасы и снова пустые консервы. Кто-то тут обитал видимо еще до начала постоянных и сильных холодов. Стены подъезда тут были исписаны. В основном надписи были нацарапаны чем-то острым.

«Если ты можешь это прочитать, то тебе повезло вдвойне. Во-первых, ты выжил. Во-вторых, ты умеешь читать, а значит, не одичал».

Это была единственная, доступная для понимания надпись. Все остальное показалось Васнецову какой-то белибердой и набором кривых букв и цифр. В нескольких местах даже было начертано что-то вроде схемы или карты. Продолжая свое восхождение по лестнице, Николай взобрался на крышу. Тут уже дул слабый порывистый ветер. Далекий лай и выстрелы были здесь слышны отчетливей, хотя казалось, что они постепенно стихают. Васнецов стоял на крыше, медленно поворачивая голову, рассчитывая увидеть хоть какие-нибудь всполохи от этой далекой стрельбы, но ничего подобного его взор не уловил. Тогда он подошел к краю, превозмогая боязнь высоты, с которой уже справился один раз, там, в Вавилоне. Вид с высоты крыши девятиэтажного дома был еще более мрачным, открывая взгляду бесконечную даль нагромождений поверженных зданий. Он подошел еще ближе к краю и взглянул в сторону пройденного им пути. Только сейчас он отчетливо осознал, что обратную дорогу до убежища Демидова едва ли сможет отыскать, поскольку его следы терялись среди других следов и то и дело прерывались опрокинутыми панелями разрушенных зданий, с которых ветрами давно сдуло снег.

— Какого черта я вообще сюда приперся? — раздосадовано пробормотал Николай и, нервными движениями слепив снежный ком, швырнул его в сторону широкого проспекта, который не так давно пересек. — Черт подери…

Он стал спускаться вниз, прокручивая в голове всю пройденную сюда дорогу и вспоминая разные нюансы, которые помогут ему сориентироваться на обратном пути. Однако достигнув того самого окна, через которое проник в это здание, он вдруг с новой силой ощутил этот странный зов, манящий идти дальше в неизвестность. Выйдя на улицу, он остановился, раздумывая как же поступить дальше, и вдруг, словно тот снежок, что он швырнул с крыши, вернулся к нему, ударившись о стену дома и брызнув фонтаном рыхлого снега. Николай резко припал к сугробу и затих. Что это было? Кто кинул? Он осторожно приподнял голову, чтобы осмотреть улицу, как вдруг из темноты вылетел очередной снежок и врезался ему прямо в шапку. Васнецов вжался в снег, даже не зная, бояться ему теперь или нет? Кто-то кидался в него снегом, что, в общем, было довольно безобидным баловством. Если за ним кто-то шел, или кто-то сейчас его заметил, то будь он настроен враждебно, то не обнаруживал бы сейчас себя так беспечно, а попытался бы просто застрелить или напасть с ножом. Но он просто играючи кидался снегом, словно тот ком, что Николай кинул с крыши, попал в этого некто и тот решил, что это игра. Васнецов прополз немного

и снова приподнял голову. Никого в этой ночной тьме видно не было. Он слепил ком и швырнул в ту сторону, откуда кидались в него. Никакого ответа не последовало и тогда он, поднялся. После чего ему в шапку снова ударился снег.

— Ну, все, достал, — прорычал демонстративно громко Васнецов, передергивая затвор автомата.

— А так не честно, — послышался насмешливый голос из темноты.

Николай почувствовал, как гора свалилась с плеч, когда он понял, чей это голос.

— Илья? Это ты? Что ты здесь делаешь? — спросил он.

— Этот вопрос следовало бы задать тебе, блаженный, — последовал ответ, и Васнецов, наконец, разглядел черный силуэт человека в военно-морской шинели, идущего к нему.

— Ты что, с самого начала за мной следил?

— Разумеется. Не надо быть гением и провидцем, чтобы понять, что тебя взбудоражило известие о наличии в этом городе метрополитена. А уж то, что тебя твой морлочий инстинкт потащит в это подземелье и вовсе очевидно. Крест подбрасывал на ладони очередной снежок, который неожиданно влепил Николаю в плечо. — В связи с этим Варяг просил дать тебе по шее за очередную выходку. Так что когда он спросит, скажи ему, что я избил тебя до полусмерти.

— Так значит Варяг в курсе? — раздосадовано покачал головой Васнецов, стряхивая с себя снег.

— Конечно. Когда я предложил всем поспать и отложить дела до утра, я объяснил ему свои подозрения на твой счет и сказал, что эта прогулка может быть полезна в нашем деле. Поэтому мы все, якобы очень быстро уснули. На самом деле дали тебе поскорее уйти.

— И чем эта прогулка может помочь? — поморщился Николай, осознав как сильно его, что называется, развели товарищи.

— Пошли. По дороге объясню. — И Крест пошел дальше, удаляясь от убежища, где остались Вячеслав и Варяг.

— Погоди! — Васнецов засеменил вслед за ним, — Разве мы не идем обратно?

— Нет, конечно. Иначе, какой во всем этом смысл?

— А куда мы идем?

— Туда, куда нас манит этот зов. И я очень сильно подозреваю, что это местное метро.

— Так ты тоже чувствуешь потребность идти туда? — удивился Николай.

— Разумеется, — Кивнул Людоед. — И вот что интересно, это

ощущаем только мы двое. На остальных это не действует. Остальные люди глухи к этому зову.

— Так что это может быть?

— Я думаю, что это тот самый «генератор чудес» про который я рассказывал. Помнишь? Припоминаю ощущения, что он давал. Только этот, если конечно я не ошибаюсь в том, что это тот самый генератор, настроен иначе. Ну а если это «генератор чудес», то где ему быть, если не в метро? Это ведь наиболее вероятное место скопления огромной массы перепуганных людей в случае ядерного нападения. Но то, что никто из обычных людей не ощущает его воздействия, говорит о том, что его как-то перепрограммировали.

— А зачем?

— Чтобы изгнать из города и из подземелий этих огромных крыс. Прямо как флейта из сказки. Думаю, что черновики не химическим оружием от них избавились, а именно излучателем пси-волн. Следовательно, они им овладели. Нашли в метро, научились использовать и тому прочее. Вот мы по этому зову и вычислим и базу черновиков и генератор их и в итоге до машин доберемся, если ты еще не решил отказаться от миссии по уничтожению ХАРПа. Тогда справимся и без тебя. — Крест усмехнулся.

— Это почему еще? Почему без меня?! — возмущено воскликнул Николай.

— Не ори. Кто-нибудь услышит. Ночью слышимость лучше, чем днем.

— Так почему без меня? — повторил он вопрос уже тише.

— Потому что ты считаешь, что дети не должны рождаться, а слепым нет смысла жить и людям нет смысла за ними ухаживать. — Ответил Людоед.

— Что? Погоди… Про детей я понял, а про слепого, как ты угадал…

— Послушай, — перебил его Илья, — Мы, люди, живые существа наделенные разумом и имеющие творческий потенциал и тягу к развитию и совершенствованию. Да, у нас еще странный инстинкт саморазрушения и дикие предпосылки к деградации, но это тот хаос, что правит миром и та борьба, в которой рождаются победы над всеми препятствиями и над самими собой, в конце концов. Таковы правила игры, которая зовется жизнью. Или мы боремся всю жизнь. Или мы сдаемся и тогда нам конец. А что до смерти, она лишь очередной рубеж в перевоплощении, ибо один мудрый человек сказал, что жизнь это лишь мгновение между двумя бесконечностями. Но сама суть жизни, это ее продолжение в новых поколениях. Это перенос знаний и информации во

времени.

— Я не понимаю. — Вздохнул Николай.

— Не удивительно, — хмыкнул Крест, — Видишь ли, человек насыщен мыслями. Эмоциями. Фантазиями. Рациональное мышление, сродни математическим формулам и мысли что кротчайшее расстояние между двумя точками, всего лишь прямая, а не дорога, вокруг которой могут расти, скажем, деревья или вдоль которой могут раскинуться деревушки с уютными дворами, приведет к абсолютной деградации. Размышления, что калеки будут только обузой, а дети, в условиях, когда они в большей степени могут родиться мертвыми или больными, уничтожат саму жизнь. Но суть жизни в том, чтобы быть. И жизнь человеком не кончается. Не будет человека? Что ж, сам виноват, ибо не думал он о последствиях того, что творит и не хотел рожать детей. Но жизнь будет и без него. Проблема в том, что человеческое творение, именуемое ХАРП, грозит уничтожить саму колыбель этой жизни и все проявления живого. Вот тут нам надо очень постараться, чтобы этого не произошло. Если жизнь не остановится на этом, то и мы, бессмертны. Даже если умрем.

— Я все равно ничего не понимаю, — Васнецов мотнул головой.

— Ты слышал о городе Припять?

— Нет.

— А о Чернобыле?

— Да. Слышал, — Кивнул Николай.

— Ну, так вот. Я там был за несколько лет до войны. В Припяти. Это городок рядом с Чернобыльской станцией. Такой, вроде вашего Надеждинска. Был я там… Ну, скажем, по долгу службы. Жутким местом мне он показался тогда. Мертвый заброшенный город. Я ведь не знал, что скоро все города будут еще хуже. Разрушены, а не просто покинуты, и покрыты снегом. Но тогда мне Припять показалась самым страшным местом из тех, где я мог бы побывать. Но мнение изменилось довольно быстро. Я вошел в один заброшенный дом. На пятом этаже, в пустой комнате из бетонного пола росла молодая березка. Ее корни медленно, год за годом, пробивались сквозь непобедимый бетон и арматуру, опутывая мертвый камень своей живой паутиной корней. И тогда я осознал, как озарение, жизнь возьмет свое при малейшей возможности. Даже самый маленький, призрачный шанс, она, в отличие от разумного человека, ни за что не упустит. И в этом сила и величие живой природы. Только тогда я понял, что в этом мертвом городе щебечут птицы. Что в заброшенных окрестностях множество животных, даже редкие виды которых, воспользовались отсутствием людей, чтобы

восстановить свою популяцию. И не смотря на всю трагедию, что постигла тогда жителей этого города, в этом буйстве живой природы на бетонных плитах, в этой рвущейся сквозь асфальт траве и цветущих одуванчиках был великий оптимизм торжества жизни над смертью. Во время второй мировой войны в северной Атлантике прекратилось рыболовство, ибо корабли там подвергались смертельной опасности нападения немецких подлодок. После войны выяснилось, что в тех краях небывалое количество рыбы. Они множились тысячекратно, пока люди убивали друг друга, пуская на дно караваны судов. Это торжество жизни. Это намек на то, что люди могут уничтожить сами себя, но тогда природа возьмет свое. Она будет побеждать вопреки любым рациональным расчетам и логичности смерти. Именно поэтому, рациональный расчет тут не уместен. Именно поэтому, если есть возможность и желание иметь детей, то надо их рожать, стараясь как можно уменьшить риски их болезней. И вкладывать в них незнающую рациональности и расчета любовь. Растить их, даря им знания и воспитывая в них одну простую мысль, надо не стараться победить дикую природу, провозгласив себя, человека, царем этой самой природы, а искать пути гармонии с ней. И тогда, человек обретет то самое бессмертие жизни, даже при всей неизбежности телесной смерти. Но все это возможно будет, если остановить ХАРП, который может уничтожить всю планету, не дав уже никаким проявлениям жизни никакого шанса. Теперь понимаешь?

— Кажется да. Но странно слышать такое от тебя, уж извини. Но такой циник и жесткий человек говорит такое… Даже в голове не укладывается.

Людоед усмехнулся, повернув голову и взглянув на Николая.

— А жизнь вообще полна парадоксов, в том то и вся прелесть. Вот тебе самый простой парадокс. Мы, два существа люто ненавидящие людей, хотим спасти этих самых людей, и готовы пожертвовать ради этого и людьми и самими собой. Разве нет? Парадокс? Парадокс! Так что умение контролировать свои эмоции, еще не значит, полностью их исключить из своего разума. Но если мыслить ты будешь без всякого отсутствия эмоций, как признаков живого разума, то ты просто придешь к простому умозаключению, что жизнь сама по себе иррациональна, а значит, ее не должно быть.

— Почему?

— Ну, все очень просто, если выстраивать логическую рациональную цепь. Следи за мыслью. Появилась вселенная. Появилось солнце. Появилась земля. На земле возникла жизнь. Она эволюционирует и развевается. Но солнце когда-нибудь

выработает весь свой водород и умрет. А без него и жизни быть не может. Особенно если оно взорвется, что весьма возможно. Значит в, жизни нет никакого смысла. Вот и все.

— Но разве это не истина?

— Истина? Истина в том, что мы состоим из миллионов клеток, которые состоят из химических элементов. А химические элементы рождаются в термоядерном котле звезд и взрывы этих звезд, знаменующие их смерть, разбрасывают эти элементы по вселенной, давая призрачный шанс собрать из этих кирпичиков фундамент новой жизни. Мы с тобой, говоря метафорически, звездная пыль. Мы детища звезд. Мы частички их. В это мысль, построенная на эмоциях и оптимизме. На вере. А вера, так или иначе, провозглашает жизнь. Так что пусть наше солнце проживет отпущенный ей срок. Но, быть может, если мы не проиграем нашу с тобой битву за жизнь на этой планете, сама жизнь к тому времени сможет вырваться за рамки нашего крохотного шарика и зацветет буйством жизни другая планета. Сотни планет. Вся вселенная. И тогда будет полная победа. Будет полное торжество жизни над смертью. И в том будет и наша с тобой заслуга. И заслуга в том будет и Юрия и Андрея. И павших бойцов конфедератов, что отбивали атаки тех, кто хотел вас уничтожить. И будет в том победа твоего отца и твоей матери, что дали тебе жизнь. И поэтому должны быть дети, которые восстановят новую цивилизацию и будут помнить уроки прошлого. И которые смогут населить эту вселенную жизнью. Ведь каждая не рожденная жизнь, могла дать лекарства от неизлечимых болезней. Могла дать миру новые изобретения, которые не будут пущены новыми лидерами, по плохому примеру их неудачливых предков на разрушительное оружие, а на новые космические корабли, на развитие технологий выращивания растений на Марсе. И потом еще более совершенные корабли, которые домчат до далеких звезд. И не будет этому конца. Так что если мы победим ХАРП, то впереди у нас будет целая вечность. Бесконечность открытий и новых знаний. Огромная вселенная. Впереди бессмертие, даже если мы с тобой умрем. Вот так.

— Но если мы умрем, что станет с нашим разумом? Наш разум, это наши души? Души бессмертны? — Николай даже не понимал, что сейчас он говорил уже не с точки зрения рационализма. В нем сейчас говорила вера в душу и надежда на ее бессмертие.

Людоед улыбнулся и покачал головой.

— Поживем, увидим. Помрем, узнаем. — Он похлопал Васнецова по плечу и, смеясь, добавил, — Ладно, лекция окончена. Пошли. Не забывай, что нам еще надо надрать кое-кому

задницу и поубивать кучу негодяев.

47. ПАНДЕМОНИУМ

Огромная котловина, в которую были опрокинуты здания, фонарные столбы, трамваи и автобусы, легковушки и грузовики, тянулась, казалось, бесконечно. Они шли по краю, осторожно делая шаги, чтобы не попасть в сугроб, под которым пустота от провалившегося в метрополитен города. Николай брел за Людоедом и внимательно вглядывался в темноту, стараясь разобрать детали того, что сейчас покоилось на дне обрушенного свода метро. В голове роились воспоминания о Московской подземке. Вспоминались видения, что он там видел. Потом отчего-то вспомнилась книга, про которую рассказывала Лера, где люди выжили после ядерной войны только в подземелье. В действительности все вышло иначе. И в Москве и в Екатеринбурге, метрополитен оказался ловушкой для людей. В столице их взорвали изнутри, а тут их завалили взрывами снаружи. Но где тогда могут обитать эти черновики, если до сих пор они видели только провалившиеся улицы и тротуары, дома и скверы, не оставившие, ни шанса, ни пространства там, внизу. Уже появились сомнения, что зов тянул их в метро. Вот оно, разрушенное и заваленное. Но, те странные ощущения не усилились, как ожидал Николай, в случае приближения к источнику.

Людоед вдруг остановился и присел на корточки, разглядывая снег.

— Чего там? — тихо спросил Васнецов, присев рядом.

— Следы. Свежие достаточно. Видишь? — Крест указал не вереницу отпечатков гусеничных траков.

— Ну. И что это?

— Отпечаток характерный. Это след гусениц танка Т-64.

— И что это значит? — Николай пожал плечами.

— Те машины, БАТ-2, сделаны на базе удлиненного танкового шасси. И за основу взята ходовая часть именно шестьдесят четверки. Смекаешь?

— А вдруг это танк? По следу ведь не понять, БАТ это или Т-64.

— Не понять. — Илья утвердительно кивнул, — Но это пока единственная зацепка. Да и шестьдесят четверки достаточно редкие машины в отличие от Т-72 и всяких БМП, БМД и МТЛБ. Так что шансы велики.

— Надеюсь что ты прав.

— Ладно, блаженный, двинули дальше.

— Крест, может, хватит уже меня так называть? —

поморщился Николай.

— Да-да, больше не буду, блаженный. Пошли.

Они осторожно двинулись дальше, поглядывая на овраг справа, и следы слева. Метров через сто Людоед резко развернулся и прижал указательный палец к губам. Затем присел и осторожно двинулся к обломку стены обвалившегося здания. Васнецов так же осторожно подкрался к нему.

— Тише, блаженный. Там бараны. — Зашептал Крест.

— Какие бараны? Удивился Николай.

— Двуногие.

Всего в полусотне шагов от них стоял уже знакомый БТР-152, выкрашенный в белый цвет. На борту большими черными буквами было написано — «Умрите свиньи!». Двери бронемашины украшали черные черепа. На крыше кабины сидело два человека и по крохотным огонькам, то и дело становящимся ярче, было понятно, что эти двое курят. Красные угольки папирос озаряли тусклым светом лица вокруг рта, и можно было понять, что сидят на кабине два бородатых черновика.

— …черт его знает, — усталым хриплым голосом договорил начатую фразу один из черновиков.

— Ну да. И чего нам ночью ловить тут? А ну, как и нас перебьют как Живодера команду? — Проворчал второй.

— Его грохнули средь бела дня, между прочим. Ночью наоборот безопаснее. Для нас во всяком случае. Эти же трухают ночью выходить.

— Ну не скажи. Помнишь, с месяц назад бойню на проспекте Космонавтов? Ночью ведь было.

— Да. Только что от них осталось? Ладно. Подежурим ночь да спать днем будем. А остальные в зачистку пойдут, свиней этих искать.

— А я тоже в зачистку хотел пойти. Пострелять кого-нибудь.

— Ну, иди, ежели отдыхать не хочешь. Кто тебя держит-то? Мне лично все эти замесы уже комом в горле стоят. Надоело.

— Да я бы пошел. Но говорят, что именно нам завтра в Ганину яму двигать.

— Зачем?

— А ты не слышал? Гонцы оттуда не пришли в условленное время. Еще вчерась утром должны были быть. А нету. Если завтра не появятся, то на разведку попрем.

— Да что у них там случится, могло? Место тихое. Спокойное. В запое, наверное, уроды.

— Ну, вот и узнаем. Если нас пошлют.

— Пошлют и ладно. Я не против. В дороге покемарю. Хоть какое-то разнообразие. А то лет десять уже из города никуда не

выходил. Да и вообще. Я бы там и остался жить, в яме-то.

— Нафига? У нас же тут нормально на станции. Просторно. Уютно.

— А там тихо и спокойно. И леса кругом. Зверя стрелять, далеко ходить не надо…

Внезапная вспышка взлетевшей осветительной ракеты озарила призрачный мир разрушенного Екатеринбурга.

— Черт, кто это сделал? — пробормотал один из черновиков.

Где-то совсем рядом, всего в паре сотен метров, раздались выстрелы.

Людоед подтолкнул Николая в плечо, призывая его спуститься по склону в провал метрополитена, и сам последовал за ним. Позади послышалось надрывное нытье стартера, который с большим трудом все-таки завел двигатель бронемашины.

Оказавшись внизу, Людоед стал торопливо осматривать обломки здания, которое тут обрушилось увлекаемое оседающим в метро грунтом. Достаточно скоро он обнаружил лаз, образованный массивными бетонными плитами и пластами грунта. Лаз уходил вниз под небольшим углом и был достаточно узким. Чтобы двигаться по нему, пришлось снять вещмешки с боеприпасами и автоматы с плеч, таща их за собой.

— Куда мы вообще ползем? — недовольным голосом тихо пробормотал Николай.

— В метро конечно, — ответил Крест, продолжая движение.

— А вдруг там тупик дальше?

— Мы ведь не знаем наверняка. Правильно? Что тебе вообще не нравится?

— Узкое и замкнутое пространство. Вот что. — Васнецов продолжал выражать в тоне недовольство.

— А вентиляционную трубу в Аркаиме помнишь? — хмыкнул Илья.

— Конечно, помню. Потому и не нравится.

— Кончай ныть. — Отрезал Людоед. — За каким чертом ты тогда пошел ночью непонятно куда?

— Да ладно. Мне что и сказать ничего нельзя?

— Ты уже сказал. Я тебе ответил. Не отвлекайся.

Тупиком оказался обломок бетонной плиты, который они смогли опрокинуть, и впереди развернулась черная бездна. Крест посветил фонарем. Метротоннель был тут обрушен частично. Из-под основного завала торчал вагон электрички, раздавленной огромной массой. Дальше свод был осыпавшийся, накрыв пол и рельсы слоем обломков разных размеров, пылью и грунтом. Сверху свисали обломки труб, кабелей и проросшие корни деревьев. Крест присел на обломок плиты и оперся спиной на

сдавленный вагон.

— Привал, — вздохнул он.

Николай присел рядом, стягивая с лица марлевую повязку и заводя с глаз на шапку прибор ночного видения.

— Знаешь, Илья, — пробормотал он, — Если бы там, в Московском метро на мне не было респиратора и ПНВ, то отец узнал бы меня. Он бы узнал меня… — Васнецов выронил предметы из рук и сильно прижал к лицу свои ладони. Он старался сдержать слезы и напрягся изо всех сил. Но вырвался стон, и слезы потекли как вода из взорванной плотины. — Господи, Людоед, как больно, — вскрикнул он. — Как же больно… Отец… Мама… Дядя Володя… Подружка Славика… Рана… Та семья в джипе… Сынишка Ветра… Вандалы которых я убивал… Дочка китайца этого… Как же жалко всех! Почему ты говорил, что мы ненавидим людей? Мне ведь жаль их! Мне их жаль, Крест!

— А знаешь почему? Сказать тебе, почему тебе их жаль? Знаешь, почему ты только и делаешь, что жалеешь их?

— Почему? — всхлипнул Николай.

— Да потому что для тебя они обречены. Они уже все мертвы. И мертвые и еще живые. Для тебя. Ты не одержим мыслью об их спасении. Ты все время сомневаешься. Ты думаешь иногда, что может быть ХАРП это выход. А к жизни относишься только как к боли. И жалость эта к людям, лишь блеклая тень твоей жалости к самому себе. Это твоя слабость и твой эгоизм. Ты мазохист и потому истязаешь себя, провоцируя боль. Разве можно сказать после этого, что ты любишь людей?

На Васнецова эти слова подействовали несколько отрезвляюще, и он на удивление резко перестал плакать.

— Но это ведь не так…

— Тогда утри сопли, если это не так.

Васнецов вздохнул, ловя воздух дрожащими губами.

— Хотя может ты и прав, — тихо сказал он. — Знаешь, я всегда любил одиночество. Но сейчас мне так одиноко, что страшно.

— А ты не был никогда одинок. Это все мнимое. Ты жил в относительном уюте среди своих. Не был ты одинок.

— А ты? — он взглянул на Людоеда.

— Я? Знаешь, блаженный, одиночество, это когда умирает душа. Свою душу я сам убил. Даже не тогда, когда пустил ракеты и понял, скольких жизней это стоило. А когда взмахнул своим мечом. — Крест достал сигарету и закурил, пряча огонек в рукаве шинели.

— А как же Нордика?

— Нордика? — Людоед улыбнулся, покачав головой, — Она святая. Она надежный друг. Она хороший боец. Она умна. Конечно, я к ней не равнодушен. Она мне как сестра. Но это ведь не то, что надо ей.

— Любовь? — Николай тоже покачал головой, — Что это такое?

Крест вздохнул.

— Любовь, это когда ты не променял бы возможность держать в свое руке ее ладонь даже на тысячи ночей с роскошными блудницами.

— Но Нордика ведь ждет тебя. И будет ждать. Ты не хочешь иметь детей? Ты ведь говорил, что они должны рождаться…

— Я женат на радиации, — тихо засмеялся Крест, — в таких браках дети не рождаются. Все, хватит трепаться. Пошли. — Он раздавил окурок ботинком и поднялся.

— Мы идем дальше?

— Разумеется.

Двигались они осторожно. Сверху свисали фрагменты отделки тоннеля, куски породы и грунта. Причудливые изгибы и паутины корней деревьев, пугающих поначалу своей кажущейся противоестественностью. Под ногами хрустели мелкие обломки, некоторые из которых лязгали о рельсы путей. Сделав еще около сотни шагов, до их слуха донесся какой-то вой. Путникам пришлось насторожиться и продолжать движение в готовности к любой неожиданности. Монотонные завывания усилились, и воображение уже начало свою любимую игру в невиданных и смертельно опасных монстров. Но разгадка оказалась насколько неожиданной, настолько и простой. Из свода тоннеля, где произошло большое обрушение грунта, торчала большая, ржавая местами до дыр, водопроводная труба. Другой конец ее, видимо выходил на поверхность и малейший порыв ветра заставлял ее издавать жуткий вой.

Миновав ее, Николай и Людоед заметили, что следов разрушений становится меньше. Вскоре тоннель предстал без каких-либо признаков разрушений и еще метров через сто их приборы ночного видения позволили разглядеть аккуратно выложенную стену из больших шлакоблоков и кирпичей, которая перегораживала дальнейший путь. В стене была одна дверь и несколько закрытых изнутри кирпичами узких бойниц метрах в двух от уровня пола. Людоед и Николай переглянулись…

***

Молодые черновики по кличке Шмон и Гопник сидели на деревянной платформе возле печки буржуйки, труба которой тянулась к потолку и уходила вглубь подземного логова, где соединялась с другими трубами от иных печек и выводила дым на поверхность. Рядом с печной трубой была еще одна труба, имевшая видимо функции переговорного устройства, поскольку кончалась широким раструбом, в который было удобно кричать. Стробоскопу было под пятьдесят. Он лежал на топчане, укрывшись звериной шкурой и, пытался заснуть. Однако увлеченные игрой в карты, в свете пары керосиновых ламп, Шмон и Гопник постоянно выкрикивали в адрес друг друга ругательства и весьма эмоционально реагировали на успехи и поражения.

— Вот тебе еще дамка, козья твоя морда, — захихикал Шмон. — Давай еще пять папирос.

— А что я курить буду, рукопомойник ты хренов?! — раздосадовано воскликнул Гопник.

— Бамбук, лошара! — Шмон заржал, — А если хочешь, я тебе дам пару тяжек со своей мохнатой сигары!

— Базар фильтруй овца! В дышло захотел?!

— Да завалите вы хлебала свои, щенки стремные, харэ базлать, — проворчал Стробоскоп.

— Пардон, старый. Звиняй. Гопота долг не признает.

— Я сказал, фильтруй базар. Карточный долг святой. Но ты мне паришь. В твоей колоде у всех дам уголок загнутый.

— Это предъява? — нахмурился Шмон.

— Да! Ты букетик бунтишь! Ответь на предъяву!

— На, зырки разуй, фуцан! У шестерки и двух тузов тоже края гнутые. Сколько годков колоде вообще соображаешь? Я как, по-твоему, их различаю? Вальтанулся совсем что ли?

Стробоскоп поднялся с топчана и, выхватив у молодых подельников карты, швырнул их с платформы к двери.

— Ну нафига, старый? — раздосадовано воскликнул Шмон.

— Я вам вьюны пообрываю сейчас, вязы выверну нахрен. — Спокойно проговорил старший.

— Стробоскоп, да что ты взъелся? — развел руками Гопник.

— Едало захлопни. Это я для пацанов реальных Стробоскоп. А для вас, ушмырки, я Старый.

Он сделал вдох, чтобы разразиться следующей триадой обильно сдобренных маргинальным жаргоном слов, но тут раздался стук. В этом ничего странного не было бы. Но ведь стучали в дверь. В ту самую дверь, за которой была пустота метротоннеля, которая заканчивалась через несколько сот метров беспроглядной тьмы глухим обвалом, похоронившим когда-то электричку. Там никого не было да и быть не должно. Но кто-то

громко постучал в дверь. Черновики переглянулись, мгновенно замолкнув. Стук в дверь повторился, став еще настойчивей.

Стробоскоп осторожно спустился с платформы и подошел к деревянной двери, обитой поролоном и обтянутой плотной материей.

— Кто там? — настороженно произнес он.

Ответа не последовало. Тогда черновик взвел курок обреза, сделанного из старой охотничьей двустволки.

— Да кто в хату ломиться в натуре?! — крикнул старый.

— Коновал, — послышался с той стороны голос, сдобренный разносящимся по пустому тоннелю эхом.

— Что? Какой еще Коновал? Откель взялся?

— С Ганиной ямы я! Открой по-рыхлому!

— С Ганиной ямы? Чего там делаешь?

— Я нихрена там уже не делаю, братан, я к вам войти пытаюсь.

— Да нет, чего за дверью делаешь? Как туда попал вообще?

— Там кишка узкая с проспекта есть. По ней и сунулись.

— Сунулись? Ты не один? Кодла вас?

— Двое. Я и Пацифист.

— Я что-то погремух таких не слыхал. И никакого Коновала и Пацифиста не знаю. — Стробоскоп пожал плечами.

— А ты сам-то кто? — послышалось за дверью.

— Стробоскоп. Ну, еще старым кличут. А что?

— Ну, так, мил человек, я твою погремуху тоже впервой слышу. И что дальше? Али ты не чернушник а из лохов подвальных?

— Следи за метлой, огрызок! Я в законе! — разозлился черновик.

— Ну, так калитку отвори. Свои мы.

Стробоскоп жестом приказал молодым черновикам встать по обе стороны от двери и держать свои обрезы наготове. Затем отодвинул два массивных железных засова и толкнул дверь. Из темноты показался человек в черной шинели, военно-морской ушанке, с черными усами до подбородка и автоматом на плече. За ним стоял молодой парень с темной щетиной на лице, в ватных штанах, высоких валенках, камуфлированном бушлате и серой распущенной ушанке из под которой торчала челка ровных темных волос, достающих прямо до больших задумчивых и усталых глаз. Усатый прикрывал глаза ладонью, облаченную в кожаную перчатку. Видимо они долго находились в темноте и даже несильный свет керосиновых ламп заставил его, а следом и его спутника, прикрыться от света.

— Я Коновал, — проговорил усатый, переступая через

порог, — Здарова.

— Ксива есть? — Стробоскоп прищурился.

— Ты гонишь? — Коновал засмеялся. — У черновиков отродясь ксив никаких не было!

Старый покачал головой, причмокнув.

— Ну, допустим. Вы какого из Ганиной ямы приперлись?

— А тут что, никто не в курсе? — усатый сделал удивленное лицо.

— В курсе чего?

— Беда там. Неужто кроме нас никто не дошел?

— Что за беда?

— Крысы напали. Огромные. Такая кодла что земля тряслась. Из под земли вышли. Пожрали всех.

Стробоскоп нахмурился и покачал головой.

— Вон оно как. А что через главный ход не пошли а тут?

— Так замес наверху. Стреляют. Мы на каких-то уродов нарвались. Так и не поняли, свои это или нет. Полезли в провал, а там лаз в метро.

— Ладно. Складно все как-то у тебя получается. Я сейчас слубезников вызову. Пусть для начала разберутся, свои вы или засланные. Вы пока волыны сдайте. Короче сами правила знаете, если свои. — Он повернулся и стал подниматься по ступенькам к переговорной трубе. Услышав сзади два характерных и очень знакомых звука, он резко обернулся. Черновик успел заметить что Шмон и Гопник уже лежат на полу у двери, а усатый назвавшиеся Коновалом взмахнул рукой и метнул Стробоскопу нож прямо в горло.

***

— Уж очень мы легко проникли в их логово. Тебе не кажется? — пробормотал Николай, помогая Людоеду затащить тела под деревянный настил платформы.

— Да кто мог подумать, что враг, вот так, в наглую, будет в дверь стучаться? — усмехнулся Крест. Просто не ожидали они. Да и никто не думал, что оттуда кто-то прийти мог. Так, попок глупых тут держали для солидности. Вот и все. Да и не в логове мы еще. Мне так думается.

— Глупый риск, — кряхтел Васнецов. — Ты же слышал, что у них ссора назревала. Надо было подождать, пока они сами друг друга завалят и все.

— Вот это и было бы глупостью, — мотнул головой Крест. — Во-первых, я думаю, что перепалка так и осталась бы словесной.

Это своеобразная публика. За кровопускание в стаде ответ надо держать перед основными. А основные за такое на ремни пустить могут. Понимаешь? Тут главное, кто кого перещеголяет в витиеватых выражениях, насыщенных их местными жаргонизмами. Кто складнее и убедительнее говорить будет, того и правда. Они просто побоялись бы мочить друг друга. А во-вторых, если бы они стали друг друга убивать, да еще с применением огнестрельного оружия, то дальше кто-то услышал бы выстрелы, и сыграли бы тревогу. А это нам совсем не надо. Смекаешь?

— Понятно, — Николай кивнул, огорчившись тому, что сам до такого не додумался.

Разобравшись с телами, они пошли дальше. Они теперь двигались мимо множества деревянных и железных ящиков самых разных размеров. Ими было заставлено все пространство до свода тоннеля и, лишь двухметровой ширины проход позволял идти вперед. Еще через полсотни шагов перед ним предстало стояще на рельсах шасси вагона, от которого остался лишь пол. Видимо шасси играло роль транспорта, для передвижения грузов по тоннелю. Вдоль стен расставлены железные бочки. Людоед принялся разглядывать их.

— Хлорпикрин, — пробормотал он, потирая нос.

— А что это?

— Жидкость такая гадкая. Боевое отравляющее вещество.

— Откуда оно у них? — изумился Васнецов.

— Да его сделать несложно. Нужны только пикриновая кислота и хлорная известь. Ну и некоторые познания в химии. Да и на военных складах его навалом было. Как химическое оружие, он устарел уже лет сто назад, а вот для учебных целей в армии его использовали до последнего.

— Слушай, Илья. Может, разольем пару бочек?

— Зачем? — Людоед удивленно взглянул на Николая.

— Ну как… Черновики все передохнут.

— Ну, ты гуманист, — усмехнулся Крест, — еще говорил, что людей ему жалко. А как мы в живых останемся, ты подумал?

— У меня в рюкзаке пара противогазов, — Васнецов пожал плечами.

— Они фильтрующие, балбес. Фильтры тут бессильны. Тут изолирующие противогазы нужны. Да и не передохнут черновики. Большинство просто повыскакивают на улицу, и вернуться не смогут. И то неизвестно где их жилые блоки. Может до них токсин до утра не дойдет. Плюс ко всему тут могут быть пленные, которых нам с тобой убивать не зачем. Или ты решил пройти крещение кровью? — Илья снова усмехнулся.

— Да я как вариант, — Васнецов поморщился, в очередной раз почувствовав, как оконфузился.

Бочек с хлорпикрином тут было всего пять. Остальные оказались с бензином и соляркой. Еще несколько деревянных бочек с карбидом кальция. И несколько жестяных банок с краской. Николай открыл их. Большинство были засохшими. И только в таре с белой краской, под толстой засохшей коркой была густая белая масса. Васнецов, сам не зная зачем, стал искать, во что набрать немного краски.

— Ты чего застрял? — тихо позвал ушедший вперед Людоед.

— Сейчас. Минуту, — шепотом ответил Николай, хватая лежащую в углу литровую пластиковую бутылку. Перепачкав рукавицы, он все-таки набрал краску и положил бутыль. В вещмешок. Затем принялся догонять товарища, задавая себе в уме вопрос, на кой ляд ему это вообще нужно.

«Пригодится» — ответил внутренний голос

За небольшим поворотом Крест и Васнецов обнаружили решетчатую стену, в которой была закрытая с той стороны на навесной замок дверь. За этой преградой тоннель был застроен возведенными кирпичными стенами с железными и деревянными дверьми. Отсюда начиналось пусть скудное, но уже электрическое освещение. Разглядывая потолок, Людоед через некоторое время поднял руку и произнес:

— Вот и кабель «генератора чудес».

— А что с замком делать? — вздохнул Николай.

— Это пустяки. Замок простой. Открывается флажковым ключом. Отпереть его пара минут. — Людоед достал из кармана что-то напоминающее отмычку и стал колдовать над замком.

— У тебя, я смотрю, в карманах все и на все случаи жизни есть. — Покачал головой Васнецов.

— При моем образе жизни, отмычка — предмет второй необходимости, после ножей, меча и огнестрельного оружия.

Замок щелкнул, и решетчатая дверь со скрипом отворилась. Они двинулись дальше. Людоед подходил к каждой двери и внимательно вслушивался в то, что происходило за ними. Открыл одну. Небольшое помещение с различной утварью. В другом большое количество разобранных армейских кроватей. В третьем кто-то храпел. Крест осторожно приоткрыл дверь. В маленькой коморке на раскладушке спал провонявший алкоголем и чесноком старик. Илья хмыкнул и прикрыл дверь. Направился к следующей. Открыл ее. Очередное помещение было больше предыдущих. Вдоль стен стояли железные шкафы и еще одна дверь. В темном углу железные клетки. Как для собак. Примечательным был и запах. Наиболее острый и особо

неприятный по сравнению с тем, что было до этого. Пахло тут гнилью, гноем, испражнениями, хлором, какими-то медикаментами. Но больше всего ощущалась именно биологическая составляющая этого конгломерата запахов. Людоед включил фонарик и посветил на три стоящие в углу клетки. Две были пустыми. Но в одной было какое-то существо. Они приблизились. Нечто, размером с овчарку лежало на полу, свернувшись калачиком. Рядом грязная миска с какой-то зловонной массой. Крест наклонился, приглядываясь к существу. Оно, почуяв чье-то присутствие, проснулось и распрямилось, встав на четвереньки. Николай отпрянул. Это было не животное. Небольшое, пугающе похожее на морлока существо в грязных, потерявших цвет лохмотьях, с длинными, никогда не стриженными и грязными волосами, с не стриженными и обгрызенными даже на ногах ногтями, было человеческим ребенком лет пяти или шести отроду. Взглянув безумными и дикими большими глазами на незваных гостей, ребенок забил ладонями по полу и зарычал, мотая головой. Слипшиеся, грязные полосы волос стали елозить по лицу, и он принялся ловить их зубами. Поймав одну прядь собственных волос, ребенок притих и стал яростно ее кусать, не спуская при этом глаз с людей.

— Что же это такое, Илья? — просипел шокированный увиденным Васнецов.

Людоед ничего не ответил. Он достал из-за пазухи пистолет с глушителем, и какое-то время хмуро смотрел на это дитя, видимо раздумывая, убить его или нет. Увидев пистолет, ребенок сначала замер, а затем стал медленно пятиться назад.

— Илья. Не надо. — Прошептал Васнецов.

— Это не для него, — зло прорычал Людоед и толкнул внутреннюю дверь.

Никого, кого стоило бы застрелить, тут не оказалось, и он убрал пистолет обратно.

Они оказались в еще большем помещении. Прямо у входа стояло три заполненных чем-то ведра. Людоед наклонился, светя в них фонарем и, практически сразу отскочил, сжимая кулаки. Лицо его перекосилось от ярости.

— Что это? — Васнецов вглядывался в ведра, держась на расстоянии от них.

— Там человеческие зародыши. — Тихо проговорил Илья. — Мертвые недоношенные дети с разных сроков беременности. Перемотанные пуповинами и вперемешку с плацентами. Некоторые по частям. Ручки… Ножки… Черт подери, что это за дьявольское место…

Николай еще не видел Людоеда таким. Казалось, внутри него

закипала ядерная реакция. Словно внутри этого человека взорвалась микроскопическая плутониевая бомба, поджигающая дейтерий. И сейчас грянет взрыв.

Крест обернулся и взглянул на стоящие вдоль стены столы. Их было шесть. На каждом лежала накрытая грязной, окровавленной простынею женщина. Их руки и ноги были привязаны к краям столов. Крест подошел к одной и, сняв с руки перчатку, стал искать пульс на ее шее.

— Мертва, — констатировал он и подошел к следующей. — Жива, — монотонно произнес он, ощупав пульс и раздвинул ей веки на правом глазе. Посветил фонарем на зрачок. — Накачали наркотой, похоже.

Крест осмотрел всех. Из шести женщин три были мертвы и три в бессознательном состоянии.

— Илья, их освободить надо, — пробормотал Николай, брезгливо осматривая грязные простыни, забрызганные и перемазанные кровью и нечистотами пол и стены.

— С ними мы не уйдем. — Отрезал Людоед.

— Но ведь нельзя их бросать на произвол судьбы! — воскликнул Васнецов.

Крест схватил его за ворот бушлата и буквально прорычал:

— С ними мы не уйдем!

В этом помещении тоже оказалась внутренняя дверь, ведущая еще куда-то. Единственная лампа не позволила разглядеть ее, слившуюся с фоном дальней стены. Но сейчас, когда она открылась, уже стало ясно, что эта дверь существует. В помещение вошел пожилой человек в почти белом, грязном как те простыни, халате. Длинные седые волосы свисали с висков, за ушами и с затылка. Вся остальная голова была совершенно лысая. Он смотрел на какие-то бумаги, которые сжимал левой рукой, при этом правой рукой постоянно поправляя очки, держащиеся на ушах посредством резинок. Незнакомцев он заметил не сразу. Но когда обратил внимание на их присутствие, то видимо принял за своих.

— Живых в стойло и через пару недель можно на повторное оплодотворение. Хотя для развлекухи пойдут и через три дня. Ублюдков собакам отдайте. Трехмесячного уродыша дайте Маугли. Пусть хавает, — Сказал он таким спокойным и добродушным голосом, что можно было подумать, будто он говорит о подопытных крысах. Но ведь и к тем у нормальных людей может быть больше сострадания.

Взрыв у Людоеда все-таки произошел. Но это скорее было не эмоциональное. Это сработал отточенный инстинкт убийцы. Просто для активации этого инстинкта нужен был повод, как

нужна была инициация термоядерной реакции. Лучшего повода, чем дикие, неподдающиеся никакому пониманию опыты над людьми, наверное, не найти. Катана пулей выскочила из ножен, и Крест сделал всего два движения рукой. Первое движение в долю секунды разрезало кончиком меча этому старику горло. Следующее движение последовало незамедлительно, и меч вонзился человеку в халате прямо в сердце. Крест надавил на эфес и довел лезвие в тело жертве по самую рукоять. Экспериментатор упал на колени и запрокинул голову. Из разреза хлынула кровь. Людоед уперся подошвой ботинка жертве в подбородок и, выдернув меч, толкнул черновика ногой, заставив распластаться на полу. Людоед вытер лезвие об рукав покойного и вернул катану в ножны. Затем снова извлек пистолет с глушителем.

— За мной, — тихо сказал он и вошел в следующую дверь…

— Слышь, Менгеле, я думаю следующую партию кесарить надо, а то издохнут все. Ребяткам не друг друга ведь долбить. Им живые дырки нужны. — Проговорила тучная женщина в белом халате, сидящая спиной к вошедшим. Сидела она за столом, на котором были разложены хирургические инструменты, какие-то бумаги и миска с похлебкой, которую она поедала. Услышав шаги Людоеда, она видимо приняла его за того старика. Крест без колебаний выстрелил ей в затылок. Голова женщины нырнула в миску. Людоед схватил ее за волосы, приподнял и понюхал то, что она ела.

— Человечина, — констатировал он и сбросил ногой мертвое тело со стула. Затем повернул голову в сторону Николая. — Ну что блаженный. Ты готов превратить это место в ад?

Шок и тошнота стали отступать, достаточно было посмотреть в источающие бездонную ненависть глаза Людоеда. Николай словно принял часть этой ненависти и ощутил желание пустить оружие в ход и устроить в этом логове черновиков настоящий карнавал смерти. Он ответил Людоеду ухмылкой. Склонился над убитой и срезал ножом прядь ее волос. Затем намотал на вилку, лежащую возле миски с человечиной. Извлек бутылку с белой краской и при помощи этой импровизированной кисточки написал на стене:

«Ад уже здесь!»

48. МОЖЕТ И МЕССИЯ

— А как она выгладит? — Вернувшийся вместе с Людоедом на склад в предыдущем помещении, Николай взглянул на товарища.

— Черт, блаженный, как по-твоему может выглядеть алюминиевая пудра? Как алюминиевая пудра и выглядит.

— А ты уверен, что она тут есть?

Крест усмехнулся, открывая очередную коробку.

— А ты уверен, что ее тут нет? Здесь борохла всякого вагонами. Глянь пустых дисков сколько. Все что надо и что не надо натаскали сюда.

— В самом деле. Откуда дисков столько?

— Их тут делали. В Екатеринбурге в смысле. Ты, дружок не отвлекайся. Нам пудру только осталось найти. Время идет.

— А без нее не обойтись?

— Она даст более высокую температуру. Краска, что ты набрал, пойдет на загуститель. Еще солидола добавим. Не то конечно, но вариантов нет. Бензина и соляры тут в достатке. Патроны охотничьи в смесь выпотрошим. Порох на пиротехнический эффект, а свинцовые дробины на оплавленные осколки пойдут. Эффективно против живой силы.

Васнецов открыл очередной деревянный ящик и поморщился от странноватого запаха. Затем осторожно посветил внутрь фонарем.

— Смотри Илья. Рулоны какие-то. — Николай аккуратно взял один сверток. То, что он определил на первый взгляд, оказалось верным. Это кожа. Только непонятно какая кожа. На некоторых лоскутах были даже различные рисунки. — Что-то я не пойму что это.

Людоед подошел и стал разглядывать находку Николая. Затем снял перчатки и принялся ощупывать эти странные лоскуты.

— Это выделенная человеческая кожа, — спокойно подытожил он после минутного осмотра.

У Васнецова сдавило виски.

— Что? Человеческая? — он сделал шаг назад от ящика.

— Ну да. На некоторых татуировки, что были у людей. Вот это женская кожа. Видишь узор? Такие незадолго до ядрены модно было у девок над задницей набивать. А вот распятие большое на фоне церковных куполов в облаках. Похоже, что коронованного вора в законе освежевали.

К своему удивлению, Николай уже не чувствовал рвотных

позывов, бывших для него обычным делом в подобных ситуациях. Только появилась горькая липкая слюна во рту, которую очень хотелось выплюнуть, что он и сделал.

— Зачем им человеческая кожа? — выдавил, наконец, он.

— Ну, мало ли зачем. Может они кошельки с сумками из них собираются делать. И рисунки всякие уже считай готовы. Да хоть и ремни, плетки, или подбойка для одежды. Хотя кожа человека на это слабо годиться. Ты еще не понял что за существа, эти самые черновики? Они-то применение найдут.

— Илья, их надо убить. Их всех надо уничтожить…

— Ну, насчет всех, обещать не могу, но кое-кому мы сегодня пульс остановим. Особенно если ты соизволишь все-таки оказать мне помощь в поисках алюминиевой пудры.

***

Конечно, у него было и имя, и даже фамилия. И он их еще помнил. Но если бы кто-то сейчас, да и в любое другое время этого треклятого настоящего окликнул его по имени, то он, наверное, в последнюю очередь подумал бы о том, что обращаются именно к нему. Обычно же его окликали Перфоратором или сокращенно Перфом. Он проснулся от хмельной головной боли и непреодолимого желания отлить изрядную долю того, что он выпил со своими подельниками накануне. Тридцатипятилетний черновик медленно поднялся со своей шконяры, вдыхая затхлый, пропитанный потом и перегаром воздух помещения, которое они называли «купе». Это была огороженная кирпичными и деревянными стенами часть станции метро «1905 года», где жила бригада из восьми человек которыми он руководил. Все спали мертвецким сном, наполняя помещение храпом. Перфоратор осторожно поднялся, напрягая мутное после попойки зрение. Нащупал тумбу. Затем со второго раза нащупал самодельную бензиновую зажигалку и свечу. Зажег ее и, ступая босиком по невыносимо холодному полу, побрел к выходу. У двери, на расстеленной на полу собачьей шкуре сидела девица. Она была на цепи, опоясывающей тугой петлей шею и застегнутой на вмурованном в пол железном кольце. Черновик хмельно усмехнулся, глядя на нее, и подумал, что может, вернувшись из туалета заняться ею снова. Хотя, после того, что они всей толпой учинили над ней накануне вечером, ее непременно надо сдать в мойку. Перфоратор фыркнул презрительно и сделал еще шаг в сторону двери, но тут вдруг до его пьяного рассудка дошло, что что-то с ней не так. То, что она

не спала, а сидела на своей шкуре, это еще ничего. Но ведь руки у нее должны быть связаны за спиной. Он хоть и был пьян, но точно помнил, что они, закончив с ней, связали ей руки и снова посадили на цепь. Однако левой ладонью она сжимала себе рот, а ее правая рука была вытянута вперед. Причем если сама девица была совершенно голая, то эти руки отчего-то были в рукавах камуфлированного бушлата. Черновик тряхнул головой и, до него стало доходить, что это не ее руки. И что на него смотрят не только испуганные глаза рабыни, но и еще чей-то жуткий взгляд черных глаз и… глушитель пистолета…

Щелчок и вошедшая в голову черновика пуля прекратила его существование и все эти мысли…

Людоед подхватил падающее тело и аккуратно, чтобы не создавать лишнего шума, положил его на пол, поставив рядом не потухшую свечу. Затем кинул девушке одежду, взятую с первой попавшейся табуретки и, тихо шепнул прятавшемуся за ее спиной Николаю:

— Помоги ей одеться. Я займусь остальным мясом.

Крест извлек из ботинка длинный и острый стальной прут, который прихватил в одном из предыдущих помещений, и направился к ближайшему спящему черновику.

Васнецов отпустил девушку и бросил взгляд на то, как Людоед, держа наготове одну руку у рта спящего человека, другой резко вгоняет ему прут прямо в ухо. Тот чуть вздрогнул и продолжал лежать в принятой им во сне позе. Но уже мертвый.

— Я не хочу их одежду, — дрожащим голосом и потрескавшимися, окровавленными губами, прошептала девушка.

— Другой нет. Одевайся. — Ответил Николай, стараясь не смотреть на ее избитое, покрытое синяками и ссадинами худое голое тело. Он схватил ее за ноги и бесцеремонно стал натягивать на них ватные штаны черновика.

— Как странно, — нервно хихикнула она, — Впервые вижу мужиков, которые не пытаются меня раздеть, а наоборот, заставляют одеться.

— Просто мы не люди, — угрюмо пробормотал Васнецов.

— А кто? — она удивилась.

— Ангелы смерти. Ну не сиди ты сиднем. Одевайся.

— У меня болит все… осторожней… — всхлипнула девушка.

Людоед тихо и мгновенно умертвил каждого. Но последний черновик проснулся и уселся на кровати, глядя пьяными глазами в пол и лениво почесывая волосатую грудь. Он ничего подозрительного не успел заметить. Крест схватил его, сжимая ладонью рот, и сильно ударил другой рукой в область печени. Черновик обмяк и замычал.

— Блаженный, ну-ка дай ей нож, — сказал Илья, ехидно улыбаясь.

Николай без лишних слов протянул ей холодное оружие.

— Держи.

— Зачем, — она испуганно взглянула на Васнецова.

— Отомсти. Накажи этого выродка. — Ответил Николай, поняв замысел Людоеда.

— Нет, — она замотала головой, — Я не могу… Нет…

— Зарежь этого упыря, — продолжал Васнецов, — Вспомни, что они с тобой делали.

— Зачем ты мне напоминаешь об этом?! — вскрикнула девица и заплакала.

Васнецов взглянул на Людоеда и, вздохнув, развел руками.

— Успокойся, сестренка, — произнес Крест, — Как тебя звать кстати?

— Рита, — тихо ответила девушка.

— Рита. Скажи, Рита, ты прощаешь его?

Она бросила на последнего в этом помещении живого черновика презрительный взгляд и нервно кивнула.

— Да… — сдавленно ответила она.

— Слышь, урод, — проговорил Людоед на ухо бандиту, — Великодушная Маргарита тебя прощает.

Черновик что-то замычал и быстро заморгал.

— А я нет… — Договорил Людоед и свернул ему шею. — Вот и все. Эту авгиеву конюшню, можно сказать вычистили. Пора идти дальше.

Забившись в угол и сжавшись в комок, девушка тихо заплакала.

— Зачем вы вообще пришли, — простонала она.

— Тебя спасти. Уже не мало, — ответил Людоед, вытирая от крови стальной прут.

— Зачем, — выдохнула она сквозь слезы.

— Тебе тут нравилось? — зло ухмыльнулся Николай, вспоминая так называемую кантину олигарха и тамошнюю проститутку, которая отказалась уходить с ними.

— Я просто жить не хочу…

— Вот как? — Крест присел рядом с ней, держа перед лицом девушки заточку, — Закрой глаза. Больно будет только секунду. И все.

— Нет! — она отскочила от него, испуганно выпучив глаза.

— Вот так-то лучше, — Илья улыбнулся. — Не бойся девочка. Ничего я тебе не сделаю. — Он убрал оружие и протянул в ее сторону руку. — Дай мне свою ладонь.

Она какое-то время колебалась, затем вложила свою

дрожащую худую ладонь в его руку. Испуг на ее лице сменился выражением обыкновенной усталости. Она буквально рухнула на колени и прижалась к Людоеду всем телом. Николай смотрел на все это, чувствуя, как в нем растет отвращение и раздражение от развернувшейся перед ним сентиментальной сцены.

— Ну, все деточка. Успокойся, — Тихим баритоном проговорил Илья, гладя девушку по грязным и спутавшимся черным волосам.

— Тебе не противно меня обнимать? — прошептала она.

— Нет. Что ты.

— Но они…

— Это они, — Людоед не дал ей договорить, — А ты это ты. Главное останься сама собой. Они мертвы уже. А ты будешь жить. Верно?

— Возьми меня с собой, — всхлипнула она.

«Вот оно как!» — Николай нахмурился, — «Возьми! Не возьмите, а возьми». Ярость и обида закипала в нем от досады и обиды. Ведь они в равной степени учувствовали в ее спасении. Но она теперь чуть ли не отдаться готова Людоеду. Если Крест сейчас ответит ей утвердительно, то до конца своих дней Николай будет его презирать, ведь именно он, Людоед, говорил, что им в группе не нужна женщина. И что теперь? Каков его ответ?…

— Послушай, девочка, — начал говорить Крест, — Тебе с нами нельзя. Мы идем дальше. Я тебе сейчас дам оружие одного из этих жмуриков. Умеешь с автоматом обращаться?

Девушка медленно закивала.

— Вот и славно, — продолжал Крест, — Ты пойдешь в ту сторону. Бандитов там уже нет. Дойдешь до коричневой двери справа. За ней лаборатория…

— Я знаю, где у них лаборатория, — шепнула Рита.

— Чудно. Так вот. Там три женщины. Может они уже в сознание пришли. Может тебе удастся привести их в сознание. Заберешь их с собой, и пойдете дальше. Дойдешь до стены с дверью. За ней тоннель. Дойдешь до завала, где поезд засыпало. В завале есть лаз. Выберетесь наружу. В город. И уходи.

— Куда мне идти? — устало проговорила девушка.

— К людям. К нормальным людям. Их еще много и в этом городе и во всем, что осталось от нашего мира.

— Я тебя больше не увижу?…

После этих ее слов, Васнецова с еще большей силой передернуло от злости и отвращения.

— Поверь, девочка, я не самый достойный из нормальных людей. — Крест улыбнулся, — Мы с моим другом, на

черновиковском складе, что возле лаборатории, смастерили что-то вроде напалма из подручных средств, что там были. Я просто тут взорвать хотел все. Сжечь к чертям. А друг мой, — он кивнул в сторону Николая, — Решил проверить это помещение и нашел тебя. Если бы не он…

Она вдруг рванулась к Васнецову и, с силой притянув к себе, зарыдала, обнимая за шеи обоих своих спасителей.

— Ребята, спасибо вам! Спасибо вам огромное! Спасибо!

Теперь Николай ощущал растерянность. Что и говорить, Людоед лихо все повернул. Даже за свою злобу стало стыдно перед ним.

— Нам пора, — пробормотал Васнецов. — Мы теряем время.

***

В обустройстве станции и прилегающего подземелья, казалось, не было никакой системы. Склады не были собраны в определенном месте, а встречались постоянно и где попало. Так же было и с жилыми помещениями. Различные посты тоже были разбросаны по подземелью без всякой логики. Очередным таким постом были десятки деревянных ящиков в тоннеле и столик с погашенной керосиновой лампой. На столике лежал автомат. Рядом, на ящике, расстелив старый матрац, дремал молодой черновик. Без лишних сантиментов и каких-то колебаний Людоед задушил его.

— Напоминает подводную лодку. Маленькую дизельную. — Пробормотал Крест. — Тоже длинная труба, где экипаж спит, где придется, и все припасы рассованы повсюду. Это с одной стороны хорошо. Нам легче продвигаться. Особенно с той стороны, откуда никто здесь угрозы никакой не ждет.

— Лучше скажи, что ты там за сцену лирическую устроил с этой девкой? — недовольно проворчал Николай.

— Каждый видит то, что хочет. У тебя с лирикой точно проблемы в голове. — Илья усмехнулся. — Я просто вдохнул в несчастную желание жить. Вот и все.

— А зачем? С твоим-то цинизмом это не логично.

— В холостую работать не люблю. Мы ей жизнь спасли, а она жить не хочет. Неправильно это. А тебе, блаженный, надо не за чужим поведением следить, а с самим собой разобраться. То ты сопли распускаешь по поводу и без. То бесишься на пустом месте. Такие заскоки, знаешь ли… Я мог бы махнуть рукой на это дерьмо. Ну, с головой плохо у парня, подумаешь. У кого с ней в наше время нормально вообще. Но на кону стоит многое. На кону

стоит все. И исход всего этого зависит и от тебя в том числе. Если тебя так будет швырять из стороны в сторону, то беда случится. Смекаешь?

Васнецов пристально посмотрел на товарища.

— А ты бы и вправду убил ее, когда она сказала, что жить не хочет? А. Крест?

Людоед зло улыбнулся.

— А ты, блаженный, как думаешь?

— Может ты и меня убить смог бы, если бы решил что я стал опасен для миссии? — Прищурился Николай.

— Можешь не сомневаться.

Васнецов покачал головой, вспоминая измышления собственного внутреннего голоса. Этот убьет. И глазом не моргнет.

— Ну и что ты там себе думаешь? — ухмылка Ильи словно говорила, что он читает все мысли Николая. Людоед положил руку ему на плечо и добавил, — Просто не давай мне повода, братишка. Вот и все.

***

Надзиратель тюремного блока в очередной раз ударил старой милицейской резиновой дубинкой по стальной решетке.

— Ну что ты вылупился, мразь! — рявкнул он на одного из шестерых пленных, которых держали тут специально для крещения кровью тех, кто решил примкнуть к черновикам.

Надзирателю по кличке Кукан было всего двадцать шесть лет. Он был черновиком во втором поколении, поскольку вступил в эту банду еще его отец.

Кукан любил заступать на охрану заключенных. Его излюбленным занятием в этой жизни было демонстрировать свое превосходство над теми, кто не мог ему ничем ответить. Другое дело внешние посты или охота на людей. Там бывало страшно. Там могли убить. А тут он мог вдоволь наслаждаться своей властью и чувствовать себя сильнее других. Вот и сейчас он ходил вдоль клеток с пленными из различных городских группировок и орал на них матом, вещая унизительные для любого нормального человека вещи. Он наслаждался, видя, как они бесятся в клетках, не имея ни сил, ни возможности что-то ему ответить. Если кто-то начинал из клетки огрызаться, то на него выплескивалось ведро с фекалиями. Такого унижения никто не хотел и, все молча слушали, лишь позволяя себе скрежетать зубами и зло смотреть в ответ.

Кукан продолжал развлекаться, то и дело, оглядываясь на своего более старшего напарника по кличке Шалый, который сидел в автомобильном кресле, спиной к темному тоннелю ведущему в тупик, закинув ногу на ногу и курил самокрутку, одобрительно кивая головой и смеясь.

— Ну что молчите, парашники? — продолжал молодой надзиратель. — Может, кто сказать что в ответ хочет, а? Что, слабо, девочки? Имел я вас, козлы драные! Мам ваших имел, сучки вы гнойные!

— Если бы ты был мужчиной, то открыл бы мою клетку и разобрался со мной по-мужски, один на один, — прорычал пленник, напротив которого остановился Кукан.

— Чего? Чего ты вякнул? Ты сомневаешься, что я мужчина? — черновик убрал дубинку в сторону и приспустил свои штаны. — На, урюк, смотри. Мужская штучка, а? — Он захохотал и принялся мочиться в клетку прямо на пленника.

— Падла! — воскликнул тот, отскочив в дальний угол и уварачиваясь от струи мочи.

— Глянь, Шалый, как я его! — черновик, гогоча, обернулся и взглянул на своего подельника. Тот больше не смеялся. На лице его был испуг. Он нервно сжимал зубами самокрутку, а за его спиной, стоял молодой человек в камуфлированной одежде и прижимал к виску Шалого пистолет с глушителем. Как и этот молодой парень, из полумрака тоннеля показался еще один незнакомый человек. Он был в черной шинели и в руке держал странного вида меч.

— Когда ты перестанешь ссать, твой кореш умрет, — усмехаясь, сказал Людоед, — Цена его жизни, твоя моча.

Кукан рефлекторно потянулся к кобуре с пистолетом, но Крест быстро прислонил лезвие своего меча к шее бандита.

— Хочешь проверить у кого из нас реакция лучше? Давай. Ты еще успеешь увидеть как кровь из твоей артерии брызжет фонтаном и почувствуешь как холодное лезвие пробирается сквозь твою глотку. И тогда у тебя не останется ничего кроме нервных рефлексов. А в этом случае ты не сможешь осознанно выхватить пистолет, снять его с предохранителя и выстрелить в меня.

— Вы кто… Вам чего… — испуганно пробормотал Кукан.

— Ссы, палда, — зарычал Шалый, — Они же меня грохнут сейчас.

— Но… но я больше не могу…

— А ты рукой подергай, — хмыкнул Николай, держащий у виска второго черновика пистолет.

— Я н-немогу, — всхлипнул молодой.

— Кончай с этим, — Кивнул Людоед, и Васнецов тут же нажал на курок. — Отлично. — Крест кивнул и ударом ногой в живот Кукана, заставил того отлететь к клетке. Пленник, что находился в ней, тут же накинулся на своего обидчика, просунув руки через решетку и схватив его за горло. Кукан хрипел и дергался меньше минуты. Он не был ни сильным физически, ни сильным духом. Он мог только кричать матом через стальные прутья. Когда же его схватили за горло, он уже был обречен.

— Может, теперь выпустишь нас? — произнес пленник, обращаясь к Людоеду, когда с Куканом уже все было кончено.

— Погоди-ка, — махнул рукой Людоед, с интересом разглядывая неровные фанерные таблички на каждой из клеток. Он качал головой и как обычно ухмылялся, читая надписи сделанные углем на этих дощечках.

— Чего ждать-то? — недовольно бросил другой пленник, — Ключи у того, с дыркой в голове. Выпусти нас.

— Погоди, — повторил Крест, — Так вы из разных группировок? — Муслимиат, — прочитал он надпись на одной табличке, — Славянский союз, — это уже другая надпись, — Новый Коминтерн… Националисты, коммунисты, белоказаки-монархисты… Слышь Коля, вот так задачка. Что делать с ними?

— Эй! Что значит что делать! Выпустите нас! — заорал еще один пленник.

— Потише, — Крест поморщился, — На ваш ор сейчас вся тусня местная сбежится. — Он подошел к двери, которая вела дальше в глубину логова черновиков, и задвинул железный засов. — Если я вас выпущу, то зачем? Чтобы вы снова вцепились друг другу в глотки, как это успешно делали раньше? Вы же ненавидите друг друга в силу исповедуемых вами разных идеологий. Не так что ли?

— А ты сам-то, чьих будешь?

— Я? — Людоед улыбнулся, — Я сам по себе. Но там где я появляюсь, становится худо. Колян не даст соврать. Да Колян?

— Точно, — Хмыкнул Васнецов, вытирая окровавленный глушитель пистолета, — Всадник апокалипсиса. Только без коня.

— Вот то-то и оно. — Кивнул Крест, — Слушайте меня, други. Слушайте внимательно. Слушайте и запоминайте. Времени у нас мало. Причем времени мало не только в данном конкретном случае. Часики тикают, и очень скоро всем на этой планете в последний раз улыбнется смерть. В последний, потому что после этого, улыбаться уже будет некому. Жизни уже не будет. А значит и смерти тоже. Но хорошо ли это? Или нет? Чего будут стоить все ваши идеалы и верования? К чему вы стремитесь? Вы, поделившие друг друга на красных и белых, верных и неверных,

обрекаете все, что от нас осталось лишь на то, что будет иметь только цвет, разлагающийся плоти. Вы, своей непримиримостью и отсутствием компромиссов и понимания друг с другом, обрекли остатки человечества на то, что поднимают головы и властвуют такие как эти поганые черновики. Кому плевать на вашу религию и ваши ценности, и ваши политические ориентации. Черновики, и подобные им твари, уводят ваших женщин, ваших дочерей на позор. Они делают из вас мясо. Только ли вина черновиков в этом? Отнюдь. Вы в этом виноваты. Вы этому потворствуете. Забыли историю. Забыли прошлое. Не будем ходить далеко, и вспоминать феодальную раздробленность на Руси. Обратимся к последним дням мира. Восток, запад, третий мир, террористы, демократы, нефть. Нет, мир не должен был быть окрашен в один цвет и зиждиться на одних и тех же ценностях что и всюду. Наш мир пестрел обилием языков и культур. Наций и религий. И в том могло быть его очарование. Могло, но не стало. Ведь всем надо было лезть со своим уставом в чужой монастырь. И к чему все это привело? Объяснять, я думаю, не надо? Но вы оказались невосприимчивы к урокам и продолжаете скалиться друг на друга. Что и говорить, черновики в этом смысле оказались умнее вас. Они оказались глобалистами. Потому они сильней и непобедимей. Люди разных наций и религий, разных слоев общества, окрасились в один черновой цвет и стали силой, имеющей вас, как хотят. Я их ненавижу. Но они мне симпатичнее вас.

— Ты что несешь! — раздалось из одной клетки.

— Я просил не перебивать и слушать внимательно. Я сейчас плюну и пойду дальше. А вы сидите тут и ждите своего конца.

— Пусть договорит, — пробормотал другой узник.

— Вот вы, белые и красные. Чего не поделили? Вы все в семнадцатом году зависли? А ведь были, много десятилетий назад, люди, которые в этом вопросе переросли вас. А вы все враждуете, отказываясь от преемственности истории вашей страны и понимания того, что важнее судьба отечества и его народа. Пусть и руин отечества и остатков этого самого народа. Вам бы посмотреть в прошлое и признать славные победы и достижения вашей страны и под имперскими знаменами и под красным знаменем Великой отечественной. Ведь даже Сталин начал делать шаги, примеряющие историю, возрождая военную касту с ее имперским регалиями и погонами, ослабив нажим на церковь, упразднив сатанинскую директиву своих предшественников об уничтожении религии. Это ведь еще тогда советы обратились в славное прошлое нашей истории, снимая кино про великих полководцев и учреждая ордена в их честь. А

вам все неймется. Да и времена сейчас такие, что не до разборок. Но вашего ума до этого дойти не хватает. Уже нет тех, кто убил вашего монарха, дорогие монархисты. Но уроков той бойни никто не извлек и вам зачем-то нужна братоубийственная война сейчас. К чему поборникам религии браниться с теми, кто под коммунистическими знаменами проповедует всеобщее равенство, братство и социальную справедливость? Разве не тоже самое хотел почитаемый вами Иисус из Назарета? К чему вы, почитатели пророка Мухаммеда, враждуете с христианами? В вашей святой книге есть почтенный пророк Исса, но он и есть тот самый Иисус. К чему вам звать их неверными? Времена крестовых походов прошли и не православные их, кстати, устраивали. Вы считаете своим долгом джихад, но знаете ли вы, что это такое? Вы знаете, что такое Великий джихад? Это противостояние и битва против дьявола в собственном сердце. Это противостояние соблазнам. Но утоляя жажду убийств, якобы во имя Аллаха, вы разве не потворствуете этим самым соблазнам греха смертоубийства? Знаете ли вы, что по вашей священной книге джихад разрешает насилие лишь для самообороны и насилие это оговорено строгими правилами? Знаете ли вы, что сказал Мухаммед? При мщении за раны и обиды, не причиняй вреда невоюющим в их домах! Не трогай женщин! Не причиняй вреда младенцам! Не уничтожай дома, и средства к существованию тех, кто не воюет против вас! И самое главное — Коран запрещает использовать силу и джихад для обращения в веру. В религии не может быть принуждения. А вы господа, националисты. Вы превратили национальную идею и саму суть национализма в синоним нацизма. Но национализм, это любовь и служение своей нации и ее интересам. А вовсе не ненависть к народам другим. Но вам легче изливать ненависть к инородцам. Нежели быть образцами духовности, силы и благородства вашей собственной нации. Не позволяйте одним племенам, применять силу против вас. Не будьте слабыми. Но будучи сильными, не обращайте эту силу против иных народов. Взаимоуважение наций и служение собственному народу и его благоденствию, а не унижению и грабежу народов других, в свое время, не позволило бы случиться, в том числе и ядерной войне. Но вы этого никак не хотите понять. Так зачем, скажите, мне выпускать вас всех из клеток?

В помещении воцарилась гробовая тишина. Люди в клетках с одинаковыми, недоуменными и в то же время задумчивыми лицами взирали на Людоеда. Просто ли он говорил, или применил что-то гипнотическое, но Николай видел во взглядах этих людей что-то покорное и какую-то готовность подчиниться

Людоеду. Они словно восприняли его мессией. Новым пророком, посланным высшими силами для того, чтобы изменить безысходность этого мира и дать людям веру в то, что возможно движение к лучшему. Васнецов и сам почувствовал, что и на него, в том числе, подействовали слова его товарища как какой-то магический жест всесильного волшебника. Николай в очередной раз поразился многогранности и эрудированности Ильи. Силе его убеждения и какой-то монументальной харизме.

— Мы ведь сейчас все по одну сторону, — пробормотал, наконец, один из заключенных.

— Это сейчас. А когда выйдем из этого царства тьмы? Что будет потом?

Снова молчание. Затем другой голос:

— Потом, даст бог, видно будет. А пока мы с тобой. Так? — пленник оглядел сокамерников.

Те утвердительно закивали головами.

— Мы с тобой брат.

— Да будет так, — вздохнул Людоед, — Но зарубите себе на носах. Если начнете дурить и выяснять отношение, я патронов жалеть не буду. И даже если вы все как один, в едином порыве, накиньтесь на меня или моего товарища, то вам меня не одолеть. А будем действовать грамотно, значит выйдем отсюда живыми. Коля, погляди у твоего жмурика ключи в карманах.

Васнецов обыскал труп Шалого и нашел связку ключей. Затем принялся открывать клетки одну за другой. Освобождая пленников, он слышал, как они перешептывались.

— Откуда они взялись?…

— Чудеса какие-то…

— Да он же мессия!..

Людоед приветствовал каждого вышедшего из клетки рукопожатием.

— Так, братья. С освобождением пока поздравлять не буду. Нам надо из этого подземелья еще выбраться. Пройдите туда, — он указал рукой в сторону, откуда они с Николаем пришли. — Там на полу мы сложили теплую одежду и оружие черновиков, которых замочили по дороге сюда. Берите, одевайте, и пощекочем этим уродам нервы.

Без лишних слов узники направились за одеждой и оружием. Людоед светил фонарем в их сторону, давая им возможность лучше сориентироваться в темноте и быстрее одеться.

— Илья, один из них тебя мессией назвал, — тихо произнес Николай, подойдя к товарищу.

— Вот тебе раз, — хмыкнул Крест, — Только в наше чудное лихое время такого монстра как я могут за полубога принять.

— Ты их околдовал что ли? Гипнозом прошелся?

— Зачем именно так? Иногда достаточно силой разума взывать к разуму. Тоже, бывает, помогает. Правда надолго ли?

— Так мы теперь все черновое отродье вырежем, Илья.

— Остынь, блаженный. До сих пор для нас была легкая прогулка по этому метро по той простой причине, что мы шли через малообитаемые помещения с той стороны, откуда враг прийти, по их мнению, не мог. Дальше будет очень трудно. И нам тут геноцид устраивать времени нет. Нам нужны БАТы. Нам надо к самолету. Нам нужен ХАРП. Помнишь?

— Конечно. — Николай вздохнул, — Может стоить и дальше убедить их в том, что ты мессия?

— А зачем, Коля? — Крест усмехнулся, — Да и какой из меня мессия? Я же не умею превращать воду в вино. — Затем он тихо засмеялся, потирая пальцем кончик носа, — Хотя с другой стороны, всякое дерьмо в напалм превратить, могу запросто. Может и мессия, сообразный нынешнему времени.

— Богохульник ты, — пошутил Васнецов.

— Ну, думаю, за это Бог простит. А вот за многое другое… А вообще, у меня есть стойкое чувство, что мессия, это ты, если серьезно.

— Я? — Николай удивился, — Это почему?

— Да потому что Бог тебя на руках носит. Вытаскивает тебя или моими, или Варяга руками, а то и сам. Значит, ты ему нужен.

— На кой?

— Ну, брат, пути господни неисповедимы, — улыбнулся Крест.

— Да какой из меня мессия? У меня же дури в голове всякой…

Людоед уставился на Васнецова и произнес:

— Брат. У тебя дури в голове, как дерьма на свиноферме. Но одно то уже, что ты это стал осознавать, дает призрачную надежду на то, что из тебя выйдет толк.

Николай задумался над словами товарища, вспоминая весь пройденный путь и те ситуации, в которые он попадал. Только сейчас он отчетливо стал осознавать, что во множестве случаев он оставался невредим благодаря какому-то чудесному вмешательству. Хотя, это может быть лишь, кажется после убедительных слов Ильи.

— Может ты и прав. Может и мессия. — Вздохнул Николай, глядя на возвращающихся уже с оружием и теплой одеждой узников, — Только вот про дерьмо на свиноферме это ты слишком…

— Слишком мягко, — кивнул Людоед.

49. АД УЖЕ ЗДЕСЬ

На хорошо освещенном перроне станции 1905 года царило оживление. Старые эскалаторы давно оббили досками, поскольку они уже не могли выдерживать движения людей. Теперь по скрипучим деревянным ступенькам торопливо спускались исхудалые бледные рабы с характерными клеймами на лбу. РАБ. Невольники тащили из приехавших после ночного рейда бронемашин трофеи и тела убитых врагов чернового движения, которые могли сгодиться в пищу тем, кто не брезговал человечиной, и для других нужд. За спинами рабов свистели сплетенные из человеческой кожи хлысты свирепых погонщиков.

— Живее свиньи! Живее! На корм собака пустим! — орали рабовладельцы.

На перроне столпилась бодрствующая ночью смена охраны станции. Им было любопытно, какие вести принесли вернувшиеся из рейда боевики.

Сверху, на ступеньках эскалатора, показался здоровенный черновик с окладистой седой бородой, которую стало видно, когда он стянул с мясистого лица респиратор. Вид у него был усталый. Он неторопливо спускался, замыкая процессию рабов и погонщиков, нарочито небрежно болтая в руке американский автомат М4.

Сама станция была отделена от остальных подземных помещений двумя стенами. За одной был питомник, где держали свиней и кроликов. Дальше была тюрьма и складские помещения с лабораторией. За другой стеной был личный вагон Якова Чернова, превращенный в бронированный дом. Жилища элитных черновиков, их семей и коморки их рабов. Оранжереи, где выращивали то, что могло вырасти в условиях подземелья.

Яков Чернов, тридцативосьмилетний главарь местной общины черновиков с угловатым худым лицом, впалыми темными глазницами и тонкими черными усиками над вздернутой губой, вышел из своего логова в сопровождении четверых охранников. Увидев одного из лучших своих полководцев, он снял с ладоней рукавицы и заткнул их за портупею.

— Вепрь, золотце, вернулся, — развел он руками и зевнул, приветствуя здоровяка с американским автоматом.

Вепрь подошел к нему, и позволил себя по-отечески обнять главарю который был гораздо моложе его самого.

— Привет босс, — устало, но громко выдохнул он низким хриплым басом.

— Ну, рассказывай. Что там?

— Весь город на ушах стоит. Много отребья мы побили. Счету нет. Даже все трупы собрать не смогли. Несколько убежищ полностью выжгли. Но улов хороший. Правда, я видел там, в городе, кое-что.

— Что именно? — Чернов посмотрел на него сонными глазами.

— Следы. Следы особого вездехода. Яша, в городе рейдеры.

Чернов задумался, потом мотнул головой и нервно усмехнулся.

— Херня все это. Нет никаких рейдеров. Неужто ты в эти байки веришь?

— Но что это за следы? В легендах об этих монстрах именно такие следы и описываются.

— Ну, мало ли что. — Чернов пожал плечами. — Танк какой-нибудь. Вездеход.

— Я же знаю, какие у чего следы. Нет. Это другое. Очень широкие гусеницы.

— А помнишь у краснoперых когда-то был вездеход. «Витязь» или как он там назывался. Ну, мы их еще на фугасе подорвали. Помнишь? Там тоже широкие гусеницы.

— Ну, хрен его знает, — махнул рукой Вепрь, — Но мне это все равно не нравится.

— Да будет тебе. А потери у нас есть?

— Как же без потерь, — Вепрь невесело усмехнулся, — Двенадцать парней наших убито. Еще патруль Свирепого пропал. Но я думаю, что они живы. Застряли, может, где на окраине. У нас подбили один броневик. Но так. Мелочь. Ступицу с колесом выбило. Починить можно. Но мы его на месте оставили. Я там оставил отряд на охранении. Это недалеко. У драмтеатра. Думаю сейчас взять БАТ, заправить свои коробочки и махнуть за машиной. Заодно Свирепого поищем. Ты не против?

— Нет, — Чернов мотнул головой. — Я не против. А какой улов?

— Тридцать пять ублюдков в плен взяли. Девять из них бабы. И вот еще… — здоровяк опустил взгляд и нервно почесал бороду. — Борька Чахотка убит.

— Что?! — Яков вытаращил на Вепря свои желтые, болезненные глаза. — Как?!

— Один ублюдок его в спину расстрелял из автомата. Как падла. Прямо в спину. Но мы тварь эту взяли живым. Я ведь знаю что ты с Чахоткой еще со школы корешился. Ну вот…

Наверху, наконец, показались еще люди. Избитые и некоторые с огнестрельными ранами пленные, чьи руки были связаны веревками и ремнями из все той же человеческой кожи

на запястьях, спотыкались и падали от обильных пинков и ударов прикладами оружия, которые безжалостно сыпали на них озлобленные и перевозбужденные бойцы Вепря.

Пленники покатились по ступенькам вниз. Один из них свернул себе шею. Женщин вели отдельно. На тех из них, что были помоложе, была разорвана одежда. Видимо по дороге в свое логово, черновики уже успели над ними надругаться.

— Так, баб в стойло сразу уводите! — крикнул встречавшим на перроне охранникам Чернов. — А этих мразей построить тут.

Женщины кричали, плакали, отбивались. Гогочущие боевики погнали их в недра своего логова, хлопая руками по ягодицам и иногда раздавая пинки. Пленных мужчин выстроили в одну шеренгу. На худом жилистом лице Чернова заиграли желваки. Он вперил кулаки в бока и стал медленно расхаживать.

— Ну что, чмошники, добро пожаловать к черновикам. Я есть Яков Чернов. Хозяин этого города. Вепрь, — он повернулся к своему полководцу. — Покажи мне эту гниду, что Борьку порешил.

Здоровяк подошел к строю пленных и врезал кулаком под дых одному из этих людей. Пленник упал. Это был высокий тридцатилетний крепыш с взъерошенными светлыми волосами и сильно избытым лицом. Он скорчился на полу, хватая ртом воздух.

Чернов склонился над ним.

— Ты, ублюдок, знаешь, кого ты убил подло в спину? — зарычал главарь черновиков. — Он мне как брат был.

— Жаль что он не был твоей мамой, — простонал пленник.

— Ах ты сука, — Чернов нанес ему удар ногой в живот. — Смелый, да? Нука поднимите это мясо!

Охранники схватили пленника и поставили перед главарем.

— Смелый значит, да? Кусок дерьма!

— Очень… очень приятно познакомиться. — Простонал пленник. — Я, Славик Сквернослов. Я очень рад встрече с тобой, кусок дерьма. Потому что могу тебе от всей души и прямо… прямо в глаза сказать… чтоб ты шел нахер. Понял?…

Вепрь ударил его по лицу и обратился к Чернову.

— Давай я ему голову отрежу? Он своей словесной дристней нас еще в дороге притомил сильно.

— Убери этого скота в сторонку, — мотнул головой Яков, — За Борьку Чахотку, это для него будет слишком легким выходом. Я после подумаю, как с ним расправится. Он, сука, медленно умирать будет. Я этой гниде на брюхо крысу посажу, сверху ведро поставлю, и буду греть это ведро паяльной лампой. Он сука узнает, с кем связался. Убери его в сторону.

— Оставьте парня. Он вообще не при делах. — Подал голос, стоявший среди пленников Варяг Яхонтов. — Недоразумение вышло. Это я твоего кореша грохнул.

Чернов усмехнулся и подошел к Варягу.

— Хочешь выгородить свою подружку? А? Вепрь. Вепрь, что скажешь?

— Врет. Я сам видел, как тот ублюдок полрожка в Борьку всадил.

— Врет, значит? Ну, врежь ему, раз врет.

Вепрь нанес Варягу удар лбом по переносице. Яхонтов упал, но стоявший рядом Демидов подхватил его руками.

— Короче, ублюдки рода человеческого, — стал громко говорить Чернов, — Вы почти все умрете. И прямо сейчас. Но! Те из вас, кто хочет присоединиться к нашему черновому движению, могут это сделать. И тогда вы сохраните себе жизнь. Однако вы должны пройти крещение кровью. Те из вас, кто захочет присоединиться к нам, должны будут прямо сейчас расстрелять остальных. И того мы примем на испытательный срок. Кто этот срок не пройдет, тот умрет или станет нашим рабом. Итак! Кто из вас, свиньи, хочет стать членом великого чернового братства?!

Наступила тишина. Наконец один из пленников, пугливо озираясь на собратьев по несчастью, медленно поднял связанные дрожащие руки.

— Я, — тихо сказал он.

— Шкура ты! — рявкнул стоявший рядом человек.

— Молчать! — истерично завопил Чернов. — Ты, выйди из строя, — обратился он к добровольцу. — Сейчас сможешь обидчику своему пулю в лоб пустить. Кто еще?

Строй ответил молчанием.

— Что, козлы, неужто больше никто жить не хочет? А?

Молча смотревший прямо перед собой Турпал мотнул головой и, вздохнув, произнес:

— Я, короче.

— Турпо, ты что охренел? — Егор Демидов уставился на него. — Как ты можешь?

— Я все равно чужаком всегда был среди вас, — устало ответил чеченец.

— Что за хрень ты несешь? Каким чужаком? Мы же с тобой последним куском делились! Мы же все как одна семья были!

— Я делаю то, что угодно Аллаху, — мотнул головой Турпал и вышел из строя.

— Сволочь ты! — крикнул в след ему Демидов.

— О, да у нас тут гордый горец! — усмехнулся Чернов, хлопая по плечу чеченца, — Правильный выбор, горец.

— Слышь, начальник, короче дай мне первому казнить, короче. Устал я. А то может, передумаю. Короче…

Главарь черновиков засмеялся.

— Ну ладно. Казни первым. Дайте ему пистолет. — Чернов отошел за спины своих охранников. Один из них протянул Турпалу пистолет ПМ. Турпо осмотрел его, затем вынул обойму и стал разглядывать.

— Ты что делаешь? — нахмурился стоявший рядом с пленниками Вепрь.

— Глупо выглядеть не хочу, короче. А то вы мне пустой железка дадите, я буду щелкать как баран. Зачем?

— Давай, не тяни, — резко отрезал Вепрь.

— Четыре патрона? Зачем четыре только?

— А тебе мешок, что ли надо? — продолжал говорить здоровяк. — Убьешь четверых. Тот тоже убьет четверых. Из оставшихся устроим бои на выживание. Кого-то отпустим, кому фишка ляжет, чтоб они про ваше крещение рассказали. А то вдруг слинять захотите. Ты, давай, не затягивай процедуру. Утомлять начинаешь.

— Ладно, — вздохнул Турпал, снаряжая пистолет и снимая его с предохранителя. — А руки развязать?

— Из пистолета стрелять можно и со связанными руками. Давай. Вали.

Он поднял пистолет и нацелился прямо на лицо Демидова.

— Прости Егор. Я делаю то, что угодно Аллаху. Аллахуакбарр!!! — он резко дернул руки в сторону и выстрели прямо в голову Вепрю.

Здоровяк только успел удивиться. И на его заливаемом кровью из дырки над переносицей лице, так и застыло недоумение. Он еще падал, когда черновики опомнились и открыли огонь из автоматов по Тупалу. Многие пули, минуя его, попадали в других пленников. Первым из пленников опомнился Варяг и нырнул к полу, подхватывая тушу мертвого Вепря и закрываясь его телом, схватился за свисающий с плеча бандита автомат М4. Многие пленники кинулись в стороны. Другие кинулись на черновиков, пытаясь схватить их связанными руками за глотки или выдавить им ко всем чертям глаза. Тот пленник, что первым решил примкнуть к бандитам, с криком «не стреляйте в меня!» бросился к черновикам, видимо надеясь, что для них он уже свой, но они и его встретили автоматными очередями.

Яков Чренов с перепуганным лицом, на полусогнутых ногах кинулся к дверям, за которыми было его убежище.

Тем временем Яхонтов сразил короткой очередью одного бандита и свалил тушу Вепря на лежащего на холодном полу

Сквернослова.

— Славик! Нож достань у него и освободи мне руки! Прячься за трупом!

Кто-то из пленников все-таки сумел завладеть оружием врага и поддержал Варяга огнем.

Егор получил две пули в плечо еще, когда бандиты расстреливали взбунтовавшегося Турпо. Он упал рядом с мертвым товарищем, который дал им всем, какой-никакой, но шанс, ценой своей жизни.

— Зачем ты так брат, — простонал он, глядя на изрешеченного пулями чеченца, — А я тебя не понял…

— Егор! Ползи к путям! Мужики спрыгивайте с перрона! — крикнул Яхонтов.

Среди черновиков царила неразбериха. Однако они продолжали планомерно расстреливать пленных, число которых стремительно угасало.

Сквернослов тем временем разрезал ножом Вепря веревку на руках у Яхонтова и у себя. Автомат Варяга опустел и он, прячась за трупом чернушного полководца, стал шарить в его разгрузочном жилете, в поисках боеприпасов. Славик тоже полез по карманам Вепря. Нащупав гранату он, не мешкая, метнул ее в сторону врага.

— Ах, мать твою! — взвизгнул один из черновиков, рядом с которым упала граната. Он бросился в сторону, но взрыв подбросил его и заставил перекувыркнуться в воздухе. С нашпигованными осколками ногами, задницей и частью спины, он рухнул прямо рядом со Сквернословым и стал орать от боли. Вячеслав протянул руки, схватил его за волосы и принялся бить его лицом об пол.

Варяг, наконец, нашел новый рожок и, снарядив им, автомат продолжил стрелять. Сверху, на эскалаторе, показались еще черновики.

— Ну, все Славик, — вздохнул Яхонтов, глядя на них. — Наша песня, кажется спета. Найдешь еще гранату, оставь нам. В плен к этим чернодарасам я больше не попаду. Надеюсь Коляну с Ильей повезло больше сегодня, и они все-таки дойдут до хренова ХАРПа.

Сзади, со стороны слабоосвещенной стены, расположенной с противоположной от резиденции Чернова стороны, раздался яростный вопль.

— Мочи уродов! Пленных не брать!

Варяг резко дернул стволом автомата в ту сторону, решив, что попал в тиски. Однако стрелять он не стал, поскольку увидел совсем не то, что ожидал. Из двери в стене высыпала группа

вооруженных людей, ведомых не кем-нибудь, а самим Людоедом. И рядом с ним, беспорядочно поливая черновиков длинными очередями из автомата, бежал Васнецов. Люди, которых вел Крест, подбадривали себя воинственными воплями, разнообразие которых вводило в недоумение:

— Слава России! Смерть врагам!

— За Веру Царя и Отечество!

— За Родину! За Сталина! Слава Коминтерну!

— Ассаламалекем, шайтановы дети! Аллахуакбар!

— Да здравствует национал-большевизм!

— Так, быстро, прикрыть отход к рельсам! Раненых утаскивайте! — Кричал Людоед.

Черновики, скопившиеся наверху, кинулись в атаку, сбегая по эскалаторам и ведя огонь. Однако с появлением отряда Людоеда сопротивление и отход к рельсам метро стали куда более организованными.

— Колян? — Сквернослов с удивлением уставился на подбежавшего к ним Васнецова. — Ты какого хрена тут делаешь?

— А какого хрена ты тут делаешь? — Васнецов был удивлен не меньше.

— О, брат, это долгая история.

— Ты в порядке?

— А по моей роже невидно, что по мне колонна танков проехалась? — Сквернослов усмехнулся.

— После потриндите! — рявкнул Варяг, — Быстро с перрона на рельсы! Я прикрою!

Николай потащил обессиленного побоями Сквернослова. Вскоре все обороняющиеся оказались на путях, прикрываемые площадкой перрона станции. Все, у кого было в руках оружие, заняли позиции и вели огонь по наступающим черновикам. На рельсах лежали стонущие раненные.

— Блаженный, не тормози, давай наш коктейль живо! — Крикнул Людоед.

Николай быстро сбросил с себя рюкзак и извлек из него одну из трех пластиковых пятилитровых бутылок со странной смесью внутри. Горловина бутылки была плотно закупорена полиэтиленовым свертком с пластитом, из которого торчал взрыватель от ручной гранаты. Людоед сильно взболтал бутылку и, выдернув кольцо взрывателя, метнул ее в сторону наступавших.

— Пригнуться! — заорал он.

Яркая вспышка озарила вместе с раздавшимся грохотом станцию. Раздались дикие крики пораженных самодельным напалмом черновиков. Свинцовые дробины от охотничьих

патронов, что добавил в смесь Илья, расплавились при взрыве и, разлетаясь в стороны, проникали глубоко в живую плоть неприятеля.

— Ништяк, — оскалился Крест, глядя на то, что сделала бутылка, — Отличный бульон мы с тобой, Колян, сварганили.

Взрывом поразило не меньше полутора десятков боевиков. Кто-то еще живой, бился объятый пламенем на полу станции. Остальные бандиты после такого отпора больше не спешили наступать и тоже заняли оборону. Тех из них, кто пытался метнуть гранату, отстреливали двое наиболее подготовленных стрелков Людоеда, которым он велел заниматься именно этим, не распаляя свое внимание на автоматчиков врага.

Сам Людоед стрелял одиночными из «Винтореза», точно поражая головы черновиков.

— Варяг, что с луноходом? — спросил он между выстрелами.

— В смысле?

— Ну, раз вы в плен попали, значит, до берлоги Демидова эти упыри добрались. А там машина наша. Я уже молчу про тот предмет, который в ней находится.

— Нет, — Яхонтов мотнул головой и дал короткую очередь. — Дозор Демидова, видя, что чернушники едут в сторону их обиталища, обстрелял бандитов и стал отходить дворами в другую сторону, уводя за собой. А мы выдвинулись на выручку. И попались. А черновики туда не попрели дальше. Недалеко кто-то еще стрелять начал. Там кстати мужики остались. Ну, Дракон этот китайский там. Я его попросил, если какое-то палево будет, чтоб он взорвал вход в гараж и завалил его, чтоб луноход никто не нашел.

— Ясно. Толково.

— Кстати, там, наверху, в вестибюле станции у них гараж оборудован. БАТы наши там. Оба. И бочки с топливом. Я видел, когда нас сюда вели.

— Это очень хорошо…

— Колян, Колян, — позвал прислонившийся к стенке платформы Сквернослов.

— Чего?

— Урод этот, Чернов, туда побежал. Может если взять его в заложники, то мы отсюда выйдем.

— Я понял тебя! — Возбужденный боем Николай выхватил очередную бутылку с самодельным напалмом из рюкзака и кинулся к той двери.

— Куда, куда, придурок! — заорал Варяг.

— Я вырежу ему печень и съем! — раздался ответный вопль Васнецова.

— Принеси мне его сердце! Я тоже его съем! — смеясь, крикнул вдогонку Крест.

Сквернослов хлопнул себя ладонью по лбу и вздохнул:

— Долбанные морлоки…

— Илья, что за бодяга?! — воскликнул Яхонтов, — Он же там пропадет.

— Этот?! — Крест продолжал смеяться, — Черта с два он пропадет. Заговоренный он, да ломом подпоясанный.

— Я не шучу, черт тебя дери!

— Да ладно, сейчас еще пару чайников прострелю и пойду за ним.

***

Находящийся в боковом помещении туннеля, рядом со своим вагоном, Яков Чернов дрожащей рукой схватился за микрофон старой полевой рации, антенна которой выходила на поверхность по трубам старых кабельтрасс метро.

— Ведьмак! Ведьмак! Ответь! Ведьмак! Как слышно меня, прием! Срочно ответь! — проверещал объятый ужасом Чернов.

Рация зашипела. Послышался строгий и недовольный голос:

— А что, б… позывной свой называть не надо, на…? А б…?

— Ведьмак, я Башка! Срочно Льва Чернова позови, мать твою!

— Ты обурел б…? Базар фильтруй. Чего ради я босса будить буду, на…?

— С тобой Яков говорит, парашник хренов! Яков Чернов! Позови брата к рации, падла!

— А, — протянул голос, — Ну жди.

— Быстрее, сука!

Со стороны вагона послышали выстрелы. Затем крики.

Рука Чернова держащая микрофон рации дрожала. Дрожала и его челюсть. Второй рукой он выдернул торчащие за портупейным ремнем рукавицы и стал запихивать одну из них в рот, яростно при этом жуя.

Со стороны вагона раздался взрыв и в проеме, ведущем в тоннель, сверкнула яркая вспышка. Затем крики людей.

В рации послышался треск. Затем недовольный строгий голос.

— Лев Чернов на проводе.

Яков судорожно забубнил что-то в ответ, забыв вынуть изо рта рукавицу.

— Что за херня? — раздраженно рявкнул Лев.

Выдернув, наконец, варежку, младший Чернов заголосил:

— Лева! Это Яшка, твой младший брат!

— Я в курсе, что Яшка мой младший брат. Какого хрена тебе надо среди ночи. Я спал, между прочим.

— Брат, помоги! На нас напали! Их тьма!

— Кто напал на вас? — в голосе все еще было недовольство от прерванного сна.

— Я не знаю… это… это… это рейдеры! Вепрь сказал, что рейдеры в городе! Они Вепря убили!

— Вы там что, придурки, грибов опять обожрались? Или пьяные в стельку? Какие нахрен еще рейдеры?

— Ничего мы не обожрались, мать твою!!! — истерично завопил Яков.

— Это, между прочим, и твоя мать тоже, сучонок. Ты хотел самостоятельности? Хотел от меня не зависеть? Хотел вотчину свою? Я тебе все это дал. Так какого хрена ты от меня теперь хочешь?

— Брат! Ну, ты же, сука, брат! У меня большая часть бойцов в городе на зачистке! Помоги! Пришли помощь!..

В вагоне раздавались одиночные выстрелы на добивание раненных…

— Ты, что не слышишь?! Нас мочат!

— Ладно, дебил, сейчас вышлю помощь. Только не ради тебя, козел. А ради пацанов, которых ты своим дерьмовым руководством подставил. Жди…

В тоннеле воцарилась тишина. Слышен был лишь бой, продолжающийся на станции. И слышно было, как кто-то тяжело дышит у входа в это помещение. Кто-то кто слышал, наверное, и его разговор с братом.

Яков Чернов осмотрел комнату и понял, что в панике забыл свое оружие. Он сжал колени, пытаясь унять страстное желание описаться, и снова запихал в рот рукавицу, медленно пятясь при этом к стене. В помещение, наконец, вошел молодой человек, с почерневшим от копоти взрыва самодельного напалма лицом.

Николай Васнецов направил на Чернова автомат.

— Не грызи варежку, ушлепок. Она еще живым пригодиться.

Яков раскрыл рот и рукавицы выпала.

— Пацан. Не убивай меня, пожалуйста, — сквозь слезы прошептал главарь.

Николай покачал головой.

— А я-то думал, что за черновики такие, ужас на весь Екатеринбург наводят. Что за сила такая. Что за монстр ими руководит. А ты оказывается не монстр никакой. Просто высерок.

— Я… Я виноват… Я знаю. Но я исправлюсь. Проси чего хочешь.

— Я хочу, чтоб ты подох.

— Не надо. Ну не надо, пацан. Я рабом твоим буду…

Васнецов поморщился.

— В твоей поганой голове не возникло даже мысли, что надо быть человеком. Даже сейчас ты готов стать рабом, но не человеком.

— Я буду! — Чернов встал на колени, — Я буду человеком! Только не убивай!

— У тебя был шанс. Бог дал тебе шанс стать человеком, когда ты родился. Но ты им не стал. Второго шанса не будет. — Николай нажал на курок и выстрелил главарю бандитов в грудь. Затем в голову. После этого, Васнецов взял в руку микрофон рации.

— Кто меня слышит, прием.

Рация снова зашипела.

— С кем я говорю, — послышался голос старшего Чернова.

— Это Лев? Лев Чернов?

— С кем я говорю, мать твою?

— Слушай урод, я Николай Васнецов, и я только что прострелил башку твоему тупому брательнику.

Рация ответила тишиной. Лишь спустя минуту старший Чернов ответил:

— Я повешу тебя на твоих же кишках, мразь. Я отрежу головы всем кто тебе дорог…

— Захлебнешься, пыль глотать, — усмехнулся Николай и, отбросив микрофон, ударил прикладом автомата по рации. Он уже выходил их помещения, когда услышал странный голос:

— Какая удивительная у вас карма, молодой человек.

Николай вскинул оружие и развернулся. В комнате никого не было. Только запертая глухая железная дверь, ведущая в еще одно помещение. Васнецов, держа оружие наготове, одной рукой опрокинул стол, на котором стояла рация. Оказывается, все это время под столом прятался жутковатого вида лысый старик с покрытым давно зарубцевавшимися язвами лысым черепом. Он медленно простер вперед худущие руки с кривыми, скрюченными и очень длинными пальцами, и поднял безобразное щербатое лицо. Глазные яблоки его были совершенно белы.

— Ты еще кто?

— Я? Только не вздумайте меня убивать, молодой человек. — Старик улыбнулся страшной беззубой гримасой.

— Это почему? Мне патронов не жалко. А тебе и одного удара прикладом хватит.

— Не пытайтесь казаться страшным. Я чувствую вашу карму. Вы… не головорез. Вы блаженный…

Васнецов испуганно отшатнулся.

— Ты кто такой, черт возьми?

— Я оператор пси-излучателя. Меня нельзя убивать. Больше никто с этим излучателем обращаться не умеет. Он там, в соседней комнате. Без меня, он не будет нормально работать. А без него, в город вернутся крысы. Огромные, чумные крысы.

— Как же ты с ним обращаешься, если ты слепой?

— Так на ощупь. За столько-то лет я научился видеть ушами, руками, своим биополем… Меня ослепило в первый же день первой же ядерной вспышкой в этом городе.

— А какого черта ты служишь черновикам?

— Ну, так излучатель-то у них. И, юноша, я им не служу. Я служу великому пси-полю! Я служу вселенскому разуму. — Он развел руками и запрокинул голову. — Люди для него, менее заметны, чем для людей вши. Люди ничто. Если нет разума. Но высший разум вечен.

— Что за бред? — поморщился Васнецов.

Старик вдруг резко вытянул руку в его сторону и произнес:

— Опасайся ведьму!

— Какую еще ведьму?

Получив удар ногой в спину, Николай пролетел вперед, роняя оружие и, ударившись о стену, упал.

— Меньше болтай, старый идиот, — огрызнулась ударившая Николая женщина, облаченная в серый камуфляж. Она достала из ножен прикрепленных ремнями к бедру внушительный тесак. — А тебя щенок, я сейчас потрошить буду!

Николай посмотрел в ее сторону и засмеялся.

— Это ты что ли ведьма?

— Что смешного, недомерок? Я ведьма!

— Тук-тук, ведьма! — раздался за ее спинок голос Людоеда, — Инквизитор пришел!

Она обернулась и увидела перед своим лицом огромный ствол дробовика, выстрел которого тут же снес ей практически всю голову.

— Твою мать! — Васнецов презрительно стал стряхивать с себя то, чем забрызгал его этот роковой для ведьмы выстрел.

— Глянь, блаженный, какой штуковиной разжился! — Воскликнул Людоед, — СПАС-12. Это мать его ручная гаубица!

— Я же говорил, что вы блаженный, — прокряхтел, улыбаясь, старик.

— Это еще что за чудо-юдо?

— Чокнутый какой-то, — пожал плечами Николай, вставая и поднимая свой автомат.

Старик подполз на карачках к Людоеду и схватил его за

сапог.

— Эй! — рявкнул Крест, — Охренел что ли? — Он сделал шаг назад.

— У вас тоже, молодой человек, удивительная карма. Я прямо чувствую. Сила нечеловеческая. Только есть у вас Ахиллесова пята, — он улыбнулся, — Бойтесь женщину! Только женщина способна вас погубить!

— Иди в это самое, старый, — хмыкнул Крест, затем обратился к Николаю, — Может грохнуть его?

— Не надо, — махнул рукой Васнецов, — Он не опасен для нас. Это он за генератором чудес следит. Убьем его и крысы вернуться в город.

— Да-да, — кивнул старик, — А это плохо не только для черновиков. Для всех плохо. Когда я их прогнал, они сбились в огромную стаю. И такой стаей и вернуться. Эх, — он вздохнул, — Что-то тут стало многолюдно в плане трупов. Пойду я отсюда.

Старик пополз к железной двери и, уткнувшись в нее лбом, чертыхнулся.

— Вечно забываю, — пробормотал он, нащупывая в кармане своего белого халата ключи. — Вы, молодые люди, поторопитесь. База Льва Чернова тут недалеко. Они занимают комплекс бункеров под бывшим штабом округа. Это совсем недалеко. Они скоро тут будут. — Он нащупал дверной замок и, вставив в него ключ, открыл его. Затем толкнув дверь обернулся и, уставившись на Николая своими слепыми глазами, снова показал безобразную улыбку и кивая проговорил, — Ад уже здесь… Поторопитесь… Вам надо выжить. Надеюсь, вы его взорвете. Он очень мешает вселенскому разуму.

— Кого взорвем? Кто мешает? — Недоумевающим тоном спросил Васнецов.

Старик заполз в темное помещение и оттуда донесся его голос.

— ХАРП конечно, кто же еще, — и он захлопнул за собой дверь.

Нечасто посещающее Людоеда удивление застыло на его лице, когда он уставился на Васнецова.

— Что это за хрен? — спросил он.

Николай лишь пожал в ответ плечами.

В помещение вбежал один из освобожденных ими пленников.

— Вот вы где. — Запыхавшись проговорил он. — На перроне вроде чисто. Что тут?

— Ублюдки заперлись дальше в туннеле. Боятся нос высунуть. Не пойму, как эти идиоты весь город столько времени в страхе держали. Или вы такие дурни, что не могли одолеть их?

— Ну что, выкурим их? — спросил боец, пропустив мимо ушей обидную фразу.

— Там рабы и женщины с ними. Погубим их. Да и сил у нас мало.

— Так неужели мы им женщин оставим и не освободим их?

— Сколько нас человек? — Нахмурился Людоед, — И то половина раненых. Сами поляжем тут и их не спасем. Сейчас ловушка захлопнется. Банда старшего Чернова сюда идет. Ловушка захлопнется и все.

— Так что делать?

— Сейчас надо быстро уходить и поднимать весь город.

***

Над Екатеринбургом занялся мрачный серый рассвет. Десяток бронемашин и несколько танков, в сопровождении нескольких сотен пеших черновиков тянулись к станции метро «1905 года». Двигались они по бывшему проспекту Ленина от комплекса штаба округа.

— Весело, — совсем невесело пробормотал Людоед, глядя в бинокль. Они расположились на массивном холме, образованном развалинами здания городской администрации. — Так, Варяг. Всех раненных грузите на БАТы и валите в логово Демидова.

— А ты? — Яхонтов уставился на Илью.

— Я попробую связать их боем и немного задержать.

— Ты в своем уме?! Глянь сколько их!

— Да вижу я, чего орешь. Гранатометы есть. Пару танков спалить точно успею.

— Один?!

— Ну, если кто в подмогу останется, я не откажусь. Но ты с раненными без вариантов уходишь и уводишь машины. Больше пилотов, способных водить самолет я не знаю.

— Я тоже останусь, — Заявил Николай.

Людоед взглянул на него и усмехнулся.

— В твоей дурости, блаженный, я не сомневался.

— Мы тоже останемся, — один за другим подали голос пленники, которых выпустили из клеток Васнецов и Крест.

— А кто группировки ваши поднимет? Кто кличь, по городу пустит? — Илья недовольно посмотрел на них. Он еще что-то хотел сказать, но в этот момент под его шинелью раздался треск и шипение. Людоед извлек из внутреннего кармана портативную рацию, которую получил от рейдеров в Аркаиме.

— Эй, Ахиллес, ты еще жив? — послышался голос.

— Жив, всем чертям назло. А с кем имею честь общаться?

— Не узнал что ли? — голос засмеялся, — Это Дитрих.

— Дитрих? Не скажу, что рад тебя слышать. Как там ваши печенья? Как крыса поживает?

— Все издеваешься? Ты лучше скажи, это твои люди на развалинах администрации города прячутся?

— Если эта гора, развалины администрации города, то мои. А что?

— А я вас вижу. — Засмеялся Дитрих.

Людоед осмотрелся.

— Ты где вообще?

— В Екатеринбурге конечно, где же еще. Доставку пиццы и локального ада заказывал?

— Если честно, то нет. Что ты вообще в городе делаешь? Тут постреливают. А для ваших утонченных натур это опасно.

— Иди ты к лешему, Ахиллес. — Судя по голосу, Дитрих не обижался, — Кончай язвить. Уводи срочно людей за развалины и прячьтесь. Сейчас такой фейерверк будет, закачаешься.

Крест снова осмотрелся и, вытянув руку в сторону соседней горы обломков, спросил у местных.

— Что там было?

— Театр эстрады вроде, — ответили ему.

— Быстро все туда! Живо! — скомандовал он и снова обратился к рации, — С чего такая суета, Дитрих?

— Так эта толпа не по вашу душу тянется разве? Мы по радиоперехвату слышали, что сын майора Васнецова грохнул одного из лидеров черновиков, о чем сразу сообщил по рации его брату. Тот теперь намерен выпотрошить все живое в городе. Мы их малость успокоим сейчас. О… Я смотрю, вы БАТы вернули? Молодцы! Я же говорил, что вы и без нас справитесь!

— Да, но без вас скучно было.

— Теперь скучать не придется.

— Сколько вас в городе?

— Очень много. Совет санкционировал спецоперацию. Мы с ними связались еще, когда от Ганиной ямы ехали. Пристыдили вы нас шибко. Из Аркаима нам навстречу вышла колонна и вот мы здесь. Крыса все равно подохла. Еще поймаем. Не беда.

— Прям день чудес сегодня какой-то, — хмыкнул Людоед. — У меня раненных много. Поможешь?

— Помогу. Через пару минут запустим зеленую ракету. Грузи раненных на БАТы и пусть везут в сторону ракеты. Мы встретим. А сейчас хавайтесь по норам. Будет жарко.

Крест посмотрел в сторону быстро удаляющихся людей и двух инженерных машин, двигающихся к укрытию, которое он им

указал. Затем еще раз взглянул в бинокль в сторону надвигающейся армады черновиков.

— Дитрих, ты памятник видишь?

— Какой памятник?

— Отцам основателям. Татищеву и Де Генину.

— А. Бивес и Батхед, как его тут называют. Да. Вижу. А что?

— Не зацепите. Он после ядерных ударов устоял. Так вы не сломайте.

— Вот чудак. Тут жизни человеческие в опасности, а он за памятник беспокоится.

— Это история этих самых человеческих жизней. Не будь ты варваром. Сохрани достояние.

— Хорошо. Попробую. Конец связи.

Людоед вздохнул и посмотрел на Васнецова, который не ушел вместе со всеми.

— Меня ждешь, блаженный? — подмигнув, спросил он, — Ну пошли.

***

Росло напряжение, как и гул приближающейся техники врага. Всему этому подпевал заунывным воем поднявшийся ветер, резво шныряющий между руин Екатеринбурга и безжалостно гоняющий снежную паль. Люди притаились в укрытии, прислушиваясь к шуму моторов. Позади раздался звук рассекающей холодный воздух осветительной ракеты. Крест посмотрел в ее сторону.

— Варя, вот туда раненых сейчас повезешь. Рейдеры встретят.

— Хорошо, — Яхонтов кивнул.

Послышался еще один звук. Точнее не один. Это был словно хор огромных плотоядных чудовищ, расположившихся где-то совсем далеко и возвещающих о приближающейся для кого-то смерти. Эхо этого воя разнеслось над городом.

— Что это было? — пробормотал Сквернослов, — Коля, ты слышал?

— Да это все слышали, — тихо ответил Васнецов, напряженно вслушивающийся во все, что мог уловить его слух. И он уловил быстро приближающийся с неба шорох, — Что это было, в само деле?

— Я, кажется, узнаю этот звук, — улыбнулся Варяг. — Это…

Земля содрогнулась, передавая вибрацию руинам зданий, заставляя многие обломки сдвинуться с места. Яркая вспышка озарила серость лишенного солнца рассвета и над развалинами бывшей администрации города восстала стена бушующего моря

огня. Тучи плотного пламени бурлили, обдавая спрятавшихся людей волнами тепла. Они снова и снова поднимались над замершими руинами, в считанные секунды, испаряя вокруг лед, снег и попавших в зону поражения черновиков.

— Ад уже здесь… — пробормотал Николай, глядя на завораживающее буйство рукотворной стихии огня.

Сквернослов схватил Людоеда за рукав.

— Илья! Это что? Они что, атомную бомбу кинули? — взволнованно и быстро заговорил Вячеслав.

— Успокойся. Была бы это атомная бомба, мы бы с тобой сейчас без самолета на Аляску летели.

Огненный ураган утих через несколько минут, и над местом поражения занялись клубы дыма пожарища.

— Ахиллес, вы там как? Целы? — Снова заговорил голос Дитриха в рации.

— Целы, — ответил Илья.

— А вот черновики не очень. Накрыло их капитально. Кстати, памятник в зону поражения не попал. Можешь быть доволен.

— Я доволен. Что это было?

— Буратино, — послышался ответ рейдера.

— Буратино? А чебурашки у вас нету? — усмехнулся Крест.

— Блин, Ахиллес, ну ты же военный человек. Ты ведь должен знать, что такое тяжелая огнеметная система ТОС «Буратино».

— Да знаю я, — засмеялся Людоед, — Спасибо тебе, Дитрих. Уважил.

— С тебя причитается.

— Буратино, — Варяг кивнул, — Вот именно это я и хотел сказать.

50. ПТИЦА

Дым еще клубился, стелясь над оплавленным камнем и стерилизованным огнем грунтом, освобожденным ото льда и снега. Бронетехника неприятеля, попавшая под удар огнеметной системы, была изувечена до неузнаваемости. О том чтобы найти останки людей, на которых обрушился весь этот ад, не могло быть и речи. Новый день для Екатеринбурга стал совсем новый. Если вчера черновики вели охоту на людей, среди руин давно разрушенного города, то теперь все разрозненные еще день назад группировки и малые общины прочесывали Екатеринбург в поисках деморализованных черновиков. Всюду были слышны выстрелы. Одиночные. Короткие очереди. Иногда перестрелки. Новый день стал последним для черновиков. И всего-то надо было, чтобы между людьми прекратились распри и тогда оковы спадут, и тирании беспринципных чудовищ в человеческом обличии придет конец.

Сидевший на крыше БАТа Николай поежился от холода и пересел поближе к двигателю. Обе машины ехали вслед за луноходом по занесенным снегом улицам города.

— Правильно Славик сказал, — усмехнулся Васнецов, — Трепещите люди. В город пришел Людоед.

— Ты о чем? — Крест полулежал рядом и смотрел на развалины, как всегда, готовый к любым неожиданностям.

— Я о том, что достаточно было тебе появиться в этом Катином городе, как все тут изменилось.

— Так сложились обстоятельства. Я тут не причем, — Илья пожал плечами.

— Да ладно скромничать-то.

— Ты лучше вот что скажи, Коля. О чем ты думал, когда замочив Чернова младшего, тут же напел об этом старшему по рации? — Людоед взглянул на Николая.

— Да ни о чем. Просто эмоции… А что не так?

— Дело в том, что если бы ты этого не сделал, то Чернов старший действовал бы по-другому.

— А как бы он действовал?

— Ну, во-первых, он не отправил бы такую толпу на выручку. И сам бы не пошел, в надежде схватить убийцу своего брата. А вышло так, что он поднял огромную армию и сам ее возглавил. И технику потащил. В итоге их всех накрыло залпом «Буратино».

— То есть я поступил правильно?

— Да нет, блаженный. Ты поступил как всегда по-идиотски. Просто как всегда это обернулось везением для нас. Н-да.

Удивительная карма, — Людоед снова уставился на руины. — Что думаешь о том слепом старике?

— Да я не знаю. Странный сумасшедший старик. Жаль его.

— А ты в курсе, что после того как рейдеры вычистили ту станцию метро, то никаких следов этого немощного там не нашли?

От этой новости, Николай почувствовал еще больший холод.

— А генератор? Генератор чудес? — спросил он взволнованно.

— Его тоже. Кабель нашли в подземке, а генератора нет. И, разве ты не чувствуешь что тот странный зов пропал?

— Но так ведь и крысы вернуться.

— Не знаю, Коля. — Людоед пожал плечами.

Колонна обогнула большое полуразрушенное здание. Взору предстали компактно лежащие на окрашенном в кровавый цвет снегу растерзанные тела.

— Что тут было? — поморщился Васнецов.

— Похоже, собаками их затравили. И кажется это трупы черновиков. — Крест нахмурился.

У соседнего здания, группа вооруженных людей ставила к стенке два десятка пленных.

— Какого черта, — пробормотал Николай.

— Эй! — Людоед поздно спохватился. Васнецов уже спрыгнул на ходу с машины в снег и бросился к людям. — Черт тебя подери…

— Стойте! Прекратите! — Орал Николай, проваливаясь по колено в снег. — Остановитесь!

Вооруженные люди, облаченные в какие-то лохмотья, обернулись.

— Тебе чего пацан? — Спросил один из них, направив на него охотничье ружье вертикалку.

— Вы что делаете?!

— А ты не видишь что ли? Кончаем этих чернушных ублюдков. Все! Баста! Кончилось их время! Свобода! — Люди подхватили этот эйфорийный крик и стали свистеть и улюлюкать. Только пленные пугливо жались к стене и непонимающими глазами смотрели на Николая.

— Но так ведь нельзя! Они пленные! Они без оружия! Все! Вы победили! — Васнецов старался перекричать этих людей.

Сзади захрустел снег. Васнецов обернулся и взглянул на подошедшего Людоеда. Тот спокойно встал в сторонке и, скрестив руки на груди, молча, взглянул на него, давая этим взглядом понять, что Николаю нечего ждать от него поддержку, а следует действовать своими умом и рассчитывать лишь на себя.

— А ты кто вообще такой? — Человек с вертикалкой нахмурился. — Тебе чего надо вообще?

— Я Николай Васнецов! — он нахмурился в ответ и сделал шаг вперед.

Другой из расстрельной команды, схватил первого за рукав и, тихо пробормотал:

— Это же те двое, что резню устроили и Черновых кончили.

— Вот как? — первый чуть успокоился и опустил оружие. — А чего кипишите? Чего падаль эту жалеете?

— Да просто не по-людски это, — развел руками Николай.

— А они по-людски поступали?! — воскликнул второй.

— Да, но то они. А вы их заменить решили?

— А ты что предлагаешь, блин? Амнистию объявить выродкам? Кормить их еще задарма? Или отпустить их на все четыре стороны, чтобы они новую банду сколотили и устроили нам реванш? А?!

— Нет но…

— Ну, вот и все!

— Слышь, земляк, — подал голос Людоед. Говорил он тихо, но тоном нетерпящим возражений. — Посмотри вокруг. Работы море. Океан работы. Каждая пара рук, это бесценный дар. Пусть трудятся на благо общества и трудом искупают свою вину перед вами всеми. Как тебе такой вариант?

Люди задумались. Второй снова дернул первого за рукав.

— Слушай, а неплохая мысль. И патронов тратить не надо. Пусть ишачат…

— Верно, — кивнул первый, — Слышали уроды?! — крикнул он, обернувшись к пленным. — Труд делает свободным! Arbeit macht frei!!! Вкалывать, суки, будете, как проклятые!!!

— Пошли отсюда, — тихо сказал Николаю Илья, увлекая его за собой к остановившимся машинам. Там уже ждал их вышедший из лунохода Варяг.

— Вы чего там? — спросил он.

— Да вот, на блаженного опять меланхолия напала, — усмехнулся Крест.

— А, по-твоему, я не прав был?! — воскликнул Николай.

— Я этого не сказал, — Илья нахмурился.

— А что тогда?!

— Эти черновики ведь не тебя тиранили годами. Ты поставил бы себя на место местных. Я согласен, что расстреливать пленных скотство, но вот так уж сложилось. Ты прав, но лезешь на рожон зря.

— Ладно, поехали уже, — махнул рукой Варяг и двинулся в луноход.

— Как там Славик? — спросил его Васнецов.

— Спит, отлеживается. Рейдеры ему кучу уколов сделали и нос вправили. А так вроде кости целы.

Николай и Крест вернулись обратно на крышу БАТа. Обе машины вели люди Дитриха. Однако его самого путешественники пока не видели.

Колонна миновала еще пару кварталов. Частичные разрушения зданий говорили о том, что они все ближе к окраине Екатеринбурга. Мимо прошла пешая колонна вооруженных людей. Они шли строем, воодушевленные концом тирании черновиков. Над людьми развивались различные флаги. Такие Николай уже видел в Москве, на доме советов. Увидев сидящих на замыкающей машине Людоеда и Васнецова, люди радостно закричали и замахали руками, подбрасывая вверх шапки. Кто-то, несмотря на вопиющее расточительство, даже стрелял в воздух из своего оружия, приветствуя новых героев Екатеринбурга. Людоед поднялся на ноги и, держась левой рукой за стрелу крана, приложил правую руку к голове, салютуя людям воинским приветствием. Толпа еще более восторженно зашумела. Некоторые выходили из общей массы и отвечали Людоеду воинским приветствием. Видимо бывшие военные.

Когда машины уже миновали колонну людей и крики позади стали стихать, Илья снова присел рядом с Васнецовым.

— Видал, — усмехнулся он, кивая в ту сторону, — Есть что-то хорошее в этом мире.

Николай покачал головой.

— Представляю. Пройдут годы. Человечество возродится. Город отстроят. Построят школы имени Людоеда. Улицы имени Людоеда. Собор святого Людоеда. И нарекут этот город Людоедобург.

Крест расхохотался так, как, наверное, еще не смеялся со времени их знакомства в Москве, в карантине у конфедератов.

Колонна машин выехала на перекресток и остановилась. Им перегородил путь другой луноход. Справа показалась странная машина. Это было что-то на шасси танка Т-72, только вместо башни у него был огромный контейнер.

— А вот и тот самый ТОС «Буратино». — Хмыкнул Крест.

Машина проехала, и за ней следовал еще один луноход рейдеров. Следом тянулось пять МТЛБ, на каждом их которых сидели по пять рейдерских бойцов. Потом тянулись БМП и БМД. Половина из них тащили на буксире сто пятьдесят вторые БТРы, на крышах которых восседали вооруженные бойцы и держали под прицелом десантные отделения машин, на которых находились. Когда колонна прошла, из перегородившего дорогу лунохода

вышел рейдер и, что-то сказав водителю, направился к БАТам. Луноход двинулся следом за колонной. Проходя мимо головной машины, в которой сидел Варяг, рейдер жестом указал, что надо ехать следом за колонной. Когда рейдер подошел к замыкающей машине и снял капюшон и маску, то стало ясно, что это Дитрих. Он натянул на голову, вязанную черную шапку и, скомкав снежный ком, швырнул его в Людоеда, при этом ехидно улыбаясь.

— Что скалишься, морда арийская? — засмеялся в ответ Илья, уворачиваясь от снежка.

Дитрих залез на БАТ и уселся рядом. Колонна двинулась дальше.

— Молодцы мы, а? — Дитрих продолжал улыбаться.

— Вы молодцы? — наигранно оскорбляясь, воскликнул Людоед. — Это, с какого недоразумения? А?! Это мы с Коляном все провернули.

— Да ладно, — усмехнулся рейдер, — Кто спорит-то? Молодцы вы, право слово. Но и если бы мы не подоспели…

— Ну, хватит уже, — отмахнулся Илья, — главное результат. А кто, что… Главное дело благое сделали.

— Да уж, — презрительно фыркнул Николай.

— Чего это он? — Дитрих кивнул на Васнецова.

— У него стойкая идиосинкразия к реальной действительности, — усмехнулся Людоед.

— Давай по-русски, — поморщился рейдер.

— Короче слушай, Дитрих, что я тебе скажу. Мы тут расправу над пленными предотвратили. Но это только цветочки, попомни мои слова.

— Что именно ты хочешь сказать, Ахиллес?

— Сам посуди. Сейчас они получили свободу. Черновики разгромлены. Остались кучки недобитков. Сейчас люди вздохнули полной грудью. Праздничная эйфория. Братания. Но очень и очень скоро эта блажь пройдет, и действительность возьмет все в свои руки. А действительность всегда прозаичнее и мрачнее. Все эти люди, группировки, начнут делить город. Начнутся позабытые на время споры о том, чья идеология единственно правильная. И тогда они вцепятся друг другу в глотки мертвой хваткой. И снова будет бойня. Разве непонятно?

— Прав ты, что и говорить, — вздохнул Дитрих и покачал головой.

— Ну, так займитесь этим вопросом. А то я смотрю, вы уже сваливаете из города.

— Мы не сваливаем, — возразил рейдер. — Это прошла одна колонна. У нас тут еще много подразделений, техники и полевой госпиталь остаются. А там мы просто уводим «Буратино»,

который уже тут не нужен. И колонну бронетехники с пленными черновиками на аэродром тянем.

— Зачем пленных туда? — Васнецов повернул голову.

— А пусть работают. Бревна растаскивают. Два БАТа хорошо, но сотня рук в придачу еще лучше. Разве нет? Плюс у нас еще подразделение химиков и биозащиты у Ганиной ямы. Две МТЛБшки туда тянут хлорпикрин, что вы нашли в метро.

— А это еще зачем? — поинтересовался Людоед закуривая.

В ответ Дитрих извлек из подсумка небольшой пузырек с прозрачной жидкостью.

— На. Держи. Может пригодиться. Сильнодействующее эфирное снотворное. Мы к яме четыреста литров этого вещества привезли. Попробуем накрыть колонию крыс. Взять несколько образцов, а остальных напалмом. Стерилизуем там все. Хлорпикрин может пригодиться в этом деле.

— Ну ладно, — Людоед выпустил клуб дыма и снова затянулся, — Мы от темы ушли. Я говорю, возьмите город на контроль. Установите тут законность человеческую. Объедините людей. Помогите им с идеей. Займите их созидательным чем-нибудь. Ведь опять в братоубийственной мясорубке сойдутся.

— Мы это обсудим на совете, — Дитрих кивнул.

— Что? — Илья поморщился, — Да вы хреновы бюрократы! Сколько времени пройдет?! А этот праздничный угар свободы не сегодня, так завтра, замениться желанием одних доминировать над другими и новой враждой! Тут нельзя тянуть!

— Ишь, какой шустрый. С кондачка тут тоже нельзя наскоком. Как они нас воспримут? Одно иго свергли другое пришло? Надо все грамотно обставить.

— Так и надо быстрее, пока они не забыли, кто их освободил от черновиков. Пока вы на виду как освободители. А то знаешь, людская память на добро короткая. Сколько уроков истории было. Помогали, помогали, а те потом в учебниках истории писали, что это оккупация была.

— Ну а я про что? Правильный подход нужен.

— И быстрее, — продолжал наседать Илья. — Или так и будете до скончания времен в норе своей сидеть? Пора уже развернуть деятельность.

— Ну ладно, ладно. С аэродрома на связь выйду. Там ближе к базе и связь получше. Все доложу Святогору.

***

Когда БАТы въехали на территорию старого аэродрома, то

там уже кипела работа. Надо отдать должное рейдерам. Они быстро организовали выгрузку пленных черновиков их транспорта и те уже, пугливо озираясь на своих конвоиров, многие из которых были в причудливых и пугающих костюмах, расчистили главные ворота ангара, в котором находился Ил-76. Работа кипела. Они продолжали голыми руками или волоком, на веревках, растаскивать бревна и сваленные деревья. Рейдеры в спецкостюмах стояли почти неподвижно, оцепив зону работ. Они лишь изредка не спеша водили стволами своего оружия из стороны в сторону. А иногда целились на тех пленных, что имели неосторожность разглядывать их. Остальные бойцы братства, которые были одеты лишь в теплую военную одежду, сновали между пленных и постоянно кричали на них.

— Шевелитесь собаки!!! Живее твари!!! Кто не может работать, получит пулю в лоб!!! Нахрен вы нам нужны немощные!!!

После заправки топливом, БАТы так же включились в работу. Николай и Людоед присели на бревно, которое лежало на снежном бархане в стороне от освобождаемой взлетной полосы. К ним быстрым шагом двигался Варяг.

— Ну, как настроение? — пробормотал он, подойдя и нервно щупая карманы своего бушлата.

— Да мы-то еще, куда ни шло, — усмехнулся Крест. — А вот ты вообще комок нервов я смотрю.

— А ты как думаешь, каково мне? — он достал, наконец, трубку, которую искал и, забивая ее табаком, оглянулся на ангар. — Такими темпами, часа через три уже взлетать.

— Волнуешься?

— Еще бы. Дай огня.

Людоед поднялся и, достав из шинели зажигалку, помог Яхонтову прикурить.

— Брат, не мандрожуй, — спокойно сказал Крест. — Все нормально будет.

— Неужто полетим, — вздохнул Яхонтов, выдыхая густой дым.

— Это мы у тебя спрашивать должны, Чкалов ты наш, — Засмеялся Людоед.

Варяг задумался. Взглянул в глаза Людоеду. Затем посмотрел на задумчивого Николая.

— Полетим, — вдруг спокойно произнес он. — Не будь я, черт возьми, Варяг Елисеевич Яхонтов.

— Вот это правильно, — улыбнулся Крест.

— Ладно, парни, пойду, займусь проверкой самолета. Смотрите на рейс не опоздайте. — Варяг подмигнул и пошел к

ангару.

Работа на взлетной полосе продолжалась. Кто-то из пленных, видя как справляются БАТы, оторвался от очередного бревна и обратился к ближайшему надзирателю.

— Может поблажку нам дадите? Хоть на пять минут перекур! Сколько можно уже! Вон машины как работают!

Ответом быстро подошедшего к нему рейдера был удар прикладом автомата под ребра.

— Это машины, которые вы у нас украли, твари мерзкие! — заорал надзиратель на упавшего пленника. — Поблажки сука захотел?! А много поблажек вы давали своим невольникам?! Скольким вы клейма на лбу выжгли?! Сколько женщин у вас сгинуло?! А ну встать, мразь безродная!!!

Упавший черновик вскочил на ноги и внезапно вцепился руками рейдеру в горло. Однако надзиратель не растерялся и, ткнув бунтарю стволом автомата в живот, нажал на курок. Добив упавшего пленника выстрелом в голову, рейдер вдруг застрелил еще двух черновиков, находящихся поблизости. Все невольники замерли, боязливо оглядываясь на массу вооруженных людей вокруг.

— Запомните свиньи! — заорал казнивший пленного рейдер, — Если кто из вас, скотов, еще решит взбунтоваться, тот умрет! И еще умрут двое ближайших от него придурков! Так что смотрите друг за другом, если жить хотите! А сейчас за работу падаль! За работу!

Николай вздохнул, повесив голову.

— Быстрей бы убраться отсюда подальше.

— Осуждаешь? — хмыкнул Людоед.

— Не одобряю.

Стоявший шагах в двадцати облаченный в доспехи рейдер повернул голову.

— Скоро улетите и забудете об этом, — донеслось из его фильтров.

— Слушай, братан. Я вот в девятом классе, однажды пришел в школу очень рано утром и запихал во все замки спички. Чем сорвал уроки. — Заявил ему в ответ Илья.

— И что? — равнодушно спросил рейдер.

— До сих пор не забыл. Прикинь.

***

Огромные недра самолета внушали какой-то благоговейный трепет. Николай чувствовал себя так, словно оказался в утробе

огромного живого существа. С той лишь разницей, что тут ничего ужасного не было. Рейдеры вытянули БАТами самолет из ангара и подкачали колеса шасси. Луноход уже был закреплен в грузовом отсеке. Теперь рейдеры зачем-то затаскивали в отсек и лишенный гусениц и оружия ржавый корпус БМП.

— Варяг! Зачем нам этот металлолом?! — Крикнул Илья суетящемуся на погрузке Яхонтову.

— Потом узнаешь, — нервно отмахнулся искатель. — Так, Славик! Славик!

— Чего, — сонно отозвался сидящий в углу на мешке Сквернослов. Похоже, действие рейдерских препаратов еще не отпускало.

— Ты как?

— Как собака побитая.

— Иди в кабину. Оттуда спустишься в кабину штурмана. Там я матрас постелил. Отлеживайся. Но потом мне помощь твоя нужна будет. Все иди!

— Ладно…

— Коля! Коля! Васнецов, черт тебя дери!

— Что такое!

— Иди, помоги ему! И жди меня там, в кабине!

— Хорошо, — проворчал Николай и двинулся вслед за Славиком. Догнав его, он замедлил шаг, чтоб идти в такт хромающему Вячеславу.

— Слушай, Колян, спасибо, что вытащили нас. Я так и не поблагодарил, — произнес Сквернослов.

— Да не за что.

Добравшись до кабины пилотов, Николай помог брату спуститься в штурманскую и стал с интересом разглядывать пугающую количеством табло, шкал и переключателей панель.

— Тут удобнее, чем в луноходе, — послышался снизу голос.

— Да, — кивнул Николай, — Отдыхай, давай.

— Да сколько ж можно отдыхать, — прокряхтел Сквернослов. — Тем более я никогда не летал. И не думал, что доведется теперь. Не хочу самый смак пропустить. Ты только подумай, Колян. Эта хреновина должна подняться в воздух! Да эта птичка больше всего нашего Надеждинска!

Спустя какое-то время кабину вошли Варяг и Людоед.

— Ну, момент истины, — Вздохнул Яхонтов, садясь в кресло пилота. Он повесил на шею большие наушники и отогнул микрофон ближе к лицу. — Техконтроль! Как меня слышно?

— Хорошо слышу, Варяг, — донеслось откуда-то из динамика в кабине. — Питание в норме?

— Вроде да, — Ответил Яхонтов.

— Вроде?

— В норме. Нормально все, — Варяг нервно дернул головой. — Давай еще раз пройдемся.

— Ладно. Наблюдаю.

— Закрываю рампу. — Яхонтов проделал манипуляцию с приборами и стал слышаться гул и легкая дрожь корпуса.

— Есть, — ответил техконтроль. — Рампа закрылась без замечаний. Без рывков. Плотно.

— Хорошо, — Яхонтов вытер пот со лба, — Смотри на крылья.

— Наблюдаю.

— Предкрылки, — Варяг стал проводить новые манипуляции с приборами и штурвалом.

— Работают нормально, — ответил динамик.

— Так, хорошо, — напряжение Яхонтова росло. — Теперь… Предкрылки на четырнадцать градусов.

— Есть, подтверждаю.

— На двадцать пять градусов.

— Точно работает.

— Отлично. Теперь закрылки.

— Механизация в норме.

— На пятнадцать градусов.

— Есть.

— На тридцать.

— Есть.

— Сорок три градуса.

— Есть. Подтверждаю.

— Тормозные щитки?

— Работают. Механизация крыла и гидравлика в идеальном состоянии. Мы за ним следили все эти годы, не сомневайся.

— Да-да, — буркнул Варяг. — Теперь хвостовое оперение.

— Все в норме.

— Хорошо. Какая температура воздуха?

— Минус сорок шесть. Допустимая для взлета.

— Ветер.

— Боковой. Порывистый. Четыре в секунду. Допустимо.

— Хорошо. — Варяг сделал глубокий вдох. — Так, Николай, сядь в кресло второго пилота.

Васнецов удивленно уставился на Яхонтова.

— Ты чего? Я же не умею…

— А тут и уметь нечего! — Яхонтов повысил голос. — Это как на велосипеде. Видишь табло? Спрошу скорость, назовешь цифру. Понял?

— Да, — растерянно ответил Николай, садясь в кресло.

— И пристегнись! Илья! Тоже сядь, вон кресло сзади. И пристегнись!

— Ладно, — Крест улыбнулся.

— Так! Техконтроль!

— На связи.

— Убрать людей и технику. Произвожу запуск внешних двигателей!

— Уже все убрано. Ждем.

Яхонтов снова стал колдовать над приборами. Послышался гул. Затем он стал медленно превращаться в свист. Затем в визг. И вдруг шум заполнил все вокруг.

— Запела ласточка, — улыбнулся Варяг.

— Охренеть! Здорово-то как! — раздался возглас Сквернослова снизу.

— Славик, заткнись, ты мне мешаешь!!! Внимание! Произвожу запуск внутренних двигателей!

Сквозь какофонию уже работающих турбин послышался гул, затем свист, затем визг и грохот двигателей усилился.

— Все нормально Варяг, — произнес техконтроль через некоторое время. — Никаких замечаний не наблюдаем.

— Спасибо.

— Эй! Варяг! А чего мы не летим?! — послышался крик Вячеслава.

— Заткнись, говорю! Мешаешь! — Яхонтов еще какое-то время наблюдал за приборами. Чем-то щелкал. Удовлетворенно хмыкнул. Затем снова сделал глубокий вдох и медленно отвел от себя стойку штурвала. При этом плавно отпуская тормоза.

— Внимание! Режим взлетный!

— Удачи ребята! Храни вас бог! — послышался голос из динамика. Затем знакомый голос Дитриха. — Парни! Вся надежда на вас! Ждем вас в гости! С богом!

Николай заметил, как все за окном пришло в движение. Сначала медленно поплыли унылые заснеженные леса. Бревна, убранные с взлетки. Собранные БАТами сугробы. Стоявшие вдоль полосы изможденные работой пленные черновики. Охранявшие их рейдеры и их машины. Скорость росла и, уже невозможно было различить деталей. Огромная крылатая машина разгонялась, надрывно ревя двигателями, тянущими массивную тушу вперед по взлетной полосе. Секунды растягивались в минуты, и казалось, что этот шум и этот бесконечный разбег будет вечным.

— Мы взлетим когда-нибудь или так поедем? — снова донеслось из штурманской кабины.

— Заткнись!!! — заорал напряженный до предела Варяг. — Коля! Хватит по сторонам смотреть! Скорость!

— А… Двести!
— Мало!
— Двести десять!
— Мало!
— Как мало?! Полоса вон кончится скоро!
— Заткнись!!! Скорость!!!

Ил-76 мчался под завороженными взорами людей, для которых эта картина была самой фантастической за последние годы, когда о сгинувшей цивилизации напоминали лишь руины городов и ручное оружие, исправно делающее свою работу по уничтожению живых еще людей. Но здесь они видели самолет. И не обломки рухнувшей в тот роковой день от воздействия ядреного взрыва стальной птицы. А живой, рвущийся в полет самолет. В полет, от которого зависела судьба всех, кто еще оставался среды живых.

— Скорость!!!
— Двести тридцать пять!
— Отрыв!!!

Самолет взмыл над последними двумя десятками метров взлетной полосы. Николай почувствовал, как его желудок резко устремился вниз и вжался в кресло. Так и должно быть?

— Высота!!!
— А где высота?!
— Да вот высота, черт тебя дери!!!
— Двадцать! Двадцать два!
— Убираю шасси!!!
— Мужики! Тут деревья! — заорал Сквернослов.
— Что деревья!!! — заорал Варяг.
— Я вижу, как под нами проносятся деревья! Красота-то, какая!
— Черт!!! Ты идиот Славик!!! Заткнись!!! Коля! Скорость!
— Триста!
— Высота!
— Девяноста!
— Мало!
— А чего мало?!
— Заткнись! Скорость!
— Триста тридцать!
— Высота!
— Сто двадцать пять!
— Убираю механизацию!
— Чего убираешь?! Куда?!
— Не мешай, черт тебя дери!

Раздался гул гидравлики. Позади тихо смеялся Людоед.

— Скорость!

— Четыреста десять!

— Высота!

— Сто шестьдесят пять!

— Перевожу внутренние двигатели в номинальный режим!

— Чего? Ты кому это говоришь?!

— Я сейчас кому-то врежу!!! Не мешай!!!

Варяг стал прислушиваться к работе двигателей и внимательно смотреть за приборами. Пот с него лился ручьями.

— Перевожу внешние двигатели в номинальный режим, — чуть спокойней сказал он и зажмурился. Затем открыл рот и истошно завопил. — АААААА!!!!!

— Что!!! Что такое!!! — Васнецов едва не выскочил из кресла, но ему помешали ремни. — Что случилось!!!

Из штурманской кабины вопил Сквернослов:

— Что все?! Все да?! Абзац?! Шандец нам всем?!

— Нет, братцы, мать вашу за ногу! Нет, черт бы вас всех подрал! Мы летим! Мы, мать вашу, летим, голодранцы вы хреновы! Мы летим!!! ЛЕ-Е-Е-ТИМ!!! — И тут он от радости и восторга разразился такой триадой матершинной брани, что даже Сквернослов был шокирован. Васнецов облегченно вздохнул и, обернувшись, взглянул на Людоеда. Тот сидел, откинувшись на спинку кресла и, тихо смеялся. Поймав на себе взгляд Николая, он прикрыл глаза и, стал медленно стягивать с головы берет, вытирая им огромные гранулы пота на лице.

Гул двигателей стал ровнее. Он больше не оглушал после перехода в номинальный режим. Из штурманской кабины показалась голова Вячеслава.

— Твою мать, Варяг, старый ты пердун! Это мы так взлетали?! Как же мы садиться будем?!

Яхонтов расслабился, откинувшись на спинку своего кресла и усталым, но довольным голосом произнес.

— Заткнись Славик. Не мешай.

Огромная птица рвалась к серым тучам, венчающим небо многие годы. И, быть может впервые за эти долгие годы, в небо стремилась рукотворная птица людей.

51. РЫВОК

Николай как завороженный смотрел на приближающийся свинцовый свод облаков. Самолет стремительно рвался ввысь. Варяг не хотел набирать большую высоту из-за того, что не было известно насколько теперь разряжена атмосфера. Однако то, что облачный покров был достаточно низок, позволяло попытаться выбраться из этого вечного пасмурного полумрака в чистое небо, где можно было ориентироваться по солнцу. И вот высота полтора километра. Васнецов до сих пор толком и не осознал, что они в небе. Они летят. Летят на самолете. И происходит это не во сне. Не в фантазиях. А в их замерзшем мире. Через двадцать лет после того как тысячи ядерных зарядов рвали землю, сносили города, испепеляли людей. Через двадцать лет после того как ничего не осталось кроме горсток выживших людей. Самолет мчался ввысь. Словно гордая птица, рвущаяся из плена. Из ледяной серой клетки. Туда где ее стихия и солнце. Все выше и выше.

Высота две тысячи метров. Казалось, скоро самолет врежется в неприступный серый клубящийся потолок и развалиться от удара о твердь. Варяг выглядел совершенно спокойным. Нет, конечно, он был напряжен. Но по сравнению с тем, как он выглядел во время взлета, сейчас он был воплощением монументального спокойствия.

Две тысячи пятьсот метров. Скоро уже три километра будет. Облака все ближе. Дом и земля все дальше. Где-то внизу проносились замерзшие леса. Разрушенные города. Люди, доживающие свой век в мыслях о добыче еды и о том, что надо как-то согреться. Там, внизу, все скверно. А что за этим серым сводом?

Ил-76 влетел в облака. Вот они. Всего в метре. За герметичным корпусом. За толстым остеклением кабины. Те самые облака, которые все эти годы невозмутимо и презрительно взирали на них, выживших, со своей высоты, лишая солнечного света и тепла. Но теперь человек добрался до них, и безжалостно таранит корпусом своей стальной птицы, рвущейся ввысь.

Николай испуганно заслонил лицо руками. Все в самолете зажмурились и отвернули лица. Облака кончились неожиданно и самолет вынырнул из того мрачного мира в совершенно прозрачную ирреальность, прямо навстречу ослепительно яркому диску Солнца, которое, словно обрадованное встрече с людьми после многолетней разлуки, казалось, бросилось само им навстречу, спеша заключить путников в яркие объятия своих

лучей.

Васнецов не помнил ничего, что было бы настолько чистое, как эта бесконечная пустота разверзнувшейся бездны неба. Темно-синее в зените, все более светлее ближе к горизонту и розовато-желтое там, где чистое небо вступало в борьбу с неприступной цитаделью туч.

— Господи, красота-то, какая, — вырвалось у Николая.

Варяг улыбнулся.

— Любуйтесь, друзья. Не скоро нам такое увидеть доведется. Нам ведь опять на грешную землю надо будет.

— Это не земля грешная, — подал голос, поднявшийся из нижней кабины Вячеслав. — Это мы грешные.

Он уставился на горизонт, щурясь от непривычно яркого света.

Людоед развернул карту. Посмотрев на нее, он взглянул на часы и на солнце.

— Варяг, давай правее на сорок пять градусов. — Сказал он, наконец.

— Точно?

— Да. Точно. И держись этого курса. А то на северный полюс улетим.

— Ты по часам сверялся?

— Да. И время местное. Я свои часы сверял с рейдерами. У них же в Аркаиме там какие-то атомные или изотопные или как их там. У которых погрешность в шесть секунд на миллион лет. Так что доверься мне. Меняй курс.

Самолет продолжал постепенно набирать высоту и при этом чуть крениться вправо, переходя на новый курс. Внизу медленно проплывал ковер непроницаемого облачного покрова. Отсюда он не казался таким мрачным как снизу. С высоты пяти тысяч метров он выглядел как стелящаяся белоснежная пена. Белее чем вечный снег, там внизу. В мрачном мире, из которого они вырвались на короткий срок. Ил-76 продолжал набирать высоту. Но все что они видели вокруг, казалось, замерло, а самолет просто повис, гудя двигателями на одном месте. Но так лишь казалось.

— Какая высота?! — Варяг вдруг напрягся.

— Семь семьсот, а что? — ответил Васнецов, вынужденный отвлечься от лицезрения всего этого великолепия. Он машинально назвал цифру с табло, даже не отдавая себе отчета в том, какая пропасть сейчас между ним и Землей.

На панели что-то заморгало, и монотонный гул двигателей стал несколько иным.

— Что случилось? — спросил Людоед.

— Помпаж! Четвертый двигатель вырубился!

— А на трех нельзя? — спросил встревоженный Сквернослов.

— Нельзя на них нагрузку давать! Все захлебнуться! Воздуха тут мало им! Я снижаюсь!

Самолет снова стремительно рвался к облакам. Но на сей раз не для того чтобы вырваться из сумеречного плена. А для того чтобы нырнуть в него. Васнецов поморщился. Неужели опять эта серость? Так не хотелось возвращаться из этой радующей взор и душу чистоты и света в привычный и опостылевший мир постядерной зимы.

— Высота?

— Шесть пятьсот.

— Так. Пробую запустить.

Четвертый двигатель засвистел и присоединился к своим собратьям, снова составив с ними гудящий квартет.

Варяг облегченно вздохнул.

— Кажись, пронесло. Тут все работает как надо. Идем на этой высоте. — Он, наконец, снова улыбнулся, — Хорошо, что на этом самолете автоматика установлена. Я мог и не успеть сообразить. Автомат сам двигатель вырубил.

— А если бы не автомат? — спросил Николай.

— За несколько секунд температура газов в турбине возросла бы. Ну и сорвавшийся поток воздуха еще. Короче двигатель мог разрушиться. Я бы просто мог не успеть среагировать. Странно вообще. На такой высоте и помпаж, — Яхонтов потер ладонью бороду, — Хотя чему удивляться после всего что было. Атмосфера разряжена ближе к земле теперь. Тут главное с перепугу не увеличивать тягу остальных двигателей, компенсируя потерю одного. Иначе помпаж накроет их все. И привет. Если не взрыв двигателя, то в любом случае скорость постепенно упадет до критической. Скорость сваливания. И будем лететь как рояль с двенадцатого этажа. Только дольше и трагичнее.

— Сплюнь, — нахмурился Вячеслав.

Николай слушал Варяга и все эти странные термины, и чувствовал дискомфорт от того что не мог толком понять о чем речь.

— Слушай, Варяг, расскажи про все это, — сказал он.

— Про что?

— Про то, как самолетом управлять. Про скорость сваливания и все остальное.

Яхонтов усмехнулся.

— Ишь ты. Ну ладно. Кому-то ведь свои знания передавать надо. Чай не молодой уже. Короче слушай. На самом деле ничего сложного в этом нет, как может показаться на первый взгляд. Сложно все вот это барахло, — Взмахом руки он указал на

бесчисленное количество приборов. — А вот взлететь и лететь, это как на велосипеде. Слушай короче…

***

Николай слушал внимательно, то и дело, поглядывая на элементы приборной панели, про которые упоминал Варяг. Но при этом он еще и умудрялся продолжать свое любование чистым небом.

— До захода солнце успеем? — Спросил Людоед. — Не в темноте ведь садиться.

Варяг сверился с картой, часами и, цифрой пройденного в полете расстояния.

— Должны успеть. Я увеличу тягу двигателей. Прибавлю скорости.

— А топлива хватит?

— Садиться будем на парах, — усмехнулся Яхонтов.

Солнце уже давно не светило в лицо. Оно было теперь где-то позади и снижалось к горизонту, отчего линия, разделяющая тучи и небо окрашивалась в огненные багряные тона. Небесный зенит стал еще темнее, и наверху появились странные светящиеся точки. А чуть справа от курса самолета, на ладонь выше от горизонта, странный тусклый полумесяц.

— Это Луна? — с замиранием сердца спросил Николай.

— Она самая, — Яхонтов кивнул.

— Ребята так на ней и не побывали. — Сквернослов вздохнул, — Бедные Андрей и Юра, земля им пухом.

— А это звезды? — Васнецов устремил взгляд на мерцающие точки в зените, которых становилось все больше.

— Звезды, — подтвердил Людоед. — Варя, мы так в ночь скоро влетим. Имей ввиду.

— Я знаю. По моим прикидкам будет вечер, когда садиться придется. Снег не даст быстро стемнеть. Да и посадочно-рулежные фары есть. Разгляжу куда падать… Садиться в смысле… — Яхонтов тихо хохотнул.

— Варяг! — Воскликнул до этого момента спокойный Крест, — Посмотри! Посмотри слева! На восемь часов!

— Что там? — искатель повернул голову в указанном направлении.

— Это же инверсионный след! Полосу видишь?!

— Где?

— Выше смотри! Это след от самолета! Разве нет?!

Варяг задумчиво уставился на белую полосу, горизонтально

перечеркивающую треть неба. Полоса кончалась, если конечно она кончалась, уже за пределами видимости из кабины пилотов.

— Далеко и высоко, — пробормотал Яхонтов. — Как думаешь, сколько у нас было шансов после двадцатилетия деградации и разрухи взлететь и столкнуться со следами другого самолета? Один из миллиарда, не больше. Это не инверсионный след.

— И что это, по-твоему? — спросил Сквернослов.

Варяг пожал плечами.

— Наверное, перистое облако.

— Наверное? — ухмыльнулся Крест, — То есть ты не уверен?

— Ну, я видел давным-давно перистые облака. Еще когда на МиГе летал.

— И какие они?

— Они перистые, — Варяг снова пожал плечами.

— Это понятно. Похожа эта полоса на перистые облака?

— Вроде, похоже. Я же говорю, давно видел. Сам посуди, Илья, откуда самолету взяться?

— А мы откуда взялись? — подал голос Николай.

— И то верно, — кивнул, соглашаясь, Вячеслав.

— Может, я схожу в кормовую кабину стрелка и посмотрю? — предложил Людоед.

— Поверь мне, Илья, с такого расстояния ты и в бинокль не различишь самолет, если он там есть. — Ответил Варяг и включил радиопереговорное устройство. — Какие цифры на борту, кто помнит?

— 19701, — Сказал Крест. — А что?

— Ну, надо ведь как-то представиться. — Ухмыльнулся Яхонтов и произнес в микрофон. — Внимание! Говорит грузовой борт 19701! Нахожусь на высоте шесть тысяч пятьсот метров! Всем кто меня слышит, ответьте. — Он закончил говорить и включил громкую связь.

В ответ слышалось монотонное, с редкими перепадами, шипение.

— Внимание! Говорит грузовой борт 19701! Нахожусь на высоте шесть тысяч пятьсот метров! Всем кто меня слышит, ответьте! — повторил Варяг. — Меня кто-нибудь слышит?

Монотонное шипение продолжалось еще около минуты, как вдруг шум из динамика стал усиливаться. Поначалу показалось, что это Варяг делает громкость выше, но это оказалось не так. Шум становился все громче и, сквозь шуршание пустого эфира стала слышна какая-то басовитая пульсация. Динамик зарычал какофонией низких и шипящих звуков, и сквозь это звуковой хаос прослушивалось нечто ужасное и утробное, произносящее

пронзительным и долгим рыком:

— ХХХХАААААААААРРРРРРРРРРРП!!!

— Вы слышали?! — заорал Николай, — Вы это слышали?!

— Что именно? — Варяг нахмурился.

— ХАРП! Оно сказало ХАРП! — продолжал кричать Васнецов, но динамик стих и снова наполнился монотонным шипением безмолвного эфира.

— Черт, а я надеялся, что мне показалось, — пробормотал Сквернослов, нервно стуча себя кулаком по подбородку.

— Так. Нука всем успокоиться, — резко и громко произнес Людоед. — Такие глюки бывают в радиоэфире. Скорее всего, это солнечная буря. Скажи Варяг?

— Ага, — Яхонтов кивнул. Но тон его был совсем неубедителен. Он выключил переговорное устройство. — Иногда мы видим или слышим то, что либо хотим увидеть или услышать, либо наоборот, очень не хотим этого. Так что закрыли тему. Там перистое облако. А тут просто хрип магнитной бури. Мы единственные люди в небе. Скоро снижаемся.

***

Как это не оказалось печально для Николая, да, наверное, и для всех на борту, но возвращаться в серый разрушенный мир из сияющих чистотой и безмятежностью небес, покрываемых бриллиантами звезд, пришлось раньше, чем он мог предположить. Сверившись с Людоедом, который помогал ориентироваться и держать верный курс, Варяг направил самолет обратно к бесконечному ковру облаков. Однако это отвлекло Николая от тревожных раздумий по поводу странного и страшного возгласа в радиоэфире. Ведь он был абсолютно уверен, что это был именно возглас, а не просто помехи, вызванные солнечной активностью или чем-то там еще. Но теперь его взор был устремлен на приближающуюся пелену облаков и тяжесть мыслей о том, что надо возвращаться в сумрак давила на сердце. Но возвращаться надо. Облака становились все ближе, и вот, наконец, вокруг замелькали первые, еще прозрачные хлопья. Самолет погружался в этот океан все глубже. Белизну вокруг еще пронизывали яркие золотые струны солнечных лучей. Но они становились все слабее и слабее.

И вот уже знакомая унылая серость. Пелена лишила самолет всякой видимости. Стало только заметно, как снова растет напряжение Варяга, а на его лбу снова выступает пот.

— Высота, — резким голосом спросил он у Васнецова.

— Две тысячи семьсот.

— А облака все не кончаются, — покачал головой Людоед.

— А если впереди гора? — с тревогой в голосе спросил Вячеслав. — Как мы узнаем? Ведь уже совсем низко, а облака не рассасываются. Как узнаем что впереди гора?

— По характерному удару самолета об эту самую гору, — мрачно пошутил Варяг.

— Я серьезно, — поморщился Сквернослов.

— А я и не шучу. И все, не мешай.

— Начинается, — Славик вздохнул и полез обратно в кабину.

— Приготовься напрячь зрение! — крикнул ему Яхонтов, — Будешь нашей аэрофоторазведкой! И будь готов быстро выскочить из штурманской кабины! Если посадка будет неудачной, то там у тебя шансов не будет выжить!

— Спасибо, блин, утешил! — послышался снизу недовольный голос Сквернослова.

— Высота!

— Тысяча девятьсот!

— Твою мать! Да когда они кончатся!

— Тысяча пятьсот!

И разверзлась бездна. Самолет выскочил из облаков так неожиданно, что Николай даже вздрогнул.

Над представшей взору местностью уже сгущались вечерние сумерки. Даже после того рывка в несколько тысяч километров, что совершили они благодаря самолету, ничего нового в пейзаже который им открылся не было. Заснеженные леса. Завалы буреломов в тайге. Унылая серость.

— Блин, я думал мы, вылетим из облачности гораздо выше, и видимость дальше будет. — Проворчал Яхонтов. — Смотрите все по сторонам. Ищите реку. Топливо скоро закончится.

Ил-76 прекратил снижение, держась высоты в двенадцать сотен метров, прямо под давящим потолком туч. Варяг летел некоторое время прямо, все больше хмурясь из-за отсутствия подходящего места для приземления. Времени оставалось все меньше. Темнело. Кончалось топливо, которое на такой высоте расходовалось в большем количестве.

— Попробуй левее, — послышался голос Сквернослова снизу. Самолет стал медленно, будто нехотя, поворачивать. Вскоре стало отчетливо видно, что густой таежный лес резко обрывался и, дальше белела относительно ровная пустошь.

— Кажется река. Только она зараза петляет сильно, — Пробормотал Яхонтов.

— Летим вдоль нее. Должны быть и относительно ровные места, — предложил Людоед.

— Надеюсь, — кивнул летчик. Он сбавил скорость, насколько это было возможно. Неизвестная пока река действительно стала ровнее уже через несколько десятков километров. Ровнее и шире. Однако надо было пролететь над ней некоторое расстояние, дабы убедиться, что этой импровизированной полосы хватит. Замерзшая речная гладь была покрыта снегом, но в широких и прямых ее участках в центре реки должно было быть меньше снега из-за ветров, которые на открытом пространстве чувствовали себя особенно вольготно и не давали скопиться глубоким сугробам.

— Вроде неплохое место, — пробормотал Яхонтов, вглядываясь в широкую белую ленту.

— Вертолет!!! — заорал Славик из штурманской кабины.

— Где?! — Людоед и Николай бросились к остеклению кабины. Даже Варяг привстал, расстегнув ремень безопасности.

— Справа! На берегу!

Первое что подумали люди, это то, что они увидят летящую или стоящую в целости винтокрылую машину. Но это было не так. На скорости и такого расстояния было трудно определить, что произошло с вертушкой, но было ясно, что она торчит, уткнувшись носом в сугроб. Вертолет видимо влетел в деревья, ломая хвостовую балку и винт, рубя при этом деревья, ставшие для него ловушкой. Трудно сказать, когда это было, но машина уткнулась носом в сугроб, а не покрылась этим сугробом сверху. Значит, катастрофа произошла уже после наступления зимы.

— Ми-24 кажется, — произнес Людоед, глядя в бинокль.

— Так он разбитый, — разочарованно буркнул Варяг. — Ладно. Шут с ним. Готовимся к посадке.

Самолет начал снижение. Высота всего двести метров.

— Следы! — снова закричал Сквернослов.

— Какие? — спросил Илья.

— Похоже от саней! Да! Прямо на реке! Под нами прямо! Колея очень широкая! И полозья нехилые! Большие саночки, наверное!

— Ну и что? Подумаешь, повозка деда мороза с оленями! — усмехнулся Людоед.

— А вот хрен ты угадал, морлочья душа! Следов животных нету, понял! Только следы саней! Они без всяких оленей ехали! И человеческих следов нет, если ты думаешь что люди толкали! Снег ровный! Только колея!

— Так может это не сани, а вездеход? — предположил Николай.

— Да нет, блин! Гладкая неглубокая колея!

— И как они без тяги двигались? Тут ведь равнина, а не гора,

с которой вандалы телегу с бомбой на Вавилон пускали!

— Аэросани, — произнес, вмешавшийся в спор Яхонтов.

— Аэросани? — Людоед взглянул на пилота. — Так может у тех, кто на них тут разъезжает, есть авиационное топливо?

— Не факт, — Варяг нервно мотнул головой. — Не факт что оно нам подойдет. Да и двигатель туда просто автомобильный можно приделать.

Он вдруг резко снизился, отчего Сквернослов внизу испуганно завопил, и тут же потянул рули высоты на взлет, резко увеличивая тягу двигателей. Затем набрал высоту пятьсот метров и пошел на разворот.

— Ты чего делаешь? — спросил Илья.

— Снег разгоняю, — коротко ответил Варяг. Самолет лениво сделал круг и Яхонтов повторил процедуру, затем обратился к Людоеду.

— Илья, пойди в грузовой отсек. Рацию возьми. Отцепи крепление корпуса БМП кода скажу. Потом пристегнись, чтоб не вывалиться. Я открою рампу и задеру нос, чтоб корпус выпал.

— Зачем это? — удивился Васнецов.

— Посмотрим, насколько глубоко в сугроб он уйдет. Надо иметь хоть какое-то представление о том куда садиться.

Людоед ушел. Яхонтов снова стал одним сплошным напряжением, вцепившись в штурвал.

— Высота!

— Двести!

— Много, черт проскочили. Иду на следующий круг.

И новый заход. Самолет гудел и снова, будто нехотя делал очередной круг.

— Илья! Готов?!

— Да! — ответила рация.

— Открываю рампу!

Гул в самолете стал намного сильнее. Корпус завибрировал. Варяг по очереди разминал затекшие руки и еще сильнее сжимал дрожащий штурвал.

— Рампа открылась без замечаний! — доложил Людоед.

— Отцепляй!

— Отцепляю!

— Коля, высота!

— Восемьдесят пять!

— Отлично! — Варяг резко задрал нос, и двигатели завыли, казалось, на пределе свое мощности.

— Корпус пошел! — послышалось из рации. — Корпус вывалился!

— Кто вывалился?! — закричал снизу Сквернослов, который

не был в курсе происходящего.

— Славик заткнись! — Варяг снова набрал высоту и пошел на очередной круг.

— Когда это кончится? — вздохнул Николай, адресуя вопрос самому себе.

Пока самолет в очередной раз делал петлю над выбранным местом, Людоед вернулся и пробрался в кабину штурмана.

— Заходим на посадку! Выпускаю шасси! Включаю огни!

— Мужики! БМП! БМП на реке прямо перед нами появился! — закричал Сквернослов.

— Заткнись Славик! Это наш БМП!

— Наш? — Сквернослов высунулся из кабины, — А как он внизу оказался?

— Уйди к черту!.. Илья! Что видишь?!

— Судя по тому, сколько эта железка весит, и с какой высоты упала, плотность снега тут приемлемая. Можно садиться. Корпус упал плашмя и ушел на треть примерно. — Ответил Людоед, глядя на темный корпус БМП освещаемый носовыми огнями самолета.

— Отлично! Вылезьте оттуда!

— А если бы снег был мягкий и корпус утонул? — Васнецов уставился на Яхонтова, — Мы что, в следующий раз луноход сбрасывать стали бы?

— Заткнись, Николай, черт тебя дери! Мы бы тебя сбросили! Высота и скорость!

— Шестьдесят высота, двести десять скорость!

Самолет давно проскочил сброшенный корпус боевой машины, и белая гладь замерзшей реки стремительно приближалась из вечернего сумрака. С той минуты как они увидели разбитый, вертолет совсем стемнело.

— Мать твою! — руки Варяга, сжимающие штурвал, совсем побелели. Все уже ожидали, что вот-вот произойдет касание, или на худой конец удар, но самолет вновь стал набирать высоту.

— Варя, в чем дело?! — воскликнул Крест.

— Я не могу его посадить!

— Как это?!

— Я габаритов не чую! Высоты не чую! — он щелкнул на панели тумблером, снова пряча шасси в корпус.

— Я же сказал высоту! — возразил Васнецов.

— Ее чувствовать надо! И Центровка изменилась, когда железку сбросили!

Гудящий лайнер опять стал делать круг.

Людоед полез в штурманскую кабину. Затем высунулся оттуда и, строго глядя на Яхонтова произнес:

— Соберись, Яхонтов! Центровку компенсируешь! Не так много этот корпус весил для этого самолета! Ну же! Ветра нет! Штиль полный! Посадишь без проблем! Ну!!!

— Какого хрена ты туда полез?! Вылезай! Тебя размажет, если мы ударимся!

— Я сказал, соберись! Заходи на полосу!

— Ты что задумал?!

— Полоса у меня перед носом будет! Я тебе подскажу!

— Оттуда переднюю стойку не видно! Вылезай, убьет тебя при ударе!

— Заходи на посадку!!! — Людоед заорал так, что заглушил рев всех четырех двигателей.

Самолет снова стал снижаться. Корпус снова завибрировал, и Варяг снова пытался унять его дрожание.

— Всем пристегнуться! Коля, держи свой штурвал!

— Как?!

— Нежно, черт тебя дери!!! Просто придерживай его и говори мне высоту!

— Триста! — Николай боязливо обхватил штурвал руками.

— Твою мать! Не сопротивляйся его ходу! Ты так мне мешаешь! Просто держи! — закричал Варяг. — Высота!

— Четыреста! Мы что, опять взлетаем?!

— Не мешай! — Дернул головой пилот. — Скорость!

— Триста сорок! Какого черта ты делаешь?!

— Убью, Васнецов! — зарычал Варяг и стал щелкать приборами. — Предкрылки… двадцать пять… закрылки… тридцать пять… нет… тридцать…

После этого самолет снова пошел на разворот.

— Опять круг?! — сокрушенно воскликнул Сквернослов, который сидел позади Николая. — Может мы обратно, полетим?! Так хоть поживем еще!

— Пасть закрой!

Из штурманской снова показался Людоед.

— Варяг! Если ты не начнешь, наконец, его сажать, то я взорву этот самолет к чертовой матери!

— Все, захожу!!! Скорость!!!

— Двести шестьдесят!

— Так! Закрылки… Закрылки… сорок три…

— Чего?!

— Руль держи как я! Выпускаю шасси!!! — все стали чувствовать пульсирующий стук.

— Что это? — крикнул Людоед.

— Это шасси! Гидравлика! Ничего страшного! Бывает! Входим в глиссаду!

— А что такое глиссада?! — воскликнул Сквернослов.

— Это мой кулак у твоей рожи, Славик!

Самолет сильно затрясло, и Николай почувствовал как его желудок снова, как и при взлете, начал гулять по организму. Но если тогда его вжало в кресло, то сейчас он словно давил изнутри на уши и горло.

— Так! Так! На себя! На себя, Варяг! — раздался крик Людоеда.

— Делаю!!!

— Еще! Еще!!!

— Так?!

— Держи на этом уровне! Сейчас будет…

Все ощутили сильный толчок и жуткий воющий гул, который особо сильно раздражал заложенные уши. Николай не слетел с кресла благодаря ремням, но они так впились в тело, что казалось сейчас раздавят его. Он тряхнул головой и, открыв рот, стал водить нижней челюстью из стороны в сторону. Вокруг мчащегося по замерзшей реке самолета разразилась настоящая снежная буря, которая еще больше усилилась, как только Варяг перевел внешние двигатели на реверс.

— Нихрена не вижу! Мы сели, Людоед? — прорычал Яхонтов, вглядываясь в снежную пелену. — Илья! Илья!!!

— Мы сели, — крикнул, наконец, Людоед. — Теперь неплохо бы остановиться!

— Ага! Выпускаю спойлер! Скорость!

— Сто!

— Много!.. Много!.. Теперь!

— Шестьдесят! Пятьдесят!

— Выключаю реверс! Гашу двигатели!

Самолет еще какое-то время катился, быстро снижая скорость из-за сопротивления снега. Шум стал стихать, как и буря вокруг, пока, наконец, в кабине не воцарилась непривычная после долгих часов полета и такой нервной посадки тишина.

Первым ее нарушил Варяг.

— Мы это сделали парни, — спокойно сказал он. — Мы за несколько часов совершили рывок, больший по расстоянию чем то, что мы проделали на луноходе от Москвы. Мы это сделали.

— Ты это сделал, Варя, — Людоед вылез из штурманской кабины растирая ладонью лоб и улыбнулся. — Ты и Колян. Вы молодцы.

***

На улице уже было совсем темно, когда они, наконец, покинули самолет и выкатили из его недр отдыхавший все это время луноход. Закрыли двигатели красными заглушками. Рампу снова закрыли, огни погасили и во мраке самолет выглядел совсем нереальным. Варяг уселся на колесо шасси и вздохнул, закуривая.

— Жалко как-то с ним расставаться, — произнес он. Затем поднялся и погладил ладонью корпус. — Молодец старичок.

Николай с грустью посмотрел на Варяга. Да, у каждого своя слабость. У летчика конечно самолет и небо. Трудно было вообразить, что чувствовал расставшийся, казалось навсегда с небом пилот, ставший по воле апокалипсиса искателем, рыщущим среди руин цивилизации и лишенным возможности даже лицезреть небо, когда он все-таки вопреки всему вспорхнул над облаками. Когда многотонная огромная стальная птица послушно пела своими двигателями, подчиняясь его воле и неся над мрачным небом в высших сферах, где царили звезды и солнце. Синее небо и свет. Наверное, и Людоед, и Вячеслав думали тоже самое, глядя сейчас на Варяга.

— Ого. Это бомбардировщик? — раздался неожиданный голос из глубин темноты.

Людоед вскинул автомат и сразу опустился на одно колено, развернувшись в сторону голоса.

— Нет. Это транспортный самолет, — ответил Варяг в темноту, включив фонарь и шаря лучом света в поисках источника голоса. — Кто тут?

— А вы американцы? — снова послышался спокойный и даже добродушный голос с каким-то странным акцентом.

— Нет, — Произнес Яхонтов. — Мы русские. А вот ты кто такой?

— Охотник я.

— Чего прячешься? Выйди, поговорим.

— Повезло вам, однако, — ответил голос, не меняя интонации.

— В смысле?

— Если бы вы были американцы, я бы вас пострелял, — говоривший будто улыбался.

На свет, наконец, вышел низкорослый старик в добротной одежде из оленьих шкур и, в руках у него была старая снайперская винтовка.

— Дороообо, — он улыбался, отчего его и без того узкие раскосые глаза сливались с мириадами морщин, покрывавших лицо и терялись от поднимавшихся широких азиатских скул.

— Чего? — переспросил Сквернослов.

— Я, однако, поздоровался.

— А, ну привет, — Славик кивнул, — Ты чукча?

— Сам ты чукча. Охотник я, — ответил старик.

— Да это понятно, — Улыбнулся Варяг. — Он не это имел ввиду.

— Ааа… Сох. Я якут. А вам не все равно?

— Ну а тебе не все равно американцы мы или нет? — вставил слово Николай.

— Американцы бомбили. Родину защищать надо, однако. Меня Молот зовут. Охотник я. — Человек не переставал улыбаться. — Гляжу, летит. И как покакал! Упало что-то, потом сели. Вы мне зайца спугнули. Кушать к ужину нечего. Коренья только. А Туз коренья не ест. Ему мясо надо.

— Погоди-погоди, — поморщился Варяг. — Не торопись. Я ничего не понял. Ты Молот? Это твое имя?

— Да. Охотник я. — Кивнул старик.

— А Туз кто такой?

— Волк. Ручной волк. Щенком еще взял. Тузик. Его медведь два дня тому ранил. Дома лежит. Без него охотиться трудно. Старый я совсем. А ему мясо надо, чтоб лечился. А вы зайца спугнули.

— Да дадим мы тебе мясо, — поморщился Людоед.

— Да я не про то. Сох. Шумит самолет сильно. Вы потише в следующий раз. Да? Куобах пугается. Ёлленэх давно не кормит.

Варяг вздохнул и потер лоб.

— А Куобах кто такой?

— Заяц это, — старик закивал головой.

— А Оленах?

— Ёлленэх? Ты на ней стоишь.

— Река что ли?

— Река это орюсь.

— Так все! — Людоеду видимо это надоело и, он подошел к старику и протянул ему руку. — Я Людоед. Мясо волку твоему мы дадим.

Якут неторопливо пожал руку Илье и пристально на него посмотрел.

— Людоед говоришь? Мясо человеческое что ли?

— Да нет, — крест засмеялся, — Людоед это типа прозвище мое шутливое.

— Глупое прозвище в наше время, — покачал головой старик, — Грохнуть могут не спрося фамилии.

— Ладно. Переживу. Много вас тут?

— Кого нас?

— Ну, людей.

— Я один и Туз. Но Туз не человек. Волк ручной.

— Это мы поняли. Эта река, кстати, Ёлленах, по-русски случайно не Лена называется?

— Лена, — охотник будто обрадовался и закивал.

— А поселения есть поблизости?

— Там, за Улах-ан два тирана. Один на одном берегу, другой на другом. Далеко туда, — он махнул рукой в сторону, в которую был направлен нос самолета.

— А у них может быть авиационное топливо?

— Полно, — Кивнул Молот и улыбнулся. — Пойдем ко мне. Все расскажу. Учугей?

— Чего?

— В гости говорю, пойдем ко мне. Погреемся. Поужинаем. Все расскажу. Я давно один. Поговорить не с кем. Сыновья давно ушли.

— А куда они ушли? — поинтересовался Васнецов.

— В лучший мир. — Ответил якут и продолжал улыбаться. Только теперь улыбался он грустно.

Варяг пригласил якута двинуться к его жилищу на их машине и все стали грузиться в луноход. Николай не торопился, пропуская всех в машину. Он, молча, стоял и глядел то на самолет, то на своих товарищей, то на покрытую небольшим слоем снега ледяную гладь. Он не понимал почему, но его не покидало вдруг возникшее чувство тревоги. Васнецов пытался разобраться, что именно вызвало это чувство. Но почему-то вспоминал, что оно появилось сразу, как только он услышал название реки.

52. ДВА ТИРАНА

Ехать на луноходе пришлось совсем недолго. Молот жил под землей в лесу в паре километров от реки. Он вырыл глубокую, в связи с промерзанием почвы, берлогу и достаточно хорошо ее оборудовал. За внешней дверью, замаскированной под снег и находящийся под нависающим стволом могучего и накрененного древесного ствола, был земляной коридор со ступеньками, ведущими вниз. Две утепленные двери встретили уже на глубине. За ними было жилище. Оно состояло из нескольких нор. В одной хранились его вещи. В другой жил ручной волк, который был действительно сильно ранен в стычке с медведем и встретил незнакомцев лишь злым взглядом, когда хозяин стал кормить его, а они из любопытства заглянули в нору. Убедившись, что это не разновидность какого-нибудь люпуса, а обычный волк, они расселись в центральной, и самой большой землянке. Пол был усыпан толстым слоем хвои, который был всюду застелен в несколько слоев паласами и коврами, между которых хозяин так же сделал прослойки из хвои и опилок. В еще одной, небольшой пещере, у якута оказалось рысье семейство. Самец, самка и четверо котят. Трудно представить, как уживались тут волк, рыси и человек. Но было ясно, что с такими домочадцами можно не бояться набегов крыс. Стены землянки были отделаны деревом и отделочной строительной плиткой. Каждое помещение имело свою утепленную дверь. Одна из нор вела ближе к поверхности и представляла собой холодильник для припасов. В другой были плантации грибов и еще чего-то, что могло здесь расти. В главной комнате стояла обложенная камнем железная печка, труба от которой уходила через главный коридор в ствол того покосившегося дерева. Освещал охотник свое жилище лучинами и сделанными из больших гильз масляными лампами на животном жире.

По приглашению радушного хозяина, гости расселись вокруг круглого стола. Вместо стульев были аккуратные деревянные пеньки. И только сам Молот сел в кресло. Причем кресло это выглядело несколько странным. Настолько странным, что Варяг не сводил с него глаз. Людоед принялся раскладывать на столе еду из их припасов. Было очевидно, что он уловил озабоченность Яхонтова, но пока не подавал вида. Только когда вечно улыбающийся охотник пошел в соседнее помещение за дровами для печи, Людоед, наконец, тихо произнес:

— Чего не так, Варя?

— Кресло. Это же катапульта от самолета. — Ответил

Яхонтов.

— Ну, похоже на то. И что? Тут есть чему удивляться?

Варяг подошел к креслу и стал его тщательно осматривать. Когда послышалось шуршание шагов хозяина, он вернулся на место.

— Это американское кресло. С военного самолета, разумеется, — подытожил он свое исследование.

— Ты уверен в этом? — Крест взглянул на искателя.

— Да конечно уверен. И наши и штатовские катапульты я знаю. Я их машины изучал на каждом авиасалоне в Москве.

Молот растопил уже потухшую печь. Стало теплее, хотя и дыма прибавилось. Хозяин, наконец, уселся за стол. Вообще он всем показался немного странным. Или скорее очень доверчивым. Он пригласил незнакомых людей к себе в дом. Людей с оружием. Причем свою винтовку СВТ-40 с оптическим прицелом он оставил у кресла, когда уходил за дровами. Видимо он был действительно рад встретить людей. А от тех, кто жил поблизости, наверное, был явно не в восторге, если жил один и рад был новым лицам.

— Ты из этого зайца хотел убить? — Сквернослов усмехнулся, кивнув на винтовку. — Ты вообще знаешь, что будет с зайцем, если в него из такой валыны попасть?

— А ты наших зайцев видел? — вопросом на вопрос ответил улыбающийся старик. — Охотник я. Отец мой охотник был. Дед охотник. Ты меня не учи. Ты наших зайцев-то видел? — Старик совсем не обижался.

— Что, тоже какие-нибудь саблезубые психо-кролики размером с мамонта, выведенные чокнутыми учеными как результат непорочного зачатия генетической центрифуги от святого духа ядерной войны? — почти скороговоркой выдал Илья.

Старик перестал улыбаться и жевать пищу. Он удивленно уставился на Людоеда, пытаясь понять, что тот сказал.

— Чего? — выдавил, наконец, он.

— Я говорю, мутанты?

— Мутанты? Сох. Просто большие стали. Раза в три больше. Зверь многий вымер. А кто остался по-другому стал. Куобах большие. И меха много.

— Слушай, Молот, а почему ты нас за американцев принял? — обратился к нему Варяг.

— Но они тут были уже, — улыбнулся старик, откусывая кусок вяленого мяса.

— Американцы? — Лицо Людоеда стало вдруг каменным, а суровый взгляд намертво уцепился за старика. — Давно?

— Так, — старик кивнул, пожимая плечами, — Давно. Еще когда все разбомбили. Еще старшина самолета подбил. Там пилот

прямо в кресле выпрыгнул. Я его нашел. Он уже эльген, а я кресло забрал себе.

— Что за старшина? — спросил Варяг.

Старик задумался. Потом пожал плечами.

— Старшина Новой Республики. Он тиран. Я же говорил. Там за Улах-ан два тирана. Старшина и Титос Гау. Старшина на этом берегу Ёлленах. Титос Гау на другом. Тоже тиран. Они воевать друг с другом много. Сейчас перемирие.

— Елки-палки, — Вздохнул Варяг. — И тут война.

— Всюду где много людей, война. Вот поэтому я один живу. — Улыбнулся Молот.

— А Улах-ан это что? — спросил Людоед.

— Это ну… Водяные ворота как. Дамба там сделали. Далеко на север когда река замерзла, воды много стало заливать тайгу. А тут немного выше. Берега круче. А туда опять ниже. — Он махнул рукой. А где сейчас ниже понтон делали. Чтоб большая машина ходила. Туда ракета попала. Они охотились за большой машиной. Люди дамба делать стали, чтоб вода не заливала тайгу севернее, а отворачивала там, — он опять махнул рукой. Теперь река идет так. Ровно-ровно. Потом обрыв и опять река ровно-ровно. И все замерзшее. Это и есть Улах-ан. Водные ворота.

— Я ни черта не понял, — нахмурился Варяг.

— Да что тут не понимать? — охотник развел руками. — В тайга был большой машина. Три. Очень большой. Колес много. Они ракеты возили. А еще был часть. Те, кто понтон делали. Вертолетный полк и зенитчики. Там где пилорама коммерческая была. Они про эти машины мало знали. Но должны были защищать их. Это военные. Пилорама она мэру принадлежала. Он лес за границу отправлял. Много леса незаконно отправлял еще. Денег много было. А большие машины ракеты пускали.

— Большие машины, — Людоед хмыкнул, — Да это же «Тополь-М».

— А они разве тут базировались? — Яхонтов с сомнением посмотрел на Илью.

— А как ты думаешь, Варя, много народу знали, где они должны базироваться? Их маршрут и базирование совершенно секретные были.

— Слушай, Молот, а откуда ты все это знаешь? — Варяг уставился на якута.

— Так тут мой дом. Я тут жил. Отец мой жил. Дед жил. Все жили. А мой младший сын солдатом был у старшины. А старшина контрактник был. Он мне много рассказал. Сын мой. А потом туристы были. Много туристов. Богатые. Одни мужчины. Все крепкие. И у всех оружие. Одеты богато. Пятнистая одежда новая.

Я охотился и видел их. И к ним приезжал полковник и мэр. Они тоже охотились и пили. А потом один из этих туристов уходил и встречался с солдатами. А форма у них не как у нууччалар. Не как у русских. И говорили они не по-русски. И не саха тыла, не по-якутски. Я подумал странно. Может контра-банданан дьарыктанар? Ну… контрабандисты. Но граница далеко на юге. И не китайцы они. Я следил. Я если слежу, меня никто не заметит. Охотник я. Отец охотник был. И дед охотник был. Я видел. Палатка. Антенна. Солдаты нерусские. У меня труба была. У сына тоже труба была. Он прятал от командиров. Я звоню сыну. Сказал что странное в тайге. Солдаты не наши. Он никому не сказал. Только старшине. А в тот день полковник сказал старшине. Возьми десять человек и грузовой машина. Едь на виллу мэра и грузи его вещи. А потом вези, куда мэр скажет. А старшина позвонил ФСБ и про солдат странных рассказал и про то, что полковник солдат как рабов использует. Те говорят, чего ты дикого тунгуса слушаешь. А с полковником потом разберемся. И вообще в прокуратуру звони военную. А я не тунгус. Я якут. Он поругался с ФСБ. И поехал на виллу мэра. А никто ничего не знает. На вилле только жена мэра. А у жены мэра, когда они приехали, истерика. Она кричит, что делать, как жить дальше, война, это конец. Старшина тут все и понял. Он ее связал и подвал закрыл. Ыт… Собака была, он убил ее. Обыскал дом и нашел два ружья охотничьих и пистолет. Забрал и тайга уехал. Пришел ко мне и говорит, я привез тебе твоего сына. Забирай. Но дай мне оружие. Солдаты его с ним были. Они его уважали очень. Я говорю, зачем оружие. Он говорит кругом предатели. Война началась. И мы услышали, как бомбят. Вечером. Вечером все началось.

— Занятный какой цимес получается, — пробормотал Людоед потирая подбородок. — Где-то в этих краях базировалось оружие возмездия. «Тополь-М». Было подразделение по наладке переправы. Были вертолетчики. Были зенитчики. Командир, я так понял, зенитчиков, очень дружен с местным мэром и видимо имел контакт с иностранной разведкой. Перед началом всего кордебалета сюда прибыло подразделение диверсантов. И возможно элементы так называемой пятой колонны. Предатели. И в итоге какой-то старшина оказывается в водовороте заговора и совершает побег вместе с вверенными ему бойцами. Но только для того чтобы начать сопротивление врагу. Сюжетец однако…

— Н-да. — Варяг покачал головой. — Действительно. А старшина этот. Что с ним стало?

— Он старшина Новой Республики. У него гвардия. У него власть. Он тиран.

— Так это он?

— А я как сказал? Он это.

— А почему тиран?

— Так диктатура байыаннай. Военная диктатура. Его вождем называют те, кто с ним. Все должны его авторитет признавать. А тут других уже и не осталось. Теперь только те, кто в новой республике и старшину вождем называют. Или те, кто в легионе Гау. Это враги старшины. Ну а я сам по себе. Охотник я. Всегда так жил. Сына моего Гау убили. Старший сын на Камчатке был. В Вилюйчинске. А там, рядом база лодок атомных. Бухта Авача. Их ракетой всех…

— А тут ядерные удары были?

— Тут? Сох. Нет. Далеко были. Тут простыми бомбами и ракетами. Но очень мощными тоже. Им надо было только большие машины убить и зенитчиков. Старшина потом на зенитчиков опять напал. Сказал, что взял командовать на себя. Там офицер какой-то сказал, что он крыша поехала. Он офицера расстрелял. И все согласились, что он теперь командир. Они самолета сбили. Даже два. А еще тут летали маленькие самолеты, в которых людей не было. Он их тоже сбил два.

— Вот даже как, — хмыкнул Варяг, — Ладно. А второй тиран?

— Титос Гау? Это сын полковника. Я потом узнал. Это его новое имя. Он был с теми богатыми охотниками. У него легион избранных. Он так говорит. Новая высшая раса. У них много оружия американского. Каски. Форма. Они им помогали. Только старшина со своими солдатами мешать начал. Он потом поймал полковника. Мэра. Его жену. Еще многих поймал. Он их всех в баржу закрыл и утопил в орюсь… в реке… Они всюду предателей ищут. Подозрительные очень. Они много потом воевать с легион Гау. А сейчас перемирие временное. Сюда много беженцы приходили. С запада. С севера. С востока. С Байкала. С Владивостока. Потом даже с Камчатки. Тут атомных бомб не было. Не падало. Сюда много беженцев приходило. Были опять диверсанты. Немного. Старшина тогда устроил лагеря. Тогда еще теплее было. В лагеря беженцев сажали. Проверяли потом много. Потом отпускали. Но власть тут только у старшины и там у Гау. Много потом бежали к Титос. Обиделись на старшину. А он работать заставлял. Много работать. Строить жилища. Укрепления. Фермы для скота. На поле работать. Дамбу делать, чтоб река на Гау пошла. Но потом снег. Замерзла все быстро. А старшина все равно работать заставлял. И сейчас они работают. Там раньше были те, кто работать не хотел. Они дневники всякие писали. Все говорили, что как все плохо случилось. Конец миру. Конец человеку. Много говорили, только бы не работать. Мне не

нравятся такие. Зачем скулишь, если сам жив? Делай так, чтоб ничто не погибло, что может еще жить. Но они говорили, что они о высших материях думают. Какие такие высшие материи? Старшине они надоели. Он им тюрьма сделал с каторгой. Многие успели бежать. Они его тираном назвали. А Гау тоже работать заставляет. Но у него рабы есть. Хотя у Старшины политзаключенные тоже как рабы. Но Старшина говорит, что все люди равны, но есть паразиты, которых надо воспитывать и которых учить морали труда и созидания. А Гау говорит, что люди не равны. Есть высшие избранные. Есть недочеловеки и мутанты. Выживут сильнейшие, а остальные должны на них работать. Они селекцию проводят. Женщины у Гау работать не должны, если они полноценные. Они должны только рожать и ухаживать за домашним очагом и своими мужчинами. А старшина говорит, что все должны работать. Только женщины на женских работах, а мужчины на мужских.

— У нас в Надеждинске тоже примерно так, — покачал головой Сквернослов. — Все работают. От каждого по способностям…

— Вот тебе и глухая тайга. Целых два тирана, — усмехнулся Людоед. — А ты говорил, что у них есть топливо. Так это?

— Да. У Гау оказалась вертолетная часть. А рядом пилорама коммерческая. А они, я потом узнал, делали у себя на лесозаготовке бетонные полосы и завозили туда много топлива для самолетов. Туда американцы должны были прилетать и делать аэродром как промежуточный. Там был старый аэродром. Разогнали часть давно. А на том месте пилорама коммерческая сделать. И они там бетонная полоса длинней делать и топливо много завозить. Враги, почему бомба не бросали тут атомная? Им аэродром нужен был целый и топливо. А у Старшины зенитки все. Он не пустил первые самолеты. А потом оказалось что всем хана. Американцы не прилетели. А Старшина много вертолетов побил, которые Гау достались. А топливо у Гау много очень.

— Топливо, — Варяг нервно почесал бороду, — Мы можем самолет свой заправить.

— Ага, только дело за малым. Договориться с этим Гау. — усмехнулся Людоед. — Слушай дед, а людей сколько там?

— А я не считал. Тысячи там. И тысячи там. Раньше больше было. Но холод. Воюют. Болезни. Сейчас меньше.

— Значит вы в дружбе со Старшиной? — заговорил, наконец, Николай, единственный из их компании обратившийся к старику на «Вы».

— Да, — охотник кивнул. — Гвардейцы меня знают. Старшина знает. Они меня не трогают. К себе звали. А я привык

один. Охотник я. А тут моя земля. Люди Старшины признают мою землю. Но Гау не признают. Говорят я мутант. Недочеловек. Но сюда мало ходят они. Раньше ходили. А потом нет. Зачем им один старый якут сахалар? Им Старшина надо эльген сделать. Убить.

— А почему вы не думаете, что мы шпионы Гау? — задал следующий вопрос Васнецов.

— Я знаю Гау. Они смотрят по-другому на других. Как на мусор. Они думают, они высшая раса, а другие мусор. Или неполноценные или мутанты. Но я мутантов не видел. Это Гау сказки придумали и пугают всех. Что они, Гау, единственная сила, которая может бороться с мутантами. Нет, вы не Гау. Вы не думайте, что если я якут из тайги, то не соображаю. Я многое понимаю. Чутье у меня сильное. Охотник я. Сначала я подумал, что это те американцы прилетели, которых Гау ждут. А потом смотрю, вроде нет. — Он вдруг засмеялся. — Для нас азиатов, вы пучеглазые, конечно все на одно лицо, но я вижу, что не американцы. Славяне.

Все засмеялись, приняв шутку старика.

Людоед достал папиросу и закурил, сжимая ее зубами.

— Ну, какие будут соображения по поводу наших дальнейших действий?

— Какие тут еще могут быть соображения? — нахмурился Сквернослов. — Садимся в нашу тарантайку и едем дальше, как и ехали до того. Я больше не желаю ввязываться в какие-то разборки местного значения и уж тем более не желаю лететь. Натерпелся я этого самолета. Хватит. Да еще с таким психом за штурвалом.

— Тебе зубы говорить не мешают? — Варяг уставился на Вячеслава.

— Да иди ты, Варяг. Ты бы на себя со стороны посмотрел…

— Ну а ты Славик, попробовал бы управлять самолетом, — встрял Людоед.

Николай задумчиво взглянул на низкий потолок землянки и прикрыл глаза. Он снова видел в своем воображении чистое голубое небо и яркое солнце. Зажигающиеся в зените звезды. Ковер белых облаков внизу. Снова захотелось, во что бы то ни стало вырваться из удушающего плена серого занесенного снегом дня и безграничной власти свинцовых туч.

— Нам нужно топливо для самолета, — сказал он, наконец.

— И как ты себе это представляешь? — Людоед с иронией посмотрел на Николая.

— Надо подумать, — Васнецов пожал плечами. — Ну, вспомни. Мы же еще прошлой ночью разворошили черновиков и

привели их к поражению. Ты и я. Так неужели…

— Сбавь обороты, Коля. — Вячеслав был явно недоволен, — Там были рейдеры. Там была совокупность благоприятных факторов. А что тут?

— Да нет. Блаженный дело говорит, — Вздохнул Людоед. — Подумать, конечно, надо. Ведь еще один рывок на самолете и мы уже на Аляске.

— Сейчас мы много не надумаем, — Вздохнул Варяг. — Надо поспать. Отдохнуть. Прошедшие сутки были очень напряженные.

— Согласен, — кивнул Людоед.

— Так давайте отложим до утра. Молот, не возражаешь, если мы у тебя на ночлег останемся?

— Сох, — улыбнулся старик, — Оставайтесь. Правда, тесно тут.

— Ничего, — махнул рукой Яхонтов. — Славик и Илья, оставайтесь тут на ночлег. А мы с Николаем в машине переночуем.

— Зачем вам на Аляску? — спросил вдруг охотник.

Варяг задумался на мгновение, затем улыбнулся и сказал:

— Они ведь к нам прилетали. И мы теперь их навестим. А то как-то невежливо получается.

***

А тут совсем холодно, — поежился Варяг, подойдя к луноходу, припаркованному у жилища якута. — Представляю, каково на Аляске будет. Бррр…

Он был прав. Морозы Надеждинска, Москвы или Урала не шли ни в какое сравнение с холодом, царившим в этой местности. Хотя возможно так лишь казалось, ведь от холодов пройденных территорий остались лишь воспоминания. А холод Якутии был здесь и сейчас.

— Ты спать хочешь? — Яхонтов вдруг посмотрел на Николая.

— А что? — Васнецов по этому вопросу понял, что спать им не придется. — Вообще-то не очень.

— Ну, тогда давай потеплее оденемся. Смажь лыжи парафином.

— И куда пойдем?

— Осмотримся. На вертолет поглядим. Следы, которые Славик видел. Ты же любишь шляться по поводу и без. Вот и прогуляемся.

Поверх бушлатов они надели тулупы и водрузили на головы меховые шапки. На лица натянули дыхательные маски с большим

стеклом и обшитые теплой тканью для защиты лица от холода.

До реки они дошли минут за пятнадцать. Лыжи легко скользили по снегу. Единственное неудобство в пути доставлял давящий на плечи тулуп. Вскоре показался и стоящий во мраке самолет. Варяг некоторое время смотрел на него, словно приветствуя старого друга, затем двинулся в ту сторону, откуда они зашли на посадку. Довольно долго они прошли по неглубокому снегу, вдоль следа оставленного самолетным шасси при посадке. Путь мог и казаться долгим из-за монотонности движений и неизменного пейзажа покрытой льдом и снегом речной глади и полос оставленного следа. Километра через три они, наконец, увидели чернеющий на пробивающейся сквозь ночную темноту белизне снега корпус от БМП, который они сбросили с Ил-76.

— Отлично, — Варяг, остановился и тяжело дышал. — Значит вот там, на том берегу, должен быть вертолет. Пошли.

— Варяг, послушай, — произнес, догоняя Николай. Голоса обоих звучали, словно откуда-то из большой бочки, искажаемые масками.

— Чего?

— Что ты думаешь о том, что этот старик рассказал?

— Думаю, что нам опять замараться придется в крови.

— Ну а кто, по-твоему, лучше? Старшина или этот Гау?

— Старшина конечно. Он ведь не предатель, если верить словам якута. Хотя с головой у этого старшины, возможно, что-то случилось. Вообще не просто тут судить. Ясно, что старик ему симпатизирует. Но топливо не у него, а у Гау.

— И как нам быть?

— Я думаю, надо завтра со Старшиной этим связаться. Посмотрим что за фрукт. Может получиться у нас сотрудничество.

Николай хотел выразить сомнения на сей счет, но промолчал. Он, воодушевленный невероятным успехом в Екатеринбурге, где им удалось разгромить группировку черновиков, уверовал в то, что их миссия угодна самым высшим и любым мистическим силам, которые покровительствуют ему. А это значило конкретно для Николая, что можно было просто покончить с Гау и забрать его топливо. Однако здравый смысл постепенно вытеснял эту самоуверенность. Две противоборствующие стороны с тысячами людей. И Старшина так и не смог одолеть Гау. Так что может сделать четверка людей? Даже если и один Людоед стоил десятка. Васнецов вздохнул. Все-таки должно быть какое-то решение.

— Вот он, — Варяг указал лыжной палкой в сторону черноты

прибрежного леса.

Хищный корпус Ми-24 торчал почти вертикально, раздвинув деревья, в которые он попал и, уткнувшись носом в сугроб. Яхонтов посветил фонариком. Остекление обоих кабин было разбито при ударе. На стеклах были видны следы замерзшей крови. От лопастей винтокрылой машины мало что осталось. Рубя нещадно деревья, а было видно по характерным отметинам, что он влетел в эти заросли с еще вращающимся винтом, лопасти и сами разлетелись на куски. Хвостовая балка была согнута при ударе буквой «Г». Левый двигатель был разворочен и на корпусе виднелись следы огня. Звезды давно были закрашены и вместо них были черные круги с вписанным в них треугольником. Внутри треугольника был изображен глаз.

— Кажись «Иглой» его срезали. И сдается мне, что он тут месяц, от силы два месяца, лежит. — Произнес Варяг, осматривая машину. — Все что можно было тут снять, уже сняли. Тел экипажа тоже не видно. — Он посветил вокруг. — А вот и те следы, про которые Славик говорил. Да. Похоже, тут действительно аэросани были. Наверное, они и забрали отсюда все барахло и летчиков.

Дверь десантного отделения была сорвана при ударе, и они заглянули внутрь. Кабина была пуста и только в углу беспорядочно валялись какие-то листки бумаги. Варяг достал несколько и, убедившись, что они абсолютно идентичные, отбросил лишнее, оставив только один и светя на него фонарем.

***

«Жители Новой республики! Воины легиона Старшины! К вам обращаемся мы, избранные великим Гау для эпической миссии созидания и возрождения под знаменами высшей расы сильнейших и лучших из тех, кто достоин, победить в беспощадной борьбе за жизнь на этой планете! Великий и Мудрый Титос Гау уважает Ваше право на жизнь! Он уважает Ваше право на личные свободы! Он уважает Ваше право на жизненное пространство! Мы преданные апостолы Гау, чтим Ваши права, понимая решения Великого и Мудрого! Это говорим Вам мы. Те, кого кровавая клика зарвавшегося выскочки называет Вашими врагами. Мы не враги Вам! Мы Ваши друзья! Мы враги лишь для преступного и кровавого режима Старшины, угнетающего народ Вашей Новой республики. Кровавая клика Старшины боится пасть. Она боится потерять власть. Они вбивают в Ваши умы, будто мы и наш Мудрый Титос Гау хотим вашего

порабощения и истребления. Вашей кровью, Вашими страданиями они вымостили фундамент своей власти! И вы послушно идете на смерть, воюя против Ваших братьев — Легионеров Гау, которые несут Вам освобождение от старшинского ига. Которые несут Вам сытость и достаток! Которые дадут Вам культуру и цивилизацию. Вы воюете против тех, кто идет к Вам, чтобы протянуть руку помощи!

Банда мутантов и античеловеков одурманила Ваш разум образом врага! Какие перспективы Вам светят под пятой кровавого людоеда Старшины? Пожизненное рабство замаскированное под порочной идеей всеобщего равенства и нормами трудовой повинности? Или обретение свободы под знаменами зарождающиеся Империи Гау? Не мы Ваши враги! Ваши враги те, кто правят Вами безраздельно! Ваши враги — старшинисты, преданные тирану бандиты и кровопийцы! Мы принесем Вам свободу! Но Вы должны желать эту свободу себе! Если Вы люди, а не античеловеки и не мутанты, то вы должны желать себе лучшей доли! Помогите нам и мы поможем Вам! Если Вы считаете, что Вы не в силах свергнуть кровавый режим Старшины, то просто перейдите на другой берег реки и дойдите до первого попавшегося поста или патруля славных Легионеров Гау! Идите с этой листовкой! Эта листовка пропуск в лучший мир! Эта листовка, Ваш билет к свободе!

ВИВА ГАУ!!!»

Под текстом листовки красовалась печать в виде все того же черного круга с треугольником и глазом.

***

Варяг закончил читать и усмехнулся.

— Типичная агитка.

— Наверное, — Николай задумался. — А может все-таки мы решили не на тех ставить? Может Гау лучше Старшины?

Яхонтов взглянул на Васнецова.

— Ты слышал рассказ старика? Гау лучше? Они изменники и этим уже многое сказано, если не все…

— Старик не беспристрастный свидетель. Гау убили его сына. А какая в том была истинная причина, мы ведь не знаем. Возможно, в старике говорила не объективность, а слепая ненависть к Гау?

Яхонтов покачал головой и взмахнул перед лицом Николая листовкой.

— Вот-вот, Коля. Вот на это и рассчитана данная бумажка. И

как видно по твоей реакции, она работает. Ты уже засомневался и поверил написанному.

— Но это я. Человек не имеющий никакого понятия ни о Старшине, ни о Гау ни об их укладе и прочем. А как насчет тех на кого она рассчитана? Ведь это непростительная роскошь, изводить хорошую бумагу на листовки, а затем подряжать на их распространение целый вертолет и тратить топливо, рискуя при этом и машиной и людьми, способными вертолетом управлять. Значит, есть почва под этими словами. Значит не пустой это треп, рассчитанный на идиотов.

Теперь задумался Варяг. Он, молча, глядел в эту листовку, затем скомкал ее и отшвырнул в сторону.

— Нельзя недооценивать силу и значимость информационной войны и пропаганды. Ты не знаешь что это за сила. Уже давно нет телевидения и газет, интернета и кинематографа. Но эти, безобидные на первый взгляд, вещи, выворачивали мир наизнанку. Крошили государства на куски, заставляя единый некогда народ делиться на части, и идти друг на друга войной. Я помню, как это работало. Я помню, как формировалось общественное мнение. Нет, это не простое расточительство. Тот, кто не боится тратить силы и ресурсы на пропаганду и агитацию, получает мощный козырь. Пропаганда это тоже оружие массового поражения. Даже если они будут нести объекту своих усилий по промыванию мозгов совершенную чепуху, не имеющую ничего общего с действительностью, они имеют много шансов добиться успеха. Ведь так устроен человеческий разум. Даже гордого и сильного человека, принадлежащего к великому народу с великой и славной историей, можно убедить, что вся его история сплошной мрак и рабство под пятой бесчисленно сменяющих друг друга тираний. Его можно убедить, что он сам никчемное быдло, из числа множества никудышных представителей народа, который на самом деле ни на что не способен кроме беспробудного пьянства. В такой борьбе нельзя экономить на материальных ресурсах, которые можно бросить на оболванивание и одурачивание людей! Ведь сознание людей способны к изменению. Силой одной только пропаганды можно посеять в обществе хаос и незаметно подменить ценности людей на фальшивые и заставить их в эти фальшивые ценности верить. Так можно сломить любой народ. Любую нацию. Даже самую непокорную. И тогда последствия будут чудовищны. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в ненужную химеру. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость,

предательство, национализм и вражду народов — все это способна породить пропаганда. И вот с таких бумажек она и начинается. Нет, Коля, эта бумажка еще больше меня убедила в том, что ставить надо именно на Старшину. Потому что я помню прошлое. Я помню нашу историю, Николай.

— А что если ты ошибаешься?

— У нас не так много времени, чтобы изучать местный колорит, Коля.

— Так мы можем сэкономить это время, обратившись напрямую к Титосу Гау.

Яхонтов покачал головой.

— Если я не ошибаюсь, то слово Титос означает какое-то звание в иерархии масонов.

— А кто такие масоны? — пожал плечами Васнецов.

Варяг ответил не сразу. Он подыскивал наиболее оптимальный ответ. Короткий и емкий одновременно.

— Масоны это те, — произнес он, наконец, — Многие из которых занесены в черные списки артели ассасинов, мне так думается. То есть объекты подлежащие уничтожению. Те, кого должны убивать Людоед и твой отец, между прочим.

— Но ты ведь и в этом не уверен. Так?

— А в чем ты уверен? — Варяг ухмыльнулся.

Ответа не последовало. Николай понял, что тут ему возразить нечего. В голове снова сумбур мыслей, сквозь которые пробивалась какая-то непонятная тревога. Попытки докопаться до причины этой тревоги никаких результатов не давали, что только усиливало хаотичное движение мыслей.

— Вот то-то же, — Кивнул Яхонтов. — Ладно. Пошли обратно.

Они снова двинулись по реке, идя по собственному следу, оставленному на белом снегу. Васнецов продолжал думать о том, что вызывает это тревожное чувство и ему отчего-то захотелось быстрее пересечь эту замерзшую реку и оказаться на другом берегу. Он почему-то думал, что тогда его тревога если не исчезнет, то станет много меньше. Странно. Его ведь никогда не беспокоила родная река Ока, на берегу которой он всегда жил. Никогда до того момента, как не случилось то землетрясение, во время которого он и Вячеслав едва успели убраться с сокрушаемого стихией льда, спасая при этом старика эколога. Наверное, тогда в душе зародился страх перед замерзшим водоемом, где под слоем льда ждут своего часа холодные воды. Такое объяснение Николай нашел убедительным и рациональным, и стало даже немного спокойней.

53. РЕЖИМ

В общем-то, можно было понять, отчего старик вежливо и деликатно, но все-таки отказался выступить в роли проводника и указать путникам дорогу до так называемой Новой республики. До дамбы, где был резкий перепад уровня реки, от самолета было где-то километров двадцать пять. И уже от этих водных ворот нужно было проехать еще километров шесть. Конечно, ему не составило бы особого труда сесть в луноход и ехать с ними, указывая дорогу. Но обратный путь на лыжах для пожилого человека стал бы весьма затруднительным. На рассвете Якут просто набросал обломком сухой ветки на снегу примерную схему и направление движения. И вот теперь, когда луноход достиг Улах-ан, Людоед попросил Варяга остановить машину. Он вышел из вездехода и встал на высоком отвесном и заснеженном берегу. Дамбу достроить не успели. Потом резко наступили холода, которые с тех пор не прекращались. Характерные ледяные наплывы, каскадом образующие почти вертикальную стену в десять пятнадцать метров высотой наглядно говорили о том, как быстро ледяной холод стал диктовать свои условия реке. Это был словно застывший водопад, у края которого теперь стоял и курил Илья Крест, задумчиво разглядывая лед.

— Н-да, Варяг, начни ты посадку позже и дальше того места, шваркнулись бы отсюда как миленькие. — Задумчиво пробормотал он вышедшему из лунохода Яхонтову.

— Повезло, — пожал плечами Варяг. — Да тут километров двадцать пять. Еще и взлететь, пять раз хватит.

— Ну да, — Кивнул Людоед. Он был чем-то явно озабочен. И судя по всему, не тем что они могли немного промахнуться и при посадке упасть с этого перепада уровня реки.

— Ну что. Поехали, может уже? — спросил Яхонтов.

Крест лишь кивнул. Он хотел уже щелчком пальцев отправить окурок на замерзшую реку, но отчего-то передумал. Ударом подошвы сапога он сделал лунку в снегу и, аккуратно положив туда докуренную сигарету, еще одним движением ноги зарыл ее.

— Поехали.

Дальше берег реки был совсем пологим. Река стала заметно уже. Хорошо виднелись близко подступающие к кромке деревья раскинувшегося с той стороны леса. Через пару километров берег стал снова подниматься. Постепенно и почти незаметно. На снегу виднелись следы. Кто-то проходил на лыжах. Вот следы снегохода. Оленья упряжка. Собачья упряжка. Гусеничный транспорт. На возвышенности дорогу пересекали столбы с

дистанцией примерно в тридцать метров. Они тянулись от берега до густого леса, начинавшегося в паре сотен метров слева. На каждом пятом столбе большой деревянный щит. Луноход остановился у ближайшего щита. На нем был изображен прямоугольник, закрашенный черной краской. По диагоналям прямоугольника были из угла в угол изображены белой краской перекрещенные мечи. Это чем-то напоминало Андреевский флаг. Ниже флага надпись:

«Карантинная зона. Новая республика. Остановись и жди пограничников. По нарушителям границы огонь открываем без предупреждения».

Ниже кто-то кривыми буквами дописал:

«Не приходи с пустыми руками. Принеси голову Гау».

Людоед снова вышел из машины, не смотря на возражения Варяга и Николая. Он встал у столба и стал осматривать горизонт. Васнецов присоединился к нему.

Столбы находились на возвышенности, которая дальше шла практически прямой заснеженной равниной. Вдали виднелись деревья, вплотную подступающие к реке. Никаких признаков жизни видно не было, пока сразу в нескольких местах что-то не вынырнуло из снега. Николай отчего-то вспомнил снежного червя, убившего капитана Гуслякова. Он вскинул автомат, но Людоед резким движением руки, заставил его опустить оружие.

— Автоматы в снег! Руки в гору, живо! — закричали вооруженные люди в белых маскхалатах, вынырнувшие из сугробов с разных сторон. Стало теперь очевидно, что в снегу вдоль так называемой границы Новой республики были оборудованы секреты для передовых пограничных дозоров. И скорее всего эти секреты соединялись между собой прорытыми в толще снега ходами. Видимо, эти люди заметили луноход еще, когда он двигался от дамбы, спускаясь в низину. И понятно, что они притаились, ожидая незваных гостей.

— Блаженный, брось автомат и без фокусов, — пробормотал Людоед.

— Но почему, Илья? — возмутился Васнецов.

— Мы не воевать с ними пришли. Выполняй.

Николай бросил оружие и поднял руки. Но в душе его была обида и протест. Он не ожидал от Людоеда такой податливости вооруженным незнакомцам. Они ведь прошли такие баталии, но почему он тут спасовал? Хотя… спасовал ли он? В памяти всплыл эпизод в гадомнике. Обители мародеров ненавидящих Москву. Тогда он еще не знал Людоеда. И так же он не понимал, почему Варяг велел ему и Славику сдать оружие пьяным бандитам. Но спустя лишь минуту Варяг покончил с ними, усыпив их

бдительность своей покорностью. Может в этом случае Людоед тоже задумал какой-то хитрый ход?

— На колени! На колени быстро! Эй! Выйти из машины! Живо! Живо!!! — продолжали наперебой кричать пограничники Новой республики.

Воспоминания о гадомнике и мародерах заставили Николая прикрыть глаза. Он опустился на колени, и весь этот ор вооруженных людей сейчас растворился в холоде и его мыслях о девушке Ране, которую он в этом гадомнике убил. Первая человеческая жизнь, которую он оборвал. Как же давно она не приходила к нему в его снах… Васнецов вздохнул и взглянул на Людоеда. Илья и тут держался с достоинством. Он не встал на колени, а приклонил лишь одно. И руки он вытянул не вверх, а скорее выражал некоторое недоумение враждебной встречей, разведя приподнятые руки в стороны.

— Ребята, успокойтесь! Мы не враги! Нам с вашим Старшиной поговорить надо, это очень важно! — как можно громче сказал, но все же не прокричал, Крест.

Некоторые пограничники засмеялись.

— Чего? Вы слыхали братва?! Он говорит, ему Старшина нужен! А-ха-ха-ха!!! Эти титорасы вообще оборзели в своей тупости!

Людоед нахмурился.

— У нас важная информация для вашего лидера! — сказал он более жестким тоном.

— Да ты скорее с всевышним встретишься, чем с нашим Старшиной, титорас вонючий!

— Слушай, вот ты, — Илья кивнул на ближайшего бойца в светло-желтом тулупе и белой меховой шапке, — Мы не здешние и ваших тонкостей не знаем. Так что не надо нас этим словом называть с таким видом, будто нам все понятно.

— Заткнись, Гау вонючий! Не здешние они видите ли. Конечно вы не здешние, мать вашу! Вы с той стороны! Больше никто и нигде не выжил! Последние беженцы десять лет назад были! Так что не надо нам тут порожняки гнать! И каждая скотина Гау знает, как мы вас называем! Вы же, мать вашу, высшая раса и поклоняетесь этому упырю Титосу! Вот вы все и есть титорасы! Понял, гнида?!

— Я же говорил, что надо было идти к этому Гау, — еле слышно вздохнул Николай…

Со стороны рощи, что подступала к реке совсем близко, мчалась странного вида машина. Это был небольшой автобус, чьи окна заварили листовым железом, оставив узкие щели. Колеса давно были демонтированы и вместо них были широко

расставленные лыжи. Еще одна лыжа, короткая и широкая, выступала перед корпусом и видимо служила для руления машины. Движущей силой являлся большой толкающий винт, вращающийся позади корпуса машины. Это были аэросани. Но явно не те, что оставили след на реке возле места посадки самолета. Ведь там было две колеи. Эта же машина оставляла тройной след из-за подруливающей лыжи. На белом корпусе снова черный прямоугольник с перекрещенными мечами. Уже с выключенным мотором машина скользила по инерции какое-то время и не успела она остановиться, как из нее высыпал десяток вооруженных людей. Какой-то системы и унификации в их одежде не было. Все были одеты тепло и явно в то, что имел каждый из них. Однако одеяние не было неряшливым или обветшалым. За одеждой они следили. Единственное, что их всех объединяло, так это нарисованные или вышитые на всю спину перекрещенные мечи. Вместо знаков различия красные повязки на левом рукаве у каждого. На повязках были либо желтые звезды в разном количестве, либо снова мечи крест-накрест, либо щит и меч.

— Так! — командным голосом воскликнул тот, что был с изображением щита и меча на повязке, — Этих в вертокат! Держать по отдельности! Разговаривать не давать! Глаза завязать! Одного из их трактора тоже туда! Водителю ствол под ребра и тоже глаза завязать! Пусть ведет к отделу по командам! Стас, будешь его поводырем! Трое в ту машину! Быстрее!

***

Трудно было понять, как далеко их завезли. Гул мотора и толкающего аэросани винта свербил разум. Плотная материя не давала видеть, что происходит. Потом гул стих и его куда-то повели. Сначала под ногами хрустел снег, и было холодно. Потом ступеньки вниз. Все равно холодно, хоть и меньше. Скрип досок, лязганье стальных дверей. Затхлая вонь сырости и плесени. Снова скрип досок. Потом хлопки его собственных шагов и еще нескольких пар ног, глухим эхом уносящиеся вперед. Где-то вдалеке снова лязгали стальные двери. Голоса в отдалении. Судя по звукам, это была сеть узких и длинных коридоров с каменными стенами. Чья-то рука дернула за плечо, заставив остановится.

— Как оформим? — послышался хриплый недовольный голос.

— Диверсанты Гау, — другой голос прямо над ухом.

— Мы не диверсанты Гау! — протестующе воскликнул

Николай.

— Молчать! — удар в живот, не сильный, но, тем не менее, болезненный из-за своей неожиданности, — Лицом к стене!

— Я же не вижу где стена, — простонал Васнецов. Почему не слышно его товарищей? Они рядом или нет?

— Не разговаривать! — снова раздраженный голос и кто-то его толкнул. Васнецов уткнулся лицом в холодную, сырую шершавую стену.

Зазвенела связка ключей. Скрипнул замок и, снова лязгнула тяжелая металлическая дверь. Его затолкали в какое-то тесное помещение и дверь захлопнулась. Скрип закрывающегося замка и удаляющиеся шаги. Николай осторожно снял повязку, но ничего не увидел. Даже попытки мобилизовать свои морлочии способности различать в темноте некоторые детали ни к чему не привели. Лишь ощупав руками, пространство вокруг он понял, что находится в крохотном помещении, которое даже помещением назвать было трудно. Что-то сырое и тесное. Метр на метр. Так почему не включается это зрение, которое помогло ему в Аркаиме, при встрече с молохитами?

Снаружи послышались шаги. Снова где-то хлопнула дверь. Неразборчивый разговор двух мужчин. Чей-то кашель. Может просто, потому что нет тут никаких морлоков или молохитов? Нет здесь люпусов и крыс. Нет чудовищных снежных червей. Здесь всюду люди. Именно человека боится человек больше всего. Вот она, разгадка. Они суровы. Они не проявляли жестокости, как вандалы или черновики. Они вели себя как профессионалы. Ведя в эту камеру, они не оскорбляли. Лишь окрикивали, когда это требовалось. Повязки. Лицом к стене. Они просто делали рутинную каждодневную работу, и в этой работе Николай не был личностью. Он был рабочим материалом, подобных которому прошло по этому коридору множество. Люди здесь были пугающе сосредоточенны. Николай вдруг понял, что, только имея дело с людьми можно проиграть. Сколько он видел люпусов или морлоков? Они где-то там далеко. На крохотном уголке континента, что когда-то звали Европой. Морлоки так вообще лишь в московском метро. Снежный червь? Встретился лишь единожды. Молохиты? Ютятся в Нижнем Аркаиме и скорее всего, обречены на вымирание из-за соседства с рейдерами. Легионы чумных крыс? Ганина Яма и Екатеринбург. Да и там люди нашли способ бороться с ними. Нет. Это все не страшно. Люди… Людей они видели и встречали всюду. Амазонки, терминаторы, людоеды олигарха, Вавилон и вандалы, рейдеры, черновики, разрозненные общины Екатеринбурга и наконец, Легион Гау и Республика старшины. Никто так не опасен как человек. Много ли он

встречал животных? А вот людей массу. Человечество не уничтожено в ядерном апокалипсисе. Нет. Оно живет и продолжает войну. Вот он, секрет его страха. Даже одичавшие гадомцы-мародеры и беспринципные черновики не так страшны. Ими двигали какие-то недалекие мотивы. Страшнее те, кто наделен разумом и интеллектом. Кто уничтожает не со злобы, а потому, что считает это своим долгом и работой. Он стал явственно ощущать страх перед теми, кто его так обыденно запер здесь. Может страх человека перед человеком и не давал мобилизовать свои приобретенные возможности? Ведь он ощущал, что тут не просто люди, а сильные люди. Убежденные в своих идеалах и преданные своему делу. Может это и хорошо, что они такие, но только не в том случае, когда они без колебаний и сомнений объявили его, Николая, и его товарищей своими злейшими врагами. Что будет дальше? Проходило время в этом тесном мраке, а вопрос этот пульсировал в голове.

А дальше снова послышались шаги. Они приближались. Загремел замок двери, и она распахнулась, ослепив скудным светом коридора. Но за последний час или точнее гораздо больше уже, с повязкой на глазах он отвык от света и ярким стал даже полумрак.

— Кто разрешил снять повязку! — громко и угрожающе произнес тот, кто открыл дверь. Он схватил Васнецова и стал снова надевать ему на глаза плотную черную материю…

***

Это было достаточно большое помещение. Серые бетонные стены и низкий потолок с темными разводами сырости. Лампа дневного света над столом и узкое окно слева под потолком, откуда пробивался и свет улицы. Значит это не подземелье. Пол тоже был каменным. Все это Николай разглядел, когда среднего роста сорокалетний человек в военной форме без погон и с лицом мясника сорвал с него повязку. Васнецов сидел на стуле и его руки за спинкой сковывали наручники. Лысеющий мужчина с лицом мясника уселся за большой деревянный стол и пристально посмотрел на Николая.

— Ну, — спокойно произнес мясник.

Васнецов взглянул на пожелтевший плакат нарисованный тушью, за его спиной.

«Не болтай лишнего. Гау не дремлет. Болтун, находка для шпиона». Эта надпись красовалась над изображением бравого бойца в расстегнутой гимнастерке, который судя по позе и

выражению лица, о чем-то хвастливо рассказывал полуголой девице, соблазнительно лежащей на кушетке и внимательно его слушающей. Радом с плакатом висел деревянный стенд со стальными крючками, на которых были развешаны сверкающие чистотой острой стали хирургические инструменты, чей вид заставлял страх делать режущие движения по нервам.

— Что ну, — тихо ответил Николай.

— Говорить будем? — выражение лица мясника не менялось.

— А я молчать и не пытался. Но мне ваши запретили разговаривать. — Он попытался пожать плечами, но запястья заболели.

— Здесь такого запрета не будет. — Человек в мундире покачал головой. — Здесь надо говорить. Говорить много и предельно подробно. — Он встал со своего стула, — И, главное, честно.

— Так что я должен говорить?

— Правду.

— Это я понял… но…

— Ты со мной играть вздумал?! — заорал вдруг мясник и сделал шаг в сторону Николая.

Васнецов вздрогнул.

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите…

— Значит, не хотим по-хорошему да? — человек снова стал говорить спокойно. — Хотим тратить мое время и нервы? Да? Только подумай хорошенько, что пока ты будешь тратить мое время, у тебя будет очень быстро тратиться твое здоровье. — Он медленно повернул голову и кивнул на развешенные, на стене хирургические инструменты. — Так что потери будут неравноценные. Оно тебе надо?

— Я не понимаю, чего вы от меня хотите, — нервно проговорил Васнецов. Сейчас он с удовольствием оказался бы один на один с морлоками или ворошил бы гнездо молохитов. Но здесь он чувствовал себя совершенно подавленным. Ведь тут он имеет дело с человеком.

— А что с тобой будет, понимаешь? Мы ведь тут свой хлеб не зря едим. Грош нам цена, если бы мы думали что все Гау идиоты и охотно верили бы в их тупизну, глядя на то как они искусно включают дурака. Гау не идиоты. Они умны. Они хитры. Иначе, будь они дураками, кем бы мы были в таком случае, если до сих пор не покончили с этими мразями?

— Вы считаете, что мы Гау? — Николай уставился на мясника.

Человек снова уселся за стол и засмеялся.

— Я не думаю что вы Гау. Я это знаю.

— Но ведь это не так! — воскликнул Николай.

— Вот упрямый какой, — вздохнул мясник. Он выдвинул ящик своего стола и извлек оттуда черный берет, у которого вместо кокарды красовался значок радиоактивности.

У Васнецова похолодела спина. Это был, берет Людоеда. Что с ним?

Тем временем человек извлек из берета то самое метательное лезвие.

— Это ведь твоего дружка по фамилии Крест. Верно? — спросил допрашивающий.

— Ну… — нехотя проговорил Васнецов.

— Вот видишь. Говорить правду совсем не трудно. — Мясник улыбнулся, но его улыбка была еще более неприятна, чем его крики. — Так вот этот твой друг оказался более сговорчивым. Он признался, что вы диверсанты Гау.

— Но… Но этого не может быть. Вы лжете. Не мог он этого сказать, потому что мы не Гау. Мы вообще из Калужской области.

Мясник снова засмеялся.

— Послушай, парень, ну зачем упираться? Понимаю, молод… Сколько тебе, кстати?

— Двадцать три…

— Ага. Двадцать три. Понимаю. Когда случилась ядерная война, тебе всего три года отроду было. Ты и не помнишь ничего. И Гау тебя в оборот взяли несмышленого. Потому ты и упрямишься больше твоих товарищей. Они-то понимают, что этот ваш Титос, тварь и тиран. Они понимают, что выступили на стороне вселенского зла. А вот ты упрямишься. Тебе сызмальства внушили ложные идеалы. Но ведь ты не глупый парень. У вас же там, в диверсионной школе все знают, что если попал к нам, в «Отдел профилактики и безопасности», то никуда от нас уже не денешься. А тебе еще жить да жить. Мы понимаем, что ты молод был и одурманили тебя, сволочи эти. Но у нас ведь справедливое общество. Мы тебе шанс дадим. Человеком станешь. Перекуешься. Будешь гражданином Новой республики. Только дурака валять перестань.

— Человеком стану? А я и есть человек. И не какой я ни Гау. И врете вы все про моих товарищей!

Мясник достал из стола стеклянный графин с водой и граненый стакан. Неторопливо налил себе воды и стал медленно пить. Затем уставился на небольшое окно под потолком помещения. Вздохнул. Налил еще один стакан, подумал о чем-то и резко выплеснул его в лицо Николаю. В тот же миг он нанес рукой сильную пощечину по увлажнившемуся лицу.

— Шутки кончились, титорас! Отвечай! Ваша миссия!

Координаты второй группы! Вы ведь отвлекали внимание пограничников! Где вторая группа! Цели! Имена! Координаты! Не молчи скотина! — орал он и снова и снова раздавал жгучие пощечины. — Я же тебе сейчас скальпель под ногти вгонять буду, тварь!

Он нанес еще один удар. Стул опрокинулся вместе с Николаем. Заболело плечо. Васнецов зажмурился и ощутил удар ногой в живот. Было больно. Но еще больше было обидно. Обидно за весь пройденный путь. За гибель космонавтов. За тех конфедератов, что так самоотверженно их защищали. Было обидно, что он не повернул обратно в Москву, заняв себя и последние дни или месяцы этого мира поиском отца и дяди, чтобы встретить истинный финал рядом с ними. Было обидно что Илье пришлось покинуть Нордику… Ради чего все это? Чтобы вот так попасть в какие-то застенки к мяснику и сгинуть тут, обрекая на гибель и все живое на планете?

— Лучше убей меня, сволочь, — прохрипел Николай. — Убей меня сразу. И вы все подпишите себе смертный приговор. Никто уже вас не спасет. Всем придет конец. И тебе, морда, и старшине вашему, и этим Гау, и рейдерам, и старику охотнику, и Лере с ее Иваном, и инвалиду, сыну Ветра. Вам всем конец. Я не желаю вас спасать. Убей меня. Я вас приговорил…

Мясник присел рядом и стал приговаривать:

— Вот так. Вот хорошо. Ты говори сынок. Говори не останавливайся. Давай-давай. Говори сынок…

— Сынок? — простонал Васнецов, — ты мне не отец, морда. Я сын офицера ВДВ.

Мясник снова нанес удар и тут позади, у только что скрипнувшей двери раздался громкий и строгий возглас:

— Что здесь происходит, черт подери!

Мясник резко развернулся и вытянулся по стойке смирно.

— Товарищ комиссар-наблюдатель, — пробормотал он растерянно, — Я…

— Вы я вижу, совсем потеряли всякий страх и чувство меры, гражданин следователь!

— Нет, но я…

— Немедленно поднимите задержанного!

Мясник бросился выполнять команду. Тем временем вошедший человек в темно-синем мундире с перекрещенными мечами на обшлагах тужурки продолжал строго отчитывать следователя.

— Что за титорастские методы вы тут практикуете! Или декларация Старшины о гуманном отношении с заключенными для вас пустой звук?! А ведь этот юноша даже не заключенный!

Он задержанный до выяснения! Что вы тут устроили!

Следователь поднял уже Васнецова и снова стоял по стойке смирно, нервно теребя руками полы своего длинного кителя.

— Товарищ комиссар-наблюдатель, — пробормотал он, — Но ведь его подельники уже признались. И он уже начал говорить. Это диверсанты Гау.

— Да я вижу, откуда берутся такие признания! Я не сомневаюсь, что побудь этот юноша с вами наедине еще пять минут, и он признался бы, что убил Кеннеди и поджег рейхстаг!

— При всем уважении, товарищ комиссар-наблюдатель, но я…

— Но вы сейчас заткнетесь, и выйдите вон из кабинета! Немедленно!

Мясник поморщился и стремительно направился на выход.

— Стоять! — скомандовал ему вошедший в темно-синем мундире, когда они поравнялись. — Ключ от наручников. Ну! — он требовательно выставил перед следователем руку.

Мясник нервно порылся в карманах и, протягивая ключ, пробормотал:

— Я бы не рекомендовал вам…

— Я в ваших рекомендациях не нуждаюсь! — рявкнул комиссар, забирая ключ, — А теперь вон!

Следователь выскочил из своего кабинета и захлопнул за собой дверь.

Комиссар хмурился и качал головой, освобождая Николая от наручников.

— Я прошу прощение за излишнее рвение нашего сотрудника, — проговорил он спокойным голосом и отошел.

Васнецов принялся растирать запястья. Такой оборот событий вызвал в нем бурю эмоций, которые он еле пытался сдержать. Он уже почти смирился с тем, что их здесь по ложному подозрению уничтожат. Но вот появился этот спаситель в синем мундире, переделанным под нужды местных спецслужб из формы сотрудника МЧС.

— Как вас зовут? — спросил комиссар присев на край стола.

Васнецов взглянул на него. Он был высок и подтянут. Заметно старше следователя мясника. Лицо, гладко выбритое и открытое, располагающее к откровенной беседе.

— Николай, — буркнул Васнецов.

— Тезка значит, — комиссар улыбнулся. — Я тоже Николай. Николай Андреевич. Старший комиссар-наблюдатель главного политического управления наблюдения и профилактики.

— Я бы сказал, что очень приятно, но это нихрена не так, — продолжал ворчать Васнецов, глядя на него исподлобья.

— Понимаю. От общения с офицерами Отдела профилактики и безопасности вообще мало приятных впечатлений. Но я право не думал, что некоторые сотрудники оного ведут себя подобным недостойным образом. Хотя, наверное, у вас там создают именно такое представление о наших органах безопасности.

— У нас? — Николай удивился, — Это где это, у нас?

— В легионе.

— Какой к чертям легион… — Васнецов вдруг запнулся и понял суть происходящего. Это вызвало в нем непреодолимое желание расхохотаться, что он и сделал. — Черт бы вас побрал! — воскликнул он хохоча. — Черт бы вас всех побрал!

— Отчего вы смеетесь? — комиссар пожал плечами.

— Зачем вы цирк это разыгрываете? Да я молод! Да я вырос уже на пепелище мира! Но я не идиот! Я книжки читал и знаю этот прием, ясно вам?! Злой следователь, добрый следователь… Херня все это! Мы не Гау! И бросьте ваши потуги бесперспективные! Мы прилетели вчера из Екатеринбурга! На самолете прилетели! На СА-МО-ЛЕ-ТЕ! Ты когда последний раз видел самолет, дядя?! Я сын русского офицера! Среди нас еще два офицера! Моряк и летчик! Настоящие офицеры, которые до сих пор о присяге не забыли! И брат мой названный, которого мои родители приютили, когда все гаркнулось! Так какого хрена вы клеймите нас какими-то Гау?!

Николай сорвался на крик и готов был броситься на этого человека. Однако комиссар сохранял спокойствие и внешне ни как не реагировал на этот эмоциональный взрыв.

— Следователь уверяет, что ваши товарищи сознались в принадлежности к легиону Гау. Как вы это прокомментируете?

— Ваш следователь козел! Это ложь наглая! Вы меня не сломали, а Варяга и Илью вообще никому не сломить! Они воины! Они не могли оговорить себя! Это брехня все!

— Ну ладно. А с какой целью вы прилетели?

— А вот подите вы к черту, товарищ тезка. Мы об этом скажем только вашему Старшине. Нам нужна помощь. Потому что мы взяли на себя ответственность за выживание всех выживших на земле. Вы себе не представляете, какая угроза над всеми нависла!

Комиссар улыбнулся и покачал головой.

— Ладно. Я доложу о вашей просьбе товарищу Старшине, — он улыбнулся и, повернув голову в сторону двери, крикнул, — Конвой!

В кабинет вошел вооруженный вояка, которого в темноте запросто можно было бы принять за молохита. Огромного роста с плечами, которые, наверное, были созданы, чтоб на них таскать

гаубицу. Шея едва ли не шире круглой головы с покатым лбом.

— Слушаю, товарищ комиссар, — произнес он неестественным для своей внешности мягким голосом.

— Задержанного в коридор. Ждать меня. А пока пригласите сюда следователя Ежова.

— Есть, — конвойный кивнул, — Задержанный встать!

Николай поднялся.

— Руки за спину, смотреть в пол! На выход!

Васнецов повиновался. Он вышел в коридор. Там стояло еще несколько бойцов. Николай видел только ноги.

— Лицом к стене! — крикнул другой вояка.

Николай выполнил и краем глаза заметил, что лицом к стене стоят еще три человека. Он повернул голову. Это были его товарищи. Варяг, Людоед и Славик.

— Мужики, вы как? — тихо спросил он, обрадовавшись, — Мне сказали что вы…

— Не разговаривать! — заорал кто-то прямо над ухом и ткнул его автоматом в спину, — Головой упереться в стену и смотреть на свои ноги!

***

Мясник-следователь Ежов вошел в свой кабинет.

— Ну что? — спросил он у комиссара.

— Он не глупый, как и его друзья, — пожал плечами комиссар, — Правда, излишне эмоциональный. Разговорить его легко. Только для этого надо быть не костоломом, а психологом.

Ежов тихо хохотнул.

— Да ладно тебе, Андреич.

— Плесни-ка мне воды, — Николай Андреевич перебил следователя и кивнул на графин. Ежов налил стакан и протянул комиссару.

— Холодная зараза, — поморщился тот, отпив, и стал растирать горло. — Гланды болят неделю уже.

— Лечиться тебе надо, Андреич.

— Посмотрим…

— Ну, так что он рассказал тебе?

— Про самолет раскололся практически сразу. Я же говорю, подход нужен грамотный. Значит, не почудился пограничному дозору вчера летящий самолет. Очень интересно.

— Даже так, — хмыкнул следователь, — И куда их сейчас?

— Пока в карантин нашего управления.

— Ну ладно. А с чего вашему управлению этим делом

заниматься? Это ведь наш хлеб. У вас задачи другие. Тут же рядовой случай, если не считать, конечно, самолет.

— Другие, — комиссар кивнул. — Только Старшина это дело на личный контроль взял.

— Сам Старшина? Это почему? — Ежов удивился.

— Во-первых, самолет. Событие из ряда вон. Во-вторых, очень интересная у них машина. Ну и в третьих груз. То, что гвардейцы при досмотре там обнаружили и сразу доложили напрямую старшине, минуя инстанции. Вот он и заинтересовался, что это за люди.

— Да титорасы это! Ежу понятно! — усмехнулся следователь.

— Ежу говоришь понятно? — комиссар посмотрел на Ежова с каким-то пренебрежением. — Но если ты забыл, я тебе напомню, что Старшина не еж. И я, представь себе, тоже. Мы люди.

Следователь нервно кашлянул.

— Андреич, я не то имел ввиду…

— Подумай сам. У Титоса есть великолепные диверсанты из числа легионеров. И есть тысяча способов проникнуть скрытно на территорию Новой республики и приблизиться к нашему городу очень близко. Диверсанты Гау могли такое сделать. Другое дело, что бы это им дало? Группа должна быть маленькой для пущей скрытности, но малая группа не в состоянии произвести сколь-нибудь значимую акцию у нас. Если только у них нет чего-то особенного. Эти четверо могли нас уничтожить всех одним ударом. Однако они этого не сделали, а перли открыто, да еще и остановились на границе и не оказывали никакого сопротивления. Почему? Ответ очевиден. Они не Гау. Они издалека и о местных делах вообще понятия не имеют.

— Погоди, Андреич. А чем они нас могли?

— У них в машине ядерная бомба.

Ежов раскрыл рот и выпучил глаза.

— Что?…

— Ты не ослышался. Диверсионный ядерный заряд. Они могли пустить его в ход, скрытно подобравшись к городу. Но они этого не сделали. А ты знаешь Гау. На них не похоже.

— Нет, погоди, атомная бомба?!

— Слушай, дружище, не трепись об этом. — Комиссар, наконец, поставил стакан на стол. — Стульчик под тобой итак очень шаткий.

— То есть?

Николай Андреевич направился к выходу и, обернувшись у двери, произнес:

— Если я еще раз узнаю, что ты пытаешь задержанных, я заведу на тебя дело. А ты знаешь, как относятся в

политуправлении к нарушителям старшинистической морали.

— Андреич, ты чего! — воскликнул Ежов, — Мы же не первый год знаем друг друга!

— Вот именно. И поэтому ты должен хорошо понимать, что я не шучу. Будь здоров.

И комиссар-наблюдатель вышел из кабинета.

54. СТАРШИНА

Это становилось уже дурной привычкой, находиться в карантине. На сей раз, не было клетки, как у Московских конфедератов. Не было уютной комнаты с музыкой из динамика, как у рейдеров. Был карцер со скрипучей кроватью. Холодный и сырой. С тусклым светом. Электричества едва хватало, чтоб хоть чуточку накалить вольфрамовую нить спрятанной в плафон из толстого мутного стекла лампочки. Но удручало не это. Удручало то, что в этом карантине их держали отдельно друг от друга. Николаю уже казалось, что он прошагал несколько километров, меряя шагами карцер из угла в угол. Останавливался. Тупо смотрел на паутины трещин в стене из крупных шлакоблоков. Снова мерил шагами. Поговорить с товарищами так и не удалось. Конвой воспрещал это делать, пока их сюда вели. Хотя, быть может, их разлучили сразу. Ведь глаза им снова завязали. Во всяком случае, они живы и здоровы. Уже это должно было радовать. Но настроение были подавленным. Даже снисходительное обращение комиссара не оставляло положительных впечатлений. Они ведь хотели добыть топливо и сократить время пути при помощи все того же самолета. Но теперь получалось, что им предстоит пробыть взаперти неопределенное время.

В голове Николая постоянно крутилась мысль, что возможно стоило идти к Гау. Он ругал себя за отсутствие инициативы в данном вопросе. Ругал товарищей за неправильное решение в выборе союзника. Ругал старого охотника за то, что он, судя по всему, ввел их в заблуждение своим рассказом о местной ситуации, основанном на его личной неприязни к Гау и предвзятости.

Васнецов, наконец, перестал ходить и улегся на кровати, которая заскрипела, напомнив о родной солдатской койке в родном и невероятно далеком подвале Надеждинска.

«Надо было ставить на Гау» — вздохнул он и прикрыл глаза. После этого прошло меньше минуты, и он погрузился в глубокий сон.

***

Огромная толпа, собранная в большом ангаре продолжала истошно вопить. Мужчины, женщины подростки. Много людей в униформе НАТОвского образца. Ее нетрудно было узнать по

характерным кевларовым шлемам, чем-то напоминающим германскую каску сталкера Армагена из Москвы. По защитным наколенникам и налокотникам. Те, кто разрабатывал амуницию для солдат НАТО, знали свое дело хорошо. Они заботились о защите и комфорте своих солдат. Она отличалась от формы российских солдат обилием продуманных деталей и элементов. Чего греха таить, в российской армии закостенелое мышление засидевшихся в креслах чиновников и бюрократов было далеко от того, чтобы озаботиться о добротном обмундировании своих солдат. Бойцам не хватало качественной обуви. Им давали повседневную форму, которая в силу своего качества принимала плачевный вид после первой же стирки, а там наверху думали не об этом, а о том, подшит солдат белым подворотничком, который практически не имел никакого смысла или нет. А все новое и качественное, что создавалось для армии, можно было найти лишь на рынке и в магазинах. Хотя в небольших количествах новая и по многим параметрам превосходившая западные образцы униформа все-таки доходила до некоторых подразделений Российской армии. Так, во всяком случае, рассказывали на занятиях в новой эпохе. Эпохе после всеобщего конца. Тем не менее, на занятиях с воспитуемыми в Надеждинске немало внимания уделяли униформе солдат НАТО. Если поначалу после атомной войны ожидалось, что очень скоро придется с ними столкнуться на своей земле, то много позже, когда все покрылось снегом и тучами, эти уроки стали больше похожи, лишь на дань прошлому. На занятиях говорили о достоинствах и недостатках униформы противника и о том, что наша армия выигрывает у них лишь не имеющими мировых аналогов тулупами, ушанками и валенками. Поначалу это могло звучать смешно. Но спустя некоторое время именно от тулупов валенок и ушанок стала зависеть человеческая жизнь. Да и вообще выживание вида. И все прелести НАТОвской повседневной одежды канули в прошлое. Он еще долго разглядывал всю эту нескончаемую массу людей, поражаясь синхронности их возбуждения и единому порыву, в котором они что-то монотонно вопили. Мужчины, женщины, подростки. Иногда старики или взрослые с грудничками на руках. Их взоры, отражающие бордовый с синим свет в ангаре, были устремлены к большой трибуне, на которой, однако, никого не было.

— Гау!!! Гау!!! Гау!!! Гау!!! — орала толпа, вскидывая руки с зажатыми кулаками над своими головами.

Если у кого-то на руках были маленькие дети, то они плакали от этого страшного шума и жуткой психосферы, окутавшей всех людей, как дым горящего здания окутывает всех находящихся в

нем жильцов. Но детский плач, тонул и терялся в сотнях глотках скандирующих — ГАУ.

— Гау!!! Гау!!! Гау!!! Гау!!!

Васнецов только на минуту задумался над тем, что он вообще тут делает и как оказался здесь. Общий настрой толпы смахнул с него всякую способность мыслить и анализировать. И ему так же захотелось взмахивать руками и орать заветное ГАУ, погружая себя в иррациональный экстаз дикого восторга и стать частью этой безликой толпы, создавшей своим эмоциональным состоянием что-то вроде коллективного разума… Или наоборот… Всеобщее бессознательное…

Но этого сделать ему не довелось. Он проснулся, почувствовав какое-то прикосновение. Миловидная женщина лет сорока, поставив поднос с едой на табурет, стала накрывать Васнецова старым солдатским одеялом, что и стало причиной его пробуждения.

— Извини, — она по-доброму улыбнулась.

— Ты кто? — недовольным голосом спросил Николай.

— Не ты, а вы, — сказал кто-то строго, — Она тебе в матери годиться.

Васнецов повернул голову. У входа стоял вооруженный охранник с обрезом охотничьего ружья.

— Никита, это не вежливо, намекать на мой возраст, — тихо засмеялась женщина.

Николай снова взглянул на нее. О возрасте ей говорить не требовалось. Она выглядела очень хорошо. И дело не в красивых чертах лица и ухоженных вьющихся каштановых волосах, обрамляющих лицо и шею. Она буквально источала жизнь и какой-то оптимизм, даже, несмотря на глубокую грусть в темно-карих глазах.

Охранник на замечание только недовольно шмыгнул носом.

— Тебя ведь Николай зовут? — Женщина обратилась к Васнецову.

— Да. Николай.

— Ты поешь. Я еду принесла.

— Не хочу я есть, — проворчал Васнецов, усевшись на койке.

— Ты не брезгуй, — Рявкнул Никита, — Это ваша жрачка. Из вездехода вашего. Свою провизию мы на вас тратить не собираемся.

— Никита, ну хватит уже, — она нахмурилась. Затем снова обернулась к узнику. — Тебе кстати привет передавали.

— Кто? — оживился Васнецов.

— Друзья твои. Они вообще друг другу приветы передают, — улыбаясь, говорила женщина, — Я им всем еду принесла. Только

все отказываются есть. Покушал только этот, в черном. С усами. Илья. Еще и поблагодарил.

— Ты ешь, ешь, — снова заговорил охранник, — И спать не заваливайся. Скоро вас сам товарищ Старшина примет.

— Какая честь, — брезгливо усмехнулся Николай, который все не мог отделаться от мысли, что надо было идти к Гау. И в голове пульсировали возгласы толпы, которые так его манили.

— Следи за языком, пацан. Тебе за Старшину тут любой голову открутит. Ладно, Лена, хватит с ним нянчиться. Пойдем.

— Пошли, — кивнула женщина, и они покинули карцер.

Николай вздохнул, медленно растирая ладонями лицо и пытаясь понять смысл своего сна. Затем он сорвал белое полотенце с подноса, обнажив железную миску с едой и кружку с компотом из сухофруктов. Есть все-таки хотелось.

***

Новая республика представляла собой небольшой городок. В отличие от всех поселений, что им встречались, жизнь здесь не ушла под землю. Исключение составляла лишь кантина «Три свиньи» и «Вавилон». Но там все было обнесено общими стенами и сводом, представляя единый комплекс. А Новая республика выглядела иначе. Можно было только представить, какой титанический труд проделали подданные Старшины, обнося старые здания дополнительными слоями стен из бревен, досок, шлакоблоков и бетонных плит. Помимо доработки старых зданий они давно возвели и новые, послевоенные. В ход шло все. Даже речные баржи и блоки глины с тростником. Архитектура зданий была прямоугольно проста, но упор строители делали на непробиваемости стен и сохранении тепла. В единые комплексы были объединены лишь некоторые группы зданий, которые находились близко друг от друга. Иногда откуда-то из глубин строений доносились звуки работ или бодрые солдатские речевки. «Фашистам, натовцам и Гау, у наших есть один ответ!

Добро пожаловать ублюдки готовим вам свинцовый мы обед!».

Многие строения соединялись между собой тоннелями из железобетонных труб большого диаметра. Суровые условия ядерной зимы заставили граждан Новой республики придумывать самые разнообразные ухищрения для отопления своих жилищ и сохранения в них тепла. Резиденция главы этого города-государства была в центре Новой республики. В трехэтажном здании управления. Помимо обители самого Старшины там был

генеральный штаб республики и так называемый университет. Место, где граждане республики могли получить какие-то дополнительные знания. В своей цитадели, Старшина держал и всех имеющихся здесь ученых, которым были предоставлены жилые комнаты. Повсюду, снаружи и внутри зданий виднелись различные агитационные плакаты. То идущий в штыковую атаку солдат, под которым значилась надпись — «Удави зверя Гау», то изображения каких-то местных героев, с перечислением их заслуг и призывом следовать их примеру. То плакаты с какими-то жуткими иллюстрациями бесчеловечности и опасности Легиона Гау. То изображение какого-то усатого человека, держащего перед собой в руках маленького ребенка и надпись «Старшина подарил нам надежду! Подарим ему победу!». В помещениях много черных флагов с перекрещенными из угла в угол мечами. На сей раз им почему-то глаза не завязали, что давало возможность все это рассмотреть. И на попытку поговорить конвоировавшие четверку путешественников гвардейцы Старшины никак не реагировали.

— Мы куда вообще идем? — тихо спросил Николай у Варяга, когда они миновали усиленный блокпост из долговременных огневых точек и танка ПТ-76.

— К их лидеру. Он принять нас хочет. — Ответил Яхонтов.

— Вот как…

— Почему у вас флаги черные? — Людоед обернулся к одному из гвардейцев. Черный цвет вызывал неприятные ассоциации с полотнищами черновиков.

— Это траур по всем кто погиб в мировой войне, — мрачно ответил боец. — И вообще это наш вариант Андреевского флага. Только траурный и боевой одновременно…

Пройдя мимо многочисленных постов охраны административного здания они, наконец, поднялись на третий этаж, где их ждал комиссар-наблюдатель Николай Андреевич и еще один человек в мундире и голубом берете.

— Здравствуйте, — вежливо кивнул он пришельцам. — Проходите. Охрана остается в коридоре.

— Я возражаю, — нахмурился человек в берете.

— Это приказ товарища Старшины, — тоном, не терпящим возражений, ответил комиссар.

И они вошли. Нет, это не было роскошными апартаментами погрязшего в роскоши среди всеобщего бедствия диктатора. Просторный кабинет. Отделанные досками стены. Большой стол. На столе настольная электрическая лампа с одной стороны и керосиновая лампа с другой. Подсвечник с огрызком свечи. Несколько старых блокнотов в центре стола и десяток карандашей в отполированном до блеска обрезке артиллерийской

гильзы. Пепельница из такой же гильзы. Полевой телефон. Вдоль стен стеллажи с огромным количеством книг. Массивный сейф. Ряд стульев перед столом и один стул со стороны хозяина. Причем хозяйский стул был такой же, как и те, что для гостей. В углу вешалка с висящей на ней армейской шинелью и тулупом. Под потолком лампа дневного света. Окон в кабинете не было, поскольку он находился в глубине здания. В противоположной от входа стене еще одна дверь, справа от которой висела большая карта.

Вот из этой двери и вышел человек, как две капли воды похожий на того что был нарисован на плакате, держащим в руках ребенка.

— Встать! — скомандовал комиссар рассевшимся на стульях гостям.

Они поднялись. Однако человек в зеленом мундире без погон и нашивок небрежно махнул рукой.

— Садитесь, — тихо сказал он и расположился на хозяйском месте.

Ему было уже за пятьдесят. Невысокий, плотного телосложения. Темные волосы с сединой. Густые черные усы. Густые брови, обрамляющие пристальный взгляд с прищуром.

— Здравствуйте, — размеренно проговорил он, — Меня зовут — товарищ Старшина.

— А мы с Варягом полковники, — усмехнулся Людоед.

— Уверяю, вас. Здесь это не имеет значения. — Спокойно ответил Старшина. — Все ваши звания, регалии, заслуги. Кто вам это присвоил, кто награждал, нет возможности проверять.

— Вы не любите офицеров? — поинтересовался Варяг.

— У нас тут много офицеров, — хозяин пристально посмотрел ему в глаза, — Настоящих офицеров.

— Но заправляет всем старшина, — снова ухмыльнулся Людоед.

Комиссар недобро на него посмотрел, но промолчал, видимо выжидая реакцию хозяина.

Хозяин никак не отреагировал. Только так же спокойно произнес:

— Сомневаюсь что вы тут найдете того кто этим недоволен.

— Недовольных вы, наверное, в лагерь посадили или расстреляли, — проворчал Николай.

— Коля, заткнись, — тихо проговорил Сквернослов.

— Отчего же. Пусть говорит. Зачем мне ваша неискренность. Не будет доверительной беседы, не будет и толка от нашей встречи. Но эту встречу ведь вы искали. Не я.

— А откуда у вас электричество? — Варяг взглянул на лампу,

решив увести разговор в другое русло. Неприятности с местными властями им были совсем не нужны. — Я что-то ветряков у вас не заметил.

— Но они есть. В другом месте. Но в основном из воды, — Ответил Старшина.

— Из воды?

— Да. Из воды. Вода, есть самая универсальная субстанция, что известна человеку. Она дарит жизнь. Но может нести смерть. Тяжелая вода. Оксид дейтерия. Вообще в воде скрыты колоссальные энергетические ресурсы. И я, и вы состоим из воды на три четверти. Наш мозг. Наше сердце. Даже бензин гореть не будет, если из него убрать всю воду.

— Но как? Как из воды можно получить электричество? У вас гидроэлектростанция?

— Слишком примитивно, — Старшина неторопливо покачал головой. — Водород. Пища мириадов солнц. Есть группа ученых… — Он вдруг встал со стула и, повернувшись спиной к гостям, взглянул на карту. — Вы ведь не будете спорить, что самоистребившаяся цивилизация в основе своей зиждилась на потреблении. Грабила единственную планету, на которой ютилась. Пилила сук, на котором сидела. Однако иногда являлись миру светлые умы. И была группа ученых, которая в инициативном порядке разработала технологию получения экологически чистой энергии. Это оказалось более эффективная технология, чем солнечнее батареи. И даже более дешевая и простая чем ветряные генераторы. Небольшая установка, питающаяся водой и синтезирующая водород. Система цикличная. Потом снова получается вода. КПД колоссальный. Но при все при этом, технология удивительно простая в реализации. Но надо было быть очень наивными людьми, чтобы в мире, где правили те, кто сколачивал немыслимые богатства на нефти, пытаться протолкнуть эту технологию в быт всего человеческого общества. Началась травля этих людей. Кого-то даже убили. Еще до войны. Но потом цивилизация погибла. Начались миграции выживших. И вот эта группа, вернее то, что от них осталось, оказалась у нас. И на нашу удачу и на их счастье. — Он вернулся на свой стул. — Однако оставим это лирическое отступление. Технология засекречена, поскольку Гау тоже нужна дешевая электроэнергия. Так что давайте перейдем к самой сути. — Он выдвинул ящик стола и извлек оттуда две курительные трубки. Одну из них Николай узнал. Она принадлежала Варягу.

— Это ваше? — он протянул трубку Яхонтову.

— Да. Но у меня еще при обыске табак изъяли. — Ответил Варяг.

— Табак значит, — Старшины хмыкнул и поставил на стол деревянную шкатулку, — Угоститесь моим пока, — сказал он и поднял трубку полевого телефона. — Коменданта мне, — строго сказал Старшина. Через некоторое время в трубке послышался хрип, на который строгим голосом хозяин ответил, — Помощник? А где сам?… Так… Это я понял… Значит слушайте внимательно, у вас есть тридцать минут чтобы его разыскать и передать ему мое распоряжение. Пусть вытрясет дух из бойцов, что изымали имущество у вчерашних задержанных. Через полчаса у меня в кабинете должно быть абсолютно все, что они изъяли. Даже если к кому-то прилипла ниточка от вещей задержанных, то они должны вернуть и ее. Полчаса. Все. — Он положил трубку телефона и принялся забивать табаком трубку курительную. — Откуда вы?

— Мы из Калужской области. — Ответил Варяг.

— Все четверо? — он снова пристально взглянул на гостей.

— Я из Москвы, — мотнул головой Людоед.

— Вот значит как. Ну и как столица?

— Как и все остальное. В руинах. Но выжившие есть.

— Враждуют?

— Враждуют, — кивнул Крест.

— Логично. — Старшина закурил и, поднявшись, подошел к карте. — Калужская область значит. Москва. А вот где мы. И как вас так угораздило?

— Давайте все по порядку расскажу, — вздохнул Варяг.

— Именно на это я и рассчитываю, — не оборачиваясь, произнес Старшина.

И Варяг начал рассказ. Он говорил о Надеждинске. Рассказал о неожиданном визите космонавтов. О землетрясении, белом медведе и чудовищном черве. Поведал о ХАРПе и решении совета Надеждинска его уничтожить. Рассказал об экспедиции. О визите в Москву. О пси-волках. О конфедератах. Об их дальнейшем пути. Не забыл упомянуть о Вавилоне и рейдерах. О том, что происходит в Екатеринбурге и, разумеется, о самолете. Старшина слушал внимательно и не перебивал. За время этого долгого рассказа он только один раз пыхнул трубкой, и она потом вовсе погасла. Наблюдавший за ним Николай вдруг понял, что диктатор курит больше не для удовольствия, как Варяг, а для других целей. Он чаще затягивался, когда вел разговор. Видимо трубка помогала ему правильно вести этот разговор. В нужном ему русле. Каждая затяжка давала ему время обдумать очередное слово и каждую новую фразу. Обдумать очередной вопрос и правильно его сформулировать. Или ответить на вопрос именно так как ему надо, а не иначе. Судя по всему, он был очень

недоверчивым и подозрительным человеком.

Когда Яхонтов закончил свой долгий рассказ, прервавшийся лишь на минуту, когда в кабинет внесли пакет с вещами, которые прикарманили обыскивавшие четверку путников бойцы Новой республики, Старшина снова закурил и через минуту размышлений произнес:

— Космонавты значит. На луну летели, — он усмехнулся. — И это у вас значит луноход.

— А что вас смущает? — поинтересовался Варяг.

— Разве я сказал, что меня что-то смущает? Мне просто интересно, эти ваши космонавты, земля им пухом, случайно не рассказывали вам, как они собирались преодолеть пояс Ван-Аллена, если собирались на Луну?

— Какой пояс?

— Радиационный пояс вокруг Земли. Пояс Ван-Аллена. Жесткое космическое излучение там, где уже не предохраняет от него магнитное поле земли, как на орбите. Как они собирались его преодолеть? Ведь не из свинца же был их корабль, верно?

— Погодите, но ведь всякие аппараты на Марс и еще бог знает куда отправляли.

— То аппараты. Там не было людей. Но судя по вашему рассказу, на Луну летели люди.

— А как американцы туда летали еще черти когда? — вмешался в разговор Людоед.

— А они туда летали? — Старшина прищурился и усмехнулся.

— Погодите, вы хотите сказать что…

— Я ничего не хочу сказать. Просто любопытствую. И этот ваш луноход… Такие аппараты, товар штучный. Особенно в стране с таким бюджетом и валовым внутренним продуктом, какой была наша родина перед войной. Но оказывается, что такими аппаратами укомплектованы еще и вооруженные формирования этих рейдеров. Не много ли луноходов делала страна, которая толком не могла свою армию содержать?

— Но разве их много? — возразил Варяг.

— Много. Для лунохода их много. Это ведь не Ка-50, которых у нас, по пальцам можно было пересчитать. Это не МиГ-МФИ, который был у нас всего один. Это луноход. Машина не для этой планеты даже. Такие вещи на конвейере не делали.

— И что это, по-вашему? — нахмурился Яхонтов.

— Вы слышали о так называемых танках политбюро? — ответил Старшина после минутной паузы.

— Нет. И что это?

— Особые транспортные средства для передвижения и

жизнедеятельности представителей высших эшелонов власти, партийных и военных лидеров, на случай глобальной и неограниченной ядерной войны. Их разработкой занимались еще при Хрущеве.

— Не слышал, — ответил Варяг, — И что, вы думаете, что это и есть тот самый танк политбюро?

— Ну, думать можно все что угодно. На деле может оказаться, что это действительно луноход и что они действительно летели на луну. Да не долетели. Во всяком случае, сейчас это уже совсем не важно. Сейчас важно другое. — Старшина извлек из-за стола сверток материи для солдатских портянок и развернул его. В нем лежал предохранительный стержень от ядерного заряда Людоеда и флакон с эфиром, который дал Дитрих. — Это зелье, дело понятное. В быту бывает полезным. Но вот в своем рассказе, вы, уважаемый гражданин Варяг, отчего-то не упомянули про ядерный заряд, который везете. Откуда он у вас?

— Это мой сувенир, — усмехнулся Людоед.

— Ваш? — Старшина пыхнул трубкой и поднял брови. — Я-то думал, что ядерное оружие России, есть собственность Министерства обороны страны.

— В былые времена, да. Только где сейчас это министерство? Квартиру я получить не успел. С пенсией тоже оказия вышла. Так ведь что-то в память о родном министерстве нужно было оставить. Вот я и прихватил. Ну а вообще, если серьезно, это наш ответ ихнему ХАРПу. Надеюсь, вы не думаете конфисковать у нас это оружие и использовать на свое усмотрение?

Старшина в очередной раз скрыл свою задумчивость за пеленой выпускаемого из трубки дыма.

— Я, откровенно говоря, рассчитывал не на это. Я рассчитывал на то, что с ядерным оружием давно покончено.

— Если хотите знать, то я тоже надеюсь что она последняя. — Ответил Илья.

Николай понимал, что он лукавит. По крайней мере, Рейдеры обладали ядерным оружием. И кто знает, где еще в мире были выжившие, сохранившие это рукотворное исчадие ада для каких-нибудь целей.

— ХАРП, — Старшина снова подошел к висящей на стене карте. — Аляска. А ведь была когда-то нашей территорией. Интересно, как бы все сложилось… Н-да. Наверное, после революции ее все равно аннексировали бы американцы. Но… Когда укрепился во власти собиратель имперских земель и вырезал всю старую большевистскую гвардию своими чистками, то он стал бы изыскивать способы вернуть Аляску… Война. Если

бы эта территория была нашей… Танковые армады Красной армии блицкригом прошлись бы по континенту. Как это было в войне с японцами. Три недели и все. Мы в Мексике…

— Да вы маньяк, — вырвалось у Николая.

Комиссар устремил на него гневный взор, продолжая ожидать реакцию Старшины. Тот медленно повернулся, показывая не предвещающую ничего хорошего улыбку.

— Обоснуйте, молодой человек.

— Что тут обосновывать? Дорвавшийся до власти унтер. Выкормленный войной и кровью. Нет? Всюду плакаты. Угрозы. Ваши портреты. Да у вас культ личности и диктатура! Вы еще и мировым господством грезите!

— Однако как много вы успели понять за то малое время, что здесь находитесь. — Усмехнулся Старшина.

— Все время, что я у вас нахожусь, я был в застенках ваших карательных органов. Как и мои товарищи…

— Колян захлопни пасть, — зашипел Вячеслав.

— Ну уж нет! Он хотел откровенности!

— Разумеется, — Старшина кивнул, — Давайте откровенно. Диктатура? Конечно. Вы жаждали демократии? Вы знаете, кто придумал демократию? Древние греки. У них было тепло. Климат такой. И сытно. Они любили философствовать. Много философов у них было. Потому что им нихрена не надо было делать. Им не надо было думать, как согревать свои жилища. Потому что у них было тепло. Им не надо было думать, как добыть еду. Потому что всем этим занимались их рабы. Они, быть может, не угнетали рабов своих, как это делали те черновики, про которых вы тут рассказывали. Рабы там, наверное, жили в сытости. Но они были рабами. Как и сытые рабы этих ваших рейдеров. И придумав демократию, эти греки даже представить не могли, что не будет рабов, а будет всеобщее равенство. Равенство они видели для себя. Как и демократию. Посему суть демократии проста до боли. Демократия — для демократов. А для рабов — рабство. Кем бы вы родились при демократии? Рабом или элитой? Какая сложная дилемма, да? Все и всегда вы можете решить за себя сами? Боюсь, жизнь сама расставит свои коррективы. А у жизни злая ирония. Когда настал крах советской империи, люди кричали, нужны реформы. Нужна демократия и рыночная экономика. Старая система никуда не годиться. Да, при новой экономике будет двадцать процентов безработных. Зато жить будем припеваючи. Как на западе. Только им почему-то и в голову прийти не могло, что они окажутся среди этих двадцати процентов. Демократу сказали, понимает ли он, что его реформы приведут к смерти двадцати, а то и тридцати миллионов людей в огромной стране

за годы реформ. Он сказал, и что же, не проводить никаких реформ? Они, значит, не вписались в новые реалии и условия жизни. Вот так легко и просто. Ведь он себя не видел среди этих миллионов. И близких своих не видел. Одну особу из штатовского госдепа спросили, понимает ли она, что устроенные ими экономические санкции против государства Ирак за десять лет привели к гибели десятков тысяч иракских детей. Она ответила, что это очень трудный, но нужный выбор. Ибо это путь демократии. Вот так вот запросто. Это ведь не ее дети. Те, кто развязал ядерную войну, надеялись на свои бункеры и запасы. Хрен с ними, с миллиардами людей. Главное в ядерной войне — это бункеры для элиты. Демократия это выбор. Безусловно. Выбор между тем, раб ты или элита. Жертва или тот, кто этими жертвами устилает путь. Но разве ты делаешь этот выбор?

— А что, тирания лучше? Человек волен распоряжаться своей судьбой, когда над ним стоит тиран? — возразил Васнецов.

— Нет. Тирания не лучше. Но тирания тирании рознь. Вот вам пример, за годы опричного террора при тиране Иване Грозном было казнено людей в десять раз меньше, чем в то же время за одну Варфоломеевскую ночь в просвещенной Европе. Но Иван тиран, а они там культурные и цивилизованные люди. А что было бы с гражданами Новой республики, не будь этой самой Новой республики и жесткого централизованного управления? Я работал. Мои соратники работали. И мы заставили работать и создать себе условия жизни, всех кто был здесь и пришел сюда. Неважно, кто этот человек. Чиновник краевой администрации. Генерал, бизнесмен, солдат или рабочий. Все вкалывали. Были тут и те, кто пофилософствовать любил. Болтологией заниматься. Мы, дескать, люди другого склада. Нам другой вид деятельности предначертан. Мы интеллигенция. А кто сказал что интеллигенция, это безделье? Я им показал, что им предначертано. Трудовые лагеря, вот что. И важно помнить, что там, за рекой, всего в тридцати километрах обосновался враг. Кучка предателей. Со своей аморальной идеологией. И враг с нами цацкаться не будет. Война не окончена. Война продолжается. Я тиран? Будь, по-вашему. Тиран. Знаю, меня так многие называют. Да что там, пройдут годы. Возродится все, быть может. И тогда меня тираном назовут все. Ведь жизнь станет другой. Может, настанет весна. Природа проснется. Отстроятся города. Будут жить в теплых квартирах люди, и смотреть телевизор. Им не надо будет в борьбе и тяжком труде добывать еду. Они пойдут в ближайший супермаркет и все что надо там купят. Конечно, в их понимании я буду тиран. Ведь им не хочется думать о том, как мы жили. Как выживали. Какую цену нам

приходилось платить, чтобы в труде и борьбе сделать возможным будущее благоденствие. И они будут чураться своей истории. Пугаться ее. Клеймить свое прошлое. И злого тирана Старшину. Ведь у них все будет по-другому. Легко и просто. Но от непонимания своего прошлого они впадут в невежество. Снова. И все тогда повториться. Скатятся в хаос и беспредел, в аморальность и безнравственность, где нет жесткой руки и львиного сердца, болеющего за вверенный ему в подданство народ. И тогда они возмечтают о диктатуре. О жесткой руке. О льве на троне. Ведь если баранами правит лев, то они станут львами. А если львами правит баран, то они обречены, быть баранами. Ведь единственная свобода, которая по большому счету нужна человеку, это свобода от ответственности и бремени принятия решений. Пусть государь думает, как сделать жизнь лучше. Пусть он заботиться о народе. А если не справится, мы его свергнем и призовем тирана. А если справится, то потом, когда придут новые времена, мы назовем его тираном и отречемся от него. Это ведь так легко, пнуть мертвого льва. — Он принялся выбивать из трубки пепел, стуча по обрезанной гильзе-пепельнице. — Излюбленная забава человечества, пляска на граблях. Одних и тех же граблях. Шекспир сказал, что весь мир театр. Я говорю, что он не прав. Мир — это цирк. Большая круглая арена. И люди бегут по этому кругу, как дрессированные верблюды. Все это уже было. Были лишения и жесткая рука. Был тяжкий труд, в котором строилось будущее. И будущее отстояли ценой неимоверных усилий и больших жертв. Но в будущем люди стали гадить на могилы своих трудившихся и сражавшихся отцов и посыпать свою голову пеплом. Может потому мы и пришли к такому ужасу, который в итоге случился. Потому что не любим, делать выводов и извлекать уроков. Ведь мы любим свободу. Свободу от принятия решений и беремени ответственности. Кто-то один сказал за нас, что там, в прошлом, все было плохо и неправильно. Значит, так оно и есть. Кто-то сказал, что надо пустить ракеты, и все нажали кнопки. Ну, пусть через много лет назовут меня тираном. Значит, будущее это будет. И в том наша будет заслуга. А то, как они удержат наш дар, уже будет их забота, ответственность и решение. Но я держу все в жестких руках, чтобы новые люди в Новой республике были воспитаны по-другому. Чтобы была преемственность. Чтобы помнили уроки. И знали, что жить они будут ценой наших жертв. А сейчас… Мы выжили, что бы жить. А что бы жить, надо выживать. Неужели в вашем Надеждинске все по-другому?

— У нас нет лагерей и тюрем. И наказания там только административные. И правит всем совет, а не один человек. И не

видим мы в каждом прибывшем врага. И…

— Ты просто не помнишь, Коля, что было в самом начале, — проворчал Варяг. — Нам в Надеждинске пришлось пройти все круги ада, чтобы все утряслось и превратилось в дружную трудолюбивую общину. Да легче было в том, что у нас в основном слаженные подразделения военных.

— Тут тоже военные…

— И среди них предателей много, — перебил его Старшина. — Я ведь не с этого начинал. Я считал своим наипервейшим долгом сохранить людей и оказать возможное сопротивление врагу. Десант ведь был и был он до войны. Перед самым началом. В огромной стране с никудышной системой контроля, не оклемавшейся после развала и децентрализованной системой ПВО. С продажными должностными лицами которые подобно тем оборотням в погонах, что пропустили колонну груженых вооруженными бандитами КАМАЗов к роддому… За тридцать серебряников… А тут командир подразделения и чиновник местной администрации были повязаны с вражеской агентурой. Они хорошие деньги поимели. Им было чем торговаться. В этих краях курсировали машины «Тополь-М». Они их сдали. Продали безопасность страны и народа. Вероятность ответного удара. Нарушили равновесие, предохраняющее от мировой войны. Я не знаю, кто все заварил. Я не знаю кто все это начал. Ведь, как я понял из вашего рассказа, перед войной мы тоже похулиганили. Верно, товарищ Крест? База противника в северной Атлантике ваша работа?

— Моя, — кивнул Людоед.

— Ну, ясно. Сразу скажу, упрекнуть мне вас не в чем. Во всяком случае, в этом вопросе.

— На том спасибо. — Илья улыбнулся.

— На здоровье, — Старшина открыл свой ларец с табаком.

— Угоститесь теперь моим, — Варяг протянул ему кисет со своим табаком, который вернули полчаса назад.

— Без обид, товарищ Яхонтов, но я курю только свой, проверенный табак. — Ответил Старшина. Он набил трубку и снова закурил. Покачивая головой, разглядывал дым. — Непросто было поначалу. Но я не зря в былые времена много времени уделял солдатам. Даже взял на себя обязанность проводить с ними занятия по общественно-государственной подготовке. Офицером было лень. У них других забот хватало. Армию ведь сокращали. Но не сокращали обязанности. В итоге то, что делали раньше десять человек, приходилось исполнять пятерым. Даже необученным. Да и кому охота возиться с бойцами. Что-то им объяснять. Выслушивать их. Быть им старшим братом. Не хотели

офицеры этого делать. И я взял эту функцию на себя. И, разумеется, я не читал им казенные бумажки, написанные теми, кто понятия не имел, чем живет боец. О чем думает и переживает. И они стали тянуться ко мне. Излишних поблажек по службе я не давал. Но относился к ним по-человечески и выслушивал. Помогал, чем мог. И много с ними беседовал. Прививал то, что школа уже давно не прививала, а родители забывали. Любовь к родине. Гордость за свою историю. Гордость за свою нацию. Кем бы он ни был. Русский, татарин, якут, дагестанец, чуваш, калмык. Ну и за кем солдаты пошли, когда все началось? За теми, кто слушать об их проблемах не хотел? Кто смотрел на них как на бесплатную рабочую силу? Или за мной? Многие хотели уйти. Добраться до дома. Я их понимаю. Но есть долг. Я поговорил с ними. Уговорил остаться на неделю. Покончить с окопавшимися врагами и предателями здесь. А потом я их не держу. Но идти им уже было некуда. Тут ядерных ударов не было. Глухая тайга кругом. А вот в их города и поселки пришла ядерная смерть. А я задолго до этого говорил солдатам, что война неизбежна. Политическая и экономическая ситуация во всем мире такова, что война дело времени. И объяснял им, что надо делать в этих условиях. Провидцем оказался — Он усмехнулся, — Авторитет мой от этого только вырос. И это был не дешевый авторитет, какой зарабатывают некоторые командиры, закрывая глаза на неуставные отношения в подразделении или пьянство подчиненных. Нормальный авторитет лидера. Старшины. Строгого, но справедливого. И дел потом у нас не убавлялось. От своих людей я узнал, что глава областного УВД собрал архив с дактилоскопическими картами военных. Каждый военный ведь должен был сдавать отпечатки пальцев. И материалы хранились в УВД. И этот мерзавец хотел эти материалы передать врагу. Ведь если эту зону оккупируют, и кто-то из военных уйдет в подполье, то их легче будет вычислить. Мы перехватили и уничтожили и этого предателя. Архивы у меня. Потом подняли голову недобитки. Появился Гау.

Васнецов слушал его и вдруг ощутил болезненную пульсацию в висках. Он отчетливо вспомнил разбитый вагон, где он, с ушибленной головой и Юра Алексеев с загнивающими от ран ногами грелись у костра, в который Николай подбрасывал письма. Там было письмо одного солдата из армии. Он хорошо сейчас помнил. Тот писал своей матери, что попал в хорошую часть, потому что у них хороший старшина. Только говорил этот старшина много о войне. Что она неизбежна…

— У нас было много времени на переосмысление произошедшего. — Продолжал говорить Старшина. — Мир был

обречен. Мир зашел в тупик. Неверная экономическая модель. Потребительство невосполняемых ресурсов. Вражда и навязывание своих идеалов другим. Интеграция и глобализм. Все могло прийти к истинной тирании. Единоличному диктату группы авантюристов. Тайного мирового правительства. И тогда не было бы никакого спасения. Никакой альтернативы. Никакого выбора. Одна модель. Одно мнение. Один режим. Да, были бы у нас личные свободы. Хочешь черную одежду — иди и купи. Хочешь пеструю. Иди и купи. Хочешь быть голубым… Да пожалуйста. Твоя задница. Хочешь смотреть дебильный сериал, умовыжигательное токшоу, словоблудов и обезьян, произошедших от человека, светские хроники публичных куриц и будни гламурных потаскух, смотри на здоровье. Мы сделаем для вас дешевые телевизоры. Мы сделаем для вас четыреста каналов. У вас есть выбор на этих каналах. Между дерьмом, блювотой, мочой и соплями. Выбирай. Вот твои свободы. Хочешь выбрать между слоном и ослом, выбирай. Это ведь свобода и демократия. Хочешь умирать. Умри. Хочешь жить, попробуй. Хочешь сказать, что президент дурак, ну скажи. В этом ведь ключевое отличие тирании от свободы. Плохой тиран льет тебе на голову дерьмо, но ты молчи. Хороший демократ льет тебе на голову дерьмо, но ты теперь можешь открывать рот. А кто тебя будет слушать? Что это изменит? Ничего. У тебя иллюзия свободы и отсутствие тирании. Ведь вокруг демократия. Чего еще желать? Нет. Конечно то, что я сейчас кажу, это чудовищный цинизм, но война принесла благо. Мир сейчас разрушен до основания и покрыт снегом. Это чистый белый лист. И с этого чистого листа нам надо начинать все сначала. Опираясь на неудачный опыт прошлого. Помнить его уроки. Ведь последняя цивилизация, как видимо и те, что были до нее, не справились с наипростейшей задачей вселенского разума — идти вперед и развиваться. Вместо этого все бегали по замкнутому кругу цирковой арены, как дрессированные верблюды. И наступали на одни и те же грабли. Мы начали с самого начала. И в начале пути нужна жесткая рука, потому как надо бороться. И от нового воспитания людей и их анализа ошибок прошлого будет зависеть, будет в будущем необходимость тирании или нет. Но если вам, молодой человек, что-то не нравится, то сейчас именно у вас есть такая честь и привилегия как выбор. Вы не наш человек. Не гражданин Новой республики. Если вы хотите идти к Гау, я вас не держу. И предателем вас никто не объявит. Кого вам предавать? Вы меня не знаете. Но вы не знаете и Гау. Не знаете, какое это зло…

— А если Гау добро, вы, ведь все равно будете говорить что он зло. Ведь так? Это ведь суть вашей пропаганды? — возразил

Николай.

— Это суть любой пропаганды, — улыбнулся Старшина, выпустив очередной клуб дыма.

— Нам нужно топливо для самолета, а если я не ошибаюсь, оно есть у Гау, — вмешался в разговор Варяг.

— Конечно. У них его в избытке. Они ждали много самолетов. Но мы постарались, чтобы не дождались. И какие ваши предложения?

— Вы не считаете, что пора покончить с Гау раз и навсегда? Пора уже переключаться на другие задачи. Мы же вам много рассказали. Есть рейдеры на Урале. Есть Вавилон за Уралом. Есть конфедераты в Москве. Есть Надеждиснк в конце концов. Пора налаживать связи.

— Не спорю. Пора, — кивнул Старшина. — Для налаживания связей ох как пригодился бы ваш самолет и ваш вездеход.

— Это исключено. И вы это прекрасно понимаете, — нахмурился Людоед.

— Разумеется. Уничтожение ХАРПа сейчас приоритет номер один. Иначе все наши труды и жертвы напрасны. — Старшина уселся на стул и, закинув ногу на ногу, взглянул на доселе молчавшего комиссара. — Николай Андреевич. Как думаешь, каким образом бы поступил Титос, узнав, что у Старшины появилась атомная бомба, которой он хочет покончить с легионом Гау раз и навсегда?

— Трудно быть уверенным относительно того, что у этой твари в голове, — пожал плечами комиссар, — Но я могу сказать, как поступил бы на его месте я.

— Ну. И.

— Отступать некуда. Некуда бежать. Они много труда вложили в свой гарнизон. Тут только один вариант. Бросить все силы. Всю свою свору, все оружие на Новую республику. Массированное наступление. Быстро и молниеносно выдвинуться к границе врага. Тогда враг не решиться применить бомбу. Иначе накроет и его. Враг тоже будет биться всеми силами. И это момент истины и единственный шанс. Либо Гау, либо Старшина.

Диктатор покачал головой и улыбнулся.

— Знаешь, Николай Андреевич, я ведь тоже поступил бы именно так.

— Послушайте, — еще больше нахмурился Людоед, — Эту бомбу применять нельзя. Она для ХАРПа.

— Это я понимаю, — махнул рукой Старшина. — В ядерном оружии важно его наличие, а не применение. Не все это правда, понимали. Ну да ладно. Мне докладывали, что вы испрашивали возможность помыться и постирать свою одежду. Это так?

— Так, — кивнул Варяг.

— Сейчас у вас будет такая возможность. А нам с тобой, Николай Андреевич, надо кое-что обмозговать. Детально и обстоятельно.

55. СМЯТЕНИЕ

Огромный агрегат прачечной монотонно гудел, выпуская пар из прохудившихся прокладок и стыков старых шлангов. Они уже помылись и оделись в чистое, взятое из лунохода белье, поверх которого они надели спортивные костюмы, доставшиеся от рейдеров.

Теперь оставалось только сидеть на скрипучей деревянной скамейке в помещении прачечной и смотреть на эту большую стиральную машину.

— А хорошо тут, — Людоед откинулся на спинку скамейки и заложил руки за голову. — Бойлерная. Прачечная. Баня. Напомнило родную часть.

— Хорошо говоришь? — Сквернослов усмехнулся. Он придерживал платком рану на лице, оставленную черновиками на станции 1905 года. Рана снова стала кровоточить после бани. — Попробуй это объяснить своему другу-морлоку, который вечно чем-то недоволен и едва нас до цугундера не довел своим языком на приеме у Старшины. Тоже мне, либераст.

— Да пошел ты, — угрюмо пробормотал Николай.

— Да, блаженный, отжег ты там, — ухмыльнулся Людоед.

— А вы все рукоплещите местному царьку? — Васнецов зло осмотрел своих товарищей. — Все нормально да?

— Знаешь, Коля, — вздохнул Людоед, — Есть человек. Он заболел. Ему операция нужна. Тяжело заболел. Помереть может. И вот ему сделали операцию. Больно. Неприятно. Он претерпел лишения и дискомфорт. Но его спасли. Выписали из больницы. Но сказали — это будет тебе уроком. Береги себя. Береги свое здоровье. Он послушал. Но он ведь теперь здоров. И через некоторое время перестал следить за собой. Снова стал пить и курить. Жрать все подряд. Главное чтоб вкусно было. Или превышать скорость на машине. Или играть с огнем. И в итоге снова оказался на грани смерти. Что делать? Опять операция. Все вернулось на круги своя. А знаешь почему? Потому что он дебил.

— Какая операция? Какие врачи? Какая машина? Илья оглянись! — воскликнул Васнецов. — Ничего больше нет!

— А я тебе, о чем толкую, тормоз!

— Да не понимает он тебя, — засмеялся Вячеслав. — По-морлочьи ему объясни.

— Заткнись Славик, — Рявкнул Николай.

— Я понимаю твою проблему, блаженный, — Крест покачал головой. — Эта проблема не в местном режиме или личности Старшины. Просто нас встретили как врагов. Просто нас по

камерам рассовали, и мозги компостировали на допросах. Вот в чем проблема. Ты уязвлен. Ты мнишь себя мессией и спасителям человечества. И тебе вдруг не оказали должных почестей. Ай-ай-ай. Сволочи какие. А если бы тебя как своего, а еще лучше, как героя полубога приняли, то тебе, наверное, и плевать было бы кто и как здесь правит. Вот из таких как ты и возникают самые страшные тираны.

— Это не так! И, между прочим, я себя мессией не считаю! Это ты сам меня так назвал! Забыл?!

— Назвал! И ты это принял! А теперь я говорю, что ты идиот! Так прими теперь и это!

— Да вы все просто боитесь! Боитесь этого Старшину! Варяг! Варяг, а ты что молчишь?!

Яхонтов устало посмотрел на Николая.

— Отвянь, — буркнул он. — Я думаю о самолете. Мне плевать.

— О самолете? Ну, так подумай, что без топлива он не полетит! Надо было идти к Гау! Моя интуиция…

— Чушь, — перебил его Людоед.

В помещение вошла пожилая женщина. Следом знакомая уже миловидная Лена. Та, что разбудила в карцере карантина Николая.

— Ребята, — улыбнувшись, произнесла она, — Сейчас Анна ваши вещи в сушку отправит. Пойдемте пока в нашу столовую. Я вас чаем угощу.

***

— Это все обман, что он был самым добрым царем. Это все не правда. Он правил огнем и мечом. — Пробормотал Старшина слова из старой песни, вертя в руках предохранитель от ядерного заряда Людоеда. — Что думаешь об этом парне?

— Он идеологически вреден и просто опасен. — Ответил комиссар.

— Ну, будет тебе, Андреич. Мы же тут не на заседании политсовета. Говори как есть.

— Как есть? Юнец просто не в теме. Однако впечатлителен. Посему говорят в нем лишь его эмоции от первых впечатлений. А первые впечатления не из приятных.

— Ежов? — старшина взглянул на комиссара.

— Ежов. — Комиссар кивнул. — И кстати, парень этот, эгоцентричен весьма. В некоторой степени, считает свое мнение эталонным.

— Раз он такой умный, я бы с удовольствием поменялся с ним местами. — Старшина ухмыльнулся.

— Во-первых, Старшой, тебя народ никуда не отпустит. Он просто не поймет твоего ухода. Во-вторых. Если этот пацан займет твое место, то тогда будет истинная тирания. Тирания деградации и упадка. Мы все потеряем. Народ расшатается.

— Народ… Народ не отпустит. И я тиран? Слуга народа и раб обстоятельств… Скажи мне, Андреич. Ты же профессиональный аналитик ФСБ. Психолог. Что на самом деле думает народ?

— Он думает, что за него думаешь ты.

— Тавтология какая-то.

— Но этот так. Они верят в будущее. У них есть четкий образ врага. У них есть цели и задачи. Они не ноют о том, как все вокруг скверно. Как весь мир медным тазом накрылся. К суровым условиям привыкли, но в будущее с твоей подачи верят. В этом году уровень рождаемости превысил смертность. Это не просто показатель их веры. Это просто чудо в данных условиях. — Комиссар пристально посмотрел на Старшину, — А ты сам веришь? Или какой-то сопляк посеял в твоем сердце сомнения? Мне что-то твой настрой не нравится.

— Да я шутил, — поморщился Старшина, — Я хоть и устал очень, ни за что не дам какому-то глупцу уничтожить то, что мы смогли построить и отстоять с таким трудом и такой кровью. Это гнусно. Так ведь уже бывало. Этот парень считает, что Титос лучше? Так пусть идет. Сделай так чтоб он ушел к Гау.

— Думаю, это будет не сложно. А его друзья?

— Они нам пока нужны тут. Да и миссия их должна быть доведена до удачного конца. ХАРП серьезная угроза. Я ведь подозревал давным-давно. Еще в самом начале. Их надо уберечь. Хотя этот Крест весьма своенравный. Но мне кажется, что он понимает мои мотивы и суровые реалии нашей жизни и выживания. Человек взрослый. Судьбой испытанный. Да и другие. В облаках не витают уже. Розовых очков не носят. А парень этот, явно никогда никаких ответственных решений не принимавший и всю жизнь ведомым был. Заботой окружен. Он только за время их пути начал взрослеть и то ему далеко до взросления. Толку от него никакого. Однако сейчас меня другой вопрос заботит. Провидение послало нам исторический шанс избавиться от Гау, — Он демонстративно приподнял предохранитель. — Что скажешь?

— Я согласен с тем, что это шанс. Другого и не представиться.

— И что дальше?

— Я уже начал подготавливать почву. Утечку информации

надо организовать. Титос должен знать. Мы взорвем весь его сброд. Мы сметем их ядерным ударом. Одна бомба. Один взрыв. Одна десятая часа. И все. Нет их.

— Даже мысли допускать не хочется о применении этого оружия на территории моей страны. И уж тем более в краях, которые избежали ядерных ударов.

— Ну, это же блеф.

— Чтобы блеф удался, надо самому в него поверить.

— А ты поверь, Старшой. Подумай о том, что рождаемость превысила смертность потому — что мы два года уже не ведем активных действий. Только мелкие стычки.

— Да. Но под угрозой ядерного удара они все ринуться на нас. Потери в обороне меньше чем у атакующих. Но они будут у нас. И будут огромны. Стоит ли оно того. Да и выстоим ли вообще, когда они все, в надежде быть ближе к нам во избежание взрыва, возьмутся за оружие и бросят на нас всю технику?

— У нас уже произведено огромное количество взрывчатки. А они пойдут наикратчайшим путем из-за угрозы применения бомбы. А наикротчайший путь, как известно — прямая. Они бросятся напрямик через реку. Там, в восьми километрах дамба. Мы взорвем ее и, их слижет с реки.

— А там, за дамбой самолет. Что с ним будет?

— До него более двух десятков километров. Лед по моим расчетам разрушиться помимо дамбы еще на пару километров в сторону самолета. Он в безопасности.

— Но уровень воды подо льдом спадет.

— Его толщина позволит выдержать и стоящий самолет, и даже взлет его.

— Допустим. Как организовать утечку, чтоб она была убедительна? Одного юнца ушедшего к Гау будет недостаточно.

— Конечно, — кивнул комиссар, — Есть еще один человек. Человек известный. И не только у нас. Его знают и по ту сторону. Наслышаны о нем. Нам им придется пожертвовать. Но, вообще, нам, так или иначе, с ним придется что-то делать. Среди людей давно уже роптания идут о его методах и перегибах. А таких ассоциаций с твоим правлением нам ведь не нужно. Он конечно полезен на своем месте. Да и имеющее место его скотство бывает полезно. Но он свой ресурс выработал. Он уже знает о бомбе. И он знает, что над ним нависает дамоклов меч нашего гуманного правосудия.

— Ежов? — старшина взглянул на комиссара.

— Ежов. — Комиссар кивнул.

— Согласен, — вздохнул Старшина, — Но кем мы его заменим?

— Незаменимых людей не бывает.

— Да? — Старшина усмехнулся, — Тогда почему ты не хочешь заменить меня?

— Люблю тень. И у меня нет той харизмы. Ты — знамя народа. Ты их идол. Ты их символ побед и выживания. И мы уже говорили на эту тему. Все мысли о твоем уходе преждевременны, если принадлежат тебе. И преступны, если принадлежат любому другому.

— Это было несколько лет назад.

— Тем не менее, время еще не пришло. Далеко не пришло. И постарайся, чтоб таким, каким я вижу тебя сейчас, никто тебя и никогда не видел.

Брови старшины опустились. Он сурово посмотрел на комиссара и медленно придвинул ближе к нему сверток ткани для солдатских портянок, где был замотан предохранитель и флакон с эфиром.

— Вы свободны. Товарищ комиссар-наблюдатель. — Сказал он совершенно другим голосом.

Комиссар резко встал, взял сверток и вышел из кабинета.

— Знамя… Идол… Символ… — тихо прошептал Старшина, — А ведь когда все начиналось, я просто пытался быть человеком. И им и остаться до конца жизни…

***

Николай пытался сосредоточиться. Он взывал к своим приобретенным способностям, но вера в них угасала. Он не слышал ничего. Ничего не чувствовал. Он чувствовал, что выход из этих помещений охраняют гвардейцы. Но чувствовал это, потому что знал об этом. А вот чего-то большего он уловить не мог. А казалось, достаточно лишь слегка сосредоточиться и он телепатически услышит, о чем говорят Старшина и комиссар. Но что-то смущало его. Перед его разумом проплыл образ их разговора. Фразы этого разговора. Но внутренний голос твердил, что все это разыгравшееся воображение и ничего больше. Внутренний голос твердил, что все эти способности, пустые мечты и выдавание желаемого за действительное. Может он не мог сосредоточиться от злости? Или его сбивал приятный терпкий вкус местного чая, неизвестного ему рецепта? Или плакаты в зале столовой банно-прачечного комбината? Эти плакаты отличались от черно-белых, нарисованных углем или тушью агиток с солдатами и Старшиной. Тут они были цветные. Молодые румяные женщины с розовощекими детьми. «Дети — это

будущее. Новая жизнь, звено в цепи бессмертия. Роди ребенка!». «Святость семьи — основа выживания и возрождения!». И все в таком духе. Видимо основным контингентом на комбинате были женщины, и эта агитация была рассчитана на них. Да нет. Все-таки его с толку сбивали не эти плакаты. Что-то другое… Он вдруг уставился на красивую женщину Лену. Когда он увидел ее в первый раз, она упомянула его товарищей. И акцентировала тогда внимание на Илье. Он в тот раз не придал этому значения. Но вот она сидит с ними за одним столом. И сидит рядом с Людоедом. Она смотрит на него и у нее, на белом лице румянец. Настоящий, а не нарисованный… Она смотрит на него и улыбается. О чем-то тихо говорит с ним. И Крест улыбается… Старик… Слепой старик… Васнецов вдруг увидел каким-то другим зрением ползущего по выложенному кафелем полу, слепого старика. Сейчас он схватит Илью за ногу и начнет бормотать про Ахиллесову пяту. Женщина!

— Крест! — воскликнул Николай вскочив. Все уставились на него с недоумением.

И Илья не исключение.

— Чего? — спросил он.

— На пару слов можно тебя?

Они вышли в помещение, где стоял стиральный аппарат.

— Ты чего хотел, Коля? — произнес Людоед, прикрыв дверь.

— Илья, гони эту бабу! Гони ее прочь! О чем вы там воркуете? Гони к дьяволу!

Крест нахмурился.

— Тебя по голове били на допросе? — сказал он с издевкой.

— Не пори чепуху! Гони ее! Вспомни того старика в метро! В Екатеринбурге! Вспомни! Только женщина может тебя погубить! Это она! ОНА!

Людоед какое-то время смотрел в глаза Николаю, затем вдруг подобрел и тихо засмеялся.

— Коля, дружище, успокойся. Никто меня не погубит. Я бессмертен, как и все мировое зло.

— Да не паясничай ты! Послушай меня!

— Нет, блаженный, это ты меня послушай. Я никаких отношений ни с кем завязывать не собираюсь. А Лена просто умный, эрудированный и хороший собеседник. Она просто хороший человек.

— Что… Да ты… Ты поплыл, Илья. Ты же поплыл! Ты хоть понимаешь, что ты говоришь?! Это не Людоед! Это не Ахиллес! Это не тот великий морлок! Ты что за овцой стал?!..

Николай вдруг вскрикнул от боли. Людоед схватил его за ухо.

— Тебе показать великого морлока и Людоеда? Будь уверен, мало тебе не покажется! — он оттолкнул от себя Васнецова.

— Ребята, ну чего вы тут секретничаете? — в дверях появилась Лена. — Пойдем. Чай ведь стынет.

— Уже, — Илья улыбнулся и протиснулся в дверной проем, в котором она стояла. Женщина одарила его улыбкой и как бы невзначай провела ладонью по его плечу. Николая от этого зрелища передернуло.

Когда Людоед вышел, она обратилась к Васнецову.

— Коленька, пойдем. Ты бледный весь какой-то. Наш чай хорошо бодрит. — Она продолжала улыбаться своей доброй и красивой улыбкой, и это бесило еще больше.

Васнецов подошел к ней и, пристально глядя в ее темно-карие глаза, зашипел:

— Держись от него подальше сучка! У него есть женщина в Москве! И она его ждет!

Лена ничего не ответила. Она просто стала другой. Ее добрый огонек в глазах исчез. Остался холод. Улыбка пропала в сжатых губах, которые вдруг стали тонкими и бледными. Казалось, она хочет ударить Николая. Но женщина просто развернулась и вернулась в столовую.

***

Пробуждение не оставило никакого следа от сновидения. Возможно, ничего и не снилось. Николай медленно поднялся и уселся на скрипучей кровати, разглядывая противоположную стену унылой камеры карантина, освещенную тусклой лампой. На сей раз, он был рад оказаться в одиночной камере, в отрыве от своих товарищей. Он был зол на них. Зол за их непонимание. За их насмешки. Злился на Людоеда за его близорукость. За то, что он оказался слаб, перед чарами этой стервы. Она, вернувшись в столовую, снова села рядом с Людоедом и мило с ним беседовала. Даже дотрагивалась. И ясно, что делала это теперь назло Николаю. Он в этом не сомневался и ненавидел ее. И злился на Людоеда… За то, что не оценил, как сильно Николай за него беспокоиться. Вся эта злоба граничила с лютой ненавистью по отношению к ним, и он был очень рад, что не видел сейчас их, своих товарищей.

Васнецов растер лицо ладонями и снова прислушался. Его вроде бы разбудила еле слышимая сирена, прозвучавшая где-то далеко снаружи. Да. Так и есть. Снова взвыла сирена и через минуту смолкла. Интересно, что там случилось…

Он поднялся и снова принялся мерить шагами помещение. Хотелось колотить кулаками стены. Хотелось орать о том, как он все это ненавидит, включая его глупых попутчиков. Хотелось кричать о том, что он делает всем большое одолжение, мечтая уничтожить ХАРП. Хотелось истошно вопить и звать мертвую девушку Рану, которая так подло, по-женски, его бросила и больше не приходила в его видения. Он бы уже сорвался на крик, до того Николай довел свое душевное состояние, как вдруг за дверью зазвенела связка ключей.

В помещение вошел тот огромный, похожий на молохита охранник и бросил на кровать теплую одежду Николая. Затем вышел и его сменил уже знакомый комиссар-наблюдатель.

— Как спалось, молодой человек? — спросил он, пристально глядя на гостя-пленника.

— Хреново. Что там у вас воет снаружи? Сирена?

— Сирена, — кивнул Николай Андреевич. — Это иногда случается. Не стоит тревожиться. Но за беспокойство прошу извинить. А теперь одевайтесь потеплее.

— Это еще зачем, — настороженно пробормотал Васнецов.

— Придется вам некоторое время побыть на улице.

— Чего ради?

Комиссар вздохнул и присел на табурет рядом с кроватью. Извлек из кармана листок бумаги и протянул его Николаю.

Васнецов принял этот лист и, развернув, очень удивился. Это была листовка, подобная той, что они с Варягом нашли в разбитом вертолете. Агитка Гау. Зачем комиссар таскает с собой вражескую пропаганду?

— Что все это значит? — пробормотал Николай, чувствуя, что назревает что-то нехорошее.

— А значит это вот что, юноша. Эта бумага, ваш пропуск к другому миру. Вы ведь недовольны режимом Старшины. Недовольны нашим укладом. Вам тут все не нравится. Старшина вас не держит. У вас есть выбор. И выбор этот — Гау. Должен отметить, что это уникальная для вас возможность. Будь вы гражданином республики, то вас пришлось бы судить трибуналом по законам нашего сурового времени. Но вы человек посторонний здесь. Для вас делается скидка. Вы можете уйти.

Николай опешил. И не столько из-за такого поворота событий, сколько из-за того, что в нарисованном воображением разговоре комиссара и Старшины этот вопрос поднимался. Старшина хотел, чтобы Васнецов ушел.

— Но почему? — пробормотал он.

— Почему? А зачем вы нам тут нужны? Вы набросились с жесткой критикой на наш режим. На наш уклад жизни. На нашего

лидера. И вам еще повезло, что вы в изоляции и о вашей позиции не знает народ Новой республики. Уж поверьте, они за такое потребуют сурового наказания. И, учитывая вашу позицию, мы не собираемся тратить на вас наши ресурсы. Вы клеймите наш строй и при этом мы должны обеспечивать вас едой, водой, теплом? Все это является достоянием нашего народа, который своим потом и своей кровью достиг тех условий жизни в постядерной зиме, которые мы имеем. Мы не собираемся привлекать людей, у которых и без этого забот хватает, на вашу охрану. Посему вам лучше уйти. Может, в Легионе Гау вы найдете свое счастье. Это конечно не в наших интересах, пополнять ряды нашего злейшего врага. Но для вас мы делаем исключение.

— А мои товарищи?

— А что ваши товарищи? Они не высказывают недовольства. Они пришли к нам с конкретным делом, а не нравоучениями. Их просьбу и проблему мы будем рассматривать, и изыскивать пути для решения. Они остаются с нами.

— Мне надо с ними поговорить…

— Вы не будете с ними говорить. Это исключено. Они вообще до поры не будут знать о вашем уходе. Сейчас это ни к чему.

— Тогда я никуда не пойду! — резко заявил Николай.

— Вы очень не последовательны, молодой человек. И, боюсь, этот вопрос решен. Если не пойдете сами, применим силу. У нас ведь тирания. — Последнюю фразу он сдобрил насмешливой улыбкой.

— Послушайте! Я знаю Варяга и Славика с детства! Я не могу так просто уйти от них!

Комиссар покачал головой и, повернув голову к двери, крикнул:

— Конвой!

***

Снегоход был в своей стихии. Он уверенно ворчал двигателем и мчался в ночи между деревьев глухой заснеженной тайги. Позади гудел еще один снегоход. Роскошный кортеж получился. Николай слышал его, но не видел. Глаза у него были завязаны. Всю дорогу, что он молча проклинал комиссара и Старшину за такое изгнание, его не покидала мысль, что, быть может, его просто везут на расстрел. Его проснувшийся второй внутренний голос твердил тоже самое.

«Ну, все, братец, отвоевался. Хлопнут тебя сейчас из-за твоей дурости, и пропадешь в безвестности» — насмехался внутренний

голос.

Васнецов размышлял над тем, стоит ли спрыгнуть из машины или нет. Он ничего не видел из-за чертовой повязки. В прыжке он мог разбиться о дерево или попасть под идущий следом снегоход. Но бежать от своих соглядатаев он хотел, во что бы то ни стало. Однако события опередили его мысли. Вскоре машины замедлили ход и потом вообще остановились. Кто-то толкнул Николая в снег, и он упал.

«Вот и все», — пронеслась в голове режущая нервы мысль, — «Все».

— Лежи и не рыпайся, — рявкнул голос.

— Неужели вот так просто отпустим? — послушался другой голос.

— Комиссар сказал.

— Но почему?

— Да не нашего ума это дело. Вот и все.

— А это не связано с тем переполохом, что вечером был?

— А что за переполох был?

— Ты что, тревогу не слышал?

— Я на дальнем в патруле был. С этой тарахтелкой разве что услышишь? Так что случилось-то?

— Говорят, Ежов сбежал.

— Что? Кто сбежал? — голос был удивлен.

— Ежов.

— Ежов? Тот самый Ежов?

— Ну… — другой голос тихо засмеялся, — Других Ежовых у нас, слава богу, нет. Тот самый.

— Куда сбежал…

— А куда тут бежать? К Титорасам конечно.

— Но как же так? Он же такой пост занимал! Неужто он крыса?

— То, что он крыса и так было ясно. Но я вод слыхал, что терпение у товарища Старшины лопнуло. Много гадостей сделал этот Ежов, и было велено его арестовать. Но он как-то понял, что песенка его спета и деру дал.

— Вот сука… кто бы мог подумать…

— Я вот одно не могу понять. Ну мы, простые люди, давно знали что Ежов просто палач голимый. Отчего его совет и Старшина терпели? Почему только сейчас его решили за глотку взять?…

— Погоди…

— Что там?

— Кажется все. Наше дело сделано. Валим.

— Вижу. Поехали.

Двигатели снегоходов снова заурчали.

— Эй! Э-э-эйй! — Заорал Николай, — А как же я! Куда вы?!

Ответа не последовало. Ревя двигателями, солдаты умчались прочь и, Васнецов остался один на один с мраком повязки, ледяным холодом и завываниями порывов ветра. Разумеется. Он этого не учел. Они просто оставили его умирать на холоде. Зачем тратить патроны? Надо просто кинуть связанного человека в снег и все. Холод ядерной зимы сделает все остальное, собирая свой урожай жертвенных людей-овец. Даже страшно не было. Было безумно обидно за такой финал. Было стыдно перед друзьями за свое поведение. Сейчас он надеялся лишь на одно. Чтобы с ними было все в порядке. Он этого очень хотел. Сейчас, перед лицом неминуемой смерти он мысленно просил их о прощении и желал им надолго его пережить. А за себя было безумно обидно…

— Коооля… — разнесся шорох совсем рядом.

Он вздрогнул. Какой странный звук у этого очередного порыва ветра.

— Коля, — это был шепот Раны и ее ледяное дыхание, и холодное прикосновение окутали его… Нет. Это всего лишь ветер. Или все-таки Рана? Чего ей надо? Если он сейчас умрет, то они встретятся на том свете, если все это конечно не глупые суеверия… А может он уже умер? Да вроде нет. Он чувствовал свое тело. Связанные за спиной руки совсем отекли. Но он даже замерзать пока не начал. И вообще, если его хотели насмерть заморозить, то зачем комиссар велел ему тепло одеться? А это что за звук? Кто-то идет? Точно! Снег хрустит. Зверь? У каких зверей снег под ногами хрустит? Точно не у хищников. Хотя, кто их знает, новых хищников… Да нет. Это не зверь. Этот хруст похож на человеческие шаги. Снегоступы. Точно. Это снегоступы. Шаги стали слышны совсем близко и вдруг все затихло. Николай напрягся, пытаясь расслышать еще что-нибудь. Кто-то шмыгнул носом. Сделал еще шаг.

— Ты часом не помер? — послышался голос.

— Нет, кажется, а что? — ответил Васнецов после минутной паузы.

— Вставай тогда. Чего валяешься.

— А вы кто?

— Сейчас узнаешь, — человек подошел и помог встать на ноги. Затем сорвал с Николая повязку. Была глубокая ночь, и человека было трудно разглядеть. Тем более что он светил в лицо фонарем. Только когда незнакомец направил луч света на следы снегоходов, Васнецов смог разглядеть что это был кто-то в НАТОвской униформе для арктических широт.

— Интересно как, — пробормотал он. — Тебя значит, тупо

выкинули?

— Вы легионер Гау? — спросил Васнецов.

— Я рейнджер периметра Гау. А ты что за ком с горы?

— Я Николай Васнецов. У меня ваша листовка, в нагрудном кармане. Это же пропуск.

Человек поморщился.

— Николай. Васнецов. Ну-ну.

— А вас как зовут?

— Я капрал Вейнард.

— А… — Васнецов замялся, — Вы что, не из России?

— Какая еще Россия? — капрал еще больше поморщился, — Нет такой страны. И мы не носим в легионе этих рабских славянских имен.

У Николая все похолодело от этих слов.

— Но почему…

— Ты глупых вопросов не задавай. — Вейнард извлек из его кармана листовку и, развернув, посветил на нее фонарем. — Ну да. Наша писулька. Однако ты второй за эту ночь. Плохо вам у Старшины, да?

— Они меня сами выгнали, — развел руками Николай.

— А вот это ты никому не говори. Любой ребенок Гау знает, что старшинисты так просто не отпустят. Да еще с листовкой. Тебя бы к стенке поставили.

— Да но…

— Рот прикрой пока, — совершенно спокойно говорил капрал, — И слушай внимательно. Ты бежал. Тебя не привезли, а ты бежал. Никаких снегоходов не было. Ты бежал к Гау и наткнулся на меня. Я тебя поймал. Ты все понял? Если в ТАЙПОЛе узнают что старшинисты привезли тебя к границе с нашей листовкой и просто отпустили, то окажешься в пыточной. Не бывает так, чтобы они отпустили предателя, выкинув у границы врага. Запомни это. Запомнил?

— Да, — пробормотал Николай, растерянно тряся головой.

— Вот так-то лучше. Пошли.

Васнецов побрел по снежной глади накрывающей замерзшую реку Лену и думал теперь о том, что не просто так комиссар выгнал его из Новой республики. Этот капрал легиона Гау знал, что они его сюда привезут и оставят. Знал когда и куда за ним прийти. И старшинисты знали, что его заберут здесь. Вейнард как-то связан с людьми Старшины. Все это была какая-то комбинация комиссара. Иначе, почему капрал дал ему совет молчать о том, что на самом деле произошло? И как со всем этим связан Ежов? Неужели тот самый Ежов, что его допрашивал, мастер грязных дел во имя режима Старшины, бежал к Гау?

56. ЛЕГИОН

Теперь это был невероятно худой и длинный человек. Казалось, что даже его лицо кто-то вытянул. Возраст его определить вообще было сложно. А вот помещение похожее. Сырой потолок. Стол. Серые бетонные стены. Только вместо плаката про болтунов белое полотнище с черным кругом, в который был вписан треугольник с глазом. Николай почему-то ожидал увидеть именно такое помещение, в подобном которому его недавно допрашивал Ежов. И когда с него сняли повязку, надетую на глаза Васнецова капралом Вейнардом, он нисколько не удивился. Удивлялся он только внешности этого субъекта в мундире мышиного цвета, поверх которого был одет белый фартук. Худой держал в руках какой-то металлический измерительный прибор и странного вида лекало.

— Так-так, — прокряхтел он писклявым голосом. — Неплохо. Н-да. Неплохо.

— Что скажете — Гау-Дарвин? — раздался низкий хриплый голос позади. Николай не мог повернуть голову, поскольку на нее был надет какой-то каркас из металлических хромированных трубок.

Худой что-то покрутил на этом каркасе, отчего заныли виски, и приложил лекало.

— Ну, что сказать, Гау-Гота, — снова прокряхтел он после своих манипуляций. — У него хороший череп. Правильный череп. Он не мутант. Хотя невежда и дикарь, что не удивительно, учитывая, что он пришел от этих варваров.

— Такой ли он невежда, если решил покинуть этот старшинистический свинарник и прийти к нам, свету новой цивилизации?

— Ну, я же сказал, что у него правильный череп. В таком черепе могут зародиться достойные мысли.

— Хорошо, Гау-Дарвин. Заканчивайте. Мне пора приступить к допросу. Скоро утро. Я сегодня совсем не спал. Сначала один беглец. Теперь другой. Мне бы радоваться, но я отдохнуть не могу.

— А я, Гау-Гота, больше не смею отнимать у вас времени. Моя миссия завершена. Антропометрические параметры черепа обследуемого я записал в ваш протокол. Сейчас заберу инструмент и удалюсь.

Худой принялся откручивать винты на каркасе и давление сжимающих голову трубок стало слабеть. Васнецов совершенно ничего не понимал. Вроде говорили они по-русски, но понять

смысл всего этого он не мог. После встречи с капралом он не думал что Гау такие, по меньшей мере, странные. Даже когда тот привел его к пограничному посту, где их ждал вездеход и еще два рейнджера, даже когда ему в стотысячный раз за это путешествие завязали глаза, все было понятно и логично. Но теперь он совершенно не понимал что происходит.

Когда худой собрал свои инструменты и, сгорбившись, побрел короткими шагами больных ног к двери, то Васнецов не выдержал и брякнул ему в след:

— Слышь, дядя, а у тебя у самого череп правильный?

Тот резко обернулся и вытаращил на него свои бесцветные глаза с крохотными зрачками. Подбородок его задрожал, словно он вот-вот заплачет от этого вопроса.

— Ступайте, доктор, я сам поучу его хорошим манерам цивилизованного человека. Что взять с варвара из Новой республики? Ступайте.

Худой, наконец, ушел.

Сзади раздался вздох. Человек видимо сидел и теперь поднялся. Послышались его шаги кованых сапог. Николай ожидал затрещину, но ее не последовало. Человек обошел его и опустился на кресло за столом. У него не было одного глаза. Вместо нее повязка с эмблемой Гау, которая делала его круглое, морщинистое лицо шестидесятилетнего человека жутковатым.

— Ну, здравствуй, — сказал он, улыбнувшись дюжиной золотых зубов.

— Ну, здрасьте, — Васнецов машинально дернул плечами, но его руки снова сковывали наручники за спинкой стула. Снова заболели запястья.

— Ну, рассказывай.

— А что рассказывать?

— Что просили передать из центра? — тихим, заговорщицким тоном проговорил одноглазый.

Это было вообще неожиданно. Васнецов опешил, пристально глядя на Гау-Гота. И самый мучительный вопрос бился в его голове — как себя с ним вести?

— Простите, вы, что имеете в виду? — осторожно проговорил Николай.

— Ну как это? — следователь изобразил удивление. — Тебя ведь из центра прислали. Типа перебежчик. Что они велели мне передать на словах? Какие инструкции?

«Он что, шпион Старшины?» — с изумлением подумал Васнецов.

Это было странным. Он стал судорожно искать подходящую модель своего поведения и попытаться разобраться в ситуации.

Если учесть, что комиссар затеял какую-то сложную игру, в которую входили комбинации с побегом Ежова, изгнанием его, Николая и еще чем-то, то вполне может быть, что тут его уже ждал подготовленный агент. Ведь, похоже, что и капрал был агентом старшинистов. С другой стороны, если это так, то почему Николая не посветили в курс дела, ежели этот Гота ждет от него устных инструкций. А может Ежова уже поймали Гау и допросили? И если Ежов знал, что Николая выкинут из республики, то он мог в качестве доказательства своей лояльности режиму Титоса заявить на допросе, что будет еще один перебежчик, который на самом деле агент Старшины. Нет. Все равно какая-то несуразица выходит. Его, Николая, просто выгнали. Швырнули к Гау. А значит и вести он должен себя как человек, который стремился попасть к легионерам. И скорее всего, вопрос этого одноглазого следователя лишь уловка. Хитрый следовательский прием.

— Я хочу, чтобы меня допрашивал кто-то другой. — Осторожно произнес Васнецов.

— Вот как? Отчего же? — Гау прищурился одним глазом.

— Я бежал от ига Старшины не для того, чтобы столкнуться с его лазутчиком здесь.

Следователь хмыкнул. Поднялся с кресла и подошел к пленнику.

— А тогда отчего ты не кричишь? Отчего не зовешь охрану, если перед тобой лазутчик ненавистного тебе Старшины? — ехидно проговорил он. — Ты не хочешь меня подставить? Не хочешь предать старшиниста?

Николай все понял. Это провокация. Грубая, глупая провокация. Рассчитанная на полных идиотов.

— На помощь! — заорал во все горло Николай, — Здесь шпион Старшины!!!

Следователь ударил его под дых. Васнецов обмяк на стуле и захрипел, хватая ртом воздух.

«Ну что, доволен, придурок», — забубнил внутренний голос, — «Променял шило на мыло».

— Охрана! — заорал Гота на дверь. Она приоткрылась.

— Слушаю, Гау-Гота! — отчеканил бодро кто-то.

— Давайте сюда этого! Живо!

— Есть!

Не прошло и минуты, как в помещение затолкали Ежова со связанными руками.

— Ты знаешь его?! — рявкнул Гота указывая на Николая.

Ежов приглядывался некоторое время, затем быстро закивал.

— Да! Да знаю! Это один из тех задержанных, про которых я

уже рассказал!

— Та-а-ак! — следователь занял позу «руки в боки» и надменно, сверху вниз посмотрел на Васнецова. — Откуда у вас атомная бомба?

— Она всегда была у нас, сколько себя помню, — проворчал Николай.

— А вы откуда?!

— Из Москвы. — Он решил четко отвечать на вопросы. Ведь если Ежов предатель, то он уже все слил. Оставалось только морочить голову в мелких деталях, которые Ежов и не знает.

— Какая у вас цель?!

— Взорвать ХАРП.

— Что такое ХАРП?

— Установка такая. На Аляске. Ее еще перед войной запустили. Она продолжает действовать.

— Зачем?!

— Это станция климатического воздействия. Глобальная. Она вышла из-под контроля, и уничтожает планету. Всем придет конец. И зима из-за нее не кончается.

— А вы-то, откуда про нее знаете? — усмехнулся Гота.

— Там, у выживших в Москве связь есть со спутником. Уцелевший спутник в космосе. Данные с него. Поймите, вопрос стоит о выживании всех. И вас в том числе. И нас. Всех.

— А почему ты бежал от Старшины?

— Не мог он сбежать сам! — воскликнул Ежов. — Они под стражей были! Его заслали!

— Заткнись! — заорал Гота.

— Послушайте, как он мог прийти?! — не унимался Ежов. — У него была ваша листовка? Была? Где он ее взял?!

Следователь Гау снова усмехнулся.

— Ну, парень, откуда у тебя наша листовка?

— Из разбитого вертолета, — не задумываясь ответил Васнецов. Задумываться тут было опасно, — Он на берегу реки лежит. Там было немного листовок.

— А когда мы их обыскивали, не было никаких листовок! — воскликнул Ежов.

Он предатель. В этом теперь Николай нисколько не сомневался.

— Твои болваны плохо обыскивают, старшинистическая мразь! — оскалился на него Васнецов, — Под стельки моих ботинок заглянуть забыли!

— Ладно, допустим, — махнул рукой одноглазый. — Зачем ты к нам пришел?

— Старшинисты нашу бомбу захватили. Они с ее помощью с

вами покончить хотят. Мне помощь нужна ваша. Это и в ваших интересах. Надо вернуть бомбу. И заправить самолет.

— Самолет… — следователь удовлетворенно хмыкнул. Видимо показания Ежова сходились с тем, что сейчас говорил Николай. А это давало надежду, что ему поверят. Только вот что теперь делать дальше?

— Когда они хотят нанести по нам удар? — спросил Гау.

— Этого я не знаю.

— А как ты сбежал? Вас же охраняли.

— Из баннопрачечной. Нам дали возможность помыться и постираться. Вот и сбежал.

— Врет он все! — продолжал кричать Ежов.

— Врет? Он нам рассказал то же что и ты. И про бомбу и про самолет. Где он врет? — Гау уставился на перебежчика.

Тот не знал, что на это ответить.

— А вы знаете, кто этот человек? — продолжал скалиться Николай.

— Знаем, конечно. Это легендарный товарищ Ежов, — усмехнулся Следователь, давя на слово товарищ.

— Ну и кому вы поверите? Я перед вашими чист. Я в ваших краях всего два дня. А сколько он сгноил в застенках людей, которые были против Старшины и хотели уйти к вам? Кому вы поверите?

— Много ты знаешь, для человека, который тут всего два дня.

— Да уже вошел в курс дела. Потому и решил бежать к вам.

— Ладно, — вздохнул одноглазый озадаченно почесывая серые от седин волосы. — Короче так, ведите этих двоих пока в камеры, — Он вдруг взглянул на часы, — Блин. Уже утро. Нет. Ведите их на профилактику. Пусть пока приобщаются. Только вместе их не держите. Грызца еще чего доброго начнут. А я отчет составлю лидеру.

— Есть! — щелкнули каблуками охранники.

***

Интересно, что такое профилактика? Звучит как-то недобро. Николай размышлял над своим положением и пытался понять чего стоит ожидать дальше. Пока ничего хорошего он у этих Гау не увидел. Во всяком случае, чтобы думать, будто они лучше Старшины. Он уже успел понять, что слово Гау они применяют, обращаясь, друг к другу. Видимо это некий заменитель слова господин или товарищ. Приветствуют они друг друга поднятием согнутой под прямым углом в локте руки с сжатым кулаком. Это

тоже он успел заметить. Понял уже, что ТАЙПОЛ это местная тайная полиция, сотрудником которой был одноглазый Гота. Но теперь его наблюдениям мешала повязка. Знал он, что дважды они выходили на улицу. Ледяной ветер бил по лицу как всегда без всякой жалости. Теперь их снова завели в какое-то помещение, в глубине которого слышался непонятный гул. Однако прислушавшись, Васнецов понял, что где-то рядом большая толпа людей. Охранники, наконец, сорвали с него повязку. Они шли по хорошо освещенному деревянному коридору. На стенах висели плакаты. Некоторые обличали режим старшины. Другие призывали вступать в легион. Третьи гласили, что только легионеры Гау способны защитить жизнь от мутантов и чумы старшинизма. Процессия свернула в боковой коридор, пройдя группу хорошо вооруженных охранников, проверивших у конвоиров пропуска. Все кто носил форму, имели круглые черные нашивки с треугольником и глазом. У некоторых иностранное оружие. И если встречались и переделанные под нужды Гау и российские образцы военной формы, то каски у всех были НАТОвские. Впереди еще один пост. Васнецов стал понимать, что элитные легионеры носят исключительно иностранную форму. Видимо положение обязывало и это являлось привилегией. Дальше снова плакаты, но уже другого содержания. «Женщины Гау освобождены от тяжелого труда! Миссия женщины — продолжение рода!». «Девушка Гау — выполни долг перед легионом! Вступай в службу быта и размножения!». «Девушка Гау! Сегодня ты откажешь легионеру в ласке, и завтра ты не сможешь родить сильного воина, который мог бы защитить твою старость!». «Титос дает легионеру оружие и честь воина легиона! Женщина! Ты должна дать легионеру ласку!». «Семья для сверхчеловека — анахронизм бесславного прошлого! Утвержденный генетической комиссией легионер обязан сеять свое семя в максимальное количество женщин и плодить сверхчеловечество!».

Николай обалдело смотрел на гордые, красивые и нежные лица взирающих с плакатов нарисованных дев, которые призывали дев настоящих, не нарисованных, становиться солдатскими игрушками для утех. Он вдруг стал понимать, в какое чудовищное место он попал. Это была обитель дьявола, который искушал самым беспроигрышным человеческим инстинктом. Солдаты Гау не предадут! Они будут стремиться в элиту и ни за что не предадут легион! Ведь здесь все женщины им обязаны! Женщины здесь — предметы, инструменты влияния на массы. Он вдруг с ужасом осознал, что подсознательно завидует легионерам, которым доступны все местные девицы. Вот

последний плакат об обязанностях элитного легионера. На нем голый (но в каске!), с идеальными формами и мышцами легионер, гордо взирающий вдаль, а вокруг него кружком сидят обнаженные, блистающие великолепием совершенных тел девицы. Какой талантливый художник, однако, это все рисовал… Николай тряхнул головой. Было теперь понятно, почему с него сняли повязку. Искушение. Хочешь много женщин, забудь обо всем и вступи в легион.

Шум толпы усиливался. За очередной дверью их ждал наполненный людьми огромный ангар. Николая посетило чувство дежа-вю. И вдруг он понял, что был в этом ангаре во сне. Вокруг огромная толпа. Много людей в форме НАТОвского образца. Много женщин. Среди толпы виднелись и подростки. Были женщины с грудными детьми на руках. Толпа была взвинчена. Она чего-то ждала. Свет в ангаре был приглушенным. В бордовых с синими лучах глаза людей неестественно блестели. Ежова два охранника отвели в другой конец зала. Двое других остались с Николаем. Они стояли позади всей толпы. У входа. Толпа вдруг принялась скандировать:

— Гау! Гау! Гау! Гау! Ти-тос Гау! Ти-тос Гау! — кто-то начал, и вся толпа подхватила как по команде. Их взоры устремились на трибуну, за которой висел бархатный занавес.

Васнецов разглядывал собравшихся женщин. Да. Было много молодых и красивых. Не обремененные тяжелым трудом, суровой необходимостью всех в их жестком постядерном мире, они похоже были довольны своей участью. Неужели они не задумывались над тем, какой у них тут статус? Неужели им нравилось быть вещами? Предметами потребления? Подстилками легионеров! А как же чувства? Любовь? Кажется, одна девушка не разделяет общего восторга. Она спокойно стояла спиной к Николаю и медленно раскачивалась, опустив голову. Как хотелось взглянуть в ее лицо. Но она стояла спиной. Всего в пяти шагах от него. Он попытался двинуться в ее сторону, но тяжелая рука охранника, тут же одернула его.

— Гау! Гау! Гау! Гау! Ти-тос Гау! Ти-тос Гау! — продолжала вопить толпа с еще большим нетерпением.

Напряжение толпы нарастало и Николай это чувствовал. Он понял, что такое профилактика. Здесь, в психическом поле всеобщего экстаза, после возбуждающих и интригующих плакатов с девицами терялась всякая возможность мыслить. Хотелось стать частью этой толпы. Хотелось единения с их миром, в котором если у тебя правильный череп, ты мог стать легионером, а если ты легионер, ты мог взять любую красотку…

— Чччееерт, — прорычал сквозь зубы Васнецов. Он вдруг

почувствовал, как потакающие искушению желания безвозвратно провалились в бездну, и на их место встала твердая уверенность в том, что лучше всего убраться отсюда как можно скорее, вернуться к Старшине и убедить своих товарищей в том, что надо выжечь этот отвратительный легион ядерным ударом единственной бомбы. Хрен с ним, с ХАРПом. Может статься, что ему хватит пары гранат. А тут все надо испарить миллионоградусным огнем ядреного заряда.

Грохот торжественного марша, вырвавшийся из спрятанных в стенах динамиков, заглушил толпу. Люди вдруг перестали орать и взмахивать руками. Все приняли строевую стойку. Только та девушка, продолжала медленно качаться…

Марш стих, когда распахнулся бархатный занавес и на трибуне появился человек. И вдруг вся толпа буквально взорвалась истеричными воплями. У кого-то даже появились слезы. Но все испытывали восторг и истошно визжали, протягивая руки к этому человеку.

Он был уже не молод. Бледен. Невысок. Темноволос. Из под массивных надбровных дуг, смотрела пара немигающих глаз. Это Титос, и Николай в этом не сомневался.

Тиран медленно поднял руку, провел ею перед собой и вся толпа мгновенно замолкла. Воцарилась гробовая тишина. Титос окинул всех пристальным взглядом, глядя надменно, поверх голов.

— Вчера я говорил с одним старцем, — начал он вещать тихо и хрипло. Говорил он тихо, чтобы толпа прислушивалась. Это очевидно. Николай заметил как они, открыв рты, выжидающе и преданно смотрели на своего лидера. Все кроме той девушки… Казалось что ее вообще тут нет. Что ее только видит Николай, как некий, воспринимаемый лишь его воображением фантом. Более того, он вдруг стал отчетливо слышать далекий но нарастающий скрип качелей… Как давно он их не слышал…

— Славный старик, — продолжал размеренно и негромко говорить Титос, — Достойный экспонат нашего бесславного прошлого. Прошлого без будущего. Которое было для нас общим. Общим для нас. Прошлое, которое мы вынуждены были делить с недочеловеками и мразью. Старец спросил меня — отчего мы проклинаем свое прошлое? Отчего проклинаем ту страну и отреклись от своих имен? Отчего? — спросил он. Дети мои. Неужели среди вас есть еще люди, для которых ответ не очевиден? Неужели вы не чувствуете своим сердцем истину? Неужели не несем мы печать позора, оставленную этими безмозглыми пращурами? Каждый из нас чувствует боль за прошлое. Огромная страна, опоясанная смрадом, выдыхаемым

бездарным и неполноценным населением. Страна вечных рабов, из поколения в поколение сменяющих своих хозяев-угнетателей, с благоговением смотрящих на своих насильников. Страна, в которой они были мусором. Расходным материалом бесконечных войн и интриг власть имущих. Где им, недочеловекам мнящим себя по дикому недоразумению великим народом, не принадлежало ничего. Это был их лес? Их реки? Их ресурсы? Их земля? Долго ли, безгранично ли они всем этим могли пользоваться? Всегда и все решала, всем распоряжалась группа сильных, пред которыми миллионы склоняли головы в покорности. Против которых тихо роптали, но которым громко рукоплескали. По прихоти которых, шли на смерть, гробили здоровье непосильным трудом за гроши. Их жизнями распоряжались немногие, как один пастух распоряжается шерстью и мясом стада овец. У них забирали все. Здоровье, свободу, личное время, жизни. И они послушно все отдавали. А взамен получали сказки о какой-то великой истории, в которой они достигали великих побед, поливая их всходы обильными реками крови своих предков. Они, погрязшие в никчемности, невежестве и пьянстве, мнили себя иными. Непохожими на других. Что у них свой, особенный путь и всю жизнь противостояли всему миру. Прогрессу. Свободе. Развитию. ВЫ!!! — заорал вдруг он, поразив контрастом между тихим размеренным монологом и эти воплем, — Вы другие! Вы новые! Вы — первое поколение сверхлюдей! Первый шаг миллионокилометровго пути в бесконечность! Разве вы не хотите растереть каблуком кованых сапог легионера эту грязь, что была якобы вашей историей?! Разве вы хотите носить имена недочеловеков и рабов?! Я НЕ СЛЫШУ!!!

— Не-е-ет!!! — заорала толпа в один голос.

— Не-е-ет!!! — Вторил толпе Титос, — Вы иные! Избранные! Анафема лжи и раболепию! Они мусор! Их история — помои! Даже сейчас, те из них, кто выжил подобно крысам, жаждут тирана, ибо неспособны они быть свободными! И преклоняются они в своем мазохистском безволии тирану Старшине! И так было всегда! От начала их времен, когда они — дикие варвары, неспособны были ни к чему созидательному, не способны были к стремлению получить свободу и демократию! Неспособны были к культуре! Они призвали княжить над ними заморских нордических разбойников! Тех, кто даже в своем варварстве тех времен превосходили этих рабов! Так к чему нам нужна их история и их имена!..

Титос неистовствовал. Он уже не говорил спокойно, а орал как одержимый, обильно жестикулируя и то и дело, закидывая

голову. Толпа, которую казалось уже невозможно взвинтить еще больше, продолжала заводиться. Васнецову было страшно. Он не чувствовал угрозы от людей, предпочитая думать что он один может сам представлять для них угрозу, но он боялся абсурдности их мышления. Ему было страшно от их безумия. От их предательства своей крови и наследия предков. От того как они растоптали своих родителей и свою родину. От того что они все охотно превратились в дикую биомассу, слепо принимающую на веру все то безумие и чудовищное лицемерие, которое вещал им этот дьявол в человеческом обличии. Пугал их фанатизм. Их наркотический экстаз от всего того извращения, которое представляло их общество и их идеология. Но почему вся эта толпа слепо верит всему, что говорит этот безумец?…

Тем временем Титос взмахом руки снова заставил ликующую и визжащую толпу заткнуться.

— Мы знаем пример, — снова тихо заговорил он. — Каких-то тридцать километров и там, — он вытянул руку, — За этой рекой, царство мрака и варварство. Псевдореспублика Старшины. Сборище рабов и мутантов. Недочеловеков недовымерсшей расы плебеев. У них еще живы предрассудки моногамности и архаичных семейных ценностей. Они не позволяют своим мужчинам сеять семя всюду, где возможно зарождение жизни. Они не позволяют принять женским организмам, предназначенным для плодоношения, принимать в свои недра как можно больше генетического материала. Они сублимируют инстинкт к выживанию и возрождению жизни в каторжный физический труд. Мы можем лишь радоваться этому, ибо они не достойны для продолжения рода. Их гены грязны, их семя порочно. НО ВЫ!!! — он снова заорал и распростер над толпой руки, — Вы обязаны во имя будущего нести в мир совершенные чада! Плоды естественного отбора избранных! Новую расу! Вы зарождатели высшей расы! Вы — высшая раса!!! — еще громче стал орать Титос, — Высшая раса!!! — истерично завопил он!!! — ВЫСШАЯ РАСА!!!

Николай осматривал толпу. Это было страшное зрелище. Они орали как безумные, повторяя слова главного Титораса. Они плакали, закатывали восторженные истерики. Некоторые легионеры вдруг набрасывались на ближайших женщин и те охотно отдавались… Иные женщины кидались на легионеров и нервными нетерпеливыми движениями срывали с них мундиры… Охранники, которые привели его, как-то странно дергались и плакали от счастья, раскрыв рты из которых кажется текли слюни. Где-то в толпе в эпилептическом припадке дергался Ежов, на которого эта «профилактика» возымела действие. Только та

странная шатающаяся девушка, которой, кажется, на самом деле тут не было, не принимала участия во всеобщем безумии. И он, Николай, был единственным тут вменяемым человеком. Что же это происходит?… И почему все сильней и сильней скрипят несуществующие качели, звук которых слышит только он один?…

— Господи, — пробормотал Васнецов, осознав одну простую и жуткую вещ, — Да ведь он…

И Титос вздрогнул. Это было хорошо видно. Он вздрогнул и принялся судорожно водить взглядом по безумной толпе. Он уловил нарушение в общем психическом поле обезумевших человеческих существ. Он почувствовал присутствие совсем другого существа — Николая. Титос ощутил присутствие себе подобного!

И их взгляды встретились, словно убийственные лучи направленные друг в друга, они погрузились в души двух отличных от остальных существ…

— МОРЛОК! — выдохнул Васнецов, заглянув в бездну взгляда Титоса.

В это мгновение время остановилось. Замерли сотни людей собравшихся в этом ангаре. Запрокинувшая в предвкушении немыслимой оргии девушка застыла в своей позе, и повисли в воздухе ее взмывшие волосы. Застыли безумцы орущие, рвущие одежды, подбрасывающие непривычного вида каски, которые так же зависли в воздухе. Наступила тишина. Зловещая и неестественная. И Николай смотрел в глаза Титосу, а Титос смотрел в глаза Николаю и на лице этого чудовища на трибуне прорисовался ужас от осознания того, что здесь еще один морлок. Невосприимчивый к дурману его речей. Тот, кто равен ему был по силам, а значит и способный его уничтожить. И Титос в своем страхе от такой неожиданности дал слабину. И БЛАЖЕННЫЙ Николай смог прочитать в его черной, покрытой ядерной копотью душе ВСЕ. Он увидел его прошлое. Он увидел, ЧТО сделал Титос в прошлом…

Шатающаяся девушка резко развернулась. Это было единственное движение в застывшем мире обезумевших людей. А ведь можно было догадаться. Это была она, Рана. На ее лице застыл ужас, она вытаращила на Николая глаза и, набрав полную грудь воздуха, закричала с невероятной силой сотен децибел:

— БЕГИ!!!

Кричала словно вся планета и вопль этот был во сто крат сильнее того шума, который издавала до этого толпа и умноженный динамиками голос морлока на трибуне.

Васнецов рванулся к двери, и тут же все пришло в движение. Время снова начало свой естественный ход.

— МУТАНТ!!! — завизжал Титос, вытянув руку в сторону Николая.

Одурманенные, как и вся толпа, охранники не сразу сообразили что происходит. Николай уже мчался по коридору. Он буквально прорвался сквозь двух легионеров, охранявших подступы к залу профилактики, пока те вскидывали оружие, еще не до конца понимая, что происходит. Васнецов свернул в другой коридор. Краем глаза ловя, так запавшие в память плакаты, он вспоминал обратный путь. «Девушка должна, женщина обязана…», кажется, он бежал правильно. Позади уже слышались крики, щелчки затворов и топот кованых сапог.

— Черт! — воскликнул Васнецов, увидев, как дальше коридор перегородил легионер с иностранным пулеметом M249 в руках.

— Ложись! — заорал легионер, и Васнецов распластался на полу.

M249 затрещал, поливая преследователей Николая свинцовой смертью. Дав длинную очередь и убив пятерых Гау, он сорвал с плеча G36 с оптическим прицелом и, всучив его недоумевающему Николаю рявкнул:

— За мной! Быстро!

— Ты? Вейнард? — Васнецов только сейчас узнал его.

— Заткнись и беги за мной!

Они выскочили на улицу. В холод и предрассветную темноту. У входа прислонившись к стене, сидело три неподвижных солдата Гау. Похоже, они были уже мертвы. И очевидно по вине капрала. А еще их ждал снегоход.

— Садись! — Вейнард прыгнул за руль. Взревел двигатель и снегоход рванулся вперед.

— Почему ты мне помогаешь?! — воскликнул Николай, перекрикивая двигатель и раздавшиеся позади звуки сирены и выстрелы. Темноту разрубили лучи прожекторов, скользящих между строений и по снежной глади.

— Мне приказано присматривать за тобой и обеспечить твое бегство! Даже ценой собственной жизни! — ответил капрал.

Васнецов опешил…

— Мне не нужна такая цена! Зачем тебе жертвовать собой?!

— Заткнись! Мне виднее!

— Ты шпион Старшинистов?

— Я легионер Гау, давно и добровольно сотрудничающий с разведкой Старшины!

— Но почему?!

— Почему?! Потому что давным-давно, моя пятнадцатилетняя дочь пошла в службу быта и размножения! Никто ее не принуждал! Добровольно! Потому что тут так

воспитывают! Потому что моя жена, не желал знать других мужчин кроме меня, своего законного мужа! И ее обвинили в симпатиях к псвевоморали Старшины! И ее отправили на принудительные работы в солдатский бордель! Но она предпочла смерть бесчестию! Потому что я настолько был убит горем, и это так оглушило мой разум, что я стал невосприимчив к гипнозу это ублюдка Титоса! — яростно орал Вейнард ведя машину.

— Прости!

— А тебе не за что просить у меня прощения! Слушай! У них много топлива! Ведь это вам нужно?! Тут большие запасы в подземных резервуаров! Они делали аэродром подскока для оккупантов еще перед войной! И топливо собрали очень много! Сотни тонн! Даже больше! Я знаю! Я все знаю! Мне уже сказали про ХАРП! Мне сказали уже! Парень, сделай это! Во имя тех, кто еще жив! Во имя всех дочерей земли, что еще не стали жертвами нашего дикого времени! Заклинаю тебя!

— Да… — сердце Николая сжалось от этих слов.

— Ты умеешь обращаться с этой машиной?!

— Да вроде ничего сложного! Видел как-то! А что?!

— Скоро я сойду и дальше ты сам!

— Зачем?!

— Мне надо их задержать! Иначе мы от погони не уйдем!

— Но ты погибнешь!

— Я давно умер! С последним вздохом моей супруги! А тебе надо сделать то, что ты должен!

Он домчал до старой деревянной изгороди, торчащей из снега, и остановился. Выскочил из седла и приготовил свой пулемет.

— Вон река перед тобой! — крикнул Вейнард. — Все! Проваливай! На той стороне Старшина!

Позади слышался шум моторов, и мелькали фары. Преследовать беглецов было не трудно по четким следам на снегу.

Николай вдруг схватил капрала за руку.

— Прошу тебя! Уйдем вместе! Не надо!

— Убирайся! — рявкнул капрал.

— Я прошу! Хватит уже жертв! Можно ведь обойтись! Мы выжили, чтобы жить!!!

— Никто не выживет, если не ты!!! — он ударил Николая прикладом пулемета. — Проваливай!!!

— Прощай, — простонал Вансецов и нажал на газ. Снегоход помчался по равнине замерзшей реки. Сзади заговорил пулемет капрала. Завязался недолгий бой. Вейнард был обречен.

Снегоход мчался прочь от этой жуткой «свободы» Гау к

понятной и видимо, обоснованной в этом мире тирании Старшины. Николай оплакивал капрала, даже лица которого так и не сумел разглядеть. Слезы растекались по лицу, мгновенно превращаясь в лед, а он продолжал плакать.

— Почему, господи. Почему так… Почему! Почему все так!!!

Недолгая фора, полученная ценой самопожертвования капрала, растворилась в шуме нагоняющих снегоходов Гау. Позади раздавались одиночные выстрелы. Поле замерзшей реки казалось бесконечным. Он понимал, что до Новой республики ему не добраться. И это стало еще более очевидно, когда в корпусе лязгнула пуля и, двигатель снегохода завыл, словно от боли. Скорость падала. Все. Конец погони…

Васнецов развернул машину боком и заглушил двигатель. Выскочил из седла и, укрывшись за снегоходом, приготовил G36.

А что если среди преследователей есть такие, как Вейнард? Что тогда? Как быть? Что делать? Что? — забеспокоила его мысль. — Как быть…

— Просто люди не должны убивать людей, — пробормотал он.

А преследователи были все ближе. Уже слепили глаза их фары.

— Люди не должны убивать людей! — повторил он громко и поднялся во весь рост. — Люди не должны убивать людей!!! — заорал Васнецов навстречу врагам, — Мы выжили, чтобы жить!!!

— Идиот! — воскликнул кто-то сзади и навалился на него, опрокидывая в снег, — Ты что делаешь!

И люди стали убивать людей. Как всегда.

Предупрежденная Вейнардом разведгруппа гвардейцев Старшины ждала Николая, чтобы прикрыть отход. Они открыли шквальный огонь из пулеметов по приближающемуся врагу. Кромсали их снегоходы и тела. Убивали.

— Вейнард, бедный Вейнард, я даже имени твоего настоящего не знаю, — бормотал Николай, уткнувшись лицом в снег.

— Ты чего там бубнишь? — спросил опрокинувший его в сугроб гвардеец.

— Я видел Титоса Гау. Я знаю кто он. — Тихо ответил Николай. — У него была частная строительная фирма. Только определенные предприятия могли проводить работы в Московском метро. Но он смог попасть в этот список. Деньги могут все. Могли вернее все. Он купил, кого надо и, получил возможность работать в метро… Я знаю. Я прочел в его глазах… Это он… Его люди заложили фугасы… Он морлок… суперморлок… сука он…

57. ЛЕНА

— Ты урюк пафосный! — Людоед был готов разорвать комиссара, но ему помешали два гвардейца. Один из них ткнул стволом карабина Илье в живот.

— Убери! — рявкнул Крест, — Я знаешь, куда твою пушку тебе засуну?!

Гвардеец повернул голову и взглянул на Николая Андреевича.

— Оставьте, — поморщившись, махнул рукой комиссар, и охрана отошла в сторону. — Чего вы кипятитесь так, Илья?

— Вы чуть парня не угробили! Он там погибнуть мог! — присоединился к негодованию Ильи Варяг.

— Когда на кону стоят сотни, а то и тысячи жизней, можно ли заплатить цену в одну? — развел руками Андреич.

— Только если это не твоя собственная жизнь, да? — усмехнулся Крест.

— Если дело дойдет до того, что надо будет и мне пожертвовать собой, я это сделаю.

— Но ты постараешься, чтобы до этого дело не дошло. За счет чужих жизней. Так? — покачал головой Яхонтов.

Васнецов, молча, стоял в стороне и смотрел в дощатый пол. Он еще не пришел в себя до конца после того что произошло ночью. После жуткого открытия личности Титоса Гау и экскурсии в потаенные уголки его души.

В кабинет, наконец, вошел Старшина, и гвардейцы вытянулись по стойке «смирно».

— Можете идти, — тихо сказал им Старшина и уселся на свое место за столом. Охрана удалилась. — Господа хорошие, вы так орете тут, что за рекой слышно, наверное, — проворчал лидер Новой республики в адрес гостей. — Присаживайтесь уже. — Он принялся набивать свою трубку.

Все расселись за стол по другую сторону от Старшины.

— Послушайте, — начал говорить лидер, сделав первую затяжку, — Мы на кон поставили не только жизнь молодого человека. Мы все на кон поставили. Таково положение. Уж прошу простить, но посвятить в наши дела мы вас не могли. Вы бы просто постарались бы помешать нам. Не из-за вашей позиции в вопросе противостоянии нас и легиона. А просто чисто по-человечески, из-за страха потерять друга на чужой войне и ради чужих, не ваших идеалов. Сумбур получился бы. Так что еще тысячу раз прошу прощения, но так надо было. Это единственная возможность выкурить легион практически в полном составе и

спровоцировать их атаку на нас. А вообще акция превзошла все наши ожидания. Знали бы, какие у Васнецова способности, то…

— А в ваших ожиданиях, какая судьба была уготована Вейнарду? — с болью в голосе проговорил Николай.

Старшина посмотрел на Васнецова, а потом устремил вопросительный взгляд на комиссара.

— Это наш агент, который занимался им, — пояснил Андреич.

— Ах, вот оно что, — вздохнул лидер, — Он ведь погиб. Так?

— Да, — кивнул комиссар.

— Как его звали? — спросил Николай.

— Вейнард, — пожал плечами комиссар, — По нашей линии разведки он проходил как агент Крот.

— Вы даже имени его настоящего не знаете. А оно у него было. У него жизнь была.

— А может, Колян, если бы ты дурака не валял, а остался бы тут, или не стал бы сразу бежать, то он жив сейчас был бы? — Тихо произнес Вячеслав.

Васнецов замолк и повесил голову. Он ведь совершенно не думал о таком варианте. Но теперь выходило, что его действия стали причиной гибели капрала.

— Оставьте парня, — хмуро вздохнул Старшина. — Все это следствие задуманной нами комбинации. Нам надо было убедить Гау в нависшей над ними смертельно опасности. И тут одним Ежовым дело бы не обошлось. Нами развернута в легионе агентурная сеть. Не сомневаюсь, что таковая сеть шпионов-легионеров есть и у нас. Но беда в том, что мы потеряли много агентов из-за способностей Титоса. Он способен не только воздействовать на умы людей, на их мировоззрение. Но и способен чувствовать тех, кто не принимает его влияния. Все эти измерения черепа, лишь видимая и ничего не значащая вершина айсберга. Это брошенная людям кость, потворствующая идее о высшей расе и опасности мутантов. Главное там, это гипноз Титоса. Однако, все люди разные, и они по разному воспринимают, или не воспринимают, его гипноз. Соответственно, остались в легионе те, кто не подвержен выявлению. Погибший был из таких. Но как я понял из вашего повествования, молодой человек наделен схожими с главным Гау способностями. До вашего появления, природа способностей ихнего главаря нм была непонятна. Но теперь многое прояснилось. Все это конечно интересно и в высшей степени необычно. Я много слышал о пси-оружии и различных экспериментах. Но в другие времена и при других обстоятельствах не поверил бы конечно. Но, то в другие времена.

Тогда и в возможность ядерной войны мало кому верилось. Титос должен был почувствовать подобного себе психоника. Причем он должен был понять, что этот психоник — враг. Враг, который оказался совсем рядом. Несмотря на их систему безопасности и прочее. Сможет ли он теперь заснуть, зная, что у нас есть психоник и атомная бомба? Нет. Нам уже доложили агенты, что там идет мобилизация. Ускоренные приготовления. Но все произошло очень быстро. Я имею в виду случай с вами, молодой человек. Вы пробыли там очень немного времени и подняли настоящий переполох. Ваших способностей мы недооценили. Несколько агентов присматривали за вами на всякий случай, а Вейнард должен был обеспечить ваш отход. Бегство. Он самый отчаянный из наших агентов. Ему нечего было терять…

— Кроме жизни, — буркнул Николай.

Старшина развел руками.

— Увы.

— А когда тут появился этот Титос? — спросил Николай.

— Да он постоянно тут бывал. Он сын предателя-полковника. У нас с ним личные счеты. У него ко мне из-за отца. У меня к нему из-за моей Родины, которую они продали. В общем, он проводил тут немало времени. Но жил в Москве. У него был большой бизнес. Строительство и бензоколонки. Тут он появился года через три после ядерных ударов. Их люди уже сформировали свой легион. Тогда все, правда, было несколько иначе. Но готовились они задолго до начала войны. Тайные склады с амуницией и оружием. Боеприпасы. Огромные запасы топлива. Подготовленные люди. Потом они все ждали своих благодетелей из-за кордона. Наводили тут в округе свои порядки. Да вот незадача. Старшина… — лидер Новой республики усмехнулся. Поначалу мы были как партизаны. Тут все действительно напоминало оккупированную зону. Но пошли потоки беженцев. Наше число росло. Мало кто хотел идти к врагу. К тем, кто их предал. И мы стали давить эту погань. И задавили бы. Но появился Титос. Его эти негодяи знали хорошо. Он возглавил их. И он стал другим. У него появились эти способности. И все стало сложней. И нам тут пришлось создавать особое общество. Тоталитарное, если вам будет угодна такая формулировка. Просто в данных обстоятельствах не было иной альтернативы.

— Так он в метро морлоком стал? — Сквернослов уставился на Николая. — Что он там делал, если сам закладывал фугасы?

— Я ведь не в метро оморлочился, — вздохнул Васнецов.

— Ты еще не оморлочился, — усмехнулся Людоед, — Это ты себе льстишь. Ну, или наговариваешь на себя.

— Погодите, — досадливо поморщился Варяг, — не о том

сейчас речь. Теперь, когда они знают про бомбу… Что дальше?

— Они будут атаковать, — ответил Старшина. — Сегодня днем. Ночью это делать сложно. У многих машин уже давно нет фар. Да и ждать им уже нельзя. Промедление в данном случае для них смерти подобно. Массированная атака с применением всей техники. Момент истины. Крест, — он обратился к Людоеду. — Вы профессиональный диверсант. Мастер подрывного дела. Я просил вас проинспектировать закладку взрывчатки на дамбе. Что скажете?

— Скажу что толковых минеров у вас мало. Проделанные во льду минные камеры изначально никуда не годились. Лед куда толще, чем думалось. Глубину закладки увеличили вдвое. По всей ширине заложено зарядов общей сложностью восемь тонн. Плюс проделаны пустые штольни на разрыв. Я не знаю качества и свойств производимого вами взрывчатого вещества. Но подозреваю что оно ниже, чем у тротила. Однако уверен, что при синхронном подрыве будет однозначная подвижка основного массива льда на дамбе. А дальше давление воды сделает свое дело. Так же по моей рекомендации все заряды соединены детонирующим шнуром от установки разминирования. Хотя протестовали ваши. Дескать все оставшиеся шнуры на это извел. Но тут мелочиться нельзя. Это подстраховка, поскольку в работоспособности электродетонатора и в состоянии кабеля я уверен быть не могу. Людей было задействовано много на работах. Заминировать реку за ночь дело не шуточное. Во избежание утечки информации я рекомендовал коменданту временно ограничить свободу перемещения этих людей по вашей республике и внимательно за ними следить. Я понимаю что в данной обстановке легиону лучше ударить напрямик. Но если они узнают о минировании дамбы, то все впустую.

— А как вы общаетесь с вашей агентурой? — спросил Варяг.

— Импульсные передатчики. Спасибо Николаю Андреевичу, — Старшина кивнул на комиссара. — ФСБшные игрушки. Правда годы сказываются и все больше проблем с источниками питания. Но еще работают. Они компактны и могут выглядеть как угодно. Найти или запеленговать их нельзя. Прямого сеанса нет. Есть кратковременный импульс.

— А ретрансляционные антенны замаскированы под деревья, — ухмыльнулся Крест, — Знаю такие штуки. Можете быть уверены, у Гау такие есть. Но скорее всего иностранного производства. Лет за десять до войны мы обнаружили передатчик, который сканировал выход из бухты, где стояли атомные подлодки. Фиксировал радиационный фон и по шуму класс лодки. Сканер и сборщик информации в пне на берегу. Антенна в

дереве рядом. Так что это не только ФСБшные игрушки, уверяю вас.

— Увы, — вздохнул Старшина. — Но вернемся к ситуации. Илья, как оцениваете последствия взрыва дамбы? — он развернул на столе самодельную схему местности с отмеченными высотами и территорией республики, легиона и дамбы. Так же там имелись свежие метки, одной из которых была стоянка самолета Ил-76.

— Значит так, — Людоед хмуро взглянул на схему. — Оптимальный для нас вариант, прямой удар. Для них он тоже оптимальный из-за вероятности ядерной атаки. Вот кратчайший путь. Развернутым строем они едва ли будут атаковать. Это распыление сил и всего лишь пощечина для нас. В данной ситуации нужен концентрированный и мощный удар. Классическим клином или «свиньей». Они сходу прорывают оборонительный рубеж Новой республики и вливают в разрыв все свои силы. Начинается бойня. Но! Это в том случае, если они дойдут до рубежа. Следовательно, когда основная масса боевых сил легиона будет на льду, то должен быть подрыв дамбы. Вот тут наикротчайший путь между вами и легионом. Однако это не самое узкое место реки на отрезке в тридцать километров. При этом тут небольшая низина. От дамбы тут около семи километров. По моим прикидкам волна воды после подрыва будет тут достигать от одного до трех метров. Как повезет. Но следует учесть, что, даже не убив легионеров волной, мы обречем их на смерть. Вода ледяная. Пять минут в такой воде — смертный приговор. Вот здесь пограничные рубежи ваши. Волна может достичь и их. Рекомендую передислоцировать их на склоны. Это буквально в пятидесяти метрах от постов. А там оставьте мобильные силы. Постреляют и по команде начнут отступать. Дайте им быстрый транспорт. Вот на этих высотках по берегу надо поставить артиллерийские и минометные батареи. Тут пулеметные гнезда. Вам надо мобилизовать все резервы. Всю технику. Удар будет мощным. Но их нельзя пустить на берег. Помните, преждевременный подрыв дамбы уничтожит только двадцать процентов неприятельских сил. Или чуть больше. Остальные успеют отойти на свой берег. И тогда следующий удар будет где угодно и более продуманный. Тут наш единственный шанс. Их надо запустить как можно глубже на реку и ближе к нам. Тогда я думаю можно гарантировать уничтожение семидесяти процентов неприятельских сил. При таком раскладе вам потом останется лишь зачистить их базу и все.

— Стойте, стойте, стойте! — воскликнул Васнецов, который до сего момента лишь отрешенно слушал. — Двадцать процентов… семьдесят… Хватит! Неужели без этого никак

нельзя?! Люди не должны убивать людей, как вы не понимаете! Илья! Вспомни Москву! Вавилон! Екатеринбург! Неужели тебе все это не осточертело?!

Людоед как-то странно посмотрел на него, затем вздохнул и произнес.

— Ладно. Предлагаю другой план. Развесим на берегу красочные транспортны и встретим Гау оркестром и теплыми объятиями. То-то хорошо будет.

Старшина тихо засмеялся.

— Молодой человек, — проговорил он, пыхнув трубкой, — Что вы хотите конкретно?

— Я и Крест, вдвоем, можем достать Титоса. Мы убьем его и все. Он не сможет больше влиять на умы людей. Илья! Мы ведь можем!

— Мы много чего можем, блаженный. Но мы не в силах изменить людей. По-твоему со смертью Титоса они перестанут быть теми самыми людьми? Это ничего не даст. У них есть своя идея. У них есть свои взгляды на жизнь. Своя правда и свои устремления. Так ли уж важен тут этот морлок? Вон, Гитлер, когда еще преставился, но дело его и поныне живо. Ты разве не помнишь Москву, которую мне тут напоминал? Да разве кто-то помнит сейчас про этого Гитлера? Но его суть жива в людях. Да, в каждом человеке живет бог и дьявол. Но вот кого там больше… За это несет ответственность не один лишь Титос. Все люди. Каждый. А Титос лишь ветер, который раздувает огонь. Перестанет дуть ветер, и огонь не погаснет все равно. Затуши огонь, Коля. Затуши его холодными водами.

***

Где-то на улице гудели двигатели еще работоспособных машин. Приготовления к отражению атаки шли полным ходом. Николай еще раз окунул ложку в алюминиевую миску с чем-то отдаленно напоминающим кашу. Пища не пахла. Не имела вкуса. Просто выглядела неприятно. Но Лена сказала, что этот концентрат весьма полезен. Особенно перед боем на холоде. Лена… Он украдкой взглянул в ее сторону. Она сидела в дальнем углу столовой рядом с Людоедом, который сосредоточенно водил точильным камнем по лезвию катаны.

Николай всегда был наделен хорошим слухом. Но с тех пор, как он стал морлоком, он чувствовал, что слух этот стал еще острее. Да, несложно расслышать, о чем они тихо говорят…

— Ведь тебя ждет кто-то?

— Да, — Людоед медленно кивнул.

— Счастливая, — Лена отвернула голову в сторону и посмотрела на непрозрачное окно из толстых стеклоблоков.

— Ну почему же она счастливая? Человек, которого она любит, ушел. Ушел в неизвестность. И вернется ли он когда-либо? — он продолжал точить меч.

— Счастливая, потому что ей есть, кого ждать. Пусть и придется ждать всю жизнь.

— Женщины не способны ждать. Это противоречит биологической сути. — Угрюмо ответил Илья.

— Биологической? — она с удивлением и каким-то разочарованием посмотрела на Илью, — А что насчет человеческой сути? Как насчет души? Сердца?

— Сердце гоняет кровь по организму. А душа, это лишь те мысли, с которыми человек не в силах совладать. Что же до человеческой сути, то очень скоро ты сможешь ее увидеть на берегу вашей реки.

— Только очень ожесточенный человек может говорить такие вещи.

— Да нет, — Людоед пожал плечами, — Я не ожесточенный. Я рассудительный.

— У тебя есть мысли, с которыми ты не в силах совладать?

— Уже лет двадцать как нет.

— Значит, и души нет?

— Разумеется.

— Ты это нарочно говоришь.

Илья усмехнулся.

— Тебе конечно виднее.

— Выходит, ты не любишь ту, которая тебя ждет. — Лена покачала головой.

— Она умна. Она сильна и бесстрашна. Она честна. Она последовательна. Я люблю такие качества.

— Качества? Это не любовь.

— Я знаю.

Лена задумчиво посмотрела на меч.

— Как звали ту, другую?

Людоед перестал водить камнем по лезвию и посмотрел на женщину, видимо удивившись ее проницательности.

— Лена. — Ответил он, не сводя с собеседницы глаз.

Лена? Васнецов удивился. Какая еще Лена. Ее ведь звали Ирина. Ирина Листопад…

Женщина улыбнулась.

— Уж не имя ли тебя так отталкивает?

— Нет. — Он снова принялся точить меч.

Она провела по его руке и осторожно коснулась кончиками пальцев лезвия.

— Острый… Ты ее убил… Вот этим самым мечом… Я права?

Людоед не отреагировал никак. Хотя нет. У него дернулась губа. Николай это заметил. А вот женщине, сидящей с боку, этого видно не было.

— Я права, — произнесла она утвердительно и вздохнула, — Вот кого ты любишь. И меч этот для тебя, частичка любимой…

— Да нет, — Крест мотнул головой, — Все банальней и прозаичней. Он помогает мне экономить патроны, когда я херачу всяких ублюдков.

— Не выражайся, пожалуйста, — Лена поморщилась и даже как-то отстранилась.

— Пардон.

— Слушай, почему ты сегодня такой? Ты вчера другим был. Я тебя чем-то обидела?

— Вовсе нет. Просто самая большая глупость, которую может допустить хорошая женщина, это влюбится в меня.

Лена снова поморщилась, взглянула на Людоеда и как-то зло и раздраженно захохотала.

— Какие же вы, мужчины, все самоуверенные. Неужто ты подумал, что я влюбляюсь в тебя?

— Ну, вот и славно, что нет, — хмыкнул Крест и вогнал меч в ножны. — Держи, он протянул точильный камень Лене. — Спасибо.

А Крест все-таки молодец, — подумал Николай. — Послушался. Выставил барьер перед этой женщиной. И правильно. Все правильно.

— Блаженный! — рявкнул Крест, — Ты доел?! Тебя ведь жду, между прочим!

Николай поднял ложку и наклонил ее, глядя как перед его глазами белесая масса лениво сползает по ложке, тянется вниз под непреодолимой силой гравитации и наконец, шлепается обратно в миску.

— Я что-то есть больше не хочу. — Вздохнул он.

— Ну, так пошли. А то без нас всех убьют. — Людоед решительно двинулся к двери. Словно хотел поскорее избавиться от общества Лены. Затем вдруг развернулся и, подойдя к поднявшееся женщине, схватил ее и прижал к себе. — Лена, просто ты очень хорошая. С тобой нельзя так поступать. И Нордика такая. Потому и дистанция. Пойми. — Он поцеловал ее в лоб и вышел из столовой.

«Что он имел в виду?», — думал Васнецов, бредя к выходу, — «Как нельзя поступить? Использовать по назначению?».

Он бросил прощальный взгляд на Лену. Та недобро глядела на Николая и как-то странно, слишком трепетно прижимала к груди точильный камень, которым Людоед точил свой меч.

***

Безымянный день, как и другие. Солнце растворилось в постоянной пелене туч. Позабыто, какой сейчас год. Какое время года. Какой месяц и день. Где-то, это ведомо лишь чиновникам Новой республики. Простым людям важнее понимать какая сейчас эра… Постядерная. И как всегда, будучи символами эпохи, порывы ледяного ветра гоняли без жалости и устали снежную пыль. Заставляли стонать деревья. Вздрагивать от холода людей. Река была великолепна и покойна. Белая гладь тянулась во все стороны. Только едва была видна серая полоска горизонта. Лес на той стороне. Там Гау. Сквернослов осторожно потрогал свой пострадавший в черновом плену нос и высморкался в снег.

— Походу порожняк, мужики, — заявил он. — А я ведь говорил, надо было взять бомбу у рейдеров. Рванули бы титораса. Да и теплее стало бы немного.

— Ага, — кивнул, ехидно улыбаясь, Варяг, — На пару миллионов градусов.

Они стояли на возвышенности километрах в четырех от дамбы. Она была справа. Слева, уже через две тысячи метров начинались позиции гвардии Новой республики. Где-то далеко за дамбой, стоял их самолет. Но он был теперь не одинок. Там находился резервный полк, который комиссар с недовольным видом называл вольники. Насколько уже успел понять Васнецов, полк этот состоял преимущественно из казаков и никому они вообще не подчинялись. Только Старшине. И он велел им находиться у самолета на всякий случай. Однако если все пойдет по плану, то они должны были выступить на тот берег и ударить по территории Гау во фланг.

Помимо Варяга, Людоеда, Славика и Николая, тут находился комиссар Андреич. Рядом стоял танк ПТ-76. Выкрашенный гашеной известью и с намалеванными на башне скрещенными мечами. Из люка механика водителя торчала голова молодого танкиста, которого комиссар называл Петруха. Из недр сугроба тянулся черный провод полевки и соединялся с металлическим ящиком, на котором был один единственный рубильник. От ящика провод шел в танк, где был примотан к клеммам аккумулятора.

Петруха вдруг дернулся в своем люке, и стал поправлять

шлемофон на голове, прислушиваясь к наушникам головного убора. Затем приподнялся и закричал:

— Есть! Сигнал «Псы»! ПСЫ!

— Клюнули, — комиссар ухмыльнулся и натянул свою шапку на самые брови. — Ну, товарищи и господа, момент истины.

— А у нас всю дорогу моменты истины, — хмыкнул Варяг и принялся быстро забивать трубку.

Людоед стоял в стороне и неподвижно наблюдал за рекой в бинокль. Васнецов подошел к нему. Он хотел спросить о чем-то, но Крест опередил его…

— Ее на самом деле звали Лена. Ирина Листопад, это ее псевдоним. Она думала, что я ее так не найду. Нашел… Ее звали Лена. Какая ирония, да? — Он протянул бинокль Николаю. — Взгляни.

Николай стал смотреть на реку уже вооруженным взглядом. Где-то там, далеко, виднелась колышущаяся масса. Еще трудно было разобрать в этом призрачном движении технику и людей, но уже было ясно, что эта атака было чем-то гораздо большим, нежели атака разных банд на конфедерацию Москвы. Это куда масштабней, чем атака вандалов на Вавилон. И с этим движением нельзя сравнить движение армии Чернова старшего, который двигался за местью и был уничтожен залпом рейдерской установки с чудаковатым названием «Буратино».

Позади послышался гул мотора. Васнецов обернулся. Метрах в ста остановился вездеход и люди стали монтировать какой-то прибор на треноге. Осмотрев в окуляры бинокля позиции гвардейцев, Николай заметил, что и там спешно устанавливали нечто подобное. В гуще боевых порядков гвардии, среди гаубиц и минометных гнезд остановился бронетранспортер. На крышу взобрался какой-то человек, сжимающий черное знамя с белыми мечами. Васнецов присмотрелся. Это был Старшина.

Странный ящик, что привезли на вездеходе, загудел и взвизгнул. Затем послышался хрип и шорох. Теперь было понятно, что это беспроводной динамик громкоговорителя. Такие установили всюду, где ждали боя люди. И было даже лестно, что и для небольшой группы стоявшей особняком и несущей ответственность за подрыв дамбы установили такой динамик.

— Друзья мои! — загремели хором динамики, вещая голос выступающего на броневике Старшины, — Граждане Новой республики! Люди всех чиной и рангов! Наций, сословий и верований! Братья и сестры! В этот суровый час, к вам обращаюсь я, друзья мои! Вы есть последний оплот человечности на нашей поруганной Родине! На лике нашей изуродованной планеты! Вы есть последняя надежда жизни на нашей земле! Звериный оскал

титорасов не канул в лету, как и подобает всякой нечисти! Не вбили мы ему еще зубы в поганую глотку бешеного зверя! Сегодня пробил час решающей битвы! Сегодня — или никогда! Много лет назад мы столкнулись с вероломством и предательством! Цинизмом и бесчеловечностью! Ветер истории развеял пепел ядерного пожарища и обнажил две могучие силы на нашей земле! Силу света и возрождения! Цивилизации и стремления к будущему! Нас с вами! И темную силу! Безжалостную и беспринципную! Силу дьявольскую! Упивающуюся мракобесием! Иль забыли вы, кто предал всех нас! Кто уготовил нам участь рабов и прислуги для иноземных захватчиков?! Никто не забыл! И старшие помнят, и молодым поведано, что есть истина в нашей борьбе! Сегодня я взываю не только к вашему долгу перед своими товарищами и перед самими собой! Сегодня я взываю к великому наследию нашего прошлого! К великой истории! Мы, люди всех чинов и рангов, наций и религий, объединенные одной единой родиной, во все времена были для ворога неприступной твердыней! И звали они нас всех с презрением и страхом, трепетом и уважением — РУССКИЕ! Посрамим ли мы наследие наших предков?! Неужто дрогнем перед зверем Гау, который отрекся от прошлого, от предков, от крови нации и имени своего?! Нет!!! Мы на своей земле! Это наш мир! Мы выжили, чтобы жить! И во веки веков было единой правдою слово нашего великого предка! Кто с мечом к нам придет, от меча и погибнет!

На Руси родной, на Руси большой
Не бывать врагу!
Поднимайся, встань,
Мать родная, Русь
Врагам на Русь не хаживать,
Полков на Русь не важивать!
Путей на Русь не видывать,
Полей Руси не таптывать!
Наше дело правое!!! МЫ ПОБЕДИМ!!!

После этих слов над позициями Новой республики разнеслось протяжное «УРА»!

Николай оторопел. Он взглянул на танкиста. Тот вытянулся из люка во весь рост и, задрав гордо голову, плакал. Комиссар как-то тряс головой, зажмурившись и улыбался.

Васнецов осознал, что Старшина только что сделал то, что той ночью делал в своем логове Титос Гау. Ведь происходило тоже самое. Один человек взял в свой кулак умы всех людей что

его слушали… Но было одно существенное отличие. В этом влиянии, чувствовалось что-то великое и светлое. Что-то правильное. Но ведь Старшина не морлок. Так значит, чтобы поднимать из глубин человеческого сознания нечто возвышенное и благородное, вовсе не надо быть морлоком? Надо быть ЧЕЛОВЕКОМ!

И динамики вновь загремели. Оттуда полилась музыка. Невероятно громкая и торжественная. Заставляющая мурашки расходиться в такт по всему телу и пульсировать чаще сердце. И полилась из динамиков песня:

Вставайте, люди русские
На славный бой, на смертный бой!
Вставайте люди вольные
За нашу землю честную!
Живым бойцам — почёт и честь
А мёртвым — слава вечная!
За отчий дом, за Русский Край
Вставайте люди русские!
Вставайте, люди русские
На славный бой, на смертный бой!
Вставайте люди вольные
За нашу землю честную!

Казалось, было слышно, как сотни и тысячи бойцов подпевают этому гимну. Солдаты вопили из своих окопов. Стоя за лафетами орудий. Из танков и сжимая рукояти пулеметов. Николай наблюдал за происходящим в бинокль. А рядом послышался голос Людоеда.

— Ай да Старшина. Ай да сукин сын.

— Вы что себе позволяете, — огрызнулся вдруг Андреич.

Крест лишь покачал головой и улыбнулся.

— Комиссар, ты себе не представляешь, сколько уважения к этому человеку я вложил в сказанные мною слова…

***

Серая лавина мчалась по замерзшей реке к своей цели. Ведомые страхом перед всепожирающим ядерным огнем и жаждущие отмщения за угрозу и вызов, легионеры мчались тупоносым клином в расставленною Старшиной ловушку. Они оседлали все что можно. Снарядили всю технику. Снегоходы, собачьи упряжки. Танки и БМП. Бронетранспортеры и аэросани.

Ко многим бронированным машинам на буксире были прицеплены большие сани с десантом. Гау знали, что избежать ядерного удара они смогут, лишь достигнув берега Новой республики. Там варвары Старшины не посмеют взорвать бомбу, ведь в противном случае уничтожены будут и они тоже.

— Внимание! — заорал командир минометного полка, расположившегося на переднем крае обороны. — Упреждение сорок! Пять выстрелов! Четыре осколочно-фугасными, пятый дымовыми! Интервал ноль! ОГОНЬ!

Стволы стадвадцати миллиметровых минометов заухали, посылая в сторону наступающей армады первую смерть.

Когда последний миномет выплюнул пятую мину, командир полка снова заорал:

— Внимание! Отходим за вторую линию обороны и занимаем обозначенные позиции!

Снежный ковер, накрывающий ледяную гладь реки стал взмывать вверх разрывами мин перед неумолимо приближающимся врагом. Было очевидно, что минометчики поторопились. Только две мины разорвались в гуще авангарда легиона, разнеся снегоход и разметав нескольких вражеских солдат в клочья. Атакующие, не снижая темп наступления стали расходиться веером, но дым от дымовых снарядов начал заволакивать пространство вокруг них, мешая маневру и создавая в передовых порядках сумятицу. БМП попав в дым, столкнулась с Т-62, и у нее сорвало гусеницу. БТР-80 проехал по телеге с десантом, которую тянул МТЛБ с водруженной на корпусе ЗУ-23. Движение авангарда замедлилось, но идущие войска позади еще держали темп. В итоге плотность вражеской техники и солдат сжималась.

Над берегом республики разнеслись раскаты грома. Это заговорили гаубицы Д-30, бьющие точно в дымовое облако. Взмывали огненные облака над стелящимся дымом. Подбросило обломки аэросаней и БМП-3. Поначалу все это походило просто на избиение Гау, но вот небо поперек реки перечеркнули дымные шлейфы реактивных снарядов установки залпового огня. Земля и накрывающий ее снег содрогнулись. Где-то, среди позиций обороняющихся дробью ударили снаряды от залпа установки «Град».

Отдельные единицы техники Гау вырвались из дымного плена и снова устремились к берегу Новой республики.

— Крест! — закричал комиссар, — Ну что!

— Еще минуту, — спокойно ответил Людоед, глядя в мощный морской бинокль. — Они еще слишком растянуты…

— Но они ударили «Градом»! У наших потери!

— Если поспешить, то будет еще хуже…

— Вертолеты, — мрачно проговорил Варяг, который так же наблюдал в свой бинокль.

Тройка Ми-24 с характерными знаками легиона, неслась из облаков в сторону обороняющихся. Над авангардом своих войск они быстро рассеялись и стали маневрировать. Один из них дал короткий залп НУРами по второй линии обороны. Где-то сзади, в нескольких сотнях метрах загрохотала барабанной дробью «Шилка» замаскированная в снежном бархане. Корпус Ми-24 качнулся в сторону, уворачиваясь от трассеров. Другой вертолет находящийся дальше и выше, дал залп по обнаружившей себя ЗСУ гвардейцев. Снова грохот взрывов. Уже совсем близко. От позиций гаубиц взмыла ракета «Иглы» по стреляющему вертолету. Тот выпустил несколько тепловых ловушек. Ракета прошла мимо. Однако снова заговорила «Шилка», которую поразить вертолеты пока не сумели. В отдалении, среди деревьев, заговорили скорострельные пушки другой ЗСУ. Это была «Тунгуска». У ближайшего вертолета перебило хвост и он, закрутившись в воздухе, стал стремительно падать в низ. Еще один вертолет, попав под огонь «Тунгуски» завертелся на месте, разметая осколки пилонов, остекления кабины, и куски корпуса, после чего взорвался в воздухе. Третий Ми-24 стал убираться восвояси. Тем временем армада сухопутных войск неумолимо приближалась, несмотря на огонь гаубиц.

— Пора, — произнес Людоед, убирая бинокль. Он подошел к пульту и дернул рычаг, повернув голову в сторону дамбы. Ничего не произошло.

— Что за… — он еще раз дернул рубильником, но так необходимого сейчас взрыва не последовало.

— Эта ваша чертова полевка! — заорал Людоед на комиссара.

— Ее проверяли на токопроводимость! — крикнул в ответ Андреич. — Все было в норме!

— Да гнилая она, — пробормотал Варяг. — Ясное дело. Где-то просто перестал ток проходить.

— Но несколько часов назад проходил!

— Может обрыв? — высказал свое предположение Сквернослов.

— Это саботаж! — закричал комиссар.

— Ну вас к черту, — огрызнулся Крест, — Эй! В танке!

— Чего, товарищ Крест? — отозвался Петруха.

— Господи, сейчас бой. В бою забудь про слово товарищ… комиссар… полковник… и тому подобное. К черту строевой устав в бою. — Проворчал Варяг, выбивая трубку о корпус танка, — Драгоценное время терять только. Говори командир, друг, брат,

Вася, Петя… У тебя снаряды там есть?

— Есть, конечно. А что?

— Не попасть отсюда, Варяг! Я уже об этом подумал! — воскликнул Людоед. — Слышь, Петруха, заводи агрегат и вылазь оттуда!

— Зачем?…

— Делай, что я сказал, салага!..

Николай наблюдал за вертолетом, не обращая внимания на грохот разрывов и приближающийся гул наступления. Вертолет вновь показался вдалеке. Летел он низко и держал курс в ту сторону, где на реке стоял самолет. «Только не туда», — думал Васнецов, — «Только не самолет».

Между тяжелой бронетехникой легиона и противотанковой батареей республики завязалась артиллерийская дуэль. ПТУРов сохранилось очень мало, и в сложившихся обстоятельствах наиболее эффективным оружием была классическая артиллерия. Неприхотливая и долговечная. Николай бросил туда лишь мимолетный взгляд. Но после этого был готов поклясться, что видел в бинокль, как Старшина подносит снаряды. Очевидно, в свой бинокль это заметил и комиссар, потому что тихо выругался.

ПТ-76 никак не хотел заводиться. Стартер ныл, но ему не хватало мощности.

— Аккумулятор сел! — закричал танкист.

— Какого хрена! Так быстро?! — заорал Людоед.

— Так ведь холодно! И провода эти ваши подсоединены!

— Может потому и детонатор не сработал?! — крикнул Варяг, дернув рубильник еще раз.

— Да ему три вольта надо! А у меня тут пять-шесть еще выдает! — ответил разгоряченный Петруха.

— Ломы! Два лома есть?! — Крест схватил танкиста за грудки.

— Есть!

— Доставай! Живо!!!

Вертолет пролетел над дамбой и из леса на него обрушился огонь крупнокалиберных пулеметов запасного полка скрытого в зарослях. Ми-24 дал залп НУРами и стал уходить на разворот. Однако за ним уже тянулся дымный шлейф. Нет. До самолета ему еще далеко. Отогнали. Надолго ли?…

Илья кинул один стальной лом Варягу.

— Варя! Делай как я! Вставляй его в гусеницу! В направляющие! Где маховик! Вот так! НА счет три навались на него всем телом! Петруха! На счет три выжми главный фрикцион!

— Чего?!

— Сцепление! Твою мать! Иии ррраз, два, три!!!

Внутри боевой машины что-то лязгнуло, но танк не завелся, не смотря на то, что и Крест и Яхонтов, каждый со своей стороны, навалились на ломы и заставили ведущую звездочку чуть прокрутиться.

— Падла! Я сказал сцепление выжми!

— А я что сделал?! — отчаянно закричал танкист.

— На счет три! Паузу не делай! Варя! Давай еще раз!..

…наступление неумолимо подкатывалось к берегу Новой республики. Вертолет, несмотря на повреждения, сделал новый заход, но на сей раз ударил оставшимися НУРами издалека… в ста метрах разорвался снаряд… один из ближайших танков Гау разорвало сдетонировавшим от попадания кумулятивного снаряда боезапасом… пехота противника спешилась и бежала к берегу… заклекотали пулеметы… теперь дымовые снаряды пускали легионеры, чтобы прикрыть движение пеших солдат…

— Иии ррраз, два, три!!!

Танк снова лязгнул и вдруг, выхлопная труба жутко чихнула, выпуская горький и черный дым. Двигатель заревел. Варяг снова бросился к пульту детонатора и стал дергать рубильник. Дамба не взрывалась.

— Варя, оставь! Я сам все сделаю! Салага! Вылезай из танка и вырви провод этот нахрен! — Людоед бросился к Николаю и вдруг схватил его за плечи. Николай опешил. Он был весь поглощен наблюдением за вертолетом и приближающимися войсками Гау. Что хотел сейчас от него Илья?

— Николай блаженный! Бог тебя на руках носит! Помни об этом! — воскликнул Крест, улыбаясь как-то странно, и с силой затолкал Васнецову за пазуху какой-то сверток. После этого Людоед прыгнул в освободившийся люк механика-водителя и, ПТ-76 рванувшись с места, устремился вниз по склону. К реке.

Васнецов, недоумевая, извлек сверток, что сунул ему Крест. Это была старая ткань для солдатских портянок. Он развернул ее и увидел там предохранитель ядерного заряда и флакон с эфиром, что дал им в Екатеринбурге Дитрих. Васнецов уставился на несущийся уже по реке танк, ведомый Людоедом. ПТ-76 мчался наискосок все ближе к центру реки и в сторону дамбы. И только теперь Васнецов понял, что произошло. И понял, что вот-вот произойдет. Он только теперь осознал природу своей тревоги, когда они впервые вступили на эту землю. А точнее на замерзшую реку. Это же было предчувствие. До него лишь сейчас дошло предупреждение того странного старика в Екатеринбургском метро. Блаженный понял, что грешил не на ту женщину. Не миловидная и добрая Лена способна погубить Людоеда. Его вообще никто не способен погубить, хоть старик и говорил что

это будет женщина… Нет. Это река. Река с женским именем. Река Лена.

— СТОООЙ!!! — заорал Николай во все горло и бросился по колее, что оставил танк в снегу, за ним. — Стой Илья! Ахиллес! Остановись! Назад!

Комиссар, наблюдавший за тем, что вся их затея выходит из пол контроля, пустил из сигнального пистолета зеленую ракету. С тыла послышался шум. В движение пришел весь резерв, который был призван столкнуть легион Гау, если тот начнет штурм берега. Схватка в нескольких километрах от них становилась все яростнее. Бой ожесточеннее. Выстрелы из всего, что стреляло, все чаще…

— Людоед стой! Ты же погибнешь! — продолжал голосить Васнецов, мчась к реке.

Варяг нагнал его и повалил в сугроб.

— Коля ты ничего не сделаешь!

— Но он же погибнет!!!

— Он знает что делает!

— Нет! Он не ведает! Она убьет его!

Танк был очень далеко. Его было еле видно. Он встал в километре от дамбы. Словно коршун, на него спикировал тот самый вертолет. НУРов у него не осталось, и он дал очередь из пулемета. Мимо. Вертушка пошла на второй заход. Позади послышался гул мотора. Комиссар махал рукой экипажу выдвинувшейся вперед «Шилки». Снова барабанная дробь счетверенных стволов ЗСУ. Вертолет уцелел. Танк не двигался. Видимо Людоед перебирался из места водителя в башню…

Пехота Гау, что была на снегоходах, уже взбиралась по склону берега республики. Обороняющиеся выкатили какие-то сваренные из гнутых стальных прутьев шары диаметром в три метра. Прутья были обмотаны большим количеством пропитанной смолой пакли. Обороняющиеся подожгли шары и стали сталкивать их вниз, на наступавших. Огненные снаряды мчались на легионеров, наматывая замешкавшихся людей на свой пылающий каркас. Через определенный промежуток времени, шары стали взрываться огненным облаком. Видимо в центре был смонтирована взрывчатка с напалмом…

Танк, наконец, выстрелил. В какофонии боя этого выстрела слышно не было, но было видно, как вспыхнуло пламя, вырвавшееся из ствола. Потом стало видно взрыв на дамбе. Но это был лишь взрыв снаряда. Подрыва заложенных тонн взрывчатки не произошло. Вертолет снова зашел на атаку танка. Снова загрохотала «Шилка» и вражеский Ми-24, наконец, получил свою порцию смерти. Снаряды разворотили ротор винта и

вертолет, объятый пламенем, рухнул неподалеку от танка. Второй выстрел ПТ-76. Снова взрыв на дамбе и вдруг… Там словно разверзлась огненная пасть, огромная буря огня стала стремительно растягиваться в разные стороны от места попадания. Началась детонация. Донесся зловещий гул разрывающейся массы взрывчатого вещества.

— Все, Илья! Ты попал! Илья ты попал! Убирайся оттуда! — вопил что есть силы Николай.

Но танк стоял неподвижно. Ведь Людоеду надо было еще перебраться из башни на место водителя…

Ледяная масса пришла в движение и загрохотала. Замерзшая дамба стала оседать и ползти в сторону ПТ-76. Сначала все происходило как-то медленно, и нехотя лед уступал свои многолетние позиции. Но вдруг огромные ледяные массы стало рвать на части, и затаившаяся в ожидании свободы вода хлынула вперед с невероятной скоростью. Танк все еще стоял. Ледяная гладь за дамбой тоже стала рушиться и огромные плоские айсберги устремились вперед, увлекаемые гигантским валом воды. ПТ-76, наконец, рванулся с места, круто развернувшись и взяв направление к берегу.

— Быстрее! Давай! Давай! — орали уже вместе Николай и Варяг.

Легион Гау увидел несущуюся на них массу. В рядах наступавших началась паника. Легионеры уже не атаковали, а просто бежали на берег. Многие бросали оружие и скидывали бронежилеты, чтобы легче было бежать. Многие поднимали руки и тоже бежали, демонстрируя гвардейцам Старшины свою готовность сдаться. Лишь бы уберечься от надвигающегося цунами. Выдвинувшийся на передний край резерв Новой республики принялся методично расстреливать объятых ужасом легионеров, невзирая на то, есть у них оружие или нет. Подняли они руки или нет. Легионеры все равно продолжали бежать на склон. Навстречу своей смерти…

Николай перестал кричать. Он с ужасом смотрел, как крохотный танк исчез в огромной волне, которая оказалась больше чем рассчитывали они. Попав в буруны, танк закрутило, и он исчез в бушующих водах. Спустя пару секунд он вдруг вынырнул каким-то невесомым поплавком, но него ударилась огромная ледяная глыба и накрыла собой.

— Не-е-ет!!! — Закричал от страшной правды и невыносимой боли Васнецов. Он бросился вперед. К бушующим водам. Однако Варяг снова нагнал его и потащил назад.

— Коля! Вода сейчас тут будет! Быстрее наверх!

Освободившаяся река ударила по армии Гау, перемалывая в

водяных жерновах всю их технику и людей. Те из наступавших, кто уже был на берегу и понимал, что пощады им не будут, как ни моли они гвардейцев, кинулись в последнюю атаку, и на склоне берега началась немыслимая свалка рукопашной бойни…

Николай рыдал, увлекаемый Варягом наверх по склону. Сзади уже бурлила вода. Она становилась все ближе. Пятьдесят метров. Двадцать. Десять. Похоже она достигла того уровня, выше которого ей не подняться и она мчалась дальше вперед, продолжая пожирать легион Гау…

Васнецов вдруг оттолкнул с невероятной силой Варяга и, развернувшись, принялся стрелять из автомата по воде.

— НЕНАВИЖУ! НЕ-НА-ВИ-ЖУУУ!!!

— Куда патроны тратишь, дурак! — закричал подбежавший Петруха.

Магазин опустел, а Николай продолжал кричать и дергать за курок. Танкист и Яхонтов повалили его снова снег.

— Коля! Возьми себя в руки! — воскликнул Варяг. — Я тебя прошу, Коля!

— Что! — к ним подбежал Сквернослов. — Что такое! Что с Ильей! Варяг что с Ильей!

Яхонтов повернул голову и взглянул на Вячеслава полными слез глазами.

— Славик, Ильи больше нет… Нет его…

После этих слов Николай перестал биться в агонии и кричать. Он замер и просто стал нечеловечески выть…

58. ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ

Впереди, среди деревьев, снова раздался выстрел.

— Все целы?! — крикнул атаман пригнувшимся бойцам.

— Да, — послышался ответ после недолгой паузы.

— Атаман! Неужто целый полк мордой в снег зароется из-за одного снайпера?!

— Молчи есаул, — командир недовольно дернул головой. — Победа уже наша. Псов потопили. Предлагаешь мне в такой момент людей класть под пули этого недобитка? — Он угрюмо посмотрел в сторону реки. До бывшей дамбы было почти десять километров, но лед на реке обрушился и ушел вместе с бушующей водой дальше, туда, где были основные силы неприятеля. Теперь здесь зияла пропасть на всю ширину реки.

— Так что делать? — снова послышался голос есаула.

— Выманить надо урода. Давай два отделения. Перебираться от дерева к дереву и достать его.

— Так и он маневрирует. Позиции меняет.

— Ничего. Он один.

Очевидно, из всего перебитого вольниками отряда Гау, что выдвинулся в сторону самолета, остался один снайпер. Он уже ранил двух бойцов, и рисковать из-за такой мелочи атаман не хотел, но и стоять на месте было нельзя. Надо двигаться в лагерь Гау и зачистить его.

Грянул еще выстрел. Но по звуку сразу было понятно, что стреляли из другого оружия. Из другого места. И в другую сторону. Снайпер Гау ответил своим выстрелом.

— Что это еще такое, — пробормотал атаман.

Снова выстрел неизвестного. Кто-то затеял дуэль с легионером.

— Похоже кто-то гада того выкуривает, — громко зашептал стоящий за деревом урядник. — Он рядом совсем.

— Эй! — крикнул есаул, — Кто там еще!

Вместо ответа последовал выстрел.

— Отвечай! Гранатами закидаем!

— Не нада граната! Гвардейца! Охотник я! — послышался возглас. — Молот!

— Мы не гвардейцы! Мы вольники! — крикнул урядник.

— Аа, так это тот старый якут. Отшельник, — улыбнулся есаул. — Знакомый господина Старшины.

— Ты в кого стреляешь?! — крикнул атаман.

— Охотник я. Охочусь. Снайпера Гау эльген.

— Чего? — атаман непонимающе посмотрел на есаула.

— Он говорит что снайпера того убил. — Пояснил подчиненный.

— Эй, Молот, ты уверен, что убил его?

— Хе, я бы да не был уверен. Охотник я. Всегда им был. Отец охотник. Дед охотник. Две тысячи шагов я хагдан глаз попаду, из попа пуля вылетит. Тирии не попортит.

— Чего он сказал?

— Что медведя в глаз завалит. И шкуру не испортит.

— Спасибо за помощь!

— Ай, не за что. Можно я его уотунан эстэр сэп себе возьму?

— Чего?

— Он оружие снайпера забрать хочет.

— Аа. Конечно!

Со стороны реки послышался рокот. Атаман посмотрел в ту сторону. Буквально по краю ледяного обрыва, за которым еще бурлила разминавшаяся после многолетней спячки река, мчался снегоход. Седок явно куда-то торопился и не стал отъезжать на безопасное расстояние от обрыва, а ехал буквально на краю смерти. Трудно было разобрать кто это. Человек в теплом камуфлированном костюме с автоматом за спиной.

— Это еще что…

Следом мчался целый кортеж из четырех снегоходов.

— Кажется это погоня. — Пробормотал есаул.

— Так! Вольники! По коням! На легион! — закричал во все горло атаман.

По коням, это громко сказано. Транспортом вольников было несколько снегоходов переделанных под четырехместный вариант. Собачьи упряжки и два уазика поставленные умельцами Новой республики на гусеничный ход.

А Николай тем временем пересек реку по краю ледяного разрыва и устремился в логово врага, быстро отрываясь от преследовавших его товарищей…

***

— Несите это тоже в вертолет. — Невысокий человек с пугающим пронзительным пристальным взглядом указал на железный ящик закрытый замком. В ящике были бумаги и документы, которые он трепетно хранил уже много лет.

— Да, Титос — два солдата поклонились ему и, взяв ящик за ручки на торцах, с трудом вынесли его из комнаты. Титос продолжал натягивать теплый комбинезон. Путь предстоял неблизкий и сложный. Вертолет-салон Ми-8, который когда-то

принадлежал главе местной администрации и потом хранился на особом хранении легиона, должен был пролететь на юг, точнее в ту сторону, где должен быть юг, как можно дальше, пока хватит топлива. А что потом… Просто надо добраться до любого возможного поселения. Важно найти людей. А там он со своими способностями точно не пропадет. Одурманит. Окрутит. Охмурит…

На улице послышалась стрельба. Похоже, стреляли его люди. Ответных выстрелов не было. Значит это не массированное нападение. Да и сложно будет старшинистам напасть. Теперь между ними ожившая река Лена. Большой крюк надо делать. Наверное небольшой отряд давно вышел к позициям легиона, думая что тут не осталось войск и все бросились атаковать тот берег… Все-таки как легко и красиво они провели его. Его! С его способностями!..

Раздался душераздирающий вопль. Стрельба усилилась. Да что там происходит?

И вдруг его виски завибрировали. Не запульсировали. Не заболели. А буквально завибрировали. И с мозгом стало твориться что-то… Кто-то словно запустил в голову пальцы-щупальца и выдавливал его мозг… И в ушах раздался пронзительный скрип…

— Черт… Это же мутант! — пробормотал Титос. — Тот самый мутант… Он пришел… Пришел за мной… Он ищет меня… Как же он силен… Похоже он и сам не подозревает насколько он силен… Главное чтоб он не понял насколько он силен… Но я могу выставить блок против его воздействия… Но тогда он сразу поймет где меня искать… А пока я простой человек, он меня не сможет найти… Но как же болит голова от его силы…

Стрельбы резко прекратилась. Хотя может он ее не слышал, потому что вошел в измененное состояние сознания? Или его ввел мутант в это состояние? Он очень силен… Нет… Надо что-то делать…

И Титос выставил психо-блок. Иначе просто боль сведет с ума. Теперь, наверное, мутант знает, где он. Но и Титос его почувствовал. Откуда здесь мог взяться этот мутант? Здесь же не было этих чертовых излучателей… Ах да… Они же издалека. Из Москвы. Да. А вот там… Дьявол! У него такая же кровь! Неужели это… ОН?!..

***

…Толпа в большом зале одного из комплексов

правительственных убежищ, зашумела. Тут собрались только те, кто так или иначе был связан с ним. Было очень сложно эти первые годы. От его ближайших сподвижников мало кого осталось. Да, они сделали свое дело с минированием метро, но ведь никто не знал, что это были за мины. И он сам не знал, что это были ядерные заряды. Заказчик ничего не сказал. Более того, заказчик рекомендовал ему и его группе укрыться в метро в условленный час. Наверное, хотели избавиться от исполнителей такого страшного задания. Он думал, что будет просто серия терактов, которые спровоцируют социальные и политические волнения в стране. А потом центробежные силы просто развалят эту страну на части, как когда-то развалили союз. Он думал, что сможет хорошо нагреть руки на этом развале. Ведь развал союза обогатил много людей. Раскрыл гигантские перспективы перед избранными. Но случилась ядерная война. Черт возьми, да если бы он знал что грядет на самом деле! А может вообще никто не знал что грядет? В том числе и те, кто все это задумал?

В метро им удалось выжить каким-то чудом. И пришлось уничтожить всех своих соратников, ведь они думали, что он все знал и провел их. И они хотели его просто прикончить. Потом он сколотил новую группу тех выживших, кто принимал его взгляды. Благо было чем их купить. Он давно заготовил в убежище много оружия и припасов. Было с чем противостоять внешним. Тому быдлу, которым не было места в элитных убежищах, и кто приговорил тех, кто выжил в метро после ударов. Но вот теперь его люди снова бунтовали против него. Они ждали от него решений и действий. У них появился враг. Да нет, у них была масса врагов и в метро и тем более на поверхности. Но это был новый враг. Какое-то чудовище. Он буквально выпотрошил вчера их колонию в метро-2. Из сорока человек там выжили лишь трое, которые и рассказали все.

Он еще раз окинул взглядом толпу. Сейчас особо чувствовалось, что они со временем все больше теряли человеческий облик. Как в прямом, так и в переносном смысле. Он замечал, что многие даже забывали, кем были до войны и даже иногда старых знакомых и родных не узнавали. Все больше превращаясь в одержимых носителей инстинкта еды, размножения и выживания. Но сейчас страх обнажал в этих, уже недолюдях, их жуткие метаморфозы, делая их более явными. Он и сам иногда чувствовал, что с ним что-то происходит. У него были подозрения, что причиной тому определенная совокупность факторов. Во-первых, сама истина с ее невыносимой психопатичностью. Истина свершившейся ядерной войны, в которую невозможно было поверить еще пару лет назад.

Человеческий разум был расшатан шоком и депрессией. И на него особо сильно мог воздействовать другой фактор — установки пси-оружия, которые были призваны угомонить паникующую толпу во всем метро. Но, черт возьми, они работали нихрена не так! В этом проклятом государстве все и всегда работает не так!

— Ну что! Где все обещанное тобой благоденствие?! Ты говорил, мы захватим все незараженные и уцелевшие участки метро! Ты говорил, что мы покончим с внешним быдлом или заставим их работать на нас! Говорил, что выведешь нас на поверхность, и мы получим свой мир! И что теперь? Ничего не изменилось! Мы дохнем! И теперь нас еще истребляют как крыс! Теперь еще какой-то амбал ходит по метро безнаказанно и валит нас штабелями! Что ты молчишь!

Он ненавидел их. Эту подданную ему толпу. Ненавидел и презирал. Да они мусор. Неужели они думали, что его заботит их будущее? Они просто работали на него. Исполняли его волю. Воевали во имя его целей. Добывали и таскали еду. Неужели они и вправду думали, что он, их лидер, озабочен их будущим? Да на кой черт они с их будущим ему нужны? Есть простой закон эволюции видов — выживай за счет других. Будь сильней, хитрей, умней. И имей клыки острее, чем у других. Как же они тупы. Как они противны и тупы. Какая мерзость. Какое невежество. Вот они кричат, стоят. Чего они кричат? Они изменят что-то своим криком? Для себя я все решил. Если станет слишком жарко, то надо прорываться на поверхность и пытаться добраться до Якутии. Далеко. Трудно. Но там отец. Там его люди. Там должна быть база. Хорошо бы еще найти тех уродов, с которыми он договаривался о минировании. Вот бы им кишки выпустить за такой развод… Да, впрочем уже стало жарко. Он еще не знал толком, что за урод бродит по метро и валит всех подряд, но по состоянию вот этого мерзкого и вопящего стада понимал, что стало жарко и очень скоро пора сваливать. Тут, в этом метро, да и во всей Москве, нечего ловить. Ничего не выгорит. Выгорело уже все…

И тут погас свет. Вот почему он погас? Только недавно генератор проверяли. И тут на тебе. Погасли сразу все лампы. Просто шум толпы, с наступлением мрака вдруг стал походить на рычание диких животных. Он стал щупать рукой стену, в поисках двери за которой было помещение с его вещами, среди которых и фонарь. Рука коснулась холодной стали двери. И в этот момент он понял, что видит. Нечеткий черно-белый силуэт двери. Даже трещину в бетонной стене. Он обернулся. Вот и толпа. Эти чертовы людишки. Нет… Они выглядели сейчас иначе. Какие-то бесформенные, злые, безумные, черные… Словно и не люди

вовсе… Хотя какая к черту разница, люди они или нет… Почему я вижу в темноте?… Стоп… Тут кто-то лишний. В помещении кто-то лишний. Не такой как эти. Он только что тут появился. Через минуту как свет погас… Это он погасил свет… Он где-то кабель перерезал… Черт, да что со мной? Я чувствую угрозу и вижу в темноте… мутно и абстрактно, но вижу… ВОТ ОН!

Огромная фигура стояла у двери, за которой был тоннель метро. Он незаметно вошел и стоял у двери, оглядывая помещение. Он тоже видел, но видимо благодаря своей жуткой маске. Между ними сейчас находящаяся в смятении толпа. Они не понимали, почему погас свет. Некоторые, похоже, тоже осознали, что видят в темноте. Еще что-то происходило с этими людишками… А этот, у двери, огромный и невозмутимый, медленно поднял на уровень талии свое оружие.

«На пол!» — пронеслась спасительная мысль.

И амбал открыл огонь по толпе. Да. Стало совсем жарко. Надо выбираться из метро, из Москвы… Надо в Якутию. К отцу…

Как давно это было. Лет семнадцать уже прошло? Или больше?…

***

Титос сел на пол и медленно притянул к себе автомат. Черт подери, он чувствовал, что этот мутант имеет какое-то отношение к тому монстру в метро. Но нет, это не он. Однако, похоже, что у них одна кровь. Они родственники. Черт подери, этот мир продолжал оставаться тесным даже после вымирания десятков видов животных и гибели нескольких миллиардов человек. Как же тесен мир… черт подери…

На улице была слышна интенсивная перестрелка. Характерные пересвистывания говорили о том, что на их базу пришли вольники. Чертовы вольники. Они еще хуже гвардейцев Старшины… Но хуже другое. Мутант где-то совсем рядом. Он уже где-то за стеной. Он чувствует его… Титос стал водить стволом оружия, пытаясь понять, где этот родственник амбала. Раздалась глухая автоматная очередь и прошившие деревянную стену пули попали ему в бедро, правую руку и плечо. Титос распластался на полу, выронив оружие и морщась от боли. Раздался удар в стену, и из нее показалось лезвие большого пожарного топора. Еще удар. Лезвие показалось в другом месте. Мутант бил по стене и наконец, вынес целый кусок. Титос немного пришел в себя и попытался дотянуться уцелевшей рукой до своего автомата, но на него уже смотрел ствол оружия вошедшего в комнату молодого

человека. Тот сжимал в левой руке АК-74, а в правой тот самый топор.

— Я слышал твои мысли, ублюдок, — произнес ухмыляющийся Васнецов. — Большой тебе привет от моего дяди Володи.

— Погоди, — вздохнул Титос, — Нажать на курок ты всегда успеешь. Выслушай сначала.

— На меня твои штучки не действуют.

— Я знаю. Я и не пытаюсь. Просто хочу спросить тебя, за что ты борешься… Мир спасти? Ну ладно… допустим… а что дальше? Ты спасешь мир и бросишь его на произвол судьбы и поругание черни? Как всегда? Ты не задумывался над тем, что имеешь уникальную возможность взять ответственность за весь этот мир на себя? Подумай… Мы с тобой… существа новой формации. Рывок в эволюции! В наших головах великое чудо природы — человеческий мозг. Мозг со всеми его скрытыми резервами. Те, другие, они лишь мясо. И мозг их работает на десять процентов от задуманного природой. Но природа ничего не делает зря! Она предвидела, что придут лихие времена и мир должны унаследовать сверхлюди с неограниченными возможностями разума! Сверхлюди! Ты! Я! Потенциал нашего мозга работает в полную силу! Те, глупые, алчные, погрязшие в страстях и невежестве, мир не удержали. И что они заслужили? Спасение? Пусть так. Но спасем их мы. Сверхлюди! И будем повелевать миром! Мы будем наставлять неразумных! Учить их! Владычествовать над ними! Мы это заслужили! Это ведь началась наша эпоха! Мы с тобой можем править миром!

— Значит глупые, алчные и погрязшие в страстях? А ты? Предатель! Террорист! Кого ты обвиняешь?

— Я… Я не знал что это за бомбы, пойми. Меня обманули. Вот такие вот сволочи обманули.

— Да какая разница? Ты знал, что это бомбы. Пусть ты думал, что это простые бомбы. Но бомбы. Ты минировал метро, в котором постоянно проносились составы полные людей. Твоих соотечественников. Ты предал свою страну.

— Послушай… послушай, как тебя зовут…

Мутант вызывающе ухмыльнулся.

— Блаженный Николай Николаевич Васнецов.

— Блин… — Титос поморщился от боли в ранах, — А как-нибудь попроще и покороче?

Васнецов помрачнел и задумался. Затем сказал:

— Людоед.

— Слушай… Людоед… Страну, говоришь, предал? А что мне эта страна? А? Ты молодой, не помнишь ничерта. Вот отец мой.

Служить начинал еще в западной группе… в Германии… была такая страна… а потом его со всей этой армией собственные правители заставили бежать оттуда… вывод войск это называлось… ни квартиры, ни денег ничего… в казарме жил. С солдатней. И семья его. В грязной вонючей казарме. Эта страна сказала солдатне, что их в армии унижают. Что у них, оказывается, есть права какие-то. И они стали посылать офицеров нахрен. Бардак… А страна требовала от офицеров, чтоб они солдатню в узде держали. Чтоб какая-то дисциплина была… ну не издевательство это? А потом этих бездомных и бесправных нищих вояк с их тупым долгом перед паршивой родиной кинула на войну. Вот ночью он вагоны с водкой разгружал, чтоб хоть как-то семью прокормить… Чтоб сыну в школу новых учебников купить, потому что в старых все оказывается не правильно… с ночи… значит… разгружал вагоны, а утром на войну. На технике, у которой поразваровывали рации и оптику… С нихрена не умеющими, не желающими делать солдатами… Без медикаментов. С черствым хлебом и замасленными банками тушенки. С устаревшими автоматами. Эта родина отправила их умирать, воюя с теми, кому она исправно втихаря продавала оружие, боеприпасы, и позиции собственных войск. И все так в этой стране. Потому что народ такой. Стадо баранов. Кого я предал? Если до того предали всех нас?

— Ты попутал, Титос. Ты попутал режим и родину. Попутал злобу и совесть. Честь и мерзость. Попутал шлюху с подворотни с родной матерью. И вот такие предавали и продавали позиции. Такие продавали рации и оптику. Такие кидали народ и делали из него быдло и стадо баранов. Такие как ты, у которых нет ничего кроме собственной шкуры. Но хочется больше. Хочется все. Так вот такие скоты вроде тебя и виноваты во всем. Потому что ты, титорас.

— Глупец… какой же ты глупец… ты еще просто очень молод. Максимализм юношеский… ты не прав кругом… Послушай…

— Наслушался уже, — отрезал Николай. — И вообще, веришь-нет, мне насрать на все твои доводы. Из-за тебя погиб мой друг. Вот и все…

И Васнецов занес топор.

***

— Короче получатся порядка четырехсот пленных. Что с такой оравой делать, ума не приложу. — Комиссар перилистнул

страницу блокнота.

— Не вздумай, — Старшина нахмурился. — Я тебя предупреждаю. — Рука у него была перебинтованная. Во время боя Старшина получил легкое ранение.

— Да я и не думал ничего такого… Слушай, вот на кой черт ты полез на передовую?

— Потому что я Старшина, а не профессор социологии. — Резко ответил лидер Новой республики. — С пленными надо работать тщательно и обстоятельно. Заблудших много. Да и правила обращения с пленными никто не отменял.

— Но если бы это были солдаты иностранной армии. А это ведь предатели.

— Я тебе еще раз повторяю! — Старшина повысил голос. — Что там с вертолетом? Кто-то бежать пытался?

— Да. Пассажирский Ми-8. Его сбили, и он в реку упал.

— Титос был там?

— Не знаю. Вертолет затонул, а сейчас река опять льдом покрывается. Мороз сильный. Течение чуть ослабло и сразу прихватило.

В кабинет ввалились Яхонтов и Сквернослов. Они устало опустились на стулья.

— Ну что? — Старшина взглянул на них. — Догнали его?

— Догонишь тут, — вздохнул Варяг. — Сейчас сам все расскажет.

И в кабинет вошел Васнецов. Он был перепачкан чужой кровью и тащил окровавленный вещмешок.

— Когда мы шли к вам, — проговорил он, обращаясь к Старшине, и сделал паузу. Было больно думать о том, что когда они шли сюда, то их было четверо. Илья был с ними. — Так вот… На пограничном столбе табличка была. Не приходи с пустыми руками. Принеси голову Гау. — Он швырнул мешок к столу. — Вот. Получите и распишитесь.

Комиссар недобро посмотрел на Николая и, осторожно приблизившись к мешку, раскрыл его.

— Твою мать! — отпрянул он. — Что это?!

— Его голова, — спокойно ответил Васнецов.

— Старый мерзавец совсем голову потерял, значит, — вздохнул Старшина, презрительно глядя на мешок.

— Почему прекратили поиски Ильи? — резко спросил Николай, подойдя к столу.

— Потому что они потеряли смысл. Стемнело уже. Река снова замерзла. И вода ушла километров на сто. В некоторых местах большие разливы получились, где пойма. Как его искать? — развел руками комиссар.

— А вдруг…

— Да поймите, молодой человек, — вздохнул Старшина, — Водя ледяная.

— Но Варяг сказал, что это был плавающий танк, — подал голос Сквернослов. — Правильно я говорю?

— Совершенно верно, — Кивнул Варяг.

— Так вы сами видели, как его льдиной огромной ударило. — Ответил комиссар.

— Ну и что? — сказал Яхонтов. — Вы хоть танк нашли?

— Нет, — комиссар мотнул головой. — Говорят же вам, район поиска огромный. Это безнадежное дело. Ну, смиритесь,… Мы потеряли в бою почти триста человек. А тут из-за одного такие поиски.

Николай нервно расстегнул ворот бушлата и сорвал с себя шарф. Ему словно вдруг стало не хватать воздуха.

— Он один, — прохрипел Васнецов, — Он один стоит десять, сто, тысячу… Он один стоит все те жизни, что остались на этой земле. Все те жизни, что он хотел спасти… Он один… Ищите его…

Старшина протянул комиссару свою трубку.

— Андреич, набей табачку, мне неудобно одной рукой, — затем он поднялся и подошел к Николаю. Положил здоровую руку ему на плечо. — Мы скорбим вместе с вами. Но люди устали очень. И замерзли. Нет смысла дальше продолжать. Река замерзла. Он может быть подо льдом. Район поиска очень большой. Он погиб как герой. И он станет героем Новой республики.

— Мы даже похоронить его не можем…

— Его могилой стала река.

— Река… Лена… проклятый чернушный слепой старик… И правильно говорил Ветер. Лучший герой — мертвый герой… — Васнецов прикрыл лицо ладонью и тихо заплакал.

***

Была уже глубокая ночь. Мимо проносились наплывы свежего льда, сковавшие Лену в цепкие объятия. Николай понимал, что скоро кончиться топливо, а он уже далеко от цитадели Старшины, однако душа рвалась искать друга, но вокруг была тишина и пустота. Как он не пытался мобилизовать свои приобретенные способности, ничего не выходило. Он сейчас был не морлок. Не псионик. Простой осиротевший человек, который не хотел признавать потерю друга. Он остановил снегоход. Изо льда на

полкорпуса торчал опрокинутый на бок танк. Нет… Это Т-72. Это не то, что нужно. Николай заглушил снегоход и подошел к танку. Обошел вокруг. Во льду виднелись вмерзшие трупы легионеров, собак, что тянули упряжки. Даже олени. Вон еще что-то на полкорпуса торчит… БМП…

Васнецов аккуратно извлек из кармана пачку папирос, которые взял в вещах Людоеда. Прикурил. Сделал затяжку и залился кашлем. Какая гадость…

— Зачем ты куришь? — спросила Рана. — Это же вредно.

— Вредно, — Николай горько усмехнулся, — Илья ведь не от сигарет погиб.

— Ну, все равно… — Она пожала плечами.

— Почему он, Рана? Почему не я? Он ведь лучше бы справился с миссией.

— Не я ведь решаю. Но я ставлю на тебя. Ты сможешь… А он сделал мне больно…

— Сделал тебе больно? А я тебя вообще убил. И что?

— Ты убил одну несчастную девушку… Теперь то ты убил много больше людей… Но он. Он сделал больно всей земле. Он запустил ракеты по собственной планете, на которой жил. Зачем так?

— А какой был выбор? Может если бы он этого не сделал, то еще больше ракет было бы запущено… — Васнецов подошел к ней совсем близко, — Рана, я хочу обнять тебя.

Девушка улыбнулась.

— Ты не можешь, Коля. Я ведь мертва. Меня нет здесь и это не сон. Ты не можешь.

— Но я хочу, — упрямо повторил Васнецов.

— Только после того как ты сделаешь то что должен. После этого ты сможешь, когда освободишь меня.

— А я смогу освободить тебя?

— Конечно, золотой. Потерпи. Уже скоро…

— Хорошо. Я сделаю то, что должен. Но только ради того, чтобы обнять тебя. По настоящему, а не во сне. — И он повернулся и пошел к снегоходу.

***

Варяг и Славик уже ждали его возле большого здания, где находился луноход и их новые апартаменты. Николай знал, в комнате четыре кровати. Но одна будет пуста. Васнецов поморщился от запаха алкоголя, исходившего от его товарищей.

— Вы что, пили? — строгим голосом спросил он.

— Помянули Илью, — всхлипнул Сквернослов. — Мы-то с ним не ладили особо. Но такой золотой мужик был… Больно Колян…

— И мне больно. Но я не пьян.

— Ладно, будет тебе, — вздохнул Яхонтов, — Пойдем спать. Старшина сказал, что они заправят самолет к утру. Завтра вылетать.

Они зашли внутрь, а Николай остался. Он почувствовал на своей спине чей-то пристальный взгляд. Повернувшись, Васнецов понял, что не ошибся. Это была Лена. Она подошла к нему. Странно. У нее совсем не заплаканные глаза. И лицо спокойное. Только бледное. Без румянца. Вот у него, Николая, наверняка заплаканное лицо. У Варяга и Славика тоже заплаканные лица. А у нее нет. Она не горевала по Илье?

— Ты мне и ему говорил, чтобы мы держались друг от друга подальше. — Спокойно сказала Лена, — А теперь он мертв.

Сказав это, она влепила ему пощечину и ушла.

Николай сел в сугроб и стал растирать разгоревшуюся от удара щеку.

— Странные вы существа, бабы, — пробормотал он. Затем повернул голову и крикнул, — Если любишь его, то иди и найди! Нет трупа, значит, есть надежда! А вы все его похоронили! И ты сказала, что он мертв! И эти двое уже помянули… пропили! А я не верю! Не верю! Может он где-то живой! Далеко! Один! Замерзший! Не верю я!!! Найди его, если любишь!!! А нам лететь надо! Нам этот чертов мир для вас спасать надо!!!

Он зачерпнул ладонями снег и, прижав к лицу, снова зарыдал.

— Это же, мать его, плавающий танк, сссука!

***

Он уже бывал в этом городе. Однажды. Хотя какой к черту город. Чадящие едким дымом руины. Плачь среди обломков, словно плакали сами камни. Чьи-то окрики и стоны боли. Снующие в дыму тени потерянных и оглушенных шоком людей. Чистилище. Город после ядерного удара. Он неторопливым шагом прошел, наверное, целый квартал. Обломки хрустели под ногами. Хлюпала грязь. Перемешанная вода из разбитых трубопроводов, сточные воды канализационных труб, кровь и бетонная пыль. Асфальт еще не остыл после вспышки. Он испарял своим теплом влагу из всей этой жижи.

— Андрей! Макаров Андрей! — позвал Николай.

Человек, сидящий на обломке стены дома, обернулся.

— А, Колька, рад тебя видеть, — устало улыбнулся он, — Ну в смысле, не очень рад. Ты значит погиб?

— Да нет пока. Еще жив.

— Это хорошо. Рад за тебя. — Космонавт вздохнул.

— Ну как ты тут?

— Да как обычно. Ничего нового.

— Нашел дочку свою?

— Нет, — Андрей мотнул головой. — Так и не нашел. И Юру так и не встречал.

— А жена?

— Не узнает меня. Смотрит в пустоту. Больно ее видеть.

— Сочувствую, — вздохнул Васнецов. — Послушай… Ты… Ты Илью тут не встречал?

— Илью? Креста? Как! И он?!

— Ну… я даже не знаю… или просто поверить не могу…

— Блин, жалко-то как. Нет. Я его тут не встречал.

— Правда? — Николай даже отчего-то обрадовался.

— Так ведь это ровным счетом ничего не значит. Эх, Коля… Так вас трое теперь…

— Да. — Васнецов кивнул, огорченный последними словами Андрея.

— Ну да ничего. Варяг, мужик тертый. Да и ты со Славиком тоже молодчики. Управитесь. Вы ведь еще не передумали?

— Нет, конечно.

— Вот и славно. Не зря же мы все жизни свои положили. Как там трактор наш. Бегает еще?

— Бегает, — улыбнулся Васнецов.

— Вот и хорошо. — Андрей задрал голову. — А тут совсем нет неба… Скверно-то как…

Николай посмотрел на небо. Его действительно не было. Были серые, белые и черные разводы дыма и пара. И пепла… Он опустил голову и хотел что-то сказать, но вдруг увидел в дымящихся руинах одного из зданий ползущего на четвереньках старика. Это же тот самый слепой смотритель генератора чудес! Сейчас он ответит!..

Васнецов вскочил и бросился к нему.

— Пока Коля! Удачи тебе! Заходи в гости! Только не торопись сюда! — крикнул вдогонку Макаров.

— Ладно! — отмахнулся Николай.

Черт, где он! Куда запропастился этот старик?! Он же только что тут был!

Васнецов принялся метаться среди развалин. В дыму пожарищ. Расталкивал бродящих, потерянных мертвецов и это

происходило бесконечно долго. Он бы наверное так и бегал в поисках того старика, но вдруг понял что находится уже за пределами города. На пустынной дороге, идущей к близкому горизонту, на котором рос густой темный лес. Справа и слева от дороги непролазные топи, а на пути, метрах в ста от него, стояли два рейдера. Может это амбал и оборотень? Дядя и отец? Неужели и они мертвы?

Николай обернулся. Город почему-то был далеко, хотя он только что вышел из него, сметенного безудержной силой ядерного взрыва и укутанный дымом и болью людей. Васнецов направился к двум стражам, охраняющим дорогу.

— Кто вы? — спросил он.

— Стражники чистилища. — Одновременно ответили они громовым басом своих фильтров.

— Вы старика тут слепого ползающего не видели?

— А знаешь, сколько тут ползающих и слепых? — с какой-то иронией спросил тот, что слева.

— Если ты хочешь пройти по этой дороге и выйти из чистилища, то должен ответить на два вопроса, — прогремел тот, что справа.

— Первый вопрос, — медленно произнес левый, — Нашел ли ты радость в жизни?

Николай опешил. Что за вопрос? Хотя… Мудрый конечно вопрос, если он адресован тому, кто закончил свой жизненный путь и должен отчитаться за него пред высшими силами. А какая радость была у него в жизни? Только боль, одиночество, отчаянье и непонимание того зачем он живет. Сплошное нытье и апатия. Какая тут радость…

— Нет, — развел он руками.

— Уходи! — рявкнул правый.

— А второй вопрос, какой?

— Ты не смог ответить на первый! Зачем тебе второй!

— Но я ответил!

— Это не ответ, а констатация! Уходи обратно в город!

— Ну, скажите что за второй вопрос! — негодовал Николай, — Вам что, трудно?

— Хорошо, — смягчился левый, — Была ли твоя жизнь для кого-то радостью?

Шикарный вопрос. Нечего сказать. Васнецов задумался. Для кого его жизнь стала радостью? Кому он принес радость? Он убил Рану, он не спас ту девушку в метро, он не смог уговорить несчастную девочку-проститутку избежать смерти, он доставил неприятности Лере из Вавилона и зверски убил многих вандалов. Он не уберег Юру Алексеева. Он обидел Ветра, говоря о его сыне,

инвалиде. А рабыня Рита, живет благодаря ему, и мучают ее все время воспоминания о жутком плене… Они принесли надежду выжившим в Екатеринбурге?… Но, то заслуга Ильи Людоеда. А его друзья… Он принес им радость? Они постоянно получали головную боль от его выходок… Лена его ненавидит из-за того что он встал между ней и Ильей… Капрал Вейнард погиб спасая его… Нет. На этот вопрос он тоже не даст утвердительного ответа.

— Я, пожалуй, действительно пойду, — Вздохнул Николай.

— Погоди! — рявкнул правый. — Так ты еще живой! Эй! Живым тут не место!

— Ах, какая жалость, — ухмыльнулся Николай. Затем снова стал серьезным и спросил, — А хоть кто-нибудь смог ответить на эти два вопроса как надо?

— Нет! Никто! Убирайся!

— Постойте! — раздался крик. — По дороге со стороны леса шла Рана.

Стражники расступились, пропуская ее к Николаю.

Она улыбалась.

— Здравствуй Коля. — Сказала она, подойдя к нему.

— Привет, — улыбнулся и он.

— А ты спишь, значит, и обнять меня можешь. — Она продолжала улыбаться.

— Во сне не интересно. Я подожду, когда смогу сделать это по-настоящему. — Мотнул он головой.

Похоже, Рана огорчилась.

— Ладно, — вздохнула она, — Тогда посмотри туда. — И она вытянула изуродованную руку ему за спину.

Николай обернулся.

Сожженного города не было. Местность вообще была другая. Долина, окруженная горной грядой. В центре долины было что-то рукотворное. Трудно было разглядеть с такого расстояния. Вверх от этого уходил красный столб энергии, по которому мерцанием расходились яркие волны к облакам. А там, наверху, часть энергии растворялись в тучах, окрашивая их в кровавый свет, а другая часть спускалась к земле, расходясь бесконечным количеством лучей. Получался огромный купол прозрачной энергии, в котором иногда плясали разовые молнии. Купол очерчивал ровный круг, в центре которого находился тот странный комплекс, и вся земля под куполом была черна и выжжена. Изъедена эрозией и выпарена, иссушена. Купол гудел электрическим эхом и, дико пахло озоном…

— ХАРП! — громко выдохнул Николай, поняв, что видит перед собой.

— Да. Это он, — мрачно произнесла Рана, кивнув.

Николай неторопливо, с каким-то благоговейным чувством подошел к этой мерцающей, прозрачной энергетической пленке, гигантской полусферой накрывающей комплекс и приличную область изуродованной земли вокруг него.

— Если бы это был не сон, то мы уже у цели! — он протянул руку к энергетическому полю и почувствовал покалывания в кончиках пальцев. Покалывания становились все сильнее и превратились в режущую боль. Тогда он отдернул руку. Внутри купола вдруг заплясали красные молнии, которые стали безжалостно хлестать изъеденную эрозией землю, выбрасывая куски грунта. Брызги сухой земли от ударов стали превращаться в каких-то жутких взъерошенных существ, по сравнению с которыми чудовищные пси-волки были лишь милашками, сродни плюшевому медведю.

— Что это за твари…

— Псы-стражи!

Огромная стая столпилась у энергетического поля, свирепо глядя на него, пылающими огнем глазами и принялись яростно рычать.

Хаааарррр!!! ХАААААААРРРРРРРРП!!!

Позади стаи вдруг появились тени. Что-то бесформенное и колышущееся как горячий воздух. Огромные человеческие тени, неестественно размахивающие руками…

— Души погибших! — простонала Рана, — ХАРП не отпускает их! Он делает из них армию тьмы!

Николай взглянул на девушку. Та упала на колени и, зажав руки между ног, вдруг стала вопить и вздрагивать.

— Мама! МААМАА!!!

— Мама! — кричала маленькая девочка, прыгающая на скакалке и проваливающаяся в снег.

— Ты нашел радость в жизни, Кеволеч?! — заорал стражник-рейдер, склонившись над ним.

Все вокруг завертелось и, было трудно разобрать что-то. Люди. Лица. Все что-то говорили, кричали, плакали. Старик хватал за ногу и бормотал что-то про карму. И тут вся земля задрожала и все загрохотало. Он снова обернулся к ХАРПу. На месте всей изуродованной почвы под куполом разверзлась огромная пасть с мириадами клыков бесконечными рядами, уходящими в бездну.

Пасть издала страшный рык — ХАААААААААААААРРРРРРРРРРРРРП!!!

И вся почва, завибрировав, поползла в зубастую бездну. Васнецов подхватил кричащую Рану и бросился прочь. Но землю

стало все быстрее затягивать в глотку чудовища.

Николай стал бежать быстрее, бережно держа кричащую Рану на руках.

А на встречу неслись псы-стражи.

— Будьте вы прокляты, — выдохнул он и, бережно опустив девушку на вибрирующую землю, обнял ее, накрывая собой, и стал пристально смотреть на приближающуюся стаю чудовищ сотворенных из обломков щебня, пыли, гранита и вулканического шлака.

— Не бойся… Главное не бояться… Все это чепуха… Все это игры разума… Не бойся… — приговаривал он гладя ее по голове.

Самый крупный пес-стражник, несущийся впереди стаи, вдруг рассыпался в прах, наткнувшись на какое-то препятствие. Препятствием оказалась человеческая рука сжимающая катану. Рука буквально вынырнула из снега, пронзив мечом чудовище. Теперь вынырнул и сам Людоед. Псы-стражи бросились на него, но он стал так орудовать мечом, что казалось, будь тут миллион псов, они все будут обречены.

— Илья!!! — закричал Николай.

— Блаженный! Дальше без меня! Не ждите и не ищите! Времени мало! Без меня дальше! Вы справитесь! — орал он, разметая наседающую стаю…

***

— Ффффуууууххх! — выдохнул он, вскочив с койки и усевшись на ее краю. Николай какое-то время еще держался за бешено бьющееся сердце. — Ну и сон… — прошептал он.

Может и гибель Людоеда лишь приснилась? Он нащупал на стене выключатель и включил свет. На своих койках мирно спали Варяг и Сквернослов.

Одна койка была аккуратно заправлена, и на ней лежал трогательно крохотный букет подснежников. Они тут и цветы выращивают? Это ведь Лена принесла. Больше некому. Он подошел к кровати и, бережно взяв букет, поднес его к лицу. Вдохнул слабый аромат и положил на место. Как хотелось думать, что Илья просто где-то бродит, как всегда было, когда они останавливались на постой. Но нет… Все теперь иначе.

Васнецов постоял задумчиво у пустующей койки и, подойдя к тумбочке возле кровати Варяга, посмотрел на его часы. Половина пятого утра. Он выключил свет и вышел из комнаты. Пройдя по коридору, Николай миновал пост охраны. Два пожилых гвардейца играли в шахматы и не препятствовали ему выйти. Он оказался в

просторном гараже, где стоял их Луноход. Еще группа охранников. Двое дремали. Один чистил оружие. Еще один читал книгу. Возле них, на стене, появился новый плакат. Оставалось только удивляться, когда они успели. На плакате был изображен Илья Крест. В черной шинели и своей каске «Я Людоед, посоли себя сам». Одной рукой он целился из автомата а другой сжимал катану.

И надпись: — Пронеси свой крест ради жизни на земле. Живым бойцам почет и честь. А мертвым слава вечная!

— Мертвым уже ничего не надо. — Вздохнул Николай и направился к двери, ведущей на улицу.

— Парень, тулуп накинь и далеко не отходи. Там за пятьдесят мороза. — Произнес, протягивая тулуп читающий книгу гвардеец.

— Спасибо.

Васнецов вышел на улицу и сел в сугроб. Мороз действительно был сильный, но отсутствие ветра и влажности делали его терпимым, хоть и ненадолго.

Николай снова достал папиросы Ильи и закурил. Прокашлялся.

— ХАРП, ХАРП, — бормотал он. — Хрен ты меня напугаешь, тварь. Я тебя уделаю. Бесись там себе. Недолго тебе осталось.

Словно в ответ на эти слова стал доноситься гул буквально отовсюду. Он становился все сильнее, и задрожала земля. Затрещали стены позади. Эхо трещащего льда донеслось со стороны реки.

Из гаража выскочили охранники.

— Что за чертовщина! — крикнул один из них.

— Землетрясение, — абсолютно спокойным голосом произнес Николай и поднялся на ноги. Его лицо исказилось от кривой ухмылки. — Бесишься, ХАРП. Злишься. Значит боишься. А если боишься, значит, ты уязвим…

На улице появился Варяг. Подземные толчки уже утихли.

— Связь с охраной самолета есть?! — крикнул Яхонтов гвардейцам.

— Да…

— Что там?!

— Сейчас, — охранник забежал внутрь. — Таймыр! Я звезда! Ответь! Таймыр! Я звезда! Ответь!.. Да, у нас тоже тряхнуло! Что у вас?! Как ледовый покров?! Понял тебя, прием…

Варяг!

— Ну что там?!

— Да все нормально вроде. Лед немного похрустел и все. Трещин и провалов не видно. Самолет на месте. Его уже техническая группа осмотрела, насколько могла. И топливом

залит.

— Хорошо, спасибо, — Яхонтов вытер ладонью лоб. — Коля, давай собираться. Тянуть нет смысла. И нельзя.

— Согласен, — Кивнул Николай.

Войдя обратно в гараж, Васнецов увидел, как Славик уже копошиться возле лунохода.

— Колян, — позвал он негромко.

— Чего, — Николай подошел к нему.

— Слушай, помнишь Аркаим? Как эти головастики зубастые Илью утащили. Помнишь? Ты еще кинулся дверь открывать и спас его.

— Ну, — вздохнул Васнецов.

— Ты же что-то почувствовал тогда? Ну, он типа, позвал тебя как-то. По-морлочьи? А?

— Да я не знаю, Славик. Просто я понимал, что он за дверью и надо ее открыть. Хоть попытаться его спасти.

— А сейчас… Ты не чувствуешь? Ну, все эти морлочьи штучки, типа как зов в Катином городе или эта фигня с Титосом?

— Славик, ты думаешь, я могу контролировать эти способности? Как включить или выключить фонарик? Оно само как-то… Какая-то сила сама решает… Понимаешь… И я не чувствую сейчас ничего. Боль утраты и сопротивление разума… Не хочу верить в его гибель и все… Но теперь сделаю все, что он не успел, на нашем пути…

59. 593

Несколько МТЛБ продолжали укатывать снег на льду, удаляясь все ближе к пропасти. Они таскали за собой массивные бетонные плиты, трамбующие неглубокий сугроб в центре реки. Еще было темно. Отряды гвардейцев ходили вдоль импровизированной взлетной полосы и устанавливали факелы. Вскоре к суете на реке присоединился гул приближающегося кортежа из нескольких БМП, сопровождаемых собачьими упряжками и снегоходами вольников.

Это прибыл Старшина. Он покинул БМП и направился к самолету. Рядом шел вездесущий старший комиссар-наблюдатель.

— У вас, я полагаю, проблемы теперь возникнут, — усмехнулся Николай, встречая его перед носом самолета.

— Что вы имеете в виду? — спокойно спросил Старшина.

— Врага больше нет. Сплачивать народ нечем. Кризис политический назревает. Кризис власти.

— А давайте вы останетесь на моем месте. Будете управлять республикой и попробуете построить справедливое общество, с вашей точки зрения. А полечу вместо вас на Аляску. — Усмехнулся лидер.

Николай нахмурился.

— У меня свои счеты с ХАРПом. Это моя и только моя миссия.

— Ну, вот и славно. Местное управление, это тоже моя миссия в свою очередь. Так давайте каждый займется своим делом и не следует вам лезть в вопросы политики, в которых вы, уж не обижайтесь, слабо смыслите.

Васнецов ничего не ответил.

— Так-то лучше, — продолжал говорить Старшина. — Наша идея зиждется не на постоянном поиске и противостоянии врагу. Наша цель выживание и будущее. В этом вопросе мы, конечно, рассчитываем на вашу миссию. Теперь, когда Гау нет, мы будем изыскивать пути связаться с другими общинами. В первую очередь с теми, о ком вы нам поведали. Это будет сложно. Но это необходимо. Однако я к вам вот по какому вопросу… Вы потеряли одного человека. Сильного воина. До того вы потеряли еще двоих. Я бросил клич в среде гвардейцев и вольников. Есть много добровольцев, готовых присоединиться к вам. Что скажете?

Васнецов вздохнул.

— Илью никто не заменит. Впрочем, как и Макарова и Алексеева. Никто…

— Да этот вопрос с Яхонтовым решать надо. Чего у него спрашивать? Молод и зелен… — тихо сказал комиссар.

— А вы стар и бледен, — огрызнулся Васнецов. — Много вы повидали!

— Тише, — поморщился Старшина.

К ним подошел Варяг.

— Товарищ Яхонтов, — обратился к нему лидер, — Мы хотим предложить вам людей в помощь. У нас есть семьдесят добровольцев…

— Они так готовы исполнить любую вашу волю или хотят сбежать от вас? — усмехнулся Николай.

— Как он меня достал, — фыркнул комиссар и отвернулся.

— Меня если честно тоже, — кивнул Старшина, — И, тем не менее, Варяг Елисеевич. Что скажете? Молодой человек сказал, что ваших товарищей заменить не кем. И не нужно.

Яхонтов задумался. Он смотрел какое-то время на укатанный снег, затем мотнул головой.

— Он прав. Новые люди. Сложно все это. Я понимаю что подспорье. Но… Мы управимся. Мы сможем. Я знаю это наверняка.

Старшина покачал головой.

— Вы хоть понимаете, что впереди у вас враждебная территория? Чужая страна…

— Враждебная территория? — Яхонтов улыбнулся. — А по какой мы шли до этого? Да, мы шли по своей земле, но что нас ждало каждый раз. Отчего мы потеряли трех товарищей? Что может быть враждебнее этого Гау или черновиков? Чумных крыс или всяких разбойников да вандалов? Только сам ХАРП… Но для него у нас есть веский аргумент. Нет, Старшина. Нам никто не нужен в нашей миссии. Только мы сами и вера в победу. А что до враждебности… Тут люди и там люди, если кто-то там конечно выжил. А люди всюду одинаковые. Просто говорят на разных языках.

— Ну а как быть с языковым барьером? — спросил комиссар обернувшись.

— Ну, я ведь не прапор с продсклада. Я офицер. Летчик истребитель. Языку нас учили.

— Вы знаете английский?

— Объясниться смогу, ежели что, — кивнул Варяг.

— Неужели вы настолько уверены в своих силах, что не желаете брать с собой обученных бойцов?

— Мы уверены, что делаем богоугодное дело, — пожал плечами Яхонтов.

— Знаете, мой опыт подсказывает, что чаще те, кто делает

богоугодное дело, оказываются распятыми. А добиваются результатов, как правило, те, кто потворствует козням сатаны. Впрочем, будь, по-вашему. Мне остается лишь пожелать вам удачи…

«Богоугодное дело?», — подумал Николай, — «Мы всю дорогу убиваем. Всю дорогу убивают нас. Какому богу это угодно?».

— Прощайте. Удачи вам, — Сухо сказал Старшина и протянул им здоровую руку.

***

Прожектора самолета Ил-76 разбивали утреннюю темноту, которая еще не уступила свой пост мрачному рассвету. Стальная птица монотонно гудела, в предвкушении запуска двигателей. По обе стороны от самолета вперед убегали вереницы горящих факелов. Где-то далеко впереди взмыла красная сигнальная ракета. Значит, полоса очищена от техники и людей. Она свободна. Можно взлетать.

Николай сидел уже на своем привычном месте. Варяг на своем. Сквернослов снова полез в штурманскую кабину. Позади пустовало кресло. Проверявший механизацию Яхонтов обернулся, и какое-то время смотрел на него. Там ведь сидел во время полета до Якутии Илья.

— Не хватает его, — вздохнул Варяг и вернулся к приборам.

Загудели внешние двигатели.

— Порядок! — послышалось из рации.

— Порядок, — пробормотал Яхонтов.

Засвистели внутренние двигатели.

Снова послышался голос из рации, возвестивший о том, что люди снаружи никаких проблем с пуском двигателей. Дав турбинам прогреться, Варяг стал медленно увеличивать тягу и отпускать тормоза. Ил-76 медленно пополз вперед. Пришли в движение факелы, тянущиеся на встречу. Они двигались все быстрей и быстрей, исчезая под крыльями в бушующих вихрях воздуха и снега. Однако взлет давался тут трудней, чем по расчищенной бетонной полосе севернее Екатеринбурга. Васнецов обратил внимание, как медленно растет скорость. Заметно медленней, чем в их первый взлет. Хоть и утрамбованный, снег все-таки мешал. Сопротивлялся движению огромной летающей машины.

— Скорость, — буркнул Варяг.

— Сто шестьдесят, — ответил Васнецов.

— Н-да. Туго идет.

Факелы становились реже. Самолет пробежал по замерзшей реке уже приличное расстояние, но подъемной силы пока так и не возникло. Зато появилась какая-то странная вибрация корпуса и, в руках пилота задрожал штурвал.

— Это еще что, — нахмурился он.

Внезапно зашипела рация.

— Эй! Варяг! Лед! Лед со стороны пропасти рушиться вам на встречу! Землетрясение опять! Взлетайте скорей!

— Ч-черт! — рявкнул Яхонтов, — Этого нам только не хватало! — Он вдруг резко потянул штурвал на себя. Двигатели заныли.

Николай смотрел за действиями и вдруг вспомнил, что в предыдущий полет рассказывал ему Варяг о премудростях самолетовождения. И что-то интуитивное заставило его закричать:

— Варяг! Ты что делаешь! Штурвал от себя! Скорость двести всего!

— Не лезь! — заорал Яхонтов.

— От себя штурвал на половину! Критический угол атаки будет! Варяг!

Яхонтов повернул на миг голову, бросил на Николая какой-то странный взгляд и все-таки послушался, отводя от себя ручку штурвала. Самолет вздрогнул, и снова стала расти скорость…

— Двести десять!

Огромные плиты льда отламывались и падали вниз. На свежий лед покрывший реку, чей уровень до дамбы снизился на несколько метров после подрыва. Пропасть росла и приближалась к несущемуся самолету. Опрокидывались и проваливались факелы… Разверзлась бездна. Варяг снова потянул штурвал на себя, понимая, что сейчас опоры для самолета не будет. Стальная птица нырнула в пустоту и снижалась к молодому тонкому льду. Внизу проносились обломки старого… Ил-76 пролетел над ними и шасси коснулись поверхности уже там, где обломков не было. Они были унесены бушующей рекой, еще вчера и видимо один из них тогда и ударил танк Людоеда… Позади балансирующего на грани взлета и катастрофы самолета стали подниматься фонтаны воды из ломающегося колесами молодого неокрепшего льда.

— Давай, давай, давай, ну же!!! — рычал Варяг в адрес самолета.

— Двести тридцать!

— Отрыв!

На этот раз самолет был легче. Не было пустого корпуса БМП. Варяг почему-то решил не грузить его или попусту забыл об этом. И вместо четырех человек, в кабине было только трое… Ил-76

взмыл над Леной и стал набирать высоту.

— Славик! Ты там как?! Что-то тебя вообще слышно не было! — крикнул Яхонтов.

— Нормально, — угрюмо отозвался Сквернослов.

Находящиеся в самолете люди не знали, как ликовала толпа на берегах реки, видя что самолет все-таки взлетел, не смотря на козни стихии. Он все-таки полетел!

Казалось, что рассвет зависел только от взлета самолета. С каждой минутой становилось все светлее и светлее. И при этом Ил-76 был все дальше от той роковой дамбы и все выше от земли. Уже можно было разглядеть замерзшие разливы взорванной реки. Можно было узреть, как стала меняться местность по мере удаления от обжитых берегов Новой республики и теперь уже бывшего легиона. Самолет рвался все выше и, теперь можно было только видеть то, что на горизонте. Смотреть вниз мог только находящийся в штурманской кабине Сквернослов. Уже когда Ил-76 достиг облаков и ворвался в их гущу, стремясь взобраться в чистоту неба, Вячеслав поднялся из кабины штурмана и задумчиво посмотрел сначала на Варяга, затем на Николая.

— Ты чего такой? — поинтересовался Васнецов, взглянув на него.

Славик медлил с ответом и морщился. Затем пожал плечами и вздохнул.

— Да так, ничего. Усталость, наверное.

Он окончательно выбрался из штурманской кабины и повесил бинокль, который держал в руках на спинку кресла, в котором еще не так давно сидел Людоед.

— Я пойду к луноходу.

— Зачем?

— Да так… Посплю…

Самолет взмыл над облаками, снова оказавшись над белоснежным ковром облаков и в чистом небе. Но теперь все это великолепие не радовало как в первый раз. Раздражал яркий солнечный свет. Раздражала чистота и пустота. Монотонность пейзажа. И больше не было мыслей о том, что будет обидно покинуть все это великолепие. Была только не уходящая горечь утраты и мысль о том, что надо поскорее покончить с ХАРПом. И ощущение усталости, о которой говорил Сквернослов.

***

После того как Варяг, сверившись с картой, положением солнца и часами, выровнял курс, Николай понял что можно

расслабиться и поспать. Ни прошедшая ночь после гибели Людоеда, ни предшествовавшая ей ночь в логове Гау, возможности отдохнуть не дали. Погружаясь в сон, Васнецов уже предвкушал полными фатализма чувствами, что вот уже он уснет и снова окажется в чистилище. Увидит Андрея и стражей. Рану и проклятый ХАРП. Но всего этого он не увидел. Ему приснился лишь Илья. Но как и где, при каких обстоятельствах и говорил он с ним или нет, Васнецов вспомнить не мог после того как его разбудил какой-то шум. Казалось, он проспал мгновение, но судя по часам, прошел уже полтора часа.

Шумела рация. Яхонтов так и не выключил ее после взлета. Но тогда в динамиках была тишина после последних слов гвардейцев, провожавших самолет и обеспечивающих его взлет. Однако сейчас динамики шумели и хрипели. Словно чей-то голос пытался пробиться в кабину экипажа. Но голос так и не пробивался, и они продолжали шуметь, шипеть, скрипеть, хрипеть и всем этим угнетать сознание.

— Что это такое? — пробормотал Васнецов.

Яхонтов пожал плечами.

— Понятия не имею. — Он хмуро вслушивался в какофонию звуков но, как и Николай, ничего не мог разобрать. — Похоже, чей-то сигнал поймали.

С каждой минутой помех в эфире становилось все больше и беспорядочный набор режущих звуков все громче. Варяг чертыхнулся и выключил радиосвязь.

— Зачем? — вздохнул Николай.

— Да на кой черт… Все равно не разобрать ничего. Да и вообще… Оно нам надо? Подержи лучше штурвал. Я с курсом сверюсь.

Яхонтов снова стал колдовать над картой, часами и призывать на помощь солнце, которое своим расположением в данное время должно было подсказать курс.

— Ага, сбились, — проворчал он и, снова приняв управление, слегка накренил самолет и повернул направо.

После того как курс был выровнен, в кабину вошел Сквернослов.

— Вы чего тут делаете. Я со скамейки упал.

— А ты сядь и пристегнись, — проворчал Варяг.

Славик уселся в кресло позади Николая.

— Слушай, братишка, как это ты Варягу не дал нас угробить? — спросил он. — Ну, вроде он же летчик. А ты как догадался, что он сильно штурвал задрал на себя?

— Ну не знаю, — развел руками Васнецов. — Он же мне в тот раз объяснял, что к чему в управлении самолетом.

— Так это он же объяснял, — усмехнулся Славик. — И он же в итоге и опарафинился.

— Сейчас кто-то схлопочет по зубам. — Проворчал Яхонтов. — Подумаешь, эка невидаль… Летчик допустил ошибку, а дилетант его поправил. Всяко бывает.

***

Николай снова спал и на этот раз ему вообще ничего не снилось. Ни чистилища, ни рейдеров с их вопросами. Ни каменных псов и жутких теней. Ничего. И разбудил его, на сей раз не шум динамиков, а Варяг.

— Хватит дрыхнуть Коля. Штурвал держи. Мне с курсом свериться надо.

Как выяснилось, самолет снова отклонился от маршрута. Но не значительно. Варяг после изучения карт и часов с положением солнца взял штурвал и поправил направление полета.

— Мы над Чукоткой уже, — произнес Варяг с волнением. — Ребятки, вы только себе представьте. Позади вся Евразия! Мы таки пересекли всю Россию!

— Вообще-то нет, — проворчал Славик. — Такое как-то в голове, если честно, не укладывается.

— Не укладывается, — Кивнул Варяг. — Но ты еще вдобавок представь. Вот скоро мыс Дежнева будет. Потом Берингов пролив. Меньше ста километров в узком месте и все. Аляска!

— Мне думается не о том, как близко Америка, а о том, как далеко наш дом, — пробормотал Сквернослов.

— Вся планета, что под нами, и есть наш дом, Славик, — вздохнул Николай. — И кроме нас ей не на кого надеяться.

Наступило молчание. Эти простые и такие очевидные, что просто никому в голову не приходили, слова, заставили всех задуматься, произведя неизгладимое впечатление даже на Николая, который их произнес.

Самолет стал снижаться и погружаться в облака.

— Ты чего делаешь? — Спросил Васнецов у Варяга.

— Пойдем под облаками пока. Легче будет ориентироваться. Мыс Дежнева. Потом пролив. В центре пролива два острова. Большой Диомид и Малый Диомид. Самые лучшие ориентиры сейчас.

Ил-76 занырнул под облака.

Впереди было видно поверхность сужающейся холмистой и покрытой снегом земли, которая затем резко расширялась молотообразным выступом мыса Дежнева. А дальше ровная белая

арктическая гладь покрытая льдом и снегом.

В кабине завыла сирена. Все уставились на мигающий, на панели красный огонек. Раньше такого еще не было.

— Это еще что? — поинтересовался Сквернослов.

Варяг не отвечал, какое-то время, глядя на приборную панель, пытаясь понять, что происходит.

— Твою мать! — закричал вдруг он.

— В чем дело? — Николай уставился на него.

Яхонтов дернул рычаг и стал резко накренять нос самолета вниз, ложась при этом на правое крыло.

— Да в чем дело, Варяг?!

— Нас радар облучил какой-то! Они ракету запустили!

— Что?! Ракету?! КТО?!

— А я по чем знаю?! — Варяг продолжал пикировать, насколько это позволяли возможности самолета. Скорость заметно возросла и стальная птица уже пересекла мыс. Внизу уже был пролив.

— Какую ракету?!

— Зенитную!

— А уклониться нельзя?! — крикнул Вячеслав.

— Был бы это мой истребитель, еще вопрос, можно или нет! А этот чемодан неповоротливый!..

— Твою мать! А у нас и парашютов нет! — сокрушался Сквернослов.

— А нахрена они нам, Славик! — орал Варяг, борясь с управлением. — В Арктике да еще во время ядерной зимы прыгать?! Оставить все снаряжение, машину, оружие и треклятую бомбу в самолете?! Нахрена нам такое спасение?!

Самолет ревел и весь трясся, словно от ужаса перед приближающейся ракетой. Яхонтов дернул какой-то рычаг.

— Ты зачем рампу открываешь?! — Васнецов уставился на летчика.

— Ракета может маломощная! Тогда есть шанс сесть на брюхо и после поражения! Но гидравлику всю может побить! Тогда даже если сядем, луноход не достанем!

— А он сейчас не вывалиться?!

— Он закреплен надежно!..

Слева возле крыла сверкнул, вспышка и раздался грохот. Затем удар дроби в борт. Самолет содрогнулся и завыл, резко кренясь на левое крыло. Варяг дернул головой и посмотрел на иллюминатор. Внешний двигатель вообще исчез, словно его и не было. Внутренний дымил густым черным дымом. Из пробоины в крыле пылью разлеталось длинным шлейфом топливо.

— Попали суки!

Казалось, самолет вот-вот перевернется.

— Коля! Выруби нахрен правый внутренний двигатель! На внешнем тягу уменьши! Я вырубаю подачу топлива на левые двигатели! Один вообще снесло к чертям!

Это немного помогло. Самолет стал выравниваться, но его при этом стало так трясти, что казалось он сейчас рассыпаться.

— Что за твари, долбить вашу мать! — орал Сквернослов, — На кой хер они это сделали, пидоры! Ну суки! Ну, мать их, сссуки!

— Мы падаем, Варяг?! — заорал Васнецов. — МЫ ПАДАЕМ?!

— Еще как еб…

***

Ветер уныло гонял снежную пыль по бескрайней арктической пустыне, заставляя мелкие гранулы перекатываться по снежным барханам, взлетать, биться друг об друга, и создавать новые барханы. Все это длилось годами и, ничего другого эта местность не знала. Но сегодня в эту унылую рутинную работу северного ветра вторгся рев поверженного дракона. Из пелены забравшейся повыше вьюги огромным чудовищем вынырнул самолет. Он дымил и орал в агонии. А внутри кричали люди.

Ил-76 стремительно приближался к замерзшей поверхности Берингова пролива. Вдруг он задрал нос и коснулся мощным брюхом вершин снежных барханов. Ветер отступил в сторону, давая разметать снег этому чудовищу.

Самолет распахал снег, поднимая настоящий белый цунами расходящийся в разные стороны от бортов. Левое крыло оторвалось, и взмыв вверх ударилось о хвост, который занесло. Самолет еще двигался по инерции, стоная и гудя, треща корпусом и лязга конструкцией, затем остановился, собрав перед покореженным носом приличный снежный вал. Снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь арктическим ветром. Через несколько минут, на протяжении которых была слышна лишь глухая возня внутри самолета, что-то загудело, забряцало, и из открытой рампы выскочил луноход. Отъехав на безопасное расстояние от поверженного Ил-76, баки которого еще могли взорваться, луноход остановился. Из него вышли трое.

— Черт, ну зараза, — Николай зачерпнул снег и стал растирать его по лицу. — Ну и ну, — бормотал он.

Варяг дрожащими руками стал забивать трубку.

— Ну все! Поехали! — закричал Сквернослов, передергивая затвор автомата.

— Ты чего удумал, — выдохнул Яхонтов.

— Давай вернемся на это мыс… на Чукотку или куда там… Найдем скотов этих и вышибем им мозги к такой-то матери!

— Угомонись, Славик…

— Хрена лысого! Нет, Варяг, скажи, это нормально?! — он вытянул руку в сторону самолета. — Это нормально, а?!

— Нет…

— Ну, так давай вернемся и кончим ублюдков этих!

— Угомонись говорю… — бормотал Яхонтов тяжело дыша и жадно затягиваясь трубкой. — Мы их месяц искать будем. На кой черт они нам нужны.

— А наказать?!

— В другой раз…

— В какой другой?! Другого раза может и не будет! Мы что, так это оставим?! Поехали!!!

Васнецов вдруг выхватил у брата автомат и со всей дури влепил Славику пощечину. Сквернослов упал в сугроб и, схватившись за щеку недоумевающее уставился на Николая.

— Ты чего… морлочья твоя душа… совсем озверел? — пробормотал он.

— Остыл?! — рявкнул Николай. — Остыл?! А теперь туда смотри! Там Аляска! До нее меньше ста километров! А от тех уродов, что ракету запустили, мы может уже в двух сотнях! Мы живы и это главное! Так что собери в один кулак свою волю, в другой свой разум, и заставь, наконец, собственное очко перестать судорожно пульсировать! НАМ В ТУ СТОРОНУ! АМЕРИКА ТАМ!

Варяг выпустил густой дым и, запрокинув голову, тихо засмеялся.

— Не-е-ет, — выдохнул он украдкой глядя на Николая. — Илья жив. Он просто перевоплотился…

***

— Спасибо тебе за все старина, — Варяг прикрыл глаза и, прислонившись лбом к носу самолета, медленно поглаживал рукой его изувеченный борт. — Прости, что чемоданом неповоротливым обозвал. Спасибо что помог. Спасибо что погибнуть не дал. Спасибо что столько ждал и столько вынес…

— Что он там делает? — недовольно проворчал Сквернослов из кабины лунохода. Вячеслав все еще дулся на брата, хотя Николай перед ним буквально пять минут назад извинился.

— Он же летчик. А это самолет. Быть может последний в его

жизни. Понять-то можно…

— Прощай, — вздохнул Варяг и решительно двинулся к луноходу.

Приняв его, машина двинулась вперед, в сторону Аляски, оставив позади погибший самолет и где-то там, еще на евразийском континенте, загадочных зенитчиков, что прервали его полет. А еще позади оставались погибшие друзья и общины что встречались им по пути. Странные и жуткие существа, порожденные человеческим безумием. Свежая кровь и занесенный снегом пепел людей. Позади оставался дом. Родина.

А что ждет их впереди, кроме естественно проклятого ХАРПа?… Пока только неизвестность. Хотя… Кое что уже виднелось на горизонте. Над снежной пустыней вдалеке слегка возвышалось почти плоское плато. Остров Большой Диомид. Или остров Ратманова.

— Эскимосы его называли Имаклик. Окруженный водой значит. — Произнес Варяг.

— А ты откуда знаешь? — спросил Сквернослов, который вел машину вперед.

— В атласе прочитал туристическом, который рейдеры дали.

Николай сидел как всегда в пассажирском отсеке. Он с тоской смотрел на большой железный ящик, в котором томилась атомная бомба, в окружении всех вещей Людоеда. Вон на противоположном сидении лежит и одна из черных шинелей Илья. А вот сам Илья… Стало совсем пусто и одиноко в пассажирском отсеке лунохода. А уж на душе как…

Васнецов прикрыл глаза, но слезы все-таки потекли по щекам.

Ехали долго, а остров все так и маячил впереди на горизонте, никак не желая приближаться. В конце концов, они все-таки достигли его, и стали медленно заползать на берег. Стало немного спокойней от осознания того, что под ними все-таки твердь, а не лед, скрывающий под собой глубоководную бездну. Теперь бесконечным казался пустынный остров, по которому они двигались.

— Холм видишь? — произнес Варяг, обращаясь к Сквернослову. — Давай туда.

Луноход взобрался на холм и остановился. Варяг вылез из вездехода. Забрался в отсек к Николаю и стал что-то искать под сиденьем. Затем извлек оттуда стальной телескопический шест и какой-то сверток.

— А теперь он что делает? — вздохнул Сквернослов, глядя из кабины, как Яхонтов раскладывает шест и скрепляет его сегменты болтами. Теперь эта железяка стала около трех метров длины.

Варяг развернул сверток и там оказался Российский государственный флаг. Николай и Вячеслав вышли из вездехода и помогли ему водрузить знамя, как можно глубже втыкая флагшток в твердый снег. Ветер подхватил полотнище и триколор заколыхался над головами, гордо хлопая материей о воздух. Они отошли от него и молчаливо смотрели, как он развевается. Варяг вытянулся и отдал воинское приветствие.

— Все ребята. Граница. Дальше чужой мир.

— Нам и в своем-то было неуютно, — вздохнул Сквернослов.

— Н-да, — покачал головой Яхонтов и обернулся, глядя в сторону другой страны.

Васнецов понял, что что-то не так. Варяг вытаращил глаза и слегка открыл рот. Николай проследил за его взглядом. Совсем рядом виднелся Малый Диомид. Остров, который уже принадлежал североамериканским соединенным штатам с тех самых пор, как Аляску продали Российские владыки. Он был заметно меньше и так же пустынен. Но вот белизну двух островов и заснеженного ледяного покрова пролива нарушало что-то противоестественное и черное.

Вдоль замерзшего пролива из снега торчала, словно спина исполинского морского животного с большим трапециевидным плавником.

— Варяг, это же подводная лодка! — воскликнул Сквернослов.

— Вижу, — с напряжением в голосе тихо пробормотал Яхонтов. — Так, берите оружие и лыжи. Луноход пока тут оставим. Гранатометы прихватите. Живо.

***

На черном корпусе узкой и длинной рубки белел номер. 593. Они подошли совсем близко, водя стволами автоматов по сторонам.

— Варяг, чья она? — прошептал Николай.

— На нашу не похожа, — мотнул головой Яхонтов. — У наших рубки шире. И рули на корпусе, а не на рубке. На рубках только у Вани Вашингтона, кажется рули. Но там должен быть горб. А эта не горбатая.

— У кого? — непонимающе переспросил Вячеслав. — Что еще за горб?

— Да ладно. Забудь.

— Значит американосовская… — Вячеслав подошел совсем близко и пнул по корпусу.

Следов вокруг лодки никаких не было. Очевидно она тут очень давно и так же давно покинута. Варяг взобрался на тело морского левиафана и стал бродить вокруг рубки в поисках двери. Нашел.

— Помогите открыть. — Позвал он.

Из открывшегося люка-двери выпорхнул запах спертого воздуха и запустения. Варяг тут же включил дозиметр, приказав Николаю и Славику отойти от лодки.

— Норма! — махнул он рукой спустя несколько минут.

Они вернулись на корпус.

— Так, парни, ждите тут. Я гляну что там. Может, вахтенный журнал найду.

— Может не надо лезть туда? — поежился Николай.

— Да она мертвая. Внутри холод как снаружи. Там нет ничего живого. Все. Я пошел.

Яхонтов включил фонарь и исчез в недрах субмарины.

Николай тоже включил фонарь и осветил узкое пространство за дверью. Один люк вел вниз, куда и ушел Варяг. Вверх тянулась вертикальная лестница.

— Это на мостик ведет. Славик, давай поднимемся.

— Давай, — пожал плечами Сквернослов.

Они взобрались наверх и, распахнув люк, расположились на капитанском мостике. Николай осмотрелся, подставляя лицо ледяному ветру и поднимая воротник бушлата. Представил себя на какой-то миг капитаном бороздящей океан субмарины. Вот, наверное, было здорово. Романтика. Чувство ответственности и ощущение подчиненной ему силы. Но… Вот приходит приказ из штаба. Применить ядерное оружие по заданным целям. Без объяснения причин. Просто применить и все. И нет больше никакой гордости и романтики. Ничего больше нет… И сразу расхотелось представлять себя капитаном этой машины смерти.

— Как думаешь, Колян, почему ее бросили? — спросил Вячеслав.

— Не знаю. Может, уже смысла в ней не было? Кругом лед. Надо было уходить на континент.

— Н-да… Интересно, а тут ракеты еще есть? Был бы с нами Крест, так он и шмальнуть ими смог по ХАРПу и сказочке конец.

Варяга уже не было очень долго и его товарищи стали беспокоиться. Однако вскоре зловещая тишина, царившая внизу, нарушилась металлическим постукиванием. Постукивание было все громче… Потому что ближе… И стало ясно что это Варяг карабкается по вертикальной лестнице.

— Черт! А мы уже думали край тебе и хотели эту посудину гранатами закидать, — усмехнулся Сквернослов, облегченно

вздохнув.

— Ума у тебя как не было, так и нет, — пробормотал Яхонтов, взобравшись на мостик и отдышавшись.

— Ну, что там? — спросил Николай, выжидающе глядя на старшего товарища.

— Короче, как и следовало ожидать, лодка давно заброшена. Реактор заглушен. Но, что примечательно, все ядерное оружие, все торпеды на месте. Лодка в войне не участвовала.

— Как так? — удивился Славик.

— А вот, — Яхонтов извлек из-за пазухи большую книгу.

— Вахтенный журнал или что-то в этом роде. Я немного понимаю что написано. Разговорный английский мне конечно легче понять, чем писанину, но и тут кое-что разобрал. Короче. Писал, как я понял, капитан. Когда вся бодяга началась, он решил не выполнять приказ командования и не применять оружия.

— Даже так, — усмехнулся Сквернослов.

— Да вот, представь себе. Именно так. Экипаж лодки разделился на две части. Одни за капитана и против войны. Другие наоборот. Хотели ударить по… гад дэм коммиз энд факинг барбарианс… Тьфу блин… Язык сломаешь.

— А что это значит? — спросил Николай.

— Форменную идиотию и ощущение собственного превосходства. Ну да не суть. Короче побились они крепко. Жертвы были. И капитан предложил высадиться на берег и провести футбольный матч между враждующими сторонами. Кто победит, того решение и будет окончательным. Даже если побит фракция милитаристов, то он применит оружие подчинившись их воле.

— И что? — Славик снова усмехнулся.

— Сыграли.

— И кто победил?

— Те, кто хотел воевать.

— Я что-то не понял, — развел руками Васнецов, — Но ведь оружие все равно на месте.

— Именно, — кивнул Варяг.

— А почему?

— Те, кто был против насилия и проиграл в матче, поняв свое поражение, перестреляли тех, кто хотел выполнить приказ командования.

Васнецов поежился. Такого поворота он вообще не ожидал. Как-то странно было себе представить как, выигравшие люди кричат от радости за победу и предвкушают применение оружия… Выполнение своей работы… Того чему их учили… Но те, кто казалось бы должны были быть гуманными из-за своего

решения не применять ядерное оружие, просто убили их нарушив договор… Как все странно…

— Выходит, — пробормотал он, — Чтобы остановить насилие, надо насилие применить?

— Вопрос на целое тысячелетие, — вздохнул Яхонтов.

— Значит, они оружие так и не применили, а вот наш Людоед… — покачал головой Сквернослов.

— Славик, у них во много раз было больше атомных подлодок. У них во много раз было больше стратегических бомбардировщиков. У них масса авианосцев, самолеты с которых могли нести ядерные бомбы. У них куча баллистических ракет. Когда мы договаривались их обоюдно сокращать, то мы свои резали, а они складировали…

— И у них ХАРП, — мрачно добавил Николай. — То что сделал Людоед, не идет ни в какое сравнение… Если бы каждый капитан поступил как этот… То и Людоеду не пришлось бы наверное…

— Ладно, — вздохнул Сквернослов. — Поехали дальше. У них ведь еще остался ХАРП.

***

Луноход продолжил движение, оставив позади уже и заброшенную лодку с номером 593, которая так и чернела на белизне ледяной пустыни, оттого что постоянный ветер, хозяйничающий здесь, не давал субмарине обрасти снегом. Луноход взобрался на берег Малого Диомида, который еще назывался Остров Крузенштерна ил по-эскимосски Ингалик. Противоположный.

Машина упорно пересекала торчащую из замершего пролива плоскую глыбу, пока Варяг не приказал остановиться. Перед машиной, из снега торчала какая-то трубка, припорошенная снегом. Они вышли и осторожно приблизились к ней. Теперь было ясно, что это нечто наподобие флагштока, что установил Яхонтов на предыдущем острове. Его повалило ветром и занесло снегом. Путники раскопали его. На нем, разумеется, был американский звездно-полосатый флаг.

Вячеслав поморщился.

Однако Варяг стал его водружать на место.

— Ты зачем это делаешь? — фыркнул Сквернослов. — Брось.

— Помог бы лучше, — проворчал Яхонтов.

— Вот еще! Да его сжечь надо!

— Чего ради?

— Они же враги! — Вячеслав уже негодовал.

— Кто и кому враги? Простые люди враги? Простые люди, которые тоже любили свою страну, как и мы? Которые тоже любили свой флаг? Которые так же любили своих детей? Я наш флаг ДЛЯ и ОТ имени простых людей ставил. Не политиков. И их тоже. Просто ради тех, кто еще жив. Понимаешь? Война окончена! Все! Мир!

— Но… Блин, но это же Америка! Это их чертов флаг!

— А еще это флаг страны Луи Армстронга и Дина Рида! Марка Твена и… И черт возьми, Славик, было же и в Америке много чего хорошего!

— Что, например?! А?!

Варяг задумался. Потом развел руками.

— Например, Симпсоны. — сказал он успокоившись.

Николай, молча, воткнул флагшток в снег и тряхнул его, заставив американское знамя так же колыхаться на ветру.

Славик, мы не воевать с ними идем. Война действительно окончена. Остался только ХАРП.

60. ALASKA

— Это она? — Вячеслав пристально смотрел вперед, на пустынный покрытый снегом холмистый мир впереди. Оставалась какая-то пара-тройка сотен метров. Он остановил луноход и нервно теребил пальцами штурвального типа руль.

— Это она, — кивнул Варяг. — Аляска.

— Неужели дошли, братцы, — вздохнул Сквернослов, — Неужто мы здесь? Андрей… Юра… — Он еще раз вздохнул. На сей раз очень тяжело, — Илья… Не зря они пожертвовали собой… А мы дошли. Дошли мать ее…

— Да нет, Славик. Впереди еще десяток сотен километров. До ХАРПа еще очень далеко. И черт его знает, что там еще впереди.

Сквернослов взглянул на сидящего справа от него Яхонтова. Затем повернул голову и посмотрел на Николая, который наблюдал в перископ на замерзший мир североамериканского континента.

— Варяг, мы ведь дойдем? Все вместе… Мы ведь больше не понесем потерь? — С тоской и одновременно, надеждой в голосе проговорил Вячеслав.

Яхонтов задумчиво смотрел вперед, жуя кончик соломенного уса. Хмурился и едва заметно покачивал головой, о чем-то сосредоточенно размышляя.

— Поехали. — Произнес он, наконец. — Вперед.

И машина двинулась дальше. Вскарабкалась на пологий берег. Начинался словно совершенно другой мир. Да. Такой же холодный и покрытый снегом. Шлифуемый ледяными ветрами и забывший о солнечной ласке. И все-таки этот мир был другой. Чужбина. Мысль о том, что тут едва ли можно встретить дружелюбно настроенных людей леденила душу. Даже там, где была своя страна когда-то, и жили те, кто остался из соотечественников… даже там всюду была смерть. Угроза. Враги. А что здесь? В мире, где даже язык другой… И логично было желание того, чтобы им не встретились на пути люди. Пусть не будет постоя. Пусть негде будет помыться. Пополнить припасы. Пообщаться с кем-то. Пусть. Лишь бы больше никого не встречать. Только не людей.

Вездеход двигался уже по ровной поверхности. Вокруг не было ничего. Никаких ориентиров. Ни зданий или их остатков. Ни деревьев. Ни гор. Ничего. Пустота. Словно они дошли до края земли. До края мира. И переступив этот край, оказались в бесконечной вечности, где нет ни времени, ни расстояний, ни жизни, ни смерти. Не к чему больше стремиться. Некуда дальше

идти. Одна лишь вечность и пустота. Бездна. Страшно и одиноко. Именно поэтому Николай ощутил радость оттого, что где-то в неясной пелене возмущаемого ветром снега он разглядел торчащий из сугроба предмет. Он, данный предмет, вносил в это гнетущее однообразие что-то мирское. Реальное. Делающее этот потусторонний мир обычным. Был в этом, нарушающем белую гладь предмете, какой-то элемент хаоса. Того самого, о котором когда-то говорил Илья. Нашим миром правит хаос. Он первопричина и реальность. А мир идеальный, симметричный и четко выстроенный, он потусторонний. Загробный. Наверное так… Хотя, кто его знает…

— Варяг, посмотри слева. Похоже на крыло самолета. — Николай нарушил затянувшуюся тишину.

— Где? — Яхонтов повернул голову.

— Слева… Хотя… Ты так не увидишь. Я в перископ-то его еле разглядел.

— Ладно. Славик ну-ка давай, поворачивай в ту сторону.

— Зачем? — проворчал Сквернослов. — Ну, вот на кой черт, а? Нам надо к ХАРПу или всякий хлам по пути разглядывать да неприятности искать?

— Всякий хлам по пути о многом рассказать может. Так что давай. Мы ведь искатели как-никак.

— Значит мы все-таки искатели? — усмехнулся Вячеслав, — А я-то думал, что ты у нас один такой.

— Да нет. — Варяг вздохнул. — И вы уже тоже. Заслужили это почетное звание.

Николай не ошибся. Это действительно было крылом небольшого самолета. Варяг, покинувший луноход, как только они достигли этого обломка, долго бродил вокруг, ковыряясь в снегу и кутаясь одновременно в свой тулуп от ледяного ветра. Затем он, наконец, вернулся в машину. Его борода и усы покрылись льдом, и он принялся дышать на собственные ладони, создавая перед лицом теплый воздух.

— Чего это было? Самолет? — Сквернослов взглянул на старшего товарища.

— Да. — Варяг часто закивал головой, еще не согревшись, — «Гольфстрим» наверное.

— Что?

— «Гольфстрим». Ну, были такие самолеты. Бизнесскласса. Маленькие. Это вроде от него крыло.

— Его сбили что ли?

— Нет. Не похоже. Скорее он тут стоял просто. Потом на бок завалился и крыло торчит. Если мне память не изменяет… — Варяг не договорил и стал изучать карты, полученные от

рейдеров в Аркаиме. — Ну, да, — пробормотал он позже, — Так и есть. Тут у них аэродром был вроде. На побережье.

— Точно, — пробормотал Сквернослов, глядя в лобовое стекло куда-то в сторону. — Посмотри.

Ветер сменил направление и в тумане гоняемой вьюгой снежной взвеси стал смутно очерчиваться силуэт чего-то похожего на другой самолет. Но размеры его, если это действительно была крылатая машина, казались нереально огромными.

— Вроде далеко, — Васнецов повернул в ту сторону перископ. — Но тогда каких он размеров?

— Черт, да это не может быть то, что я подумал, — мотнул головой Яхонтов, вглядываясь в даль.

— А что ты подумал? — Вячеслав уставился на него.

— Поехали. Поехали туда.

Луноход покрыл расстояние еще в несколько сотен метров и сомнения рассеялись. Серый самолет гигант стоял в снегу, зарывшись носом в сугроб, очевидно из-за поломки носовой стойки шасси. Его киль торчал высоко и ветер с трудом, но все-таки заставлял вертикальное хвостовое перо колыхаться. Там, где должны были быть крылья, но видимо давно слились с слоем снега, торчали из сугроба лопасти двойных винтов четырех двигателей. По два на крыло. Знак на хвосте красноречиво говорил о принадлежности самолета. Огромная красная звезда.

— Я что-то не понял. Это русский самолет? — Сквернослов снова уставился на Варяга.

— Не может быть, — выдохнул Яхонтов. — Это же «Медведь».

— Чего? — поморщился Славик. — Ты о чем сейчас?

— Это Ту-95. Стратегический бомбардировщик. Давай ближе подкати.

Луноход остановился у корпуса самолета. Варяг снова выбрался наружу. На сей раз, Николай последовал за ним. Так холодно, как сейчас на Аляске, казалось, еще не было ему никогда. И увеличивал это холод во сто крат пронзительный ветер. Хвостовое перо заурчало, снова сдвинувшись с места. Варяг поковырялся в снегу в районе сочленения корпуса с правым крылом. Крыло было неглубоко. Сантиметрах в сорока под снегом. И кромка крыла была обложена вертикально стоящими толстыми досками. Покопавшись еще, Яхонтов обнаружил занесенный снегом лаз.

— Пошли, поглядим, — воскликнул Варяг, перекрикивая ветер. Он включил фонарь и стал спускаться в низ. Васнецов последовал за ним.

Поначалу было совершенно непонятно, зачем кромки крыла

обложили досками, плотно подогнанными друг к другу. Но когда Варяг и Николай оказались внизу, пройдя по старому лазу, стало все предельно ясно. Кто-то давным-давно оборудовал здесь жилище. Крыло было крышей. Доски стенами. Вопрос, где эти люди взяли доски, отпадал сам собой, если тут был аэродром. Вероятно, разобрали какое-то местное строение. А вот вопрос, почему в качестве жилища не использовали это самое строение, оставался без ответа.

Внутри давно покинутого жилища стояли ящики, игравшие видимо роль мебели. Три лежбища из парашютов набитых соломой и мхом. Обгоревшая бочка, приспособленная под печку. Опустошенные консервы и куски зеленого пластика от упаковок сухпайка пилотов.

— Трое? — Варяг почесал бороду. — Экипаж вроде человек семь, если тут конечно жили они. Судя по сухпаям это они и были. Я вот не пойму, откуда они тут взялись. Ближе всего, по-моему, была авиабаза «Украинка», где такие драконы базировались. Но она в Приамурье где-то. Тоже свет не ближний. Хотя может это с северного флота через полюс… — Он скорее говорил сам с собой, чем с Николаем, — Да нет, — буркнул Яхонтов, — Все-таки с «Украинки». Наверное, патрулировал район в тот день, когда все и все началось. Полетел работать по целям, а на обратную дорогу топлива не хватило. Или поломка или еще что. Сел тут, а аэродром для таких самолетов не приспособлен. Носовую стойку сломал. Посадка жесткая была, но уцелели.

— Может это не стратег а противолодочник? — Предположил Васнецов.

Варяг уставился на Николая.

— Соображаешь, однако. Я как-то об этом даже и не подумал. Если это морской, то другое дело. — Яхонтов углубился в недра убежища и зашел под фюзеляж. — О! Тут трап в кабину. Коля. Жди. Я сейчас. — И Варяг исчез во тьме вместе со светом своего фонаря.

— Здорово. — Пробормотал Николай. — А я тут в темноте и без фонарика… Отлично придумал…

В корпусе самолета вскоре послышались глухие стуки. Шаги Варяга. Скрип и скрежет металла, который он отодвигал, чтобы пройти куда-то. Словно редкие урчания исполинского голодного зверя из его жаждущей пищи утробы. Через некоторое время к этим звукам добавился шорох из лаза, ведущего на поверхность. Затем свет фонаря.

— Эй, — тихо позвал голос. — Мужики. Вы где.

Это был Вячеслав.

— Я тут, — отозвался Николай. — А Варяг в самолет полез.

— А чего он туда полез? — Сквернослов, наконец, вошел в это брошенное убежище и усмехнулся. — Думает, полетит?

— Не знаю, — Васнецов устало пожал плечами.

Наверху что-то загрохотало. Потом снова глухие шаги.

— Братишка, а ты чего смурной такой? Чего случилось?

— Да ничего нового, — отмахнулся Николай. — Просто погано на душе. Может оттого, что меня больше блаженным никто не называет.

— Хочешь, я назову? — Вячеслав присел на соседний ящик.

— Не надо. Ты не Людоед.

— Н-да, — Сквернослов вздохнул и покачал головой. — Слушай. Я вот тут подумал… Он же не хотел в Америку. Я вот уверен в этом отчего-то. Илья в любом случае с нами не пошел бы.

— Почему так считаешь? — Васнецов уставился на Сквернослова.

— Ну как. Он же ракеты пускал. Это у нас он герой. И то далеко не для всех. А тут? Как бы он в глаза смотрел бы людям? Да и своим присутствием нас бы под удар ставил.

— Да как бы тут узнали, что он их города сжигал? Да и по ним ли ракеты пускал? Кто знает, какие цели там, в головках были запрограммированы?

— Приоритетные, Коля. Приоритетные цели. Да и все тайное рано или поздно становится явным. Как-нибудь, да и узнали бы. По глазам его прочитали бы. Ты вспомни метро Московское и Титоса этого. Какая чудная встреча вышла… Как все наружу всплыло…

— Ну ладно. Допустим. Пусть он не хотел идти в Америку. Пусть бы он развернулся на Чукотке и пошел бы обратно к своей Нордике или Лене из Новой республики. Но пусть бы он жив был…

— Эх… Да ведь он же сам знал на что шел. Он ведь всегда смерть искал, да только она его боялась. Вспомни Екатеринбург. Как он хотел прикрыть наш отход и связать боем отряд старшего Чернова. Это же самоубийство верное. Если бы не рейдеры, он бы еще там погиб.

— Мы все умрем, вопрос лишь в том, как встретим свою смерть. Упавши на колени, иль гордо будем ей в глаза смотреть. — Пробормотал Николай, и наступила гнетущая тишина. Оба молодых человека смотрели задумчиво перед собой, пока из темноты не вынырнул луч фонаря Варяга.

— Коля, это все-таки стратег, — Произнес искатель, — О, и Славик уже тут. Ты чего машину бросил?

— Да нет тут никого на сто верст, — пожал плечами Вячеслав. — Чего ты про стратега говорил?

— Это стратегический ракетоносец. Там в брюхе барабанная установка револьверного типа. Там шесть ракет Х-55 было. Ни одной на месте нет. Отстрелялся «Медведь».

— Может, растащили? — предположил Вячеслав.

— Нет. Бомболюк закрыт и его заклинило при ударе во время посадки. А дыр в корпусе нет таких, чтобы ракеты вытащить. Значит, он уже пустой садился. Брякнулись здорово. Нос разворочен. Кабина в хлам. Том нога оторванная. Крови много засохшей. Бинты, аптечки разбросаны. Кстати, стропами парашютными разжился, — он показал моток белой веревки. — И вот это нашел. Не могу понять… — Яхонтов разжал ладонь и посветил фонарем на какие-то небольшие капсулы в руке. — Вроде тоже из аптечки… — Он вдруг нахмурился, что-то вспоминая и, через несколько секунд отбросил капсулы и принялся шарить освободившейся рукой за пазухой тулупа, — Твою мать, — озабоченно пробормотал он.

— Ты чего, Варяг? — Николай уставился на старшего товарища.

— Это, кажется, противорадиационные препараты были. — Торопливо проговорил Варяг и извлек, наконец, дозиметр. Еще через полминуты он крикнул:

— Валите отсюда! Живо!

***

Николай бросил в перископ прощальный взгляд на удаляющийся исчезающий постепенно в метели, огромный самолет с красной звездой на хвосте.

— Ну, если в двенадцать раз выше нормы, то чего панику было поднимать? — Вячеслав недовольно посмотрел на Варяга, который теперь вел двигающийся дальше луноход.

— А зачем нам хапать лишний раз все эти радионуклиды? Хватило и Кирова нам.

— Но там зашкаливало. А тут только в двенадцать раз выше нормы. Подумаешь.

— Когда причиндалы отваляться, тогда и подумаешь. — Резко ответил Варяг.

— Тогда чего ты веревку это не выкинул, если она из радиоактивного самолета?

— Это парашютные стропы, кулема ты необученная. — Яхонтов продолжал говорить с агрессией в голосе. — Я бухту

снаружи повесил на корпусе. Если и фонит то нам не страшно.

— Не один ли хрен? Веревка, стропы, — пожал плечами Сквернослов. — Зачем они?

— А ты забыл, что мы нашу веревку похерили в аркаимской вентиляционной трубе, когда молохи всполошились? А?

— И что?

— А то. Мой опыт искателя не позволяет мне идти в рейд без самых необходимых вещей. А веревка очень необходимая вещь в походе. Может и пригодиться.

— Почему они там жили? И почему самолет радиоактивен? — спросил Николай.

— Почему они там жили, это уже, наверное, никто не узнает. А радиация… Самолет, скорее всего через облако радиоактивное прошел. В самом начале он видимо вообще фонил по страшному. Может потому они в итоге и ушли оттуда. Но прожили они после этого очень мало, я думаю.

— Слушай, Варяг. Вот Илья тогда запустил ракеты. Этот самолет тоже все ракеты выпустил. А лодка ихняя оружие не применила…

— Коля, ты к чему вообще клонишь? Одна лодка не выпустила ракеты. Дальше что? Вспомни метро в Москве. Вспомни дневник дядьки своего. Вспомни все наши города стертые с лица земли. Они что, сами по себе взорвались? Не строй иллюзий. Лодок и стратегических бомбардировщиков у них больше было. И били они, будь здоров. Да и не по нам одним.

Дальше ехали практически молча. Уже начинало темнеть. Местность уже давно стала холмистой, но до сих пор никаких деревьев или следов разрушенной цивилизации им так и не попалось. Холмы становились все выше. И ветер все не стихал.

— Слушай, Варяг, тут походу вообще жизни никакой нет. Даже следов звериных нет. — Произнес Сквернослов.

— Может это и хорошо, — буркнул Яхонтов. — Но я тебе вот что скажу. В этих краях выжить трудно. А следы могло и замести. Если такая погода как сейчас тут преобладает, то это дело получаса. Животные, скорее всего, подались в горы. Там и укрыться есть где, и пищу найти легче и ветра не такие сильные. Ну и само собой люди подались за ними по тем же причинам. Или… Может наоборот. Люди подались в горы, а звери последовали за ними…

Они двигались еще час, пока, наконец, ночная мгла не проглотила мир окончательно.

— Все. Привал. — Вздохнул Варяг.

— Так может, ты отдохнешь, а дальше я поведу? Чего время терять? — спросил Сквернослов.

— Буря какая посмотри. Еще шваркнемся в какую-нибудь расщелину. Да и фарами светить не хочется. Если кто-то попадется нам на пути, желательно нам их заметить первыми. — Варяг остановил машину и добавил, — Все. Ночлег. Пошли в заднюю кабину. Перекусим и спать.

***

— Черт. Это мясо, кажется, пропало, — буркнул жующий вареный картофель Яхонтов, ковыряясь в вещмешке с провиантом. — У нас припасов не так много как хотелось бы.

Сквернослов отпил из кружки кипятка и ухмыльнулся.

— Конечно. Мы на каждом постое только свое и ели. К местной жрачке не притрагивались почти нигде.

— Ну и правильно делали. Откуда знать, чем там накормят.

— А печенья у рейдеров вкусные были. И чай тоже. — Вячеслав вздохнул и, сделав еще глоток горячей воды, уставился в потолок.

Николай, молча, посмотрел на своих товарищей. Ни говоря, ни слова отодвинул от себя опустевшую миску и, повернувшись лицом к стенке, укрылся второй, оставшейся шинелью Людоеда. Сон настиг его практически сразу…

А снаружи бушевал ураган. Ледяной ветер бесновался, не зная пощады и усталости ударяясь в корпус крохотного лунохода, затерявшегося на бескрайней белой пустоши накрытой ночной мглой, которую прессовали свинцовые тучи ядерной зимы… Еще одна ночь этого мира…

***

Он промок до нитки. И это было самое страшное. Ледяная вода и сильный мороз скоро прикончат его. Мокрая одежда ускоряла процесс замерзания тела в двадцать раз. Одежду надо сбросить. Раздеться догола в этот страшный мороз. А потом… Потом голышом упасть на снег… Побарахтаться в нем… Снег поможет телу просохнуть… Надо растирать снег по телу… Теперь надо приседать… Отжиматься… А теперь надо срочно развести костер… Голым оставаться нельзя… И надо быстрее просушить одежду… Олень! Надо убить его… Вспороть брюхо… Вывалить кишки и прочее и залезть в тело мертвого оленя… погреться… А потом его жир можно пустить на растопку… А чем огонь-то разжечь?… Автомат! Надо открутить у ствола пламегаситель!

Нужно хвою набрать и раскопать сухую траву… а еще олений мех… Огонь это спасение. Огонь это жизнь!..

— Ты чего бормочешь там? — сонно проворчал Сквернослов.

— А-м… что… — икнул проснувшийся Николай, вытирая ладонью со щеки вытекшую во сне слюну.

— Ты чего там считаешь?

— Я считаю? — Васнецов не понимал.

— Ну да… Ты что-то считал во сне…

— Я кажется, отжимался… Наверное это и считал…

— Отжимался? А она симпатичная хоть была?

— Кто?

— Да ладно, — Вячеслав тихо засмеялся, — Проехали.

— Что за херню ты опять городишь, Славик. Я во сне, кажется, в прорубь упал и отжимался, чтоб согреться.

— Ну, ладно-ладно… Чего заводишься.

Варяг, находившийся уже в водительской кабине, обернулся и посмотрел через внутреннее окно на них.

— Что, гаврики, проснулись уже? Гляньте на улицу. Вы такого еще не видали…

Как оказалось, уже давно рассвело. Буря утихла. Ветра теперь совсем не было. И с серого неба падал почти черный снег. Невероятно крупные хлопья. Не снежинки, а именно безобразные хлопья. И все пространство вокруг почернело, покрывшись этими жуткими хлопьями. Только в некоторых местах еще белел залежавшийся снег. Но и он быстро исчезал под падающей с неба грязью.

— Что это такое, Варяг? — Васнецов посмотрел на старшего товарища.

— Вулканический пепел. Где-то в этих краях извержение произошло ночью. Или вечером. Теперь сыпет. На улицу лучше не выходить. Вдохнешь такую снежинку, и ее микрокристаллы тебе все легкие изрежут. А если в респираторе, то фильтры моментом забьются.

— Н-да, — покачал головой Сквернослов. — Дружелюбно нас Аляска встретила. Нечего сказать.

— А ты чего ждал? — хмыкнул Варяг. — Хлеб соль и баньку с бабами?

— Было бы неплохо… И можно без хлеба.

Яхонтов вернулся к приборам на панели.

— Хочу попробовать связаться с тем космическим кораблем. Может, какие новые данные передаст и про вулкан может, чего узнаем.

— А ты знаешь, как с кораблем связаться? — спросил Николай.

— Понятия не имею. — Варяг включил рацию. — Антенны-то я выдвинуть смог. А вот что дальше делать. Ладно. Проедем еще немного. Надеюсь подальше от вулкана. Может и связь будет. Тут, наверное, пепельное облако мешает.

И луноход снова двинулся в путь. Ехали они долго, однако пепел продолжал сыпаться с неба. Уже казалось, что они колесят по замкнутому кругу. Рация равномерно шипела и потрескивала, говоря о том, что надеяться им не на что. Но через несколько часов бесплодных мытарств рация вдруг на миг взвизгнула.

— Это что?! — воскликнул Вячеслав. — Это оно?

— Нет, — Варяг остановил луноход и озадаченно почесал бороду. — Связи с орбитой нет. Это что-то земное. — Он повозился немного с настройкой. Рация все шумела и трещала, но теперь казалось, что за этим треском и шипением есть что-то еще. И точно так же как из-за падающего пепла не видно облаков, так из-за радиопомех невозможно разобрать, что же там кроется. Яхонтов направил машину на ближайший высокий холм.

Как только луноход отказался на вершине, рация снова взвизгнула и стала гудеть, будто какой-то звук пытался разорвать шипение и треск, мешающие вещанию. Варяг снова стал возиться с настройкой и вдруг шипение, и треск резко отступили, и из динамика полилась музыка. Все раскрыли рты, вслушиваясь в медленную и красивую мелодию, под которую хотелось томно раскачиваться и, прикрыв глаза улыбаться. И теперь к музыке присоединился голос. Странный. Хриплый. Но удивительно добрый. Он пел что-то на английском языке и, чувствовалось, что поющий голос упивался своей песней, получая радость от того, о чем поет. И он будто улыбался каждому произнесенному слову…

I see trees of green, red roses too

I see them bloom for me and you

And I think to myself what a wonderful world…

Яхонтов обернулся к своим товарищам, и на лице его была улыбка и изумление:

— Хлопцы, это же Луи Армстронг, — прошептал он, боясь нарушить это пение.

I see skies of blue and clouds of white

The bright blessed day, the dark sacred night

And I think to myself what a wonderful world.

— Тот, который на луне первый побывал? — прошептал в ответ Сквернослов.

— Не… — Яхонтов медленно мотнул головой, — То был Нил Армстронг. А это Луи… Великий чернокожий американский певец. Какая песня чудесная, да?

The colors of the rainbow so pretty in the sky

Are also on the faces of people going by
I see friends shaking hands saying how do you do
They're really saying I love you.
I hear babies cry, I watch them grow
They'll learn much more than I'll never know
And I think to myself what a wonderful world
Yes I think to myself what a wonderful world.

Песня стихла и умолкла. Затем из динамика послышался другой голос и без мелодии. Голос был старческий и какой-то обреченный… Совсем не тот жизнерадостный Луи Армстронг… Голос человека живущего в мрачном настоящем:

— This is radio of the Hope City. We hope that you have survived. The end of today's translation. Bay.

И наступила тишина. Все сидели молча, пытаясь прийти в себя от произошедшего. От того контраста между такой красивой песней, вселяющей надежду и желание жить, хоть и наполненную непонятными словами. И странным обреченным голосом в конце.

— Варяг, скажи, о чем пел этот Армстронг? — выдавил, наконец, Васнецов.

— Он пел о том, какой замечательный мир в котором мы живем… — Затем вздохнул и покачал головой, — Жили, вернее.

— А потом, в конце, что там говорили?

— Похоже, они ищут выживших. Братцы, вы хоть понимаете, что это значит? Тут есть жизнь! Люди! И нормальные вроде люди! Ведь такая песня!..

— Варяг! — перебил его нахмурившийся Сквернослов. — Эти нормальные люди сделали атомную бомбу и ХАРП! И применили все это, между прочим!

Варяг молчал какое-то время. Затем обернулся и одарил Вячеслава снисходительной улыбкой.

— Только не те, чья душа умела так петь. Не все так скверно, Славик… Едем дальше…

И луноход снова тронулся с места.

61. HOSPITALITY

Пепельное облако перестало посыпать их грязью ближе к вечеру. День прошел незамеченным из-за мрака вызванного извержением. К счастью сам вулкан остался где-то в стороне, и они так его и не увидели. Окажись он на пути, это вызвало бы проблемы с поиском объездной дороги. Впрочем, связаться с орбитой тоже не удалось и радио более не преподносило сюрпризов, как было с песней Луи Армстронга.

Варяг вышел из лунохода и очистил перископ и стекла от пепла. Затем снова замерил радиацию. Норма. После этого он достал пятилитровую пластиковую бутылку с водой. Вылил воду в чайник из набора космонавтов. Остаток разлил по флягам и отрезал горловину. Набрал снег и растопил его у обогревателя. Вынес обрезок бутылки на улицу и швырнул в нее почерневшие от пепла стропы, которые все это время висели на левом пенале, в котором была спрятана одна из двух антенн. Надел резиновые перчатки до локтей и, засыпав в воду порошка, стал стирать. Все стропы там не помещались, и он стирал их по очереди, несколько раз, заменив воду. Аппарель была открыта, проветривая салон. Тихо гудел компрессор, нагнетающий в баллон уличный воздух. Укутавшийся тулупом Сквернослов смотрел на занятого стиркой Яхонтова и ухмылялся.

— А носки мне не постираешь, а Варяг?

— Я тебя, их сейчас сожрать заставлю, придурок, — беззлобно ответил искатель не прекращая работу.

Вскоре он закончил стирку. Замерил дозиметром снова побелевшие стропы.

— Норма, — удовлетворенно хмыкнул Варяг. Он вылил воду из обрезка бутылки и отшвырнул ее в сторону. Сложил стропы внутри пассажирского отсека лунохода и, закурив трубку, о чем-то задумался. Видимо решив, что мусорить нехорошо даже в таком мире, он побрел за выброшенной бутылкой и подобрал ее. Она валялась метрах в двадцати, укатившись по склону. Подобрав бутылку, Яхонтов направился к луноходу и вдруг остановился. Медленно повернул голову налево. Из снежного бархана, в вечерних сумерках выгладывал человек. Весь закупоренный в ладно сшитую одежду из оленьих шкур с таким же капюшоном. Лицо скрыто шерстяным шарфом. На глазах плотные лыжные очки. На поясе у него висели три небольших окровавленных капкана. За спиной рюкзак чем-то наполненный. В руке что-то вроде ручного гарпуна со стальной стрелой.

— Nice truck. — Сказал вдруг человек, кивнув на луноход. —

Hi. How are you?

— Ноу бэд, — Варяг ответил, тщательно произнося слова и пристально глядя на незнакомца.

Услышав разговор, Сквернослов высунулся из лунохода.

— Колян! Смотри! Абориген! Первый пиндос которого мы встретили тут! — Воскликнул он.

Незнакомец теперь уставился на Сквернослова, явно удивленный его речью.

— What's the language… Where are you from? You are Canadians? Mexicans?

— Ноу, ви а рашшенз, — оскалился Вячеслав.

— Fuck!!! — заорал вдруг человек и, вскинув гарпун, дернул курок.

Варяг успел отскочить, и стрела вонзилась в снег рядом с его ногой.

— Коля! Дай калаш! Я его упакую сейчас свинцом! — Воскликнул Сквернослов, выскакивая из лунохода. — Я первый завалю янкеса! — вопил он с каким-то диким азартом.

Незнакомец дернулся в сторону, но его лыжи перекрестились и, он рухнул лицом в сугроб.

— Идиот! Скотина тупорылая! — заорал Яхонтов. Николай отчего-то сразу понял, что кричит он это не в адрес американца, который его чуть не убил, а в адрес Сквернослова.

— Shit! Shit! Shit! Fucking shit! — вскрикивал американец, понимая, что попал в переплет и, решив, что живым из него не выпутаться. — Don't shoot! Please! Don't kill me!

— Изи мэн! Джаст релакс! Ви донт шут ю! Энд… Мать твою Коля убери нахрен автомат! — кричал Варяг, подойдя к лежащему незнакомцу.

— Но он чуть тебя не убил!

— Это Славик меня чуть не убил! Идиота кусок! Кто тебя за язык тянул, Сквернослов!

— Да я… блин… а что я сказал такого?

— Please! Please! — причитал перепуганный американец.

— Донт ворри! Ви донт шут! Ви гоинг фром пис!

— Чего Варяг говорит? — Николай уставился на оконфузившегося Вячеслава.

— Он говорит, что они твари, а он не шут и пришел писать. Блин, Коля, какого хрена ты у меня спрашиваешь? Я по-чухонски не шпрехаю, — Вячеслав был раздражен и обижен. Виноватым он себя не считал.

Американец вроде успокоился и слегка приподнял голову. Видимо слова Варяга все-таки на него подействовали.

— Russians… You are troops landed? Landing force?

— Эээ… Чего? — Яхонтов все-таки не все понимал из того, что говорил незнакомец.

— Он нас трупами обозвал, он сказал, что мы трупы, — предположил Славик.

— А ты пасть захлопни! — рявкнул на него Варяг. Затем обратился к незнакомцу, — Вотс ю нэйм амэрикан?

— I am not American… not Yankee… I am Aleutian… Joshua… I am hunter. My name Joshua… Don't kill me please… I not the military man and not the policeman… I simple hunter…

Варяг осторожно стянул с него очки. Это был уже далеко не молодой человек. Тип лица его напоминал старого якута Молота.

— Тэл ми, Джошуа, Ю а… как это… ю а хеард а Хоуп Сити? Где это? Вер ит из?

— Hope city? It is far. There. — Он махнул куда-то рукой. И было похоже, что указал он в сторону ХАРПа.

— А ты не оттуда? Ю лив ин Хоуп Сити?

— No. I there was not for a long time. Also did not live there. I the single. The hunter.

Варяг стал напряженно морщить лоб, пытаясь разобрать, что он сказал.

— А где ХАРП, мазафакер хренов?! — крикнул Вячеслав.

— Уйди отсюда! — рявкнул на него Яхонтов.

— Спроси его! — зло крикнул Сквернослов.

— What does he speak? — Пробормотал Джошуа.

— ХАРП, — ответил Варяг.

— What?

— Э-э… как его… Эйч эй эй ар пи. Аврора программ.

Алеутец как-то странно посмотрел на Яхонтова. Даже вытаращил глаза. Затем вдруг резко вскочил, оттолкнув Варяга и ловко встав на лыжи, помчался со склона вниз, к выступающей в долине большой скале, окруженной хвойными деревьями.

— Fuck you! — Заорал он на прощание. — Go to hell, bloody bastards!!!

— Черт, ну не козел, а? — досадливо воскликнул Яхонтов отряхиваясь.

— Коля! Чего стоишь?! — заорал Вячеслав. — Стреляй падлу! Ну же! Уйдет! Уйдет гад! Нам что его, ловить потом по следу?!

— Не сметь! — Варяг выхватил у Николая автомат. Впрочем, Васнецов и не собирался стрелять. — Он ничего дурного нам не сделал! А ты, Славик, просто идиот!

— Это почему?

— По-качану! Что ты лезешь?! Твой номер шестой сиди и не отсвечивай!

— Ах так?!

— Да так!

— Чего лаетесь?! — теперь повысил голос до сих пор молчавший Николай. — Чего не поделили? Славик, ведь Варяг прав… Нельзя так…

— Да что ты? — Вячеслав поморщился. — Это не твою страну случайно они выжгли? Это не твоя мать умерла от радиоактивного дождя?…

— Хватит Славик!

— Нет, не хватит! Там, на своей земле, мы все так охотно применяли оружие! Стреляли! Убивали! Своих, по сути, убивали!

— Кто кому там свой был? — нахмурился Яхонтов. — Черновики? Гау? Бандиты всякие и каннибалы?

— Погоди! Дай договорю! Значит, там мы валили всех направо и налево. А тут мы ведем себя как добропорядочные гости? Да пока мы будем находиться в сомнениях и думать, хороший это человек или нет, то положат нас как кроликов! Пока думать будешь, что он там говорит на своем языке, нас всех на куски порвут! И все! Конец миссии!

— А ты предлагаешь валить всех подряд? Так? И чего тогда достигнет наша миссия?! А если он не враг?!

— Бежит, значит, враг, — зло прорычал Сквернослов.

— Он просто боится…

— ЗНАЧИТ ВРАГ! — повысил голос Вячеслав.

— Да что он нам сделает один? — пробормотал Николай.

— А толпу соберет? А?

— Он сказал, что он одиночка, — отмахнулся Варяг.

— А я сказал, что я Дед мороз! Поверишь?

— Да на чем он нас догонять будет? — поморщился Васнецов, которому категоричность брата порядком уже надоела. — На лыжах за луноходом?

Со стороны той скалы и окружавших ее деревьев послышался собачий лай. Все взглянули туда. У подножья большого холма, на вершине которого они находились, из рощи мчалась прочь от них собачья упряжка.

— Вот тебе и лыжи, — проворчал Сквернослов.

— Он и на собаках запарится за нами идти. — Снова махнул рукой Варяг, — Ладно. Поехали. А то так можно стоять и спорить до скончания времен.

***

Метель снова началась, как только стемнела. Словно отсыпавшаяся предыдущие сутки, буря обрушилась на луноход,

да похоже и на всю Аляску, а может и на весь мир, с новой силой. Казалось, что новая буря была во сто крат сильней предыдущей. Они пересекли относительно невысокий горный хребет. Впереди были еще более высокие горы и густые хвойные леса, которые делали движение более сложным. Радио ничего не ловило кроме шума и треска. Варяг решил устроить очередной привал и остаться на ночлег в ложбине между двумя буреломами. Машину видно не было со стороны и деревья уже поваленные не угрожали упасть на нее. После скромного ужина варяг и Вячеслав довольно быстро уснули. Николай еще долго думал о том охотнике Джошуа, которого они так напугали. Чем-то эта встреча напомнила ему встречу с якутом на роковой реке Лене. Многое напоминает кроме развязки. Разность языков и восприятия друг друга сделали свое дело. А ведь по сути такой же простой человек. Может даже хороший человек. Ведь изначально он был настроен весьма дружелюбно. Как он там теперь в этой буре?…

…костер удалось разжечь при помощи трех выстрелов из автомата со снятым пламегасителем. Физические упражнения пришлось продолжать, пока одежда не стала подсыхать. Даже свежая оленья шкура, пропахшая кровью и животным, не давала возможности просто присесть и отдохнуть. Силы угасали, но надо было двигаться. К вечеру запах крови убитого оленя привлек семейную пару волков. Он не стал их убивать. В автомате были еще патроны. Он швырнул в их сторону останки убитого зверя, оставив себе самое лучшее мясо, которым уже успел насытиться. Волки жадно съели часть, а другую утащили. Видимо волчатам. Однако ночью они вернулись. Ну конечно. Они ведь хищники. Есть останки павшего животного конечно вкусно, но не интересно. Непривычно для хищников, привыкших в тяжком труде добывать себе еде. Куда больше их интересовал человек. Ведь этого требовало их хищническое естество, рвать живую плоть агонизирующего, обреченного человека. Но они боялись костра. Он подбросил в огонь дров и снова снял с себя уже высохшую одежду. Принялся растирать по телу свежий пепел. Затем оделся и стал втирать в одежду эту самую золу. Это помогло отбить от тела запах крови и оленьей шкуры.

— Как же я воняю, — усмехнулся он, глядя на светящиеся в темноте две пары волчьих глаз. — Проваливайте идиоты! Я не хочу вас убивать! Я и оленя-то не хотел убивать, но пришлось, чтобы выжить! Идите к щенкам своим!.. Хотя… Вы ведь тоже хотите выжить… И чтоб щенки ваши выжили… Только не ту добычу вы себе нашли… Я сам хищник…

И он прицелился…

Когда Васнецов проснулся, его товарищи еще спали. В

смотровые щели пробивался слабый свет. Значит рассвело. Шума бури уже не было слышно. Значит утихла.

Николай еще лежал какое-то время, глядя в потолок и смутно понимая, что очередной увиденный сон был продолжением сна предыдущего. Подумал о том, что он значит, но так, ни к чему и не пришел. Затем поднялся и взглянул в перископ. Серая пелена делала наблюдение невозможным. Перископ залеплен снегом. Васнецов взял автомат и, задержав ненадолго взгляд на пламегасителе, оделся и стал выбираться через шлюз. Оказалась, что большая половина лунохода занесена снегом и ему пришлось изрядно повозиться. Наконец он вскарабкался на крышу и расчистил полусферу перископа. Сел на крышу, передохнуть. Отчего-то вспомнилась ночь в подмосковном лесу, когда он побрел в лес и наткнулся на сталкеров… Как же все это давно было… И как далеко отсюда…

Вдруг какая-то бело-желтая куча в стороне зашевелилась. Метрах в тридцати от лунохода, на спине лежал огромный белый медведь. Валялся он задом к Николаю. Лениво раздвинув лапы, он приподнял голову и с каким-то недоумением посмотрел своими черными глазками на человека.

— Вот черт, — пробормотал Николай и передернул затвор автомата.

Медведь неуклюже завалился на бок и встал на лапы. Зарычал.

— Ага. Голодный. — Усмехнулся Васнецов, — Понимаю. Только ты не ту добычу себе выбрал. Я тоже хищник. Я человек. А мы пострашнее будем. Так что вали отсюда. Я не хочу тебя убивать.

Однако белый урсус двинулся на Николая.

— Вот дурья башка. Не понимаешь по-русски, значит? Ладно. По-английски я не умею. Попробуем на универсальном международном языке. — Он вскинул автомат и сделал одиночный выстрел. Пуля вонзилась в снег перед носом у медведя и тот, вздрогнув, бросился бежать в сторону.

— Вот то-то же, — удовлетворенно кивнул Васнецов.

В луноходе послышалась возня. Затем из снега показалась голова Сквернослова. Следом Варяг.

— Что случилось?

— Да вот, гости незваные, — Николай кивнул в сторону медведя. Тот стоял неподалеку, ворчал недовольно и то и дело, поднимая голову, нюхал воздух.

— Черт, ну и намело, — проворчал Варяг, взобравшись на крышу и осматриваясь.

— Медведь обратно бежит. — Сквернослов поднял свое

оружие.

Зверь действительно мчался обратно к луноходу, низко пригнув голову.

— Жрать хочет, — кивнул Николай и прицелился.

— Впустую не лепи. Бей в голову. Патроны не трать. — Предложил Славик.

— Жалко мишку. Отпугну только…

— Жалко у пчелки. А у него когти и клыки. Он порвет и ему начхать на твои симпатии к нему. Бей, не отвяжется ведь.

Варяг поднял лежавший все время их пути без дела арбалет, который подарили ему Язычники во время возвращения из последнего рейда.

— Варяг, может не стоит? — Вздохнул Николай.

Медведь резко побежал в сторону, словно почуяв угрозу. Он отошел на прежнее расстояние и стал снова нюхать воздух.

— Ладно, — кивнул Яхонтов, — Откопайте дверь и едем дальше. Я его на мушке пока подержу.

Все время, что Николай и Вячеслав освобождали от снега водительскую дверь, медведь держался на почтительно расстоянии но, судя по, всему идея о том, чтобы напасть на людей, его не покидала. Наконец все заняли свои места в машине и, о присутствии большого хищника можно было не беспокоиться. Яхонтов сел на место водителя и завел луноход. Машина гудела, но не хотела выбираться из сугроба. Только через десять минут раскачиваний машины и протестующего завывания трансмиссии, сдабриваемого руганью Варяга, луноход все-таки выбрался из своей белой западни и двинулся дальше.

***

Еще один день безмолвия и пустоты. Хотя эта пустота была относительной. Теперь они двигались среди гор и холмов, поросших хвойными лесами. Однако никаких следов человеческого присутствия им так и не попадалось. Ближе к вечеру, примерно в то же время суток, когда они случайно поймали по радио сигнал с песней Луи Армстронга, Варяг вскарабкался на вершину одной из гор и снова стал слышать радиоэфир, остановив машину. Погода была спокойной и радио оправдала ожидания путников.

— Attention! The survived people of the earth! Tells radio the Hope City. We have survived. We are live. We hope that we not one civilized people on this planet. We are on the bank of Lake Louise. — Говорил все тот же немолодой и обреченный голос. — This lake on

Alaska. The United States of America.

Варяг схватил атлас и стал его судорожно листать.

— If you wish to go to us remember, by the way of you many dangers wait. — Продолжал голос.

— Озеро Луис… Озеро Луис… — бормотал Варяг, ища что-то в атласе.

— HUMANIMALS! They are cannibals. Ruthless creatures. Generation of nuclear war. Fiends! They were once people. But only not now. They everywhere. They round us!..

— Так. Вот Аляска. Вот тут ХАРП… Да. Он тут. А где этот город? — Яхонтов почесал бороду.

— We maintain their impact. But we urge all people remaining to unite people for revival. For this purpose what to reject pressure of the monsters grasping our world.

— Лэйк Льюис! Хоуп Сити! — Воскликнул Варяг, — Нашел! Нашел, черт возьми!

— All civilised people should unite! We have survived to live!

И снова полилась из динамика та чарующая мелодия и голос Луи Армстронга, умиляющегося от воспеваемого им прекрасного мира.

— Да это же… Всего в ста километрах от ХАРПа! Даже чуть меньше!

— Вот как? — нахмурился Вячеслав. — Так может они его охраняют? Чего они говорят вообще?

— Что они цивилизованные люди. И призывают объединяться выживших. А еще вокруг них орудуют какие-то хюманималы. Людоеды и дикари.

— Дикари, — Сквернослов усмехнулся. — Ну конечно. У них все дикари. Сначала были индейцы на своей земле дикарями. Потом негры рабами-дикарями. Потом для них были дикарями япошки, которых они приласкали атомной бомбой. Потом вьетнамцы, корейцы, сербы, иракцы, иранцы, русские. Все короче кругом дикари, а они одни возлюбленные Иисуса Христа и богом избранные чтоб нести дикарям свет демократии через пепелища городов. Короче, Варяг. Идут они в жопу со своим радиошоу. На кой черт ты ищешь их на карте? Зачем это вообще нам надо?

— Славик, — Варяг вздохнул и пристально посмотрел на Сквернослова. — Ты знаешь, как переводиться Хоуп Сити?

— Нет. А какое это имеет значение? — раздраженно поморщился Вячеслав.

— Большое. Это Город Надежды. Надеждинск. Понимаешь?

Николай вздрогнул, услышав название родного города и, уставился на Яхонтова. Однако на Сквернослова это не произвело никакого впечатления.

— Варяг, ты часом не заболел? А? Какой еще Надеждинск? Надеждинск там! — он махнул рукой, — Недалеко от выжженной Калуги! Южнее разгромленной Москвы! Какой нахрен Надеждинск!

Песня стихла, и обреченный голос закончил эфир словами:

— This is Hope City radio, we pray for your survival. It is the end of our daily transmission, take care. Bay.

И снова воцарилась тишина. Варяг хмурился от своих мыслей. Сквернослов от мыслей Варяга. А Николай был взволнован. Что-то судьбоносное было в этом Хоуп Сити. Американском Надеждинске. Что-то символичное. И словно все было так, как давно кем-то задумано. Словно они, подчиняясь чьему-то замыслу, совершенно не случайно наткнулись на этот радиосигнал. Разве мыслимо это, пройти половину северного полушария и услышать голос города побратима поневоле, с той же обреченностью в том самом голосе, какой царил и в подвалах Надеждинска? Нет. Это не случайно. Это судьба. Как судьба свела его, Николая со Сталкерами. С Людоедом. С дневником дяди и со следами отца…

— Попробуй связаться с ними, Варяг, — предложил он.

— Ладно. Попробую. — Яхонтов пощелкал чем-то на панели и стал говорить, — Атентон! Итс войс фром сорвайд… сурвайвед… блин, — он дернул головой, поморщившись от собственного произношения, — Хоуп Сити, ансвер. Ю хиер ми? Плиз, Хоуп Сити. Ансвер. Кэн ю хиер ми?

Никакого ответа не последовало. Варяг повторил свой монолог, затем пощелкал еще на панели и повторил в третий раз. Тишина.

— То ли мощности передатчику не хватает, толи еще что. Прием ловит и исходящий не проходит. Или я не до конца разобрался в этом приборе.

— Неужто он сложнее, чем управлять самолетом? — спросил Васнецов.

— Еще бы.

Николай повернул голову в сторону Сквернослова, желая понять, отчего тот затих. Славик сидел молча и пристально смотрел в потолок.

— Мужики, мне очень совестно прерывать вашу милую беседу, но неужели вы, мать вашу, не чувствуете что у нас на крыше кто-то есть? — тихо проговорил он.

Николай тут же прильнул к перископу. Он осторожно стал его вращать, в поисках того о чем говорил Сквернослов. На крыше действительно кто-то был. И движение полусферы перископа побеспокоило его, поскольку стало отчетливо ощущаться

шевеление кого-то весьма большого и тяжелого.

Вячеслав недоуменно посмотрел на то, как лицо Николая расплылось в улыбке.

— Колян, ты чего скалишься? Уж не Нордику ли ты опять на крыше увидел?

— Да это мишка, — Васнецов продолжал улыбаться, глядя в смотровой прибор.

— Кто? — удивился Варяг.

— Ну, белый медведь.

— Тот самый? Это же, сколько мы его на себе протащили?

— Не знаю тот или не тот. Но он разлегся на крыше лунохода. — Васнецов пожал плечами.

Славик взял автомат и стал колотить прикладом по потолку.

— Исчезни падла! Слазь! — закричал он. — Кто за проезд платить будет, сучье отродье!

Стало слышно, как медведь недовольно рычит, и почувствовалось, как он ерзает.

— Сейчас я его стряхну. — Ухмыльнулся Варяг и, убрав внешние антенны обратно в пеналы, завел двигатель машины. Луноход сначала медленно стал съезжать с вершины горы, затем набирая скорость, помчался вниз по склону, к раскинувшемуся у подножья лесу. — Парни, держитесь!

Казалось, так быстро луноход еще никогда не ехал.

— Ну что? — спросил Вячеслав.

— Держится! — воскликнул Николай, глядя в перископ. Он был восхищен настойчивостью зверя.

— Вот же урод.

Машина буквально влетела в лес. Деревья тут стояли достаточно редко, и Варягу не составляло особого труда лавировать. Но он старался, чтобы еловый лапник хлестал по корпусу. Несколько ударов ветками по морде медведя заставили его, наконец, покинуть машину.

— Все. Слетел. — Кивнул Николай.

— Ариведерчи, — усмехнулся Вячеслав. — Нам будет тебя не хватать, говнюк.

Проехав через лес, машина снова стала карабкаться на гору. На сей раз, она была значительно выше и круче предыдущей. Ползли к вершине долго, но объезд ее сулил быть еще более долгим. С одной стороны неприятного вида ущелье, плотно заросшее деревьями. С другой, скалистые образования. Вершина горы их уже встретила сумерками. Сумерками и выходом массивного пласта породы слева от машины.

— Господи, что это, — выдохнул Варяг, глядя вперед. Там, за огромной долиной ощетинившейся полумертвым лесом, высилась

массивная горная гряда, на которую уже наступала ночь. Но вершины этой гряды, и тучи за ней, мерцали странным красноватым свечением.

— Да это же… Вспомните фотографии из космоса! Большое красное свечение в облаках в районе ХАРПа! Это как его… — Николай, затряс руками, вспоминая слово.

— Ионизация, — помог ему Сквернослов.

— Точно! Ионизация! — он просунул руку во внутреннее окно и стал трясти за плечо Варяга. — Это ХАРП! Мы уже близко!

— Н-да. Похоже, что уже скоро, — Кивнул он и снова стал колдовать с радиопередатчиком. Эфир молчал и Яхонтов повторил попытку связаться с Хоуп Сити.

— Хоуп Сити, ансвер. Ю хиер ми? Плиз, Хоуп Сити. Ансвер. Кэн ю хиер ми?

И снова безрезультатно.

Яхонтов взял автомат и обратился к Николаю.

— Медведя нет? Посмотри.

— Нету, — мотнул головой Васнецов, осмотревшись при помощи перископа. — А ты что, на улицу собрался?

— Да. Хочу осмотреть антенны. Этот зверюга мог их повредить в тот раз.

— Открой аппарель. Мы тоже выйдем. — Предложил Вячеслав.

— Ладно, — Яхонтов нажал на кнопку и выскочил из лунохода.

Он и Сквернослов принялись осматривать антенны. Васнецов встал впереди машины и пристально смотрел на горящий багровым сиянием горизонт. Чем темнее становилось небо, тем ярче становилось это зловеще свидетельство работоспособности ХАРПа.

— Недолго тебе осталось, сволочь, — пробормотал Николай. — Погоди. Доберусь я до тебя.

Варяг тем временем спрыгнул с крыши. Славик последовал за ним.

— Вроде нормально все. — Сказал Яхонтов. — Ну что. Ужин и ночевка?

— Ну да, — кивнул Сквернослов. — Только вот, что-то дни стали проноситься быстро как-то. Так и жизнь вся пройдет.

— Типун тебе на язык. — Проворчал Варяг.

— А тут разве не должно быть полярного дня, или ночи? — Поинтересовался Вячеслав.

— Должны. Но это вроде севернее. Мы сильно на юг Аляски ушли. Вреде как… Вообще я не знаю в каких мы сейчас широтах. Главное, есть ориентиры. Горы эти…

— И сияние ХАРПа, — добавил Николай. — Теперь не заблудимся.

***

Прошедшая ночь оказалось спокойной. Буря не повторилась. С рассветом все вышли из лунохода справить нужду перед продолжением своего похода. Ничего не предвещало беды…

Первым к луноходу повернулся Варяг. Он тут же вскинул автомат и присел на одно колено.

— Снять оружие с предохранителей, живо, — тихо скомандовал он.

— Что случилось? — спросил Николай и тут же понял, что встревожило Яхонтова. В гусеницу машины, в район маховика, был вставлен камень. Он не мог сам туда попасть. И уж точно не медведь его туда засунул. Васнецов забежал к другому борту машины. Там та же картина. Кто-то заблокировал гусеницы и ждал, когда экипаж покинет свою машину.

— Коля, вынь камни, быстро. Славик, не смотри в ту сторону куда я. Смотри в другую. Они рядом. Я чую.

— Как думаешь, кто это? — спросил Сквернослов тихо.

— Не знаю. Но поступили они очень не гостеприимно.

— А что, при случае отблагодарим ублюдков?

Николай с трудом вынул первый камень и тут до его слуха донесся свист рассекаемого воздуха. Затем крик Вячеслава.

Васнецов резко развернулся. Славик лежал на снегу и, из его правого бедра торчало копье.

Варяг дал очередь в сторону торчащей в стороне от машины скалы. Снова свист. Яхонтов перекувыркнулся и в то место где он был мгновение назад, вонзилось три копья.

— Твою мать! — орал Сквернослов. Николай подбежал к нему и попытался затащить в машину но Вячеслав оттолкнул его. — Пусти! Стреляй лучше!

— Где они?!

— Повсюду! — воскликнул Варяг и метнул куда-то гранату. Она как на зло не взорвалась. — Черт, зараза! Коля! У нас по одному рожку! Давай боеприпасы доставай!

Васнецов нырнул в открытую аппарель и, тут же рядом о корпус лязгнуло очередное копье. И все вокруг наполнилось дикими воплями и рыками. От скалы, из сугробов, из ближайшего бурелома на склоне выскочили какие-то странные существа. Ну конечно это были люди. Они были плотно завернуты в разные, грубо выделанные звериные шкуры. На лицах респираторы. На

глазах плотно прилегающие очки с круглыми стеклами. Головы так же обмотаны шкурами. Руки обмотаны шкурами. Ноги обмотаны шкурами. Они походили на зверей. Они и не говорили ничего. Только неистово вопили, рычали и улюлюкали, идя в яростную атаку взмахивая копьями. Вот кто-то из них метнул свое примитивное оружие, и Варяг упал ничком. Попали!

— Суки!!! — Васнецов дернул крышку ящика Ильи. Бомба! Вставить предохранитель! Повернуть до щелчка! Все нахрен тут взорвать! Нет… ПУ-ЛЕ-МЕТ!!!

Раненный Славик огрызался из автомата и матерился. Варяг тоже еще был жив и стрелял!

— Коля! Где ты черт тебя дери!!!

— Черт, черт, черт, — бормотал Васнецов. — Как же это работает… Вот кажется Илья делал так… Какой же он тяжелый!!! Как отец его таскает в метро?!..

— Патроны Коля!!!

Васнецов схватил мешок с рожками для Калашникова, снаряженными надкусанными пулями и швырнуло его товарищам.

— Чего возишься! Помоги огнем падла!

Какой тяжелый…

Стволы закрутились и изрыгнули ураган смерти. Николай подал тело вперед, поскольку чувствовал, что теряет равновесие от стрельбы. Запрыгала сбоку пожираемая жадным на боеприпасы оружием лента… Двух ближайший «шкур» разворотило в клочья. Остальные залегли в снег. Кто-то решил попытать счастья и метнул в Николая копье. Счастье ему не улыбнулось. Пули снесли ему полбашки, а копье скользнуло по плечу бушлата Васнецова. Николай, наконец, не выдержал и упал, увлекаемый тяжестью оружия. Сзади хруст шагов. Васнецов развернулся, срывая с плеча автомат и наотмашь свернул нападавшему челюсть прикладом. Варяг уже поменял рожок и дал короткую очередь в ближайшего вскочившего врага. Надкусанные пули разорвали его торс, смешав ребра и кишки со звериной шкурой в которую тот был замотан.

Еще один зашел в тыл. Он сделал выпад копьем. Николай увернулся и краем глаза заметил, как задралась звериная шкура у того на руке, оголив запястье. Васнецов тут же впился врагу в голове запястье и разорвал ему вены. Враг заревел от боли и выронил копье. Васнецов подхватил его и вонзил «шкуре» в горло. Затем снова взялся за автомат, чувствуя как противоестественный азарт кровопролитья, заполняет его разум, как это было в Вавилон. Его лицо перекосилось от злобной звериной ухмылки. Он швырнул автомат вперед и схватился снова за пулемет. Теперь

он не казался тяжелым. Ярость, триумф ненависти в душе, наделили его силой и снова закрутились стволы. Он двигался вперед к отброшенному автомату, поливая нападавших свинцом и своей яростью. Он упивался тем как брызжет кровь из неприятельских «шкур», как они отлетают под градом пуль и кубарем катятся вниз по склону. Лента кончилась. Он бросил пулемет в снег, который зашипел от разогретого оружия. Снова поднял автомат и стал убивать теперь и из него. Очевидно, эти полулюди совсем не ожидали, что их потенциальная добыча обладает такой огневой мощью. Те, кто еще мог стоять на ногах, стремительно отступали, мчась по склону вниз, в ту сторону, откуда вчера приехал луноход. Больше никто не атаковал и не метал копий. Николай встал на склоне и стал одиночными выстрелами останавливать бегущих врагов пулей в спину. Попал. Еще попал. Третий. А вот тут мимо. Жаль патрон. Опять мимо. Они все дальше и попасть сложнее. Он развернулся и пошел к своим товарищам. Вокруг лежали трупы врагов. Кто-то стонал. Васнецов подошел и прислонил дуло автомата к голове раненого. Патроны… беречь надо. Он поднял лежащее копье и вонзил раненному в сердце.

— Эй! Не добивай! Погоди! Допросить надо! — крикнул Варяг.

— Ты как?

— Да я в порядке. Тулуп проткнули да жирок поскребли на боку. У Славки рана похуже…

— Херня, — простонал Сквернослов и заорал, когда Варяг выдернул торчащее из его бедра копье. — Живодер мать твою!!!

— Тихо братишка. Терпи. Бог терпел и нам велел. Коля! Смотри, чтоб ублюдки не вернулись. Я жгут ему сейчас наложу!

— Хорошо…

В стороне, у скалы, еще кто-то стонал и дергал рукой. Николай двинулся к нему и вдруг заметил, как из-за уступа на него смотрит белый медведь. Тот самый. Он смотрел то на раненного в шкуре. То на Васнецова. Видимо желая взять добычу и опасаясь второго, понимая, какую угрозу тот может для него представлять.

Васнецов сделал два шага назад и качнул стволом автомата.

— Забирай, — сказал он медведю.

Белый урсус осторожно подошел к раненному и, не сводя глаз с Николая, раскрыл пасть и, схватив челюстями раненого за голову, потащил его за скалу, пока обреченный человек в шкуре дергал ногами и мычал от ужаса.

Варяг наложил жгут, обработал рану и, взглянув на часы, послюнявил химический карандаш и написал на ноге Вячеслава

время. Затем осмотрелся.

— А что, раненых больше не осталось?

— Такой пулемет и надкусанные пули таких шансов не дают. — Проворчал Николай, чувствуя опустошение после недавнего всплеска адреналина.

Яхонтов подошел к ближайшему трупу и сорвал с него респиратор и очки.

Глаза у того были открыты. Огромные белые глазные яблоки с совершенно крохотными черными точками зрачков. На худом и вытянутом лице совершенно белая кожа с чернотой вокруг глаз. Почти черные губы изуродованного цингой рта.

— Господи, что за отродье… Слышь, Славик. Мы тут, кажется, Мэрлина Мэнсона грохнули. Вот незадача…

— Кого? — простонал Вячеслав.

— Да ладно. Шучу. Коля. Помоги загрузить его в машину. И оружие подбери. Валить надо поскорее. Этот медведь… Не знаю, ел он раньше человечину или нет, но сейчас он ее опробует. Потом вообще от нас не отвяжется.

— Да вон у него, сколько пищи валяется.

— Эта пища никуда уже не убежит и он это понимает. А находится рядом с каннибалами, я не хочу. Будь то медведи, или люди.

— Думаешь, на нас напали людоеды?

— Да, Коля. Они самые. Уж поверь. У всех людоедов в любой точке земного шара и любой национальности, черты одни и те же.

— Гостеприимное местечко, эта Аляска, — простонал Вячеслав.

62. THE LAST HOPE

— По сути, они полные лохи, — произнес Варяг, отмачивая бинт с засохшей кровью на ноге у Вячеслава.

— Почему? — спросил Николай.

— Они замотаны в шкуры. Причем так, что явно проводят в них все свое время. Это значит, что у них путевого жилища нет. Примитивное. В такой одежде им тяжело драться и даже копья свои метать. Неудобно.

— Моя ляжка говорит о том, что копья они как раз метать могут, — проворчал Сквернослов.

— Да это скорее повезло…

— Кому повезло? — протестующее воскликнул Вячеслав.

— Ну, им конечно. Явно не тебе, — ухмыльнулся Варяг. — В общем, дикие они. Я так ни одного внятного слова и не услышал. Все орали как неандертальцы какие-нибудь. Оружия нет. Тактика примитивная. Бежать толпой и ором давить на психику. Вездеход то они наш заблокировать камнями догадались, но выход наш из машины прошляпили. Видимо, система дозоров тоже не отлажена. Ну и уроды они полные. Скорее всего, они все относительно молодые. Потому как при их образе жизни продолжительность жизни едва ли достигает тридцатника. Бледные, худые и недоедающие. Цинга. Мышечной массы вообще нет у большинства.

— Они как морлоки, — тихо произнес Николай.

— Не мудрено. Когда признаки цивилизации и общества исчезают, большинство таковыми и станет. — Варяг размотал повязку и осмотрел рану. Нахмурился, покусывая ус.

— Чего там, а? — нервно спросил Вячеслав.

— Да ничего, — вздохнул Яхонтов.

— В смысле? Плохо все, да?

Варяг не отвечал, хмуро глядя на рану.

— Ну чего ты молчишь?!

— Не паникуй, — тихо проворчал искатель и стал осматривать содержимое большой брезентовой сумки с красным крестом. — Не то… Не то… Черт… Пенициллин… Херня… Мало… Не то…

— Я не хочу как Юра. Слышишь? Варяг! Коля! Я не хочу, так как Юра черт вас подери! — воскликнул Сквернослов.

Яхонтов поднял с пола кабины обрезок пластиковой бутылки и протянул его Николаю.

— Сполосни горячей водой и вот этого порошка туда добавь, когда мыть будешь.

Васнецов сделал, как велел ему Варяг. Тщательно промыл емкость и вернул ее Варягу, который прокалывал рану Вячеслава.

— Хорошо, — кивнул Яхонтов и обратился к Сквернослову, — Слушай, Славик. Дела серьезные. Тебе медпомощь нужна. У нас тут с лекарствами трудности.

— Какая медпомощь, Варяг?! — Вскрикнул Вячеслав. — Какая к чертям тут помощь?! Горы, елки, палки, медведи, уроды какие-то с копьями! Кто мне поможет?! Ну, скажи как есть?! Хана мне, да?!

— Нет. И не ори. Легче тебе от этого не станет. Я сейчас приготовлю тебе отвар. Будешь пить. Захочешь писать, поссышь в эту бутылку.

— Зачем?!

— Надо. Потом половину мочи надо влить в рану. Другую половину тебе надо будет выпить.

— Что?! Ты в своем уме?! Я должен буду пить это дерьмо?!

— Не дерьмо, дурак, а мочу. Твою собственную. Это твоя отработанная кровь. Чего боишься?

— Да зачем это, Варяг?!

— Чтоб гангрены не было. Вот зачем.

— Черт… Черт!!! Твою мать!!! — Вячеслав зажмурился и яростно стал бить себя кулаком по голове. — Мать твою!!! Как же я попал!!! Черт!!!

— Славик, успокойся! Это поможет! — Яхонтов схватил его за руки, — Успокойся! Помнишь Малашенко старшего? Искатель из моей бригады. Помнишь? Ты с его сыном вместе учился. Так вот несколько лет назад он в рейде нарвался на какое-то ржавое железо. Вспорол себе ногу. Серьезная и грязная рана получилась. Так он вообще без всяких лекарств своей мочой излечился пока мы обратно шли. Не паникуй.

— Да иди ты к черту! — Сквернослов вдруг заплакал. — Идите вы все к черту!

У Николая сжалось сердце. Он вдруг ясно осознал, что может теперь потерять еще и своего брата. Пусть не родного. Не от общих родителей. Но настоящего брата. Пока Варяг пытался его успокоить, Васнецов стал прибирать все оружие и прятать его подальше от Вячеслава. В его ушах сейчас гремел тот роковой выстрел, которым Юра Алексеев прервал собственную жизнь…

***

Яхонтов выжимал из лунохода все что мог. Теперь не просто надо было спешить к ХАРПу чтобы его уничтожить и спасти

абстрактное и далекое человечество. Сейчас надо было спасать Вячеслава. Одного человека. Своего. Близкого. Родного. И единственной надеждой был призрачный Хоуп Сити.

— Колян, — тихо позвал лежащий в пассажирском отсеке Вячеслав. — Ты зачем убрал оружие? Где мой автомат?

— Зачем он тебе? — нахмурился Васнецов.

— А если нападут? Отдай мне мой автомат. Коля. Слышь? Отдай. — В тоне Сквернослова было что-то нехорошее. Что-то параноидальное. Нет, ему оружие явно не для обороны нужно.

— Если нападут, мы и вдвоем сможем отбиться. Ни к чему тебе…

— Вот как? Вот значит как братишка? Ты меня уже списал да? Я уже, по-твоему, оружие в руках держать не могу? Дай мне его. Не будь падлой.

— Заткнись…

Машина пересекла очередную долину, лавируя между деревьями. Снова подъем в гору.

— Давай… Давай… Давай детка быстрее… — бормотал Варяг, явно недовольный скоростью подъема.

— Черт, — прорычал Сквернослов.

— Чего такое? — Васнецов подскочил к нему.

— Мне от этого отвара ссать хочется! — крикнул Вячеслав.

— Это хорошо! — ответил Яхонтов из передней кабины. — Только потерпи до вершины. Если сейчас остановлюсь, потом скорость долго набирать будем.

— Быстрее, — простонал Славик.

— Потерпи!

Вездеход карабкался по склону вверх, а гора казалось все круче и выше. Варяг, управлявший машиной, теперь был напряжен, наверное, еще больше чем при первом взлете Ил-76. Вскоре стало ясно, что вершины вообще не видно. Облачность была настолько низко, что пик терялся в тучах. Либо местность, в которой они сейчас находились, была настолько высоко. Видимость стала практически нулевой из-за облачности, в которую, наконец, въехал луноход. Но и уклон практически исчез, и машина теперь ехала по почти ровной поверхности. Яхонтов остановился.

— Давай Славик! — крикнул он.

Вячеслав медленно взял обрезок бутылки и зло посмотрел на Николая.

— Уйди, — рыкнул он.

— Ты чего? — Васнецов развел руками.

— Я так не могу. Варяг! Скажи ему, чтоб вышел!

— Ладно. Коля. Выходи.

Николай нехотя взял автомат и выбрался через шлюз на улицу. Там уже находился Яхонтов, который тут же полез в пассажирский отсек.

Они действительно были высоко. Дышать было трудно. Холод резал ноздри и проникал под одежду. Ветер гнал нескончаемые тучи, которые обтекали вершину и находящийся на ней луноход. И конечно Николая.

Васнецов попытался укрыться от незнающего здесь преград ветра за корпусом лунохода, но ветер настигал всюду. К счастью ждать пришлось не долго. Варяг вышел из лунохода и направился в водительскую кабину, хлопнув Николая по спине.

— Лезь обратно. Едем дальше.

Спуск был еще медленней. Торопиться было нельзя пока они не покинут эту окружавшую горный массив облачность. Приходилось тщательно подбирать путь, чтобы не попасть на чрезмерно крутой участок или во избежание столкновения с породой.

В кабине сильно пахло мочой. Вячеслав отвернулся к стене и укрылся одеялом. Он не желал никого видеть и явно не горел желанием, чтоб видели его.

Николай вздохнул, бросив на него взгляд. Они рано обрадовались, увидев красноватое зарево над горами. До ХАРПа еще далеко, а над ними уже нависла угроза очередной потери. Что если они не дойдут? Сгинут, один за другим… Что тогда? Тогда никто и ничто не остановит гибель земли. И сгинут все. В том числе и конфедераты, которые дрались ради того, чтобы эта миссия удалась. И рейдеры, которые пожертвовали самолет и, в конце концов, помогли черновиков, дабы этот самолет смог улететь. И люди Новой республики. А ведь они все ждут благополучного исхода миссии. Да что там… Вся планета с надежной смотрела сейчас на них…

***

Очередной вечер на Аляске. Луноход остановился из разверзшегося впереди ущелья. Варяг быстро выбрался из машины, пока еще в сумерках можно было что-то вокруг разглядеть. Он стоял перед луноходом в паре десятков метров от обрыва и смотрел в бинокль. За ущельем были невысокие сопки покрытые лесом, а дальше долина, за которой был еще один хребет.

— Черт, как это объехать теперь, — проворчал Яхонтов. Он посмотрел по сторонам. Справа склон достаточно плавно уходил

вниз и возможно там можно было спуститься. Варяг так и решил поступить.

Теперь о том, чтобы переждать ночь, не могло быть и речи. Надо было как можно скорее выйти на поселение, чтобы спасти Вячеслава. Луноход теперь двигался с зажженными фарами и был виден далеко в ночи. Они достигли долины к полуночи, и Варяг сразу добавил скорости. Еще примерно через час проснулся Сквернослов и Яхонтов остановил машину, чтобы перебраться в пассажирский отсек и сделать перевязку.

— Ну что там? — тихо спросил подавленный Вячеслав, когда Варяг в очередной раз осматривал рану.

— Преждевременно делать пока какие-то выводы. Но хуже не стало и это уже хорошо.

— А есть куда хуже?

— Конечно, есть. Ты ведь еще жив, — невесело пошутил Яхонтов.

— Спасибо, блин.

Варяг закончил перевязку и выбрался через шлюз. Николай снова прильнул к перископу. Ночной визир показывал только черноту леса и зеленоватые стволы хвойных деревьев. Ничего подозрительного видно не было. Но вот Варяг отчего-то так и не появился в водительской кабине. Может до ветру подался? Васнецов стал крутить перископом и вдруг увидел, как от кормовой части машины на белом снегу который в визоре был светло-зеленым, какие-то две черные тени тащат безжизненное тело. Варяг!

Николай отпрянул от перископа и тяжело задышал от волнения.

— Колян, что случилось? — пробормотал Сквернослов.

— Ничего, — дернул головой Васнецов. — Сиди спокойно. Я сейчас.

— Да что случилось то?!

— Ничего говорю! — Он схватил автомат и языческий меч Варяга. Подсумок с гранатами. Немного подумав, он заменил свой «Калашников» на «Винторез». Затем схватил плюшевого медведя.

Сквернослов с недоумением смотрел на это и молчал.

Николай понял, что Варяг попался на выходе из шлюза. Значит надо быть хитрее. Он закрыл за собой внутренний люк и открыл наружный. Холод ударил в лицо. Все вокруг было темно кровавых тонах. Ночь здесь не была совершенно черной из-за сияния ХАРПа в облаках. Вон в нескольких десятках шагов кто-то тащит тело Варяга. Жив он или нет?

— Земля… — тихо прошипел он с ненавистью, — Слушай

меня внимательно. Если еще кто-то из моих друзей погибнет, я приговорю тебя. Я взорву бомбу прямо здесь и сожгу этот проклятый лес, и уже никто не уничтожит ХАРП. И пусть он тебя насилует пока ты не здохнешь.

Он осторожно стал высовывать голову плюшевого медведя в наружный люк. Не успела голова высунуться, как кто-то слева от люка обрушил на нее удар дубиной. Медвежонок выпал на улицу. Тут же возникла черная тень и схватила медвежонка, недоуменно вертя его в руках. Справа возник еще один неизвестный. Он что-то пробубнил непонятное и они разом уставились на чернеющий перед ними шлюзовой люк. На них уже смотрел ствол «Винтореза». Первый щелчок и тот, кто ударил медвежонка, упал ничком с простреляннной головой. Второй неизвестный вскрикнул и еще один щелчок вогнал ему пулю в горло. Однако те, кто тащил Варяга, услышали вскрик своего подельника и, оставив тело, бросились к луноходу. Справа, среди деревьев, послышался интенсивный скрип снега. Там был еще кто-то. И далеко не один.

Васнецов вынырнул из шлюза и, упав в снег рядом с двумя убитыми им нападавшими, тут же развернулся в сторону машины. Там еще кто-то мог быть а те двое пока достаточно далеко… Так и есть. От правого борта машины на него бросилась еще одна тень с копьем в руках. Николай выставил перед собой меч и нападавший напоролся на его лезвие животом. Васнецов отпустил «Винтарь» и, схватившись двумя руками за рукоять меча, провернул его в брюхе хрипящего в предсмертной агонии врага, затем выдернул меч и, развернувшись, метнул его в бегущую к нему пару тех, кто схватил Яхонтова. Ему повезло, провертевшись в воздухе, холодное оружие язычников вонзилось в грудь как раз тому из них, у кого в руках был автомат Варяга. Николай тут же припал к снегу, схватил свой автомат и прыгнул в сторону. Вовремя. Мимо просвистела стрела пущенная видимо из лука или арбалета.

Васнецов, наконец, убил четвертого выстрелом «Винтаря» и стал перебежками двигаться к лежащему в снегу Варягу. Со стороны леса раздались злобные вопли.

— Черт, опять эти психи в шкурах. — Проворчал он, поняв, наконец, с кем имеет дело. Мимо засвистели стрелы. Да. Эти на более высокой ступени. Не с копьями примитивными. С луками на сей раз. Он закатился за поваленное дерево и достал из висящей через плечо сумки пару гранат. Осторожно выглянул. В ствол дерева вонзилось полдюжины стрел… ударилась пара копий… В ответ полетели гранаты и Николай опустил взгляд, чтобы не смотреть на вспышку. Взрыв. Еще один. Теперь над опушкой стали разносится не вопли источающие угрозу, а визги

боли и страха. Кажется, среди криков были даже женские. Васнецов сделал еще несколько выстрелов и наконец, достиг тела Варяга. Обхватил его тело одной рукой, а другой, держа оружие, потащил товарища к машине.

— До чего же ты тяжелый, дядя Варяг, — проворчал он.

Из леса бежала уже вторая волна нападавших. В ногу ударилось копье. Николай упал и тут же со страхом подумал, что с ним будет то же что и со Славиком и тоже придется пить собственную мочу. Но нет. Копье не ранило его. Только больно ударило и сбило с ног. Он бросил в настигающего врага еще две гранаты. Со стороны лунохода послышалось лязганье. Что это? Неужели они уже у машины и ломятся в нее теперь? Он повернул голову и посмотрел в сторону лунохода. Внезапно, в открытом люке шлюза что-то засвистело и, затем возникла яркая вспышка. И тут же громогласно возвестил о себе пулемет Людоеда.

— Славик, — улыбнулся Васнецов.

Пули вздымали снег и потрошили бегущих за Николаем врагов.

— Коля! Давай сюда! Я прикрою! Я разнесу к херам всю Америку за то, что мне собственные саки теперь пить приходится, падлы! Ты живой?!

— Да! — крикнул в ответ Васнецов и, схватив Варяга, снова потащил его. Однако Яхонтов вдруг дернулся, вывернулся и схватил Николая за горло.

— Варяг, это я, — захрипел Васнецов вырываясь.

— Черт, Коля, как же меня по башке то жахнули мрази… — проворчал он.

— Ты живой, слава богу. Бежим!

Они настигли трупы тех двоих, что напали на Варяга. Яхонтов схватил свой автомат и выдернул меч из мертвого тела. Пулемет перестал грохотать, и его сменили звуки «Калашникова». Видимо у шестистволки кончились патроны. Варяг и Николай настигли машину, и припали в сугроб, целясь во врагов.

— Варяг, ты живой?! — послышался из шлюза крик стреляющего Сквернослова.

— Не дождешься матюгальник, — огрызнулся Яхонтов и тоже стал стрелять.

— А чего ты с ними не любезничаешь? Чего не говоришь им, что мы пришли с писом? А?

— Это не те, с кем стоит любезничать.

— Да что ты? — засмеялся Вячеслав.

— Заткнись а!

Внезапно со стороны леса послышались выстрелы.

— Черт! — воскликнул Николай. — У них огнестрельное

оружие?!

— Кажется, стреляют не по нам, — мотнул головой Варяг. — Звук не такой. Славик, а ну кончай палить!

Стрельба в лесу была интенсивной. Но стреляли действительно не в сторону лунохода. Лес заполнился криками «шкурников» и слышались шумы моторов снегоходов. Однако света фар видно не было. Среди деревьев метались паникующие дикари. Вот группа «шкур» побежала через опушку, и за ними выскочил снегоход. Черный с красными отсветами от зловещего сияния в ночном небе. На нем двое. Водитель и вооруженный седок. Настигли одного варвара и, седок вонзил ему в спину топор. Второго сбил с ног ударом приклада. Еще двоих сбил с ног. Старался видимо экономить патроны. Однако следом ехал еще один снегоход и его седок добивал сбитых с ног «шкурников» обоюдоострым топором с длинной рукояткой.

Бойня в лесу и на его окаринах продолжалась минут пятнадцать. Потом вдруг все резко стихло. В том числе и шум моторов. Однако судя по тому, как внезапно смолкли снегоходы, они не уехали. Он были заглушены. И люди на них были рядом. Наблюдали.

— Хэй! Гайс! — крикнул Варяг, — Ху ар ю?!

— Тьфу блин, — проворчал Сквернослов, — А еще меня матюгальником называет.

Ответа из леса не последовало.

— Хэй! — снова закричал Яхонтов, затем поморщился от боли в голове, — Аре ю листсен ту ми? Ви аре френдс! Ви гоинг фром пис!

— Угу. Коронная фраза, — усмехнулся Вячеслав.

— Славик, может, заткнешься, а?

— Да они по твоему рязанскому акценту уже выкурили, что на их землю Иваны пришли, — проворчал в ответ Сквернослов.

Ответа из леса так и не последовало.

— Ладно, парни, — вздохнул Варяг, потирая затылок. — Чую, валить надо отсюда. И поскорее.

В лесу снова загудели моторы, и звук снегоходов стал удаляться.

— Хорошо хоть они на нас нападать не стали. — Вздохнул Николай.

— А может удобный случай ждут? Сейчас-то мы во всеоружии и готовности, — Пожал плечами Сквернослов.

— Может и так, — проворчал Варяг.

— А как они без фар по лесу катаются? — поинтересовался Вячеслав.

— Да у них по ходу ПНВ.

— Что. У всех?

— Наверное. Ладно. Едем дальше.

Николай вдруг вспомнил о плюшевом мишке, нашел его среди первых двух убитых, подобрал, отряхнул и полез в луноход, думая при этом о том, что надо будет этому мишке непременно сказать спасибо, за то, что выручил в такой момент. Но сказать это надо будет тогда, когда никто не услышит и не увидит.

***

Рассвет встретил новой вьюгой. Они пересекали новую горную гряду при почти нулевой видимости. Двигаться в таких условиях было рискованно, но на предложение Вячеслава переждать бурю стоя на месте, Варяг ответил отказом. Надо было торопиться. И в первую очередь ради самого Вячеслава. Рана в его бедре все еще продолжала вызывать тревогу у Яхонтова…

И рано или поздно, это должно было произойти. Снег под левой гусеницей вдруг провалился куда-то и машина, заилившись на бок, проскользила пару метров и завалилась в небольшую расщелину на левый борт. Это произошло настолько неожиданно, внезапно и мгновенно, что все поняли, что же на самом деле произошло, только когда машин уже лежала на боку, и все осыпалось внутри на левый борт.

Сквернослов стонал, сильно ударившись больной ногой. Варяг в передней кабины взорвался громогласной триадой брани. Николай морщился и потирал ушибленный лоб и плечо.

Расщелина оказалась небольшой, но как назло достаточной по размеру, чтобы луноход полностью лег в нее. Они выбрались на улицу и смотрели на машину, проделавшую такой фантастический путь и теперь угодившую в такую коварную ловушку. Вьюга раскачивала тела и трепала одежду. Но больше всего холодила мысль о том, что машину они потеряли и дальше придется двигаться пешком.

— Как же нам ее вытащить? А варяг? — спросил Сквернослов. — Может лебедкой?

— Ее тут зацепить не за что, — проворчал Яхонтов. — Черт. Это ж надо. Тут похоже карстовые кары под снегом. Или что-то вроде того.

— А я говорил, давай переждем.

— Мы можем ждать. А твоя нога нет, Славик. Ладно. Что толку смотреть на него. Давайте собирайте оружие, боеприпасы, провиант и медикаменты. Оденьтесь теплее. Палатки захватите. Все пакуйте в большие мешки.

И они стали собирать все самое необходимое в дорогу. Пулемет Людоеда пришлось оставить. Патроны на него все равно были на исходе. И от такой ноши надо было отказаться. Так же Варяг велел оставить бомбу в луноходе.

— Почему? — возмущенно произнес Николай.

— Во-первых, она тяжелая. Лишняя ноша. Во-вторых, нам сейчас в первую очередь надо добраться до этого Хоуп Сити. Договориться о лечении Славика. Это будет не просто, учитывая, что мы русские. А уж представить, как они отреагируют на то, что к ним пришли русские с атомной бомбой я вообще не берусь. Так что пусть пока тут лежит.

— А как мы ее потом найдем?

— Найдем. Я маячок глонассовский в машине включил. У меня ведь рация осталась, которую рейдеры дали. На сто километров ловит. Найдем. Маячок в луноходе еще лет десять работать будет от бетагальванического элемента этого. Все закрыли вопрос. Короче так. Мешки с нашим барахлом я волоком тащу…

— Может лучше на лыжи мешок поставить? Легче тащить будет. — Предложил Вячеслав.

— Ни в коем случае. — Мотнул головой Яхонтов. — Именно волоком. Я иду впереди. Коля следом. Ты Коля тащишь мешок поменьше и сани. В санях Славик будет сидеть. Заодно смотреть назад и прикрывать тыл с автоматом. Только не стреляй чуть что. Предупреди нас сначала. Привяжешься к саням. Если Коля вдруг провалится, тут же переворачивайся и вгрызайся в снег. Если я провалюсь, никто ко мне не бежит ни в коем случае, пока не позову.

Сказав все это, варяг принялся вязать веревки из строп которые взял с бомбардировщика. При этом он на буксирных веревках зачем-то делал через равные промежутки петли.

На подготовку к движению в пешем порядке у них ушло примерно полтора часа. Затем они, наконец, выступили.

Это ни шло, ни в какое сравнение с тем путешествием, которое они проделали в уютной теплой машине предназначенной не то для Луны, не то для жизнедеятельности высшего руководства в условиях ядерной зимы. Теперь они ощутили в полной мере, что такое путешествие в этом заледенелом мире, где хозяйничала вьюга и мороз. Снег практически мгновенно покрывал стекла очков и их то и дело приходилось протирать рукавицей. Теперь, после тысяч километров намотанных на гусеницы лунохода, каждая сотня метров давалась с таким трудом, ценой таких физических усилий и ценой такого количество сожженных калорий в организме, что

казалось им не хватит ни пищи, ни сил для того чтобы продержаться в дороге на ногах хотя бы один день. Они прошли час. Прошли два. Вьюга не кончалась. И все трое думали сейчас с тоской о том, какое расстояние покрыл бы луноход за это время. Но луноход теперь лежал там, позади. Он и так сделал многое для них. Для всей земли и выживших людей. И не стоило бранить его за то, что он так вот оставил своих пассажиров наедине со стихией, заставив двигаться пешком. Теперь Васнецову думалось, что сделка удалась. Враждебный мир не дал погибнуть его друзьям. Но о луноходе ведь речи не было. И они лишились его. Теперь ближайшее будущее и вся их миссия виделась совсем неопределенными. А о вероятной гибели в таких условиях думать вообще не хотелось. Николай в очередной раз протер стекла очков и поднял голову, чтобы взглянуть на идущего впереди Варяга, за которым тянулась веревка из строп с петлями и привязанный к ней большой мешок со всем необходимым. И сколько так идти? Куда идти?

И тут под ногами Варяга разверзлась бездна. Сугроб ушел из под его снегоступов и, рухнул вниз, увлекая за собой искателя. Веревка тут же натянулась и петли врезались в снег, а привязанный на конце мешок тут же уперся в сугроб и остановил падение.

Васнецов бросился было к краю пропасти, но обернувшийся Сквернослов вовремя спохватился и натянул веревку, которая соединяла его и Николая. Васнецов упал.

— Коля! Стой! Он же сказал ни в коем случае не приближаться!

— Но он погибнет!

— Или все мы! Погоди! Он скажет что делать!

Варяг, руками упираясь в стену льда и снега, остановил раскачивания и огляделся. Внимательно рассмотрел стену, на которой висел. Убедившись, что сверху будет неопасно приблизиться к его мешку, он крикнул:

— Коля! Слышишь?!

— Да! Варяг, ты как там?!

— Нормально! Осторожно подползи к моему мешку и возьмись за него руками!

Васнецов пополз, с трудом увлекая за собой сани и вещи. Всего три метра. Вот и мешок. Он сбросил с ладоней рукавицы и впился в него мгновенно посиневшими от холода пальцами.

— Сделал!

— Хорошо! Если его потянет вниз, и ты почувствуешь, что не можешь удержать, то отпускай!

— А как же ты?!

— За меня не беспокойся! Тут не высоко!

Яхонтов лгал. Под ним была ледяная расщелина глубиной в полсотни метров. Если при падении он каким-то чудом не разобьется, то потом погибнет медленной смертью в ледяной яме, из которой не выбраться никак. Варяг неторопливо снял рукавицы и убрал их за пазуху. Затем достал из кармана тулупа кусок стропы и стал делать большую петлю, привязывая ее к первой от него петле на буксировочной веревке. Сделав это, он стянул с ног снегоступы и закинул их наверх. Терять такую вещ, не хотелось. Затем он просунул одну ногу в большую петлю и подтянулся, держась за веревку. Теперь второй ногой можно достать до петли на буксировочных стропах. И следующая петля. И следующая. Он, наконец, поднялся до края, с которого упал. Тут будет труднее. Он дотянулся до своих снегоступов лежащих на краю и отбросил их дальше, в сторону Николая. Затем он стал подтягиваться на врезавшейся в снег веревке и скользить подошвами по стенке. С большим трудом, но он вскарабкался на край и принялся перекатываться в сторону мешка. Затем остановился и, распластавшись на снегу, стал смотреть вверх, удовлетворенно улыбаясь.

— Ну, Славик, а ты говорил, зачем нам стропы. Если б не моя предусмотрительность… Эх… Учись салага, пока я жив… Слышь? Славик! Эй! — Яхонтов приподнялся.

— Варяг, ты говорил не стрелять почем зря. Вот я и не стреляю. — Мрачно проговорил Сквернослов.

В снежных вихрях возмущаемых непрекращающейся метелью стояли темные фигуры вооруженных людей. Всего десять человек. Они были не в шкурах, а в добротных арктических комбинезонах. У них были не копья и луки, а автоматы и винтовки. И они целились в трех чужеземцев едва не сгинувших в ледяной пропасти.

— И что делать теперь? — вздохнул Сквернослов, через плечо, глядя на Варяга.

— To rise! Rise up! — Заорали они все разом и наперебой, — Not to move! Don't move! Stand up! To lay down arms! I told not to move and lay down arms, bloody bastards! Drop your weapon! Drop your weapon now! Hands up! Hands for a head, it is live! Drop your fucking weapon now! Don't fucking move, understood?!

— Эй! Гайс! Донт шут! Ви а френдс! Ви гоинг фром пис! — закричал Варяг, поднимая руки.

— Миру мир, пису пис, — проворчал Сквернослов.

— Shut up! Rise up! Don't fucking move!

— Варяг, чего они кричат? — раздраженно спросил Вячеслав.

— Ну, типа, здрасьте вам, очень рады видеть и добро

пожаловать… Блин, Славик, ну неужели непонятно что они кричат?!

— I said, shut are fuck up, bastards!!! — заорал один из них, сделав шаг вперед и угрожающе тряся автоматом M4.

— Варяг, у меня две гранаты за пазухой, — прошептал Николай.

— Не смей, Коля. Они наша последняя надежда. — Тихо ответил Яхонтов, затем громче обратился к американцам. — Ви ар френдс. Ви нид хелп. Ви серчинг фром Хоуп Сити! Ви нид медик!

— Hope City? — Вышедший вперед усмехнулся. Это не было видно на скрытом под маской лице, но было слышно по интонации, — What a wonderful world, — добавил он слова из песни Луи Армстронга, — So, you search the Hope City? You have found it. — Сказав это, он сделал еще два шага и ударил Варяга по лицу прикладом. — Welcome.

Варяг схватился руками за скулу.

— И эти ублюдки наша последняя надежда? — поморщился Сквернослов, глядя на Варяга.

— Да, — проворчал Яхонтов, — Эти люди, наша последняя надежда.

63. DIALOGUE

Когда Сквернослов сказал — «Чувствую себя как на родине», — он, конечно, имел ввиду повязку. Здесь, как и множество раз дома, в России, им тоже завязали глаза. Во всяком случае, это могло быть и хорошим знаком. Значит, их убивать не собираются. Во всяком случае, не сейчас.

Теперь повязки с них сняли. Разумеется после того как затолкали в помещение ограничивающее свободу. Так делали всегда и везде.

Это был мрачный сырой и холодный подвал, вдоль стен которого тянулись клетки на всю длину прохода, по оба конца которого были двери и горели две лампы. Одна с одного конца, вторая с другого. Всего здесь было десять клеток-камер и все пустовали кроме той, в которую заперли трех чужеземцев. Еще одна клетка была занавешена темной плотной и грязной материей. В подвале было очень сыро. Воняло каким-то животным и испражнениями. Возможно, этот запах был обусловлен наличием в каждой клетке унитаза.

Пять вооруженных автоматами человек в добротной теплой одежде вышли из тесной для такого количества людей камеры и закрыли решетку. Их лица были покрыты бородой на манер искателей Надеждинска. В частности Варяга. Все кроме одного вышли по коридору через правую дверь. Тот, что задержался, чуть отодвинул материю, которая висела на клетке напротив. Затем кашлянул и тоже отправился к выходу.

— Хэй! — крикнул ему вдогонку Яхонтов, — Вы нид э толк ту а йоур чиф!

— Fuck off, — угрюмо ответил американец, не оборачиваясь, и ушел.

— Ну, Варяг, и что нам теперь делать? — проворчал Сквернослов.

— Я думаю, — Яхонтов потер скулу. — Уроды, блин. Врезали туда же, куда и амазонки. Хотя не так сильно…

— Что тут думать, влипли мы. Вон клетки, какие добротные. Нехилый каземат они отгрохали. С унитазами даже. Цивилизованные, мать их, люди.

— Угомонись, Славик. Это, похоже, подвал местного полицейского участка.

— И что? Нам от этого легче стать должно? — усмехнулся Славик.

— Легче, не легче, но явно, что мы в каком-то городе, если это подвал полицейского управления.

— А где мы, как думаешь? — спросил Николай.

— Ну… Везли нас на снегоходах… Так?

— Судя по звуку, именно так. — Васнецов кивнул.

— Если нас везли в ту сторону, куда направлялись и мы, а если я правильно определил направление ветра и он не менялся всю дорогу, значит это именно то направление, значит мы где-то в районе Лэйк Люис. Озеро — то самое. Везли нас примерно час. И по моим прикидкам до него был день пути пешком. А на снегоходах час, полтора. Значит мы в том самом Хоуп Сити.

— И что нам, радоваться теперь? — Взмахнул Вячеслав руками. — Все отобрали. В клетки посадили. На хер послали. Вот здорово-то как! Последняя надежда, ядрить ее в качель!

— Да уймись ты! Нас не просто так они живьем взяли. Наверняка их главный с нами потолкует. Попробуем договориться.

— И что ты им предложишь? Чего ради они вообще нас слушать будут?

— Они ведь сами предлагали по радио объединяться всем выжившим.

— Да может это не они! С чего ты взял? — продолжал негодовать Славик.

— Нашивку у этого последнего видел на комбинезоне? — Спросил Варяг.

— Нет. Что за нашивка?

— Полицейская. Или рейнджерская, не помню, как это у них называется. Хоуп Сити полис депт.

— Слушай, Варяг, тебе не кажется что это те самые люди, что ночью в лесу «шкурников» громили? — тихо произнес Николай.

— Кажется. Они следили, наверное, за нами. Все это время.

— Значит, они и про луноход знают. А там бомба. — Васнецов покачал головой.

— Да я вот уже думал об этом, — Вздохнул Варяг. — Когда мы ушли от лунохода, его почти замело вместе с ямой, в которую он попал. Если они сразу его не нашли, то теперь и не найдут.

— Но твой передатчик у них.

— Да. Но он глонассовский. Это русский стандарт. Они в нем не смыслят. У них другая система. Если конечно среди них нет специалиста… Но это должен быть какой-нибудь технарь ЦРУшник или инженер из военной разведки. Да как бы ни было, нам с ними договариваться надо. Славку надо лечить…

Из левой двери показался человек. Николай с изумлением взглянул на него. Кожа человека была темно-коричневой, что было для него диковинным откровением. Он, конечно, знал, что бывают люди и с другим цветом кожи, но видел такого сейчас

впервые. Похоже, Славика он тоже заинтересовал. Ведь за свою жизнь и, особенно за долгий путь от Наджединска до Аляски они видели всякое, но не таких людей.

Чернокожий был одет в шубу из белого меха с высоким воротником. В руках он держал мешочек с какими-то крошками и аппетитно их поедал, с интересом взирая на пленников. Затем повернул голову в сторону двери, из которой появился и крикнул:

· Hey! C.J.! Go look! Here the present Russian bear!

· Wait, — послышался ответ, — Just a minute.

— Глянь, Коля, — усмехнулся Сквернослов, кивая на чернокожего, — Настоящий живой негр.

Человек перестал жевать. Медленно повернул голову и, уставившись на Славика, нахмурился.

— What? — выдавил он.

— Что вот, — кивнул ему Вячеслав.

· What? — Повторил чернокожий взвизгнув. — What your said, mother fucker?! You named me nigger, bastard?! White asshole!

· Черт! Славик! Ты идиот! Нельзя при них произносить слово негр! — воскликнул Варяг и тут же осекся, уставившись на чернокожего.

— What?! — завизжал тот, — All rate, mother fuckers! — он смял пакетик с крошками и швырнул его на пол. Затем выхватил из кармана пистолет. — You a smelly skunk!!! Am gonna kick your ass!!! Am gonna kill you now!!!

Он стал буквально выплясывать перед клеткой и орать угрозы, размахивая пистолетом. Из под материи, висевшей на клетке что напротив, показалась грязная костлявая рука и, схватив брошенный пакетик, снова скрылась за шторой. А чернокожий продолжал неистовствовать. Он явно не собирался применять оружие, видимо за это ему от кого-то будет очень плохо. Но нагнать страху на пленников пытался изо всех сил. В коридор влетел еще один чернокожий и стал что-то кричать первому. Первый закричал на него в ответ, и они теперь вдвоем стали вопить на пленников. Тогда из другой двери показался один из тех рослый бородатых мужиков, что привели их в подвал.

— What's goes on here? — заорал он на чернокожих, — Tomas! C.J.! What the fuck?!

· These fucking Russians bastards named me nigger! You can believe it?! — Ответил первый.

· They foreigners! They did not have black brothers and they do not know that means nigger! — кричал на них бородач, обильно жестикулируя, — Be cleaned from here! Out!

· Fuck you men! — завопил на него второй.

· Last time I warn!

· I said fuck you! White asshole! Am gonna fuck you! And fuck your momma, and fuck your sister!

— Fuck yourself, stupid idiot!!! — бородатый сорвал с плеча автомат и щелкнул затвором.

— Enough!!! — раздался в конце коридора чей-то бас. Трое споривших людей тут же притихли. К ним неторопливо вышагивал пожилой чернокожий человек в теплой егерьской униформе. Волосы его были седые и непривычно смотрелись на темной голове. Его большие глаза буквально источали ум и авторитет. Он остановился в двух шагах от споривших троицы и его брови поднялись, собрав лоб в гармошку. Он вопросительно смотрел на своих соплеменников.

— Mister Rayman, ser, — пробормотал первый чернокожий, которого, судя по всему, звали Томас. — Whis people…

· I said enough. — Строго сказал Рэймэн, перебив Томаса. — Go out. Now.

И все трое торопливо стали уходить. Чернокожие бросили на пленников злобные взгляды, но охранник с автоматом толкнул их ладонями в спины, заставив уходить быстрее, и вышел вслед за ними.

Пожилой Рэймэн вздохнул и внимательно посмотрел на пленников. Покачал головой, о чем-то задумавшись, и вдруг улыбнулся.

· Stravstvoite… — Выдавил он. — Mi ne delay wam vreda…

Варяг удивленно уставился на этого человека. Похоже, что тот произнес что-то, пытавшись изобразить русские слова.

— Ну, здравствуйте, — улыбнулся в ответ Яхонтов, — Вы говорите по-русски? Ю спик рашшен?

· No, — тот развел руками, — A little. Pair of words has learnt on a phrase book.

— Ай андэстэнд, — кивнул Варяг и указал рукой на Славика, — Ви нид э медик. Нид хэлп.

· O.k. — Рэймен кивнул, — I will think that it is possible to make. And now I ask me to forgive. — Сказав последнюю фразу, он снова кивнул, опять улыбнулся, и ушел.

— Вроде не все так плохо, — пробормотал Варяг, взглянув на своих товарищей. — Этот, похоже, важная шишка здесь. И помощь обещал. Так что волноваться нечего.

— Волноваться говоришь нечего? — усмехнулся Вячеслав, — А чего мы тогда в клетке? Чего те два гуталина пистолетом размахивали и орали?

— А орали они по твоей милости, Славик. Запомни раз и навсегда, нельзя при чернокожих произносить слово негр. Понял? Это для них страшное оскорбление.

— А как их называть? Откуда я знал?!

— Славик! Ты меня понял?!

— Да понял я, понял.

— Hey Russians! — В коридоре снова показался бородач, который выпроваживал беснующихся Томаса и Си Джэя. — Of what you thought? Why them so named? — Он остановился у клетки и, разведя руками с растопыренными ладонями, вопросительно посмотрел на Варяга.

— Что он хочет? — Спросил Николай.

— В рыло, — буркнул Сквернослов.

— Славик заткнись. — Рыкнул на него Яхонтов. — Он все о том же. Дескать, зачем двух достойных людей нехорошо обозвали. Ну не хотели мы. Так получилось, — Сказал он американцу. — Ай эм сори. Форс мажор… или как это, по-вашему, сказать…

— Ааа, — протянул досадливо американец и, раздраженно махнув рукой, удалился, как раз в тот момент, когда за его спиной возник еще один человек.

— Блин, не тюрьма, а проходной двор какой-то, — проворчал Сквернослов, глядя на него.

Новый человек тоже был далеко не молодым. Лет шестьдесят. Его жилистое лицо будто выточили из камня, при этом грубовато исполнив широкий разрез рта с тонкими губами. НА голове большая залысина, обрамленная коротко стриженными седыми волосами. Больше всего поражали глаза этого человека. Постоянно на выкате. Взгляд жутковатый, словно этот человек единожды в жизни заглянул по ту сторону чего-то ужасного, и это врезалось в его разум на всю жизнь и блеклые тени увиденного преследовали его постоянно, вставая на пути направления его взгляда. Николай с интересом смотрел на этого человека. Что он мог увидеть когда-то? Неужели он мог увидеть больше чем он, Николай, видел в Надеждинске, в Московском метро или гадовнике, в кантине олигарха или Котельниче? Мог ли этот человек видеть то же, что видел Николай там, где должен был быть Киров? Нет. Никто не повидал столько, сколько он повидал в уральских горах и Ганиной яме, на станции 1905 года в Екатеринбурге и в логове легиона Гау… Тогда отчего у него такие глаза? Может так кажется, из-за того, что у него практически не было бровей а кожа на их месте все-время нахмуренно стянута?

Васнецов заметил, что Варяг внимательно смотрит на одежду этого странного человека. На незнакомце было что-то вроде видавшего виды пилотского комбинезона с еще оставшимися какими-то нашивками на рукавах и прямоугольной нашивкой на груди с надписью — J.Tibbets.

Яхонтов медленно поднялся и, подойдя к клетке, тихо спросил.

— Ю а пайлот?

Незнакомец поднял одну бровь.

— Yes, — коротко ответил он.

— Ага. Понятно. Коллега значит, — пробубнил сам себе Яхонтов. — Эир форсе? — задал следующий вопрос Варяг.

— Yes, — монотонно повторил человек.

Варяг пристально посмотрел на нашивки и вдруг вздохнул тяжело. Что-то нехорошее он увидел в этих нашивках. Незнакомец опустил голову и, проследив за взглядом Яхонтова, посмотрел на свой рукав. Затем поджал губы и закивал головой.

— B — Fifty two. Nuclear bomber. — Хрипло сказал он.

— Что? — прищурился Вячеслав. — Что-что он сказал?

— Он летчик. Пилот стратегического ядерного бомбардировщика Б-52. — Мрачно произнес Варяг. Больше вопросов можно было не задавать. Теперь стало предельно ясно, отчего у этого человека такой взгляд. Он кидал бомбы, пускал ракеты… Все оружие, которое он применял тогда, было ядерное. И сколько городов мог выжечь один такой бомбардировщик? Из курса военной подготовки на занятиях в родном Надеждинске, Васнецов помнил, что Б-52 самый большой стратегический бомбардировщик. Ему не уступал только легендарный Ту-160, но их были единицы и американских монстров сотни. Да. Это был самый грозный самолет в эпоху всеобщего самоубийства цивилизации. Значит он даже больше того «Медведя», которого они нашли в самом начале своего путешествия по Аляске. Значит и ядерной смерти он брал на борт больше. И применил все. И теперь этот человек, всю жизнь, наверное, думающий о миллионах тех, кого убил, пришел поглазеть на тех, кто ни смотря на его усердный труд, все-таки выжил. Любопытно конечно… Вот они какие… Русские, которые спаслись от его бомб…

Николай вспомнил Людоеда. И впервые почувствовал облегчение от того, что его тут не было. Какие муки мог испытать Илья здесь, среди тех, кто выжил после обрушившихся на них ракет, среди которых были и те, что он запустил. Каким бы злым и бессердечным циником не казался Крест, для него это было бы очень и очень непросто.

Вячеслав медленно поднялся с деревянных нар, поморщившись, ступив на больную ногу, подошел к решетке и улыбнулся.

Незнакомец понял эту улыбку и сделал шаг назад как раз тогда, когда Сквернослов резко выставил обе руки через решетку,

попытавшись схватить этого человека.

— Тварь! — заорал Сквернослов, изо всех сил пытаясь дотянуться до летчика Тиббетса. Но Тщетно. — Иди сюда мразь!

Человек встал на безопасном расстоянии и продолжал смотреть взглядом без злобы или раскаяния. Просто смотрел своими, словно стеклянными глазами без всяких эмоций.

— Славик прекрати! — Варяг схватил Сквернослова и попытался оттащить от решетки, но в Вячеславе сейчас бушевала такая буря ярости, что Яхонтов просто ничего не смог сделать.

— Тварь! Падаль! Убью, сволочь! Палач! Мразь! — Кричал Вячеслав.

— What now! — В коридоре снова появился бородач.

· Nothing. It is my fault. Forgive me. — пробормотал летчик и, махнув охраннику рукой, быстро удалился.

· As all it has bothered me. Madness. — проворчал охранник сам себе и снова исчез за дверью.

Славик обмяк и медленно опустился на пол, резко обессилев.

— Варяг, зачем мы здесь, — просипел он плача. — Черт подери, найди мне хоть одну причину, почему мы должны находится среди гадов этих. Я же их ненавижу. А этот. Он же палил мою страну. Он выжег мой мир… Только не говори, что мы здесь из-за меня и моей травмы. Не говори мне этого…

— Тогда мне нечего сказать. — Вздохнул Яхонтов. Он помог раненному товарищу лечь на нары и сам сел в углу, откинувшись спиной на стену.

Наконец воцарилась тишина и, больше никто не тревожил их своим присутствием. За ширмой в клетке напротив кто-то тихо чавкал, поедая крошки из пакетика брошенного Томасом. Где-то в дальнем углу изредка падали с потолка капли воды. Снаружи, за приоткрытой дверью коридора были слышны мужские голоса. Видимо группа людей сидела за столом и что-то живо обсуждала. С другого конца коридора слышался далекий удушливый кашель.

— Варяг, — тихо и лениво проговорил Николай.

— Чего? — так же лениво ответил, задумчиво смотрящий в заплесневелый потолок, Яхонтов.

— Тебе его голос знакомым не показался?

— Чей.

— Летчика этого…

— Не знаю. И где мы могли его слышать?

— По радио. Это… Радио Хоуп Сити. Мне кажется, что это он там говорил. Значит мы действительно в Хоуп Сити. А отсюда до ХАРПа сто километров. Даже меньше. Все, Варяг. Мы дошли. Осталось поднести бомбу. — Васнецов прикрыл глаза. — Только как теперь это сделать.

— Вот сейчас подойдет к клетке Людоед, бряцая пулеметом, — тихо, почти плача, проговорил Сквернослов, — И скажет, мужики, какого вы хера валяетесь на нарах. Осталось-то с гулькин хрен. Пошли, скажет, разнесем все к чертям и заживем спокойно… Наконец-то… Дошли… Представляете что чувствовали Юра и Андрей когда через пятнадцать лет оказались дома? А дома нет. Пусто. А потом собственная дочь родного отца… Раз и в голову. А потом я какого-то хрена полез на эту дуру… А потом ее Илья застрелил… А потом зверюга какая-то Юру порвала… А потом и Людоед сгинул… Какого хрена мужики! Все из-за этого пидора на своем бомбардировщике! Из-за него и тех, кто все это развязал! Какого хрена мы здесь делаем! Какого! Что космонавты чувствовали, когда дошли?!

— Славик, успокойся, — нахмурился Николай.

— А знаешь, что я сейчас чувствую, понимая, что дошел?! — продолжал Сквернослов. — Я чувствую, что у меня нога адски болит! Что я жрать хочу! И что я мочой воняю! Это нормально?! Так должны жить люди?!

— Да что с тобой такое? Славик. Ну, успокойся ты…

— Знаете, я всю жизнь думал, что жить можно. Даже в таких условиях, — не прекращал говорить Вячеслав. — Ну, подумаешь, ядерная зима. Мы ведь живы. А значит, и жить можно. Главное чтоб цель была в этой жизни. И тогда она будет прекрасна даже в вонючем затхлом подвале. И цель была. Работа по хозяйству. Жрать что добыть. Сходить на ферму и с девчонками какими-нибудь замутить. В картишки поиграть с Эмилем на щелбаны. Жизнь прекрасна, когда есть смысл и цель. Но все эти цели, такая херня, я вам скажу… Вон, космонавты… Отчего они погибли? Да потому что цели своей достигли. Сделали то, к чему стремились. А там разочарование. И все. И жизнь всякий смысл потеряла. Это… Это как с девкой. Увидел смазливую деваху. Понравилась. Стал обхаживать. Добиваться. Строить из себя самого достойного для нее. Бегаешь за ней. Ухаживаешь. Впечатление производишь. А цель-то одна. В койку. Ну, завалил. Ну, отшлепал. И все. И скучной вдруг она стала. Неинтересной. И не самой красивой. И ходишь весь в расстроенных чувствах… Разочарование… И засматриваешься на другую, чтоб тоска не съела… Но это хорошо, когда есть другие. А жизнь-то одна. Другой жизни не будет. И что теперь? Ну, дошли мы. Ну, договоримся с этими местными аборигенами. Взорвем ХАРП. А что дальше? Все? Сгинем как космонавты от разочарования жизнью? Ведь с уничтожением ХАРПа рая не настанет. И люди рвать друг друга не перестанут. Мы ничего не изменим. Может только хуже сделаем…

— Это еще почему? — вздохнул Николай.

— Да потому что мы людей спасем. Помешаем приведению вынесенного им приговора в исполнение. И мы героями для них не будем. И спасителями они нас не примут. Люди обычно распинают спасителей своих, понимаешь ты это? И нас распнут. Бить будут. Стволами тыкать. Мы своей миссией может сейчас идем наперекор предначертанному. Наилучшему из вариантов.

— Не людей мы спасаем, Славка. Саму жизнь на планете. — Вздохнул Варяг.

— А что дала этой планете жизнь? Грязь, шахты, скважины, ядерные взрывы, копоть фабричных труб, мусор. Вон Луна. Нет там никакой жизни, и Луна крутилась себе безмятежно в космосе, и ничего ей не угрожало, пока человек земное тяготение не преодолел. И тут же началось. Испытания надо проводить. Базы строить. А может и воевать за Луну на самой Луне. Жизнь это вирус, поражающий вселенную.

— У нас будет цель и после ХАРПа, — проворчал Варяг, — Домой вернуться. В Надеждинск.

— Если будет, кому возвращаться. И если будет куда, — Зло оскалился Вячеслав. — Ты хоть понимаешь, сколько кругом снега и льда навалено? А если все это начнет таять? Куда возвращаться? Некуда будет возвращаться. Весь мир превратиться в эти… Мангровые болота, мать их…

— Странно все это от тебя слышать, Славик, — покачал головой Васнецов. — Обычно все это упаднические эмоциональное дерьмо исходит от меня, — он горько усмехнулся. — А тут ты… Все время жизнерадостный… Неунывающий… И вот тебе раз…

— Просто он ранен, — Сказал Яхонтов, — Рана воспалена. Его организм испытывает стресс. Отсюда и депрессивный настрой.

— Да иди ты, Варяг. Я все что сказал, сказал разумом своим, а не болящей ногой. Надоело все это. Просто надоело. Хотя нога конечно ноет. — Славик обернулся на тихие шаги. К камере медленно подошел человек с раскладным стулом в руках. Он был пожилой. Невысокий. Худой и сгорбившийся. Из вытянутого лица с впалыми щеками торчал большой крючковатый нос между близко посаженных крохотных глаз за толстыми стеклами круглых очков. — Да, да, чувак. Нога у меня болит. — Сказал ему Сквернослов и натянул на лицо фальшивую доброжелательную улыбку. — Ай нид э медик. Слышь ты, щербатый педик. Дерьма ты кусок. Чмо треклятое. — Вячеслав говорил это, продолжая приветливо улыбаться. Незнакомец стоял у клетки и слушал внимательно, видимо пытаясь понять, что ему говорит пленник.

— Ты высерок, — продолжал Сквернослов. — Ушлепок,

дурной шмары отродье. И все вы, говнюки и пендосы. Уроды вы все недобитые. Чтоб вы все подохли самым постыдным образом, мрази и твари. А мы пришли с писом. И этим писом вас всех попишем, урюк ты убогий.

Незнакомец смотрел на него, подняв брови. Затем поднес кулак к своему лицу и тихо кашлянул в него.

— Эээ… — пробормотал он. — Я Боб Лазар. Я ваш переводчик. — Сказал незнакомец по-русски и почти без акцента. — Медики скоро придут. Мистер Рэймэн распорядился.

Сквернослов замолк и резко сел на нары.

— Опа… — Выдохнул он сконфуженно. — А что же сразу не сказали, что по-русски понимаете. Неловко как-то вышло. Вы это… Я тут борщанул малость… У меня рана воспалена. Организм в стрессе. Вот и гоню, что не попадя…

Лазар как-то застенчиво повесил голову и улыбнулся.

— Да ничего. Все окей. Я может… просто соскучился по родной речи. Особенно по родной отборной брани… Так давно не слышал. Не думал, что когда-нибудь услышу. Мне сказали, что один из вас по-английски говорит. Но очень ужасно говорит. Не все понятно, что он говорит. И явно он не все понимает, что ему говорят.

— Так вы русский? — Спросил Яхонтов.

— Да. То есть, нет. — Боб сначала кивнул, а потом мотнул головой. — Ну, я эмигрант. Роберт Самуилович Лазарович. Задолго до войны эмигрировал. После развала союза. С родителями эмигрировал. — Он поставил стул у клетки и уселся на него.

— Понятно, — кивнул Варяг.

— Я должен вот что сказать, — Лазар кашлянул в кулак и сгорбился, скрестив пальцы ладоней перед собой. — Я понимаю причину ваших, эээ… Резких фраз в адрес наш. Вас как зовут?

— Слава, — Сквернослов был несколько сконфужен тем, что человек, которого он с таким умилительным выражением лица поливал последними словами, оказывается, все понимал.

— Слава. Вяче… Слав? — Он словно вспоминал это слово.

— Просто Слава, — поморщился Сквернослов.

— Понимаю, короче. Вы озлоблены. Вы у нас в плену. Да и, чего уж там… Мы же воевали друг с другом. Поэтому обоюдная ненависть и неприязнь, она, как бы это сказать… Само собой… разумеется… И не просто воевали. Я должен сразу предупредить. Тут очень многие настроены крайне враждебно. Вплоть до требований казни. Вы же… Это… — Лазар поправил очки и снова кашлянул в кулак, — Вы же нас разбомбили.

— Ага, а вы в это время сидели с доброй миной на лице и

смотрели сериал «Друзья». Да? — скривился Варяг.

— Эээ… Что простите? — Он в который раз поправил очки. — Но, разве не вы начали?

— Мы?! — Вячеслав вскочил и тут же сел обратно на нары, скривившись от боли. — Да это ваших рук дело!

— Сейчас это существенно? — произнес Николай, скрестив руки на груди. — Каждый думает, что начали кто угодно, но не они. Это же безумие, применить ядерное оружие. А кто считает себя безумцем?

— Верно, конечно, — кашлянул Лазар, — Но я, если честно не знаю, кто начал. Но у нас говорят что это либо вы, либо китайцы. Или северокорейцы. Или Иран… Или…

— Да, да, — огрызнулся Славик, — все кругом дикие безумные варвары, а вы эти… гад блэсс амэрика.

— Ну, будет вам, — вздохнул переводчик. — Я вовсе не о том… И вообще, если хотите знать мое мнение, то оно это к лучшему, что случилось…

Все кто были в клетке, переглянулись. Этот человек конечно и так показался странноватым. Но после этих слов он казался вообще полным параноиком.

— Вы это о чем? — спросил, наконец, Варяг.

— О чем я? Окей. Сами посудите. К чему наш мир катился? — Он стал говорить тише и даже оглянулся. — Война была двадцать лет назад. Так? И всему пришел конец. Так? Ну, почти всему. Так? А если бы войны не было? Возьмем за отправную точку то роковое лето. Через пять, максимум семь лет, во всем мире повсеместно стали бы внедряться персональные электронные чипы. Они бы вживлялись всем. И были бы неизвлекаемые. Если ты взрослый, то обязан как законопослушный гражданин, пройти процедуру имплантации. Но если ты не согласен с процедурой, значит… Значит ты не законопослушный гражданин. Значит, тебе есть чего бояться. Значит ты, не чист перед законом. И более того… Может ты террорист! А новорожденных детей даже не стали бы спрашивать. Вживили бы пожизненно. И ты на крючке. Раньше, бывало, зайдешь в интернет, гуглу включишь и любое место на земле можешь увидеть со спутниковой фотографии. А тут еще веселее… Конечно базы данных по чипам были ба засекречены. Свобода частной жизни и все такое, но разве нельзя было скачать базы данных банковских клиентов? Все можно достать. Было… Н-да… Было… И вот, поехала твоя жена на конференцию куда-нибудь в Квебек. А ты глянь по спутнику. А она на пляжах Майами. И что она там делает? Да она там с мускулистым мулатом… Гыыыыг… — Лазар как-то нервно засмеялся. — Но это так.

Бытовые, житейские дела. А вот представьте что вы журналист. Или честный коп. И разнюхали что-то про какие-то махинации гигантов оружейных корпораций. Ну, к примеру. Или про пристрастие сенатора от вашего округа к несовершеннолетним мальчикам из Таиланда. Или про секретные тюрьмы ЦРУ… Конечно вас в покое не оставят. Вы в бега ударились… А они по спутнику на ваш чип ракету навели… Где бы вы не находились…

— Вы, простите, с чего это все взяли? — Яхонтов смотрел на него как на полного безумца.

— Я… — он оглянулся и кашлянул в кулак. — Я в силиконовой долине работал…

— Силиконовая долина? Они там что, титьки бабам делали? — тихо пробормотал Сквернослов.

— Да нет, — засмеялся Варяг, — там, высокие технологии и все такое. Так что, Роберт, с чего вы это все взяли?

— Я знаю об этих разработках не понаслышке. Вы знаете… В этих чипах все. Ваши биометрические данные. Вся ваша кредитная история. Медицинская страховка… Все ваши штрафы за неправильную парковку. Социальный статус и происхождение. Сексуальные предпочтения и данные о том, сочувствуете вы арабам или нет… Сколько раз вы произносите слово Аллах в день и как вы относитесь к президенту и его политике… За кого вы, черт побери, голосовали… Потому что голосование должно было стать электронным повсеместно! Вы чипом должны были голосовать и расплачиваться! Этот чип ваше все! И вы под полным контролем! Знаете! В Англии хотели провести эксперимент по вживлению этих чипов в отдельно взятом графстве. Задолго до войны еще. И все конечно воспротивились… И знаете… Произошло несчастье. Две маленькие девочки пропали. Все графство с ног сбилось, пытаясь их найти. И нашли потом. Два изуродованных каким-то маньяком тельца. И люди, которые вчера воспротивились эксперименту, сегодня побежали толпой вживлять чипы своим детям. Они бы сделали из людей толпу, по средствам страха… Главное кинуть нужный фетиш! Изнасилованные и расчлененные крохи! Маленькая нищая страна, производящая оружие массового поражения… крупномасштабный теракт… да что угодно, лишь бы вы обгадились и умоляли власти ограничить ваши свободы ради безопасности!

— А как же… — Варяг поморщился, ища нужные слова, — Ну а если сделали бы эти планы достоянием общественности?

— Да ну и что? Это же демократия. Говори что хочешь. Кто-то тебя послушает. Кто-то посмеется. Но ничего не измениться. Знаете, чем тирания от демократии отличается? Тирания боится правды и запрещает ее говорить. А при демократии на правду

просто наплевать. И вот если бы не случилось ядерной войны, которая похоронила цивилизацию, за эти прошедшие два десятка лет мы получили бы глобальный мир всеобщей демократии, где все население земли, поголовно имплантированное чипами, стало бы пружинками и винтиками огромного механизма власти. Самой демократической и гуманной власти. Самой либеральной и единственно-правильной власти. Только мы бы все стали батарейками высокотехнологичной суперкорпорации этой самой власти. Весь мир покрытый паутиной, к нитям которой мы все прилеплены. А в центре сидит огромный паук… нэоконы! Вы бы хотели жить в таком мире? К дьяволу такой мир! И вот поэтому, если вы начали эту войну, то тогда спасибо вам!

— Роберт, да вы в своем уме?! — Воскликнул Яхонтов.

— А какой был выбор? — Лазар уставился на Варяга и вдруг схватился руками за прутья клетки. — Господа, я не сумасшедший! Я… Ну мы бы превратились все в зомби. Посредством телевизора, мобильных телефоном, онлайновых игр и интернета… Да какими люди стали на закате цивилизации? Вы разве не замечали? Вы видели, какие ролики люди выкладывали в интернете, снятые своими телефонами? Ну, вот эти два парня молодые, не помнят, но вы, уважаемый! Разве не видели, что все эти высокие технологии делают с людьми? Однажды я был в рабочей поездке в Нью-Йорке. Там пробки, знаете ли. Я решил проехать на Манхэттен в метро. На станции стою. Люди стоят. Всякие люди. Разных цветов кожи и возрастов. И какой-то бродяга упал на рельсы. Или столкнули его, чтоб не приставал выпрашивая мелочь. И вы знаете, какая реакция была у людей? Они все подоставали свои телефоны и стали снимать на видео, что будет. Это ведь совсем не интересно, спуститься на пути и достать этого бедолагу, у которого нога в шпалах застряла. Куда интереснее смотреть, как он в ужасе пытается освободиться и как потом электричка размажет его по рельсам. А к вечеру этот ролик был на ю-тюбе и собрал несколько тысяч просмотров за час… И какой-то канал круглую сумму заплатил за ролик с самым лучшим разрешением и ракурсом… Вот оно как…

— Вот оно как, значит, — Варяг вдруг улыбнулся, — А сколько мегапикселей было на камере вашего телефона?

— Что? Что простите? — он поправил очки и кашлянул в кулак.

— Я спрашиваю, сколько мегапикселей было на камере вашего телефона, Роберт, — Варяг улыбался, но очень зло.

— У меня… у меня был не телефон… у меня был… Pocket P.C. — Лазар отодвинулся от клетки, убрав руки с решетки.

— Ааа. Дорогая игрушка для успешных людей. Там много

мегапикселей на камере, да? Так почему ВЫ ЕГО НЕ СПАСЛИ?

— Да, но… Но ведь было много людей кто стоял ближе к нему… И… И я с детства боюсь железнодорожных путей… У меня фобия… Мы же беженцы… Мы из союза бежали, когда межнациональные войны начались… И как быть в таких условия людям моей национальности?… Нас же все-время во всех бедах винят… Толпу народа… всех кто к местному этносу не принадлежал, выгнали из дома, погнали по шпалам в Россию… У меня с детства боязнь железных дорог… Мы когда через горный тоннель проходили, поезд ехал… те кто нас прогнал наверное его пустили… я не мог его спасти… Я не мог, понимаете? И чего, из-за одного… Миллиарды ведь погибли…

— Но вы только что говорили, что это хорошо. Не так ли?

— Нет, но… Нет худа без добра… Если бы всех людей зачиповали, то чтобы потом обрести человечеству свободу, надо было устроить глобальную революцию и войну, которая бы отбросила людей в каменный век и сделал бы невозможным высокотехнологичные средства тотального контроля. И в итоге мы получили войну. Но до всеобщего закабаления… Как превентивную меру. И теперь если ты умен и силен, то свободен. А иначе было бы не так. Умный ты, сильный, или нет… Чипы всех уровняли бы…

— В итоге всех уровняла атомная бомба, — покачал головой Яхонтов. — Роберт, вы сумасшедший.

Лазар слишком далеко отошел от клетки пленников, подавленный их непониманием и чересчур близко оказался от клетки занавешенной плотной материей. Ткань вдруг дернулась и оттуда показалась рука, которая схватила переводчика за плечо. И раздался из клетки рык…

— Господи Иисусе! — заорал Роберт и бросился обратно к пленникам.

Материя упала и все увидели, как за решеткой беснуется жуткого вида человеческое существо. Обросшее грязными слипшимися волосами. Бледное и невообразимо худое. С крохотными зрачками на налитых кровью белках глаз. Горло опоясывал стальной ошейник, от которого отходила цепь к кольцу в стене. Одна нога ниже колена отсутствовала, и культя была перемотана старыми грязными бинтами с засохшей кровью. Николай поднялся со своих нар и с изумлением уставился на это существо. Это был морлок, подобный тем, с которыми он столкнулся в московском метро. Только он был грязный, но кожа не была перепачкана въевшейся в поры сажей. И глаза не были черны как смоль, а наоборот. И было ясно, что это один из тех дикарей, с кем они недавно дважды столкнулись.

— Что это? — воскликнул Варяг.

— Это… Это хуманимал… — Боязливо пробормотал Лазал прижимаясь к клетке пленников и глядя на то, как это существо рычит, скрипит гнилыми и редкими зубами и тянет к нему костлявые руки. — Его пару месяцев назад поймали… Посадили на цепь… За ногу… Но ногу он отгрыз себе. Тогда цепь надели на шею. Шею он себе перегрызть не может. Когда он видит нормальных людей, он бесится. Поэтому тряпку повесили…

Хуманимал продолжал дергаться и тянуть руки, словно не понимая, что ни цепь, ни клетка не дадут ему добраться до Лазара. Он свирепо вращал своими безумными звериными глазами, пока его взгляд не встретился с взглядом Николая, подошедшего к своей решетке. Зверочеловек тут же затих, и на его лице появилось что-то вроде страха. Он что-то забормотал.

«Боится», — пронеслась мысль в голове Николая. — «Он меня боится!».

Стоявший на одной ноге хуманимал опустился на четвереньки и попятился в глубину своей клетки. Добрался до унитаза, зачерпнул оттуда рукой воду и попил из ладони, не сводя безумных глаз с Васнецова. За дверью коридора послышались громкие голоса и шаги.

— Послушайте, — Роберт снова схватился за прутья, — Послушайте, — шептал он, — Я на вашей стороне. Вы единственные люди за столько лет с кем я могу говорить по-русски. И еще… У нас тут две фракции… Моргана Рэймэна, он приходил сюда. Бывший егерь… Рейнджер здешний… У него большой авторитет… Он тоже за вас… И с ним неплохая команда. ЦРУшник Хорнет и бывший пилот Джон Тиббетс. Но есть и другая фракция. Окружного судьи Эдварда Линча. У него тоже авторитет и сильная команда. Но они против вас. Верьте людям Рэймена… — И он замолчал. В коридоре показались люди с носилками и несколько охранников. Как только охранники заметили, что материя упала с клетки хумнаимала, поднялась бранная ругань. Они что-то кричали зверочеловеку и что-то спрашивали у Роберта, а тот сбивчиво отвечал. Охранники стали занавешивать клетку сорванной материей и хуманимал вдруг завыл почти как собака. Люди с носилками открыли клетку и стали грузить недоумевающего Вячеслава.

— Эй, куда вы его?! — Крикнул Варяг.

— Не беспокойтесь, — сказал ему Лазар. — Это санитары. Они его в наш госпиталь отнесут. Помогут ему. Это распоряжение Рэймена.

Вячеслава стали выносить. Он, лежащий на носилках, тоскливо посмотрел на своих товарищей, словно хотел спрыгнуть

с носилок и вернуться в клетку.

— Славик, не волнуйся. Все хорошо будет, — Махнул ему рукой Варяг.

Наконец все стали уходить. Санитары с раненным другом. Охранники, что-то между собой обсуждающие. Лазар, боязливо поглядывающий на занавес, из-за которого доносились завывания…

— Судья Линч, — пробормотал Яхонтов, — Одно это уже симптоматично как-то. Но то что на нашей стороне чернокожий рейнджер, сотрудник ЦРУ и пилот ядерного бомбардировщика, который нас бомбил, вообще шокирует… И куда этот мир только катиться?

64. DEMOCRACY

Николай открыл глаза и уставился в потолок. Все тот же темный сырой и покрытый грибком и плесенью потолок тюрьмы в подвале местного полицейского управления. Бывшего разумеется. На сей раз, Николай спал чутко из-за холода в подвале и проснулся, видимо по причине шумной возни заточенного за плотной материей на клетке хуманимала, который сейчас бряцал своей цепью, на которой сидел.

— Уймись, — проворчал Васнецов в сторону висящей материи. Хуманимал тут же притих, и стало слышно только его сопение. Спящий Варяг перевернулся на другой бок и захрапел.

— Черт, — вздохнул Николай, — Уж лучше бы цепь гремела, чем этот храп.

Он поднялся на ноги и прошелся по камере из угла в угол, разминая конечности и разгоняя по остывшему телу кровь.

«Что же мне снилось?» — думал Васнецов, прохаживаясь по камере. Он уже давно заметил, что все его сны что-то обозначали. Давали пищу для размышлений или недостающие штрихи к окружающей реальности. Сновидения были для него важны, и он больше не боялся их, как это было в самом начале их путешествия. Но последний сон он никак вспомнить не мог, видимо из-за того, что прерван он был посторонними звуками проклятого хумнаимала. И мешало сильное беспокойство за Славика, которого унесли на носилках и так и не вернули. Так что же все-таки приснилось? Может продолжение той эпопеи с согреванием при помощи убитой туши оленя? Что вообще тот сон означал? Почему он был в воде и где согревался? И одежда в том сне, которую он сушил на разведенном в лесу костре была явно не его… Правда, он толком не мог вспомнить, что это за одежда. Но точно он такую никогда не носил. Что означал тот сон, и что приснилось сейчас? Чертов хумнаимал… Помешал зараза…

Николай прилег на нары и прикрыл глаза. Стал прислушиваться. Всплеск воды. Дикарь снова зачерпнул воду из унитаза и с жадностью выпил. Храп Варяга. Где-то монотонно капает с потолка. Разговоры вдалеке и щелчки. Видимо кто-то в карты играл. Черт возьми, да эти американцы такие же люди, как и мы. Не сильно-то мы и отличаемся. Тоже завязывают глаза чужакам. Тоже живут в какой-то надежде. У них есть свои подобия морлоков. Они тоже играют в карты и стараются выжить. А собственно кого мы тут ожидали увидеть? Они так же любят своих детей. Носят одежды. Едят. Пьют. Ругаются, обижаются, спорят. Они такие же люди. Просто говорят на другом,

непонятном языке. Вот ведь в чем проблема. Люди говорили на разных языках и не понимали друг друга. Мы разные, но одни и те же. Другой цвет кожи? Пустяки… Прелесть мира в его разнообразии… Но все считали себя правыми а других нет. И война… Война… Война…

Кто-то тихо постучал ключом по решетке. Васнецов открыл глаз и поднял голову.

— Privet. — Улыбнулся стоящий у клетки пожилой мистер Рэймен, — Nado razgovarivat.

Акцент его был ужасен, но в его попытках говорить с пришельцами на их языке, был примирительный жест. Видимо оттого он сейчас не воспользовался переводчиком. Он явно хочет расположить к себе незваных гостей. Рэймен открыл камеру ключом и жестом пригласил идти за ним.

— Варяг, — позвал Николай.

— Чего, — сонно пробормотал Яхонтов.

— Подъем, Варяг.

— А по шее не хочешь, салага?

— Вставай, говорю, пришли за нами.

Яхонтов поднялся и взглянул на чернокожего Рэймена.

— А, понятно, — буркнул Яхонтов, растирая шею, — Давно пора.

Они вышли из камеры и, оказалось, что у входа в этот подвал стоят два бородатых автоматчика в комбинезонах. Оружие они держали наготове.

Яхонтов вопросительно уставился на Рэймена.

— Doveray no proveray, — улыбнулся тот, разведя руками.

— Это да, — буркнул Варяг, — Это само собой.

И они, наконец, покинули тюремный блок, оставив заключенного хуманимала в одиночестве.

Выйдя их коридора, они оказались перед лестницей, ведущей к закрытой двери. Однако повели их не к ней, а под лестницу. Там была решетчатая дверь. За ней стол с рассыпанными на нем игральными картами, несколько деревянных ящиков вместо табуретов и кресло. Еще одна решетчатая дверь. Небольшой коридор и железная дверь. Она сильно заскрипела, когда ее стали открывать. И тут Николай даже раскрыл рот. За дверью была прорытая в земле траншея, накрытая сверху бревнами, бетонными блоками и железом. В точности как это было в родном Надеждинске. Пройдя по земляному коридору и, несколько раз свернув за угол, они стали слышать звуки жизни. Позже появились и источники. Вдоль коридора были вырыты пещеры. На многих были двери. Иные были просто занавешены шкурами зверей. Это были жилища людей. Электричества в них не было.

Освещался только коридор различными лампами. Из некоторых землянок доносился кашель, бормотания, плачь, стоны и еще черт знает что. На многих жилищах вход был открыт, видимо, чтобы туда проникал свет из коридора. Николай бросал украдкой взгляд туда. Вот кто-то лежит на подстилке из соломы и тряпья. Непонятно мужчина или женщина. Непонятен и возраст. Одет в лохмотья и просто лежит. Вот в другой землянке большая кастрюля, наполненная парящей горячей водой. Женщина купает в кастрюле младенца… С двумя головами?!.. Да. У ребенка вторая голова торчала между левым плечом и подбородком. Маленькая недоразвитая голова с закрытыми глазами и жутковатым шрамом на месте уха. Еще одна землянка. Пожилой человек и трое ребятишек сидят на дощатом полу и едят из одной миски руками куски какого-то мяса. В еще одном жилище в углу храпела женщина, а рядом сидел диковатого вида лохматый и невероятно худой подросток и отгрызал себе отросшие на босых ногах ногти. Собственные ногти он не сплевывал, а жевал и проглатывал. Н-да… Ассоциации с Надеждинском как-то улетучились сразу. Люди в этих землянках совсем не были похожи на тех, кто их пленил. Одеты во что попало, зачастую просто обмотаны тряпьем и шкурами. Не мытые. Смердящие грязными телами. Убогие, горбатые, худые, сморщенные. Не обращающие практически никакого внимания на бредущих под конвоем по коридору чужаков.

— Варяг, что все это значит? — пробормотал Васнецов.

— Я так полагаю, что это низшие слои местного общества. Наименее успешные. Или беженцы, которым местные не горели желанием предоставить свои комфортные жилища. — Спокойно ответил Яхонтов.

Бедный район, или как его в полголоса Варяг окрестил — «район трущоб» закончился. Снова массивная дверь. Дальше опять коридор, вырытый в земле. Однако более ухоженный. Стены выложены кирпичом или камнем на глиняном растворе. Больше электрического освещения. Кое-где на стенах украшения из старых дорожных знаков, указателей и наружных рекламных щитов. Тут люди жили не в землянках, а в подвалах зданий, которые были соединены крытыми траншеями. Ассоциации с Надеждинском снова стали возвращаться. Люди тут попадались реже, потому что их жилища не примыкали к центральному ходу, а были обособлены. Но те жители, что встретились, были одеты более добротно, пусть в старые но, тем не менее, ухоженные одежды. И у этих людей хватало сил и времени бросать на пришельцев злобные взгляды. Видимо весть о том, что в плен к местному ополчению попали русские, разнеслась среди жителей

Хоуп Сити и те наверняка были бы рады уничтожить незваных гостей, да еще и, наверное, повинных в уничтожении этой сверхдержавы, но вооруженный конвой одним своим видом сбивал с одержимых местью людей пыл. Однако встречались люди, которые смотрели без злобы, но с любопытством. Правда, таких было меньше.

Они свернули за угол. Наткнулись на пост охраны. Коридор тут был шире. Дальше большая двухстворчатая дверь. За ней большое и хорошо освещенное помещение с низким потолком. Войдя в него, Николай, наконец, увидел то, что заставило его улыбнуться.

— Я тебе еще раз объясняю, морда твоя гуталиновая, вот карты. Я раскладываю их в три стопки. Ты выбери себе одну. А мне покажешь, в которой стопке она лежит. И так три раза. Я тебе еще раз говорю, белоснежный ты черт, одну и ту же карту ты выбираешь три раза. Понял? Лазар, да объясни ты ему нормально! Переведи!

Сквернослов сидел в кресле каталке за большим столом. Нога у него была забинтована. Рядом сидели те два чернокожих, которые бесились перед их клеткой, сыпля угрозы. Сейчас они были спокойны и дружелюбны.

— Вы хотите, чтоб я и морду гуталиновую перевел? И черта белоснежного? — вздохнул сидящий в углу и листающий какую-то потрепанную книгу Роберт. — Эх, молодой человек. Если бы они понимали, что вы сейчас им наговорили… Я же объяснял вам полчаса назад, для них это больная тема.

— Это я уже вкурил, дядя Мойша, — ухмыльнулся Сквернослов. — Только мы тут при чем? Мы русские. На нас за такие слова можно не обижаться. Мы рабов себе в страну из Африки в трюмах не гоняли. У нас страна такая, что при любом режиме из своего народа рабов делали. Правильно я говорю, дядя Варяг? — он взглянул на вошедших товарищей.

— Дурак ты, — коротко отозвался Яхонтов. — Как нога?

— Они что-то там поколдовали. Теперь не острая боль, а глухая пульсирующая.

— Значит, дело к поправке идет, — кивнул Варяг.

Тем временем Лазар объяснил Томасу, чего от него хочет Вячеслав.

В ответ тот быстро закивал головой.

— I understood. Mother fucker. — Томас улыбнулся, демонстрируя золотые фиксы.

Сквернослов принялся снова раскладывать свои карты в три стопки по семь карт в каждой. Чернокожий ткнул пальцем в правую стопку.

— There.

Славик сложил три стопки вместе, положив указанную в середину. Затем, не тасуя, снова разложил в три стопки. И снова указанную положил в середину. И третий раз. Снова сложив их в месте, после того как Томас в последний раз указал на стопку где лежит заветная карта, Вячеслав стал разбрасывать их на столе «рубашкой» вверх. Когда он сбросил веером двадцать одну карту, то вытянул одну из них и показал американцу.

— Вот она, — Сквернослов победно улыбался.

— Mother fucker!!! — воскликнул Томас и, выхватив из руки карту, стал трясти ее перед лицом Си Джэя, что-то торопливо и эмоционально говоря.

— Чего это он? — Вячеслав обратился к Лазару.

— Ну, он удивлен тем, что вы отгадали загаданную им карту. Не понимает, как вы это сделали.

— Старый фокус, — пробормотал Николай. — Она всегда будет одиннадцатой.

— Колян, ну вот на кой черт ты это говоришь, а? — разозлился Сквернослов. Он выхватил из рук Томаса карту и, наконец, взглянул на изображенную на ней девицу. — Н-да, смачная чикса, — покачал он головой, улыбаясь, — Я бы на твоем месте тоже ее выбрал бы.

Оба чернокожих разразились хохотом.

— Ага, вот это вы без перевода понимаете, уродцы похотливые. — Усмехнулся Славик.

— Давно сидишь тут? — поинтересовался Николай.

— Так у меня часов нет. Но штук сорок фокусов показал. Ни черта не знают, балбесы.

Рэймен, задержавшийся на входе и общающийся с охраной, наконец, вошел и предложил Варягу и Николаю присесть на стулья.

В помещение вошел Джон Тиббетс, уже знакомый им по своему не совсем удачному посещению тюремного блока. Увидев его, Вячеслав помрачнел и сжал кулаки, отчего зажатая в ладони карта с красоткой избранной Томасом помялась.

— Славик, спокойно, — предупредительно произнес Варяг.

— Я нормально, — проворчал Сквернослов.

Си Джэй прищурился и ухмыльнулся, пристально глядя на реакцию Славика. Выглядел он уже не так дружелюбно как полминуты назад.

Тиббетс опять снова смотрел на пришельцев каким-то потусторонним взглядом, садясь за стол.

— Чего ж ты глаза таращишь, чушкарь, — тихо прорычал Вячеслав.

— Славик! — рявкнул Яхонтов.

— Да молчу я. Молчу.

Появился еще один человек.

Выглядел он еще старше Тиббетса. Совершенно седой. Морщинистый. С большой и слегка вздернутой верхней губой. Однако с весьма живым пытливым и несколько ироничным взглядом.

— Donald Hornet, — произнес он бодрым хриплым голосом. Затем улыбнулся и добавил, — C.I.A.

— Тот самый ЦРУшник значит, — кивнул Варяг и протянул ему руку. — Корнал Яхонтов.

— Кого ты корнал, Яхонтов? — пробубнил, взглянув на него Сквернослов.

— Это полковник по-ихнему, балда, — Ответил Варяг.

— А думаешь, стоит им говорить, что ты военный?

— С этими тремя я думаю надо играть в открытую. Тем более что жетон мой, что на связке ключей был, у них теперь. Да и еще кое-что…

— Ну-ну, — вздохнул Вячеслав и протянул Хорнету руку. — Я Славик. Приветствую тебя, проклятая клешня империализма.

— Spasibo. I am, nemnogo ponimay po-russki. — Проговорил ЦРУшник продолжая хитро улыбаться.

— Ах ты, черт. Везет же мне на вас. — Дернул головой Вячеслав.

— Николай, — представился Васнецов, протянув руку Дональду.

— Nick? — Хорнет подмигнул Николаю, пожав его руку.

Тем временем Рэймен что-то тихо сказал двум чернокожим, которых Сквернослов развлекал карточными фокусами. Те поднялись и стали выходить.

— I like you, dude! — Весело произнес Томас, хлопнув на прощание Славика по плечу.

— Господа, вы присаживайтесь. — Заговорил Лазар. — Сейчас будет весьма обстоятельная беседа. А я буду соответственно, переводить. Сейчас придут оппоненты наших друзей. Я попрошу вас быть сдержанными и осторожными. Господину Рэймену было не просто добиться принятия решения об оказании медицинской помощи вашему раненому другу. И сейчас на повестке будет вопрос о том, чтобы изменить ваш статус пленников на более благоприятный для вас.

— Понятно, — Варяг потер бороду, садясь на стул. Николай присел рядом.

Американцы сели с другой стороны стола. В помещение вошли еще трое. Невысокий, с одутловатым лицом и сверкающей

в свете ламп лысиной, человек в меховой безрукавке поверх плотного серого свитера, следом худющий высокий и сгорбившейся человек с длинными черными волосами и в больших очках. Выглядел он достаточно молодо. Казалось что ему меньше сорока. Хотя наверняка это впечатление обманчиво. Просто этого человека молодила некоторая женоподобность лица. Замыкала рыжеволосая толстая женщина в годах с каким-то злым выражением лица, враждебность которого подчеркивали сильно опущенные уголки маленького рта.

— Господа, прошу вашему вниманию. — Лазар кашлянул в кулак и поправил очки, — Окружной судья Эдвард Линч, канадский журналист Филипп Даладье и Мадлен Раковски… Эээ, бывшая спортсменка по фигурному катанию.

— Некислую фигуру она себе накатала, — тихо усмехнулся Сквернослов, явно удивленный тем, что в нынешние времена можно быть настолько толстой. — Со жратвой тут проблем смотрю нет.

— Славик, заткнись уже, наконец, или я порошу тебя увести отсюда, — процедил сквозь зубы Яхонтов.

— Сорвалось, — пробубнил недовольно Сквернослов.

Вновь вошедшие, расселись вдоль дальнего края стола. Женщина бросила ненавидящий взгляд на русских.

Лазар придвинулся ближе и тихо проговорил.

— Господа, я постараюсь перевести вам все…

***

— И все же, Морган, стоит ли тратить наше время на этих людей? — недовольно проговорил лысый окружной судья, обращаясь к Рэймену.

— Вы куда-то торопитесь? Вам есть чем занять ваше время? — Чернокожий рейнджер улыбался.

— Оставьте ваш сарказм. Меньше всего мне хочется сидеть в обществе этих русских и выслушивать ваши доводы в пользу сохранения им жизни.

— Чертовы варвары, — фыркнула Мадлен.

— Надо признать, справедливости ради, что как варвары поступим мы, если огульно будем обвинять этих людей во всех наших бедах. — Покачал головой Дональд Хорнет.

— А кого нам обвинять?! — Взвизгнула Раковски. — Кого, черт вас подери?! Они напали на нас! Они разрушили наш мир! Посягнули на нашу свободу! На наш образ жизни!

Дональд надул щеки и демонстративно сделал громкий и

долгий выдох.

— Не паясничайте! — Мадлен от этого рассвирепела еще больше. — Вы тоже виноваты! Вы прошляпили их приготовления! Вы недооценили их угрозу! Вы же офицер ЦРУ, будьте вы прокляты! Они еще за несколько лет до войны бомбили Джорджию, а вы палец о палец не ударили, чтобы противостоять этому дикому медведю!

— О господи, — вздохнул Рэймен и прикрыл лицо ладонью, — Миссис Раковски, — устало проговорил он, — Я уже не один раз объяснял вам, что они бомбили не штат Джорджия, где жила ваша бабушка, а бывшую советскую провинцию, которая на нашем языке тоже называется Джорджия. И это не в нашей стране, а в тысячах миль отсюда, на границе с их страной.

— Но они бомбили ее! Как варвары! Зачем?!

— Черт возьми, я не знаю зачем! — рявкнул Морган, — Это было в другой жизни, в другую эпоху, в другом мире! Я не знаю, зачем они ее бомбили! Равно как не знаю, зачем мы бомбили Ирак или сербов! Не знаю!

— Но это разные вещи, — развел руками Линч. — И вы не смеете так говорить, — Судья пригрозил пальцем. — Вы, Морган, известный в свое время смутьян. Вы же армию бросили из-за своей неприязни нашего, американского общества. А теперь ваши симпатии этим большевикам наводят на мысль что вы изменник.

— Эдвард, ты всегда был тупицей, — покачал головой Рэймен. — Я любил Америку больше чем все вы, горе патриоты, носящиеся с идеей особой мировой миссии нашей страны. Да, я любил и люблю свою страну. Даже не смотря на то, что мой дед подвергался побоям просто за цвет кожи и сгинул в какой-то канаве с петлей на шее. Даже после того что моему отцу не давали учиться из-за того что он чернокожий, но зато отправили во Вьетнам. И когда он отказался убивать вьетконговцев, заявив, что ему в них не за что стрелять, ведь они не называют его нигером, то оказался за решеткой. Но я любил и люблю Америку, за то, что нашлись люди, которые вышли на улицу и заставили власти смягчить приговор. За то, что нашлась в этой стране сила и воля изменить отношение общества к таким как я. За то, что в конце концов президентом этой страны смог стать чернокожий. Просто за то, что я здесь родился. А для вас, Эдвард, и для таких как вы, наша страна, ее потенциал и ее народ были лишь инструментом. Кулаком, которым вы били всех, кто был, по вашему мнению, в чем-то не прав. Кто был не похож на вас. Кто смел, не прислушиваться к вашему, зачастую порочному и лживому мнению. И понял это я давно. Когда был там. В городе Фалуджа. Нам говорили, что они делают оружие массового

поражения. Но они там умирали от голода из-за наших многолетних санкций. Они там едва справлялись с производством хлеба, и у них не было элементарных лекарств, чтобы лечить своих больных. А нам говорили, что такое со своим народом сделал их диктатор. Нам говорили, что мы принесли им свободу, но я видел, что с нашим приходом там распоясалась анархия и смерть. Нам говорили, что мы избавили их от тирана, но я видел, что мы убили не меньше, чем тот тиран, по которому многие из них тосковали. И после того, как я видел, что творят многие парни, носящие такую же форму, что и я, в этой чужой стране, я решил, что мне не место в армии соединенных штатов. Я не мог и не хотел быть частью ничем не мотивированных убийств мирных жителей, издевательств над пленными и незаконно арестованными и банальных изнасилований. Вы, Эдвард, были в Ираке? А я вот там был. Так что не учите меня жизни и не пытайтесь меня в чем-то уличить.

— Большая ошибка, что вы стали избраны членом совета Хоуп Сити, — брезгливо заметила Мадлен.

— Я был избран людьми этого города. Если вам что-то не нравится, то выступите перед народом. И скажите народу, что он не прав. — Морган ухмыльнулся.

— Да Мадлен. — Дональд улыбнулся, — Он был избран. Да и он в этом городе давно был представителем власти и занимался природоохранной деятельностью. А вот вы, мэм, взялись тут невесть откуда и просто вовремя подставили задницу окружному судье.

— Как вы смеете! — Линч стукнул кулаком по столу.

Раковски позеленела от злости. Хорнет победно улыбнулся. Тихим басом засмеялся Тиббетс.

— Вы аморальные люди, — зашипела Мадлен. — А вы, Дональд! Вы! Вы!

— Я офицер ЦРУ. — Хорнет подмигнул ей.

— А может КГБ?! — оскалился Линч. — Вы тоже неблагонадежный и нелояльный тип, который будет сейчас твердить о разочаровании своей страной и о непризнании нашей великой божественной миссии?!

— Божественной миссии? — Дональд усмехнулся, — У вас есть подписанная богом директива, регламентирующая все аспекты этой самой особой миссии нашей страны? Когда у обезьяны нет других доводов, она начинает кидать какашки. А вы кричать о божественной миссии.

— Вы богохульник!

— Я здравомыслящий человек. Если бог и есть, ну или был, до того как мы его не сожгли всем земным ядерным потенциалом,

то он хватается за голову каждый раз когда вы и вам подобные кричат о том что делаете то что угодно богу. Те, кто сжег Джордано Бруно и Жанну Дарк тоже говорили, что делают то, что угодно богу. Я вырос в страхе перед красной угрозой. Мне с пеленок внушили, что со дня на день красные атакуют ядерными бомбами и начнут свое вторжение в мою страну героев и родину свободы. И тогда я начал свой путь в Ленгли и стал сотрудником сверхмогущественной секретной службы в мире. И я знал, что пришел туда, чтобы бороться с красной угрозой и противостоять коммунизму. И в России пал коммунизм. Мы сделали все, чтобы они там сами сбросили свой строй и развалили свой советский блок. И что я увидел потом? Ничего не изменилось. Мы продолжали свою подрывную работу с утроенной силой. Оказывается, дело было не в коммунистах. Дело в самой России и русских. Оказывается это мы первыми стали угрожать им атомной бомбой. Оказывается, мы должны бороться не с диктаторскими режимами, а делать все для вымирания и деградации непокорных нам народов. А мой дед с этими ребятами братался когда-то на Эльбе. Да дело не в одной только России. Мы занимались саботажем и политическими убийствами. Переворотами и поддержкой террористов. Ради демократии и нашей свободы? Мы же поддерживали и порой приводили к власти настоящих диктаторов и тиранов, взамен тех, кого избирали по закону там, в их странах. Но если тиран и диктатор, преступник и террорист, лоялен нам и слушается наших резидентов, то он вовсе не плохой парень? Сукин сын не сукин сын, если он наш сукин сын? Это то, что нужно было мне ради ощущения безопасности и свободы моей страны и моих соотечественников? Вовсе нет. Порой мы сами несли угрозу безопасности наших людей, но их безопасность меркла перед какой-то странной формулировкой о национальной безопасности. Так какой нации это безопасность, если своих людей мы ставим под удар и своими действиями сеем зерна ненависти к нашей стране среди народов мира? А потом мы все дружно удивлялись, отчего они там все ненавидят Америку? Просто они завидуют, что у нас есть демократия, а у них нет? Тогда надо принести им демократию. И полетели бомбардировщики. Верно Джон?

Тиббетс молча кивнул.

— Можете сомневаться, но я не меньше Рэймена люблю свою страну, — продолжал Хорнет, — Но моя страна, это не интересы корпораций и властной элиты из закрытых клубов и обществ, объединенных капиталом и идеей накопления денег и власти. Моя страна, это ее просторы, ее люди, простые люди. Это возможность говорить о том, что мне нравится, и что нет. Это

черт вас дери Элвис, которого я могу слушать и Додж, который я мог купить. Мне что, угрожал какой-то Иван, который у себя в Сибири ходил на работу и смотрел по вечерам соккер? А я вот всем этим Иванам угрожал, потому что делал работу нужную не моему народу, а угодную элите нэоконсерваторов. А простые люди каждый в своей стране и своим укладом жизни угрожали друг другу? Бросьте вы. Все это политика. Политики угрожали своим народам и народам своих оппонентов. Политики и еще раз политики. Власть имущие по всему миру. Они решали все и за всех. И у нас в том числе. И они решили похоронить наш мир. И они его похоронили. И сейчас в наших руках, в руках тех, кто выжил и не расстался с рассудком и совестью, по-настоящему богоугодная миссия. Зафиксировать мир. Констатировать его. Протянуть друг другу руку для дружеского рукопожатия, как это было давным-давно на Эльбе, когда мы вместе боролись с Гитлером. Как это было на орбите, когда мы совершили совместный полет, соединив наш «Аполлон» с их «Союзом». Вот что действительно нужно богу, так это то, чтобы люди в созданном им мире жили без вражды. Сообща.

— Откуда вам знать что угодно богу, — поморщился Линч. — Не берите на себя смелость говорить за него.

— Я же говорил, что весь этот разговор бесперспективен. У них свои стандарты и своя, правда. — Заявил вдруг Тиббетс. — Дональд, Морган, мы попусту тратим время. Пусть думают что хотят. Мы наложим вето на любое их решение касательно русских и сами выслушаем их.

— Это нарушение устава нашей общины! — Воскликнул Эдвард. Он так нервничал, что постоянно чесал свою лысину. Причем так яростно, что оставлял на ней багровые полосы. — Вы, Джон, как можете вообще такое предлагать! Вы же летчик боевой! Как они отнесутся к вам, если узнают…

— Они уже знают, — Перебил его Тиббетс. — И, по крайней мере, один из них отнесся ко мне враждебно. Но это понятно. Я пилот ядерного стратегического бомбардировщика. Черт вас возьми, Эдвард, да как ко мне должны отнестись русские, если часть моего уцелевшего экипажа погибла от рук своих же, американских граждан, которые винили нас во всем что случилось!

В разговор вмешался, наконец, все это время молчавший канадец Даладье.

— Господа, вы вот представьте, что вы оказались в России. Вы думаете, что там так же как вы сейчас, кто-то вступился бы за вас? — Сказал он.

— Мы не исключаем, что нас прикончили бы, считая, как вы

тут считаете на их счет, что это мы первыми начали. — Ответил Рэймен, — Но если бы мы оказались в России и нас русские убили бы за то, что мы американцы, то это лишь значило бы, что нам не повезло. Не повезло встретить таких людей как я, Дональд или Джон. Это значило бы, что мы к своему несчастью повстречали таких как вы, Эдвард, Мадлен, Филипп. Вот и все.

— А мистер Тиббетс? Что бы с ним стало в России? — ухмыльнулся бывший журналист.

— Меня бы разорвали на куски, узнав правду обо мне, — кивнул пилот. — И я бы это понял. Мне сложно сказать раскаиваюсь я или нет. Я солдат и была война, и я выполнял приказ. Но раскаиваться должны те, кто этот приказ мне отдали. Однако я сожалею, что человечество дошло до того, что такие приказы стали отдавать. Но будь я в России, было бы логичным, что я подвергся бы казни. Равно как и мы разорвали бы здесь того русского, который отправил в наши дома ядерные боеголовки…

После того, как Лазар перевел эти слова, Николай вздрогнул, подумав о Людоеде…

— А вот этот человек русский военный летчик, судя по документам и жетону, которые мы нашли в его вещах! — воскликнул, указывая пальцем на Варяга Линч, приподнявшись со своего стула.

— Я это знаю, — кивнул Тиббетс. — И я знаю, что он летчик истребитель. Истребитель, понимаете? Он служил пилотом оружия оборонительного. Я пилот наступательного оружия. Стратегического бомбардировщика. Он мой враг и противник. Не ваш. Не вам он угрожал в той войне, а мне, пилоту термоядерного монстра. Но я лучше объявлю этого человека своим братом, нежели позволю вам, глупцам, решать жить ему или умереть только за то, что он русский.

— Вы предатель, ренегат, изменник, — брезгливо бросила Раковски. — Вы поддерживаете чужаков, идете против своей страны, своих сограждан…

— Канадец мне не согражданин, — шутливым тоном произнес Дональд. Однако Даладье его шутки не понял. Он нахмурился и показал Хорнету средний палец…

— Варяг, — шепнул тихо Сквернослов, — Ты что, таскаешь с собой свои документы?

— Ну да, — Кивнул Яхонтов.

— На кой черт?

— Я же искатель. Если сгину где, чтобы труп мой безымянным не был.

— А в Америку ты их, за каким чертом потащил?

— Облажался, что тут скажешь, — хмыкнул Варяг, — Бывает

с каждым.

Николай, как и его друзья, внимательно следил за этой странной прелюдией к их разговору с американцами и так же внимательно слушал все, что доносил тихим голосом до их слуха Боб Лазар.

— Роберт, ну что это за балаган такой, я не понимаю? — прошептал, наконец, он.

— Это прения. Ну… Как вам сказать… Это называется, система сдержек и противодействий…

— То есть так и должно быть? Люди должны спорить до хрипоты? Как же единая цель и консолидация? Ну, это же бред.

— Почему бред? — Лазар выпучил глаза, — Это демократия.

— Демократия хороша, когда у власти есть хорошие парни, идущие наперекор плохим парням.

— А разве бывает по-другому? — удивился Роберт.

— Конечно, бывает. Отчего тогда, по-вашему, случилась ядерная война? — ухмыльнулся Яхонтов.

65. THE LAST IVAN

Дальнейший разговор превратился в неприятную взгляду и слуху перепалку. Лазар потерял темп и уже не мог переводить. Да, в общем-то, в переводе уже отпал смысл. Судя по преобладанию в репликах так любимого американцами и весьма эмоционального слова fuck, шла банальная ругань. Рэймен обильно жестикулировал, что-то пытаясь объяснить Линчу. Тот в ответ морщился, мотал головой, постоянно чесал лысину и то и дело вытягивал перед собой руку, указывая пальцем то на Моргана, то на пленников. Мадлен периодически что-то повизгивала и делала страшное лицо. Тиббетс таращил на нее свои жуткие глаза. Дональд кидал какие-то фразы с озорным выражением лица и Даладье, как правило, отвечал на эти фразы, молча, выставляя перед собой средний палец.

Все это выглядело странно и не привычно. Абсурдно и бессмысленно. Хотя, вероятно различные точки зрения должны приводить к золотой середине истины. Но как ее найти, когда никто не собирается уступать и считает своим долгом выражение противоположного мнения, любому мнению оппонента? И сколько этому суждено длиться?

— Джентльмены, — Варяг постучал кулаком по столу. — Джентльмены. Может все-таки, наконец, перейдем к делу?

— А вы не суйтесь! — Рявкнул Линч, — Мы еще ничего на счет вас не решили!

— Да вы и не решите никогда. Может все-таки, для начала нас выслушаете? — Яхонтов развел руками.

— В самом деле, Эдвард, — пробормотал Даладье, — Мы так до скончания времен спорить можем.

— Да-да, — ухмыльнулся Хорнет, — Пусть говорят. Линчевать их мы всегда успеем.

— Вот этих вот намеков только не надо! — Линч погрозил Дональду пальцем.

— Кто за то, чтобы выслушать русских? — спросил Рэймен и поднял руку. Следом подняли руки Хорнет и Тиббетс. Даладье тоже присоединился. Мадлен вопросительно уставилась на Эдварда и как-то виновато проголосовала «за». Видимо тоже устала от спора. Поднял руку и Лазар.

— Боб, а ты куда лезешь? Ты же сам русский? — проворчал бывший окружной судья.

— Я еврей, — возразил Роберт, — И американский гражданин, между прочим.

— Но я все равно против, — дернул головой Линч. — Нечего

их слушать.

— И ты в меньшинстве, — улыбнулся Морган. — Итак. Решено. Господа, — он повернулся к Варягу. — Мы право, некоторое и весьма длительное время назад ожидали тут появление русских. Но в значительно большем числе и более вооруженных. На вооруженный десант вы не похожи, даже если учесть что вы все что осталось от ваших сил вторжения. Что касается банальной эмиграции, то это в наше время просто нелепо. И я не думаю, что у вас там, в России, все намного хуже, чем у нас. Так что вас привело к нам?

Получив произнесенный Робертом перевод сказанного, Варяг некоторое время задумчиво чесал бороду, затем начал говорить.

— Дело вот в чем. Уже давно миновала та страшная война на нашей планете. Цивилизация уничтожена. Выжили горстки людей, немалая доля которых свой человеческий облик потеряла. О том, что произошло двадцать лет назад можно долго говорить. Можно спорить и сокрушаться. Но все это свершившийся факт. И факт свершившийся очень давно. Забывать об этом конечно не следует. Но надо понимать, что это все в прошлом. Надо помнить это как суровый урок, но о былой вражде пора уже позабыть.

— Bull shit, — фыркнул Линч.

— Я прошу не перебивать меня и выслушать до конца. — Нахмурился Яхонтов.

— Вы уполномочены заключить мирный договор? — спросил Рэймен.

— Только признать свою полную капитуляцию! — воскликнул Линч.

— В минувшей войне капитулировало все человечество. Весь мир проиграл, ибо победителей в такой войне быть не может в принципе. — Мотнул головой Варяг.

— Так вы уполномочены заключить мирный договор? — повторил вопрос Морган.

— Да нет таких полномочий, я думаю ни у кого в сложившейся после катастрофы ситуации. Нет институтов государства и власти. А, следовательно, и официальных послов и делегаций быть не может. Есть горстки выживших, на ограниченных пространствах. Как здесь у вас. Но и вы, я думаю, не представляете здесь все соединенные штаты. Так?

— Отчасти, — уклончиво ответил Рэймен. — Мы мало знаем о том, что происходит на остальной территории США и Канады.

— Ну, вот видите. Так и мы. Мы люди доброй воли, а не представители государства.

— Однако если мы, конкретно с вами заключим мир и пожмем, друг другу руки, то это будет мало что значить. Будет

лишь несколько человек, которые заключили между собой мир. И только. Я не думаю, что вы проделали такой путь только ради того чтобы помириться с первыми попавшимися американцами. Верно?

— Верно, — Варяг кивнул и задумался. Как начать говорить о самом главном он может, и представлял себе раньше, но сейчас отчего-то не знал с чего начать. — Послушайте, вы знаете, что у вас за той грядой находится, в сторону Канады?

Американцы замерли и притихли, в недоумении глядя на незваных гостей.

— Shit, — тихо выдавил из себя Линч после минутной паузы.

Ухмылка исчезла с лица Хорнета, и все озорство во взгляде пропало. Рэймен задумчиво уставился в стол, едва заметно покачав головой. Тиббетс вздохнул. Даладье хлопнул кулаком в ладонь. Одна Мадлен ни черта не понимала и часто моргая, смотрела на своих соплеменников.

— Вот значит как, — проворчал, наконец, Рэймен. — Я так полагаю, вы знаете, о чем говорите. Верно?

— Я же говорил вам! — воскликнул вдруг Даладье. — Я много лет назад вам говорил! Она до добра не доведет!

— Тише! — зло зашипела Мадлен, — Вы, что забыли, что об этом упоминать нельзя?! Вы забыли, что нельзя произносить ее… Мы же все обет дали…

— Да подите вы, мэм, — Нахмурился Филипп, — Я не давал никаких клятв никаким мифическим монстрам-стражам…

— Вы в своем уме! Что вы говорите! Нельзя так! — с ужасом в голосе воскликнула Раковски.

— Прекратите истерику, Мадлен! Я еще до войны говорил об угрозе, которую ОНА несет!

— Она защитила нас от ракетных ударов! — прикрикнул на него Линч. — И некоторые приграничные районы Канады, между прочим!

— Погодите, господа, погодите. — Повысил голос Морган. — Всем известно, что только две силы питают интерес к долине. Это хуманималы, которых влечет туда какой-то инстинкт. И стражи. И теперь еще и русские. Почему?

— Среди наших вещей, которые вы изъяли, был бумажный пакет с фотографиями, — произнес Варяг. — Вы смотрели их?

— Разумеется, — кивнул Рэймен, — Вы хотите сказать, что там изображен H.A.A.R.P.?

— Господи, — Мадлен прикрыла глаза ладонью.

— Именно. — Кивнул Яхонтов.

— Откуда у вас эти фотографии?

— С орбитальной станции.

— Что? — Морган сделал удивленное лицо и заразил этим недоумением остальных.

Варяг принялся обстоятельно рассказывать о космонавтах и их миссии. Однако Николай заметил что кое какие детали он все-таки умалчивает, но для полноты картины и понимания причин визита русских на Аляску они роли никакой не играли.

Американцы слушали рассказ молча и внимательно. Однако было заметно, что Даладье довольно сильно нервничает. Нервничает так же и Боб Лазар, который даже стал сбиваться и запаздывать с переводом. Мадлен как обычно ничего не понимала и озиралась на своих соплеменников, ища в их взглядах хоть какое-то объяснение происходящему. Правильно расставив акценты в своем повествовании, несколько раз повторив об угрозе всему живому и самой планете, которую несет ХАРП, Яхонтов закончил свой долгий монолог.

Американцы еще какое-то время переваривали услышанное, затем Линч вдруг захохотал.

— Да они же диверсанты! Самые обыкновенные диверсанты! Они пришли, чтобы убедить нас отказаться от нашего последнего козыря! Вы что, не понимаете?!

— Вовсе нет! — воскликнул Даладье, — Эта установка действительно опасна! Я же статью об этом писал, когда приехал в Хоуп Сити! Вспомните, Хорнет, вы же меня за это обещали в Гуантанамо упечь!

— Чего? — поморщился Дональд, — Что за чепуха? Вовсе не из-за этого…

— Правильно! Вы сами не знали за что. Вам просто сверху большое начальство приказало припугнуть любопытного журналиста из Канады…

— Филипп, ты глупец! Дурак! — рычал на него Линч, — Ты разве не понимаешь, зачем это все?! Ты слышал о «Последнем Иване»?

— Что еще за «Последний Иван»?

— Это гигантская ядерная субмарина, которая долгие годы может таиться под водой на немыслимой глубине. Ее невозможно найти. Она вмещает в себя орды русских солдат. Она несет двести боеголовок. Она может ломать многометровый лед и стрелять прямо из северного плюса в любую точку земли. Эта лодка сделана для того, чтобы за русскими оставался последний выстрел в ядерной войне! И теперь они хотят убедить нас избавиться от проекта «Аврора», чтобы «Последний Иван» сделал свой последний залп, и тогда эти варвары унаследуют себе планету!

— О господи, какой бред, — засмеялся Хорнет. — Не

существует таких лодок.

— Бред?! Не существует?! — взвизгнул Линч, — Куда ваше ведомство тратило деньги налогоплательщиков, а?! Вы все так же перед войной заявляли, что у России больше нет сил и средств, чтобы нанести равноценный ответный удар в ядреном конфликте, а вышло…

И он резко замолчал.

Казалось, что еще больше выпучить глаза Тиббетс не может, но он это сделал, уставившись на бывшего окружного судью. Хорнет ухмыльнулся и покачал головой. У Рэймена поднялись брови, собрав лоб в гармошку.

— Что это значит, Эдвард? — спросил он.

— Вы о чем? — буркнул судья Линч, сменив вдруг тон.

— Я об ответном ударе русских. Не вы ли во всех своих проповедях твердили от начала нашей новой эры, что первыми напали они? Так какой может быть ОТВЕТНЫЙ удар у нападавших?

— Послушайте, Морган, вы какого дьявола к словам цепляетесь? Я это к слову сказал. К тому, что они там, в ЦРУ недооценили их потенциал, пожирая немыслимый бюджет. Я мелкий чиновник, откуда могу знать о том кто начал, а?

— А о «Последнем Иване»? — усмехнулся Хорнет.

— Да черт вас побери, Дональд! Вы сейчас сидите и делаете веселую мину, а где-нибудь в тысяче миль отсюда, подо льдом ждет своего триумфального часа огромный титановый левиафан, заряженный последней на этой планете дозой ядерной смерти. И в чреве этого зверя сидят обросшие и обезумевшие пьяные русские матросы, которые ждут, что вот-вот падет наш последний щит на пути их вероломства и варварства! И ВСЕ!!!

— Ну, ты и сука, Линч, — прорычал сквозь зубы Славик.

Лазар решил не переводить это, да и похоже бывший судья его не услышал.

— Так. Если я правильно понял, то вы хотите уничтожить H.A.A.R.P.? — обратился Рэймен к Яхонтову.

— Ну, это единственный шанс у выживших и у всей планеты, — Кивнул Варяг.

— Вот! — Даладье вскочил со стула, — Вот тут я согласен с русскими! Это надо было сделать давно!

— Вы забыли, Филипп, что «Аврора» дает нам электричество. — Пробормотал Дональд, который теперь был совсем не весел.

— Вы изменник! — рявкнул на своего недавнего союзника Линч. — И вообще, H.A.A.R.P. собственность правительства соединенных штатов! Какого дьявола вы вмешиваетесь, Филипп?

— Какого еще правительства, — досадливо поморщился Тиббетс.

— Речь идет о всем божьем мире! — отмахнулся Даладье, — Я верю в то что H.A.A.R.P. угрожает планете, потому что знал это давно! Пока все боялись коллайдера, вы запустили H.A.A.R.P.!

— Да они коллайдером мир пугали, чтобы про H.A.A.R.P. все забыли, — проворчал Тиббетс. — Коллайдер ведь тоже наш, просто построили мы его в Европе.

— Какая чушь, — бывший окружной судья поморщился и провел рукой по лысине.

— Господа! Вы что делаете! — воскликнула дрожащим голосом Мадлен, — Вы разве забыли, что вы говорите о том, о чем нам нельзя говорить?!

— О чем вы говорите? — Дональд Хорнет сделал наигранно удивленное лицо.

— Я говорю о том, что вы говорите о вещах, о которых говорить нельзя! Вы что, забыли табу?!

— Нет, определенно эта дамочка меня когда-нибудь с ума сведет, — вздохнул Хорнет откинувшись на спинку стула.

— Не смейте называть меня дамочка! Мочист проклятый!

— Вы что, в суд на меня подадите за дискриминацию? — ухмыльнулся Дональд.

— Прекратите, — досадливо поморщился Рэймен.

— Вы хоть понимаете, что можете своей болтовней и упоминанием запретных тем вызвать гнев СТРАЖЕЙ? — зашипела Раковски.

Дональд в ответ вскинул трагично руки и выдохнул:

— Зачем вы упоминаете тех, кого упоминать нельзя?

— Что еще за стражи? — поинтересовался Варяг.

— Они вам не по зубам! — Мадлен скорчила свирепую гримасу и с каким-то садистским возбуждением взглянула на Яхонтова. — Это наши боевые киборги!

Дональд засмеялся.

— Перестаньте молоть чепуху, миссис Раковски. Это придуманная ими же сказка для запугивания суеверных и невежественных людей.

— А встретиться и поговорить с этими стражами можно? — спросил Яхонтов.

Веселость пропала с лица Хорнета, после того как Лазар перевел этот вопрос.

— Вы не совсем понимаете, о чем идет речь. Они не станут слушать не то что вас, но и нас.

— Давайте все-таки каждый выскажется по поводу установки в долине, — поднял руку Рэймен и окинул всех взглядом. —

Мнение русских на сей счет предельно ясно. Они целенаправленно шли сюда, чтобы с ней покончить. А что скажут члены совета Хоуп Сити?

— H.A.A.R.P. надо уничтожить. И я давно об этом говорил. — Решительно заявил Даладье.

— Согласен, — кивнул Тиббетс. — Уничтожить.

— Нельзя делать поспешных выводов, — мотнул головой Дональд. — H.A.A.R.P. дает нам электричества. H.A.A.R.P. причина того, что есть братство стражей, а они своим присутствием в горах, наносят урон хуманималам. Его уничтожение подорвет сложившийся порядок вещей в Хоуп Сити и ввергнет нашу общину в хаос.

— Я согласен, что здесь с выводами торопиться нельзя, — Морган вздохнул, скрестив пальцы рук, — Фотографии и рассказ, это малодоказательно на самом деле.

— А вам какое доказательство надо? Гибель земли? — горько усмехнулся Филипп.

— Вы свое слово уже сказали, господин Даладье, — дернул его за рукав Линч. — Послушайте, этот вопрос даже возникать не должен. H.A.A.R.P. наш последний щит перед угрозой этих варваров. Это наша последняя цитадель! Это единственное, что может остановить «Последнего Ивана».

— Эта долина сакральна! Как у вас могла возникнуть мысль, чтобы допустить к святыне этих безбожных коммунистов?! — вторила Линчу Мадлен.

— Итак, подведем итоги, — усмехнулся бывший окружной судья, потирая руки, — H.A.A.R.P. неприкосновенен. Четверо против двух.

— Мое и Моргана мнение не совсем созвучно с вашим, дорогой Эдвард, — улыбнулся Хорнет. — Мы считаем, что это вопрос стоит дополнительной проработки и сбора информации.

— Как интересно вы будете ее собирать! — рявкнул Линч.

— А вот это уже второй вопрос. — Морган снова поднял руку. — Кто за то чтобы дать возможность русским отправиться к стражникам и попытаться наладить с ними контакт?

— Я за, и пойду с ними, — поднял руку Даладье.

— Да? — судья удивленно на него уставился.

— Я тоже пойду с ними, — Кивнул Тиббетс.

— Это большой риск, — развел руками Хорнет.

— Почему? — усмехнулся Варяг, — Уж не потому ли, что вы запуганные и суеверные невежественные люди?

Дональд поднял одну бровь, глядя на Яхонтова, затем махнул рукой.

— Ну, пусть идут. В конце концов, им рисковать. Я не против.

— Согласен, — кивнул Рэймен.

— А что, если им вскроют череп стражи, то никто тут плакать не будет, — ухмыльнулся Линч, — а вот вы, Филипп и Джон, идете на верную смерть напрасно.

— Значит, большинство не возражает против попытки русских установить контакт со стражниками? — произнес Рэймен.

— Я еще не голосовала! — воскликнула Мадлен.

— И?

— Я против! Нельзя беспокоить стражей! Нельзя нарушать табу! Они беду накликают на всех нас.

— Ясно. Что ж. Ваше мнение учтено, но голоса не в вашу пользу.

— Да чушь это все собачья! Что мы решаем, если со статусом русских не определились?! Я настаиваю, что они диверсанты и враги! Они нам тут не нужны, тем более живые! — Линч зло посмотрел на пленников.

— Понятно, — хмыкнул Морган. — Я в свою очередь считаю, что они не враги и не пленники. Они гости. Они не представляют угрозы для нас. Они шли в открытую. Они сами шли на контакт. Их всего трое. Я не считаю их врагами. Я считаю, что они равные нам и нам надо объединяться, равно как и всем цивилизованным выжившим.

— Согласен с Морганом, — поднял руку Хорнет.

— И я согласен, — кивнул Тиббетс. — Довольно вражды.

— А я считаю, что после той войны, которая была, никакого примирения быть не может, — отмахнулся Даладье. — Но я всегда был принципиально против смертной казни.

— Только это не должно распространяться на безбожников и дикарей! — Снова взвизгнула Мадлен. — Они заслуживают виселицу, как военные преступники!

— Ну что ж, — Линч потер руки. — Три на три. Мнения разделились поровну. А это значит, что прежний статус остается неизменным.

— Вето, — поднял руку Тиббетс. — Мы наложим вето. Если решения по этому вопросу принять не удалось, то статус их неизменен, но вето позволяет нам перевести этих людей в нашу зону ответственности. Свободы передвижения по Хоуп Сити у них не будет. Но в нашем комплексе они могут передвигаться без особых препятствий и ограничений.

— Вы глупцы! На кой черт вам это надо?! Они же загрызут вас, пока вы спать будете!

— Не порите чепуху, — поморщился Морган, обращаясь к бывшему судье. — Я поддерживаю вето.

— Вето, — кивнул Хорнет. — Я с ними с удовольствием

пропустил бы стакан виски и поболтал бы о былом. Они мне не враги. Да собственно и не были никогда. И если мы все тогда пошли на поводу у политиков, то все эти политики давно сгинули. А мы живы и пусть так и будет.

— Оставьте ваш высокопарный бред! — воскликнул Линч.

И снова началась жуткая перепалка с руганью и обильной жестикуляцией. В помещение вошли охранники и вывели Варяга и Николая. Следом они покатили кресло, в котором сидел хмурый Сквернослов.

***

Очевидно, что Морган Рэймен еще до собрания решил перевести пленников, поскольку сейчас они шли не в обратном направлении к тюрьме в подвале бывшего полицейского управления. Они двигались новыми коридорами и траншеями. Миновали две массивные железные двери с постами охраны, мимо подсобок и складов, мимо землянок, откуда воняло свинофермой, мимо очередных трущоб.

Николай угрюмо смотрел себе под ноги, ощущая облегчение оттого, что они покинули этот не имеющий никакого смысла спор совета Хоуп Сити. Споры. Кривляния. Крики. Нервы. Для чего они это делают? Чтобы просто занять себя? Наверное, так. Работами они, скорее всего себя не утруждают. Для этого есть эти убогие из трущоб, которые, наверное, отрабатывают свое пребывание в этом городе умершей надежды и лезут из кожи вон, чтобы отработать. Кладут все силы. Ничего не имеют и ни о чем уже не мечтают. Только подышать подольше. Встретить новый день, который в этих подземельях и от ночи-то не отличается. Просто просуществовать лишний день, час… миг… Какой глупой и бездарной была вся эта затея с походом на Аляску. Надо было так же доживать свой век в своих родных подвалах, а не слушать весь это бред и не морщиться от отвращения перед непониманием людей… И не губить товарищей в походе…

Новый подвал был очень просторным. Однако потолок был так же низок, как и всюду. В стенах много дверей. Свет тусклый. Горела всего одна из шести люминесцентных ламп. И та изредка начинала моргать. В дальнем конце помещения было расставлено много стульев и пластиковых тар для бутылок, которые видимо тоже играли роль табуреток. Среди стульев, в инвалидном кресле дремал ребенок.

Охранники завели пленных гостей в одну из дверей и удалились, закрыв ее за собой.

Это была небольшая комната. Три грубоватые дощатые кровати с расстеленными шкурами зверей. Диодные светильники под потолком.

— Уже не клетка. И то хорошо. Теплее здесь. — Хмыкнул Варяг осмотревшись.

— Зато там параша была, — Сквернослов откинулся на спинку своего кресла.

— Ага, которая воняла, — поморщился Яхонтов.

Николай вздохнул.

— Что же нам дальше-то делать теперь, а? Будем дальше прозябать здесь? А эти идиоты все спорят… Делают вид что они тут что-то значат. Что их решения что-то значат. Что они вообще способны принимать какие-то решения. А на деле все зависит от каких-то стражей? Что делать, Варяг?

— Ну, во-первых, не паниковать. Я этим людям конечно не доверяю. Равно как и они нам. Однако хорошо то, что есть тут хоть немного дружелюбно настроенные люди. Теперь нам главное дойти до этих стражей.

— И что? Стражи пропустят нас к ХАРПу? — Васнецов скептически покачал головой.

— Я и не думал что пропустят. Но, возможно, мы сможем оценить обстановку там. Разведать. Понять, как легче дойти до этой долины и покончить, наконец, с установкой. А эти американцы, что вызывались идти с нами, скорее всего, пойдут, для того чтобы держать нас под контролем. Этого тоже забывать нельзя. Я думаю, когда они прекратят горлопанством заниматься на своем совете, то придут сюда. Тут и обсудим.

— Ладно, — Николай без всякого энтузиазма кивнул, махнув рукой, и подошел к двери.

— Ты куда?

— Посмотрю, насколько сильно их охранники нас опекают.

***

Охранники сидели на стульях за большим деревянным ящиком и играли в покер, ставя на кон папиросы. Они лишь бросили на Николая взгляд и не мешали ему выйти из комнаты. В дальнем конце центральной залы стулья и пластиковые тары уже не пустовали. На них рассаживались дети, и седой горбатый старик с черной повязкой на глазах что-то им говорил. Васнецов неторопливо двинулся к ним. Ребенком в инвалидной коляске оказалась девочка лет десяти в мешковатой одежде. Одна ее нога почти вдвое короче другой. На голову повязан пестрый шелковый

платок, из-под которого выбивались редкие и совершенно белые волосы. Она повернула голову, почувствовав приближение Николая и, уставилась на него белыми глазными яблоками без зрачков. От этого взгляда у Васнецова похолодела спина.

— Hi, — произнесла тоненьким голоском девочка и улыбнулась.

Николай перестал приближаться к детям и остановился, рассматривая их с дистанции всего нескольких шагов. Всего их было около двух десятков, и большая их часть несла на себе печать врожденных уродств. Невероятно широко расставленные большие, полуприкрытые глаза, не излучающие и малой толики сознания и разума. Застывшая на лице улыбка непропорционально большого беззубого рта. Крохотные руки с недоразвитыми пальцами. Заячьи губы и какая-то чешуя на лице…

Это было ужасное зрелище, которое весьма кстати дополнял уродливый старик с завязанными слепыми глазами. Николай попятился. Седая девочка с белыми глазами перестала улыбаться. Она лишь вздохнула и грустно произнесла:

— Bye.

Васнецов сделал несколько шагов, пятясь назад и, наткнулся спиной на что-то. Обернувшись, он увидел, что дорогу ему перегородил высокий бородатый рейнджер. Тот ухмылялся и толкнул Николая легонько в плече. Затем вытянул руку, указывая пальцем на детей и, что-то заговорил.

Васнецов не понимал ни слова. Но вдруг где-то в сознании он стал улавливать тот смысл, который хотел донести до его разума своим монологом этот американец. И не зная языка, он вдруг стал понимать все…

— Что, страшно на это смотреть, русский? А ты смотри! Смотри внимательно! Это вы сделали! Это из-за вас эти дети такие!

— Дети, — пробормотал Николай, — Дети такие… Из-за нас такие дети…

Васнецов мотал головой, принимая из глубин своего сознания понимание того, что говорил на своем языке американец.

— Дети значит… — Николай вдруг пристально посмотрел рейнджеру прямо в глаза. Ухмылка стерлась с лица охранника от этого взгляда. — Детей значит жалко?! — Воскликнул Васнецов и толкнул рейнджера в ответ ладонью по плечу. — А ты думаешь, что на моей родине досталась детям лучшая доля? И с кого мне теперь спросить? С тебя, американец? А может ты считаешь, что есть где-то на земле места, где бог миловал детей и они не

рождаются уродами? И кто их сделал такими, а? Детей тебе жалко стало?! А раньше вы все, бараны, о чем думали, вашу мать!!! О чем вы, сука, раньше-то думали все, и ваши и наши и все на земле!!! Когда свою планету бурами наизнанку выворачивали, о чем думали?! Когда насиловали ее скважинами нефтяными да газовыми, о чем думали!!! Когда вытряхивали из планеты все недра, так словно последний день на ней живете, о чем думали!!! Когда в моря и реки отходы сливали без зазрения совести!!! О чем вы думали, когда ковали ракеты и танки!!! Когда планировали войны и спецоперации ВЫ ВСЕ ТВАРИ, О ЧЕМ ДУМАЛИ!!! Вы думали о том, какими дети у вас родятся, когда вокруг них копоть и смрад?! Вы думали о детях, когда гены свои поражали табаком и спиртом, наркотой и скотством?! А вы думали о том, что если при всем при этом вы не выскребете своих детей в канализацию на докторском столе, и они все-таки родятся, то какими вы их вырастите?! Подобными ВАМ?! А какую землю вы им оставите, после того погрома, который учинили с его природой!!! Думали?!!! А теперь детей жалко стало, свинья!!! Опомнились, да?!!!

Из комнаты выскочил Варяг. Он миновал недоуменно глядящих на разбушевавшегося Николая охранников и схватил его за плечи.

— Ты чего опять натворил?! — воскликнул он.

— Чего я натворил?! Я?! Это вы все что натворили?! Это мой мир! Вы мне его таким оставили в наследство! Только мне повезло родиться чуть раньше, и я не стал уродом с двумя головами! Вот ты в рейдах своих много нормальных детей видел?! А? Да большинство такие же! Новое поколение ядерной зимы! А наш век закончится и что им делать без нас, если мы этот мир спасем, а?!

— Да что на тебя нашло? Что за бес вселился?

— Людоед! Людоед вселился! Отвали! — Васнецов оттолкнул Яхонтова и направился обратно в комнату.

— Черта с два Людоед стал бы себя так вести, — проворчал Варяг, идя следом.

— А я веду себя именно так.

Он вернулся в комнату и завалился на кровать, зарывшись в звериную шкуру.

66. THE GREAT INQUISITOR

Топот армейских ботинок слышался повсюду. Они бежали подгоняемые воем сирены. Из двери душевой выскочил раздетый и мокрый метис Сантана.

— Командир, что случилось?! — крикнул он, прыгая на одной ноге, натягивая на вторую тапок и придерживая промокшее полотенце, обмотанное вокруг бедер.

Бегущий, как и все майор Джон Тиббетс бросил на него мимолетный взгляд и притормозил.

— Лейтенант! Ты почему в душе во время смены?! — рявкнул он.

— Так мы с четвертым звеном же играли! Я вспотел и провонял, как чертов скунс! Что случилось, командир?!

— Тревога, ты что не слышишь?! Бегом в самолет!!!

Пронзительные повизгивания сирены вдруг сменились непрерывным нарастающим воем. Многие из бегущих стали останавливаться и смотреть на ревущие динамики, надеясь, что это какая-то ошибка.

— Красный код!!! — завопил кто-то.

Этот вопль вывел многих из ступора, и они бросились еще быстрее по своим штатным местам.

— Санта Мария, да что же это! — в ужасе закричал Сантана и бросился за своим комбинезоном.

На улице царила нездоровая суета. Сирена выла над аэродромом, усиливаемая эхом и большими громкоговорителями.

— Внимание! Это не учебная тревога! Повторяю! Это не учебная тревога! — кричал до хрипоты из громкоговорителя голос дежурного диспетчера.

Уже стемнело. Всюду горели огни. В стороне трещали лопасти взлетающих вертолетов. Со стоянки срывались электрокары, везущие экипажи самолетов к дальним стоянкам. Если звучит сигнал «Красный код», значит, в небо должно подняться все что летает. Но такого на памяти Джона Тиббетса еще не было. Слева взревели форсажем двигатели очередной пары Ф-22, рвущихся в небо.

Майор подбежал к электрокару с номером его самолета. Его экипаж уже рассаживался.

— А где Сантана, сэр? — крикнул Мак Милан, чьи рыжие волосы были подстрижены под ирокез.

— Подождите меня! — кричал выскочивший из здания лейтенант Сантана, на ходу застегивающий свой комбинезон и, рискуя упасть, наступив на болтающиеся не завязанные шнурки

своих ботинок.

Капитан Логан усмехнулся своей белозубой улыбкой на загорелом лице.

— Мучачос! Мы без тебя войну проиграем! Быстрее!

— Какая еще война, кэп?! — Сантана запрыгнул на сидение электромобиля.

— Ты свою мексиканскую задницу быстрее двигать не мог? — проворчал Мак Милан, — В норматив не укладываемся.

— А это что, тренировка? — с надеждой в голосе спросил самый молодой член экипажа, лейтенант Колман.

— Поехали! — Тиббетс запрыгнул на подножку и хлопнул по спине сидящего за рулем капрала.

— А ты, ирландский придурок, запомни, наконец, — беззлобно просопел в адрес Мак Милана Сантана, — Я не мексиканец. Я Пуэрториканец.

— Не один ли хрен, поедатели бобов?! — засмеялся Мак Милан. — Я не ирландец а шотландец, идиот. Ты сомбреро и пончо забыл одеть!

— Иди к дьяволу! Одень, лучше свою юбку, или что вы там носите! — Кричал пуэрториканец, завязывая свои шнурки.

— Это килт называется, дурак!

— Заткнитесь! — рявкнул на них Тиббетс.

И они заткнулись. И майор Джон Тиббетс пожалел, что заставил их замолчать. В заглушаемом сиреной и ревущими двигателями ровного строя огромных летающих монстров Б-52 безмолвии отчетливей стал проступать страх перед тем, что значила вся эта суета и тревога. Не разряжая свое нервное напряжение хоть и дружеской, но перебранкой, его подчиненные вдруг резко осунулись и, было видно, что плечи их дрожат больше не от движения электромобиля, а от озноба вызванного пугающим волнением.

Вот уже впереди и родная громада стратегического бомбардировщика. Он был на боевом дежурстве. Он был заправлен топливом и провизией. И он был битком набит термоядерными ракетами. Тиббетс вдруг подумал о том, какими по счету они должны взлетать в штатном расписании. Но если соединенные штаты подверглись массированному ядерному удару, то они могут не успеть вырулить даже на взлетную полосу. Им ведь взлетать далеко не первым. Эта мысль пугала. И даже больше пугало не то, что они могли не взлететь и оказаться в бушующем огне мегатонного взрыва или в сатанинских жерновах ударной волны. Пугало то, что такое вообще может произойти. Но ведь может, раз есть такой самолет и для чего-то ведь сделали то чудовищное оружие, которое сейчас в нетерпении покоилось в

чреве летающего великана… значит такое может произойти… И это было самое страшное.

Электромобиль остановился у трапа.

— Майор, сэр! — воскликнул сидящий за рулем капрал. — Врежьте, как следует этим медведям, сэр!

Спрыгнувший с подножки Тиббетс посмотрел на этого покрытого веснушками сопляка. Если все что сейчас происходит не банальная тренировка, максимально приближенная к реальности, если это не какая-то глупая ошибка, если это не очередная паника, вызванная атаками террористов, то жить этому парню осталось максимум минут тридцать. И все. Потом он испариться как и все тут.

— Еще увидимся, сынок, — кивнул ему Джон, старательно прогоняя от себя самые худшие опасения.

Капрал проводил их взглядом и, включив заднюю скорость, вздохнул:

— Это вряд ли, сэр…

Экипаж занял свои места. Командир Тиббетс пристегнул ремни.

— Экипаж! Доложить о готовности!

Подчиненные, соблюдая очередность, стали докладывать, что каждый из них к вылету готов. Загудели турбины.

— База! Говорит «Великий инквизитор»! Запрашиваю текущий статус!

— «Великий инквизитор»! Говорит база! Текущий статус неизменен! Вы седьмые! — ответил динамик. — Взлет в форсированном режиме.

— Понял вас!

— В форсированном режиме? — сидевший справа Логан уставился на Тиббетса. — Джон, что за ерунда. Они в своем уме? Что там происходит вообще? На учения уже совсем не похоже! Опять какие-то арабы самолеты захватили и атакуют небоскребы?

— Погоди, Стив. — Поморщился Тиббетс. — База! Говорит «Великий инквизитор»! Подтвердите код угрозы!

— Код угрозы красный!

— Понял вас, код угрозы красный! Запрашиваю вводную!

— Вводная отправлена!

— Понял вас! Мак! Мак!

— Да сэр!

— Вводную получил?!

— Да сэр! Только что! Ноль шесть двенадцать, «Виолончель»! Альфа, зулу, зулу, танго, чарли!

— Ноль шесть двенадцать… виолончель… — пробормотал Тиббетс, судорожно доставая из кармана кодовый блокнот. —

Логан, наша очередь. Давай на полосу и на взлет. Так… Так… — он сорвал упаковку блокнота и быстро перебирал страницы. — Ноль шесть… двенадцать… ноль шесть… двенадцать… виолончель… виолон… Твою мать!!! Мак, ты не ошибся?!

— Никак нет сэр!

— Повтори вводную!!!

— Ноль шесть двенадцать! «Виолончель»! Альфа, зулу, зулу, танго, чарли!

— Начинаем разгон, Стив! — Тиббетс быстро убрал блокнот и схватился за свой штурвал.

— Джон, что это? — спросил Логан. — Джон. Майор! Что за вводная!

— Атаковать по умолчанию заданные цели. — Как-то вдруг спокойно ответил командир.

— Постойте, сэр, — послышался голос Мак Милана, — Так у нас же ядерные ракеты в толстушку заправлены. Как мы будем атаковать?

— Вот этими самыми ракетами и будем атаковать. Ты что, еще ничего не понял?

Однако Тиббетс отдавал себе отчет в том, что он и сам не до конца осознал какую команду только что получил.

— Внимание, «Великий инквизитор», говорит база, — загремел динамик, — коридор чист. Начинайте отрыв. Занимаете пятый эшелон. При достижении контрольной точки номер три отключаете все сигнальные огни.

— Понял вас, база, я «Великий инквизитор». Начинаю взлет. Эшелон пять, чекпоинт три.

— Удачи, «Великий инквизитор». Боже благослови Америку.

— А какие у нас цели, сэр? — послышался дрожащий голос Колмана.

— Восточная Россия.

— Господи Иисусе! Нет! Только не это! — завопил молодой лейтенант. — Только не с русскими!

— А не один ли черт, кого бомбить? — проворчал Мак Милан.

— Да у них же ракет хватит все планеты от Меркурия до Плутона перепахать!

— У нас тоже. — Строго произнес Тиббетс.

— И что, сэр, нам легче стать должно от этого?! Да если нас не собьют какие-нибудь МиГи, то уж садиться нам точно будет некуда уже! Это же конец, сэр!

Тиббетс расстегнул свои ремни и резко повернулся, глядя в сторону Колмана.

— Лейтенант! А ну соедини свою голову со своей жопой и

возьми все это в руки! Мне здесь нужен четко выполняющий все команды солдат, а не сопливый хиппи! Или ты приведешь себя сейчас же в порядок, или я выкину тебя из самолета к дьяволу!!! Ты понял меня, сынок?!!!

— Сэр! Так точно сэр! — сквозь слезы ответил Колман. — А моя малышка в Гонолулу сейчас… — совсем тихо добавил он.

— Ну, так может, на Гавайи они ракеты тратить не будут. — Буркнул Сантана. — А вот у меня мама в Лас-Вегасе сейчас. А там тоже авиабаза. Я маму с прошлого дня благодарения не видел…

— А в Гонолулу что?! — воскликнул Колман. — Там же Перл Харбор! Военно-морская база! Они нанесут туда удар! Господи да есть на этой планете хоть одно место, которое теперь не будут бомбить?!

— Ватикан, — усмехнулся Мак Милан, — Или Антарктида. Пингвинам повезло, они из-за нашей глупости сорвали Джек пот. Через пару часов вся планета, или что там от нее останется, будет принадлежать им. И папе римскому. А твоя малышка пусть скажет русским ракетам алоха.

— Как ты можешь шутить сейчас, свинья? — Колман совсем расплакался.

— А мне что. Я со своей стервой расстался еще месяц назад. Мне горевать не о ком. Если ей в задницу влетит какой-нибудь русский «Тополь», на десяток мегатонн, я даже рад буду.

— А как насчет всех остальных? Как насчет остального мира? — спросил Стив Логан — Тебе их не жалко?

— Это ублюдочный мир, сэр, если в нем додумались все-таки начать ядерную войну. Сэр…

— Слушай, Мак, — произнес Тиббетс.

— Да, командир.

— Сделай запрос на подтверждение вводной по закрытой частоте. Может это какая-то нелепая ошибка. Если они на нас напали, то чудо что мы успели взлететь. А маячок базы до сих пор работает. Значит она на месте. Значит, удара не было.

— Есть сэр. Делаю запрос на подтверждение. — Он стал работать за своим пультом. — Дьявол. Что такое.

— В чем дело, Мак?

— У меня помехи странные какие-то. Как от… Твою мать, Колман! Это что, сотовый?! Выключи немедленно! У меня помехи из-за него!

— Моя малышка в Гонолулу, — бормотал Колман, дрожащей рукой набирая заветный набор цифр на телефоне. — Я должен ей позвонить.

— Убери сотовый! — заорал Мак Милан, отстегиваясь от своего кресла. — Это запрещено! Это цифровая связь! Сигнал

битый будет!

— Я ее больше не увижу никогда! Я должен ей сказать, что люблю ее! В последний раз сказать! Я люблю ее!

— Долбанные хай-тэк технологии, — проворчал Сантана. — У этого прибора связи защита от русских постановщиков помех, а от простого сотового в кабине он не защищен.

— Дай сюда! — заорал Мак Милан, набросившись на молодого лейтенанта.

— Джессика!!! Нет!!! Верни!!! Это наша последняя нить!!! Джессика!!! Отдай!!!

— Я должен отправить запрос!!! Может вводная не подтвердиться, и мы вздохнем спокойно!!!

— Отдай!!! — Колман вцепился в Мак Милана. — Все кончено!!! Я должен ей сказать!!!

— Стив, — Тиббетс обратился к Логану, — Я держу управление. Выруби Колмана и надень на него наручники. Он опасен.

— Да Джон. — Логан отстегнул ремни и встал со своего кресла.

Сзади послышалась возня и сдавленные крики Колмана. Тиббетс сжал штурвал до боли в запястьях и зажмурился. Было больно осознавать, что это все-таки началось. Что миссия, для которой он служил, все-таки потребовала своего выполнения. Было больно за Колмана и за то, что кто-то разбил его любовь и миллионы жизней. Миллионы Колманов сегодня расстанутся со своими Джессиками навсегда. Миллионы не успеют сказать друг другу главные слова. Было настолько больно, что захотелось плакать. Но он командир и это недопустимо. Он опустил светофильтр своего шлема и зажмурился, надеясь, что его слезные протоки навеки спрессуются, не дав кому-то возможность увидеть его слабость от осознания конца цивилизации. И вдруг его лицо ощутило тепло, а глаза, даже через черное стекло забрала и закрытые веки ощутили яркий свет. Спустя полминуты он открыл глаза. Слева в черноте ночи, далеко на горизонте, поднимался в заоблачную высь бурлящий гигантский огненный шар.

Логан бросился в пилотскую кабину, и раскрыв рот смотрел на кипящий термоядерный гриб.

— Господи Иисусе, Джон, это все-таки случилось! Это случилось Джон, черт бы их всех побрал!

— Стив… Стивен, — прохрипел командир, — Ты мне нужен. Ты мне нужен Стив. Помни, что у нас есть долг. Так давай делать нашу работу…

Логан обрушился в свое кресло и стал растирать ладонями

лицо.

— Боже, Джон… Мы же люди… Так почему мы должны делать работу дьявола…

— А мы сегодня выиграли у четвертого звена… шесть ноль… — послышался дрожащий голос Сантаны. — Лучше бы я был футболистом…

— Я так понял запрашивать подтверждение уже не нужно, — Сидящий на полу возле распластанного и скованного наручниками Колмана Мак Милан усмехнулся, — Да теперь и не у кого, наверное… Виолончелисты гребаные…

…война длилась примерно семь часов. Наш самолет был в воздухе двенадцать часов. Мы летели над опустевшим миром. И души наши были опустошены не меньше. Нас не сбили МиГи. Нас не поразил ваши ПВО. И мы летели обратно с опустевшей барабанной установкой, в которой еще вчера покоились ракеты, о применении которых всего каких-нибудь двадцать часов назад никто в здравом уме и помыслить не мог. Мы сделали эту дьявольскую работу. Никто не мог говорить. Только Колман плакал. Плакал, бредил и звал Джессику. Уже рассвело. Небо перестало быть голубым. Оно было каким-то грязно оранжевым с багряными мазками. Будто какой-то художник хотел нарисовать маслом на холсте ад, но не мог представить, как этот ад выглядит, и тогда просто размазал крупными мазками краску. Где была суша, всюду на горизонте виднелись гигантские столбы черного дыма. По этим столбам можно было понять, что еще вчера это был город. Порт. Атомная станция. Военная база. Промышленные объекты. Человечество методично громило в течении семи часов все, что само создавало веками. Стелились огромные площади огня в подожженных ядерными ударами лесах. А в радиоэфире был только треск. Нам казалось, что выжили только мы. Не было больше телешоу и радиопередач. Не было Интернета и кругосветных турне с фотоаппаратами. Только дым и пепел. Когда мы увидели другой самолет в небе, то на какой-то миг нам почудилось, что все это был страшный сон. Никто никого не бомбил и наши ракеты на месте. Но когда мы сблизились, то увидели что это русский «Медведь». Ту-95. Такой же убийца городов, как и наш Б-52. Мы летели встречными курсами. Ни у нас, ни у них не возникло мысли пойти на таран. Правда Мак Милан говорил, что это был бы лучший выход и для нас и для них. Мы просто пролетели в миле друг от друга. Каждый из нас сделал свою дьявольскую работу. Мы смотрели на них, а они наверняка смотрели на нас. Логан пытался с ними связаться, но ничего не удалось. Эфир трещал и скрипел. Так и разминулись. Садились мы на юге Канады на каком-то богом

забытом аэродроме, который кое-как нашли среди чадящих руин вчерашнего мира. Он был совсем не рассчитан на такой самолет, и посадка оказалась очень жесткой. Сантана переломал себе все кости. Он умер часов через пять после посадки в муках. Сильные травмы были и у Колмана. Но он не стал ждать, когда смерть придет за ним, и сам пустил себе пулю в лоб. В первом же американском городке, до которого мы добрались, на нас набросилась обезумевшая толпа выживших. Они винили военных во всем. А уж тем более летчиков стратегов. Мы были элитой ВВС, а стали козлами отпущения. Мои ребята погибли от рук тех, кого защищали. Я остался один и решил пробираться на Аляску. Когда-то я здесь жил, в Анкоридже. Но этого города уже не было. И вот я здесь. В Хоуп Сити. — Тиббетс вздохнул, закончив свой рассказ. Лазар закончил переводить.

Николай продолжал лежать зарытый в звериную шкуру, но он больше не спал. Однако не подавал вида. Он не шевелился и лишь легка приоткрыл глаз, глядя сквозь взъерошенную шерсть звериной шкуры на Тиббетс, Варяга и Лазара, сидящих на соседней койке. Рядом на табурете сидел Рэймен. Вячеслав лежал на своей койке, заложив руки за голову и, смотрел на спину Тиббетса.

— Н-да, брат, — вздохнул Варяг, попыхивая трубкой. — Не завидую тебе. Не представляю, как с этим жить. Я вот помню, по молодости завидовал другим летчикам. Кто на Су-27 летал. Тяжелый многоцелевой. А у меня легкий МиГ-29. Я и бомберам завидовал. Особенно тем, что на Ту-160. Особенно когда они на патрулирование заступать стали. Но потом как-то охладел. Да и в самолет свой просто влюбился.

— Быть истребителем благородное ремесло, — Кивнул Тиббетс. — Ты те бомбишь мосты и школы. Не утюжишь колонны беженцев и больницы. И не швыряешь ядерные заряды. Ты охотишься на других истребителей. Ты охотишься на таких как я. Ты защищаешь небо, а не испепеляешь землю. Ты дерешься, а не громишь всех с недосягаемой высоты. И иногда дерешься на равных. Ты истребитель, а значит благородный воин, Варяг, а не великий инквизитор…

— Слышь, Варяг, — ухмыльнулся Вячеслав, — Видел бы тебя сейчас наш генерал Басов… Брататься с врагом! Да как вы могли! Да это измена Родине и присяге! — Сквернослов стал подрожать громовому голосу Басова.

— А нам что, глотки друг другу грызть? — Яхонтов обернулся.

— Не знаю, — Вячеслав равнодушно пожал плечами.

— Послушайте, мистер Яхонтов, — вмещался в разговор

Рэймен. — А каков все-таки был ваш план? Вы же не планировали с самого начала встретить тут американцев и просить их помочь с уничтожением «Авроры»? Мне кажется, что есть у вас в рукаве какой-то козырь, о котором вы не хотели говорить при Линче и его фракции. Но это ведь не «Последний Иван», Верно? — Он улыбнулся.

— Но вы же против уничтожения ХАРПа, Морган. Разве я не правильно вас понял на совете? — Яхонтов развел руками.

— Знаете, я политик поневоле. Но я выучил одну простую истину. Не всегда надо говорить то, что думаешь. Не всегда надо предлагать то, чего хочешь. Я ведь когда поступил на егерскую службу, то занимался экологическим мониторингом нашей местности. Меня беспокоил H.A.A.R.P. давно.

— Так значит вы…

— Я считаю, что от этой установки надо избавиться. Строго говоря, ее нельзя было и запускать. Неизвестно что послужило началом войны. Но за некоторое время до апокалипсиса, H.A.A.R.P. был запущен на полную мощность. У нас тут были проблемы с некоторыми видами связи. Сильнейшая ионизация. Головные боли. Несколько ничем не мотивированных самоубийств. Это ведь весьма необычно для маленького городка…

— Но ведь сейчас он мощней как никогда. И уж всяко мощнее, чем двадцать лет назад. Почему сейчас вы умудряетесь отправлять радиосигналы? Почему сейчас нет головных болей о которых вы говорите?

— Конечно «Аврора» сейчас на пике своего могущества. Но характер излучения иной. Я не знаю тонкостей работы установки, но мы подозреваем, что работа ХАРПа не статична. Она эволюционирует. Она подстраивается под какие-то неведомые нам и меняющиеся цели. Либо на его работу влияют фазы солнечной активности. И, более того. Теперь Хоуп Сити в мертвой зоне. Есть определенная внутренняя зона вокруг ХАРПа, в которой его работа нулевая, но высоко в атмосфере и далее на больших расстояниях он делает свое дело. И конечно вносит полный хаос в магнитное поле. У нас тут нет двух компасов, которые могли бы показывать одно и то же направление.

— Кстати, — добавил от себя Лазар, — Я могу подтвердить, что в большей степени догадки Моргана верны. Я как ученый немного понимаю суть процесса, который был запущен. И понимаю, что он вышел из под контроля. Причем давно. Едва ли я смогу объяснить вам что-то на понятном языке. Тут язык формул и сложной терминологии. Но, в общем, все опасения верны.

— А как же вы электричество от него получаете?

— Тут есть два высоких пика. — Сказал Рэймен, — На обоих были горнолыжные базы. На одном сейчас стоит наша главная радиоантенна, при помощи которой мы шлем свои послания. На другом тоже антенна, но переделанная под прием электричества из ионизированной атмосферы. Потоки энергии колоссальные, которые выробатывает ХАРП. Но получаем мы мизерную долю из-за несовершенства технологии и технической базы. Мы сделали лишь крохотный шаг в постижении утерянных секретов Николы Тесла. И за это отдельное спасибо Лазару.

Роберт улыбнулся, переводя эту фразу.

— А вы не пробовали найти альтернативный источник электроэнергии? — Спросил Яхонтов.

— Это очень сложно. Но я работаю над этим, хотя сколько-нибудь заметного успеха не добился. Меня не сильно в этом вопросе поддерживают. — Ответил Лазар.

— Почему?

— Потому что источник энергии уже есть. К чему искать другой?

— Но этот источник опасен.

— А разве когда-то был по-другому? Об этом ведь можно просто не думать. Разве было заметно какое-то рвение, когда весь мир сидел на углеводородах? Человеческий разум так устроен. Сегодня и сейчас хорошо, а завтра будет завтра. Наслаждаемся текущим моментом, если нашли источник этого наслаждения и все. Все знали, что нефть иссякнет, но разве кто-то торопился найти ей альтернативы? Она ведь на тот момент еще не иссякла…

— Значит если ХАРП уничтожить, то…

— То наша община скатиться в дикость и сильную нестабильность…

— Но получит стимул искать другой источник энергии, верно?..

— Да. Как всегда. — Роберт кивнул.

— А почему вы сами не уничтожили ХАРП раньше?

— Все наши опасения и догадки получили весомое подтверждение только с вашим приходом. Это ведь не просто, проделать такой путь как проделали вы. И только потому, что ХАРП занес над миром свой дамоклов меч. Значит все действительно серьезно. Вторая причина кроется в том, что приблизиться к установке невозможно. Там гибнет все живое. Это все равно, что оказаться в микроволновой печи. И так в радиусе десяти миль от антенного поля. — Ответил Рэймен.

— Откуда такая информация, если стражники никого не пускают в долину?

— Хуманимала в клетке помните? Он рассказал. Хуманималы

рвутся в долину. Зачем мы пока выяснить не можем. Стражи их убивают. Но бывали редкие случаи, когда хумнаималы проникали в долину и, потом им удавалось уйти от стражей. Единицам за все эти годы. Большая удача, что мы его поймали.

— Но как он рассказал? Он же не говорит? — удивился Яхонтов.

— Это хумнаимал в первом поколении. То есть это деградировавший человек, а не ребенок хуманимала. А у них где-то в подкорке сохранились функции родной речи. Можно гипнозом заставить их говорить. Речь несвязная и фрагментарная, но многое удается понять.

— Вот как. Ну какая еще причина?

— И третья причина. — Рэймен кивнул — Эти самые стражи. И вот эта третья причина заставляет меня снова задать вам вопрос. Какой у вас козырь в рукаве?

Варяг уставился в пол. Надо было что-то решать. Надо было решать сейчас. И Яхонтов решил.

— Ядерная бомба.

Николаю было интересно украдкой наблюдать за реакцией американцев. Рэймен еще как-то держался. Лазар перекосился от ужаса. А Тиббетс вообще казалось, впал в транс.

— Nuclear bomb, — пробормотал он с каким-то трепетом.

— Послушайте, мистер Яхонтов, — вздохнул Рэймен подбирая тщательно слова. — Вы хоть понимаете, что будет, если люди узнают о том, что русские притащили в Америку ядерную бомбу и собираются ее взорвать? Линч и его мнение победят однозначно.

— Я понимаю, — Кивнул Варяг. — Я понимаю это. Но даже если мы выживем при уничтожении ХАРПа, нам смертный приговор обеспечен. Однако речь идет не о нас.

— Однако, такое самопожертвование…

Николай не выдержал и отбросил звериную шкуру. Он резко сел на койке и зло посмотрел на американцев.

— А может уже пора людям научиться принимать правильные и ответственные решения?! А?! Нам все равно всем конец, если этого не сделать! Или так и продолжим в первую очередь думать о собственной шкуре, а уже потом обо всем окружающем мире и его участи?!

— Колян, ты не спал что ли? — хмыкнул Сквернослов.

— А может, хватит спать?! Мы проспали весь наш мир, и теперь нельзя проспать все что осталось! А вы, американцы, чего боитесь?! Не вам рисковать! Не вам собою жертвовать! Мы это сделаем! МЫ! Только не мешайте нам, черт возьми!

— Это очень сложно, — вздохнул Рэймен. — Даже рьяные

противники ХАРПа не позволят русским применять здесь ядерное оружие.

— Погоди, Морган, — Тиббетс приподнял ладонь. — Какая мощность бомбы?

— Шестьдесят четыре килотонны. — Ответил Варяг.

— А где она? Она в той вашей машине, которую видели наши рейнджеры в лесу во время вашей стычки с хуманималами?

— Так там были ваши люди? Да. Она в той машине.

— А где машина?

— Завалена снегом. Она в расщелину провалилась. Неглубоко. Я могу найти это место.

— Так, — Тиббетс потер подбородок. — Предположим что мы в долине. Предположим ближе, чем на десять миль к установке не подойти. Мощности заряда может не хватить. И с большой вероятностью может не хватить.

— Что ты задумал, Джон? — спросил Морган. — Ты уже знаешь, как убедить людей позволить русским взрывать бомбу? Ты знаешь, как договориться со стражами и попасть в долину с этой бомбой?

— Видишь ли, дорогой Морган, гораздо меньше людей будет противиться тому, чтобы бомбу взорвал американец. И эффективность взрыва возрастет значительно, если взорвать ее на высоте нескольких сот футов. И тогда предварительная и основная ударная волны сметут антенное поле излучателя.

— Джон, что ты задумал? — Рэймен вопросительно уставился на Тиббетса.

— А ты разве забыл? У меня ведь тоже есть козырь в рукаве.

— Что?

— Не зря я выходит, в свое время починил и сберег это «Пайпер Чероки». — И Тиббетс впервые улыбнулся. Только улыбка эта была какая-то пугающая.

— Да, но его скорость, Джон. Очень мало шансов успеть убраться…

— Да их почти нет. Я и не буду пытаться.

— Джон! — Рэймен нахмурился.

— Нет, дорогой Морган. Это достойный конец для последнего «Великого инквизитора». И так я хоть как-то смогу искупить свою вину перед всем человечеством. Это судьба, дорогой Морган. Я столько термоядерного огня обрушил на других, что будет справедливо и мне погибнуть в этом огне…

— Джентльмены, — Варяг развел руки, — Я что-то не понял. Что такое это ваш «Пайпер Чероки»?

— Это самолет, — Ответил Тиббетс.

67. WOUND

От блокпоста до ангара расположенного на вершине плоского холма тянулся стальной трос, проходивший через отверстия в контрольных столбах сделанных из железнодорожных рельс. В бушующую метель, когда, вытянув руку человек, мог просто не увидеть собственную ладонь, этот трос был единственным, что удерживало переходящих из городских подвалов к ангару и обратно людей от смерти. Раньше была натянута веревка. Однажды отряд дозорных пошел менять старую смену в ангаре. Была сильная вьюга, и они шли, держась за эту веревку, опустив голову от бьющего в лица снега. Надо было пройти около ста метров. Больше этих людей никто не видел. Потом, когда вьюга стихла, начались поиски. Оказалось, что всего в нескольких шагах от ангара веревку кто-то перерезал и протянул ее в другую сторону по склону холма. Раскопали заметенный снегом конец веревки и дальше копали это место. Нашли замерзшие сгустки крови и несколько свежих гильз. И все. Кто подстроил эту западню, в которую ведомые путеводной нитью шли люди, никто до сих пор не знал. А минуло уже почти десять лет. Людям Хоуп Сити стоило большого труда вбить эти обрезки рельс в промерзшую землю и пропустить стальной трос, но с тех пор больше ни один дозор не пропал.

Вот и сейчас мела метель. Стихия то вполголоса ворчала, то орала как исполинское и голодное чудовище, водя хороводы снега вокруг старого ангара на окраине Хоуп Сити. В ангар от внешнего блокпоста, где кончался трос, вела длинная траншея. Внутри тоже был оборудован пост. Поскольку здесь была зона ответственности фракции Рэймена, тот тут дежурили его люди. Снаружи утепленного ангара слышались завывания ветра. Внутри стоял самолет. Тот самый «Пайпер Чероки». Совсем крохотный, по сравнению с великанами Ил-76 и Ту-95, которые встретились им на пути. Он больше походил на легковой автомобиль своими габаритами и красивыми обводами. Белый. Элегантный, с острым носом, от которого расходились подобно усам лопасти винта поршневого двигателя. Варяг медленно ходил вокруг него и улыбался, поглаживая ладонью холодные крылья и корпус, трогая лопасти винта.

— Роберт, спросите Джона, как давно он на нем летал?

Тиббетс задумчиво смотрел в потолок, сидя в старом автомобильном кресле, расположенном у стены и курил сигару.

— Год назад, — перевел Лазар ответ пилота. — Он мог бы делать это чаще, но топливо в огромном дефиците. Оно больше

нужно для снегоходов. А полеты на самолете расцениваются не более чем забава.

— Красивая машина, — Яхонтов продолжал улыбаться. Самолет имел лыжные шасси и был установлен на постамент из вращающихся стальных барабанов, которые облегчали выкатывание самолета из ангара. Николай взглянул на висящую у ворот ручную лебедку. Видимо с ее помощью надо выводить самолет из укрытия.

— Замечательный аппарат, да Коля? — Яхонтов взглянул на Васнецова. — Мирный. Не созданный, для того чтобы убивать.

— Однако мы и его готовы превратить в ядерный бомбардировщик. — Усмехнулся мрачно Николай.

— Но ведь это для всеобщего блага. Разве нет?

— Конечно. Всеобщее благо, — с каким-то сомнением в голосе кивнул Васнецов. — А им трудно управлять?

— Да что ты. Это как на велосипеде. — Махнул рукой Варяг.

— Тоже самое ты говорил про Ил-76.

— Да это ни в какое сравнение не идет. Тут вообще все просто. Крейсерская скорость низкая. Значит, разгон большой не нужен. Главное набрать скорость отрыва, а она на нем не высока. И пташка сама начнет рваться в небо. Помнишь, что я тебе говорил про физику взлета? — Яхонтов подмигнул и улыбнулся. — Его даже ты сможешь в небо поднять без чьей-либо помощи.

— Да, — хмыкнул Николай. — Конечно. Только ведь я не умею ездить на велосипеде. Не довелось. — Он потер ладонью лоб и украдкой взглянул на Тиббетса, затем снова обратился к Варягу. — Слушай, так чего мы ждем? Нам осталось вернуться к луноходу, забрать бомбу и все. Уже сегодня можно покончить, наконец, с ХАРПом. Зачем нам идти к этим стражам?

— Ишь ты, шустрый какой, — Яхонтов покачал головой. — Во-первых, вариант со сбросом бомбы с самолета, это билет в один конец. У них тут есть старый парашют и у меня есть стропы, чтобы заменить на нем порванные. Но даже если сбросить бомбу с парашютом, очень мало шансов уйти на таком тихоходном самолете от взрыва. Так что если есть хоть призрачный шанс договориться со стражами… убедить их в том, что они охраняют вселенское зло и потакают гибели планеты, то этот шанс надо использовать, и тогда, быть может, никому не придется жертвовать собой.

— Но как же десятимильная зона вокруг антенного поля? — развел руками Николай.

— Мы же толком ничего не знаем, что там происходит. И, в конце концов, может, есть, чертов выключатель у стражей. Мы

должны испробовать все возможности и оставить применение ядерного оружия на самый крайний и безвыходный случай. Разве мало этих бомб в свое время сотрясали землю? Да и пожертвовать из своих запасов топливо для самолета, люди не очень то хотят. Даже те, кто за уничтожение ХАРПа.

— Даже перед лицом всеобщей гибели? — удивился Николай.

Варяг развел руками.

— Так уж люди устроены.

— Вот уж действительно, — Васнецов покачал головой, — Люди… Знаешь, оглядываясь на весь наш путь, я вдруг начинаю понимать, что проще было, когда мы имело дело с пси-волками, морлоками и молохитами… а вот люди… Роберт. Роберт!

— Да юноша. Что вы хотите? — Лазар, присевший на какой-то ящик, взглянул на Васнецова.

— А что, хуманималы на этот ангар не нападают?

— Что вы. Нет, конечно. Они очень боятся открытых пространств. А этот холм не имеет никакой растительности и никаких свойств рельефа, которые могли быть укрытиями. Все на пять миль вокруг пустошью заполнено… или как это правильно сказать… В общем боятся они открытой местности. Это может у них рефлекс такой еще с ядерной войны. При ядерном ударе на открытом пространстве верная смерть. На город со стороны леса они пытались напасть неоднократно. А вот сюда ни разу.

— А кто тогда похитил дозорных ваших много лет назад?

— Так ведь никто не знает. Давно это было. Никаких следов не нашли.

— Ясно. Варяг, ну что?

— Скоро выдвигаемся, — кивнул Яхонтов. — Утром завтра. Надо выспаться. Да и в город надо вернуться дотемна. — Было видно, что ему не очень хочется расставаться с самолетом. Влюбленный в небо летчик, всегда им остается. Даже когда неба этого нет и мир укутан в белый саван мертвеца…

***

Николаю не спалось. Завтрашний день тревожил его. Точнее сказать грядущее утро, когда они отправятся к горному хребту, разделяющему долину Лэйк Льюис от зловещей, мерцающей в черном небе всполохами ионизации долины ХАРПа.

Слова спящего сейчас Варяга его не убедили. Николай не ждал ничего хорошего от похода к стражам и по-прежнему считал, что надо воспользоваться самолетом Тиббетса и бомбой Людоеда. Само провидение послало им этот самолет и пилота,

готового на отчаянный шаг. Так зачем искушать судьбу? Быть может, на всей земле осталось всего два летчика — Варяг и Джон. Так пусть Тиббетс летит и бросает бомбу. Ему не привыкать. Тем более что он сам возжелал себе такую долю.

Николай окинул взглядом спящих товарищей и, поднявшись с койки, вышел из комнаты. Охранник сидел за столом и спал. Он лишь приоткрыл мутные глаза, и веки его снова захлопнулись.

— Везде спят на посту, — тихо проворчал Васнецов и направился к стульям, на которых днем сидели уродливые дети…

— Что теперь, — вздохнул он, обращаясь в никуда, сев на старый стул и откинувшись на спинку. — Что теперь? Слушать они меня все равно не будут. Ко мне только Людоед прислушивался. Да и тот виду не подавал. Просто пользовался моим чутьем, как люди пользовались компасом… Чертовы компасы… Они, заработают, интересно? Неужели все изменится через день другой? Неужели все?.. Черт возьми, да уже сегодня могло быть все кончено, если бы мы с утра отправились за бомбой…

Он взглянул на пол. Между стульев и ящиков валялась забытая кем-то тряпичная кукла. Полинявшая, жалкая, с пуговицами вместо глаз и в сделанном из каких-то металлических деталей респираторе. Он поднял куклу. Тяжесть стального респиратора заставляла набитую соломой тряпичную голову запрокидываться. Васнецов вспомнил тех детей, и мороз пробежал по коже…

— Я все понимаю, господи, — вздохнул он, — Я понимаю все… Но не могу понять за что детей… За что их так, господи? В чем они провинились? Зачем?..

— Причем здесь я? — запульсировал где-то в мыслях чей-то голос. Можно было подумать, что это все тот же ехидный внутренний голос его второго «я», но ведь откликнулся он сейчас на обращение к всевышнему…

— Кто ты? — мысленно спросил Васнецов, перекладывая куклу из одной руки в другую.

— А с кем ты сейчас пытался говорить? Кому задавал вопрос?

— Понятно… Это ты, мое второе «я»… Очень самоуверенно с твоей стороны брать на себя роль бога.

— А я брал? Ты задавал вопрос, вероятно рассчитывая услышать ответ. Так почему ты считаешь, что ответил тебе не ОН?

— Не морочь мне голову…

— Ты сам ее себе морочишь сомнениями. Ты как себе представляешь бога? Седой старик в белом халате сидящий на облаке? — голос надсмехался.

— Ну, уж всяко, не говорящий червяк в мозгах.

— Говорящего червяка в свой мозг поселил ты, если говоришь что у тебя в мозгах говорящий червяк. Ты не думал о том, что бог это частичка каждого из живущих? Не думал, что в каждом человеке есть Бог?

— И как тогда люди смогли такое допустить?

— Да потому что они не думали, что Бог есть в них. И естественно не находили его.

— Так может, его там и не было, раз уж не находили? Почему он не заявил о себе в людях, когда они дошли до черты?

— Тебе даны руки, чтоб ты мог держать вилку и ложку, а зубы, чтоб ты мог пережевывать пищу. Или кто-то должен пережевывать ее за тебя и вложить тебе эту пищу в рот? Так ведь может статься, что он в итоге и сам проглотит твою пищу, а ты умрешь от голода. И разум вам был дан на то, чтобы вы сами в себе божью суть нашли и хорошее взрастили, а не ждали, что оно само придет. А вы? Так почему с бога спрашиваешь теперь за детей? Разве бог такое с ними сотворил? Разве не люди? Разве не люди повинны? А чего вы вечно виноватых ищите на стороне, а на себя оглянуться не желаете? Даже в писании утверждаете, что это бог людей из рая выгнал. Какая наглость, однако. Нет, конечно там написано что во всем виноваты эти трое… гад ползучий и голые баба с мужиком… да только подтекст-то каков… Изгнал их Бог. Не миловал. Не простил. Изгнал. А дело было совсем не так.

— А как же?

— Никто не изгонял людей из рая. Люди и поныне живут в раю.

— Вот как? — Николая даже перекосило, и он дернулся на стуле от одной этой мысли.

— Именно так, — ответил ему внутренний голос. — Все именно так. Просто это люди изгнали бога из рая. И жили в раю без бога. И таким теперь стал этот ваш рай, из которого вы изгнали бога. Нет, тебя конкретно я не виню. Ты маленький еще был. Но если бог есть в каждом человеке, то не стоило ли задать вопрос о детях каждому человеку? Почему не уберегли детей и не оставили им ничего в наследство кроме мук, холода и голода? Ничего кроме болезней и смерти. И даже игрушки, вон какие… А ты обращаешься непонятно к кому и оплакиваешь детей. Ты всех спроси. Ты всем этот вопрос задай. За что их? В чем они виноваты, дети эти?

Васнецов пристально смотрел на эту куклу, затем положил ее на соседний стул.

— Вам тоже не спиться, Николай?

Он и не заметил в своих размышлениях, как подошел Лазар и

присел на один из стульев.

— Совершенно, — кивнул Васнецов. — Наверное, есть такая степень усталости, когда не можешь даже спать. И не физическая это вовсе усталость… Послушайте, Роберт. — Он вдруг пристально посмотрел в загороженные толстыми стеклами очков глаза переводчика, — А вы ведь не хотите, чтобы мы уничтожили ХАРП!

Лазар вздрогнул испуганно, снял очки и, повесив голову, стал сильно тереть стекла.

— Что вы такое говорите, молодой человек, — пробормотал он себе под нос.

— Я же вижу, — Николай усмехнулся. — Если хотите знать, я сам на распутье.

Лазар перестал тереть очки и замер. Затем поднял глаза и, снова вооружив их линзами, кашлянул.

— Почему?

— Я сам понять не могу, — Васнецов пожал плечами. — Но вы, наверное, понимаете обоснование лучше. Так объясните мне.

— Послушайте. Ну… А зачем? Человеческая раса выродилась еще до катастрофы, а война лишь констатировала вырождение. Вы же сами видели, какие дети рождаются. Я старый и далеко не здоровый человек. Мы не остатки человечества. Мы его останки. Надо спокойно дожить свои дни. Уж если мы вписали последнюю главу в историю земли, так надо поставить точку и не разводить кляксы на полях, понимаете? Мы все в умиротворении ждем конца. Мы умиротворены после того хаоса, который был. И уничтожение ХАРПа приведет к новому хаосу. Который лишь отсрочит смерть и продлит агонию. Ну, хватит уже потрясений и неясности. Все. Пора уходить на покой. Пора закрыть занавес, понимаете? А потом… Пройдут миллионы лет. Солнце станет горячее и больше. На спутнике Юпитера — Европе, начнут таять льды глобального океана, и начнется парниковый эффект. Возникнет жизнь. И быть может появиться там цивилизация. И полетят они в космос. Отправят свои зонды. И будут гадать, была на Земле жизнь или нет? Примерно как мы еще пару десятков лет назад гадали так о Марсе. Сфотографируют их зонды нашу пустынную планету с большими песчаными каналами, бывшими некогда реками Колорадо, Амазонка, Нил, Волга, Миссисипи, и будут думать, а может, там когда-то была вода? Сфотографирую их зонды остатки египетских пирамид, и будут думать, а может они рукотворные? Но потом решат, что это всего лишь игра света и тени на скалах… А потом устроят в своем, уже загаженном ростом и развитием собственной цивилизации мире ядерную войну и все. Нет… Жизнь это зараза, ибо ведет она к разуму.

Желание уничтожить ХАРП лишь инстинкт самосохранения. Подобно инстинкту волка, попавшего в капкан и отгрызающего себе лапу чтобы освободиться и выжить. Но без лапы он не выживет. Но инстинкт делает свое дело. Инстинкты сродни инстинкту жрать и размножаться. Обычные животные инстинкты. И мы все, всего лишь животные с животными инстинктами. Весь ужас в том, что мы наделены разумом. А способный мыслить зверь приходит к страшным умозаключениям, как мы видим. Разум это болезнь, поразившая саму жизнь… Вы понимаете?

— Конечно, — и Николай улыбнулся. Широко и открыто. И глаза так добро заблестели. — Я понял что вы, Роберт, наделенное разумом животное. А вот я — ЧЕЛОВЕК.

И Васнецов рванулся вперед и, схватив Лазара рукой за волосы на затылке, резко притянул к себе, шипя прямо в лицо:

— И поэтому вашему ХАРПу очень скоро придет полный шандец!

Лазар дернулся и, вырвавшись, вскочил со стула и сделал шаг назад.

— Вы что же, обманули меня?!

— Отчего же, нет, — Вансецов продолжал улыбаться, и пошел к своему жилищу. — Я действительно сомневался. Но теперь понял, что мои сомнения сделают меня похожим на амебу. А я человек. Но вам просто советую разобраться со своей совестью.

— Послушайте, Николай… Вы же…

— Не очкуй, Лазарчук, — усмехнулся, не оборачиваясь, Васнецов, — Я тебя не сдам. У меня есть поважнее дела.

***

— Блин, хреново то как, — ворчал недовольно Сквернослов. — Я всю дорогу был в деле, и теперь мне тупо сидеть в этом кресле, пока вы будете ходить к стражам?

— А ты как хотел? — Николай взглянул на него. Он так и не спал ночью и просто лежал на койке до утра, пока не проснулись товарищи, и не вышел куда-то Варяг.

— Я хотел быть в деле до конца. — Вздохнул Вячеслав.

— А разве ты сошел с дистанции? Вовсе нет. Просто ты ранен и идти тебе нельзя. Забыл, как вы меня хотели оставить в Москве, когда я пулю снайпера словил? — Васнецов запустил ладонь за пазуху и нащупал висящую на шее пулю, которую извлекли из него врачи конфедератов.

— Но ведь не оставили же.

— Так и тебя никто не оставляет. Мы же вернемся. Да и чего

сокрушаться тебе? Ты жив. Ты дошел. Ты под боком у ХАРПа.

— Ну да… конечно… — Вячеслав кивнул, но слова Николая его совсем не грели.

В комнату вошел Варяг. Он был отчего-то мрачен.

— Что случилось? — Спросил у него Сквернослов.

— Нам оружие не дадут, — проворчал Яхонтов.

— В каком смысле? — нахмурился Николай.

— Да в прямом. Идет Тиббетс. Идет Даладье. Идет Лазар. Идут эти двое… Си Джэй и Томас. Они люди Рэймена. Все будут при оружии. А мы с тобой нет. Так совет решил.

— А в чем дело?

— Да неужели не понятно? Не доверяют они нам. Боятся нас. — Варяг вздохнул. — Неплохо значит, мы повоевали в свое время, если до сих пор боятся. Ладно. Одевайся, Коля. Пора.

Васнецов принялся натягивать на себя теплую одежду.

— Как там погода?

— Скверная, как всегда. Идем на снегоходах. Много шума было из-за топлива. Путь не близкий. Жадничают. Группа Линча хотела даже составить протокол какой-то. Что, дескать, Россия нефть должна будет за то, что из-за нас они горючее для снегоходов будут тратить. Рэймен свои запасы безвозмездно предоставил. Значит уже для самолета топлива меньше. А нам еще к луноходу надо будет… Может быть… за бомбой… — Яхонтов достал из-за пазухи внушительный армейский нож в чехле и протянул его Николаю.

— На вот. Под одеждой спрячь. Хоть что-то.

— Откуда это? — удивился Васнецов, принимая оружие.

— Хорнет дал. Причем сделал это негласно. Тайно от других и вопреки решению совета.

— ЦРУшник? А почему? Он же вроде не горит желанием покончить с ХАРПом.

— Он хитрый. Мне кажется, он что-то там себе замышляет и хочет нас использовать. Не могу понять как именно, но это та еще лиса. Ну что. Ты готов?

Николай осмотрел себя. Теплый комбинезон поверх свитера с горлом и бушлата, да ватных штанов. Валенки. Ушанка. Марлевая повязка и очки с утепленным поролоном бугром для носа. Находиться в такой одежде в помещении было невыносимо жарко.

— Вроде готов, — кивнул он.

— Ну, тогда пошли.

— Ни пуха вам, — грустно вздохнул Сквернослов.

— К черту, — махнул ему рукой Варяг.

Они вышли во внешнее помещение. В стороне стояло много

любопытных людей, которые с интересом смотрели на русских гостей. Толпу огораживала вооруженная охрана. Тут же был тепло одетый Лазар. Он с каким-то напряжением посмотрел на Николая, но то предпочел сделать вид, что ночного разговора не было.

— Hi, — снова пропела улыбающаяся девочка в инвалидном кресле. Она обращалась именно к Николаю.

Он взглянул на нее, и сердце защемило. Девочка сжимала ту самую тряпичную игрушку в респираторе.

— Привет, — вздохнул он. — Как зовут-то тебя?

— Tiebya… zovut… privet… — повторила она улыбаясь.

— Это Табита. — Пробормотал Лазар. — Она… Ее тут святой считают. Она… Мы ее чаще не по имени называем. Ее чаще Воунди зовут.

— А что это означает? — Николай посмотрел на переводчика.

— Ну, это… от слова этого… Wound… Рана значит по-русски.

— Рана, — Николая даже качнуло. — Рана… — повторил он.

— Woundy — кивнула девочка, и протянула к Васнецову руку. — Nikolay. — Затем схватила своей худой бледной ладошкой его за рукавицу и притянула к себе. — Savior! — громко шепнула она.

— Она что, ясновидящая? — Спросил Варяг у Лазара.

— Многие считают что да, хотя кто ее знает, — пожал плечами Роберт.

— А что за слово последнее она сказала? — Николай взглянул на Яхонтова.

— Спаситель.

***

Кортеж из четырех снегоходов мчался по заснеженной пустыне замерзшего озера. Это уже было что-то. Это снова было привычное уже и успокаивающее душу движение. Это не застой и трата времени впустую. Это действие. Это сокращение пути и времени до того момента, когда все на этой земле получат второй шанс. Вьюга заслонила маячившую впереди гряду невысоких пологих гор, за которой находилась конечная точка их невероятного маршрута. Через бушующую снежную взвесь кое-где проглядывались всполохи красноватого сияния над горной грядой, которой из-за вьюги сейчас не было видно. Однако Николай не смотрел. Он опустил голову, поскольку снег нещадно бил в стекло очков, и он просто устал оттого, что веки рефлекторно вздрагивали. Он сидел на ревущем снегоходе,

позади Томаса. Варяг был пассажиром снегохода Си Джэя. Лазар сидел позади Тиббетса. Даладье ехал на своей машине один. Кортеж миновал четырехмильное пространство озера, разделяющее берег Хоуп Сити от противоположного побережья и мчался по заснеженной тундре. Когда-то это был равнинный край больших и малых озер, где кое-где выдавались на небольшую высоту покрытые лишайниками и мхами, невысокими кустарниками и излюбленным лакомством северных оленей — мухоморами. Теперь это была всегда снежная пустыня, как и всюду на земле. Неизменность окружающего пейзажа заставляла думать, что они не продвинулись ни на дюйм в своем движении к цитадели стражей, и только рев двигателей и подпрыгивание на неровностях ландшафта снегоходов успокаивали, напоминая, что они движутся и довольно быстро. Вьюга ревела и била путников наполненными снежной взвесью порывами ледяного ветра, но они, тем не менее, неумолимо приближались к гряде невысоких гор…

Сорок миль были бесконечно долгими, и когда снегоходы остановились на возвышенности, стало легче от возможности размяться. Тиббетс смотрел в бинокль на возвышавшиеся впереди горы. Вьюга здесь поутихла, и был лишь порывистый сильный ветер, который гонял снежную пыль в паре футов над окрепшим настом. Джон медленно водил головой из стороны в сторону, пока, наконец, не остановил на чем-то свой взгляд.

— Go! — Воскликнул вдруг он и путники снова оседлали свои транспортные средства.

На этот раз скорость была не такой высокой. Они карабкались вверх по склону. Впереди ехал Тиббетс, который и остановился первым у большой выступающей из снега скалы. На поверхности скалы были четко видны выдолбленные изображения большого черепа и скрещенных за ним костей.

— Skull and bones. Sign on Guards. — Мрачно проворчал Томас.

Тиббетс развернул белый флаг и поднял над головой. Все замерли и, Васнецов с запозданием понял, почему. Выше по склону, метрах в сорока от них медленной поступью двигались на сближение пять фигур. Они были облачены в панцирные костюмы, выкрашенные белой эмалью, которая местами стерлась, выпуская наружу блеск вороненой стали. У четверых к поясному кронштейну крепились четырехствольные пулеметы с барабанным расположением стволов. Лица скрывали дыхательные маски с панорамным темным стеклом и идущими к массивному ранцу за спиной гофрированными трубками. Снизу того же ранца тянулась к пулемету лента патронов и кабель,

питающий мотор пулемета. У пятого не было ранца, и маска была простая, с круглыми фильтрами под скулами. В правой руке он держал пистолет-пулемет МР-5, а левую руку держал поднятой. У всех на левом бедре лямками крепились огромные ножи.

— Варяг, это же рейдеры! — сдавленно воскликнул Николай.

— Похожи. Даже очень. Видать и у них делали такие костюмы, — Кивнул Яхонтов.

Стражи остановились шагах в тридцати. Пятый продолжал держать поднятой руку.

— Мы пришли к вам с очень важной информацией! — крикнул Тиббетс. — Речь идет о большой опасности, которую несет нам всем долина, что вы охраняете! Это очень важно и срочно!

Лазар переводил его слова, а сам при этом пятился за скалу.

Пятый страж вдруг резко опустил руку и воскликнул через свои, уродовавшие речь фильтры:

— Fire!!!

Четверо остальных внезапно открыли огонь на поражение. Это было настолько неожиданно. Что какие-то секунды никто из прибывшей делегации не смог понять что произошло. Никто кроме Лазара, тут же занырнувшего в снег за скалой.

Николай краем глаза заметил, что первым пал Тиббетс. Из его груди брызнул фонтан крови. Очередь из пулемета другого стража вспорола стоящего прямо перед Васнецовым Томаса и, его отбросило на Николая. Они рухнули за свой снегоход. Николай почувствовал, как его руку обожгло прошедшей по коже пулей. Томас был уже мертв, и Васнецов стал судорожно водить взглядом в поисках его автомата, упавшего куда-то в снег.

У скалы захрипел длинными очередями М-16 Си Джэя и Филиппа. Си Джэй что-то истошно вопил. Что с Варягом? Где этот чертов автомат?

Снег хрустел под широкими накладками на армированной обуви стража, убившего Томаса. Тот медленно шел к снегоходу, щедро распыляя пули вправо от себя. Огненным шаром вспыхнул изрешеченный снегоход Даладье. Стражи наступали. Убийца Томаса навис громадной бронированной фигурой над телом чернокожего и прижавшегося к снегоходу, зарывшегося в сугроб Николая. Страж стоял вполоборота и не видел, что один из двух людей, в кого он стрелял до этого, еще жив и достает из одежды большой армейский нож.

«Куда, куда бить» — думал Васнецов, сжимая дрожащей рукой, с которой он скинул рукавицу, рукоять ножа. — «Кругом броня». И вдруг его внимание привлекла вздрагивающая пулеметная лента, тянущаяся от ранца. Николай вскочил и

вонзил со всей силы лезвие ножа в ленту между поступающих в смертоносное оружие врага патронов. Пулемет заклинило, прижав поступающей лентой, нож и оружие протестующее загудело. Стволы перестали вращаться. Васнецов выдернул одну из гофрированных трубок из ранца, но хуже от этого стражу не стало. Он дернул левой рукой назад, ударив Николая локтем. Васнецов был не против упасть. Ведь стоя на ногах, он был хорошей мишенью. Оказавшись снова за корпусом снегохода, он сорвал с крепления канистру с дополнительным топливом и судорожно стал открывать горловину. Страж выдернул нож и бросил его в снег перед собой. Поднял голову и бросил взгляд, скрытый черным стеклом на безликой маске в сторону Николая. В бронированного монстра уже летел выплеснувшийся из канистры бензин. Топливо попало на разогретый пулемет и бронепластины стража. Разогретые стволы воспламенили горючее и, страж загорелся. Он зарычал что-то в своей маске и повалился в сугроб. Он быстро потушил оружие, но корпус бронекостюма еще горел. Николай схватил гофрированную трубку, которую оторвал до этого и стал выливать остальное содержимое канистры в нее. Затем дернул трубку к огню на броне, и пламя стремительно помчалось прямо в маску. Страж заорал, схватившись руками в армированных перчатках за маску, пытаясь ее снять. Ему это удалось. Лицо стража горело и вонзившийся чуть ниже затылка нож Николая, положил конец его мукам.

Пятый страж с МР-5 обратил внимание на то, что с его подельником что-то произошло как раз в тот момент, когда Николай лег, укрывшись за бронированное тело убитого им врага, и приподнял тяжелый, теперь уже трофейный пулемет. Другой пулеметчик добивал раненного Си Джэя. Закрутились стволы. Загрохотали выстрелы. Пулемет сильно вибрировал в руках Николая. Пули взрывали снег метающейся змейкой беспорядочной очереди и прошили ноги командира стражей. Затем врезались в корпус того, кто только что добил Си Джэя. Не все пули прошили броню, то те, что достигли плоти врага, сделали свое дело и убили его. Раненный командир стражей дал очередь из МР-5 в сторону Васнецова, но попал в мертвое тело своего собрата и по пулемету. Кто-то метнул из-за скалы гранату. Она разорвалась у лежащего пятого стража, оторвав ему голову. Осколки посекли ранец еще одного пулеметчика и видимо повредили источник питания, потому-то пулемет его прекратил свою адскую работу. Тот стал отходить назад, в надежде воспользоваться МР-5 мертвого командира. Четвертый пулеметчик продолжал стрелять куда-то за скалу. Метнулась в сторону фигура Варяга. Он видимо пытался отвлечь стрелка. Тот

лишь повернул голову, но стрелял в прежнем направлении. Даладье метнул из-за скалы очередную гранату, но она упала далеко от пулеметчика и не причинила вреда. Теперь Варяг уже мчался непосредственно на врага. Неповоротливый страж в тяжелой броне стал разворачивать оружие, но не успел. Яхонтов врезался в массивную тушу и повалил его в снег. Ударил кулаком по маске, но видимо зря. Он замотал рукой, корчась от боли, затем нащупал ей в области шеи врага уязвимое место и вонзил туда свой нож, начав делать пилящие движения. Из-за скалы выскочил Даладье с М-16. Николай попытался добить последнего стража из пулемета, но тот заклинило. Страж у мертвого командира уже поднял МР-5 и открыл огонь по Филиппу. Тот кубарем полетел в снег. Васнецов, наконец, увидел лежащий в стороне автомат Томаса и бросился к нему. Кувыркнулся в снегу. Нажал на курок. Автомат не стрелял. Черт да где тут предохранитель! Николай проклинал все на свете за то, что у него в руках был не привычный Калашников, а какая-то американская херня. Он прижался к скале и стал разглядывать незнакомое оружие. Очередная порция пуль ударила по камню совсем рядом. Вот предохранитель кажется… Николай попробовал выстрелить. Получилось. Он отпрыгнул от скалы, нырнул в сугроб и, перекатившись, снова оказался за трупом первого убитого стража. Тем временем Варяг дал очередь из автомата Филиппа по последнему живому врагу. Пули забряцали по броне, но не причинили вреда. Страж только завалился на бок от ударов. Тогда Яхонтов стремительно метнулся в его сторону, воспользовавшись заминкой и с размаху врезал прикладом врага по голове. И еще раз… И еще… Страж дергался на снегу и Варяг уже привычным движением разрезал ему горло. Все… Пятеро стражей мертвы. Мертв Томас. Мертв Си Джэй. Мертв Джон Тиббетс, последний «Великий инквизитор». Раненный Даладье стонет в снегу. Варяг жив. Слава богу, Варяг жив. Лазар… Лазар!

Васнецов зашел за скалу. Роберт прятался под эмблемой Стражей выбитой в камне. Николай осмотрелся, затем вдруг ударил ногой Лазара, заставив его распластаться на снегу и, наставил на лицо старика ствол М-16.

— Ну что! Пора опустить занавес и поставить точку, а?! — рявкнул он.

— Вы что, молодой человек! Вы чего?! — испуганно забормотал переводчик.

— Они ждали нас! Они нас ждали! Они знали, что нас будет не много! И они даже не стали нас слушать! Их предупредили! Что все это значит?! Отвечай скотина!

— С ними нельзя договориться! Нельзя, понимаете?! Они

зачипованные! У них чипы!

— Какие еще на хрен чипы?!

— Те самые! Я рассказывал!

— Не долби мне мозги своими сказками! Они что, хочешь сказать, киборги?!

— Нет! Но у них чипы! Это частная армия! Охранная корпорация! Они выполняли грязную работу и задания спецслужб по всему миру в те времена! Фирмой владели люди из Пентагона, АНБ и правительства! Они все состояли в закрытом клубе!..

— При чем тут это?!

— Я же работал над этими чипами! Те, кого поставили охранять ХАРП на случай ядерной войны, были зачипованы! Тут целая сеть подземных бункеров! У них электричество от установки! У них склады с провизией, оружием, топливом, медикаментами и боеприпасами! Всего этого там, на миллион лет! Но они не имеют к этим ресурсам единовременного доступа! Только порционно! Автономные системы выдают порции необходимого только тем, у кого есть специальные чипы! На мертвых стражах чипы перестают функционировать! Не будет ХАРПа и все системы перестанут работать! И стражи останутся ни с чем!

— Почему! Почему ты, мразь, не сказал об этом раньше?! ПОЧЕМУ!!! Почему мы теряем драгоценное время! За что погибли Джон, Томас и Си Джэй?!

— Линч! Линч хотел, чтобы стражи вас убили и делу конец!

— Ты работаешь на Линча?! Сука!

— Нет! Хорнет тоже хотел, чтобы стражи атаковали!

— Что?! Почему?! Он же за нас!

— Он за себя! Ему нужен конфликт со стражами! Он давно хотел прибрать к рукам все эти бункеры со складами! Он думает что, воюя со стражами, сможет взять пленных и воспользоваться их чипами! Или что я смогу восстановить работу чипов с мертвых стражей! Стражи сильны! Но они не расстаются со своими костюмами! А в них у них одна тактика, которая хороша против хуманималов! Но с людьми им биться сложнее! Хорнет думает, что одолеет их!

— Твари! Вы все мелочные твари! — заорал, хрипя, Николай. — Вы хоть отдаете себе отчет в том, что уже завтра этих складов, стражей, хуманималов и всех вас может не быть, а?! Надо ХАРП уничтожить, а вы, твари, тут замышляете вону из-за ящиков с консервами, гниды!

— Коля! — Варяг подбежал к Васнецову и схватил его за руку. — Коля надо уходить. Их тут наверняка скоро станет много больше. Филипп ранен серьезно.

— Варяг, ты хоть понимаешь, что нас на куски теперь порвут эти идиоты в Хоуп Сити? Ушли русские и американцы, а вернулись только русские и полумертвый канадец! Да еще начали войну со стражами! Нас там убьют!

— Коля! Там Славик! Нам надо вернуться! И Филиппа спасти! У нас выхода другого нет! Там самолет!

— Черт… Черт! Черт!!! Твою мать!!! Лазар, я тебе мозги вышибу!!!

— Коля оставь его, черт подери!!! — заорал Яхонтов.

Порывы ветра резко прекратились, и явственно слышался вибрирующий гул, наполняющий воздух. Гудели пятнадцать гектаров излучателей ХАРПа находящегося совсем близко. Там, за этой вершиной, в долине… Рваную линию гор очерчивало красноватое сияние, поднимающееся в облака и окрашивающее их в кровавый цвет. И за ближайшей вершиной чудовищным басом завыла сирена.

Николай зажмурился до боли в глазах, гоня от себя отчаяние. Он думал сейчас только о маленькой девочки Воунди-Табите. Она ведь ждет, что он спасет ее и всех людей. И другого выхода нет. Надо возвращаться.

— Они тревогу подняли! — крикнул Варяг. — Валим отсюда живо! Лазар, какого хрена лежишь?! Вставай!

68. WAR

Ехать обратно по собственным следам было не просто. Они были почти полностью заметены метелью и проглядывались в снегу лишь местами. Варяг придерживал на своем снегоходе раненного Филиппа. Лазар тянул на буксире большое брезентовое полотно, которое имелось в инвентаре снегоходов, чтобы накрывать их в дальних рейдах от непогоды. В брезент были завернуты тела Си Джэя, Томаса и Тиббетса. Замыкал Николай, у которого уже был опыт вождения такого транспорта после Якутии. Двигатель его машины как-то неприятно хрипел. Видимо шальная пуля что-то повредила в двигателе, однако, тем не менее, работал. Они мчались обратно в Хоуп Сити. Это было обидно. Это было больно. Ведь Николай уже чувствовал дыхание проклятого ХАРПа. Он слышал его монотонное урчание. Он чувствовал запах озона. Ему только надо было протянуть руку. Но нет. Обратно. Бежать. Еще ни разу за свое путешествие им не приходилось бежать обратно. Они неумолимо шли к своей цели и вот сейчас, когда она почти достигнута, они бегут, понеся потери. А как быть дальше? Трудно что-то планировать и предполагать, когда не знаешь, как теперь встретят люди в Хоуп Сити. А встретить могут очень плохо…

Ледяной ветер дул в спину, нанося удары тяжелыми порывами. Казалось, что стражи настигают их и, Васнецов то и дело оглядывался. Но их никто не преследовал. Это было даже как-то странно. Оглянувшись в очередной раз и, не обнаружив ни тени намека на преследование, он снова стал смотреть вперед и заметил, что Варяг замедлил ход и остановился. Затем выскочил из седла и стал разглядывать снег, бродя вокруг своего снегохода. Остановился и Лазар, боязливо оглядываясь на Николая. Васнецов притормозил рядом с Варягом.

— Что случилось?! — воскликнул он, перекрикивая ветер.

— Что-то странное! — Яхонтов продолжал рассматривать снег. Под наметенным слоем едва проглядывались следы снегоходов. — Шесть следов!

— Шесть?! — Николай удивился. — Как это?! У нас ведь четыре этих тарахтели было!

— Вот именно! А следов шесть! Но я думаю, что два следа от одной машины! Вот! Посмотри! След в обратную сторону! И совсем недавно! Он ехал за нами, а потом повернул назад!

— А кто это был?!

— Да хрен его знает! Наверное, кто-то из Хоуп Сити! Следил за нами! — Варяг развел руками.

— Так! — Васнецов выскочил из седла и, схватив Лазара за меховой воротник его шубы, с силой швырнул его в снег. — Кто шпионил за нами!!! — заорал Васнецов, срывая с плеча автомат. — Отвечай, живо!!!

— Наверное, кто-то из людей Линча по его указке! — крикнул Роберт. — Прекратите так со мной обращаться!

— Почему ты нас не предупредил, скотина!

— Я сказал, прекратите! Откуда я знал! Я сам только сейчас узнал, что был еще кто-то! Я просто предполагаю, что это человек Линча!

— Коля! Хватит уже наезжать на Боба! — Окрикнул Варяг. — Надо торопиться!

— Ах, какие мы нежные! — Васнецов фыркнул и, отвернувшись, чтобы не смотреть на то, как Яхонтов помогает Лазару встать и отряхнуться, побрел к своему снегоходу.

И вдруг он ощутил тишину. Абсолютная тишина. И тишина эта настала только для того, чтобы вдруг он услышал нарастающий гул. Николай поднял взгляд и, взглянув на горизонт, остолбенел. Отовсюду на них мчалась черная масса каких-то жутких тварей. Они рычали «хаааарп» и издавали звуки перетираемых камней. Он вспомнил их. Он их уже видел во сне. Жуткие кремниевые псы — стражи ХАРПа. Он огляделся. Они неслись со всех сторон, сужая кольцо вокруг трех живых и трех мертвых людей. Николай оскалился в недоброй улыбке, поднимая автомат.

— Ну, наконец-то. А уже волноваться начал. Сейчас вы нюхнете моего гнева. — Он бормотал браваду, старясь унять волнение и страх. Хотя какой страх? В данный момент он просто не знал что это. Главное что он услышал, как скрепят качели. Они скрипели все громче, а твари были все ближе.

— Мужики. Валите. Прорывайтесь через их строй. А я ими займусь. — Пробормотал Васнецов, медленно прижимая к плечу приклад автомата и пристально глядя в прицел. — Срал я на ваши рычания, уроды, — И он нажал на курок. Автомат как-то медленно задергался в руках, послушно ложась в направление стрельбы после каждой выпущенной пули. И странное дело. Он видел, как эти пули вылетают, и мчаться в кремниевых псов-стражей. А те рассыпаются от первого же попадания как пепельные кучки от порыва ветра. Выстрелы звучали глухо, как издалека. Зато хорошо скрипели качели, которых тут и в помине не было. Как бы медленно не вылетали пули и, как бы лениво не ухал автомат, рожок очень скоро опустел. Николай набрал полные легкие ледяного воздуха и, заорав так, как кричат какие-то исполинские и непобедимые чудовища из самых жутких

кошмаров, бросился на встречу приближающейся массе. Приклад М-16 обрушился на голову первой твари. Монстр рассыпался в прах. Следующий… И еще… Он размахивал оружием как секирой и отправлял этих тварей одну за другой обратно в ад, ведь он сейчас защищает свой мир. Рай, из которого они изгнали когда-то бога… Он казался себе сейчас этим самым богом, вернувшимся в покинутый рай, чтобы навести порядок, а эта нескончаемая стая жутких тварей ничего не может ему сделать и ему надо только изящно размахивать автоматом и сносить им безобразные каменные головы… Что за скотина набросилась со спины? Николай рухнул в снег и резко развернувшись, нанес удар ногой. Варяг отлетел.

— Коля! Ты сдурел что ли?! — заорал Яхонтов.

— Варяг! Бегите! Только я смогу с ними справиться! — закричал Васнецов вскакивая.

— Кого?! Кого, Коля?!

Васнецов стал судорожно дергать головой оглядываясь. Никаких кремниевых псов вокруг не было. Снежная пустошь и ветер, гоняющий белую пыль.

— Черт, как же это?! — воскликнул он.

— Коля, что с тобой! Ты куда целый рожок выпустил?!

— Но я же видел!

— Видел кого?!

И снова качели. Они скрипели, отдаваясь пульсацией в голове. Скрип становился все громче и все чаще, пока не слился в пронзительный визг циркулярной пилой разрывающей разум. Он задрожал и, упав на колени, схватился за голову, издавая жуткие вопли, желая перекричать этот визг и слышать только собственный крик.

— Да что с тобой, Коля?!

— Хххххххххааааааааррррррррррпп… — орал Васнецов, мотая головой и вытряхивая из себя этот скрип. — Чччеерррртттт!!! Это он!!! Это он со мной делает!!! Ссссууукккка!!!

— Он же сумасшедший! — воскликнул подбежавший Лазар.

Николай промычал что-то и вдруг уставился на Лазара. А он не такой худой. На его мясе можно неделю продержаться… Черт!.. Он снова тряхнул головой. Вскочил и с размаху врезал Роберта по лицу.

— Варяг, да сделайте с ним что-нибудь! — Воскликнул Роберт, в очередной раз, упав в снег.

Следующий удар нанес Яхонтов. Васнецов отлетел в сугроб и, распластавшись в снегу, уставился в затянутое тучами небо, прижимая к болящей скуле снежный ком.

— Спасибо, — вздохнул он, почувствовав, что скрип исчез. — Теперь легче.

— Коля, да что за дьявол в тебя вселился!

— Надо же, а думал наоборот, — проворчал Васнецов поднимаясь. — Торопиться надо. Варяг… Он обратить меня может…

— Чего?! Кто?!

— ХАРП. Он боится. Он чувствует. Я уверен.

— Молодой человек! ХАРП, это сложный технический комплекс! Это груда железа! Он не может думать и чувствовать! — Воскликнул Лазар.

— А люди могут? — Николай усмехнулся.

— Вы о чем?!

— Я о ядерной зиме, черт тебя дери. Поехали уже… Пока я с катушек не съехал… Тебя, Лазарчук, первого в таком случае сожру. У Варяга мускулы. Он жесткий…

— Fucking sick asshole, — проворчал тихо Лазар.

***

Всю дальнейшую дорогу он размышлял о том, что с ним произошло. Он как-то совсем не учел что, возможно, ХАРП действительно каким-то образом влияет на мозг. На разум. Только как? Едва ли ХАРП был чем-то мыслящим и действовал осознанно, если только его излучением кто-то не управлял, воздействуя на мировое психополе или делая это локально. Он вспомнил о «генераторах чудес». Вспомнил тот зов, что затащил его и Людоеда в метро Екатеринбурга. Вспомнил проект «Ареал», о котором они вычитали в старых записях Нижнего Аркаима. Все больше думая об этом и сопоставляя какие-то моменты из своих воспоминаний и текущих ощущений, он все четче осознавал то, что все в этом мире взаимосвязано. Что есть это вселенское психополе или мировой разум, о котором что-то говорил тот слепой старик, напророчивший гибель Ильи. Есть что-то непостижимое, необъятное и в то же время такое близкое… Совсем рядом. Вокруг каждого живого существа. В разуме каждого человека. И как чудовищно и противоестественно в таком случае убивать. Воевать. Ненавидеть. Считать, что можно думать о себе, а беды и чаяния других тебя не касаются. Нет. Так не бывает. Просто люди не тратили свое время на постижение истины и тайн мироздания. Не озадачивались эволюцией своего разума. Не рвались вперед все вместе. Люди силой выясняли между собой отношения по всяким надуманным и нелепым

поводам. И теперь ему все это расхлебывать. И всем тем детям от этого страдать. Но проклятый джин, которого люди когда-то выпустили из волшебной лампы своего разума, не хочет сдаваться. Да. Очень тяжело исправить то, что сотворено необдуманно. Еще сложней исправить последствия действий спланированных. Люди очень хорошо подготовили свою смерть. Смерть пока у людей получалась лучше всего. Но оттачивать искусство жизни они почему-то не додумались. Глупые, несчастные существа. Видимо очень рано им открылись тайны атомной энергии, пси-полей, генной инженерии и всего того, что стало монолитной надгробной плитой цивилизации… А что до остатков этой цивилизации, так вот они. Они уже ждут. Давно видимо ждут. Нетерпение заставило их выскочить из сугроба и орать проклятия на своем языке, красноречие свое, дополняя направленными на них стволами огнестрельного оружия. А может наброситься на них, как он набросился на воображаемых псов? Нет… Глупо…

Рейнджеры своими криками и угрозами применения оружия заставили их спешиться и бросить оружие. Повалили на снег и связали. Тот, кто следил за ними, видимо поведал своим, что русские дали бой стражам и из-за этого погибли трое американцев. Собственно то, что нужно было Линчу. Иначе, отчего этим рейнджерам Хоуп Сити быть сейчас такими враждебными?

— Филиппу помогите! Ему медик нужен! — орал Варяг, которого сдерживали пять человек.

Силу применили даже в отношении Лазара.

— Окажите помощь Филиппу! Ребят по-людски похороните! — продолжал кричать Яхонтов.

Николай отрешенно слушал его. Смиренно принял веревку на своих запястьях, связываемых за спиной. Он понимал, что сейчас сопротивляться нет смысла. Сейчас их убивать не станут. Это было бы слишком просто. А им ведь нужно шоу. Значит, его час еще не пробил. А когда пробьет, он покажет им это самое шоу.

***

И снова та же самая камера. Их снова грубо сюда затолкали. Чуть позже вволокли в камеру и Вячеслава, бросив его на нары. Сквернослов кряхтел и морщился, растирая больную ногу.

— Опять вместе, а это главное, — он улыбнулся сквозь гримасу боли. — Пусть даже и в клетке. Я слышал, что погиб кто-то из группы, что к стражам пошла. Я немного их болтовню стал

понимать. Очень за вас боялся. Слава богу, вы в порядке.

— Н-да, надолго ли? — Хмыкнул Яхонтов.

— А что, — Славик хихикнул, — Небось, опять Колян все облажал, да?

Васнецов лишь бросил на него злой взгляд и подошел к решетчатой двери. Просунул руки через прутья и скрестил пальцы, задумчиво глядя на висящее, на клетке напротив грязное полотно. Интересно, тот хуманимал еще там?

За пределами тюремного блока слышался шум и крики. Что там происходило, трудно было вообразить. Что с тало с Лазаром, тоже непонятно. Его связали, как и их, но отвели в другое место. И самое главное, что теперь будет с ними?

— Чувствую, буча нехилая тут назревает, — Сказал Вячеслав, обращаясь к Яхонтову.

— Что ты имеешь в виду? — спросил тот.

— За мной пришли незадолго до вашего возвращения. Я так понял, что Рэймен запретил своим бойцам отдавать меня людям Линча. Там до стрельбы дошло. Они, люди Линча, подстрелили кого-то в подвале. Меня когда выволакивали из нашей конуры, я много крови видел на полу, и тело какое-то лежало. А до того пальбы была. Жутко было, они там детей всех перепугали, а те выли. Плакали. Кричали.

— Дети, — прошептал Николай, прислонившись лбом к решетке. — Дети… Дети… Дети… Опять никто о них не думает…

И вдруг он заметил, что на него через приоткрытый угол материи смотрит безумный жуткий глаз хуманимала. Дикарь отодвинул материю и украдкой смотрел на человека лежа на полу своей клетки.

Васнецов уселся на пол, чтобы быть примерно на одном уровне с ним и улыбнулся хуманималу.

— Привет.

Тот моргнул.

— У тебя есть имя?

Хуманимал снова непонимающе моргнул.

Конечно, он не поймет. Пусть это одичавшее существо и не воспринимается людьми как человек. Возможно, он человеком и не является. Но он американец в прошлом. И он не поймет русского языка. Но есть сила мысли. А разум человеческий вне рамок, границ и языковых барьеров, как и язык жестов, мимики и живых эмоций, если общаться не посредством речи, которая тысячелетиями не менялась, лишь обрастая новыми словами, а посредством универсального языка мирового разума… Хотя, откуда у этого существа разум?

Хуманимал медленно отодвинул рукой занавесь еще больше

и теперь смотрел на Николая двумя глазами. Их взгляды встретились в одной точке, словно вне осязаемого пространства. В каком-то потустороннем мире. И Васнецов понял, что не ошибся…

***

— Джуниор, детка, ну хватит уже играть. Спать давно пора. — Мама потрепала его по русым волосам. Джуниор тем не менее продолжал жужжать губами и водить взад-вперед одной рукой большую игрушечную пожарную машину, а другой придерживая фигурку супермена Росомахи, заставлять ее прыгать вокруг машины. Обе игрушки подарили ему вчера в его шестой день рождения.

— Мам. А папа не придет сегодня? — спросил мальчик, не отрываясь от игры.

— Нет, детка. У него ночная смена. Он завтра придет. Давай спать.

— Мам, ну, — заныл ребенок, — Ну ведь каникулы. Мне ведь не надо утром вставать.

— Ну и что? — мать улыбнулась, — Ты еще маленький. А маленьким детям надо всегда ложиться спать в одно и тоже время.

— Скорей бы взрослым стать, — вздохнул Джуниор. — Тогда я смогу играться сколько захочу.

Мама засмеялась.

— Когда ты станешь взрослым, то играться уже не будешь. У тебя будут взрослые дела и заботы.

— Точно! Я стану спасать мир! Я когда вырасту, то стану Росомахой!

— Глупенький, — она продолжала смеяться, — Ты же хотел стать пожарным, как папа.

— А я вот подумал, лучше быть Росомахой. Он сильный. Он все может. Значит и пожар потушить может. И людей из огня спасти, верно? Так может лучше стать не просто пожарным, а Росомахой пожарным?

Мать залилась звонким смехом, который так любил Джуниор.

— Очень правильный ход мыслей, детка! А ты помнишь, в прошлом году ты хотел стать Халком?

— Мам, — мальчик поморщился. — Он зеленый какой-то. Он меняется. А вот Росомаха не меняется. У него только вот здесь титановые когти вырастают… кхххх!!! — он растопырил пальцы ладоней.

— Ой, боюсь, — произнесла играючи мама и подняла руки.

— Мам, не бойся. Росомаха не причинит вреда. Он добрый. Он даже когда злиться, все равно добрый.

— Детка, — вздохнула, улыбаясь, мать и обняла сына, — Я люблю тебя, Джуниор.

— Я тоже люблю тебя, мам, — прошептал он, щурясь от удовольствия и думая, как же все-таки здорово пахнут мамины русые волосы. Такие же русые как у него. Только длинные до плеч. — Мам…

— Что сынок?

— Мам, а почему когда Халк становится большим и зеленым, то на нем рвется вся одежда, а трусы остаются? Лучше быть Росомахой. Если я стану Халком, то мне придется много работать чтобы все время покупать одежду. Ведь она рвется, когда он злиться и становится большим и зеленым. А вот трусы почему-то остаются. Они у него особенные?

Мать снова залилась звонким смехом.

— Ну, ты даешь, сынок!

— А чего смешного, — обиженно буркнул Джуниор. — Это же серьезный вопрос, мам. Мне не понятно, почему так?

— Детка, это сложный вопрос, — улыбнулась она, — Давай ты сейчас отправишься спать, а я подумаю и завтра тебе отвечу. Окей?

— Ладно, — досадливо протянул Джуниор.

Мать что-то еще хотела ему сказать, но притихла, вслушиваясь в какой-то звук, доносящийся с улицы.

Там пронзительно выла сирена. Потом мимо дома по улице, похоже, промчалась полицейская машина и что-то кричали из ее громкоговорителя. Мать взяла с журнального столика пульт от телевизора и включила его. По всем каналам была одна и та же статичная картинка с мрачной и не предвещающей ничего хорошего надписью «Экстренный бюллетень».

— Внимание! Прослушайте экстренное сообщение управления гражданской обороны округа! Атомная тревога! Атомная тревога! Наша нация подверглась ядерному нападению!

— Атомная тревога! — радостно воскликнул Джуниор, хлопая в ладоши и предвкушая необыкновенные приключения. Он даже подпрыгнул несколько раз. Но азарт покинул его, когда он взглянул на лицо матери. На лице ее застыл ужас…

…они спустились в подвал. Он прижимал к себе игрушечного Росомаху и чувствовал страх. Потому что боялась мама. Он слабо понимал, что происходит там, за пределами их дома. Но если мама боится, значит что-то плохое. Еще страшнее стало, когда мама спохватилась и побежала обратно в дом. Джуниор

зажмурился и сел на пол, заставляя себя думать, что все это такая взрослая игра. Мать вернулась быстро. Она принесла в большой корзине продукты из кухни и большую бутылку с питьевой водой. Потом она кругами ходила вокруг сына, о чем-то сосредоточенно думая. Видимо вспомнив, что еще нужно взять с собой в укрытие, она снова бросилась к лестнице ведущей наверх из подвала.

Именно в этот момент последовал ядерный удар.

Вспышку они не видели, поскольку в подвале не было окон. Только моргнули лампы и погасли совсем. Но они слышали гул, который все нарастал. И дрожь земли, превратившаяся в оглушительный барабанный бой. А потом они оказались в коробке, которую тряс в руках злой великан. Весь мир содрогнулся, и все полетело со своих мест. То, что казалось раньше твердью, превратилось в сплошную адскую вибрацию. Все предметы, казавшиеся совсем безопасными, превратились в смертоносные снаряды, слетающие с привычных мест и сметающие все на своем пути. Разум Джуниора сжался в крохотный, но невероятно тяжелый комок, который он не в силах был удержать. Вся пыль, спрятавшаяся в щелях и прочих потаенных уголках подвала, превратилась в сплошной вихрь, наполнивший помещение. А потом все затихло. Мальчик слышал, как мать зовет его, боясь, что он погиб от удара о стену или был зашиблен одним из взбесившихся предметов с сорванных со своих мест стеллажей.

Он слушал ее и хотел ответить, но не мог этого сделать от стыда и страха. И просто молчал, прижимая к себе дрожащими руками игрушечного супергероя Росомаху. Ему было невыносимо стыдно. Стыдно за то, что он обгадился от страха, когда все вокруг завертелось в чудовищном вихре от сотрясающейся земли. Он ведь мечтал вырасти и стать супергероем. Но супергерои не гадили в штаны даже в детстве. Он знал это из комиксов. А он обгадился. Значит, теперь ему не быть уже Росомахой. И соседские мальчики будут потешаться над ним. Он даже как-то не задумался, что все соседские мальчишки уже превратились в кровавый фарш и перемолотые кости… в обуглившиеся трупы или просто в пепел и пыль…

В конце концов, перепуганная мать все-таки нащупала в кромешной тьме своего сына зажавшегося в какой-то угол. Она не стала его ругать за молчание. Она ощупала его, судорожно водя руками, и прижала к себе, очень обрадовавшись, что с ним все в порядке. Оказывается, даже в такой ситуации можно радоваться. Особенно если родное чадо живой и невредимый… Но эта была последняя радость…

Потом были долгие дни в подвале, пока не стала кончаться

еда и вода. И догорали последние свечи. И стало невыносимо вонять из того дальнего угла, где они вынуждены были сделать отхожее место. И уже исчезла всякая надежда на то, что вернется со своей смены отец…

Все эти дни Джуниор продолжал обнимать игрушечного Росомаху, все надеясь что и он сам вот-вот превратится в супермена. Ведь так всегда бывало в комиксах. В экстремальных ситуациях рождались супергерои. И он настолько сильно верил в то, что теперь и ему суждено стать одним из них, что каждый новый день разочарования его лишь убеждал в том, что если этого не произошло сегодня, то непременно случится завтра. Он обязательно станет суперменом, который спасет себя, маму, и всех кто в этом нуждался теперь. Но этого не происходило. И, в конце концов, случился крах веры, как некий эрзац смерти. Ведь смерть это, наверное, тогда, когда все во что ты верил, оказывается пустотой и ничем, как и надежда на то, что отец остался жив.

Мать долго пыталась разобрать завал и выбраться через запасную дверь, ведущую на задний двор их дома. Внешний мир их встретил ужасающей картиной. Дом был сметен, как впрочем, и все строения вокруг, на которые обрушилась ударная волна. Всюду смрад и копоть от пожарищ. Холодно от того, по небу рассекали гонимые ветром рваные клочья сажи и пепла, дыма и отравленных облаков. И через все это солнце выглядело тусклым зловещим красным оком сатаны. Они долго бродили среди руин в поисках пищи и воды. Но все было тщетно. Магазины, как и все вокруг, перемолото в труху, а продукты из них уже растащили мародеры, крысы и собаки. Они долго искали выживших, но когда увидели живых людей, то решили что это еще опасней, чем быть среди мертвых руин.

По захламленной останками людей, машин и обломками домов, бежала группа молодых парней. Следом, как мог в таких условиях, быстро ехал армейский «ХАММЕР». Из люка на крыше торчал солдат в противогазе и каске, и поливал этих парней свинцом из крупнокалиберного пулемета, убивая одного за другим. Мысль связаться с военными отпала не только после этой сцены, но и после того как они заметили на переднем обвесе другой такой машины, стоящей у большого костра, гирлянду из отрубленных человеческих кистей.

Все желание найти выживших отпало, и они стали наоборот, прятаться от них. А выжившие были. Страшное человеческое существо. Он был совсем обуглившийся. Сидел на чьем-то трупе перед оплавленной детской коляской и бормотал что-то, выпуская из язв на шее кровавые пузыри, при этом медленно

раскачиваясь. И от его движения с тела этого человека отваливались куски плоти, отслаивающейся от костей. Они видели большого добермана с вытекшими глазами, который тащил в зубах человеческую руку. Группа молодчиков, похожих на тех, которых расстреливал солдат из «ХАММЕРА», только вооруженных, осматривала свежие трупы людей. Обчищали им карманы. Срывали золотые украшения и выбивали золотые зубы. В квартале от того места на покосившемся светофорном столбе кто-то повесил полицейского…

Всюду было зло, смерть и разрушения. Но нигде не было еды. И питьевой воды. Джуниор уже падал в голодные обмороки, когда его мать решила пойти на отчаянный шаг чтобы спасти своего ребенка. Она вспорола себе осколком стекла руку и поила сына своей кровью. Она готова была на все ради него, даже отдать всю свою кровь, ведь он и был шесть лет назад единым целым с ней. Одна плоть и кровь. Так он продержался еще день, но мать увядала на глазах. Не смотря на то, что она наложила тугую повязку, кровь не сворачивалась и текла. К тому же и ей нужна была пища. Чуть позже Джуниор заметил, что порывами ветра с мамы сдувает клочья ее красивых русых волос, которые еще недавно так сказочно пахли… Они наткнулись на банду подонков с наступлением нового рассвета. Джуниор спрятался в железном остове перевернутой и сгоревшей машины. И он видел что-то невообразимо страшное и нескладывающееся в голове… Он видел, как семеро мразей насилуют его мать. Святое божество. Самое дорогое, что может быть в его жизни… Он не знал что делать. Он был не в силах, что-либо сделать. Он просто смотрел на это и свернул игрушечному Росомахе голову. Он не превратился в супергероя. Он не спас никого, даже мать. Супергероев вообще не бывает. А вот злодеи, даже суперзлодеи, и даже самое отвратительное что может получиться из суперзлодея, почему-то бывают… Разве это справедливо?

Когда довольные собой ублюдки ушли, он, рыдающий и изгрызший ногти до крови, подполз к лежащей истерзанной матери. Он плакал и звал ее, а она не откликалась. Она умерла… Святое божество. Самое дорогое, что может быть в его жизни…

Он лежал на ней и все звал ее, продолжая, надеяться на чудо. Отгонял крыс и собак и возвращался к маме. Ложился к ней и старался уловить запах ее волос, словно это могло вернуть ее к жизни. Но пахло от нее теперь только грязью и кровью. А потом голод снова стал скрести по его телу когтями. И он в полубреду, размотал повязку на руке матери и стал пить ее кровь. Он и сам не заметил, как откусил кусок ее плоти возле раны и съел. Он был у матери, пока его не отогнал жуткий трупный запах, так не

похожий на запах ее волос. И она уже была не похожа на то Святое божество. Самое дорогое, что может быть в его жизни… Он шел в никуда, маленький обезумевший мальчик, которому всего было шесть лет… Который мечтал быть пожарным как отец… Или Росомахой… Как Росомаха… Добрый супергерой…

В каком-то разрушенном доме он обнаружил уцелевший унитаз, в горловине которого была вода. И он с жадность пил ее, навалившись всем своим маленьким тельцем на этот самый унитаз. Трещина в этом предмете туалета была достаточной, чтобы от веса шестилетнего худого мальчугана откололся кусок. И когда какой-то человек схватил Джуниора, и стал раздевать, мальчик узнал одного из тех, кто покусился на святое божество… Он просто вонзил этой мрази осколок унитаза в шею и, подождав когда тот перестанет дергаться в агонии, хватаясь за вспоротое горло, стал пить его кровь и объедать шею. Он теперь знал, как добыть еду…

***

— Какой ужас… — Николай покачал головой, глядя в безумные глаза Хуманимала. — Какой же ты испытал ужас… Джуниор…

Хуманимал вздрогнул и раскрыл рот.

— Джуниор… — Повторил Васнецов. — Ведь так тебя называла мама…

И это существо заплакало. Слезы потекли по безобразным грязным скулам. Хуманимал завыл, хлопая себя ладонями по лбу. Затем заорал яростно и задернул штору. Он кричал как раненый зверь и метался по своей клетке, прыгая на одной ноге и ковыляя культей второй ноги, скрытый черной грязной материей от чужих глаз и человека вторгшегося в его воспоминания. А потом стали раздаваться звуки, красноречиво говорящие о том, что он разбивает унитаз в своей камере.

— Колян, ты что с этом обмороком сделал? Загипнотизировал? — усмехнулся Вячеслав.

— Побольше почтения! — рыкнул Васнецов, резко обернувшись.

— Чего? Колян, ты чего?! К кому почтение?!

— С ними можно установить контакт!

— С кем? — нахмурился Варяг.

— Да с хуманималами. И… Черт возьми и с морлоками! А люди их просто убивают! Это не правильно!

— Коля ты вообще дурак?! — крикнул Вячеслав. — Они же

людей жрут!

— Они тоже люди! Просто у них все забрали, в отличие от нас! Они все потеряли! Абсолютно все! Мы не правильно поступаем! Мы убиваем и уничтожаем все, что нам не понятно и все чего мы боимся! А это не правильно! Надо донести до людей информацию, что можно установить контакт с морлоками и хуманималами!

— Это ведь не тебе, придурок чертов, они ногу палкой проткнули! — Сквернослов совершенно вышел из себя. — А ты вспомни ту девочку, за которой ты поперся в метро, там в Москве. Что они с ней сделали?! А за каким хреном батя твой, или кто там на самом деле лазит в подземке, выкашивает их пулеметом?!

— Да люди сами виноваты…

— Я в чем виноват, сука?! Девчонка та, в чем виновата?!

— Заткнитесь! — заорал Варяг и вскочил со своего места. — Тихо лошары! Заткнитесь и слушайте!

Они притихли. Только хуманимал негромко плакал в своей клетке. Это ясно слышалось. Единственный человеческий звук, который он издавал. Плачь обессилевшего отчаявшегося человека. Плачь потери и тоски. Одиночества и боли…

Но после того как Варяг оборвал спор Николая и Вячеслава, кроме этого плача слышалось и другое. Выстрелы. Одиночные, очередями, кашляющий грохот дробовиков. Где-то среди подвалов Хоуп Сити, совсем рядом с тюрьмой, шла перестрелка. Пальба сопровождалась криками и отборной бранью.

— Стражи пришли? — Васнецов взглянул на Яхонтова.

— Да не похоже. Стреляют из охотничьих ружей, винчестеров и М-16. Пулеметов и МР-5 я не слышу. И ругань идет.

— Ты можешь разобрать, что они кричат?..

— А я говорил вам, что буча будет! — махнул рукой Вячеслав.

— Н-да. Похоже на то. Это местные разборки. — Варяг почесал бороду. — Плохи дела наши. Братцы.

— А в чем дело? — Вячеслав насторожился.

— Сам подумай. Пока у них просто противостояние, мы в плену у Линча были предметом его торга с Хорнетом и Рэйменом. Но если все вылилось в гражданскую войну, то нас просто могут прикончить. Избавиться от нас пока сюда не пришли другие.

— А в чем наша важность?

— Да я понятия не имею. Либо мы предмет манипулирования общественным сознанием. Либо все дело в бомбе. Кому она достанется.

— А им она зачем?

— Ядерная монополия — это абсолютная власть. Погоди-ка…

Совсем близко разговаривают двое…

Перестрелка продолжалась. И, тем не менее, было отчетливо слышно, как за правой дверью коридора разговаривают на повышенных тонах двое мужчин.

— О чем они треплются, а Варяг? — спросил Славик.

— Погоди… Кажется один предлагает экономить патроны и убить их ножом. Другой говорит, что в этом случае патронов много не надо, а ножом убивать их опасно, потому что один из них… что-то не пойму… медведь… да. Один из них медведь. И с ножом их можно не одолеть. Ведь они убили… Пять стражей… Твою мать да это же про нас говорят!

— Два бородача вошли, наконец, в коридор. У одного в руках автомат М-16. У второго мачете. Это были люди Линча. Одни из тех, что связали их по возвращении в Хоуп Сити. Сомнений не было. Они шли, чтобы казнить пленников. И явно очень торопились.

Васнецов держался за прутья решетки и пристально смотрел на приближающихся палачей, которые продолжали спорить о выборе орудия убийства. Это было похоже на самую нелепую развязку их миссии, которую только можно было себе вообразить. Он отчаянно рисовал в голове четкую картинку того, как их снова спасает Людоед. Но это невозможно. Это более чем невозможно. Нет сейчас в мире никого, кто мог бы спасти их. А люди Хорнета и Рэймена сюда явно не успеют. Да и неизвестно, что последует после спасения такими людьми. Новый плен?..

Нет, черт возьми, так не должно быть. Так просто не может быть. Их не могут вот так просто взять и убить сейчас… Хотя нет. Могут. Вот именно такое и может произойти. Именно это и происходит постоянно. Просто не с ними. С другими. Но теперь дошла очередь и до них… И нет спасения…

Васнецов вдруг понял, что все, что он сейчас видит, не имеет цветовой гаммы. Что все, что видят его глаза, лишь в черно-белом цвете и с сильным контрастом. А голоса палачей вибрируют скрипом качелей. Он понял что есть шанс…

Джуниор! Джуниор!!!

Палачи встали напротив клетки. Позади них висела грязная черная материя… Тот что с автоматом, снял оружие с предохранителя. Второй что-то ему говорил, показывая мачете. Черная и грязная материя рванулась в сторону, и автоматчику в шею воткнулся острый обломок унитаза. Другой рукой хуманимал выдернул из рук палача М-16 и швырнул его как копье в клетку Николая. Второй палач завопил и вонзил мачете хуманималу в живот, проворачивая широкое лезвие и наматывая на него кишки жертвы.

— Джуниор! Нет!!! — заорал Васнецов, схватив брошенный ему автомат. Он ведь уже снят с предохранителя…

Длинная очередь из автомата вспорола палачу спину и бок. И когда он уже падал, две пули попали ему прямо в лицо. Тот, кому проткнул шею Джуниор, уже умер. Мертв был и сам хуманимал…

— Коля! Ты американца убил! — воскликнул Вячеслав. — Вот теперь нам пи…

Раздался взрыв. Совсем рядом. Послышался звук падающей стальной решетки и падающих обломков камней. Две короткие автоматные очереди.

Из дыма и пыли, которые заволокли коридор после взрыва, показался Боб Лазар. Он гремел ключами и торопливо открывал замок клетки.

— Господа! Этот город сошел с ума! — воскликнул он, распахнув клетку.

— Вы на свободе, Роберт? — спросил выскочивший из камеры Варяг и сразу подобравший окровавленный мачете.

— Да. Большой совет настоял, что я все-таки свой для них.

— А что теперь происходит?

— Война, господа. Гражданская война. Начались беспорядки, когда выяснилось, что по приказу Линча, Филиппу Даладье в нашем госпитале ввели воздух в вену посредством шприца.

— Что?! — Варяг не верил своим ушам. — Они убили Филиппа?! — Зачем?!

— Вы жизнь ему спасли, и он на вашу сторону встал! И постоянно твердил, что надо уничтожить ХАРП раньше, чем стражи пришлют сюда экспедицию. И все твердил, что ему надо выступить перед общественностью и рассказать важную информацию о Линче и его связи со стражами. Вот ему и заткнули рот. Господа, поторопитесь, надо бежать!

В коридоре показалось два вооруженных человека, которые махнули Роберту руками. Тот кивнул и побежал к другому концу коридора, путь от двери которого, вел в убежище Рэймена.

— За мной господа. Люди Хорнета хотят освободить вас, но вам лучше быть у людей Рэймена. Рэймен хочет уничтожить ХАРП, а Хорнету ХАРП нужен будет какое-то время после войны со стражами и захвата их горного комплекса. Без ХАРПа комплекс не будет функционировать и, все что спрятано там, в недрах станет недосягаемым! А там столько всего! Если бы сейчас вся американская армия восстала из мертвых, то ее можно было там всю вооружить и накормить! Хорнет не против взорвать ХАРП но уже после того как он захватит все что там есть! А это долго! Ведь сначала война со стражами! А еще Хорнету нужен я, чтобы восстановить работу чипов от мертвых стражей и разблокировать

системы комплекса… Я ведь работал над этим! А Рэймен хочет поскорее покончить с ХАРПом! Он считает, что если мы доберемся до складов комплекса, то будет только хуже, ведь там столько оружия, что полмира можно поработить! Но Хорнет не будет воевать с Рэйменом. Просто их люди друг на друга руки не поднимут, ведь они обоих признают авторитетами! Если Хорнет захочет покончить с Рэйменом, то ему надо будет сначала провести информационную обработку людей… Мозги промыть… А это время. А времени мало. Пара дней и сюда прибудет карательная экспедиция стражей! А если ХАРП уничтожить уже сейчас, они, стражи, останутся ни с чем. Но и Хорнет ничего не получит!..

— Черт возьми! — Воскликнул Бегущий следом Варяг, который помогал плюс ко всему двигаться Вячеславу. — А на чьей вы стороне в этой ситуации?

— Да я просто вам помочь хочу, — пожал плечами Лазар. — Сам не знаю, зачем… Да и с Рэйменом мы добрые друзья…

Николай задержался у клетки хуманимала и смотрел на его труп. Глаза Джуниора были открыты и смотрели в потолок. Странное дело. Сейчас это был не безумный дикий взгляд плотоядного зверя. Теперь это был спокойный и умиротворенный взгляд человека, который выполнил предначертанное.

«Прости Джуниор», — мысленно обратился к нему Николай. — «Я знаю, ты хотел стать супергероем, спасшим мир. Ты им стал. Ведь благодаря тебе, мы живы. А если мы живы, значит, у этого мира есть шанс на спасение»…

Васнецов протянул руку в клетку и осторожно закрыл глаза мертвому Джуниору.

— Прощай Росомаха…

И Николай бросился догонять своих товарищей.

69. H.A.A.R.P

Группа вооруженных рейнджеров выскочила из уже знакомого большого подвала, в котором за ними по-прежнему была закреплена комната. В дальнем конце снова сидели дети на своих местах. Они были напуганы. Их успокаивали женщины и старик с повязкой на глазах. Все посты по дороге в зону ответственности Рэймена были усилены. Уже каждый человек знал, что в Хоуп Сити начались вооруженные столкновения между сторонниками Линча и Хорнета. Рэймен держал пока нейтралитет, хотя не делал секрета из того, что любой боевик Линча будет на его территории арестован, а вот солдаты Хорнета имеют относительную свободу передвижения по данной территории. Симпатии чернокожего лидера были очевидны и никого собственно не удивляли.

Варяг помог Вячеславу зайти в комнату. Следом шел Николай. Лазар крикнул «Я скоро!» и побежал в апартаменты Реймена. В своих раздумьях и от шока после экскурса в воспоминания хуманимала, который погиб, спасая их, Васнецов не заметил, как возле него возникла коляска с Табитой. Девочка схватила его за руку и радостно воскликнула:

— Nicolay! Nicky! Savior!

— Да… Привет Воунди… — Васнецов улыбнулся и почувствовал, как подкатывают слезы, настолько трогательной была эта девочка в своей радости оттого, что он жив и он здесь.

— Privet!

Ему стало больно. Так больно, что ноги подкосились. Они присел перед ней и пристально посмотрел в ее слепые глаза. Но казалось, что она видела без них гораздо лучше зрячих людей. Николай почувствовал пустоту и одиночество. Он вспомнил Славика и его погибшую во время землетрясения Аленку с улицы Советской. Славик порвал с ней, потому что боялся рождения ребенка, который мог быть уродливым… И вот сейчас Николай вдруг понял, что он бы на его месте не стал бояться. Как бы он сейчас хотел, чтобы рядом с ним была спутница. Супруга. И очень хотел, чтобы она подарила ему ребенка. Страшно? Конечно, страшно. Но это жизнь. И дети… Вот что самое главное. Вот ради чего стоит спасти этот мир. Взрослые… Да черт с ними. Они убивают друг друга… Но дети… Даже такие… И пусть бы у него был ребенок. И пусть бы он стал по вине людей таким как Табита… Родился бы с массой изъянов… Как у Артема-Ветра из Вавилона… Как у китайца Дракона из Екатеринбурга… Это больно. Это мучительно больно. Но жизнь не может топтаться на

месте и вымирать, потому что человек боится и не хочет испытывать боль, брать на себя ответственность и мучиться с больным ребенком… Нет. Жизнь должна продолжаться. И дети должны рождаться. Дети это и есть сама жизнь. И либо они будут рождаться несмотря ни на что. Либо люди вымрут, и их место займут другие. Те, кто думает о детях. Даже крысы думают о своих крысятах. Даже волки любят своих волчат. А если на это неспособны люди, то пусть будут крысы и волки… Со своими деткам… Жизнь должна продолжаться…

Какая-то женщина подбежала к Табите и стала ее увозить к основной группе детей, что-то приговаривая. Табита помахала Николаю ладошкой и улыбалась.

Он тоже махнул ей рукой, не будучи уверенным, увидит она это или почувствует, и улыбнулся. Войдя в комнату, он увидел, что на лице Варяга странная ухмылка, и он смотрит в низкий потолок. А вот Сквернослов совсем угрюмый и смотрит на Варяга с каким-то укором.

— Вы чего тут? — спросил Николай.

— А ты этого старого дурака послушай. Совсем борода из ума выжил, — громко проворчал Славик.

— Варяг, чего такое?

Яхонтов повернул голову и как-то снисходительно улыбнулся.

— Неужели не понятно, Коля?

— Что? Что именно не понятно?

— А то, что больше летчиков в обозримом мире нет. Только я.

— И что?

— Как что, — Варяг тихо засмеялся. — От судьбы не уйдешь. Мне лететь.

— Нет, Колян, ты слыхал? — Воскликнул Сквернослов, — Дядька видно много раз по голове получал. Вот и аукнулось! Симптом на лицо!

— Тише ты, Славик, — досадливо поморщился Варяг. — Я ведь так врежу на прощание…

— Погоди, Варяг, — Васнецов развел руками, — Но ведь это же билет в один конец. Все так решили что это миссия самоубийцы!

— А я разве спорю?

— Но ведь ты погибнешь! Самолет тихоходный! Шансов уйти от взрыва нет!

— А кто просчитывал шансы? Это так, навскидку. Ну а если даже и нет… Не о шансах того кто сбросит бомбу речь. Мы говорим о втором шансе для всего человечества. Для всей земли.

Мы ведь за этим шансом сюда шли. Да и не второй это шанс. Первый и единственный. Второго шанса уж точно не будет. А вот этот единственный… Мы за ценой не постоим. На это жизни свои положили ребята из конфедерации. Гвардейцы Старшины. Андрей и Юра. Ильюшка Крест… Судьба просит нового поступка… И я на него пойду…

— Варяг нет!

— Угомонись, Коля. Я стареющий одинокий мужчина. Я пожил свое. А вот у вас, ребятки, должно быть будущее. Оно не будет легким и безоблачным. Но я знаю, что вы справитесь и пройдете свой путь достойно. Главное чтобы у вас этот путь был. И для этого надо полететь и сбросить бомбу.

— А по-другому никак?! — крикнул Вячеслав. Николай с изумлением заметил, что Славик плачет.

— По-другому? Ты посмотри на людей. Если бы они думали об этом… Но они сейчас заняты взаимным истреблением. Все на волоске повисло. Я сам не в восторге именно от такого решения. И дело не в том, что я не хочу умирать. Это даже как-то дико, умирать в ядерном взрыве и это через двадцать-то лет после ядерной войны. Меня гложет, что мне придется привести в действие эту адскую машину. Что никакие другие варианты сами люди, которых спасать надо, задействовать не дадут. Из-за глупости своей, жадности, злобы, недальновидности… Просто нам не надо спрашивать у людей какой вариант для них предпочтительнее. Они утопят все в болоте своей низости. В спорах ненужных. Надо просто ухватиться за ту возможность, которая есть, и сделать свое дело. Если ты тонешь, то, видя ядовитую змею, ухватишься даже за нее, чтобы не пойти на дно. И сказать по чести. Я более не желаю видеть братоубийства. Как они мочат друг друга. Я не желаю видеть, как они схватятся со стражами и кто одержит верх. Я видел столько крови, что иногда мне даже странно, что весь наш мир серо-белый, а не багряно-красный. И ведь ничего не изменится. Люди, получив этот свой шанс, продолжат воевать. Это правильно Славик сказал. Сейчас людей снег и холод заставляет по норам сидеть в основном. А потом? Потом начнутся походы завоевательные. Нет уж. Хватит с меня. Да и вам советую постараться не ввязываться. Это их война. Не наша. Это не Москва. Это не Вавилон. Это не Новая республика. Пусть сами разбираются. Вам выжить надо. И нелегкий путь домой…

В комнату вошел Лазар и Рэймен.

— Рад, что вы в порядке, — кивнул Морган. — Однако мы оплакиваем наших братьев. Си Джэя. Томаса. Джона Тиббетса. И какое это было варварство со стороны Линча, добить несчастного

Филиппа Даладье. Мистер Лазар поведал мне о том, как все было там, на рубеже стражей. Я знаю, что вины вашей в том нет, что произошло. Напротив. Вы спасали наших людей. Это благородно.

Васнецов взглянул на переводчика. Что он мог видеть, прячась за тем камнем? Джон и Томас уже были мертвы, когда только остальные спохватились. И ведь Лазар знал, что так, скорее всего и будет, иначе не спрятался бы заблаговременно за камнем. Однако он рассказал какую-то приукрашенную историю и добавил им уважения Рэймена.

— Что у вас сейчас твориться? — спросил Варяг.

— Гражданская война. Я бы сказал, что мы не знали ее со времен Авраама Линкольна, но это не так конечно. Как только в одночасье не стало институтов власти после массированного ядерного удара, эта самая война началась. И вот она через столько лет докатилась до нашего Хоуп Сити. Это скверно…

— Еще бы. Ну а каков теперь расклад?

— Дональд борется за власть без Линча. Соответственно за свою единоличную власть. Или за власть совета, в котором будут лояльные ему люди, вроде меня. Должен признаться, что Хорнет давно вынашивал такие планы. И конфликт имел место быть в латентной, скрытой фазе. Но ваше появление стало тем недостающим звеном его плана, которого не хватало для воплощения.

— Здорово, — поморщился Яхонтов. — Так значит, мы спровоцировали у вас гражданскую войну? Он что, ждал нас?

— Я ведь не это сказал. Так обыграл ваше появление здесь Дональд. Ему нужен был удобный повод. Любой. Им оказались вы. Не вы виноваты в том, что сейчас происходит. Это логическое продолжение многолетнего политического противоборства. На данный момент обе группировки сильны. Сейчас они занимают разные районы убежищ города. Может случиться так, что Линч продержится до прихода сюда стражей. Тогда будет совсем плохо. Особенно вам.

— И это положит конец нашим надеждам на избавление от ХАРПа, — покачал головой Варяг.

— Совершенно верно. — Ответил Рэймен.

— Ну а каков ваш план?

— На самом деле я не желаю потворствовать кровопролитию и ввязываться в начавшуюся гражданскую войну в городе. Это мерзко. Но может статься так, что мне и моим людям придется это сделать. Ведь если придут стражи, то в городе не должно быть их союзников. Иначе нам всем конец, кроме горстки приспешников Линча, которые связаны со стражами. Однако это наши, внутренние дела. А вот что касается ХАРПа… Обстановка

очень сложная и медлить нельзя. Джон был готов сделать этот шаг в преисподнюю, который покончит с ХАРПом. Но Джон к несчастью мертв. А вы летчик. Я не знаю, что у вас на уме. Но хочу сказать, что другого выхода, кроме применения вашей бомбы на нашем самолете не вижу. В сложившейся ситуации уже нет места терзаниям по поводу того, кто взорвет на территории Америки эту бомбу, русский или американец. Сейчас все будущее мира на волоске повисло.

— Если вы, дорогой Морган, пришли уговаривать меня сделать это, то напрасно, — Варяг улыбнулся, — Я уже и так понял что кроме меня здесь некому пойти на такой шаг, и я готов поступить именно так. Я полечу на вашем самолете и взорву нашу бомбу.

Рэймен вздохнул и повесил голову.

— Я мог бы сказать, что рад такому вашему решению. Но едва ли это будет уместно. Вы же понимаете, чем это грозит?

— Конечно, — Яхонтов кивнул.

— И я скажу вам честно, — продолжал Морган, — Я не могу обещать вам славу и вечную память. Не могу обещать вам добрую память…

— Не для этого все, — махнул рукой Варяг. — Для того чтобы у этих парней было будущее.

— А ты нас спросил, а?! — рявкнул Вячеслав.

— Да зачем мне у вас спрашивать? — Яхонтов усмехнулся. — Я и так знаю, что скажете. — Затем он повернулся снова к Моргану, — Послушайте, мистер Рэймен. У меня к вам одна лишь просьба.

— Да. Я слушаю вас.

— О парнях моих позаботьтесь. Хотя бы пока они здесь. Защитите их. Дайте им подлечиться и спокойно уйти. Им нелегкий путь домой предстоит.

— Я даю вам слово, что все, что лично от меня зависит для защиты их жизней, я сделаю. И если надо будет, то защищу их ценой своей жизни.

Варяг задумчиво покачал головой.

— Знаете, — сказал, наконец, он, — Для меня большая честь встретить такого человека как вы.

— Как и для меня, — кивнул Морган улыбнувшись.

— Ну что ж. Дело наше не терпит отлагательств. Мне надо отправиться за бомбой. Вы знаете, где нас ваши люди арестовали в первый раз? Какое расстояние отсюда до того места?

— Разумеется. Около двадцати миль. — Ответил Рэймен.

— Около двадцати миль, — Яхонтов задумчиво почесал бороду. — Дайте мне снегоход и оружие.

— Конечно. Однако вынужден сказать, что сложно будет с сопровождением. В данной обстановке мне нужны люди на своих местах. И сейчас жесткая экономия горючего. Максимум могу выделить двух человек…

— Я один пойду, — категорично заявил Варяг.

— Ты чего? — нахмурился Николай.

— Тише Коля, — поморщился Яхонтов.

— Вы уверены? — Рэймен с сомнением посмотрел на искателя.

— Конечно, уверен. Двадцать миль это не много для меня. Только верните мне мой передатчик.

— Хорошо, — Морган поднялся. — Я пойду, отдам соответствующие распоряжения.

Он и Лазар удалились.

— Варяг, да ты совсем я смотрю, рехнулся. — Строго произнес Николай.

— Полегче парень, — Яхонтов показал ему кулак.

— Погоди, но как это ты один пойдешь? Я с тобой иду.

— Нет, Коля. Пойду один. Быстрее будет.

— Да ты хоть понимаешь как это опасно?

— Я в рейды на сотни километров ходил. В одиночные причем тоже. А двадцать миль это легкая и короткая прогулка.

— Но это было там! В России! А тут совсем другой мир!

— Коля, у нас у всех один мир…

— Но почему я не могу с тобой пойти?

— Да потому что тебе со Славкой надо остаться. Он еще ранен и слаб. Тут черт знает, что происходит у них. Ты хоть какое-то подспорье для него. Тем более с твоими-то способностями…

— Да с какими способностями?!

— Все я сказал! — отрезал Варяг. Затем чуть мягче добавил. — Не дрейфь. Я мигом обернусь.

Васнецов удрученно вздохнул и повесил голову. Он был недоволен таким решением. Не говоря уже о том, что Варяг вызвался сам взорвать бомбу, и это было равносильно смертному приговору для него. Но как ни старался Николай придумать другое решение, ничего у него не получалось. Ничего кроме подрыва ХАРПа ядерным зарядом он сейчас не видел. А это означало смерть подрывника…

— Послушай, Варяг… Там… В луноходе, под сидением… Там плюшевый медведь… и дневник дяди… Привези их…

— Конечно, — Яхонтов улыбнулся и вздохнул. — Не вопрос.

Дверь приоткрылась, и показалось лицо Роберта.

— Варяг, пойдемте. — Сказал он.

— Иду…

И Яхонтов вышел.

Николай поднялся со своей койки и стал медленно расхаживать по комнате.

— Чего мельтешишь, — проворчал Сквернослов.

— Не знаю, Славик. Все как-то неправильно…

— Ты вообще в своей жизни много правильного видел? Черт подери… Ну неужели мы и Варяга теперь потеряем, а?

— Я не знаю… Мне никакие идеи в голову не идут…

— Вот в том то и дело! Но это ведь не значит, что он там поджариться должен?

— Не значит… Но его не отговоришь… Ты же знаешь Варяга…

— Баран упрямый. — Зло процедил Вячеслав. — Коля, ну сядь ты уже, наконец! В глазах рябит!

Васнецов сел на койку, уронив голову на ладони и тяжело вздохнув.

Голова пульсировала от безответных попыток его разума, найти альтернативное решение главной проблемы… Он улегся на звериную шкуру и прикрыл глаза ладонью. Вспомнилась гибель капитана Гуслякова. Космонавтов Андрея Макарова и Юры Алексеева. Людоеда… Он проматывал в голове стычку со снежным червем. Убийство дочерью отца. Самоубийство Юры. Отчаянный поступок Ильи. Неужели теперь и Варяг?..

…он и не заметил, как в своих размышлениях оказался в каком-то лесу и брел вдоль берега замерзшей реки. Лед почему-то был совсем свежий и невероятно скользкий. Идти приходилось по кромке, где был снег. Уже светало, и он услышал странный гул в небе. Поднял голову. В облака рвался огромный самолет… Самолет… Самолет?

— Пропади он пропадом, этот мир, если, спасая его надо заплатить такую цену, — услышал Николай сквозь сон бормотания Сквернослова. — У нас никого не осталось, Коля, кроме Варяга. Тогда зачем нам этот мир и без него тоже?

— Самолет… — пробормотал Николай, выходя из полудремы. — Самолет…

— Да, Коля. Самолет. И только Варяг им может управлять.

— Только Варяг может им управлять, — повторил как заклинание Васнецов и вспомнил, как помогал Варягу вести Ил-76. Вспомнил все, что тот рассказал ему об управлении самолетом. О том, что это легко как на велосипеде…

Николай поднялся и сел на край койки как раз в тот момент, когда в комнату вошел Лазар и Хорнет.

— А этот, какого хрена приперся? — зло проворчал

Сквернослов.

— Погоди Славик…

— Господа, — Лазар по своему обыкновению кашлянул в кулак и поправил очки. — Дональд Хорнет испросил разрешение у Моргана переговорить с вами. Морган рассчитывает на вашу последовательность и преданность вашей цели. Однако надеется на вашу терпимость, дипломатичность и дальновидность в данном диалоге с господином Хорнетом.

— Ну, что ж. Мы готовы выслушать Дональда. — Николай кивнул.

— Мистер Васнецов. Мистер Сквернослов. Сожалею, что здесь нет вашего старшего товарища. Однако Морган сказал мне, что вы, мистер Васнецов, уполномочены говорить от его имени.

— Ишь ты, — хмыкнул Славик.

— Я представляю себе причину его отсутствия, — Дональд покачал головой. — Я ведь знаю, какова ваша цель. Но спешу прийти к вам с деловым предложением. Мистер Рэймен мой старый друг и дело времени наше единство, так как в вопросе выживания нашей общины Хоуп Сити не может быть противоречий, и нет места торгу. Однако Линч и его банда поставили выживание общины под удар. И должен напомнить вам, что Линч ваш злейший враг здесь.

— Мы этого и не забывали, — кивнул Николай.

— Хорошо. Я предлагаю вам присоединиться к нам. К моей фракции. Вместе мы положим конец заговору Линча и защитим город от стражей. А наша победа над стражами даст нам неограниченные возможности и ресурсы. И опираясь на эти ресурсы, мы сможем, наконец, заняться возрождением человеческой цивилизации.

— Немыслимое количество оружия и боеприпасов. Вот ваша опора в построении цивилизации? Огнем и мечом значит?

— Разве есть выбор? Мир еще полон враждебными элементами…

— Ну конечно. — Васнецов улыбнулся, — Люди ведь еще не все вымерли.

— Вы не понимаете. Дело ведь не только в людях. Есть еще хуманималы…

— Я понимаю. Есть масса живых существ. И конечно надо оружие для возрождения цивилизации. Ну, какая же цивилизация может вырасти, если она растет не на костях? Только нужно ли возрождение той цивилизации? Может надо создать новую?

— Отчего нет. С учетом старых ошибок. Конечно. В свое время мы можем обсудить и это. Но сейчас нам надо выжить в предстоящей схватке. И только объединив усилия…

— В свое время? — Николай нахмурился. — Нет ни у нас, ни у вас этого времени. Я понимаю вашу цель. Наше согласие на сотрудничество автоматически снимает с повестки дня вопрос о ХАРПе. Ведь так?

— Не снимает вопрос, а переносит его. Вы поймите, ХАРП на данном этапе очень нужен. Общество не готово…

— Какой этап тогда вы ждете? Может уже через день будет поздно. Может, стало поздно неделю назад.

— Послушайте. Подумайте о перспективах. Мы начнем наше шествие здесь, из крохотного мира Хоуп Сити. Мы возродим нашу страну. Потом мы поможем вам возродить вашу страну. И покончим с ХАРПом мы уже, после того как возьмем под контроль все ресурсы стражей.

— Они нам помогут Россию возродить, ты слыхал?! — воскликнул Сквернослов, — Чтоб она их колонией стала!

— Славик. Погоди…

— Зачем колонией? Мы с вашей страной объединимся.

— Против кого?! — зарычал Вячеслав. — Против кого мы объединимся?! Все! Все люди должны объединится. И не против кого-то, а жизни ради! И не под одним властелином, а каждый со своими традициями, но объединенные общей целью созидания и развития, но не войны!

— Но это же утопия, — развел руками Хорнет.

— Лучше жить в антиутопии? — усмехнулся Сквернослов.

— Реальность. Реальность, господа. — Дональд невесело улыбнулся.

— А что потом? — Вячеслав привстал на своей койке. — Вы возродите цивилизацию, и кончится все тем, что вы вживите всем идентификационные чипы?

— Не надо передергивать, молодой человек. Нельзя строить сразу все планы и заглядывать так далеко в будущее. Сейчас главное выжить.

— Ну что ж, — Сказал вдруг Николай, поднявшись с койки. — В ваших словах есть резон. Но наши сомнения и вы поймите правильно. Хотя, возможно, при определенном стечении обстоятельств ваш план не лишен смысла и нам было бы лучше воспользоваться вашим предложением. Но нам надо подумать.

— Подумать? — Дональд прищурился и покачал головой. — Вы же тянете время.

— Время, это как раз то, чего у нас нет. Какой нам резон его тянуть? Но мы не можем принять окончательного решения без нашего старшего товарища.

— Он ведь за бомбой отправился? — усмехнулся Хорнет. — Я же знаю о бомбе.

Николай бросил недобрый взгляд на Роберта и ответил:

— С чего вы взяли, что он отправился за ней?

— Это же очевидно. Послушайте. Я бы мог отправить на перехват вашего товарища своих людей. Но я этого не сделал. Я не хочу с вами враждовать…

— Это тоже очевидно. Вам каждый человек нужен здесь и при оружии, в ожидании решающей схватки. — Теперь усмехнулся Николай.

— И ваша бомба могла бы нам помочь. Мы бы могли спасти много жизней наших людей, ударив по стражам.

— Резонно. Но это мы можем решить только втроем.

— Я надеюсь, опрометчивых решений вы не примете? Когда мне ждать результат?

— Не раньше возвращения нашего друга.

— Да. Но когда он…

— Вам ведь оперативно сообщат о том, когда он вернется? — усмехнулся Николай, бросив на Лазара мимолетный взгляд.

— Вы очень проницательный молодой человек, — покачал головой улыбающийся Хорнет. — Вы бы заняли достойное место в нашем обществе. И я был бы этому безмерно рад.

— Благодарю вас.

— Ну что ж. Надеюсь до скорой встречи. — Хорнет кивнул и вышел. Лазар последовал за ним.

— Коля, что ты на хрен задумал? — недовольно произнес Вячеслав.

— Как он и сказал. Я тяну время. А он не хочет конфликта с нами. Подозреваю, что он хочет наладить через нас контакт с сильными группировками в России.

— Зачем?

— Обезопасить себя с востока и заручиться определенными союзническими обязательствами. Похоже у него далеко идущие планы. И не только на этом континенте.

— Ты… Это у него мысли прочел?.. — Тихо спросил Вячеслав, пристально уставившись на Васнецова.

— Нет. Зачем же. Просто он человек и этим все сказано.

Николай снова улегся на свою койку и прикрыл ладонью глаза. Он думал о том, сколько он пробыл в полудреме и сколько уже отсутствовал Варяг. Конечно путь не близкий в современных условиях. И Яхонтов еще, скорее всего на пути к луноходу. Но очень хотелось, чтобы он поскорее вернулся. С другой стороны, чем скорее он вернется, тем меньше ему жить… Вот ведь дилемма…

***

Спал он на удивление спокойным и крепким сном. Сны оставили его, дав насладиться тишиной, одиночеством и пустотой. Да и что еще ему могло присниться? Он понял главное. Он понял, почему он шел по кромке реки со свежим льдом от того места, где согревался у костра, обтирался пеплом и прогонял волков, привлеченных убитым оленем. Он понял, что все это значило. Понял, почему в небо рвался самолет и он, задрав голову, смотрел на него и улыбался. Ему стало легче от этого. И испытав это самое облегчение, он спал спокойным сном без сновидений и тревог. Но, только проснувшись, он на какое-то мгновение почувствовал, что беспокойство возвращается к нему, однако, поняв, что Варяг здесь, с ними, Васнецов окончательно успокоился.

Яхонтов ковырялся в каком-то черном предмете, из которого лилась музыка. Пел Луи Армстронг свою трогательную песню о прекрасном мире. Николай вспомнил что это. Это магнитофон. Вспомнилась Лера, которая чинила их и торговала ими в Вавилоне…

— Я тебя разбудил? — Тихо спросил Варяг обернувшись.

В дальнем углу безмятежно сопел спящий Вячеслав. Он был еще слаб от ранения и спал много и часто.

— Да нет. Я сам. Как съездил?

— Ты знаешь, как ни странно спокойно и без приключений. Я же говорил, что одному мне будет легче.

— Ты взял, что я просил?

— Да. Вон, рядом с тобой лежит.

Николай взглянул на дневник и плюшевого медведя.

— Бомбу забрал?

— Ну конечно, — усмехнулся Яхонтов. — За каким чертом я тогда туда вообще перся?

— И где она?

— В самолете уже. Все в принципе готово. На рассвете полечу. Сейчас вьюга стихает. Как раз погода в пору будет. — Он уселся на свою койку и сделал звук магнитофона чуть тише. — Я вот подумал, на что потратить последние часы своей жизни? — Варяг невесело улыбнулся. — На сон их тратить глупо перед смертью. Вот попросил у Рэймена магнитофон. Решил музыку послушать. Как у нас говорят — помирать так с музыкой. Морган так и не понял смысла этой русской поговорки, — Яхонтов негромко засмеялся. — Но магнитофон дал. Это Тиббетса магнитофон.

Николай тяжело вздохнул. Он посмотрел на Яхонтова. Тот прислонился спиной к стене, сидя на своей койке и смотрел в потолок улыбаясь. Когда Луи Армстронг перестал петь, заиграла

другая музыка. Варяг взглянул на коробку от диска. На этикетке ровным почерком от руки был написан список композиций, хранящихся на диске.

— Бетховен. Седьмая симфония. Алегретто. — Тихо произнес Яхонтов. — Красиво.

— Красиво, — задумчиво повторил Николай, вслушиваясь в мелодию. Странно было как-то все это для слуха. Не хруст снега или треск горящих в печке дров. Не завывания вьюги и автоматная стрельба. Просто музыка. И странно было сознавать, что создана она человеком. Им написана. Им исполнена. Им записана на этот диск. В мелодии было столько гармонии, смысла и законченности, что казалось, она создана, как и все, к чему не притрагивалась рука человека, некой высшей силой. Но это не так. Даже если эта сила просто вела волей композитора, то это уже значит, что в человеке есть то, ради чего ему стоит дать этот самый шанс. Но только жизнь Варяга, чрезмерно дорогая цена… Впрочем разве можно оценивать жизни людей? Ведь отданы были во имя спасения людей жизни многих. И не только Андрей, Юра и Илья, если конечно он… Отчего же Варяг решил пойти на такой отчаянный поступок? Отчего он смиренно приготовился к смерти и улыбается сейчас, предвкушая ее. Его ведь не глушили души миллионов испепеленных существ, как это было с Тиббетсом или Людоедом… Хотя не особо что-то было заметно, чтобы Илья как-то сокрушался по этому поводу…

— Реквием… — мрачно вдруг произнес Варяг, когда заиграла следующая композиция. — Моцарт… Реквием… Как в тему… Только не по человечеству бы этому реквиему звучать. Знаешь, Коля, о чем я подумал…

— О чем?

— О шедеврах. О музыке. О произведениях искусства. О том наследии, которое лучшая половина человеческого естества творило и накапливало веками для грядущих поколений. Пройдут еще годы, и уже не останется никаких магнитофонов, МП3-плееров. Дисков, кассет, пластинок, нотных тетрадей, картин, книг. Все это не вечно, но если раньше люди множили и распространяли в своем обществе все это, то теперь такой возможности нет. И все. Все пропадет. Бесценное наследие былого исчезнет. Лучшее, что было в людях, пропадет. Останутся лишь обыденные вещи. Мысли о жрачке, случке, спячке. И убийства ради достижения этих трех вещей… Вот мне за это обидно больше чем за вымирание людей. За Бетховена обидно. За Моцарта. За многих других. За все, что они творили. Они вот старались, запуская свои творения в вечность для сопровождения будущих поколений людей. А эти поколения все профукали.

Обидно, Коля. — Он извлек из внутреннего кармана своего бушлата сверток портяночной ткани. Развернул его. Там был тот самый предохранитель атомной бомбы. — И теперь еще в добавок придется снова взрывать… Выпускать чудовищного джина из глубин атома…

Он повертел в руках предохранитель, вздохнул, затем обратил внимание на стеклянный флакон в складках свертка.

— А это что такое? — произнес Яхонтов.

Васнецов узнал пузырек с прозрачной жидкостью. Он вспомнил, как они ехали на инженерной машине БАТ-2 среди руин Екатеринбурга. Он, Крест и Дитрих. Рейдер отдал тогда это пузырек Илье. «Может пригодиться», — сказал тогда он.

Николай прикрыл глаза, сосредоточенно думая о сильнодействующем эфирном снотворном, что было в пузырьке. И реквием Моцарта стал острее врезаться в его разум.

— Может пригодиться… — тихо прошептал он.

— Чего? — Варяг взглянул на него.

— Я говорю, это Ильи. Понятия не имею что это, но это Ильи.

— Понятно, — кивнул Яхонтов, кладя пузырек в протянутую Николаем ладонь. Варяг потерял всякий интерес к этому предмету. Впрочем, интереса и не было. Просто этот флакон был с предохранителем ядерного заряда и теперь узнав, что эти предметы никоим образом не связаны, кроме того факта, что оба принадлежали погибшему Людоеду, он тут же о нем забыл. А вот Николай напротив. Думал теперь только об этой склянке. Вернее, о ее содержимом. И думать ему помогала музыка.

Wonderful World

Варяг не собирался спать. Он хотел остаток жизни провести с музыкой, которой был лишен долгие годы и, мог слушать невероятно редко. Он еще сидел какое-то время, размышляя вслух о судьбе человечества и, видимо ища тем самым для себя самого обоснование того, что это человечество стоит принесения в жертву спасителя людей. Потом он вдруг стал чесать свою бороду и бормотать о том, что возможно ее стоит побрить перед смертью.

— А нет… — добавил он устало после долгих раздумий. — Не буду. Этот мир прекрасен и с бородой…

Данная фраза была последней, которую Николай услышал от Варяга. Тот сразу сник и Васнецов понял, что он уснул. Усталость после похода к луноходу за бомбой сделала свое дело. И Яхонтов поддался ей. Даже не смотря на то, что спать перед смертью глупо…

Из динамиков снова запел Луи Армстронг о прекрасном мире. Видно что-то намудрил с магнитофоном Варяг и зациклил некоторые композиции на диске.

Николай какое-то время разглядывал магнитофон, пытаясь понять, как тут можно изменить громкость звука. Нашел кнопки с плюсом и минусом и решил что это то, что нужно. Так и оказалось. Когда он нажал плюс, звук чуть прибавился. Николай нажал еще несколько раз, постепенно увеличивая звук и наблюдая за реакцией товарищей. Реакции не было. Спали они крепко. Васнецов порылся в вещмешке и извлек оттуда респиратор. Надел на лицо. Затем осторожно открыл пузырек Дитриха и капнул на воротник бушлата Яхонтова. Капля эфира выдохнется минут за десять. Но часть будет вдыхать и Варяг. Он наверняка пару часов не сможет проснуться. Затем Васнецов капнул эфир и возле лица Вячеслава. После этого он присел на койку рядом с братом и осторожно положил ему руку на плечо. Вздохнул, слушая музыку и вспоминая прожитые годы, где его постоянным и неустанным спутником был Славик. Названный брат. Да нет же… Самый настоящий брат. Такой брат, который должен быть непременно. Веселый. Добрый. Старший. Баламут…

Он не помнил, как в их семье появился перепуганный внезапный Армагеддоном девятилетний сирота из детского дома. Но, так вышло, что когда осиротел весь мир, то сам Славик обрел семью. И пусть совсем не надолго, но полноценную. С отцом матерью и младшим братиком. Но вскоре не стало матери, а отец стал уходить в далекие рейды. И остались они вдвоем, и было так всегда…

Он сейчас снова остро ощутил боль оттого, что забыл в своем подвале фотографию отца. И больно было, что он совсем не помнил мать. Он помнил только те жуткие похороны в противогазах. Он думал о матери, вслушиваясь в голос Луи Армстронга и вспоминая шествие людей, идущих закапывать тех, кто умер от черного дождя. Мрачная колонна людей в противогазах идут среди деревьев, усыпанных почерневшими и скрученными листьями. Идут и молчат. Только шипят их маски от дыхания или слез. И тянут они трупы к погребальной яме. А этот человек поет о прекрасном мире…

Он и не заметил, как в его сознании поселилось жуткое откровение. Откуда-то он внезапно стал знать, что умерла не просто его мать. Она ждала ребенка. Она была беременна младшим братом Николая. Или нет… Сестрой… Да! Сестрой. Васнецов почувствовал, как ком подкатывает к горлу, а слезы к глазам. Да. Мать потеряла ребенка из-за страшного стресса и вскоре умерла сама, попав под радиоактивные осадки. Но перед этим родители приютили Славика. Хоть какое-то утешение. Какой бы была его сестра в том случае, если бы родилась на свет? Такой как Рана? Такой как Табита? Ему повезло родиться до ядерных

ударов. Но всем, кто пришел в этот мир после дня перечеркнувшего историю всей планеты на «ДО» и «ПОСЛЕ» предстояло пройти страшный отбор в дьявольской лотерее. Одна нога короче другой? Две головы? Отсутствие глаз? Несвертываемость крови? Масса вариантов. Но только один мизерный шанс родиться нормальным… Но ведь настанут времена, когда все измениться? Когда дети будут смеяться и бегать друг за другом, купаясь в лучах теплого солнца под чистым небом. И будут кататься на качелях и их скрип не будет пугать… Качели… Черт возьми, довольно ждать. Чем раньше сделать дело, тем скорее…

Алиллуя всем будущим детям!

Allegretto

Вот и пришло к концу наше долгое путешествие. И я знаю, что я сделал правильный выбор. Если не верить в то, что все не напрасно, то для чего тогда все это нужно было? Я верю, что все не зря. И ни смотря, ни на что, я верю в человека. Верю в бога в человеке. Я верю в вас.

Жив ли мой дядя, начавший писать этот дневник? Жив ли мой отец, отправившийся искать его, своего брата… Мне уже никогда не узнать. Но я знаю одно. Если они погибли, то очень скоро я их встречу. Но если они живы. То у них будет шанс жить и дальше, сколько на роду написано, а не ХАРПом предписано. Мой дядя не знал, каким будет человек будущего, в чьи руки попадут эти строки. Тем более он не мог себе представить, что этим человеком буду я. Николай Васнецов. Сын его брата. Но я дописываю этот блокнот с полной уверенностью в том, что мои строки, обращенные к будущим поколениям, найдут своего читателя, ибо эти поколения будут непременно. Будет солнце и весна. Будет жизнь. Будут дети. И не приведи вас господь забыть о том, что натворили ваши предки. Не забывайте этого! Пусть вам будет страшно! Но только так вы поймете ценность жизни вашей. Ценность вашего хрупкого мира и единственной планеты. Одной на всех. Она одна, как мать. Она дает вам жизнь. Она любит вас. Так помните об этом. Вы, новые поколения будущего, не станьте неразумными великовозрастными чадами, утопающими в своих низменных страстях и комплексах. Не станьте теми, кто убивал себе подобных и воевал с природой, мня себя ее венцом и повелителем. Беря от планеты все и не отдавая ничего взамен. Рано или поздно придется платить по счетам. Наша цивилизация заплатила страшную цену. Так пусть такая цена с лихвой окупиться вашим разумом, способным понять, что у вас всего одна жизнь. Один мир. Одна планета. И посему всего один шанс. ВТОРОГО ШАНСА НЕ БУДЕТ! ПОМНИ ОБ ЭТОМ, ЧЕЛОВЕК!

Я заканчиваю свое короткое обращение к тебе, читатель. Знай. То, что я сделал, я сделал ради тебя. Ради всех вас. Ныне живущих и еще не родившихся. Ради тех, кто погиб уже и стоит на краю гибели. Ради человека и волка, крысы и медведя. Ради той искорки жизни, которая однажды вспыхнула на этой планете и не должна погаснуть только из-за того, что появился в этом мире человек. Заклинаю тебя — ПОМНИ ВОЙНУ!

29.06.20….г… Николай Николаевич «Блаженный» Васнецов.

***

Он вложил химический карандаш между страниц дневника и бережно положил его на койку Варяга.

— Прощай Варяг. Прощай братишка. Не обижайтесь.

***

Он знал, что Табита не спит. Часовой спал на своем месте, сгорбившись за столом, а вот девочка сидела в своем кресле и гладила жутковатую куклу по голове. Часовой забормотал что-то. Поднял голову. Но Николай тут же прижал к его лицу кусок материи пропитанной эфиром. Дело сделано. Человек закатил глаза и распластался на своем стуле, рискуя упасть. Васнецов осторожно подхватил его и уложил на стол.

— Nicolay? — прошептала Табита.

— Да. Это я.

Девочка улыбнулась и протянула худые ручки.

— Nicolay. Nicky. Savior.

— Да. Я спасу вас. — Он осторожно взял ее ладошки в свои.

— Save us…

— У меня для тебя есть кое-что.

— What?

И Васнецов вложил в ее руки плюшевого медведя. Того самого. Одинокого и покинутого. Найденного в разбитом поезде. И Людоед дал иголку с ниткой, чтоб пришить бедолаге лапку…

— Это мишка. Он теперь твой.

— Mishka? Russian Mishka?

— Да. Рашшен Мишка. — Коля улыбнулся.

Девочка прижала плюшевого медведя к себе, нежно обнимая и дрожащим, едва не плачущим голосом прошептала:

— Love you, Russian Mishka. Love you, Nicolai…

Поцеловав медвежонка в пропитанный каплей эфира нос, она

тут же уснула. Пусть спит. Просто прощания он не вынес бы. А проснется она уже спасенной…

***

Он шел в темноте, держась за трос. Была ночь. Где-то вдали мерцало красное зарево ХАРПа. Николай очень надеялся, что мерцает оно последнюю ночь. Завтра мир станет другим. Без этого убийцы созданного человеком для самоубийства. Точнее, для контрольного выстрела после свершившегося много лет назад самоубийства. Подъем на холм был не простым. Ведь он не взял снегоступы. Он просто не подумал, что в том деле, которое он задумал, они ему понадобятся. Ну да ничего. Идти не так много. Можно и потерпеть неудобства связанные с проваливающимися в снег ногами. Он брел, тяжело дыша и глядя вперед. Впереди пост. Там человека два. В ангаре еще двое. Эфира должно хватить. Но вот сложно усыпить сразу двоих. Непросто. Но, черт возьми. На кону сейчас стоит абсолютно ВСЕ! Надо постараться. Надо во что бы то ни стало сделать это.

Он огляделся. Во мраке на склонах холма по обе стороны от натянутого троса проглядывались странные призрачные силуэты. Нет времени разбираться, есть там кто-то или нет. Может это просто видения, одни из тех, что сопровождали его весь этот нелегкий путь. А может это действительно выстроились десятки людей или не людей и молча взирают, как он восходит на холм, к своему главному в его жизни и для всего мира поступку.

— Подождите. Уже скоро. — Бормотал он, обращаясь ни к кому конкретно и ко всем сразу. — Скоро. Скоро.

Он шел. Падал. Поднимался. Снова шел. Слышал только свое тяжелое дыхание и старался сосредоточиться на путеводном стальном тросе. А в голове звучала музыка Бетховена, которую он слышал, когда уходил их комнаты. Каждый шаг давался все труднее, но вместо отчаянья Николай чувствовал лишь нарастающую ярость. Чем больше у него на пути будет помех, тем с большим удовольствием и остервенением он разнесет их в пух и прах. Надо идти. Надо рваться вперед. Надо достичь цели. Он сделал так много. И осталось всего ничего. Но, черт возьми, как же тяжело даются эти ничтожные метры…

Внутри блокпоста сделанного из сосновых бревен находись двое. Это были люди Рэймена. Они узнали его, несмотря на респиратор. Что-то между собой заговорили. Николай понял только уже знакомую фразу «Last Ivan». После этого они устало засмеялись. Николай тоже засмеялся, подойдя к ним близко и,

прижал к их лицам свои одетые в рукавицы ладони. Их секундное недоумение сменилось гневом. Один обмяк довольно быстро. Второй успел оттолкнуть Васнецова и уже с трудом поднимал свой автомат. Николай снова подошел к нему близко и просто без особого труда вырвал у него оружие. Охранник закатил глаза и, прислонившись к стене, сполз по ней на дощатый и покрытый шкурами пол, теряя сознание. Николай оставил автомат и двинулся в лаз, ведущий к ангару. Всего десяток метров…

В ангаре еще двое. Один спит в автомобильном кресле. Другой колдует у печки. Он взглянул на Николая и что-то сказал, не отрываясь от своего занятия.

Васнецов не ответил, капая на рукавицу, свежую каплю эфира. Последнюю каплю.

Американец повторил вопрос и снова повернул голову. С изумлением заметил, что русский быстро движется к нему.

— What the fuck? — только и успел сказать он. Николай резко зажал ему рот рукавицей.

Тот дернулся несколько раз и потерял сознание. Зато очнулся тот, что спал. Он вскочил с кресла и повторил последнюю фразу своего друга, но громче и злее. Схватился за оружие в тот момент, когда Николай бросился к нему. Васнецов сбил американца с ног и так же прижал к его лицу рукавицу. Они возились и катались по полу почти минуту, пока, наконец, охранник не затих. Николай обессилено перевернулся на спину и уставился в потолок мутнеющим взглядом. Глаза слипались, и веки категорически не хотели разжиматься. Они весили словно тонну. Сознание утопало в какой-то апатии. Он понял, что-либо вдохнул эфир. Либо капля его, попавшая на раку, впиталась через пору в кровь и делает свое дело. Это означал провал того, что он задумал. Из последних сил он нащупал у лежащего рядом в бессознательном состоянии американца нож на поясном ремне. Извлек его из ножен и вонзил себе в ногу, слыша, как залаяла привязанная к самолету сторожевая собака.

Острая боль с трудом вернула его в чувство. Николай зарычал, отбрасывая окровавленный нож, и поднялся на ноги, не обращая внимания на кровотечение. Шатаясь, побрел к самолету. Там по-прежнему захлебывалась лаем собака. Затем вернулся к распластанным на полу телам. С трудом затащил их на кресло и закидал имевшимися здесь звериными шкурами. Ведь когда он уйдет, закрыть ангар будет не кому, и они без теплых шкур могут замерзнуть до своего пробуждения.

Ну… Самолет… Он доковылял до него, морщась от боли и встал на четвереньки, ловя своим взглядом взгляд сторожевого пса.

— Заткнись, — зашипел он. — Ради всего святого, замолкни. Я не боюсь тебя. Не мешай мне. Или я тебя убью. Но я не хочу тебя убивать. Я вообще больше не хочу никого убивать.

Шипение и пристальный взгляд Николая подействовали на собаку удручающе. Пес заскулил и заполз под самолет.

— Так-то лучше. — Васнецов отвязал веревку и потащил упирающегося и испытывающего страх зверя к двери. Привязал к ручке. Постоял, сжимая болящую рану в ноге.

— Не пускай сюда никого, пока я не уйду. — Сказал он псу и направился к самолету.

Он открыл дверь кабины. За пилотским креслом на полу лежала бомба. Та самая, так не похожая на бомбу. Стальной ящик рифленого железа окрашенного в защитный цвет. Странно, что тут всего два охранника. Хотя с другой стороны, зачем больше? Ангар далеко от поселения. На холме. Сюда некому, да и не зачем соваться. Основные силы вооруженных людей нужны не здесь…

К бомбе ремнями пристегнут какой-то мешок. От него эластичный шнур зацеплен карабином за ножку пассажирского кресла. Может это парашют, о котором говорил Варяг? Не важно. Главное что ОНА здесь.

Он положил ладонь на корпус бомбы. Холодная. Как всегда. Но скрывающее адское пламя в своих недрах. Этот холод отрезвлял больше чем боль в ноге. Он погладил ее с какой-то благоговейной нежностью и вдруг поцеловал в ледяной безжизненный корпус.

— Внучка Ферми и Оппенгеймера… Любимая девочка Людоеда… Послушай меня, родная. Не подведи, слышишь? — зашептал он. — На тебя теперь вся надежда. Твои сестры уничтожали мир. А тебе его спасти надо. Давай сделаем это. Не подведи детка. Не подведи всех нас.

Ему казалось, что холодное молчание бомбы стало для него положительным ответом.

Николай открыл ворота ангара, подняв большую створку к потолку при помощи лебедки. Перед ним разверзлась бездна ледяной ночи, где в темноте проглядывалось красноватое свечение, отраженная в бесконечных тучах.

— Сейчас… Уже скоро… — Бормотал Васнецов шатаясь.

Метрах в сорока перед ангаром с двух сторон торчали стальные столбы и между ними натянута массивная цепь. Она перегораживала путь самолету и, Васнецов не сразу понял, для чего она. Осмотрев ее и с облегчением почувствовав, что кровотечение ослабло на морозе, он вернулся к самолету и стал цеплять вторую лебедку к лыжному шасси. Затем потянул от нее трос к цепи. Накинул крюк. Снова заковылял к самолету и стал

крутить лебедку. Вот зачем цепь.

Пришлось повозиться минут пятнадцать. Самолет с трудом, но все же выполз из своего более-менее теплого логова на жгучий холод ночной Аляски. Поколебавшись, какое-то время, он все же решил вернуться в ангар и закрыть воротину. Но тогда из ангара к самолету не выйти. Надо будет идти в обход. Это неприемлемо. Особенно с такой ногой.

Николай подкатил бочку и опустившаяся воротина уперлась в нее. Осталась небольшая щель. Но так все же меньше холода будет проникать внутрь. Васнецов выполз через щель, убрал лебедку. Отстрелил из автомата навесной замок держащий перегородившую дорогу цепь и, наконец, оказался в кабине самолета. Обернулся, взглянув на лежащую в безмятежном спокойствии ядерную бомбу.

— Ну, деточка. Полетели?

Он совсем недолго изучал приборную панель. Единицы измерения на шкалах приборов были в незнакомой ему системе. Но он ощущал полную уверенность, что справится. Главное найти зажигание. Вот оно…

Поршневой двигатель чихнул, заурчал. Пришли в движение лопасти, и вдруг самолет взревел и винт завертелся с такой скоростью, что рисовал перед взором пилота прозрачную пелену. Стальная птица задрожала, предвкушая скорый полет.

— Резвый какой, — усмехнулся Николай. — Ну, покажи, на что ты способен.

Он дал двигателю прогреться некоторое время, затем стал прибавлять обороты двигателя. Самолет качнулся.

— Черт… Закрылки… Как там Варяг рассказывал… Закрылки… Кажется вот эта ручка… Нет? Вот эта… — Он обернулся и взглянул на крыло. — Точно. Закрылки выпущены. Ну… Поехали…

Самолет тронулся с места. Сначала нехотя. Затем его скольжение лыжами по снегу стало стремительно нарастать. С этой стороны холма уклон был практически незаметен. Но по обе стороны от взлетно-посадочной полосы холм круто уходил вниз. Самолет стало вести влево но Васнецов сумел выровнять его на прежний курс, то и дело, поглядывая на прибор показывающий скорость.

— Черт… Какая у него скорость взлета… Когда тянуть штурвал?

Ответ пришел скоро. Николай почувствовал, как самолет уже сам пытается оторваться от снежного покрова. Прав был Варяг. Такая машина сама будет рваться в небо. И он потянул штурвал. «Пайпер Чероки» взмыл над замерзшим миром.

— Я сделал это… Я сделал это!!! — Заорал Николай. — Я сам смог это сделать!

Самолет набирал высоту. Однако ХАРП находился в противоположной стороне от направления полета. Набрав приемлемую высоту и выровняв машину, надо разворачиваться. Васнецов осторожно командовал послушной машиной. Но когда дошла очередь до разворота, он вдруг ощутил холод в спине и боль в висках. И скрип… Нет. Это не самолет скрипит. Это качели. Ну что опять…

Он повернул голову. Рядом сидела красивая девушка. Нет. Не красивая. Сказочно красивая. С золотистыми волосами, которые волнами развивались вокруг ее лица и ажурном белом платье. И не холодно же ей…

— Ты на хрен кто еще такая, — пробормотал Васнецов, чувствуя, что какая-то сила заволакивает его сознание.

— Коля, ты хорошо подумал? Ты уверен, что сделал правильный выбор? — пропела она чарующим голосом и на родном для него языке.

— А тебе что? Какое дело? — бормотал он.

— Ты же землю последнего шанса лишаешь.

— Что? Я лишаю землю последнего шанса?

— Конечно. Ты выпустишь людей из их нор. Ты дашь им возможность возродить стертое с лица земли и продолжить их вечную войну. И добить планету. Но на самом деле они должны исчезнуть. Их цивилизация не первая. Но все кто не справился с развитием разума, а уповал лишь на развитие технологий, стирались из истории, и начиналось все сначала. И каждый раз был возможен, пока жива земля. А ты хочешь оставить землю снова наедине с ее убийцами. Одумайся. Что ты хочешь сделать. Взорвать атомную бомбу. Опять. Опять!

— Да кто ты такая?! Ты чертово порождение ХАРПа или сам ХАРП?

— Я? Я судьба твоя.

— Ну да. Конечно. Судьба. — Николай усмехнулся. — Просто я нецелованный пацан в рассвете сил. Вот мне смазливые бабы и мерещатся постоянно. Ты лишь плод моего воображения, порожденного разумом, протестующим против того, чтобы я помер девственником.

И он засмеялся…

— Только плевать мне на это, — Продолжал Васнецов. — Сейчас меня на это не купишь. Раньше может быть. Но не сейчас.

— Ты не о том думаешь, Коля. Ты о земле подумай. Оставь все как есть. Дай завершить стерилизацию планеты от людей. Дай земле шанс.

— Нет сладенькая. Идешь ты к чертовой бабушке. Земля — это люди. А я верю в людей. Сволочи они конечно. Но, черт возьми, я верю в бога в людях. В каждом. Только бы им его отыскать в себе. Они поймут. Они все поймут. И встанут на правильный путь. И дети… Ведь никто сволочью не рождается…

— В людей веришь? — В голосе девицы слышался отчаянный протест. — В тех, кто себе подобных в Москве вешал или отрезал им головы? В тех, кто под Москвой грабил беженцев? В каннибалов с их малолетними проститутками? В вандалов, что детей за ноги и об стену головой? В черновиков, что Риту толпой насиловали и людей в рабство угоняли, ставя им клейма на лоб? В гвардейцев и легионеров, истреблявших друг друга? В местных ковбоев, мечтающих только об одном, завладеть огромным арсеналом оружия стражей? Ты в них веришь?!

Черт возьми. А она права. Она чертовски права. И как я мог забыть обо всем том, что видел по пути сюда. Как я мог сбросить со счетов всю эту мерзость порождаемую людьми. Ведь даже псиволки и молохиты — это всего лишь порождения людей. Чертовы люди. Нет, она права. Надо избавить от них и дать простор хуманималам и морлокам. Они уже не люди и тем лучше для них. И нерационально паломничество хуманималов к ХАРПу, лишь непонятное явление людям. Но у них все понятно. Они идут к своему спасителю, призванному уничтожить людей и дать им шанс построить свой мир. И он быть может, станет лучше. Ведь Джуниор… Он оказался всего лишь изуродованным людьми маленьким мальчиком, но ставшим диким хуманималом не лишенным благородством. Он спас меня чтобы я спас Землю и… И кого? Людей или хуманималов? Нет. Она все-таки права. Надо убраться подальше от людей и от ХАРПа. Надо разбить эту бомбу и лишить людей последнего призрачного шанса… Шанс людей в атомной бомбе… Какая гнусная ирония…

Он так и не развернул самолет и летел прямо. Впереди горная гряда. Он задрал ревущий мотором нос вверх и утонул в облаках…

***

Чистое небо разверзлось черной бездной внезапно. Оно было усыпано мириадами сверкающих бесценными бриллиантами звезд. И он увидел полную Луну. Ту самую, которую так и не достигли Андрей, Юра и тот безвестный индус что летел с ними. Он смотрел на нее как завороженный, вдруг ощутив, что ее печальный лик до боли напоминает ему Рану.

Луна… Звезды… А может все-таки дать людям опомниться и выжить? Еще может не поздно? Они смогут возродиться? Ведь еще не истлели последние книги, таящие в себе великие знания цивилизации. Еще звучит где-то музыка гениальных композиторов, что так вдохновляет людей и побуждает в них прекрасные чувства… И они поумнеют. Отстроятся. И полетят в один прекрасный день к этим звездам и на Луну. И ослабят свой нажим на родную планету. Только… Что тогда… Они распространят свою мерзость во всей вселенной? И потом кому-то придется переться уже не на Аляску, а в другую галактику, чтобы все это спасти? Что делать, черт возьми. Рана… Ну где ты… Подскажи.

И Рана заговорила с ним печальным ликом Луны:

— Самое волнующее и беспокойное, чувство охватывает человека, когда он с другим человеком. Самое удивительное чувство. Когда он с другим человеком. В общении, будь то язык жестов, тела, интимной близости и просто слов. Когда вдруг человек начинает осознавать, что тот, другой, при всей их непохожести… будь то разность полов, наций, религий… вдруг находят в себе общие черты, интересы, увлечения, мысли… чувства… И тогда ты понимаешь, что вы все едины… Люди всех наций и религий… Граждане всех стран… Все едины в своем разнообразии. Как разные цвета создают единое великолепие радуги. Как разные буквы создают слова, а слова строки поэмы, захватывающей книги или письма к любимому человеку. Как семь разных нот создают чудесную симфонию, которая будоражит чувства и разум таких разных людей… И в этом сила человека. Его надежда на будущее. Его шанс на бессмертие в единстве жизни на одной, единой живой планете которую создают разные растения и животные, люди и насекомые… Живой океан. Мы все — атомы. Из атомов рождаемся и в них превращаемся. И эти атомы снова превращаются. Или в камень или в живую плоть. В воду и воздух. И мы бессмертны в своем преображении, если только возможна сама жизнь. Так ответь себе, надо спасти жизнь и деть ей шанс, или пусть ХАРП воспользуется своим шансом все окончательно уничтожить?..

Все бело и ровный белый свет льется отовсюду. Рана стоит перед ним и ждет ответа. А за ее спиной… Тысячи людей. Вон Андрей. С ним Ульяна-Пчелка и еще какая-то женщина. Он все-таки нашел дочь, и жена признала его? Вон Гусляков. Вон… Кто это? Да это же Джуниор… Он в человеческом облике. Туранчокс со своей девицей. Молоденькая канибалка из кантины олигарха. Вон Юра… Участковый Дыбецкий со своей семьей. Убитые Варягом мародеры из гадовника. Турпо и Вейнард. Тысячи…

Тысячи людей… Вандалы, бандиты, черновики, конфедераты, гвардейцы, вавилонцы, Томас и Си Джэй… Тиббетс и Даладье… Они тут все вместе. Все, чьими жизнями был устлан их путь к ХАРПу. А может там, где-то в этой толпе его мать и Илья Крест? Они стоят и смотрят на него. И ждут. Ждут его решения. А значит, и ждут живые. Просто живые еще не знают, какая опасность нависла над ними. Не все еще знают. А мертвые уже давно все поняли. Они извлекли урок, потому что мертвые. Так неужели лишь смерть должна стать уроком для жизни? Смерть… Всего одна. Самопожертвование…

И Николай улыбнулся.

— Очень скоро, Рана, я, наконец, смогу обнять тебя и быть с тобой. И никуда я уже тебя не отпущу.

Была ли девица на соседнем сидении явлением самого ХАРПа, или просто разыгравшимся воображением блаженного, уже не важно.

Он развернулся и побежал навстречу бегущему в его сторону огромному черному на белом фоне кремниевому псу-стражу. Они неслись на встречу друг другу. Пес, чтобы добить жизнь. А Николай… Он ведь морлок. А морлок бросился в пасть вожаку люпусов, чтобы сжать ему челюсти руками и дать своим соплеменникам покончить с тварью. Он пожертвовал собой ради остальных…

***

Самолет завалился на правое крыло и стал резко разворачиваться. Только когда перед ним возникло красное сияние ХАРПа, он снова выровнялся и устремился вперед. Он принял решение. И все теперь решали минуты. Только бы хватило топлива и, только бы не подвела любимая девочка Людоеда…

Атомная бомба.

Реквием

Ночь надежно держала в своих объятиях долину, и только всполохи энергии установки часто разрывали ночную мглу, поднимаясь вверх и, окрашивая облака в красный светящийся цвет. Год за годом день сменял ночь, и ночь приходила вовремя на смену унылому сумрачному дню. Но сегодня все было по-другому. Сегодня в долине вспыхнуло солнце. Ярчайшая вспышка белого раскаленного света мгновенно обрела размеры огромного шара и, грохочущий кипящий невероятной температурой удар обрушился на пятнадцать гектаров антенн-излучателей, плавя их за доли секунды и испаряя прямо в ненасытную пасть

освобожденной ядерной энергии. Страшный удар обрушился на землю, и всесокрушающая волна вздыбила свинцовые тучи, разгоняя их от себя ровным кругом. Врезавшаяся в землю ударная волна забурлила и со сверхзвуковой скоростью устремилась в разные стороны, взламывая корку иссушенного излучением ХАРПа грунта, огромные массы снега, погибшие в этой адской долине деревья. Нестерпимый жар ударил по окутавшему все холоду и погнал его прочь гигантской стеной клубящейся пыли и водяного пара от испаренного снега. За предварительной ударной волной следовала не менее мощная, вторая, подгоняющая клубящийся ад и срывающая деревья с давно ими узаконенных мест. Но как только волна стала давать слабину, то в образованную ей пустоту тут же хлынул окружающий воздух, увлекая за собой обратно к эпицентру камни, пар, пыль, обломки деревьев и пепел. И в центре всего этого клекотал и переливался яркими огнями адского пламени гриб, вздымающий в очищенное от туч ночное небо исполинскую огненную шапку.

Сегодня в долине ХАРПа, через двадцать лет после атомной войны грянул запоздавший на долгие годы ядерный взрыв…

***

Люди были в растерянности. Они стояли на улице и в недоумении смотрели на небо, еще не до конца осознавая, что произошло. Тучи были где-то там, на горизонте. И это было непривычно. Утреннее небо был синим, похожим на разлитую, на белом листе ватмана жидко разведенную водой гуашь. И подобно возникающим на мокрой бумаге волдырям, отбрасывающим тени, небо местами было покрыто мазками небольших и с неясными очертаниями облаков. Серых и черных от свежего пепла.

Ветер дул на север и можно было не опасаться, что радиоактивные осадки от ночного взрыва выпадут в этом крохотном уголке сохранившегося человеческого общества. Горная гряда загораживала восходящее солнце, но вот-вот оно поднимется выше и засияет всем своим позабытым людьми великолепием. И настанет долгожданный настоящий день…

А люди были в растерянности… Они стояли на улице и в недоумении смотрели на небо… Все кроме двоих…

Вячеслав Сквернослов стоял на коленях в снегу и прижимал ко лбу сжатые кулаки. Он плакал. Он никогда раньше так не плакал. Но сегодня он потерял своего младшего брата. Самого близкого и родного человека.

Варяг стоял рядом и, положив руку на плечо Вячеслава,

опустошенным взглядом смотрел в снег. Он не мог понять, как могло так выйти, что не он, единственный оставшийся летчик повел самолет в бездну, а сделал это несмышленый юнец, который даже велосипед водить не умел. Он не понимал, почему ему, стареющему одинокому мужчине придется теперь жить, а молодой, начинающий жизнь Колька Васнецов испарился вместе с ХАРПом…

Рэймен вздохнул и с сочувствием посмотрел на своих убитых горем гостей. Сегодня ведь праздник избавления для всех людей. Но у этих двоих страшное горе и это самое обидное. Обидно, что людям так и не довелось найти другого решения.

— Stupid idiots! — орал направляющийся к ним решительным шагом Хорнет. — Vi dobilis svoego! Fucking assholes!

Рэймен перегородил ему путь и остановил его.

— Зачем ты кричишь, Дональд. Теперь ничего не изменить. Но ты пойми, что они спасли нас всех. Точнее он спас. Тот парень. Николай.

— Ты хоть понимаешь, что будет теперь? Нам нужен был ХАРП!

— Это ты так думаешь, или это внушил тебе сам ХАРП? — Морган усмехнулся.

— Да иди ты…

Варяг растер ладонью по своему лицу скупые слезы.

— Пошел ты на хрен, Дональд. Пошел-ка ты на хрен…

— Мистер Хорнет, сэр, — к Дональду подбежал один из его ополченцев.

— Да, — рявкнул тот в ответ.

— Можно вас на минутку?

Они отошли в сторону.

— В чем дело? — Хорнет продолжал хмуриться.

— В этой суматохе мы взяли Линча и Раковски. Что делать с ними теперь?

Дональд хмыкнул.

— Линча я судить хотел. Но после того как русские уничтожили ХАРП, у Линча прибавится сочувствующих, считающих, что мы позволили русским нанести по Америке очередной ядерный удар и лишить нас электричества. Сделай так, чтоб он был застрелен при попытке к бегству. И по-тихому. Без него его фракция распадется.

— А Мадлен Раковски?

— Живая она бесполезна, но при этом ее надо кормить. Ты будешь делиться с ней своей едой?

— Сэр, но я…

— Вот и делай выбор, — Перебил его Дональд.

— Я понял, сэр. А русские? Что с ними будет?

— Рэймен их опекает. — Хорнет задумался. — Вообще дайте им оружие и самый передовой рубеж. Стражи будут скоро здесь. Если русские погибнут как герои, защищая Хоуп Сити, это будет не плохо. Русские герои в Америке… Это символично и удобно для торга с Россией.

— А если они выживут?

— Если выживут… Что ж, живые русские герои облегчат нам контакт с Россией. Тоже не плохо.

Дональд стал уходить обратно в город, но ополченец снова окликнул его.

— Сэр, а зачем нам вообще контакт с этой Россией?

Хорнет остановился и, обернувшись, взглянул на своего бойца.

— Знаешь, Майкл, почему мы с тобой все еще имеем возможность ходить по этой планет и вот так разговаривать?

— Почему, сэр?

— Потому что ни Америка, ни Россия не израсходовали в ту войну и половины своего ядерного арсенала. Они нам нужны. Во всяком случае, на данном этапе.

Эпилога не будет

Берингов пролив трещал по швам. Огромные блины льдин толкались и рычали недовольно, расплескивая вокруг холодные темные волны. Впервые за столько лет шумело море. Оно проснулось. Прошло всего полтора месяца после уничтожения ХАРПа но планета уже просыпалась после долгой спячки в плену у льда и смертельно опасной установки. Планета зевала и потягивалась, ощущая свободу и строя планы на будущее. От ее зевоты дули пронзительные порывы ветра, подгоняющие ворчащий и взламывающийся лед. По небу плыли тучи, но они теперь не были связаны в свое многолетнее мрачное единство. То и дело в них виднелись большие просветы, через которые проглядывалась синева неба, и подмигивало планете яркое солнце.

— И что нам теперь, по льдинам перепрыгивать до самой Чукотки? — недовольно проворчал Сквернослов.

— Дурной? Искать будем другой путь. — Ответил Варяг, поправляя на плече автомат.

— Какой другой? Это самое короткое расстояние до России.

— Самый короткий путь, не саамы простой и достижимый. Будем искать. На юг пойдем.

На вершине ближайшей сопки показался белый медведь с желтоватым отливом шерсти. Он увидел людей и стал издали наблюдать за ними, нюхая воздух.

— Глянь, Славик, это не наш старый знакомый, что на крыше лунохода катался?

— Да пойди ж ты разбери. Эти медведи, все на одно лицо.

— Да нет. Он это. Цвета такого шкура у него. Как грязный. — Варяг улыбнулся.

Медведь издал громкий рык и, рядом с ним возникла крупная белоснежная самка.

— Точно он. Узнал нас, — засмеялся Яхонтов.

Вячеслав сдернул с плеча автомат и приготовил его к стрельбе.

— Славик, не надо. Они же сидят там и просто наблюдают.

— Ага, наблюдают, когда мы спиной к ним повернемся.

Возникший с той стороны сопки белый комок промчался между взрослых хищников и пытался вырваться вперед, но мамаша сгребла его лапой и усадила перед собой. Медвежонок почесал ухо, покрутился на месте и занял позу, подражая папаше. Зевнул и уставился на людей. Отец семейства снова издал рык.

— Ты только посмотри, Слава, у них детеныш. Здоровый. Ты

понимаешь?

— Что я должен понимать, — мрачно проговорил Сквернослов.

— Жизнь продолжается. Вот что.

— Н-да. Продолжается. Скажи это нашему Николаю блаженному.

Варяг вздохнул.

— Да… Коля, Коля… Но ты пойми, ради этого все и было. Ради жизни.

— Ну ладно, — Вячеслав лишь поморщился в ответ. — Я рад за этих зверушек. Нам то, что теперь делать?

— Как что. Искать дорогу домой. Непросто конечно. Но пока мы будем искать эту самую дорогу, нам будет, чем заняться и на этом континенте. Идем?

— Идем, — кивнул Сквернослов, бросая прощальный взгляд на семейство белых медведей.

И они направились на юг. Теперь два компаса, у Варяга и Вячеслава, показывали одно и тоже направление. И, скорее всего, все компасы теперь показывали один север, а значит один юг, восток и запад.

А Берингов пролив продолжал трещать по швам. И огромные блины льдин все толкались и рычали недовольно, расплескивая вокруг холодные темные волны. Сейчас ведь было лето…

***

Генерал Басов снова прислонил бинокль к лицу, глядя единственным глазом на подступающее к Надеждинску буйство зелени, растущей с такой скоростью, словно пыталось наверстать все упущенные годы. Он стоял на втором этаже полуразрушенного здания на окраине города. Подвал и первый этаж были давно затоплены. Здесь, с восточной стороны Надеждинска, было одно из немногих мест, где к городу можно было подобраться без помощи плота или лодки. По суше. А значит, сюда могли подойти и звери. Новые люпусы. Страшная напасть, обрушившаяся на их город с внезапно наступившей весной. И хотя сейчас по календарю была глубокая осень, лето никак не уступало своих позиций. Зелень не желала желтеть, и растительность рвалась из почвы и болота с поразительным упорством.

Со дня, когда в тучах появился первый просвет, открывший взору синее небо, прошло почти полгода. Это были очень не простые полгода. Очень быстро стал таять снег, и начались

проливные дожди. За считанные дни были затоплены обжитые подвалы города. Весь привычный уклад жизни был снов разрушен, как и двадцать лет назад ядерной войной. Но в этот раз, очнувшейся природой. Ока вышла из берегов. Это было беспорядочное бегство людей из подвалов на верхние этажи еще стоявших зданий Надеждинска. Тогда еще держались холода, а здания уже долгие годы были не приспособлены для сохранения тепла и согревания людей. И люди гибли. Потом стало тепло. Но не стало легче. Начались эпидемии. И люди гибли.

Казалось, что природа, очнувшись, была неприятно удивлена тем, что люди еще живы. Казалось, что в планах природы и самой жизни людей уже нет. И беды обрушились на людей с невероятной силой. Наводнения, болезни, ураганы… Даже когда снега и лед растаяли, стало труднее с питьевой водой. Раньше ее добывали из снега, который был повсюду. Но теперь в тепле плодились болезнетворные бактерии. Перу месяцев назад уровень воды вокруг стал резко падать. Казалось, что станет легче. Нет. Снова не стало легче. Если до этого можно было передвигаться на лодках, то теперь всюду были топи и болота. Лишь редкие участки были проходимы для человека. Но по болотам могли передвигаться эти твари. Новые люпусы, что пришли с севера. Их широкие лапы, с помощью которых они раньше с легкостью передвигались по снегу, позволяли им проходить и топи. Эти звери отличались от старых видоизмененных волков одиночек. Эти были стайные. Они обладали жутким свойством сводить с ума. Зомбировать. Пока еще Надеждинск окружала вода, было легко справляться с их натиском. Они не плавали. Ядерная зима, в которой они родились, не знала водоемов, в которых они могли плавать. Но рано или поздно мог сработать инстинкт и умение их предков, обычных волков. Или рано или поздно воды сойдут. Ведь уровень воды падал. После того как три группы искателей погибли, больше не было даже той тонкой связи с окружающим миром. Надеждинск жил в осаде, в которой уже не было никакой надежды. Резкое изменение климата и отступление ядерной зимы принесли множество смертей в город. Не холод. Не снежные черви, которые вымерли из-за резко изменившихся условий. Не землетрясения, которые прекратились с приходом весны. Сама весна и пробуждение жизни несли людям смерть. Даже большая община язычников, что пришла в Надеждинск ища спасения от перемен, не могла пополнить те потери, которые понес город.

Генерал понимал, что они обречены. Но он не хотел думать о поражении. Если им осталась неделя, то прожить ее надо в борьбе. И смерть в борьбе и с оружием в руках, никакое не поражение. Он смотрел на окружающий топкий лес и одну из

немногих тропу, по которой Новые люпусы могли подойти вплотную к городу и, думал не о том, что смерть неизбежна. Он думал о том, что надо искать выход. То, что случилось вчера, навело его на мысль о том, что этот выход может быть. Вчера вернулась группа охотников, которых уже три дня считали погибшей. Никто не мог долго находиться в лесу. Но они вернулись без потерь. И это люди, которые заблудились и оказались в ловушке и были окружены стаей Новых люпусов. Как такое могло быть? Эти звери не оставляли жертвам никаких шансов…

— Ну что ты молчишь, Малашенко? — проворчал Басов, не отрываясь от бинокля.

— А сколько можно рассказывать? — вздохнул молодой командир охотников. — Все равно никто нам не верит. И вся община смеется над нашей историей.

— Я не вижу ничего смешного. И я стараюсь понять, как вы спаслись. И почему, черт возьми, вы не взяли с собой компас?

— Ты же знаешь, что компасам до сих пор многие не доверяют. Уж за столько лет привыкли что…

— Я знаю про других. Но ты командир группы. Это была твоя обязанность.

— Я забыл, генерал. — Малашенко повесил голову.

— Ладно. Про твою забывчивость в таком важном деле мы после поговорим. Кто спугнул этих тварей, ведь они ни черта не боятся?

— Ну… Они обложили нас. Все. Плотным кольцом. И нас уже плющить начало. Они воют по-своему. Мозги уже накрывает. Мы из последних сил разума сообразили сбиться в кучу и гранаты приготовили, чтобы себя взорвать и им не достаться. В глазах плывет. И тут такой звук… Ну, как сирена воздушная. Рев такой жуткий. И мы понимаем, что это живое существо. И вроде резко отпускать начало. Все поднять голову бояться. Этого рева боятся. А я поднял голову и посмотрел. И смотрю, драпают люпусы. Никогда такого не видел. Уши прижали. Хвосты поджали и тикают кто куда. Я ошалел просто. И вижу, утес на берегу реки. А на самом краю утеса, прям как памятник, огромный зверь. Гигантский люпус стоит. И… И на нем… — Малашенко замолчал.

— Ну. Ну же. — Басов нахмурил единственный глаз.

— Дьявол верхом на люпусе. В черной накидке с капюшоном на голове. И пулемет в руках держит. Ну, просто дьявольски все это выглядит.

— Дьявол с пулеметом верхом на гигантском люпусе. — Хмыкнул стоявший в стороне Эмиль Казанов, который тоже наблюдал в бинокль. — А пулемет какой?

— Слушайте, ну вот на кой черт мне все это рассказывать, если мне не верит никто? Вот и Эмиль стебеться! — взорвался Малашенко.

— Тише! — повысил голос Басов. — Ты уверен в том, что ты рассказываешь?

— Я говорю то, что видел.

— Видел или привиделось? Это ведь разные вещи.

— Да откуда мне знать? Но факт в том, что эта хрень спасла нас. Вольно или не вольно, но спасла. И вообще, если всякую чертовщину отбросить, то думается мне, что это баба была.

— Какая баба?

— Верхом на люпусе. Баба это.

— Почему так считаешь?

— Да по комплекции сужу. Конечно, из-за плаща трудно судить. Но из-под капюшона волосы золотистые свисали. Да и… Люпус тот большой конечно. Но не лошадь ведь. С мужиком на хребте трудно ему пришлось бы.

— Может, все-таки галлюцинация была? — продолжал Басов.

— А твари отчего тогда разбежались?

— Блин. Кажется теперь и у меня галлюцинация, — подал голос Эмиль.

— Что такое? — Басов повернул голову в его сторону.

— Либо в кустах люпус мне мозги полощет, либо я вижу Эрнеста Гевару.

— Кого? — поморщился генерал.

— Че Гевару.

— Где?!

— Вон. Туда смотри. Правее чуть…

Басов снова прильнул к своему биноклю.

— Ага. Вижу. Человек идет. Невероятно. Он же оттуда где все кишит люпусами. Может зомби? Далековато, как ты его разглядел вообще?

— У меня же два глаза, — усмехнулся Казанов.

— Очень смешно, твою мать, — Резко ответил Басов. — Гляди-ка. Остановился. Рукой нам машет?!

— Он же не может нас видеть, — пробормотал Эмиль…

Он действительно помахал рукой и продолжил свой путь к Надеждинску. Усталый, прихрамывающий, но с решительной улыбкой на устах. Хромовые ботинки с высоким берцем целеустремленно подминали, свежую траву, а деревянный посох давал ему уверенности в твердости грунта впереди и помогал справиться с хромотой. Он в черном мундире и при оружии. Кобура и меч на портупее. Автомат на плече. Из-под черного берета свисают давно не стриженные, черные волосы, с седыми

висками и челкой. Лицо соскучилось по бритве. Он шел вперед. Только еще один раз остановился у развесистого клена уже недалеко от скрытого зарослями полуразрушенного дома, где стояли посты ополчения и сам генерал Басов. Стал разглядывать низко свисающие листья.

— Что он там увидел? — спросил Генерал.

— Он, кажется, гусеницу разглядывает. — Ответил Эмиль.

— Гусеницу? Зачем?

— Не знаю. На ботаника непохож вроде.

— Ботаники растения изучают. А гусениц энтомологи. — Поправил Малашенко.

— Не умничай, капитан.

— Товарищ генерал, — послышался голос стрелка передового поста, что был у дальнего окна. — Что делать с ним? Он вооружен.

— Ничего пока. Оружие висит стволом вниз. Сейчас побеседуем. Но на мушке его держите.

Человек в черном улыбнулся греющемуся на кленовом листе тутовому шелкопряду и пошел дальше. Он приблизился, наконец, к дому и, подняв голову, козырнул генералу.

— Я вас приветствую. — Сказал незнакомец. — Вы генерал Басов?

— Откуда вы знаете? — строго спросил Басов.

— А у вас внешность узнаваемая. Уж простите за дерзость. — Незнакомец улыбался.

Генерал нахмурился.

— Допустим. Вы кто?

— Ну, коль уж вы генерал авиации без авиации, то я, извольте, адмирал без флота.

Малашенко высунулся из окна.

— Послушайте, адмирал, вы в лесу не видели большого люпуса с бабой верхом на нем?

— Весьма эротичное зрелище, — усмехнулся незнакомец. — Я собственно пришел сюда с парой дел. Первое, это попросить вас не стрелять когда сюда придет этот самый люпус и его наездница. Они друзья.

— Откуда нам знать, что они друзья? — ответил Басов.

— Ну, так ведь ваши молодчики живы благодаря им. Это ли не показатель?

— Допустим. Какое еще дело?

— Я уполномочен доставить вам послание от Старшины сибирской республики. От Вавилонии и Уральского братства. От конфедерации Москвы. На повестке дня вопрос о возрождении Российской державы. Приглашаю к сему процессу

присоединиться. Вот только помогу вам со зверьками, что докучают вам разобраться и начнем.

Басов покачал головой. Вон оно как. Они значит, тут погибают в осаде и болотах. А там какие-то республики, конфедерации и прочее, государственность возрождают. Не все так плохо значит?

Тем временем незнакомец огляделся. Развел руками, указывая на бурную растительность вокруг, и произнес.

— А ведь им удалось, а! Плохо ли стало. Хорошо ли. Вопрос другой. Но они это сделали!

— Кто? Что сделали?

— Варяг Яхонтов. Андрей Макаров. Юра Алексеев. Славка Сквернослов. Колька Васнецов. Они сделали это. ХАРПа больше нет!

Басов вытаращил на него свой единственный глаз.

— Кто вы?!

Незнакомец почесал бороду, изображая застенчивую улыбку.

— Вы только не пугайтесь. Но друзья обычно называют меня… **ЛЮДОЕД…**

***

ЧЕЛОВЕК! ПОМНИ! У ТЕБЯ ОДИН МИР! ОДНА ПЛАНЕТА! ОДНА ЖИЗНЬ! А ЗНАЧИТ ВСЕГО ОДИН ШАНС!

ВТОРОГО ШАНСА НЕ БУДЕТ!

4.07.2009 г. Сурен Цормудян